

РУССКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

**КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ ПОБЕДОНОСЦЕВ
В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ,
РЕЧАХ И ПИСЬМАХ**

РУССКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

Жизнеописания, воспоминания и дневники выдающихся русских людей – святых и подвижников, царей и правителей, воинов и героев, мыслителей, писателей, деятелей культуры и искусства, создавших Великую Россию.

Аксаков И. С.
Аксаков С. Т.
Александр III
Александр Невский
Алексей Михайлович
Андрей Боголюбский
Антоний (Храповицкий)
Баженов В. И.
Белов В. И.
Бердяев Н. А.
Болотов А. Т.
Боровиковский В. Л.
Булгаков С. Н.
Бунин И. А.
Васнецов В. М.
Венецианов А. Г.
Верещагин В. В.
Гиляров-Платонов Н. П.
Глазунов И. С.
Глинка М. И.
Гоголь Н. В.
Григорьев А. А.
Данилевский Н. Я.
Державин Г. Р.
Дмитрий Донской
Достоевский Ф. М.
Екатерина II
Елизавета
Жуков Г. К.
Жуковский В. А.
Иван Грозный

Иларион митрополит
Ильин И. А.
Иоанн (Снычев)
митрополит
Иоанн Кронштадтский
Иосиф Волоцкий
Кавелин К. Д.
Казаков М. Ф.
Катков М. Н.
Киреевский И. В.
Клыков В. М.
Королев С. П.
Кутузов М. И.
Ламанский В. И.
Левицкий Д. Г.
Леонтьев К. Н.
Лермонтов М. Ю.
Ломоносов М. В.
Менделеев Д. И.
Меньшиков М. О.
Мещерский В. П.
Мусоргский М. П.
Нестеров М. В.
Николай I
Николай II
Никон (Рождественский)
Нил Сорский
Нилус С. А.
Павел I
Петр I
Победоносцев К. П.

Погодин М. П.
Проханов А. А.
Пушкин А. С.
Рахманинов С. В.
Римский-Корсаков Н. А.
Рокоссовский К. К.
Самарин Ю. Ф.
Семенов Тянь-Шанский П. П.
Серафим Саровский
Скобелев М. Д.
Собинов Л. В.
Соловьев В. С.
Солоневич И. Л.
Солоухин В. А.
Сталин И. В.
Суворин А. С.
Суворов А. В.
Суриков В. И.
Татищев В. Н.
Тихомиров Л. А.
Тютчев Ф. И.
Хомяков А. С.
Чехов А. П.
Чижевский А. Л.
Шаляпин Ф. И.
Шарапов С. Ф.
Шафаревиц И. Р.
Шишков А. С.
Шолохов М. А.
Шубин Ф. И.

КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ ПОБЕДОНОСЦЕВ

**В ВОСПОМИНАНИЯХ
СОВРЕМЕННИКОВ,
РЕЧАХ И ПИСЬМАХ**

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2016

УДК 323.2
ББК 63.3(Рос)8
П 41

Константин Петрович Победоносцев в воспоминаниях современников, речах и письмах / Сост., предисл. и коммент. С. В. Лебедев, К. А. Киятов. / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2016. — 624 с.

В книге представлены воспоминания о жизни и деятельности Константина Петровича Победоносцева (1827–1907), великого русского мыслителя, юриста, педагога и политического деятеля. Один из создателей русского гражданского права, выдающийся организатор народного просвещения Победоносцев четверть века (1880–1905) возглавлял Святейший Синод и руководил не только русской Церковью, но и был фактически вторым человеком в стране.

Как русский мыслитель он считал, что только православная вера, которую русский народ «чувствует душой», способна давать целостную истину. Победоносцев последовательно отстаивал идеал монархического устройства, называя западную демократию «великой ложью нашего времени». В своих трудах он убедительно критикует основные устои западной государственности, видя ее главные пороки в псевдонародовластии и парламентаризме, ибо они «рождают великую смуту», затуманивая «русские безумные головы».

В оформлении обложки использованы картины:

А. В. Маковский. Портрет обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева;

И. Е. Репин. Торжественное заседание Государственного Совета 7 мая 1901 года, в день столетнего юбилея со дня его учреждения.

ISBN 978-5-4261-0151-7

© Институт русской цивилизации, 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Константин Петрович Победоносцев [21 апреля (3 мая) 1827 – 10 (23) мая 1907] вошел в историю как выдающийся российский государственный деятель, ученый-правовед, светский руководитель Церкви, писатель и публицист. Четверть века (1880–1905) занимая не такую уж важную в административной системе Российской империи должность обер-прокурора Святейшего Синода, благодаря близости к монархам Константин Петрович стал фактически вторым человеком в стране. И очень многое, что произошло в те годы в области политики, экономики и культуры России, связано с ним и носит отпечаток его незаурядной личности. Время, когда Победоносцев определял очень многое в русской жизни, обычно обозначают скучным понятием «конец XIX – начало XX вв.». Но ведь это время и стало во многом эталоном, с которым сверяли все достижения и потери в веке двадцатом.

И все же отставка Победоносцева в октябре 1905 года не была уходом на заслуженный отдых после хорошо выполненной работы. Подуличное беснование так называемой первой русской революции и освидетствование «свободной» (от всяких приличий) прессы Победоносцев уходил, вероятно, с чувством глубокой горечи. Его поливали грязью не только либералы и революционеры, но и единомышленники из монархистов считали государственную деятельность Победоносцева чуть ли не причиной революции. Сам же Константин Петрович со свойственным ему чувством ответственности и не пытался оправдываться, считая, что действительно виноват, что не все сделал для сохранения традиционной православно-самодержавной России.

10 марта 1907 года Константина Петровича не стало. Заупокойная литургия и отпевание были совершены в домовой церкви Победоносцевых (на территории Воскресенского Новодевичьего женского монастыря в Петербурге). После большевистской революции 1917 года церковь была разорена.

Пресса откликнулась на кончину Победоносцева некрологами, в большинстве своем резко негативными по отношению к покойному. Известный в то время писатель А. В. Амфитеатров, сын знаменитого священника, которого Победоносцев хорошо знал и оказывал помощь, не постеснялся произнести у свежей могилы слова сожаления о том, что ни одно из покушений на обер-прокурора Синода не удалось. Он же вскоре выпустил целую книгу-памфлет, в которой не пожалел яду в адрес Победоносцева, называя его эпитетами вроде «Великий инквизитор», «ходячая дисциплина рясы», «государственный палач России», «жонглер волями высокопоставленных», «вездесущий, всеслышащий, всеотравляющий», «дикий кошмар русской истории». (Это только наиболее приличные слова.) К сожалению, последовавшие вскоре после смерти Победоносцева политические события не способствовали объективной оценке этого политического деятеля. И только теперь исследователи обратились к жизни и политике Победоносцева. И хотя говорить об исторической реабилитации Победоносцева пока еще преждевременно, все же только теперь становится понятным настоящая историческая роль Константина Петровича в российской жизни своего времени.

Победоносцев родился в семье профессора Московского университета. Несколько поколений его предков были священниками, и только его отец Петр Васильевич (1771–1843) стал светским ученым. Впрочем, семья Победоносцевых отличалась религиозностью и крепостью своего традиционного быта. Кстати, Константин был младшим, 11-м по счету ребенком Петра Васильевича Победоносцева. Как видим, по происхождению Константин Победоносцев не принадлежал к высшим классам

империи. Его блестящая карьера в науке и политике была всецело результатом его интеллекта, неустанного труда и человеческой порядочности. Именно эти качества, совершенно не присущие придворному, и сделали Победоносцева советником двух монархов.

Окончив Училище правоведения в 1846 году, он начал службу в одном из департаментов Сената, медленно продвигаясь по ступеням служебной лестницы. Однако Победоносцев не стремился только к карьере чиновника. Отличаясь глубокими познаниями в истории и юриспруденции, обладая прекрасным литературным стилем, Победоносцев вскоре получил известность своими статьями. В дальнейшем Победоносцев занял кафедру гражданского права в Московском университете. Способности молодого юриста были замечены, и с 1863 года Победоносцев преподавал законоведение Великим Князьям. Так Константин Петрович оторвался от служения науке и стал человеком, от которого зависело принятие многих политических решений.

Переехав в Петербург, Победоносцев стал сенатором, членом Государственного Совета, членом комиссии для рассмотрения всеподданнейших отчетов по Министерству народного просвещения. В 1880 году Константин Петрович назначен обер-прокурором Святейшего Синода, возглавив, таким образом, Русскую Православную Церковь. При всех выдающихся способностях Победоносцева в значительной мере его карьера все же объяснялась дружбой с наследником престола Александром Александровичем, ставшим 1 марта 1881 года новым императором. Для Александра III, особенно в первые годы царствования, обер-прокурор Святейшего Синода стал первым наставником и советником. Это сделало его одним из самых могущественных людей России. При этом Победоносцев никогда не использовал свое влияние на монарха для собственного обогащения. Император внимательно читал записки Победоносцева по важнейшим делам внутренней политики и в основном следовал рекомендациям обер-прокурора.

Но по-настоящему Победоносцев сыграл выдающуюся роль в истории в марте 1881 года. Буквально накануне гибели Александр II подписал проект министра М. Т. Лорис-Меликова о привлечении выборных от земств в Государственный Совет, что превращало его в парламент. Фактически это означало введение в стране конституции. Однако 1 марта 1881 года император был убит. Революционный кризис достиг вершины.

Период с 1 марта по 29 апреля 1881 года был одним из самых драматичных и переломных в российской истории. Останется ли Россия самодержавной монархией или бросится в неизведанные преобразования, чреватые народнической революцией под социалистическими лозунгами, – все это в громадной степени зависело от одного человека – только что вступившего на престол Александра III. Новый император колебался, не решаясь ни одобрить, ни отвергнуть лорисовскую конституцию. Его министры и советники также не могли прийти к общему выводу. 8 марта 1881 года на совещании Комитета Министров произошла решающая схватка охранителей с конституционалистами. При голосовании «за» проект Лорис-Меликова высказались 9 участников, «против» – 5. Однако на нового императора произвела речь К. П. Победоносцева, яростно выступившего не столько против проекта Лорис-Меликова, сколько против конституционного принципа вообще.

Выступление К. П. Победоносцева покончили с колебанием Александра III, поддержавшего меньшинство. Конституционный проект Лорис-Меликова был отвергнут.

29 апреля 1881 года во всех церквях России был зачитан написанный Победоносцевым «Манифест о незыблемости самодержавия»:

«О призыве всех верных подданных к служению верою и правдою Его Императорскому Величеству и Государству, к искоренению гнусной крамолы, к утверждению веры и нравственности, доброму вос-

питанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений России.

Объявляем всем верным Нашим подданным: Богу, в неисповедимых судьбах Его, благоугодно было завершить славное Царствование Возлюбленного Родителя Нашего мученической кончиной, а на Нас возложить Священный долг Самодержавного Правления.

Повинуясь воле Провидения и Закону наследия Государственного, Мы приняли бремя сие в страшный час всенародной скорби и ужаса, пред Лицем Всевышнего Бога, веруя, что, предопределив Нам дело Власти в столь тяжкое и многотрудное время, Он не оставит Нас Своею Всесильной помощью. Веруем также, что горячие молитвы благочестивого народа, во всем свете известного любовью и преданностью своим Государям, привлекут благословение Божие на Нас и на предлежащий Нам труд Правления.

В Бозе почивший Родитель Наш, прияв от Бога Самодержавную власть на благо вверенного Ему народа, пребыл верен до смерти принятому Им обету и кровию запечатлел великое Свое служение. Не столько строгими велениями власти, сколько благостью ея и кротостью совершил Он величайшее дело Своего Царствования – освобождение крепостных крестьян, успев привлечь к содействию в том и дворян-владельцев, всегда послушных гласу добра и чести; утвердил в Царстве Суд и подданных Своих, коих всех без различия соделал навсегда свободными, призвал к распоряжению делами местного управления и общественного хозяйства. Да будет память Его благословенна вовеки!

Низкое и злодейское убийство Русского Государя, посреди верного народа, готового положить за Него жизнь свою, недостойными извергами из народа – есть дело страшное, позорное, неслыханное в России и омрачило всю землю нашу скорбию и ужасом.

Но посреди великой Нашей скорби Глас Божий повелевает Нам стать бодро на дело Правления в уповании на Божественный Промысел, с верою в силу и истину Самодержавной Власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений.

Да ободрятся же пораженные смущением и ужасом сердца верных Наших подданных, всех любящих Отечество и преданных из рода в род Наследственной Царской Власти. Под сению Ея и в неразрывном с Нею союзе земля наша переживала не раз великия смуты и приходила в силу и в славу посреди тяжких испытаний и бедствий, с верою в Бога, устрояющего судьбы ея.

Посвящая Себя великому Нашему служению, Мы призываем всех верных подданных Наших служить Нам и Государству верой и правдой к искоренению гнусной крамолы, позорящей землю Русскую, – к утверждению веры и нравственности, – к доброму воспитанию детей, – к истреблению неправды и хищения, – к водворению порядка и правды в действии учреждений, дарованных России Благодетелем ея, Возлюбленным Нашим Родителем.

Дан в С.-Петербурге, в 29-й день Апреля, в лето от Рождества Христова тысяча восемьсот восемьдесят первое, Царствования же Нашего в первое»¹.

Либеральные министры один за одним получили отставку. В мае был уволен М. Т. Лорис-Меликов, а всего за первые 7 месяцев правления Александра III из 9 ведущих министров отставку получили 8. Однако это еще не означало отказа от определенных политических реформ.

Новый министр внутренних дел, граф Николай Павлович Игнатьев, выдающийся дипломат, однако несколько оторвавшийся за годы дипломатической деятельности за рубежом от многих обстоятельств русской жизни, выступал с инициативой созыва к коронации Земского Собора. По его просьбе, известный историк П. Д. Голохвастов разработал конкретный план созыва Собора. По этому проекту предполагалось созвать для Собора 3 500 депутатов («соборных чинов»). 60% депутатов должны были составить крестьяне. Были предусмотрены нормы пред-

¹ Государство Российское: власть и общество. С древнейших времен до наших дней. Сборник документов. Под ред. Ю. С. Кукушкина. М.: Изд-во Моск. университета, 1996. С. 233–235.

ставительства от всех сословий, инородцев. Интересно, что не было предусмотрено представительство от помещиков (дворянская курия не разделялась на поместное или беспоместное дворянство). Манифест о созыве Собора Игнатъев предлагал опубликовать 6 мая 1882 года, в 200 годовщину закрытия последнего в истории Земского Собора, а также в день именин наследника престола, будущего царя Николая II.

Одновременно Н. П. Игнатъев разослал циркуляр губернаторам, впервые в истории России опубликованный в печати, в котором обещал не ущемлять права земств и призвать «сведущих людей» для обсуждения местных нужд. Таким образом, соборный проект начинал претворяться в жизнь.

Однако Земский Собор так и не был созван. К. П. Победоносцев увидел во всех соборных начинаниях угрозу самодержавию. Он опасался, что Земский Собор превратится во что-то вроде французских Генеральных Штатов 1789 года. Этими опасениями он поделился с императором. В результате на совещании министров с участием царя в Гатчине 27 мая 1882 года проект Игнатьева был отвергнут, а сам он получил отставку. 31 мая новым министром был назначен Дмитрий Андреевич Толстой, ранее, в 1865–1880 гг., занимавший должность обер-прокурора Святейшего Синода, то есть предшественник Победоносцева на этой должности.

Закономерен вопрос: не был ли страх Победоносцева и его сторонников перед революцией беспочвенным? Малочисленность революционных организаций, насчитывающих не более нескольких сотен человек, отсутствие народной поддержки, что показал провал «хождения в народ» и само обращение к террору, также свидетельствует о невозможности массового движения в тех конкретных обстоятельствах. Но Победоносцев хорошо знал историю Французской революции и помнил, что в 1789 г. почти все будущие вожди якобинцев были еще искренними роялистами и добрыми католиками, а радикальные республиканские идеи отстаивал только Ж.-П. Марат. Перед падением

Бастилии, при дискредитации абсолютизма и популярности философии Просвещения, во Франции еще не было революционных партий в том значении, в котором они появились в XIX веке. Русские охранители любили повторять вопрос французского историка И. Тэна: «Сколько революционеров было во Франции в 1788 году»? Однако под влиянием «силы обстоятельств», в первую очередь слабости правительства, крайние радикалы завоевали массовую поддержку населения благодаря агитации в газетах и речах в Учредительном собрании. Таким образом, в принципе и народовольцы могли завоевать массовую поддержку, особенно используя в качестве средства пропаганды трибуну Земского Собора или другого представительного учреждения. Таким образом, сразу же после издания конституции и созыва в России парламента наступила бы не «свобода», а разразился бы кровавый хаос революции. Думается, что Победоносцев и Александр III действительно в тот момент остановили Россию буквально перед самой бездной.

В первой половине 1880-х гг. правительственный курс во многом определяли три человека – Победоносцев, министр внутренних дел Дмитрий Андреевич Толстой и замечательный журналист Михаил Никифорович Катков. Этот «триумvirат» провел многие преобразования. Было разгромлено революционное движение. В России происходил бурный экономический подъем, развивались наука и искусство. Правда, время «триумvirата» было коротким. Катков умер в 1887 году, через два года не стало Д. А. Толстого. Сам Победоносцев, по мере того, как его ученик Александр III, набравшись практического опыта государственного управления, стал править самостоятельно, все больше отходил от непосредственного участия в политических делах, сосредоточившись на проблемах Церкви, народного просвещения и защиты традиционных духовных ценностей.

Непосредственно в заслугу Победоносцеву можно поставить усиление роли Православия в русской жизни. Достаточно сказать, что в 1880–1894 гг. в России строилось по 250 храмов в год, было крещено

234 тысячи иноверцев. Однако ни безверие, ни религиозное сектантство так и не были преодолены. Попытка бороться с этими явлениями полицейскими мерами только дискредитировала руководство Синода, лично Победоносцева и Церковь в целом. Религиозно ищущие люди, не находя себе пути в условиях существующего порядка вещей, нередко искали Бога вне Церкви. Различные сектанты типа хлыстов, молокан, штундистов, пашковцев испытывали постоянный приток желающих приобщиться к их лжеучениям. «Властителями дум» России того времени были Владимир Соловьев и Лев Толстой. Каждый из них был противником официальной Церкви. Как ни печально, но из среды духовенства вышли такие одиозные деятели, как провокатор Гапон или авантюрист, лишенный сана, Григорий Петров, ставший даже депутатом Государственной Думы от партии кадетов. Конечно, в семье не без урода, но все же наличие таких недостойных служителей Церкви может быть упреком обер-прокурору Святейшего Синода.

Огромны достижения Победоносцева в развитии народного образования в России. Как справедливо отмечали многие российские педагоги, в основном русская школа середины XIX века, помимо того, что была космополитичной, занималась только «научением», а не воспитанием. А ведь задача школы – не просто дать ученику определенную сумму знаний, но и сделать из него гражданина. Главным средством воспитания народа, по мысли Победоносцева, должны были стать церковноприходские школы (ЦПШ). Подобно классическим гимназиям, только на ином уровне, церковноприходские школы должны были в первую очередь иметь воспитательную, а уже затем – образовательную функцию. Не случайно центральной фигурой в ЦПШ был священник, совмещающий в себе также и учителя.

Развитие ЦПШ под руководством К. П. Победоносцева шло быстрыми темпами. В 1880 году в России было 273 церковноприходских школы, а к концу деятельности К. П. Победоносцева на посту обер-прокурора Св. Синода в 1905 году их было уже 43 696 с 1 782 883 уча-

щимися. Вплоть до 1917 года ЦПШ были главным распространителем грамотности на селе.

Но к началу XX столетия достижения обер-прокурора Святейшего Синода уже не выглядели особо значительными. Сам К. П. Победоносцев старел, а достойных преемников у него не находилось. В 1893 году чиновник Аполлинарий Николаевич Львов (1848–1901), хорошо знавший Победоносцева, записал в своем дневнике: «Победоносцев сильно устарел и одряхлел. Никто не верит в долговечность и его самого, и его начинаний. Да и у него нет энергии»¹.

В 1905 году Победоносцев ушел в отставку, уступая место более молодым деятелям. Увы, они оказались не способны раздавить гидру революции.

Так кем же был Победоносцев как человек и политик? Сам Константин Петрович был человеком замкнутым, склонным к уединенной кабинетной работе. Довольно мало людей могли считать себя его друзьями. Правда, самым искренним другом Победоносцева был его благодарный ученик – император Александр III. Настоящая дружба связывала Победоносцева с Достоевским в последние годы жизни великого писателя. Победоносцев всегда относился к людям в зависимости от их патриотической и христианской позиции. Он поддерживал известного публициста В. В. Розанова, когда тот начинал как публицист славянофильского направления. Но когда Розанов под влиянием окружения стал писать по «вопросам пола», проповедуя сексуальную неразборчивость, то Победоносцев разорвал с ним отношения. Выдающийся историк В. О. Ключевский всегда был непримиримым критиком Победоносцева, но тот, высоко ценя научные достижения историка, способствовал изданию трудов Ключевского.

Чтобы ответить на вопрос, кем же был Константин Петрович как личность, необходимо обратиться к запискам тех русских деятелей политики и культуры, которые знали Победоносцева лично. Их суждения,

¹ «Князя церкви» (Из дневника А. Н. Львова) // Красный архив. 1930. Т. 3. С. 110.

разумеется, весьма пристрастные, все же показывают многие грани незаурядной личности Победоносцева.

О любой личности всегда многое свидетельствует манера речи и публичных выступлений. Победоносцев был одним из самых выдающихся ораторов России позапрошлого века, хотя он не прибегал к привычным в те времена манерным завываниям, заламыванию рук и прочим риторическим ухищрениям, а только говорил ровным голосом четко и определенно, излагая факты. Но именно это делало Победоносцева непобедимым в спорах. Его речь 8 марта 1881 года о конституционном проекте Лорис-Меликова, несомненно, стала самой важной политической речью в России XIX столетия. Разумеется, эта речь была порождена страшными конкретными обстоятельствами времени. Чтобы оценить Победоносцева как оратора, необходимо вспомнить его речи более спокойного времени, посвященные юбилеям великих исторических событий, каким было, например, 900-летие Крещения Руси. В этой речи Победоносцев изложил не столько лично свой, сколько истинно русский взгляд на нашу национальную историю и место в ней основы нашей духовности – Православия.

Наконец, свою душу человек во многом открывает в своих письмах. В XIX веке писали письма весьма охотно, и переписка Победоносцева интересна нам не только как исторический памятник, но и как окно во внутренний мир этого государственного человека поневоле, вынужденного оставить ученые занятия ради защиты государства и традиционного политического устройства.

И тогда образ грозного обер-прокурора Святейшего Синода станет нам, людям XXI века, ближе и понятнее.

С. В. Лебедев

I. БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ ПОБЕДОНОСЦЕВ,

*действительный тайный советник,
член Государственного Совета и Комитета Министров,
сенатор, статс-секретарь, обер-прокурор Святейшего Синода*

Дед его, Василий Степанович, был священником в Москве и скончался в 1805 году. Отец, Петр Васильевич (1771–1843), был профессором русской словесности в Московском университете, под руководством которого воспитывалось много вельмож первой четверти настоящего столетия, живших тогда в Москве. Константин Петрович родился в 1827 г. По окончании курса в Императорском училище правоведения в 1846 г. с чином IX класса поступил на службу 15 июня 1846 г. в московские департаменты (7-й и 8-й) Правительствующего Сената; занимая здесь последовательно должности помощника секретаря, секретаря и, наконец, обер-секретаря, он в то же время не прекращал своих научных занятий, печатая свои труды в «Русском вестнике». С 1860 по 1865 г. занимал кафедру гражданского права в Московском университете. В 1880 г. был приглашен в С.-Петербург для преподавания законоведения Их Императорским Высочествам вел. князьям Николаю Александровичу, Александру Александровичу и Владимиру Александровичу. В то же время принимал участие в трудах комиссии по преобразованию судебных уставов. В 1863 г. сопровождал Наследника Цесаревича Николая Александровича в его

путешествии по России, которое он последовательно (1864) описал в книге «Письма о путешествии Наследника Цесаревича по России от Петербурга до Крыма». С 1862 по 1865 г. опять служил в московских департаментах Сената, сначала в 6-м – чиновником за обер-прокурора столом 2-го отделения, а затем в 8-м в должности обер-прокурора департамента. В 1865 г. переехал в Петербург, где был назначен членом консультации Министерства юстиции. В 1868 г. назначен сенатором присутствующим во 2-м департаменте; в том же году перемещен в гражданский кассационный департамент, в 1872 г. – назначен членом Государственного Совета, с присутствием в департамент гражданских и духовных дел, а с 1880 г. – состоит обер-прокурором Св. Синода и членом Комитета Министров. С 1877 г. ежегодно назначался в комиссии для рассмотрения всеподданнейших отчетов министра народного просвещения, а вскоре, по преобразовании верховной исполнительной комиссии, назначен одним из ее членов; в 1877 г. – членом комиссии для рассмотрения дела о преобразовании тюремной части и о пересмотре 2-й главы I отдела Уложения о наказ.; в 1879 г. – членом совета по тюремным делам. В 1886 г. принимал участие в трудах особой, под председательством Е. И. В. В. К. Владимира Александровича, комиссии для составления проекта нового положения императорской фамилии. 1 января 1894 г. Всемиловейше пожалован в звание статс-секретаря Его Императорского Величества. Победоносцев – почетный член Императорской академии наук, Московской, Казанской, Киевской духовных академий и московского братства св. равноапостольной Марии, Холмского свято-троицкого братства, братства св. Апостола Андрея Первозванного при Одесской духовной семинарии, Московской-Владычице-Покровской общины сестер милосердия, Императорского Православного Палестинского общества, Церковно-Археологического общества при Киевской духовной академии, Православного братства св. Александра Невского в г. Владимире, братства св. Дмитрия Ростовского в г. Ярославле, Спас-

ко-Обыденского братства в г. Вологде, братства во имя св. благовер. Великого Князя Михаила Ярославича в г. Твери, СПб., Николаевского братства (с 1887 г. предстатель этого братства), Кирилло-Мефодиевского братства при Минской духовной семинарии и др., общества вспоможения приказчикам и сидельцам в СПб., Псковского археологического общества и многих других. Почетный гражданин городов Сарапула и Тотьмы, член французского института с 1888 г. Благодаря заботам и трудам Победоносцева, в делах нашего духовного управления восстановлены и вновь образованы новые приходы, духовенство стадо получать содержание от казны, оклады и пенсии учебного персонала духовно-учебных заведений увеличились, широко распространились и возникают вновь церковноприходские школы и школы грамоты, церковные проповеди оживились и стали соотноситься с потребностями прихожан, десятки тысяч иноверцев присоединены к Православию, преобразовалась Санкт-Петербургская и Московская синодальные типографии, книги Св. Писания и религиозно-нравственного содержания стали печататься в сотнях тысяч экземпляров. Репутация Победоносцева как одного из выдающихся цивилистов зиждется на его «Курсе гражданского права», выдержавшего несколько изданий и в 1896 г. появившегося в 4-х томах (СПб.). Капитальный труд этот обнимает собою особенную часть гражданского права и излагает русское законодательство сравнительно с римским правом и законодательствами других европейских народов; он заключает в себе ценные указания на русскую судебную практику, как дореформенных, так и новых судов. «Курс гражданского права» – необходимое руководство для каждого юриста, занимающегося гражданскими делами. Влияние его обнаруживается не только на судьях и адвокатах, но и на практике высшей судебной инстанции: во многих решениях гражданского кассационного департамента (1870-х гг.) можно заметить отражение взглядов Победоносцева, нередко излагаемых его собственными словами. Из предисло-

вия к 1-му тому «Курса» (изд. 1868 г.) видно, что Победоносцев считает необходимым остановиться с большею подробностью на вопросах, «имеющих в эту минуту особливое значение для нашего законодательства и для нашей практики». В своем труде Победоносцев не поддается влиянию западной науки и не связывает себя выводами предшествовавших русских ученых, отличаясь полною самостоятельностью взглядов на исторические и догматические вопросы, русского Права. Необыкновенно богатый содержанием «Курс» Победоносцева представляет полную сводку материала по гражданскому праву. Особенное <внима>ние Победоносцев обращает в своем труде на крестьянское землевладение, на общину, на вопросы межевания, на формы поземельной собственности, образовавшиеся чисто историческим путем, на вотчинное право и пр., о всех этих вопросах трактуя не только на основании законодательного материала, но и обычного права. В различных периодических изданиях напечатаны следующие труды Победоносцева: «Некоторые вопросы, возникающее по духовным завещаниям», «Приобретение собственности и потомственные книги», «Вещный кредит и закладное право», «Имение родовое и благоприобретенное», «Однородческие земли и начало специального межевания в России», «Юридические заметки и вопросы по наследственному и завещательному правам», «О чересполосном владении», «Судебное руководство». Отдельными изданиями появились «Христианские начала семейной жизни» (перевод соч. Тирша), «Исторические исследования и статьи» (СПб., 1876; сюда вошла и статья «Крепостное право в России», в которой кратко и точно конструируются юридические отношения крепостных к помещикам в XVII и XVIII вв.), «Материалы для истории приказного судопроизводства в России» (М., 1890), «История Православной Церкви до начала разделения церквей» (в 1895 г. вышло 3-е изд.), «Доброе слово по поводу нынешних страшных событий» (1881), «Ле-Пле (оттиск из «Русского обозрения», 1893 г.), «О подражании Христу Фомы Кем-

пийского» (перевод с латинского, 6-е изд. 1896 г.), «Скверные цветы» – выборные стихотворения А. С. Пушкина, «Победа, победившая мир» (4-е изд., М., 1896), «Праздники Господины» (два изд.), «Вечная память» – воспоминания о почивших (М., 1896) и «Московский сборник» (М., 1886) – ряд статей о Церкви, государстве, законе, народном просвещении и пр. (третья глава «Духовная жизнь» – написана стихами). Ему же принадлежит перевод, выдержавшей много изданий, книги с чешского «Приключения чешского дворянина Вратислава в Константинополе». По случаю исполнившегося 15 мая 1896 г. 50-летия государственной деятельности Победоносцев пожалован кавалером ордена св. равноапостольного кн. Владимира первой степени, при Высочайшем рескрипте, который заканчивается милостивыми словами: «Сердечно желаю, чтобы Мне дано было еще на много лет сохранить Вас в числе Моих советников». Из иностранных орденов имеет: сербский – Св. Саввы 1 ст., черногорский – кн. Данила 1 ст.

АВТОБИОГРАФИЯ, ИЗЛОЖЕННАЯ В ПИСЬМЕ НИКОЛАЮ II

Родился я в Москве в семье профессора Моск. университета. У отца моего было 11 человек детей, кои все устроены трудами отца. Воспитан в семье благочестивой, преданной царю и отечеству, трудолюбивой. Меня, последнего сына, отец свез в Петербург и успел определить в 1841 году в училище правоведения. Я кончил курс в 1846 году и поселился в родном доме в Москве, на службе в Сенате.

По природе нисколько не честолюбивый, я ничего не искал, никуда не просился, довольный тем, что у меня было, и своей работой, преданный умственным интересам, не искал никакой карьеры и всю жизнь не просился ни на какое место, но не отказывался, когда был в силах, ни от какой работы и ни от какого служебного поручения. В 50-х годах

Московский университет, оскудев профессорами юристами, обратился ко мне, и я не отказался, оставаясь на службе в Сенате, читать там лекции по 8 часов в неделю в течение 5 лет.

Когда начались реформы по кончине Императора Николая и в Петербурге закипела работа разных комиссий, меня перезывали туда, но я отказывался пуститься в неведомое море новой работы, которая пугала меня.

Но, наконец, нельзя было уклониться. В 1861 году граф Строганов стал вызывать меня для преподавания юридических наук цесаревичу Николаю Александровичу. Из чувства патриотизма я не мог отказаться и переехал на целый год в Петербург.

Это решило дальнейшую судьбу мою роковым образом.

В 1863 году меня пригласили сопровождать цесаревичу в поездке по России. Я стал известен и двору. По окончании поездки я вернулся в Москву к своим занятиям и мечтал остаться тут.

Но Богу угодно было иначе. Цесаревич скончался, оплаканный всей Россией. Новый цесаревич, слышав обо мне доброе от покойного брата, пожелал меня иметь при себе для преподавания. Я не мог уклониться и переехал в Петербург в 1866 году на жительство и на службу. Тут довелось мне последовательно вести занятия и с в. кн. Владимиром, и с цесаревной Марией Федоровной, и с в. кн. Сергием, и даже с в. кн. Николаем Константиновичем. Я стал известен в правящих кругах, обо мне стали говорить и придавать моей деятельности преувеличенное значение. Я попал, без всякой вины своей, в атмосферу лжи, клеветы, слухов и сплетен. О, как блажен человек, не знающий всего этого и живущий тихо, никем не знаемый на своем деле!

Цесаревич сочувственно относился ко мне и показывал мне доверие. В Аничковом дворце я стал привычным лицом. Но в ту пору из министров и правящих лиц никто не имел общения с цесаревичем, и эта среда питалась всякими слухами и сплетнями об его характере и настроении. Меня они тоже не знали и питали себя подозрениями

о каком-то моем влиянии на цесаревича, а Государю тогдашние временщики – гр. Шувалов, Валуев и пр. – внушали такие же подозрения. С другой стороны, в силу того же мнения обо мне, люди, осуждая и браня меня на стороне, старались быть со мною любезными.

Без всякого ходатайства с моей стороны и без всякого участия цесаревича я был назначен членом Госуд. Совета и тут получил возможность высказывать вслух свои мнения по государственным вопросам – мнения, коих никогда ни от кого не скрывал. Так, мало-помалу приобрел я репутацию упорного консерватора – в противодействии новым направлениям и веяниям государственных либералов.

К концу царствования эти влияния и направления приобрели господственное значение. Началось, ввиду общего недовольства, безумное стремление к конституции, то есть к гибели России. Это стало в умах какою-то заразой: русские люди, сохранившие еще разум и память прошедшего, ждали в страхе, что будет, ибо покойного Государя склонили уже совсем к этому гибельному шагу.

Таково было настроение, что и катастрофа 1 марта никого не обредила. Напротив, кучка людей, державших власть в руках, спешила тем более в первые же дни после катастрофы достичь своей цели. Молодой Государь, захваченный врасплох страшным событием, казалось им, не мог воспротивиться – никто из них не знал его, и все они надеялись захватить его в свои руки и управлять им.

Положение его было ужасное – он не знал, как поступить и что делать, чтобы из него выйти. Я видел, до чего разгорались страсти, и прямо боялся за его безопасность – нечего и говорить, как боялся за судьбы России.

И, правда, чтобы выйти из этого положения, я убедил его сделать решительный шаг – издать манифест 29 апреля 1881 года. Всем было более или менее известно мое в этом деле участие.

И вот с этого рокового для меня дня начинается и продолжается, разгораясь, злобное на меня чувство, питаюсь и в России, и всюду за

границей всеобщим шатанием умов, сплетней, господствующей ныне во всех кругах общества, невежеством русской интеллигенции и ненавистью иностранной интеллигенции ко всякой русской силе.

К несчастью, и у нас, и там существует закоренелое мнение, что в России при самодержавной власти есть непременно тот или другой – один человек всесильный, который всем распоряжается и от которого все зависит. И вот этим человеком все и всюду стали считать меня и доныне считают – человека, всегда уклоняющегося от всякого исключительного присвоения себе какой-либо власти.

Естественно, что молодой государь на первых порах чувствуя себя одиноким, растерянным, стал обращаться ко мне – к человеку, ближе ему известному и преданному. Он советовался со мной о людях, и мне довелось в немногих случаях указывать ему на людей: на барона Николая – для народного просвещения, на графа Дмитрия Толстого – для министра внешних дел, и, к счастью, я не ошибся. Когда ко мне обращались, я отвечал; когда государь поручал мне работу, я ее исполнял. Но вот и все. Ни разу я не позволял себе ни выпрашивать для кого-либо милостей или назначений и тому под.

Но люди воображали обо мне иначе, и тут пришлось мне видеть много людской пошлости в нашем обществе. Ко мне обращались за милостями и назначениями, а когда я отвечал, что не вмешиваюсь в эти дела и ничего не могу кроме того, что касается до порученного мне дела, – мне не верили и бранили меня. С другой стороны, возбуждалась ко мне ненависть иных людей из придворной и других сфер, которым иногда случалось мне помешать в осуществлении разных своекорыстных планов.

Я видел очень ясно свое положение. Несмотря на все доверие ко мне Государя, я мог предвидеть, что и оно может поколебаться, и знал, какими внушениями оно колеблется у государей. Стоит только заподозрить человека в том, что он ищет преобладания над волей и решением государя. Зависть и интрига – дело обычное в придворных сфе-

рах. Люди, составлявшие обычное общество Аничкова дворца, не зная меня, не имея прямого со мной общения, слышали только разговоры и анекдоты обо мне в гостиных и, передавая их, успевали производить впечатление и на Императрицу Марию Федоровну, и на Государя отчасти. Я продолжал исполнять его поручения, но уже чувствовал в последние годы, что на меня что-то насажено. Не мешаясь ни в какие дела других ведомств, я вел жизнь уединенную; однако при всем том всюду – и в России, и за границей – я продолжал считаться всемогущим человеком, от которого все исходит в России, и на мой счет ставились все и всякие распоряжения правительства, о коих я даже не имел понятия. Из разных углов России, из Европы, из Америки сыпались мне злобные, угрожающие письма то от нигилистов, анархистов, либералов всех оттенков, то от жидов, приписывавших мне лично все ограничения, все распоряжения об их высылке и проч.

Настало новое царствование, и все противоправительственные, лже-либеральные элементы оживились новой надеждой. Оставаясь едва не старейшим из старых слуг трех царствований, я готов был на службу новому государю в чем мог. Но уже настало другое время – люди вокруг меня и в кругах правительственных все переменялись: люди нового поколения, чуждые прежних преданий, прежних порядков, минувших событий. Я сам ослабел. На первых порах нового царствования я считал своим долгом говорить иногда молодому Государю о делах и людях, но этому надо было вскоре положить предел, и я ограничился только делами порученного мне звания, а люди вокруг меня и около престола стали все новые – люди нового поколения, многие знавшие и меня только по слухам обо мне и толкам.

И, несмотря на все это, не только не замолкли, но еще разгорелись и усилились нелепые обо мне слухи, будто я всемогущий человек в России. Они не затихли и в высших кругах общества, судящих о положении дела только по газетам да на основании болтовни в гостиных, а в разросшихся кружках анархистов, социалистов, ра-

дикалов – и за границей и в России – я стал, более чем когда-либо, человеком, стоящим на дороге против всего прогресса и главным виновником всякого стеснения, всякого преследования, гасителем всякого света. Таково ощущение всей обезумевшей теперь молодежи и в столицах, и во всех углах России: толпа людей, не имеющих никакого понятия о ходе государственных дел, о пружинах администрации, о делах и о людях, выставляет меня виновником всех, – что у них слывет, – злоупотреблений, насилий, ретроградных мер, и кричит, что во имя свободы надобно меня уничтожить. От этого предрассудка, от этого злобного ко мне представления я, неповинный ни в чем, что мне приписывают, не в силах отделаться и принужден по необходимости терпеть его. Можно судить, как оно разлилось повсюду, когда представителем его явился из небольшого кружка самарского несчастный Лаговский, стрелявший в меня. В своем показании он прямо объясняет, что хотел истребить меня как главного виновника всяких стеснений, мешающих прогрессу и свободе. Любопытно, что на первом месте в указании вин моих он ставит: «...распространяет в народе суеверие и невежество посредством церковноприходских школ». Из этого уже видно, в каком невежестве и в какой дикости ума и сердца растет и развивается эта масса недоучек или пролетариев науки, воспитанная на статьях либеральных газет, на нелепых прокламациях, на подпольных памфлетах, на слухах и сплетнях, из уст в уста передающихся. И мне ставится в вину дело, которое я считаю в нынешнее время самым важным и нужным для России делом, ибо в народе вся сила государства, и уберечь народ от невежества, от дикости нравов, от разврата, от губительной заразы нелепых возмутительных учений – можно уберечь только посредством Церкви и школы, связанной с Церковью.

Вот – судьба моей жизни. И я верю, что руководит ею провидение, которое, помимо моей воли, нередко вопреки ей, ставило меня в положение видное на дело, от коего я не вправе был и не мог уклониться.

II. ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА ПО ВОСПОМИНАНИЯМ СОВРЕМЕННИКОВ

И. В. Преображенский
**КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ ПОБЕДОНОСЦЕВ,
его личность и деятельность в представлении
современников его кончины**

Предисловие

Кончина Константина Петровича Победоносцева, последовавшая 10 марта 1907 г., вызвала в периодической печати подробнейшую все-стороннюю оценку его личности, научно-литературных трудов и в особенности его административной деятельности, и не только как обер-прокурора Св<ятейшего> Синода, но и как лица, влиявшего на строй и ход всей нашей общественной и государственной жизни.

В первые дни после кончины К. П. Победоносцева, кажется, не было газеты, которая не высказала бы своего суждения о почившем. По количеству появившихся о нем и его деятельности отзывов в газетах, а потом и журналах, можно сказать, что печать уделила ему исключительное, невиданное дотоле к государственному деятелю внимание. Заинтересованные отзывами о личности и деятельности Победоносцева мы внимательно отыскивали в пучинах периоди-

ской печати статьи о нем. В одну неделю у нас образовалась груда статей, посвященных К. П. Победоносцеву. Как-то сама собою у нас явилась мысль не уничтожать газет со статьями о Победоносцеве, а продолжать их собирание. Это мы старательно и делали. В результате получился большой сборник статей и заметок, трактующих о Победоносцеве. Сборник этот в буквальном смысле *unicum*. В нем немало статей из таких газет, которые давно уже прекратили свое существование и название которых забыто. Между тем высказанное в этих статьях иногда очень интересно и как характеризующее момент, в который угасала и угасла жизнь замечательнейшей личности.

Читатель может спросить, почему мы раньше не воспользовались имеющимся у нас столь исключительным по его ценности материалом? Изображение Победоносцева по отзывам о нем печати, скажут, явилось бы для общества особенно интересным вскоре же после его кончины, когда память о нем была еще свежа, когда имя его было у всех на устах. Не спорим, статья или книга с систематизированными и в разных других отношениях разработанными отзывами печати о Победоносцеве могла бы тогда показаться интереснее, но зато она значительно утрачивала бы в своем внутреннем достоинстве.

Для освещения личности Победоносцева, его разнообразной и обширной деятельности, освещения спокойного, беспристрастного тот момент, когда он скончался, был совершенно неблагоприятен. И к К. П. Победоносцеву приложима общепризнанная истина, что беспристрастным и справедливейшим судьей и людей и дел их является история. Об этой истине вспоминается во многих отзывах о нем. Мы со своей стороны прибавим, что мудрено, трудно было в то время правильно судить и о самых отзывах, правильно понимать их. Как можно было без труда и уверенно разобраться в массе самых разнообразных, самых противоречивых отзывов о Победоносцеве – этом виднейшем и влиятельнейшем церковно-государственном деятеле в момент его кончины и ближайшее к тому время, когда, по словам Б. Б. Глинско-

го, «кругом кипели страсти и политические бури, когда явлениям жизни не было спокойного суда и рассуждения, и в особенности в отношении тех, кто так или иначе своей жизнью и деятельностью был причастен к этим бурям и той пыли земли, которая встала густым облаком над всей поверхностью нашей родины как прямое следствие отечественной непогоды?»

Ныне, когда прошло уже пять лет со дня кончины Победоносцева, время, можно сказать, совсем не то, что было в момент его кончины и ближайшее к тому. Ныне мы уже не наблюдаем чего-либо подобного тогдашнему «кипению страстей и политических бурь» – улеглась и та «пыль земли», которая как густое облако мешала распознавать и правильно оценивать и людей, и их деятельность, явления жизни и ход их. В значительно прояснившейся умственной и нравственной отечественной атмосфере виднее обрисовывается тип Победоносцева как русского ученого мужа, как обер-прокурора Св<ятейшего> Синода, как Царского слуги, как блюстителя государственных интересов и исторических традиций, как, наконец, христианина и сына Православной Церкви. Теперь стало возможным правильнее понять и оценить и время, в которое сошел со сцены церковно-государственной деятельности Победоносцев, а вместе с тем лучше, безошибочнее разобраться в массе отзывов о Победоносцеве, вызванных его кончиною.

Почитаем необходимым в настоящем предисловии сделать следующую оговорку. По служебному своему положению в должностях по канцелярии обер-прокурора Св<ятейшего> Синода мы находились в полной зависимости от К. П. Победоносцева. Вполне признаем, что обстоятельство это способно возбудить подозрение на счет нашего беспристрастия в предпринятом деле. В отстранение такого подозрения считаем необходимым со всею категоричностью заявить то, что видимо всем нашим сослуживцам, именно, что от К. П. Победоносцева милостей или поощрений, так сказать, сверхдолжных мы

ровно никаких не имели. С другой стороны, и лихом помянуть Константина Петровича у нас решительно нет ни малейших оснований.

Глава I

Необыкновенная популярность и исключительное значение К. П. Победоносцева в нашей церковно-государственной жизни. – Причина этого явления. – Личные свойства Победоносцева.

В вызванных кончиною Константина Петровича Победоносцева и посвященных его памяти статьях периодической печати большое внимание уделяется личности почившего. В отзывах печати по сему предмету проявлено редкое единодушие. Газеты всевозможных направлений и оттенков, за ничтожным, сравнительно, исключением (в своем месте оно будет указано), согласно отметили необыкновенную популярность К. П. Победоносцева, его огромное влияние на нашу церковно-государственную жизнь, признали в нем выдающиеся исключительные умственные способности и высокие нравственные качества, непоколебимую стойкость во взглядах и убеждениях, верность идеалам и искреннее, нелицемерное служение им. Отмечены в печати и глубокая религиозность Константина Петровича, и редкая любовь его к церковности.

Имя Победоносцева, по справедливому замечанию В. Авсеенко в «Петербургской» газете» (№ 70), «было у всех на устах в течение четверти века». «К имени (Победоносцева), – говорит Б. Глинский, – в течение слишком четверти века приковывалось внимание современников, оно не сходило со столбцов нашей печати» (с. 247). «Петербургский» листок» высказался, что «имя Победоносцева было известно не только во всех уголках необъятной России, но и далеко за пределами ее» (№ 68). В газете «Колокол» В. С. писал: «за последнюю четверть века не было более известного и популярного во всех классах и слоях

русского общества государственного человека, как почивший Константин Петрович» (№ 375). «Все, или почти все грамотные люди России, – говорит «Церк<овный> голос», – знали Победоносцева, и все теперь (по случаю его кончины) снова вспомнят о нем» (см. «Полт<авские> Еп<архиальные> вед<омости>», № 11, с. 511).

Со всей определенностью, категоричностью высказалась печать об огромном, а по выражению иных отзывов, беспримерном влиянии Победоносцева на нашу церковно-государственную жизнь. «Никто из русских государственных деятелей последней четверти минувшего века, – говорит «Новое время», – не стоял на такой высоте влияния, ничье имя так не связано и не закреплено в истории русской Церкви за последние тридцать лет, как имя бывшего обер-прокурора Св<ятейшего> Синода К. П. Победоносцева» (№ 11.133). «Занимая пост обер-прокурора Св<ятейшего> Синода, Победоносцев, – по словам «Русск<их> ведомостей», – умел подчинить своему влиянию все сферы внутреннего управления, на самом деле играл роль как бы первого министра» (№ 57). «Будучи в течение 25 лет обер-прокурором Св<ятейшего> Синода, – говорит С. А. С-кий в “Голосе Севера”, – К. П. Победоносцев в то же время был влиятельной личностью и в общегосударственном механизме вообще. В этом последнем отношении мы не ошибемся, если назовем его премьер-министром, конечно не гласным» (№ 167). – «Человек громадного ума, тонкий богослов и юрист Победоносцев, – по словам Пирата в “Гол<осе> правды”, – имел всегда большое влияние и, можно сказать почти с полной уверенностью, что почти все царствование Императора Александра III он был первым министром и действительным советником Государя, несмотря на то, что по внешности заведовал духовной частью» (№ 437).

В «Пенз<енских> губ<ернских> вед<омостях>» М. Ростовцев отзыв свой о Победоносцеве предваряет рассуждением на тему: «Что значит один человек». М. Ростовцев держится того мнения, что «отдельные личности, выдвигаемые на первый план, в сущности – выразители

и исполнители какой-то стихии, называемой народной волей»... «В русской “гражданской” истории мы, – говорит г. Ростовцев, – знаем две таких крупных типичных фигуры: Сперанский и Победоносцев, кстати, оба из духовного звания. Не по родству или свойству, без заискивания и унижения пред сильными мира эти два человека выдвинулись на роль первостепенных государственных деятелей. Говоря о последнем, можно сказать, что его деятельность в течение 25 лет – история России за этот период. По его воле мы неуклонно шли назад, хотя все чувствовали необходимость идти вперед. Победоносцева считали злым гением России, но его логике, точно загипнотизированные, подчинялись все и те, которые от него нисколько не зависели».

Для иллюстрации того, как велико было влияние Победоносцева, г. Ростовцев рассказывает случай в заседании Государственного Совета в конце 80-х годов при обсуждении проекта о прекращении гонений на старообрядцев. «Всем присутствовавшим было ясно, что нельзя преследовать людей за “двуперстие”, поклонение иконам “старинного письма” и вообще за желание совершать обряды и верить в Бога по-своему. Многими ораторами указывалось на то, что у нас не только ни одно инославное, но даже языческое исповедание не подвергается тем гонениям, каким старообрядческое. Вопрос о свободе был решен, оставалось приступить к баллотировке, как встает Победоносцев и произносит следующее: “Здесь говорят о свободе, которой у нас пользуются католическое, лютеранское, магометанское и даже языческое исповедание. Я знаю, господа, государства, в которых допущено обращение иностранной монеты, но я не знаю такого, в котором допускалось бы обращение фальшивой”. Это сравнение до такой степени ошеломило всех, что вместо свободы начались репрессии, и старообрядцы стали подвергаться новым усиленным гонениям, а бедных духоборов довели до необходимости переселиться в другую часть света. Вот образчик исторического хода событий. Когда на место живой свободной школы стали насаждать церковноприходскую,

то такой просвещенный человек, как знаменитый доктор Захарьин, пожертвовал на это дело полмиллиона. Мы неудержимо шли назад во всем и шли, не упираясь, как те, которых ведут, а добровольно, поддавшись гипнозу одного человека» (№ 60).

По признанию сотрудника «Одесских Новостей» Лознгрина, «в течение десятилетий Победоносцев играл колоссальную роль, был первой и главной фигурой в рядах нашей бюрократии. Он был альфой и омегой правительственных мероприятий. Если в Германии был Бисмарк, то у нас был Победоносцев... Он был главным фокусом, был центром, где сходились и откуда расходились все планы, все распоряжения сильных и властных мира сего» (№ 7.117). «В лице почившего К. П. Победоносцева, по отзыву «П<етербургского> листка», покончил земное существование крупный государственный деятель, беспримерный, по своему влиянию, в течение многих лет руководитель наших духовных сфер» (Л. 68).

«Совр<еменная> речь» влияние Победоносцева называет «всегомоущим» (№ 43). «Если бы, – говорит Бобыль в «Варш<авском> дневнике», – Победоносцев перешел в лагерь оппозиции, то у нас давным-давно была бы и Дума, и народное представительство. Так этот человек мог достигать того, чего он хотел, и так силен и могуч был его ум» (№ 74).

С каким влиянием, с каким исключительным влиянием представлялся современникам своим Константин Петрович, на это авторитетно указывает г. Глинский, когда говорит, что Победоносцев и после ухода с государственной сцены (в октябре 1905 г.) «не сошел в глазах и мнении современников совсем на нет, а продолжал оставаться все тем же несколько таинственным, с налетом драматизма, Победоносцевым, которому стоустая молва продолжала приписывать всяческие легенды, связывать с его именем всевозможные слухи, порою, самые фантастические, ожидать с его стороны какого-нибудь начинания, долженствовавшего иметь на события дня решающее влияние. В этом

психологическом настроении общества усматривается своего рода гипноз, не оправдываемый фактами действительности, а относимый скорее на счет того глубокого следа, который ближайший сотрудник Императора Александра III оставил своей былой деятельностью на разных поприщах нашей исторической жизни. Прошлое засчитывалось в настоящее, откуда получилась определенная историческая преемственность и наличность определенного государственного служения интересам родины».

Об огромном влиянии, какое имел у нас Победоносцев, известно было и за границей. Газета «Jurnal», например, по поводу кончины его высказала: «...в Петербурге умер в преклонном возрасте г. Победоносцев, бывший прокурор Св<ятейшего> Синода. В течение последних двадцати пяти лет ни один человек не имел такого громадного значения в истории внутренней жизни России, как он. В течение целой четверти века он был главным руководителем жизни русской Православной Церкви» (см. «Колокол», л. 340). По словам Н. И. К-то в «Казан<ском> телеграфе», «дань уважения нес Победоносцеву Запад, тот самый Запад, против идей которого он так упорно и так смело восставал. Запад понял величину его умственной личности и поставил наряду с такими политиками, как Гладстон и Бисмарк» (№ 4.221). Из Берлина телеграфировали в «Нов<ое> вр<емя>»: «Все газеты (германские) посвящают статьи К. П. Победоносцеву, помещая подробные биографии и характеристики покойного государственного деятеля. Газеты, — прибавляется в телеграмме, — в общем отмечают выдающуюся его эрудицию и ум» (№ 11. 134).

Констатируя в отзывах своих о Победоносцеве его огромное, исключительное влияние на церковно-государственную жизнь нашу, печать указывает и причину сего явления. По ее согласным отзывам, она в самом Победоносцеве, в его богатых духовных дарованиях, в сильном и глубоком уме, широком образовании, колоссальной энергии, неподкупной честности и изумительном трудолюбии.

«Рус<ские> ведомости» после приведенных уже нами слов о том, что Победоносцев, занимая пост обер-прокурора Св<ятейшего> Синода, сумел подчинить своему влиянию все сферы внутреннего управления, на самом деле играл роль как бы первого министра, добавляют, что «эта роль принадлежала ему по праву, так как и по уму, и по образованию он стоял головой выше всех своих товарищей по министерству». «Русская речь» причисляет Победоносцева к таким людям, «которые стоят во главе общества и своего народа независимо от каких бы то ни было личных расчетов и побуждений. Враги бранят их, издеваются над ними, но никогда не осмеливаются обвинить в низости, подлости, своекорыстии и каких-либо других пороках, свидетельствующих о низости души... Все вообще считают таких людей великими умами, первыми деятелями своего времени, творцами жизни... Великий покойник обладал широким, всесторонним образованием; сильным и гибким умом, никогда не знавшим покоя; неподдельной любовью к родине; глубокой, детски-чистой верой и удивительной последовательностью в проведении своих идей в жизнь» (см. «Рус<ское> знамя», № 67). «Приаз<овский> край», сказав, что Победоносцев четверть века охранял «как черный рыцарь вход в замок, где томила в заключении весна русской свободы», спешит прибавить: но «надо быть справедливым — охранял не из корыстных побуждений, не ради выгод и власти, а только исключительно по непоколебимому убеждению в своей правоте... И в этом и был секрет его силы, его огромного авторитета, который пришел к нему сам собой, словно притягиваемый магнитом стального, несокрушимого духа» (№ 71). По отзыву «Руси», долг велит признать, что действовал Победоносцев «в силу глубокого убеждения, имевшего мало общего с бюрократическим карьеризмом, от имени цельного и стройного мирозерцания, взявшего в полон и несомненную образованность, и поразительную начитанность Победоносцева... Безукоризненность его личной жизни и карьеры должна быть признана самыми убеж-

денными его врагами» (№ 70). «Речь» замечает, что «даже противники Победоносцева не подозревали в нем стремления к власти из каких-либо личных побуждений» (№ 59).

Об отсутствии в Константине Петровиче стремления к власти или того, что называется «бюрократическим карьеризмом», оригинально высказывается известный писатель-публицист В. Розанов. В № 11.148 «Нов<ового> вр<емени>» напечатаны его «Воспоминания и мысли о К. П. Победоносцеве». Вот что, между прочим, читаем мы здесь: «Мундир на Победоносцеве был только надет, притом – со стороны. И хотя Победоносцев нервно ненавидел общество и общественность и в этом отношении иногда произносил слова удивительной дерзости, но уже по их темпераменту и вообще по отсутствию в нем лукавства, хитрости, двуличия, притворства, заискивания, по этому свободному прекрасному в нем духу “он был наш”... Плоть от плоти общества, литературы, скажу необыкновенную вещь – улицы: Алексинский навыворот. Бывают случаи, что дитя улицы, уличный волчонок доброю феей или ангелом судьбы своей бывает перенесен во дворец, в аристократию, в золотые и раззолоченные круги; и всю-то жизнь он стоит угрюмо среди них, кусается, презирает, бьется. Мне решительно и определенно известно, что раззолоченную среду вокруг себя, эту нашу бюрократию он всегда и нескрываяемо презирал».

Совсем иным представляет нам К. П. Победоносцева Амфитеатров, также известный писатель-публицист из лагеря уже архилиберального, открыто революционного. Вероятно, чтобы яснее выразить свои мысли, Амфитеатров говорит не об одном Победоносцеве, а вместе и о Суворине-старике, которого считает «вариантом Победоносцева». Амфитеатров спрашивает: зачем, во имя чего Суворин распинается в своей газете за дело, в которое сам не верит и «ради которого распинаят народную свободу»? Секрет тут, по уверению Амфитеатрова, в психологии. И Победоносцев, и Суворин – разночинцы.

Мелкие самые разночинцы по происхождению. Победоносцев – сын? снявшего с себя сан дьякона. И вдруг сначала через профессуру дьяконский сын? попал в придворные сферы. Сказки любят не одни только дети, сказки любят и взрослые. Любят свои, для взрослых, сказки. Любят иной, не свой мир. Крестьяне и рабочие не любят пьес и рассказов из своего быта. То же и разночинец. Публицист – публицистом, профессор – профессором, а старый блеск аристократических придворных сфер, чуждый им в их жизни, при встрече кажется им обольстительным. У Доде в известном романе «Нума Руместан» есть тонкая, психологически верная картина. Молодая красивая Розали, жена Руместана, к ужасу узнает, что у ее мужа – любовница. И кто же? – сорокалетняя женщина, изношенная блондинка с угреватым лицом... Но она была знатная барыня... маркиза д'Эскарбес!.. А для Нумы Руместана, сына скромного страхового агента, это заменяло все. Для наших Руместанов – Суворина-старика и Победоносцева – в их измене народным силам, свежим и прекрасным порывам страны маркизой д'Эскарбес является министерский мундир. Как ни был прогрессивен Суворин-старик, но он не устоял перед соблазном тайной связи с маркизой д'Эскарбес, с верхами аристократа... Типичным Руместаном был и Победоносцев. Полупопович, он стал у кормила власти. Он мог не только быть с министрами, он в силе был смещать и ставить министров... Как хотите, понять не трудно, что ему было лестно играть такую роль. Он, Руместан, сын страхового агента, и в связи с маркизой. Он, Победоносцев, сын бывшего дьякона, и он ставит министров, он дает тон всей политике могучей Империи. Дает и будет давать, нужно только отдаться самому маркизе д'Эскарбес. И Победоносцев отдался. Ради сохранения связей с аристократическими, придворными сферами он, «упрямый и резкий внизу, вверху был мягок, гибок, уступчив и угодлив».

Мы намеренно сопоставили два мнения, два отзыва о К. П. Победоносцеве лиц, считаемых в прогрессивных, в радикальных, а в из-

вестных отношениях в архилиберальных, в архирадикальных кругах особо выдающимися, особо авторитетными. Какое же получается впечатление от этого столкновения? А то именно, что мнения этих авторитетов как диаметрально противоположные при столкновении взаимно исключили, уничтожили друг друга. Тут получилось, как в математике, при замене плюса минусом – нуль. Выходит, что в наших либеральных и радикальных кругах К. П. Победоносцев совершенно не понят. Там не могут столкнуться даже о том только, Нума ли Руместан – Победоносцев или он Алексинский наыворот. Но ведь это все равно, что спорить о предмете – черный ли он или белый. Не способен ли такой спор возбудить даже жалость к спорящим?..

Что либералы и радикалы путаются в противоречивых мнениях о Победоносцеве, это вполне естественно. По справедливым словам Н. О., высказанным им в «Колоколе», «оценить Победоносцева, этого колосса русской мысли и русской воли, могут только люди, преданные всем сердцем и всей душой русской идее». Но на таких людей наши либералы и радикалы совсем непохожи.

Нижеприведенные отзывы печати, и притом органов самых разнообразных направлений и оттенков, дорисовывают духовный облик Константина Петровича настолько полно и ясно, что большего в этом и желать не приходится.

«Нет сомнения, – утверждает газета “Время”, – что даже и недоброжелатели Победоносцева должны признать в нем глубоко умного, даровитейшего государственного деятеля, необыкновенно сильного волей и энергией в достижении целей, которые, по его мнению, могли создать условия для мирной, спокойной жизни родины». По отзыву В. Колпенского в «России», враждебные Победоносцеву органы печати «не осмелились коснуться его нравственной и идейной личности и в этом отношении почтительно склонились пред великой тенью» (№ 399). По отзыву г. Ярмонкина в «Зорьке», «даже самые заклятые враги умственного направления Константина Петровича, и те долж-

ны признать в нем глубоко образованного и воистину замечательнейшего человека по преданности его идее государственного блага... Все его знали за человека, абсолютно неподкупного ничем: ни деньгами, ни властью, ни честолюбием. Он знал только “идею”, которой и служил до гробовой доски» (№ 298). По отзыву В. С. в «Колоколе», «почитатели и враги Победоносцева одинаково сходились в признании одного бесспорного, что это был человек просвещеннейший, великого ума, обширнейших знаний, неподкупно честный и изумительно трудолюбивый» (№ 375). Выше упоминавшийся сотрудник «Одес<ских> новостей» Лознгрин считает «долгом справедливости отметить, что Победоносцев не искал дешевой популярности в правительственных кругах» (№ 178). «Утро» считает Победоносцева «талантливейшим, умнейшим деятелем реакции, являвшимся во всяком случае огромной личностью» (№ 63). По признанию «Бирж<евых> ведомостей», Победоносцеву «нельзя отказать ни в уме, ни в воле» (№ 9.790), а по признанию «Совр<еменной> речи», он был «сильного ума, железной воли, большого таланта» (№ 43). В «Свете», в статье А. И. С. читаем: «покойный Победоносцев был человек упорной, настойчивой идеи... человек железной воли, безупречной честности, всегда думавший то, что он говорил, всегда открыто и громко исповедывавший свои убеждения» (№ 67). В той же газете «Свет» В. К. Истомина писал: «что бы ни говорили, а Константин Петрович великая сила. Это почти последний глубоко образованный носитель народных идеалов, последний старорусский богатырь. Это был назидательный христианин, проникнутый глубокой, страстной верою... Личной своей жизнью среди окружающего служения мамоне был поистине высоким примером... Древнее христианство уважало бы его за ревнивую охрану всего воспринятого в божественном учении, за его назидательную неуступчивость в вопросах веры и Церкви» (№ 96).

С особенной подробностью характеризует личность К. П. Победоносцева Л. Тихомиров в статье, напечатанной в № 342 «Колокола».

«В истории России, – говорит г. Тихомиров, – не вспоминаю государственного человека, кроме разве Сперанского, который был бы так щедро наделен многосторонними дарованиями, столь тщательно обработанными. Покойный К. П. Победоносцев ни одного своего таланта не зарыл в землю, но все их может смело представить своему Создателю преумноженными десятикратно. Его светлый ум, проницательность суждения, тонкость наблюдения, внимательность к содержанию наблюдаемого – все это соединялось с совершенно необычайной трудоспособностью, и в конце концов он поражал своими огромными знаниями и продуманностью их. Поднявшись как юрист на высоту первоклассного ученого, он обладал огромными знаниями и по другим отраслям человеческого ведения и до конца дней не переставал следить за движением человеческой мысли, удивляя даже специалистов осведомленностью по литературе их предметов. Но и при этой многосторонности знаний он не сделался ни эклектиком, ни человеком какой-либо “школы”, не был “учеником”, а ко всему умел отнестись с самостоятельностью “учителя”».

Высоко ценило личные качества К. П. Победоносцева, в частности, духовенство православное, что, между прочим, выразилось в словах и речах представителей его, произнесенных при заупокойных богослужениях по почившем. Вот сему примеры.

Преосвященный Митрофан, епископ Гомельский, викарий Могилевской епархии, в речи, произнесенной в местном кафедральном соборе 14 марта, между прочим, высказал: «При жизни К. П-ча много было выражено о его деятельности суждений и притом самых разнообразных. Но и враги его, которые всячески хотели бы унижить его, развенчать, втоптать в грязь, ничего не могли сказать укоризненного по адресу его. Эго был рыцарь без страха и упрека. Самоотверженно, до готовности положить душу преданный своему делу, он смело и безбоязненно шел по своему жизненному пути. Вокруг него кипели зависть, злоба и ненависть. Часто самая жизнь его была в опасно-

сти... Можно спорить и подчас не соглашаться с некоторыми его начинаниями, но отнюдь нельзя было не отдать дани уважения и даже преклонения перед его искренностью, честностью и правдивостью. В наш век дутых величин, опозоривших себя взяточничеством, подкупом, интригами, с особенной рельефностью выдвигается на первый план во всем величии эта нравственная чистота и безупречность почившего» («Могилев<ский> вестн<ик>», № 61). Преосвященный Таврический Алексей в произнесенной перед панихидой, отслуженной в кафедральном соборе 12 марта речи, характеризуя Победоносцева как «великого церковно-государственного деятеля земли Русской», говорил, что почивший был сыном Церкви, «являвшим веру свою от разумных дел своих на пользу и созидание Церкви, а не на разорение ее, – был верным, преданным, высокоталантливым слугою Царя и отечества, поборником научного просвещения страны, другом народной школы, наиболее любимой народом – школы церковной» («Таврич<еский> церк<овно>-общ<ественный> вестн<ик>», № 9). По характеристике прот<оиерея> Гр. Прозорова, сделанной им в речи, сказанной в собрании Киевского религиозно-просветительского общества 18 марта, Победоносцев был «муж веры и разума, муж великой духовной силы и совета, государственный человек в лучшем смысле этого слова» («Киевлянин», № 97 от 7 апреля).

Кроме отзывов о личности Константина Петровича, так сказать, вообще печать делала особые или, иначе говоря, специальные отзывы о той или другой частной черте в этой выдающейся, знаменитейшей личности.

Наиболее рельефно характеризующей К. П. Победоносцева чертой печать признает стойкость его взглядов и убеждений, честность целей и намерений, верность принципам и идеалам. Так, по отзыву «Нов<ого> вр<емени>», Константин Петрович, «с университетской скамьи и до могилы был и остался верен своим идеям. Текли десятилетия, одни государственные принципы и идеалы сменяли дру-

гие, но идеи Победоносцева оставались все те же непоколебимые, как граниты» (№ 11, 133). «В лице Победоносцева, – по словам “Голоса Кавказа”, – сошел в могилу деятель, основной чертой которого была непоколебимая твердость убеждений и неумолимая последовательность. В этом отношении Победоносцев, можно сказать, не имел равного среди русских государственных деятелей... Можно не соглашаться со взглядами его на русское бытостроительство, но нельзя не воздать должного замечательному уму, широкой образованности и удивительной стойкости и честности этого выдающегося человека... Целую четверть века занимал он высокий и ответственный административный пост, никогда не поступаясь своими убеждениями, и покинул его только тогда, когда “спасать” Россию начал граф Витте» (№ 261). Победоносцев был, – говорит «Либавский вестник», – исключительной личностью не только вследствие достижения им небывалого дотоле апогея могущества и влияния на весь ход внутреннего управления нашего государства, особенно в царствование Александра III, но и вследствие необычайной стойкости своих убеждений» (61). – «Посвятив всю свою жизнь служению Родине, Победоносцев был одним из вернейших сынов России» («Вече», № 30). «Человек упорной настойчивой идеи, железной воли, Победоносцев, по словам А. И. С. в «Свете», никому и никаким в мире интересам не продал родной земли... История, несомненно, отметит святую, неподкупную честность целей и убеждений, которая красной строкой прошла чрез всю его деятельную, трудовую жизнь, чрез всю его многосложную карьеру» (№ 67). По словам преосвященного Митрофана, Победоносцев «никогда не изменял своим убеждениям и верованиям в угоду лицам, или по чувству страха пред опасностью» (из речи преосвященного. См. «Могилевск<ий> вестник», № 61). По отзыву преосвященного Таврического Алексия, Победоносцев «был работник христианско-убежденный. Его нельзя было купить ценою уступок какому-нибудь временному увлечению, веянию. Он не делал ника-

ких уступок людям карьеры» (из речи преосвященного. См. «Таврический церк<овно>-общ<ественный> вестник», № 9).

О стойкости взглядов и убеждений Победоносцева, о ненарушимой, неизменной верности его своим идеям согласно говорят также, повторяя главным образом вышеприведенные нами строки на этот счет «Нов<ого> времени» и др. газеты, например: «Русск<ое> знамя» (№ 313), «Астрах<анский> листок» (№ 57), «Юго-Восточн<ая> Россия» (№ 105), «Подолія» (№ 59), «Симбирянин» (131).

Как «лучезарно-светлую черту» в жизни Победоносцева А. И. С. отмечает в «Свете» «всеми признанное бескорыстие, с каким он проходил свою крупную и знаменательную служебную карьеру, и ту осторожность, с какой он всегда относился к казенному рублю, этой многострадальной единице, которая от века так легко пристает ко всем, прикасавшимся к ней рукам... Пройти бок о бок с казенными миллиардами, не растратив ни одного рубля, и держать в руках своих бразды такого широкого управления, ни разу преднамеренно, с корыстной целью не покачнув весы правосудия ни в ту, ни в другую сторону, это в наш “нервный век” заслуга немаловажная и явление далеко не обыденное... и далеко не каждый, уходя из мира, уносит с собой на душе такое успокоительное сознание» (67). «Бескорыстием Победоносцева Древний Рим гордился бы» (№ 96). На одном из венков, принесенных к гробу К. П. Победоносцева, именно на великолепном венке из белых цветов от А. Нарышкиной изображена была такая выразительная, много говорящая надпись: «Приложившему сердце к откровениям Божиим, а не к корысти». Эту надпись на венке печать особо отметила (напр., «Свет», № 67). Исключительное бескорыстие Победоносцева отмечено также «Варш<авским> дневником» (№ 74), «Гол<осом> Подолии» (№ 61) и «Вил<енским> вестником» (№ 1139).

Последний, т. е. «Вил<енский> в<естник>», приводит, между прочим, следующие, очень ярко рисующие бескорыстие, честность и неподкупность Победоносцева анекдот и факт. «Известно, что Алек-

сандр III при вступлении своем на престол издал строгий манифест против “хищений”, т. е. всякого рода казнокрадства и взяточничества. Автором этого манифеста был Победоносцев. По поводу этого акта были, между прочим, суждения в Комитете Министров. Заседание уже окончилось, и из залы одновременно, беседуя на ту же тему, выходили Толстой, Посыет и Победоносцев. “Желать можно, – говорил обер-прокурор, – но искоренить хищения трудно, раз в них запачканы руки министров”. – “Это вы про кого говорите?” – спросил К-н (министр, потом уволенный за взятку), шедший вслед за ними. “Да тут вот один позади идет, а другой подальше”. Анекдот этот в свое время сильно был распространен. А вот и факт: “Один, покойный ныне банкир, считавшийся первым богачом в России, будучи крайне заинтересован в проведении одного закона, накануне его проведения в Госуд<арственном> Совете прислал в пакете К. П. Победоносцеву чек на миллион франков. Так как с банкиром К. П-ч не был знаком и считал эту присылку ему как должностному лицу, то и отправил чек в подлежащее место, желая делу дать ход. Узнав об этом, банкир встревожился и вечером прислал дополнительное письмо, “с пояснением, на какой собственно предмет он жертвует присланную сумму”. Скандал был устроен, но в свое время о нем много говорили» (№ 1139).

В отзывах печати о К. П. Победоносцеве, наряду с исключительным бескорыстием, отмечались и другие высокие нравственные черты его – отзывчивость, простота, скромность. «Окружавшие и приходившие в близкое соприкосновение с К. П. Победоносцевым, как об этом сообщается в «Пет<ербургской> газете», рассказывают различные факты из жизни К. П-ча, рисующие его необыкновенную отзывчивость и благотворительность в частной жизни. Никто из обращавшихся к нему из истинно нуждавшихся не получал отказа в помощи. Большей частью К. П-ч посылал вспомоществования, не указывая, от кого они исходят, скрываясь под именем неизвестного. Часто его благодеяния тщательно им скрывались даже от приближенных лиц,

и лишь случайно обнаруживалось, что неизвестным благодетелем являлся К. П. П-в» (№ 69). Та же газета в другом номере (79) рассказывает такой факт из жизни Победоносцева. «Несколько лет назад, когда К. П-ч был в полном расцвете своего влияния на государственные дела, в посту в Петербурге впал в сильную нужду небезызвестный на юге поэт г. Б. В одно прекрасное утро Б. отправляет К. П. Победоносцеву письмо с изложением своей нужды, прилагая к письму целую кипу ломбардных квитанций, своих печатных произведений, документы о своей личности. Проходят недели две. В середине страстной в квартире, занимаемой г. Б., вечером раздается громкий звонок. Б. сам отворяет дверь и видит важного осанистого лакея, нагруженного тюками и узлами. “От его высокопревосходительства Константина Петровича Победоносцева господину Б.”, – говорит посетитель. Как оказалось, Победоносцев выкупил по присланным квитанциям все заложенные вещи поэта и в страстной четверг возвратил ему эти вещи, документы и стихи вместе с суммой денег на разговенье». Об изложенном факте из жизни К. П-ча рассказывалось и в др. газетах. В. М. Скворцов, приводя тот же факт в «Колоколе», замечает, что «мы лично подобных фактов знаем множество», и затем приводит «первый попавшийся из (его) воспоминаний случай» сочувственного, чисто отеческого отношения и существенной (в 100 р.) материальной помощи, оказанных К. П-м приезжей с юга в Петербург и явившейся к нему со своею нуждой дочери одного умирающего чуть не с голоду бедняка чеха, принявшего Православие и переселившегося в Россию хлопотать о семье отца. Оказав помощь просительнице, К. П-в обещал еще написать письмо в Киев Терещенко, чтобы он принял брата просительницы на завод и дал квартиру старику отцу ее (№ 348). «Минский епархиальный наблюдатель церковноприходских школ в местном кафедральном соборе перед совершением заупокойной по К. П-че литургии свидетельствовал: “...внимание К. П-ча к труженикам по церковно-школьному делу было поистине

изумительным. Не будет преувеличением, если сказать, что целые сотни из них были благодетельствованы им при постигших их несчастиях и гнетущих нуждах в счет своих собственных средств”» («Минские епархиальные ведомости», № 8).

Приведенные примеры и свидетельства говорят об отзывчивости Константина Петровича на материальные нужды обращающихся к нему за помощью; но он в такой же, если даже не в большей еще, мере отзывчив был на нужды духовные. Эту высокую, можно сказать, даже пленительную черту в нем отмечает Л. Тихомиров. «Близко знающим его, – говорит он, – хорошо известно, что самые сложные государственные дела никогда не заглушали отзывчивости К. П. Победоносцева на запросы души самого маленького человека, с которым ему приходилось сталкиваться. Когда станет известна его громадная переписка, все будут поражены каким-то миссионерским, любовным к личности вниманием его. Он получал кучу писем от лиц, которых считал нужным или поддержать на добром пути, или предохранить, и изумительно, как умел он находить время и внимание на такой труд профессора и миссионера» (№ 342).

Для суждения о К. П. Победоносцеве со стороны его отзывчивости, доброты и снисходительности весьма ценно следующее свидетельство, приводимое г. Глинским в его уже известной нам статье на смерть Победоносцева, помещенной в «Историческом вестнике». Свидетельство это принадлежит архиепископу Волынскому Антонию и заключается оно в письме последнего к К. П-чу, посланном, как замечает г. Глинский, после того, как К. П-ч сложил с себя (в 1905 г.) должность обер-прокурора Святейшего Синода, отошел от дел и подвергался в печати многочисленным нападкам и обвинениям. В письме преосвященного, таким образом, нет и малейших оснований предполагать чего-либо похожего на лесть и заискивание. Да не таков и автор письма, чтобы можно было думать о чем-либо подобном с его стороны при каких бы ни было условиях. Он, между прочим, писал

Победоносцеву: «Вы не были сухим фанатиком государственной или церковной идеи: вы были человеком сердца доброго и снисходящего... Люди бедные или скорбящие духом, люди споткнувшиеся находили сердечный отклик в вашем сердце. Вы не отступали пред страхами человеческими, но часто отступали пред слезами. Быть может, даже иногда погрешали против принципа, подчиняясь жалости, но не погрешали этим против Господа Иисуса Христа. Вопреки заявлению ваших презренных врагов, форма и буква закона не были для вас высшим доводом: горячая и убежденная просьба склоняла на изъятие во имя милосердия. Особенно ценно в вас было то, что вы верили в человеческое раскаяние и исправление: в 1883 г. вы простили одного раскаявшегося семинариста, а в 1898 г. он был епископом, и таких случаев было много за время вашей службы» (с. 266).

Ярко и симпатично обрисовывает Константина Петровича и именно как человека совсем не черствой души, а сердечного В. К. Истомин в «Свете». Он пишет: «Говорили о душевной черствости Константина Петровича. Много лет я знал его лично и любил именно за сердечную мягкость. Помню один случай: 22 мая 1896 г., после венчания на царство, Государь с Императрицею отправились на поклонение в Свято-Троицкую Лавру. Сопровождая в этой поездке великого князя Сергея Александровича, я находился в царском поезде и поместился в купе старого товарища, ныне умершего дворцового коменданта, Петра Павловича Гессе. Едва отошел поезд от вокзала, как в купе к нам вошел Константин Петрович. Было чудное весеннее утро. Солнце заливало простор загородного приволья. Деревья только что покрылись листьями, всходы озимых полей блестели свежестью, словом, вся картина настраивала душу к весенней размягченности. Разговор невольно принимал соответственный характер, и боле других говоривший К. П-ч перешел в область воспоминаний своей ранней юности. Увлекательно рассказывал он о паломничествах того времени в Свято-Троицкую Лавру, в которых и сам он принимал участие. “Это

было необыкновенно хорошо, – рассказывал он, – теперь уже нет более таких типов, как те, с которыми доводилось путешествовать, именно путешествовать, – добавил он, смеясь, – ибо мы шествовали, а не ездили, а сзади и впереди тарантас, бричка и другие уже забытые в наше время экипажи, и все кругом довольные и радостные, совершающее важнейшее дело в своей жизни – богомолье. С каким, бывало, аппетитом утоляешь голод на привале или на ночлеге незатейливой домашней провизией, а спишь как! Сил сколько за этот сон наберешься и не передать; и вот, наконец, приходишь к Хотькову, – тогда ни один паломник не смел появляться в Лавру, не исполнив первоначально совета св. угодника поклониться его родителям. Наконец, после заутрени в монастыре большою толпою соединившихся здесь богомольцев двигаемся по направлению к Лавре”... Тут Константин Петрович вскочил с дивана, как бы вглядываясь в прошлое, продолжал, сильно жестикулируя: “Приближаемся, наконец, к Поклонной горе и останавливаемся, как вкопанные: пред нами, блестя на утреннем солнце своими куполами, вырастает великая Лавра; все падают на колени, крестятся, кланяются в землю и, поднявшись на ноги, сливаются в один радостный хор пения тропаря преподобному Сергию”... и Константин Петрович не выдержал, глаза его наполнились слезами, и он вытирал их платком, поднявши на лоб свои очки в черепаховой оправе. Ну мог ли бы черствый человек так чувствовать? – Нет, эту славу ему создали его враги только потому, что в отношении к божеству он допускал не одну любовь, но и спасительный страх Божий, руководящий этой любовью» (№ 96 от 18 апреля).

По отзыву «П<етербургской> газеты», К. П. Победоносцев «в отношениях своих к окружающим его был весьма прост и обходителен, ценил искренность и простоту и не любил низкопоклонств. Особенно он любил детей и всегда вступал с ними в разговор» (№ 69).

О скромности, смирении души великого человека, полнейшем (а по выражению «П<етербургского> листка», в № 68, «чисто фи-

лософском») равнодушии его к ругательным статьям и памфлетам, как бы они ни были несправедливы и наглы, красноречиво говорит следующей факт, приводимый В. Скворцовым в «Колоколе». В январе (23 числа) 1901 г. в С<анкт-петербургском> Русском Собрании сделан был Б. Никольским реферат, посвященный характеристике Победоносцева и основательно обличавший ненавистников его и хулителей. Скворцов имел намерение напечатать в «Миссион<ерском> обозрении» и самый реферат Никольского, и свои заметки по поводу реферата. На просьбу разрешить напечатание того и другого К. Петрович ответил г. Скворцову следующим письмом: «Благодарю вас за письмо, Василий Михайлович, но настоятельно прошу не упоминать печатно ни одним словом о происходившем вчера в Русском Собрании. Это было бы для меня болезненно неприятно. После моей смерти пусть говорят, что и как хотят, пусть печатают критические разборы печатного моего слова, но этот публичный разбор моей личности тяжел для меня. Мне неловко было противиться доброму желанию Бориса Никольского, но речь его была все-таки для меня нарушением мира» (№ 337). Отмечая ту же черту в Победоносцеве – скромность, смирение души, – Е. Поселянин говорит: «Как в человеке удивительно умном и достигшем отчасти мудрости в нем не было кичливости ума и самолюбия, и весь он был очень скромнен и непритязателен» («М<осковские> вед<омости>», № 64). – По отзыву А. Каминки в газете «Право» (№ 11), «Победоносцев был чужд всякого личного искаательства, мелкого честолюбия и мелкого тщеславия».

Печать в отзывах своих отметила и изумительное трудолюбие Константина Петровича. Большую часть своего дня К. П., говорит «П<етербургская> газета», «посвящал работе, даже будучи больным, он продолжал работать почти до последней минуты своей жизни» (№ 69). По словам «Вил<енского> вестника», «К. П. Победоносцев очень часто просиживал за работою напролет целые ночи. Для письма у него была довольно низкая парта. К. П. мог писать на ней, сидя

на полу кабинета, устланного меховыми коврами. Так он нередко занимался в девяностых годах» (№ 1139). По отзыву Е. Поселянина, «в громадном кабинете Победоносцева с письменным столом колоссального размера и другими столами, сплошь покрытыми бесчисленными книгами и брошюрами, становилось страшно от ощущения развивающейся здесь мозговой работы. Он все читал, за всем следил, обо всем знал. Мне, говорит г. Поселянин, пришлось раз разговориться с ним о театре. Он сказал, что уже очень давно не бывал в театре, кроме как в Москве, на какой-то пьесе литературно-художественного театра: “Великий князь Сергей Александрович заташил”. Но когда зашла речь о разных пьесах современного репертуара, русского и иностранного, он, оказалось, не только знал их содержание, но и то, что пишут об этих пьесах разные заграничные критики» («Московские ведомости», № 64).

Привлекательной, бесхитростной, глубоко естественной по манерам своим личностью рисует К. П. Победоносцева сотрудник «Р<усского> слова» В. Варварин, относящейся, нужно заметить, крайне отрицательно к его принципам и деятельности. В № 76 вот в каких словах г. Варварин передает свое впечатление о личности Победоносцева, прибывшего гостем в одно семейство, в котором случился и автор: «Вошел Победоносцев, светя умом и спокойствием: тем умом и спокойствием, какое я всегда любил в нем, как все приятное и красивое. Мне кажется, “своя думка”, своя недодуманная дума и недоконченное размышление всегда были в нем, присущи ему были днем и ночью. И от этого присутствия мысли в его лице вот сейчас оно было духовно красивее всех других лиц, куда бы он ни входил, где бы ни появлялся. Все остальные думают о “сейчас”, и эта мысль о “сейчас” – коротенькая, малая. Победоносцев же, входя в обстановку “сейчас”, нес на себе остатки и следы именно длинных мыслей, естественно более важных и более красивых, чем обыкновенные. Как ни мало увлекательна для меня его деятельность, тем не менее

личность Победоносцева была для меня и остается неизменно привлекательной. В нем была еще другая дорогая черта – глубокая естественность. Каждое движение его, каждое слово были натуральны, “как хотелось”. Ничего искусственного, деланного, преднамеренного. Никакого даже отдаленного намека на хитрость или возможность хитрого. До чего он в этом отношении не похож на “высокопоставленных карьеристов Петербурга”».

При жизни Константина Петровича было, можно сказать, общим мнение о нем как о человеке религиозном, верующем, любящем церковность, убежденном и верном сыне Православной Церкви. Эту черту в нем печать отметила особо и по поводу его кончины. По словам, например, Л. Тихомирова, К. П. Победоносцев «был искренний христианин и убежденный православный, вполне проникнутый церковностью, но стоял выше всякого подчинения клерикализму или какой бы то ни было внешней форме. Необычайная тонкость ума, сознающего свою силу, во всех отраслях мировоззрения предохраняла его от подчинения чему бы то ни было, кроме истины» («Колокол», № 342). «Служение Православной Церкви, – говорит В. Колпенский в «России», – вот истинное душевное влечение Победоносцева. Уже давно проявлял он особое рвение к этой стороне человеческого духа, которую одну почитал истинной. Наука, разнообразная и широкая литературная деятельность, политическая мысль, учебно-воспитательное дело, которому также он отдал обильную дань, политика – ничто не заглушило в нем того, чем он был прежде всего – православного христианина. Начиная с книги “О подражании Христу” Фомы Кемпийского, им переведенной и изданной, он не перестает сквозь всю свою деятельность служить делу Православной Церкви» (№ 399).

По отзыву Е. Поселянина в «М<осковских> ведом<остях>» (№ 64), у Победоносцева «была область, более других им любимая, область, в которой он отдыхал всей душой: это была церковность. Он любил и понимал ее, как русский простолюдин, с бесхитростной про-

стотой интересуясь и обрядностью. Мне, продолжает г. Поселянин, говорили, что, когда в Синоде было решено назначение в одну епархию архиерея не особенно благолепного в служении, он, схватясь за голову, воскликнул: “Что они делают! Там народ службу любит. А он повернуться не умеет!” Его можно было встретить незаметно затерявшегося в молящейся толпе где-нибудь в Казанском соборе. Все знали, что он не любил, чтобы его в это время узнали. Мне кажется, как всякий русский и смиренно верующий, и в то же время высококультурный человек, он переживал в эти часы, под напев вечных песен, настроение близости вечности, слабости тех земных уз, которые нас здесь тяготят, не давая подняться и улететь в высоту к Богу. Ему с его вечно трудовой жизнью, как бы покорно и сознательно бороздившему ниву в том направлении, как казалось ему лучшим, ему хотелось отрады и покоя, его жадному уму – обладания совершенной истиной, его чуткой к красоте душе – откровения вековечной и святой красоты, – и все это обещали ему песни, те песни, что в церквах уж который век дают русскому народу возможность дожить и дотерпеть... Дожил и дотерпел и он, и пойдет со своими подвигами, ошибками и добродетелями к единому всевидящему Судии... Есть в человеке, что переходит с ним в вечность, и чего сама вечность не изгладит: это – настроение его жизни, его отношение к Божеству. И тут этот мудрец будет предстать пред Богом в венце своей теплой и бесхитростной веры, сливаясь с рядами былых русских людей, которые встретят его там как своего, как брата».

Как известно, в последние годы своей жизни Константин Петрович занимался переводом на русский язык книг Нового Завета. Касаясь этого дела К. Петровича – перевода им Нового Завета, – «Колокол» высказал: «Пред самой кончиной за несколько только дней появился в печати его перевод Нового Завета. Это показывает, что возвышенный ум его был обращен к самой глубокой основе жизни человека и витал в самых возвышенных сферах. Подобно Гладстону, он всегда находил

время обращаться мыслью к Богу и на семь Камени желал утвердить подвигшееся сердце свое на закате дней своих» (№ 537). Преосвященный Таврический Алексей в речи пред панихидой по К. Петровиче высказал: «Кажется, главным предметом, занимавшим его душу, была вера Христова, в ее учении и жизни... Нельзя забыть последнего труда его, который он закончил, можно сказать, накануне своей смерти. Я разумею новый русский перевод свящ<енных> книг Нового Завета» («Тавр<ический> ц<ерковно>-общ<ественный> в<естник>», № 9).

Искренняя, глубокая религиозность Константина Петровича отмечена и в «Церк<овном> вестнике». В № 12 этого журнала Н. Никольский, называя К<онстантин>а П<етрович>а «благочестивейшим» обер-прокурором, говорит, что «не забудутся и свойства душевного облика К<онстантин>а П<етрович>а, отвечающие тому посту “государева ока”, который был занят им в течение четверти века. В списке правителей, состоявших в этой должности, и в сонме лиц, его окружавших, трудно назвать другого человека, который был бы так нелицемерно проникнут сердечной религиозной верой, так пропитан благочестивой настроенностью, который бы с таким благоговением и детской чуткостью относился к установлениям церковным и так тонко умел осмысливать гармонию между старыми преданиями и текущими событиями жизни».

Глава II

Непримиримое разногласие печати в оценке деятельности К. П. Победоносцева. – Неизбежность этого явления. – Объяснение причин крайне враждебного отношения к Победоносцеву как деятелю со стороны «освободительной» печати. – Характеристика этой печати.

Насколько периодическая печать единодушна была в отзывах своих о личных свойствах Константина Петровича, обусловивших его карье-

ру и влияние на нашу церковно-государственную жизнь, настолько же печать эта расходилась в отзывах о деятельности его и последствиях ее для жизни страны. Тут мы встречаемся с отзывами непримиримыми, диаметрально противоположными.

На разнообразие, на неизбежность разнообразия в оценке деятельности Победоносцева и ее последствий указывала сама же печать. Так, по отзыву «Р<усских> ведомостей», к Победоносцеву, «представлявшему несомненно сильную политическую фигуру, не могло быть равнодушного отношения – одни пред ним преклонялись, другие глубоко его ненавидели» (№ 57). «Церк<овный> голос» высказал, что о Константине Петровиче знали все или почти все грамотные люди России, теперь, по случаю его кончины, снова все вспомнят, причем «одни благословят его память и тепло помолятся об упокоении его души, другие сомкнут свои уста, следуя правилу: *de mortuis aut bene, aut nihil*¹; третьи, быть может, не оставят в покое его и по смерти» (см. «Полт<авские> еп<архиальные> вед<омости>», № 11, с. 511).

«К. П. Победоносцев, – говорит Б. Б. Глинский, – представляет собою в нашей столь небогатой выдающимися личностями жизни явление необычайного порядка... Одни его ненавидели и проклинали, другие славословили, пред ним преклонялись и его благословляли; одни видели в нем ангела-спасителя России, другие – ее злого гения. Безразлично к нему никто не относился. Он был определенным историческим знаменем, которое рвали бури и непогоды, вокруг которого кипели страсти и борьба. И так не только в течение двадцати пяти лет, когда он стоял в ряду активных деятелей нашего государственного механизма, но даже когда он, обремененный годами и несогласный с новыми течениями правительственного курса, сошел с государственной сцены и утратил всякое влияние на ход событий» (с. 247).

При редком единодушии, с которым периодическая печать самых разнообразных направлений отзывалась о высоких до исключитель-

¹ О мертвых или хорошо, или ничего (*лат.*).

ности, светлых личных свойствах К. И. Победоносцева и в виду крайнего несогласия той же печати в оценке его деятельности, по ее характеру и последствиям для страны, естественно возникнуть вопросу, чем объяснить стремление иных, даже многих газет или, по крайней мере, отдельных сотрудников иных газет всячески, во что бы то ни стало представить, как говорится, чернее черного не только отдельные стороны в деятельности Победоносцева, но всю ее сплошь, без единого хотя бы маленького в каком-либо отношении исключения? Просто невероятным представляется, чтобы человек с таким сильным, светлым умом, с таким выдающимся по широте и глубине образованием, с такими несравненными по их высоте и привлекательности нравственными качествами, какими обладал Победоносцев, мог проявлять себя и притом постоянно и неизменно в такой деятельности, для порицания которой, можно сказать, не находил достаточно сильных слов и выражений тот самый лагерь печати, из которого слышалась этому человеку как личности почти исключительно только хвала и славословие. Чтобы понять и правильно оценить это могущее казаться, действительно, невероятным явление, необходимо знать, какой была или что представляла собой в значительнейшей своей части наша периодическая печать в последние годы жизни Победоносцева.

Считаем за лучшее характеристику тогдашней печати сделать на основании самой же печати. В этом отношении вполне можно удовлетвориться следующей, в высшей степени яркой, характеристикой ее, принадлежащей перу первостатейного из современных публицистов М. Меньшикова. В его статье «Преступное слово», помещенной в № 11. 212 «Нов<ого> вр<емени>» в июне 1908 г., между прочим, читаем: «Еще до революции за подписью “дозволено цензурою” часто выпускалась пресса, заведомо клеветническая, шантажная, смердящая самым подлым зловонием. Публика отдана была во власть мошенников пера, которые prostituiровали гласность до жалкого ее падения. Еще до революции на глазах правительства создавалась так

называемая “жидовская дешевка”, “распивочная”, “подкаретная печать”, специальностью которой, как во Франции, сделалась уголовная хроника, описывающая в самых феерических красках громкие преступления... чтобы наиболее гнусные злодейства воспеть как эпопеи, а негодяям придать ореол героев»...

Что революционная дешевка вносит в публику яд, об этом кричат некоторые из тех либеральных журналистов, что имеют мужество быть честными. Как на характерный этого документ г. Меньшиков указывает на статью г. Чуковского под заглавием «Спасите!», напечатанную (на что обращается особое внимание) в крайне радикальной газете «Судьба народа» (№ 1). Статью эту г. Меньшиков называет «воплем утопающего». Содержание этого «вопля», действительно, очень любопытно и назидательно.

«Прошли уже святые, задушевные времена кустарной литературы, – пишет г. Чуковский. – Начинается литература фабричная, газетный период российской словесности. Вместе с газетой – а газета у нас всего года три с японской войны – в русскую литературу пришла сволочь, и всю ее, сверху до низу, окрасила собою. Ежедневно к столичным вокзалам прибывают все новые и новые партии свежей литературной сволочи – страховые агенты, дантисты, сутенеры, шулера, маклера, юнкера, прыщеватые люди в пенсне, люди с бумажными манишками и прилизанными волосами густо устремляются в Петербург. Карманы у них оттопыриваются, и оттуда они извлекают не рукопись, нет, не балладу, не поэму, не роман, а груды рекомендательных писем в погребальную контору, к жене страхового инспектора, в аптеку, в галантерейный магазин и, между прочим, к редактору газеты. Если не примет страховой директор, если аптека не возьмет в фармацевты, если в погребальной конторе переполнены штаты, молодой человек идет в газету и становится русским писателем».

«Таков, – замечает г. Меньшиков, – нынешний писатель, которому отдана во власть самая коренная из всех свобод – свобода слова.

Г. Чуковский, видимо, насмотрелся до омерзения этой заразы. Он стесняется только прибавить, что все эти агенты, дантисты, маклера и шулера – в подавляющем большинстве евреи. Журналист и еврей – почти синонимы. Так сложилось, что отброс еврейский представительствует “русское общественное мнение”. Не три последние года явилась “сволочь” в печать; она проникала в печать всегда. Теперь она лишь взяла засилье. И г. Чуковский говорит также, что “теперь на одного настоящего писателя копошится сто полуписателей, псевдописателей, квазиписателей». Настоящие писатели “потонули в этой сплошной, бесконечной, безличной, безглазой литературной сволочи”... Странно ли, удивительно ли, спрашивает тот же Чуковский, что этой литературной сволочью “все прошлое, великое и благородное, до чего додумалась и дострадалась русская литература, – сметено и забыто, а новое, если и творится, то в одиночку, со всех сторон захлестываемое и обливаемое грязной волной?”».

Тот же по существу – что и Чуковский с Меньшиковым – взгляд на деятелей наиболее распространенной печати и тогда же высказал в газете «Колокол» один из наших епископов в статье «Непроходимое невежество». Он пишет: «...пора бы русским людям убедиться, что вся наша так называемая освободительная печать находится в руках заклятых наших врагов-иудеев и наших иудействующих изменников-“интеллигентов”. Иудеи и их союзники – масоны отлично понимают всю силу гипноза печати... Зная эту силу, они ничего не жалеют на поддержку своих изданий. Вы не хотите подписаться на них? Не беспокойтесь, вам будут присылать их даром, если вы – человек, обреченный иудеями на эту отраву» (см. № 649 от 18 апреля).

Чтобы лучше уяснить себе причину крайне враждебного отношения нашей «освободительной» печати к Победоносцеву как к церковно-государственному деятелю и надлежащим образом понять и оценить отзывы ее о нем, необходимо иметь в виду отношение светской прессы к самой Церкви и ее догматам, к родине, к государственному строю и к

национальной идее, которое существовало еще задолго до начала у нас революции и которое во время революции и ближайшие к нему последующие годы проявило себя с особой яркостью.

Кто не помнит, какая пристрастная, беспощадная, полная ненависти и высокомерия и в то же время лживая раздавалась еще до революции критика деятельности церкви в лице ее представителей, и не только деятельности современной, но и прошлой, исторической? Тогда еще громко заявлялось в нашей прессе, что Православная Церковь, будто бы, сломала в русском племени его славянскую самобытность, повредила чистоте браков, все время мешала сложиться у нас правильным семейным отношениям, целые века держала и продолжает держать народ в суевериях и невежестве, была гасительницей в нем просвещения, убила в народе поэтическое творчество, художественные порывы, глушила в нем звуки живой песни, губила творчество на музыкальных инструментах. Мало того, с небывалой никогда прежде свободой высказывалось отрицание самой идеи Церкви как богоустановленного учреждения, и, напротив, утверждалась, хотя, впрочем не новая, но успевшая уже заплесневеть мысль, что Церковь есть создание рук человеческих. Утверждалось еще, что догматы христианского учения суть кандалы, убивающие религиозную мысль и жизнь, что Церковь растоптала евангельские лилии, засушила их, сделала из них нити, а из нитей веревку, на которой и остается только удавиться.

Весною 1905 г., как известно, выдвинут был на официальную почву вопрос о коренной реформе всего строя нашей церковной жизни, вопрос величайшей важности, колоссального значения. Либеральная и радикальная печать взяла этот вопрос под свое покровительство и, защищая идею, всячески порицала существующей строй Церкви. Скоро же, однако, обнаружилось, что благожелания свои Церкви «красная печать» высказывала совершенно лицемерно, в надежде приобрести в Церкви союзницу «освободительному движению», и потому еще,

что вопрос о церковной реформе она считала за «досадительный» церковной власти. В существе дела радикальная печать несказанно была бы рада, если бы Церковь прекратила свое существование и голос ее умолк навсегда. Раньше других эту всегдашнюю затаенную мысль радикальной, да и либеральной печати откровенно высказали в дебатах по вопросу о церковной реформе «Новости». «Не о реформе Церкви, – заявила эта газета еще в апреле 1905 г., – надо заботиться, а о том, чтобы поскорее совершенно избавиться от этого кошмара (т. е. Церкви)». В разгар революции и особенно в период действия первых двух Гос <ударственных> Дум «красная печать» сбросила окончательно маску, прикрывавшую истинное ее отношение и к Церкви и к самому Православию как вероучению. Она объявила Православие «историческим предрассудком русского народа», как и самодержавие, и точно так же, как последнее, подлежащим уничтожению (см. «Наша жизнь», номер от 29 июня 1906 г.). Судите сами, читатель, что могла высказывать о Церкви, о служителях ее, о стражах и защитниках Церкви и ее интересах печать, ставящая для себя долгом искоренять в русском народе Православие как вредное суеверие...

С неменьшею, чем к Церкви, враждою и ненавистью печать освободительного лагеря, проникнутая социализмом и почти явно революционная, относилась и к государству. Совлекая с Церкви принадлежащие ей драгоценные, неизъяснимой красоты ризы и накидывая на нее безобразные лохмотья, печать эта усердно разукрашивала существующий государственный и общественный строй и самую национальную идею лишь одними цветами чертополоха и крапивы. Все это мы хорошо помним и знаем, и совершенно излишне было бы подробно говорить об этом. Церковь и государство, Православие и самодержавие одинаково представлялись ею как пережитки, как исторические предрассудки народа, подлежащие искоренению. На обязанности образованного общества, по ее мнению, помочь народу возможно скорее и с наименьшею болью освободиться от всего этого.

Что проповедовала социал-демократическая, социал-революционная печать в народной массе и как интенсивна была ее проповедь, об этом вполне ясное представление дают результаты, которых проповедь эта достигала и – заметьте это – в здоровой среде. Вот, например, что писала г. Меньшикову летом 1908 г. «одна весьма почтенная деятельница» о своей деревне: «Двадцать лет тому назад я устроила школу. Мне пишут многие бывшие ученики. Один перед войной все просил, чтобы я устроила ему перевод в действующую армию. “Хочу, – писал он, – повоевать за Царя, за веру, за родину” Теперь, после чтения дешевых газет, я читаю в его письмах: “Взял бы, кажется, сейчас ружье, чтобы самому перестрелять всех генералов и, главное, правительство”... Учительницы, не захваченные бунтом, пишут мне одно и то же: “Дайте народу читать что-нибудь другое, кроме дешевых газет и прокламаций. А прокламаций у нас миллионы. Их не только разбрасывают по избам, а даже по пути в город, на кустах они развешаны. Мужики выписывают газеты, только справляясь с ценой: дешевы – ну и выписывают. А смотрите, какая из этого растет злоба. Вы не узнаете ваших любимых школьников. Они превратились в парней, которые только и твердят, что надо все правительство перерезать”. Войдите в мое положение: двадцать лет работала в родном гнезде, все силы отдавала народной грамотности... Видеть, что все мои труды пошли на пользу бунта... Видеть страшную лаву злобы, что вливают дешевые газеты в обученный нами грамоте народ, как хотите, – тяжело»... («Нов<ое> вр<емя>», № 11. 212).

Или вот еще пример, не менее ясно, чем предыдущий, показывающий, какую проповедь и насколько успешно вела революционная печать в народной массе. В «Казан<ском> телеграфе» помещено письмо одного крестьянина из с. Каинки, Свияжского уезда. «Господа читатели, – пишет, между прочим, этот крестьянин, – посмотрите, что творится у нас на социал-революционной почве. Наше родное село исстари века отличалось добросовестностью и смирением

из окрестности, а теперь что же! Вертепом разбойников и хулиганства стало. Ежедневно почти происходят грабежи и насилие»... (см. «Колокол», № 682, 1908 г.).

Имея в виду периодическую печать последних годов службы и жизни Победоносцева, противохристианскую, противоцерковную, анархическую, явно и, надо это помнить, безнаказанно проповедовавшую теорию разврата мысли, чувства и слова, теорию разнуздания страстей, имея в виду такую печать, можно ли было ожидать доброго ее слова о принципах и идеях, которых неизменно держался Победоносцев, которым верно и нелицемерно служил и которые старался проводить в нашу церковно-государственную и общественную жизнь? Доброе слово о Победоносцеве со стороны такой печати прямо-таки немыслимо, ибо равнялось бы ее самоотрицанию, самоубийству.

Для полноты суждения о деле необходимо иметь в виду еще и то обстоятельство, что Победоносцев не скрывал своего презрительного мнения о забравшей засилие современной ему газетной печати, отзывался о ней в очень резких выражениях, чем, конечно, и усиливал в ней по отношению к себе раздражение и злобу. Известный взгляд Победоносцева на газеты «Бирж<евые> вед<омости>» излагают в следующей частной беседе его с одним московским издателем. Если беседа эта, действительно, и была, то в изложении, в тоне изложения допущено большее или меньшее искажение. Это невольно чувствуется. «Газеты, – говорил, будто бы, Победоносцев, – это те же кокетки. Как и продажные женщины, органы прессы стараются прельщать читателей различными заигрываниями... “Эти дамы” румянятся, подводят глаза, втыкают в шляпки чудовищные перья... Все это дозволяется, но, в интересах общественного здоровья, горизонталки всегда должны находиться под медицинским присмотром, и заболевших, во избежание заразы, следует тотчас извлекать из обращения. Так мы... и с газетами: кокетничайте с публикой, слегка заигрывайте с либе-

рализмом и даже социалистами... Но как только появилось подозрение, что газета “больна”, что она всерьез хочет проводить какие-то там политические идеи, – пожалуйста в карантин: приостановить ее на 8 месяцев или закрыть». «Какую драму морального потемнения пережил человек, не различавший проституции от дара слова!» – восклицают «Б<иржевые> в<edomosti>» в негодовании по поводу высказанного Победоносцевым взгляда его на газеты, на печать (№ 9.790). Но, однако, до негодования ли тут, если вспомнить свидетельство либерального же публициста г. Чуковского о том, что в нашу газетную печать пришла и забрала в ней силу «литературная сволочь?»...

Как остро сознавалась нужда в обуздании периодической печати, в которой господствующее положение заняла «литературная сволочь», веским, красноречивейшим доказательством этого служит следующее постановление пастырского собрания духовенства целой киевской епархии, состоявшееся вскоре же, через каких-нибудь полгода после смерти Победоносцева, именно в сентябре 1907 г. В одном из своих заседаний, происходивших под председательством епископа Агапита, собранием было постановлено обратиться к митрополиту Флавиану с докладной запиской, в которой указывается, что значительная часть тогдашней печати стала проводником мыслей противорелигиозных, противохристианских, противогосударственных, противообщественных, противоцерковных и безнравственных, такая печать разлагает семью, государство и общество и что она главная виновница революций (см. телеграм<му> из Киева в № 11.318 «Нов<ого> времени»).

Е. Поселянин в «М<осковских> ведом<остях>» указывает еще и на особую причину, почему К. Петрович «ненавистен» был всей вообще левой печати. По личным своим свойствам, по высоким духовным дарованиям он являлся для левой печати таким противником, «которого нельзя было презирать, почти невозможно оспаривать, и которого оставалось только ненавидеть» (№ 64). Почти ту же, что

г. Поселянин, причину ненависти левой печати к Победоносцеву указывает и «Киевлянин». Он говорит: «Ненависть радикального и либерального лагеря к Победоносцеву находит себе полное объяснение в том обстоятельстве, что наши либералы и радикалы в покойном К. П. Победоносцеве имели сильного и беспощадного врага, сильного не столько практической государственной деятельностью, сколько могучим аналитическим умом, с бесстрастностью ученого анатома вскрывавшим всю сущность современного либерализма, радикализма, демократизма» (№ 77).

В объяснение отношения иных, быть может, и многих деятелей в левом лагере печати к К. П. Победоносцеву как к деятелю «Колокол» так высказывается: «Выдающиеся деятели и великие характеры встречают со стороны своих современников обычно не понимание, а противодействие, вражду и борьбу. Это жребий всякого крупного деятеля в роде людском. На высшие организмы с яростью нападают именно всякие микробы, бациллы и прочая мразь» (№ 337).

Глава III

Ложное представление об отношении К. П. Победоносцева к печати как прогрессивной, так и консервативной. – «Пляска диких ирокезов» в образе органов «освободительной» печати или левогазетное беснование по случаю кончины Победоносцева.

Сколько бы там либералы, радикалы, революционеры в области государственной и церковной ни проклинали победоносцевский режим, беспристрастный, объективный летописец, нисколько не затрудняясь, скажет, что при Победоносцеве церковно-государственное управление по общей его системе было совершенно безупречно с точки зрения либерализма. Тому времени, если что можно и удобно приписывать без всякого риска нарушить историческую правду, то это

лишь декорации тирании в церковно-государственном управлении. Если бы это входило в программу нашего труда, мы могли бы в подтверждение слов своих представить веские фактические основания.

Позволим себе, однако, сказать несколько слов в уяснение фактического положения собственно печати и ближайшим образом печати периодической как прогрессивной, так и консервативной, в победоносцевское время. К этому побуждает нас желание установить надлежащую цену частым ссылкам либералов и радикалов как на что-то неподлежащее оспариванию на крайнюю будто бы строгость цензуры при Победоносцеве, «душившую всякое проявление свободной мысли, свободного слова» и делавшую «немыслимым всякое даже отвлеченное рассуждение в области религиозных вопросов».

По нашему убеждению, чистейший вздор и клевета утверждать, что либеральная, радикальная и вся вообще печать левого лагеря изнывала под гнетом Победоносцева, еле влачила жалкое существование, подвергаясь, по его инициативе и настояниям, постоянным и тяжким карам. Будь это действительно так, мы не читали бы следующих, нам уже известных справедливейших строк из статьи г. М. Меншикова «Преступное слово»: «Еще до революции, т. е., поясним, в победоносцевское время, за подписью “дозволено цензурою” часто выпускалась пресса заведомо клеветническая, шантажная, смердящая самым подлым зловонием... Вот с такой-то газетой еще в дореволюционное время проникала в русскую литературу, по сильному, нам также уже известному выражению г. Чуковского, “литературная сволочь”. В революционное время «сволочь» эта, по словам г. Меншикова, «взяла засилье». Выше мы напоминали читателю и о том, какая пристрастная, беспощадная, полная ненависти и высокомерия и в то же время лживая раздавалась также еще до революции критика деятельности Церкви в лице ее представителей, и не только деятельности современной, но и прошлой, исторической, и какую антипатию, какое отвращение к Православной Церкви, к самим дог-

матам ее учения прививала и притом с полной свободой обществу еще дореволюционная пресса. Подобных явлений никак не могло бы быть, если бы тогдашняя пресса действительно находилась под строгим и неумолимым контролем Победоносцева.

Если уже и говорить о строгости контроля за прессой со стороны Победоносцева и выражать сетования и жалобы на эту строгость, то основания для этого скорее могли бы найтись в отношениях его к прессе правого, консервативного лагеря.

В № 192 «Колокола» от 8 сентября 1906 г. напечатана была весьма характерная в рассматриваемом отношении статья Е. Eschatos'a под заглавием: «Внимание всех православных христиан». Редакция, печатавшая эту статью, сочла долгом предварить, что статья принадлежит «ревнителю Церкви Божией», «одному из столпов веры православной». Следующие строки из этой статьи в высшей степени определено рисуют положение дел: «Ужели правы те, – спрашивает Eschatos, – которые уверяют, будто у нас и Церкви-то нет, ее голоса не слышно, ибо что же это за голос, который только и твердит одно и то же: “Тише, тише, не задевайте этих красных, левых, не раздражьте этих освободителей”? А ведь больше ничего мы не слышали... Либеральным батюшкам все разрешается и, по крайней мере, с рук сходит, а архиерею (даже архиерею!) всякое слово в строку» (с. 55–56).

До каких, можно выразиться, подавляющих колоссальностью своей пределов доводилось в победоносцевское время подчинение принципу: «Тише, тише, не заденьте этих красных, левых, не раздражьте этих освободителей», хорошо видно из следующего примера, лично нас касающегося, в деле, конечно, частном.

По поводу всем памятного выступления рабочего класса (9 января 1905 г.) под водительством несчастного священника Гапона и приветствий последнему даже от лиц духовного сана, которым Гапон показался достойным подражания пастырем гуманистом, нами изготовлена была статья на тему: «Согласна ли деятельность о. Гапона с

заветами нашей истории и с Евангелием». Статью эту нам хотелось поместить в «Церковных ведомостях», в редакцию которых мы ее и препроводили. Едва ли и час какой пробыла статья в редакции. Получили мы ее обратно с лаконической надписью редактора (протоиерея, ныне покойного, П. А. Смирнова): «Возвратить». Вскоре же после этого статья была напечатана в старейшем и почтенном духовном журнале «Странник» и, как нам известно, прочитываема была на некоторых пастырских собраниях.

Другой случай, с нами же, еще более характерен. Когда о. Григорий Петров (ныне расстриженный) в славе своей достиг зенита, мы издали брошюру «Новый и традиционный духовные ораторы: о. Григорий Петров и Иоанн Сергиев (Кронштадтский)», в которой выступили с решительным осуждением проповеднической деятельности о. Петрова, несомненного толстовца. Брошюра эта, лишенная всякого полемического задора, удостоилась многих очень лестных отзывов, включительно до таких же профессорских. В короткое время (меньше года) она выдержала пять изданий. Но летописи достойно собственно следующее. У нас имеются и другие издания собственного сочинения и сборники. Об изданиях обыкновенно делается объявления. Послали мы такое и в «Церк<овные> ведомости». И что же? Объявление было напечатано, но с пропуском упоминания о названной брошюре... Ну, можно ли еще дальше простираť подчинение принципу: «Тише, тише, не заденьте этих красных, левых, не раздражьте этих освободителей»?..

Уж если, по словам Eschatos'a, батюшкам либеральным все разрешалось, то какой же простор был светским либералам и радикалам для суждений по религиозным и церковным вопросам. Для них духовной цензуры, можно сказать, совсем не существовало. Но во всяком случае она для них была гораздо снисходительнее, чем светская. Иным может показаться даже невероятным, но это действительно так было. Многое из того, что говорилось на пресловутых религиозно-философских со-

браниях (1903 г.), светская цензура не пропускала к печати, а духовная пропускала свободно, чем и удивляла цензуру светскую.

Деятели из левого и крайне левого лагеря печати в доказательство якобы крайнего стеснения печати в суждениях по церковным и религиозным вопросам постоянно и неизменно ссылаются на отлучение гр. Льва Толстого от Церкви. По их убеждению, случай с Толстым – никак и ничем неопровержимое доказательство религиозной и церковной тирании, якобы существовавшей в победоносцевское время. Однако доказательство это очень легко опровергается. Кому неизвестно, что Лев Николаевич последние не один десяток лет только и знал, что сам себя отлучал от Церкви? По отношению именно к Толстому то снисхождение, терпимость и проявлены были до границ массового соблазна верующих, который собственно и подвигнул церковную власть не отлучить Толстого от Церкви, а, точнее говоря, объявить об отречении его от последней.

Без вышеизложенных предварительных замечаний о положении периодической печати левого лагеря в дореволюционное время показалась бы недостаточно понятна самая возможность той «пляски диких ирокезов», которая учинена была левыми органами печати по случаю кончины К. П. Победоносцева.

Задача нашего труда требует, чтобы читатель ознакомлен был по возможности со всеми отзывами, которые даны были в печати о К. П. Победоносцеве по случаю его кончины, как бы иные из этих отзывов ни были отрицательны или враждебны к его идеям и деятельности. Предсказываем то изумление, которое будет испытывать читатель, созерцая левогазетное беснование, вызванное кончиною Победоносцева.

Газеты левого и в особенности крайне левого направления, по-видимому, чувствовали всю неловкость, все неприличие своего крайне отрицательного, грубого, резкого отношения к почившему Победоносцеву как к церковно-государственному деятелю, когда еще не был закрыт гроб его. Поэтому, и как бы в свое извинение, некото-

рые газеты, поспешая с отрицательными отзывами о скончавшемся, сделали отзывы эти с оговорками.

Так, на другой же день после смерти Константина Петровича (т. е. 11 марта) «Современная» речь» писала: «Вчера скончался К. П. Победоносцев. Латинская пословица учит говорить о покойниках только или хорошо, или ничего. Но кончина этого человека не может быть обойдена молчанием. Более пятидесяти лет он являлся злым гением России...» (Л. 43). «Правило – *de morluis nihil nisi bene*¹, вполне приложимое, когда умирает обыкновенный смертный, пред гробом общественного деятеля, и тем более такого крупного государственного человека, каким был скончавшийся К. П. Победоносцев, должно быть оставлено» («Новь», № 58). В газете «Утро» некто Г., высказав, что «зрелище каннибальской пляски над свежим трупом – скверное зрелище», в то же время «немножечко» сам поплясал над трупом Победоносцева в пустенькой заметке под кричащим заглавием: «Старые боги уходят» (Л. 69). В № 25-м все от того же 11 числа «Парус» писал: «Открытая могила... Да, она обязывает к сдержанности, она требует кроткого прощения. Мертвый в гробе мирно спи... Но как нельзя сложить с умершим Победоносцевым в могилу сотворенное им зло, так нельзя одеть мысль и слово по поводу этой могилы в броню корректности и официального пиетета».

Ввиду «чувства пристрастия и предвзятой идеи, которым меньше всего должно бы быть отведено места у незакрытого еще гроба почившего деятеля» и которые, однако, проявлены были к нему в отзывах прогрессивной печати, А. И. С. писал в «Свете» в день похорон Константина Петровича, т. е. 13 марта: «Мировая аксиома гласит, что о мертвом надо говорить хорошо или не говорить вовсе, а между тем у нас на Руси эта великая и непреложная аксиома нарушается чаще и упорнее, нежели где бы то ни было. Не принимается в этих случаях во

¹ О мертвых либо хорошо, либо ничего; о мертвых следует говорить или хорошо, или ничего (*лат.*).

внимание ни то, что личная месть к почившему находит себе в этом загробном осуждении всего меньше удовлетворения и что покойник не слышит ни расточаемых ему панегириков, ни раздающихся по его адресу осуждений... Не хотят посмертные хулители остановиться и на том, что хула их оскорбляет ни в чем невинных, близких почившему людей... Хулители, подобно могильным червям, делают свое мрачное дело на дне отверстой могилы» (№ 67).

Очень трудно надлежащим образом систематизировать отрицательные, как, впрочем, и положительные отзывы печати о К. П. Победоносцеве. В статьях с отзывами большинство газет старалось, что, впрочем, и естественно, как говорится, охватить предмет по возможности со всех сторон. Чаще всего в одной и той же статье высказывались суждения о Победоносцеве и как носителе и выразителе известных идей, принципов и традиций, как ученом писателе и литераторе, как церковно-государственном и общественном деятеле. Некоторые газеты не забыли коснуться с отрицательной стороны его личных свойств и качеств, а газеты крайне левого лагеря не преминули выразить антипатии к его внешности, даже к дому, в котором он жил.

Скончался Победоносцев вечером 10 марта. И, можно сказать, когда в буквальном смысле тело его не успело еще остыть, на газетные столбцы полилась при плохо замаскированном, а то и явном, открытом злорадстве прямо лавина злобы и ненависти к скончавшемуся, соединенных с чудовищной клеветой на него; на другой день, т. е. 11 числа, не только столичные, но и некоторые провинциальные газеты (Москвы, Киева, Одессы) появились с заметками и статьями о почившем, внушенными чувством вражды к нему и озлобления.

Представляя себе отзывы левых и крайне левых газет о Победоносцеве, сотрудник газеты «Р<усская> правда» Баян имел полное основание выразиться, что враги Победоносцева по случаю его кончины «подняли пляску диких ирокезов», «пустились в *danse macabre*¹» (№ 94).

¹ Пляска смерти (*фр.*), пляска на костях.

Смерть К. П. Победоносцева есть событие историческое. «Пусть же будет, – скажем словами Н. О. в «Колоколе», – занесен в скрижали истории и факт беспримерного духовного убожества еврействующей прессы, представляющей мнения о почившем командующей интеллигенции» (№ 337).

«Бирж<евые> ведомости» за ночь с 10-го на 11-е (а может быть, и раньше, когда еще жив был Победоносцев) приготовили целых две больших статьи, посвященных памяти скончавшегося. Одна из статей и озаглавлена характерно: «Великий революционер». В статье этой с чисто еврейской развязностью, между прочим, высказывается: «Вдумчивый наблюдатель не назовет деятельность К. П. иначе, как чисто революционной. Правда, он не был *красным* (курсивы газеты) революционером... Он был белым, но на духовном облике его лежит та же (что и у красных) печать презрения к законам эволюции – тот же порыв к насильственной ломке существующего. Красные скачками идут вперед, такими же скачками он пытался гнать Россию назад. Победоносцев – человек одного тела с Робеспьером. Адвокат из Арраса, искренний враг смертной казни, чтобы спасти Францию, посылал на гильотину тысячи сограждан. Профессор из Москвы, на свой лад последователь Христа и горячий поборник русской государственности, во имя Христа душил все живое... Отрицательный полюс русской действительности Победоносцев пошел войною на положительный, и Лев Толстой был предан анафеме: тени Джордано Бруно и Спинозы могли увидеть повторение своей истории. Монахи Соловецкого и Суздальского монастырей обратились в тюремщиков. Какие мрачные бездны таила душа этого человека, которому нельзя отказать ни в уме, ни в воле! Какая скорбь, что богатые дарования были направлены в сторону разрушения!.. Никогда не стеснялся Победоносцев в поругании идеалов. Перелистайте “Московский сборник”, произведения пера бывшего обер-прокурора Синода: в злобе и отрицании тут превзойден сам Мефистофель... Рухнул дуб, под ним не будут больше

заставаться ядовитые испарения, и в страхе бежит зверь, находивший здесь себе логовище»... (№ 9,790).

«Современная» речь» в № 43-м от 11 числа поместила также две статьи о Победоносцеве. В одной из них (передовой) высказано: «С непоколебимым упорством Победоносцев гасил всякое проявление свободы, всякий проблеск новой жизни. Он надевал цепи на народную мысль, он строил казематы для борцов за народные права, он пытался зажать в тиски одной обрядности трепещущую совесть народа. В борьбе он не останавливался ни пред какими средствами, и смертная казнь в его лице потеряла могучего защитника... Русский народ никогда не забудет того, кто, подобно сказочному Кашею, хранил под семью замками народную свободу и до самой смерти твердил о том, что народ создан только для рабства, труда и лишений»... Другая статья имеет подпись П. Ш. Сей сотрудник, очевидно, мелкое ничтожество, но с претензиями предвосхитить над Победоносцевым суд народа и даже самой истории. Он писал: «Умер Победоносцев. Точно кошмар отошел от изголовья страдающей страны... Мы стоим пред могилой Победоносцева. Что скажет судья строгий, но справедливый, наивно мудрый – народ? Были на Руси угнетатели нелепые, глупые, полные невежества, были приспешники произвола за страх. Победоносцев, умный, талантливый, широко образованный был тираном не за страх, но за совесть... И в этом – его приговор беспощадный, суровый, как подобает суду истории, голосу народа, столько десятилетий страдавшего по вине ушедшего в могилу приспешника черной реакции. Победоносцев не раз громогласно заявлял: “русский мужик должен остаться неграмотным!..” Он понимал, что в невежестве миллионов – залог успеха их, ночных сов, зловещих ворон, шумящих черными крыльями жутко над тихой долиной смерти»... В газете «Новь» некто, подписавшийся буквой «и», высказал: «К. П. Победоносцев – выдающийся юрист, чье имя могло бы быть украшением науки, – связал себя с самыми мрачными эпизодами пя-

тидесятилетней истории великого народа. Еще в то время, когда занималась заря русской свободы (разумеются 60-е годы), он уже косвенно мог влиять на ту политику, которая зловещей нитью прошла чрез три царствования. Встав в ряды правящих, он горячо выступил против конституционных замыслов Валуева и Лорис-Меликова. Он был тем, кто после 1 марта убедил Александра III отказаться от “либеральных бредней” Лорис-Меликова и поставил реакцию на твердую дорогу. Тридцатилетняя полоса бюрократического произвола выковывалась при непосредственном его участии... Фактически страной управлял он... Политика, им поддерживаемая, привела Россию к позору Мукдена и Цусимы вне государства и полного разложения и гражданской войны внутри него... Когда Россия получила торжественное обещание конституционных прав и свободы, он, старый ворон, отлетел от жилища, в котором свил себе гнездо, но отлетел недалеко и продолжал зловеще каркать» (№ 58).

По отзыву «Речи» (№ 59), «отвращение к какой бы то ни было, хотя бы малейшей, перемене было каким-то органическим свойством К. П. Победоносцева. С годами это свойство возрастало; и на несчастье России именно с годами К. П. Победоносцев сделался капризом случая, главным идейным руководителем политических судеб России в самую критическую пору ее истории... Ему лично Россия обязана той отсрочкой начала нашей конституционной жизни на целую четверть века, которая сделала запоздалый процесс русского политического освобождения таким бурным и болезненным». Ту же мысль о запоздании «процесса русской политической жизни» и следствиях этого запоздания высказал и подголосок «Речи» «Слово» (№ 96). «Родная Земля» с суровостью для уличного листка, надо сказать, уморительной, изрекла: «Победоносцев умер, и оказалось, что в его полувековой деятельности не было ничего такого, что дало бы возможность хоть кому-нибудь проводить его на тот свет добрым словом или хотя бы молчанием» (см. «Колокол», № 337).

Поспешил отозваться о скончавшемся «Парус». Статья в нем озаглавлена одним словом: «Победоносцев». В ней говорится: «Нет неумирающих. Вчера к вечеру умер Победоносцев. В механизме правительственной реакции лопнула пружина, хотя и ржавая, но все еще очень важная... Защищенный в выцветший пергамент старик, точно антипод гетевского героя, “зло творил, даже когда желал сотворить добро”. С Победоносцевым ушла из русской действительности сила столь же крупная, как и зловещая... Он силился играть роль до конца, до самого края могилы. Все ниже опускалась над его умной головой, променявшей силу мысли на силу злобы и подменившей веру ханжеством, черная туча народной ненависти, гремела громом проклятия. Но Победоносцев не хотел перед нею сгибаться. Он не сдавался. Напротив, нагнетая энергию злобы и разрушения, он бил все тяжелее по русской жизни, крушил в ней все, что мог, и все туже завинчивал винты в механизме реакции». Далее в статье выставляется как позорящая имя Победоносцева роль его после 1 марта 1881 г. и в конце 1894 г. Известно, под конец жизни К. Петрович занимался переводом Евангелия на русский язык. Имея это в виду, «Парус» в конце статьи выражался так: «одна его рука писала строки нагорной проповеди, а другая благословляла на все ужасы политического самосохранения, подвинчивала тиски, в которых погибала русская жизнь» (№ 25).

В том же «Парусе», в № 28-м, значит, всего через три дня после приведенного, появился новый отзыв о Победоносцеве, принадлежащий С. Любошу. Положительно затрудняешься сказать, чего больше в этом отзыве – ненависти ли, злобы и беспардонной клеветы или убожества в понимании автором того предмета, о котором он судит с претензиями, однако, на серьезность, на глубокомыслие. Вот несколько выдержек из обширной статьи С. Любоша. «Человек видит жизнь, – философствует г. Любош, – только сквозь призму своей собственной души. И сквозь эту призму люди представлялись Победоносцеву жалкими животными, низменными и презренными, и судьбы

человечества представлялись ему в виде бессловесного стада презираемых, с одной стороны, и жестокой стаи властителей – с другой... Он ненавидел просвещение, ненавидел гуманность, ненавидел самую любовь и людей потому, что его собственная душа неустанно твердила ему, что люди недостойны ни просвещения, ни свободы, ни любви, ни даже справедливости. Он был русским человеком и по себе, по своей уродливой душе судил о русских людях и ненавидел, и презирал Россию так же безгранично, как его товарищ фон Плеве. Он видел в русском народе лишь бессловесное грязное стадо... В скотской “инерции” видел он единственный смысл русской истории. В лице Победоносцева старая Россия похоронила своего князя тьмы, ненависти и неверия... Умер он, оставив неведомо кому миллионы денег, собранных им с голодающего народа»...

Как выше и замечено, не замедлили проявить к почившему злобу свою и ненависть киевские и одесские радикальные публицисты. Не скрывали они и чувства глубокого облегчения, вызванного в них вестью о кончине Константина Петровича. «Киев<ский> голос» в № 68 от 11 числа в передовой статье писал: «Весть о смерти Победоносцева не вызовет в мыслящей, передовой России ни одного вздоха сожаления. Скажем более, она принесет что-то вроде облегчения, словно один из страшных кошмаров, окутывавших русскую жизнь, рассеялся... Победоносцев являлся главным вдохновителем той политики народного помрачения, беспощадной борьбы со всяким лучем света и свободы, которая наполняла русскую жизнь с восьмидесятых годов... Он умер теперь, прожив долгую жизнь, полную редкой власти и возможностей. Он не был рабом, зарывшим свой талант, но он поступил со своим талантом хуже – он употребил его во зло своему народу». В «Одесск<их> новостях» некто Лознгрин по поводу смерти Победоносцева, а вместе с тем, как он выражается, «и смерти системы старой русской жизни», высказал такое пророчество и притом в непоколебимо уверенном тоне: «Мы, веря в светлые наступающие го-

ризонты новой жизни для нашей страны, забудем то место, где лежит похороненная на веки эта система, и не придем к ней на поклонение. У молодой России есть другие и дорогие могилы. К этим дорогим могилам не зарастет народная тропа. А к могиле Победоносцева она зарастет завтра же» (7, 177) .

Столь необыкновенная решительность и уверенность тона, с которыми Лознгрин изрек, можно сказать, от лица всей левой печати свое пророчество о смерти в лице Победоносцева «системы старой русской жизни», совершенно справедливо объясняется следующими строками Н. О. в «Колоколе»: «Оценить Победоносцева, понять его мысль и волю могут только люди, преданные всем сердцем и всей душой русской идее. Не такова наша “руководящая”, обслуживающая так называемое интеллигентное общество, печать.

Эти общество и печать отрицают русскую самобытность, не видят в ней ничего, кроме варварства и мрака. Переделка России в “большую Болгарию” или в Австро-Венгрию – вот их идеал. И эти наши западники уверены, что победа на их стороне. Ведь конституция попала “бюрократизм”, а бюрократизм и русский идеал для них одно и то же. Константин Петрович для них не более, как представитель этого отжившего, бюрократического мира. Сообразно с этим они и реагируют на факт кончины этого великого человека. Эта смерть для них как бы символ их, западников, победы и поражения русского идеала. Одни из “победителей” стараются держать себя в пределах приличия, другие из этих границ выходят, но все обнаруживают самое жалкое непонимание основ мировоззрения Константина Петровича. Этот колосс русской мысли и русской воли решительно не по плечу жалким пигмеям, мнящим себя накануне господства над величайшим в Мире православным царством» (№ 337).

В «Петербургской» газете», печатавшей о личности Константина Петровича симпатичные отзывы, а о деятельности разноречивые, скорее отрицательные, встречается следующее очень справедливое за-

мечание одного из ее сотрудников («Осы»): «Замечательно, что никто из обер-прокуроров для духовенства так много не сделал, как Победоносцев (он выхлопотал жалованье духовенству, открыл закрытые Толстым малоприходные церкви, дал церковноприходские школы в руки священникам), но никому такой неблагодарности и хулы не извергало российское духовенство (в лице, конечно, отдельных его членов, добавили бы мы), как именно Победоносцеву» (№ 70).

В этом отношении, т. е. в отношении хулы, поношения имени Константина Петровича со стороны духовенства особенно отличился архимандрит Михаил (Семенов – еврей по происхождению, впоследствии лишенный сана и сбежавший в раскол). Недавно трепетавший самого имени Победоносцева, этот иудей поднял теперь голову, заговорил о почившем пренебрежительно, с безграничным высокомерием, стараясь сколь возможно сильнее лягнуть мертвого льва своим ослиным копытом.

По словам Михаила, напечатанным в «Стол<ичной> почте», Победоносцев «изуродовал душу и тело страны, на целое столетие остановил ее движение, “заморозил” в ней всякую жизнь, всякое движение мысли... Психология умершего государственного деятеля представляет собой интереснейший глубокий тип. Это – грандиозная фигура нигилиста-отрицателя. Больше и определеннее: это – душа, глубоко, трагически атеистическая, одинаково и в его церковной и политической деятельности... “Мечта”, которой “жил” Победоносцев, это – “раздавить в народе все намеки на его собственную “свою” духовную жизнь... Рядом с этим – наркоз, одурманивание народа, искусственное затемнение его сознания. Этой цели служила школа, литература, эта задача была возложена на Церковь. У Победоносцева, несомненно, было достаточно атеистического цинизма на такое дело... Он был уверен, что жизнь Церкви можно поддерживать только обманом и насилием... Гнал сектантов, отнимал у них детей”... Приписывая Победоносцеву «атеистически цинизм», «цинический нигилизм»,

архим<андрит> Михаил, предупреждая возможность указания ему на глубокую личную религиозность Константина Петровича, спешит изречь: «...в этом и сила истинно атеистической психики: распять в кабинете того Бога, которому в молельне только что молился» (№ 136).

Гнусную, клеветническую и, правду сказать, довольно-таки нелепую статью архимандрита из иудеев с отзывом о Константине Петровиче красная печать усиленно популяризировала, а некоторые газеты этого лагеря (напр., «Дон», № 58, «Уссур<ийский> край», № 63) перепечатали ее у себя с буквальной точностью.

Чувства вражды, злобы, ненависти по отношению к Константину Петровичу левая пресса резко проявила в некоторых своих органах и в самый день похорон его, т. е. 13 марта. С этой стороны особенно отличились газеты провинциальные.

Из петербургских газет в день похорон Победоносцева всякое приличие по отношению к почившему отбросила лишь одна газета – сейчас цитированная «Столич<ная> почта», не устыдившаяся напечатать у себя уже известную нам гнусную статью архим<андрита> Михаила. Другие петербургские газеты писали о Победоносцеве в сдержанном тоне.

Армяно-еврейский «Товарищ», принадлежавший «восточному человеку» г. Ходскому, поместил (в № 214) статью Львова, который в самоуверенном тоне знатока дела рассказывает, как Победоносцев старался противодействовать введению у нас «конституции», как и какую «вел кампанию против Витте» и, наконец, особенно подробно говорит о борьбе его с Госуд<арственной> Думой. «Разгон» первой Думы г. Львов приписывает главным образом влиянию Победоносцева. В «Петерб<ургской> газете» В. Авсеенко хотел, очевидно, проявить свою серьезность и основательность в суждении о Победоносцеве. В ст. «Историческая личность» (№ 70) он распространился о «преждевременном старчестве» Победоносцева, благодаря которому все «молодое, живое, полнокровное производило на него впечатление соблазнитель-

ного крика, нарушающего благопристойную тишину общественности. Нельзя сомневаться (?), – пишет г. Авсеенко, – что Победоносцеву хотелось бы видеть Россию громадной обителью, где жизнь прилежно и стройно налажена суровой властью благодостойных старцев». В той же статье г. Авсеенко приписывает Победоносцеву «презрение к новой европейской цивилизации».

В «Гол<осе> правды» Пират выставляет Победоносцева заядлым бюрократом, по взгляду которого «все государство разделялось на власть и народ, который не имеет не только права голоса, но даже и права стона... Народ создан быть вечным младенцем, он должен быть постоянно под заботливым попечением власти... Понятно, что общественное мнение детей, из которых состоит весь народ, не может иметь никакого значения... Представительницей общественно-го мнения является газета, и, конечно, против нее были направлены все стрелы Победоносцева» (№ 437)... В большинстве петербургских газет под 13 марта сделаны лишь более или менее подробные репортерские заметки о похоронах Константина Петровича. В заметках этих сообщалось не одно только то, что было, но и чего совсем не было и даже не предполагалось. Так, например, «Бирж<евые> вед<омости>» заметку свою о похоронах Константина Петровича заканчивают словами: «...в церкви во время обедни и пред отпеванием у гроба К<онстантина> П<етровича> были сказаны речи» (№ 9.793). Эти речи, вероятно, приснились репортеру. В действительности их, согласно воле К<онстантина> П<етровича>, не было ни одной.

В Москве в день похорон Константина Петровича амплуа архим<андрита> Михаила в роли хулителя почившего занял В. Варварин, сотрудник «Р<усского> слова». Сей публицист подготовил к 13 марта обширнейшую статью, едва ли не в полтысячи строк. В статье этой (№ 58) автор, делая общую характеристику К<онстантина> Петровича, говорит, что впечатление, получавшееся от «общеизвестного портрета его», для России всегда было «угроза» и «препятствие».

«Не надо», «остановить», «затруднить» – в этом состояла вся «система» его... Знаменитое щедринское «тащить и не пущать» ни к которому бюрократу и ни к одному ведомству так не приходилось, «как форма, сшитая по мерке, как к К. П. Победоносцеву и его духовному ведомству». Здесь, действительно, все «тащилось и не пушалось»... Самые сложные учреждения и отдаленные, так сказать, вкрадчивые меры принимались к тому, чтобы не только за свой век и от себя лично «тащить и не пущать», но чтобы и после будущее поколение было, так сказать, сковано этими мерами и, получив определенные учреждения в наследство, тоже уже невольно вынуждено было «тащить» и «не пущать». Таковы были его его церк<овно>пр<иходские> школы. школы. Таковы были его светские миссионеры. При помощи первых он намерен был выместить «вольный дух» из народной школы, заведенный в них земствами и земскими учителями... Учреждением светских миссионеров... у нас положено было начало инквизиции. Сомнения не было: с Победоносцевым, с его именем соединена была громада чего-то темного, мрачного, жестокого, что надвинулось на Россию и упорно не хотело уйти. По этому основному и общему впечатлению, ложившемуся от дел его, в России составилось представление о лице Победоносцева как о чем-то в основе всего сухом... Сухом и черством, недвижимом и строгом, неумолимом и «богомольце», немножко «ханже», даже очень «ханже». «Богу молиться и делать скверные дела» – это стояло над ним черною дощечкою с краткой надписью целые десятилетия... И он этой «дощечки» не снимал, не делал ничего, чтобы ее устранить или заменить...

Дописавшись до «черной дощечки» над Победоносцевым с надписью на ней: «Богу молиться и делать скверные дела», г. Варварин переходит к описанию внешнего вида Константина Петровича. Размалевывая внешность последнего, г. В<арвари>н проявил неряшливость, свойственную лишенному чувства всякого приличия маляру. При чтении описания В<арварины>м внешности Победоносцева нам

казалось, что мы слушаем неряху, ораторствующего на тему о чистоплотности. Для неряхи такая тема непосильна, она выше его понимания, и пред ней он окажется смешным и жалким.

Хотелось бы думать, что г. Варварин сам устыдился того, что наговорил о Победоносцеве и, в частности, о его внешности. Через две недели, именно 27 марта, он пишет в том же «Русск<ом> слове» (№ 76) такую же огромную статью, посвященную Победоносцеву. В этой статье автор передает совсем иное, нам уже известное, впечатление от личности Победоносцева (с. 23).

Московская же газета «Русские новости» на вопрос: «Что сказать о Победоносцеве?» – отвечает (в передовой статье): «Он был апостолом тех бюрократических цепей бесправия и рабства, под гнетом которых изнывала Россия... Он был гонитель света (указывается на преследование газет, на отлучение Толстого). Фраза К. Н. Леонтьева: “Россию надо подморозить” – служила для Победоносцева как бы программой, и эту программу он всецело положил в основу своего политического мирозерцания».

Вышеприведенными отзывами о К. П. Победоносцеве как о государственном и церковном деятеле, данными в левом лагере печати, далеко еще не уясняется вся сила или вся степень злобы и ненависти к нему, царившие в этом лагере, не исчерпывается и вся та ложь и клевета, что распространялись о нем из того же лагеря. В нижеприводимых отзывах, заимствованных по преимуществу из газет провинциальных, проявлено по отношению к Победоносцеву, если так можно выразиться, публицистического бесстыдства нисколько не меньше, чем в газетах столичных. В то же самое время по этим отзывам можно судить, какой огромной фигурой, каким колоссом в слове и деле представлялся Победоносцев и заклятым врагам своим.

И в указанном, и в разных других отношениях особенно характерны следующие отзывы. В газете «Дон» в отделе «Ежедневная беседа» читаем: «Умер Победоносцев... Ушла из жизни живая фигура, которая

давала тон этой жизни в течение многих-многих тяжелых лет, которые кошмаром давили самые легкие проявления жизни. Дышите, но так, чтобы дыхания вашего не было слышно! Не смейте вздохнуть, не смейте издать стона, не смейте улыбнуться! Вот политика великого инквизитора, которым был все время Победоносцев... Живший, жадный до власти, Победоносцев распространил свое влияние на все сферы русской жизни и недуховного ведомства. Он был страшен и ведомству юстиции, и военному, и ведомству просвещения... венцом деятельности Победоносцева было отлучение от Церкви Л. Толстого»... (№ 55). По характеристике «Астрах<анского> листка» (№ 57), Победоносцев «был из тех, которым природа и обстоятельства дали страшно много, так много, что из этого материала могла бы выковаться сила, способная сдвигать горы невежества и бедности. Но К. П. Победоносцев, к несчастью для русского народа и к несчастью для своего имени, был из тех сильных людей, которые в упоении сознания своей силы задавались честолюбивыми и несбыточными мечтами – остановить колесницу истории». Такую свою характеристику Победоносцева газетка заключает следующим, возбуждающим невольную улыбку пророчеством: «...остается глубоко пожалеть, что этот крупный человек оставит в летописях русских не светлый, а темный след – не память Архимеда, а память Герострата». Издается в гор. Астрахани и другая газета, близко родственная по духу «А<страханскому> листку», это – «Астр<аханский> вестник». В этой газете, в № 5224, сотрудник ее А. Игнатъев с большого, как говорится, высока смотрит на Победоносцева и отзывается о нем с сожалением. Он пишет: «Умер Победоносцев. Незаметно, так, между прочим, умер тот, чье имя тяжелым кошмаром давило русскую землю несколько десятилетий... В государственной жизни страны его роль была ролью мертвеца, холодной костлявой рукой душившего все живое, все, что носило в себе признаки роста, развития, прогресса... Мертвец! Он хотел сделать из России тихую, безмятежную, безмолвную, темную, холодную могилу».

Известный уже нам хулитель Победоносцева Лоэнгрин в «Одесск<их> новост<ях>» высказал: «Проходя мимо дома (в котором жил П-в), прохожий как-то инстинктивно ускорял свои шаги. Скорее миновать это место. Хозяин этого дома глядел из окон на шумно бегущую вокруг него жизнь и обдумывал планы, как бы ее сократить, не только, конечно, жизнь улицы, но жизнь всего города, жизнь всей Империи»... Идеи Победоносцева господствовали над страной, «приводя ее общественную мысль и самосознание в состояние полного оцепенения в течение десятилетий». По оценке Л<оэнгри>на, у Победоносцева, говоря попросту, не хватало винта, чтобы понять современный ему момент в жизни страны. «История имеет свои законы, – выкладывает Л< оэнгри>н азбучные истины, – но люди реакционного направления с этим не считаются (будто бы?)... У властных сильных людей реакционного направления просто-напросто в мозгу отсутствует клеточка понимания логического хода исторических вещей. Они убеждены, что можно не только задержать на время, но вообще остановить ход истории». Таким реакционером Л<оэнгри>н считает и Победоносцева. Очень понятно признание Л-на и за себя, и за всех других «Лоэнгринов», ускорявших шаги, проходя мимо дома, в котором жил Победоносцев, что со смертью последнего они «вздыхают облегченной грудью» (№ 7178).

Насколько понятно признание Лоэнгрина насчет «облегченных вздохов» его единомышленников со смертью К. Петровича, настолько же вздорным и нелепым представляется следующее заявление газеты «Эхо». В ней, в № 52-м, читаем: «Все, что только есть темного и тяжелого в области нашей внутренней политики за все время усиленной реакции, т. е. с 1883 г., все это связано с именем Победоносцева. С его смертью из многих русских сердец вырвется облегченный вздох»... Сразу видно, каких «русских сердец» «Эхо» является эхом.

Лоэнгрин, как видели мы, думает, что в мозгу Победоносцева «отсутствовала клеточка понимания логического хода исторических

вещей». Совсем иначе, чем Лоэнгрин, понимает и самого Победоносцева, и цель, и смысл его деятельности сотрудник «Таганр<оргского> вестника» А. Ростовцев. Этот высказал: «Победоносцев был искусный мастер, в то же время отдававший себе отчет в действительном положении вещей. Он верно оценивал действительность и ни на минуту не сомневался в естественном конце старого строя. Цель его была отдалить этот конец во что бы то ни стало и насколько возможно дальше, и он успел в этом. Россия задержана им почти на 30 лет в своем политическом и гражданском развитии и приведена к позорной Русско-японской войне. Победоносцев был крепкой палкой в историческом колесе России... злым гением государства. Для несчастной страны было бы во сто крат лучше, если бы Победоносцева у нас совсем не было... Жалеть об его смерти не приходится» (№ 51).

«Приазов<ский> край» в передовой своей статье, отзываясь на смерть К. Петровича, высказался, между прочим, так: «Умер великий столп российской реакции, великий инквизитор русской общестственности Победоносцев... Он был душа камарильи, постоянный заседатель “звездной палаты”... Покойный ненавидел всякую общестственность – во всех ее проявлениях – печать, самоуправление и т. д. Вся его эрудиция, весь ум были направлены на подавление всякого проблеска общественной мысли в России» (№ 69). По словам газетки «Курорт», Победоносцев был «одним из величайших противников каких бы то ни было свобод. Его тяжелая рука в течение 25 лет сказывалась на всем нашем государственном управлении, его имя неразрывно связано с созданием у нас громадной зависимости между Церковью и государством. Этот “пергаментный” старец умел давить все живое и молодое в жизни русского государственного и общестственного строя. По мановению его руки у нас началось одно время гонение на земские и частные школы в центрах России и распространение церковноприходских школ, по его же повелению был отлучен от Церкви и гр. Лев Толстой». Как на отрицательную черту в Победо-

носцеве газетка указывает на то, что «для него главная опора общественной и государственной жизни была вера, с которой неразрывно связана Церковь и церковный обряд» (№ 50).

В представлении автора передовой статьи в еженедельной газете «Южн<ые> новости» Победоносцев был «верный цербер, стоявший на страже у входа в подземелье, где в цепях и ярме, бичуемая и мучимая страдала и томилась свобода... изувер, гаситель, гений тьмы. Как Люцифер, боявшийся света, он посылал проклятия повсюду, откуда исходит свет, и даже самого Толстого предал проклятию и отлучению». Окидывая «с вершины свежего (намогильного) холма печальным оком пепелища и дымящиеся костры, созданные и возведенные рукой этого колосса реакции», автор на счет Победоносцева, «расширившего произвольно компетенции свои с поста обер-прокурора Синода до размеров диктатора или канцлера», относит разорение, обнищание народа, «стон инородца, задавленного чертами оседлости»... Он же, Победоносцев, якобы «вторично распял Христа и надругался над Ним», исказив Его учение о любви, правде и свободе, обратил Церковь в «молельню при участке», «выхолостил» земство и суд присяжных, благоволил, оказывал поддержку «черным силам», поднявшимся на грабежи и убийства и «омрачившим минувший (т. е. 1906-й) год потоками слез и морем крови... Наша жалкая конституция и наши окровавленные свободы – все носят на себе печать его гения». Кончается эта жалкая передовица следующим суровейшим даже до... смешного и в самой решительной форме приговором: «Мы ставим (Победоносцева) на одну доску с великими гениями зла и тьмы, какие только существовали в мире» (№ 8).

До какой степени бешенства, цинизма, утраты всякого нравственного чувства доходила левая пресса в отзывах своих о Победоносцеве, из многих ярких тому примеров особенно яркими должно счесть следующие.

В № 71 «Паруса» от 6 мая за подписью О. напечатана статья под заголовком «Зловещая тень». Что это за статья, извольте судить

об этом по следующим из нее выдержкам. Автор статьи спрашивает: «Какие мысли, какие образы возникают у нас при имени Константина Петровича Победоносцева?» – и отвечает: «Назвать это презренное имя – значит вызвать в памяти зловещую тень величайшего преступника земли русской, преступника, равного которому нельзя найти ни в каком чудовищном уголовном процессе, ни в каком учебнике судебной психопатологии, ни на каких кровавых страницах истории. Победоносцев – это не имя даже, а синоним той громады зла, которое возвращено и развито абсолютизмом и от которого страдала, страдает и будет еще долго страдать Россия... Победоносцев не может умереть в России... Победоносцев – не обыкновенный индивид. Это – коллектив, это – многоликое, многодушное чудовище, которое, тлея, будет жить еще долго... Рано писать биографию Победоносцева. Рано писать его историю. Рано давать и его характеристику. Можно теперь дать об этом “человеке” только памфлет».

И как обрадовался О., встретив памфлет о Победоносцеве, выпущенный в начале мая в виде брошюры книгоиздательством «Шиповник». Памфлет написан живущими за границей политическими преступниками А. Амфитеатровым и Е. Аничковым. О. жалеет и очень лишь о том, что книга, написанная еще при жизни К. П., случайно вышла в свет после смерти Победоносцева. По признанию О., то, что написал о Победоносцеве Амфитеатров, «несомненно, есть лучшее из всей посвященной (после 17 октября) Победоносцеву литературы». Что же доказывается в «блестящем» памфлете о Победоносцеве? А то, видите ли, что Победоносцев – «нелепая галлюцинация, дикий кошмар русской истории»... Но послушайте, однако, самого автора памфлета и подивитесь его, если так можно выразиться, политическому бесстыдству.

Амфитеатров говорит о Победоносцеве как о литераторе, ученом и государственном деятеле. По суду Амфитеатрова, «в произведениях Победоносцева ни одной непосредственной мысли, ни одной

искры живого пылкого чувства – все мертвые схемы, пустота общих мест, одобренных ловкими цитатами... Все – заказные надписи на похороненных гробах! Какой это автор, – восклицает Амфитеатров, – это просто экспроприатор заплесневелых библиотек... Победоносцев – государственный деятель!.. Но какой? Он человек приказа и опричнины... Только приказного с опричником и понял он в русской истории, и только приказный с опричником дороги ему в русской действительности... Он медленное убийство в среде правящих и медленная смерть среди управляемых... Опора и подстрекатель, адвокат и апологет смертной казни Победоносцев был несменяемым палачом России в течение 25 лет, государственным вампиром... Как церковный деятель Победоносцев является величайшим богоубийцей во всей русской истории. Никто более его не сеял атеизма и материализма в русской жизни».

Памфлет Аничкова «Победоносцев и Православная Церковь», по отзыву О., «менее яростен». Из него он приводит лишь следующие заключительные слова, внушить которые могло лишь чувство почти бесовской злобы: «Гибло Православие в костистых пальцах кашей-Победоносцева, и расползалась ядовитая мразь по всей Руси... И Илиодор, стоголовый и безголовый, изрыгающий скверну, кривляющийся шут с чертовскими когтями на лапах и в святительской рясе стал единственной надеждой нашей синодальной Победоносцевской церковности»...

И вот такой-то памфлет, представляющий собой сплошную скверну, О. «настоятельно рекомендует всем читателям и, в частности, духовенству». «Скверну» эту вслед за «Парусом» усиленно рекомендовали и другие газеты левого направления, в особенности же «Слово правды» и «Русское слово».

В «Слове правды» нашелся свой сотрудник в типе подзаборных борзописцев, скрывшийся за буквами И. Л. Этот И. Л. в сущности перепечатал статью О. из «Паруса», только распространил ее лишними вставками из памфлета Амфитеатрова. Вставки, между про-

чим, направлены против мнения о Победоносцеве как умном и нравственном человеке. С поддельным возмущением памфлетиста ставит вопросы: «Умный человек, зачеркнувший движение жизни и узаконивший гнилое упокоение могилы? Умный человек, прославляющий глупость и невежество как основные опоры государства? Умный человек, мечтающий погасить солнце, любитель тьмы, способный цензурным veto зажать творческое “да будет свет!” даже в устах своего Бога?!. Был ли в христианской истории другой фарисей с поднятым камнем, более готовый бросать в жертву – назло учителю, которого он цензурует, – как великий инквизитор?.. Да лучше бы он пил... держал гаремы и серали, лишь бы не был... Победоносцевым. Публичные дома, игорные дома и кафешантаны, воспитательные дома, переполненные ни в чем неповинными и на 90% обреченными на смерть младенцами – вот они, результаты “высокой нравственности” г. Победоносцева». К концу памфлета автор его точно осатанел, и речь его перешла в дикий, иступленный вопль. «Где ты, вампир, там – смерть! О, великий фабрикант ангелов, величайший во всей вселенной! Слава тебе... Слава смерти и разложению, которым ты служишь! Слава тебе!..» (№ 113 от 27 мая).

Борзописцы из «Паруса» и «Слова правды», как замечено, популяризируя и усиленно рекомендуя изрыгнутую Амфитеатровым и Аничковым «скверну» из памфлета о Победоносцеве, постыдились обнаружить себя и подписались лишь начальными буквами. Сотрудник «Р<усского> слова» поднял с лица своего забрало. Под статьей (в № 124 от 31 мая) с глуповатым заглавием «Мышиная гроза» стоит подпись «К. Фабианский».

Превознося паче всякой меры «скверну» Амфитеатрова и Аничкова, К. Фабианский рекомендует эту «скверну», между прочим, как «первое верное слово» о Победоносцеве. «Как ни много написано было о Победоносцеве после его смерти, – говорит г. Ф<абиан>ский, – все-таки он не был верно расценен, не был правильно понят. К. По-

бедоносцева у нас, видите ли, ценили и ценят не по его собственной внутренней величине, а по тому месту, которое он занимал... У нас, русских, положительно нет мерки для определения величины государственных людей», ибо у нас, по уверению г. Ф<абианско>го не было великих государственных людей. Были «сотни имен, но ни одной личности, ни одной крупной, даже заметной (не по месту, а по себе) фигуры»... Немудрено, что среди таких «государственных людей сразу и так выгодно для себя выделился человек с профессорским прошлым. Общество же у нас в своей массе – достойный плод воспитавшей его системы. Мы привыкли к тому, чтобы нас били и давили... Так ничтожеством окружающих и рабской забитостью общества, собачьей покорностью последнего был раздут, расцвечен, преувеличен до зловещей фигуры великого инквизитора России Победоносцев». Когда умер Победоносцев, на него все продолжали смотреть с «трепетным благоговением» и «над гробом своего страшилища говорили мышиные речи, слали в могилу мышиные проклятья. Досадны эти мышиные слова, мышиная философия, мышиное ничтожество забитых рабов... Тем интереснее, тем дороже среди общего мышиного писка громкое, может быть, даже резкое, но зато настоящее, “человеческое” слово о давивших кошачьих когтях».

К. Фабианского в Амфитеатрове как авторе памфлета восхищает собственно то, что он, по его, г. Ф<абианско>го, признанию, «первый посмотрел без мышиного трепетного благоговения на душившие страну кошачьи когти... и каждой строкой своей статьи (памфлета) протестует против прозвища К. Победоносцева великим инквизитором». «Это не великий инквизитор, – говорит А. Амфитеатров, – это карикатура на инквизитора. Это – инквизитор-карлик». В дальнейшем высказывается, что этот «карлик-инквизитор ни во что не верил. Больше: ничего не любил. Все презирал. И, вероятно, сильнее всех самого себя. Это был в самом полном смысле безыдейный человек. И, если хотите, менее всего – патриот»... Влияние, могущее

ство Победоносцева объясняется в памфлете единственно тем, что он говорил, советовал, предлагал не свое, а то, что было желательным вверху. Там, вверху, он «упрямый и грубо-резкий, внизу был мягок, гибок, уступчив и угодлив. И его ценили. Его ставили высоко. И он был *persona gratissima*, и потому *potentissima*». Независимо же от положения, «сам по себе К. Победоносцев был самой дюжинной, заурядной личностью... И как жестоко судьба отомстила Победоносцеву. Он пережил самого себя. Видел еще при жизни полный крах своей системы... Строил-строил, громоздил-громоздил, думал, что создал прочную башню-темницу для великого народа, а шевельнулся народ, и вся победоносцевская громада рушилась в груды мусора. Из мусора, стало быть, все строилось. Мусорный был и строитель. И какими мусорными людьми надо быть, чтобы мусорщика, хотя бы и стоявшего на вершине власти, счесть с какой бы то ни было стороны великим государственным человеком».

Ну, какой мусор должно предполагать в головах и самого памфлетиста Амфитеатрова, и его неистового певца и славильщика г. К. Фабианского, если они решились так грубо, можно сказать, по-базарному отчитывать, не говоря уже о Победоносцеве, которого они бесстыдно обзывают «мусорщиком», «мышиним страшилищем», но и всех тех, кто писал о нем, наконец, все общество... «Мыши», «мышинные слова», «мышинные речи», «мышинная философия», «мышинные проклятья», «мышинное ничтожество»... Что за терминология у автора статьи!?. По такой терминологии можно выразиться, что у него у самого «мышинные мозги». Что же касается Амфитеатрова, этого нашедшего себе пристанище за границей русского отъявленного революционера и анархиста и (с мая 1906 г.) масона, то беснование его, выразившееся в его памфлете о Победоносцеве, вполне естественно и понятно. Не труднее понять и ту легкость, с которой он наряжает наших Фабианских из крайне левого лагеря печати в шутовские кафтаны. Безобразие, отвратительность этих кафтанов,

однако, так велика, что не все щеголяющие в них ходят с открытым лицом, как К. Фабианский, другие, как О. в «Парусе» и И. Л. в «Слове правды», надевают маски.

Напрасно, однако, наряженные в шутовские кафтаны заграничного изделия утверждают, что кафтаны эти лучше, краше изготовленных, скажем, внутри Империи и что здесь таких нарядов и не умели, и не смели готовить. Кафтаны внутренней, так сказать, кройки и шитья в своем роде также очень хороши, а есть между ними и перво-сортные, нисколько не уступающие амфитеатровским. Впрочем, про кафтан, сработанный Амфитеатровым, должно заметить, что он с изынцем и не малым: он не вполне оригинален. Кое-что в нем можно счесть и сворованным. По памфлету Амфитеатрова, так усердно расхваливаемому К. Фабианским в «Р<усском> слове», и прежде всего якобы за его оригинальность, Победоносцев был «всероссийским урядником, вся политическая мудрость которого якобы в двух понятиях: “держать и не пущать”». Но ведь в том же «Р<усском> слове» В. Варварин, как это уже и известно нам, в самый день похорон Победоносцева, высказал: «Знаменитое щедринское “тащить и не пущать” ни к которому бюрократу так не приходилось “как форма сшитая по мерке, как к К. П. Победоносцеву”». Спрашивается теперь, что же оригинального в данном отношении высказал о Победоносцеве Амфитеатров по сравнению с Варвариным? – ровно ничего.

По существу, по главным мыслям и весь отзыв А<мфитеатро>ва о Победоносцеве предвосхищен нашими домашними критиками принципов и деятельности Константина Петровича. Нового, что не было бы уже обругано, оплевано нашими доморощенными критиками, в отзыве Амфитеатрова ничего нет. Даже и со стороны кабацкого пошиба в изложении мнений и суждений о Победоносцеве отзыв А<мфитеатро>ва не является особенной новостью по сравнению с отзывами, которыми разразились наши домашние хулители и поносители идеалов и деятельности Константина Петровича.

Из многих отзывов о Константине Петровиче, сделанных в русских газетах, которые могли бы быть поставлены рядом с заграничным памфлетом Амфитеатрова, по нашему мнению, ближе других к памфлету оказался бы следующий, напечатанный в «Столичной почте» уже после выхода «Шиповника» с памфлетом Амфитеатрова. Отзыв этот, помещенный в № 198 от 29 мая, принадлежит некоему В. Анзиминову. Сей Анзиминов обозвал К. П. Победоносцева так, как не додумались обозвать его ни Амфитеатров, ни даже сам архимандрит из иудеев Михаил Семенов. По отзыву В. Анзиминова, Победоносцев – как бы вы думали, кто? – «первый русский хулиган»... Хорошо еще, что Амфитеатров поясняет, что Победоносцев не из тех хулиганов (ну, еще бы!), что «стоят в “котах”» при проститутках, «служат» в шулерах или «по карманной» части, а хулиган в нравственном смысле. В противоположность «первому русскому хулигану» Амфитеатров указывает и на «первых русских молодых граждан», которые, по его мнению, ко времени «выборов во вторую Думу» достигли «совершеннолетия». Такими «первыми молодыми гражданами» он считает: гр. Л. Толстого, архимандрита Михаила, епископа Антонина, священников: Петрова, Афанасьева, Огнева, «которые украсили бы собой духовную среду любой страны». Не думаем, чтобы преосвященному Антонину было приятно в компании, в которую усадил его публицист, воспевающий сознательность, проявляющуюся в «пленительной чистоте идеалов социалистов-народников, социалистов-революционеров» (ibic.)

Сделал свой отзыв о К. П. Победоносцеве и П. Боборыкин. Сей литератор, чувствующий, по словам М. Меньшикова, что уже «тонет в заслуженном забвении, выразился о Победоносцеве, что «он изувер византийского подавления всякого света и всякой свободы» («Русское слово», № 59). Такой отзыв о Константине Петровиче Победоносцеве со стороны г. Боборыкина вполне понятен, и другого он не мог, даже и не посмел бы сделать. Маститый наш литера-

тор, выражаясь кратко, давно уже как ожидал и в таком состоянии неизменно пребывает. В августе 1911 г. он поместил в «Р<усском> слове» большой фельетон под заглавием: «Нечто и ничто», в котором доказывается, что «нечто» – это еврейство, а «ничто» – русские. «Читая этот фельетон, – говорит М. Меншиков, – я не раз думал: Боже, как же он лебезит пред евреями! До чего он подлизывается к ним! До какой жалости заискивает!» («Нов<ое> вр<емя>», 1911 г., № 12730). Ну, мыслимо ли со стороны П. Боборыкина отозваться о Победоносцеве не в тон, не в согласие с теми, пред кем он лебезит, к кому подлизывается и у кого заискивает?..

С недоумением останавливаемся мы на «мыслях» о Победоносцеве известного писателя, публициста В. Розанова, высказанных им в № 11.148 «Нов<ого> вр<емени>». Невольно чувствуется, что г. Розанов рисует портрет Победоносцева сгущенными красками с расчетом обесславить почившего, вселить к нему антипатию. Теряемся в догадках, что побудило г. Розанова в оценке Победоносцева, его деятельности примкнуть к тем, которые учинили на его свежей могиле «танец диких ирокезов», на который мы достаточно уже насмотрелись. В статье г. Розанова дается понять, что на «мысли» его о Победоносцеве не имело влияния высказанное однажды последним и ставшее известным автору, как сам он об этом заявляет, замечание: «У Розанова не есть дома». Не лежит ли интересующая нас разгадка в следующем случае, о котором мы слышали из уст непосредственного наблюдателя этого случая, человека, заслуживающего полного доверия. Однажды (около года до выхода К. П. в отставку) у митрополита Антония в вечерний час собралось несколько светских писателей, любящих трактовать на богословские и церковные темы в особом новом духе и направлении. Это известные в интеллигентных кругах «богоискатели», «новопутейцы», «неохристиане». Среди них был и г. Розанов. Совершенно неожиданно приехал к митрополиту К. П. Победоносцев. Когда владыка, рекомендуя своих гостей, ука-

зал на г. Розанова, Константин Петрович будто бы сказал: «А, знаю, знаю. Это проповедник и поклонник собачьего брака» (разумеется, свободной любви). Как хотите, услышать о себе такую язвительную аттестацию и в такой обстановке человеку, воображающему о себе, что он в понимании Евангелия стоит выше не только Победоносцева, но и всего исторического христианства и считающему последнее и, в частности, Православие факторами, отразившимися существенным для жизни арийских народов вредом, очень не безразлично. Что же удивительного, если описанный случай отразился на «мыслях» г. Розанова о Победоносцеве и подвигнул его назвать последнего... червем? По отзыву г. Розанова, «Победоносцев был вовсе не государственный человек, не имел ни капли нужного государственному человеку... Он ничего в Церкви и государстве не сотворил, если не считать сотворением то, что он лишь крепче затянул, стянул и сдавил все отношения в них, и без того душные, задавленные и тесные... Можно ли назвать его государственным человеком? Просто смешной вопрос: этот импрессионист со своими “эхами” и “ахами” замешался как длинная крючковатая палка в колесики и колеса, в сложные и необозримые государственные механизмы, всему мешая, препятствуя; ничего не оживляя... Все его обаяние, ум, живость, образование, его простота и естественность, привлекательность его образа как человек пошли в отрицательную, мертвящую работу. Чем он был живее, тем мертвее все вокруг него становилось... На деле, фактически он был червем того растения, к которому любовно привязался: точил и точил, ел и ел сердцевину Церкви и государства»...

В статье г. Розанова есть и следующие строки, выражающие мысль, которая чаще, чем какая-либо другая, высказывается и теперь в еврейской и еврействующей печати, — мысль о том, что Победоносцев был виновником и нашей революции, и Мукдена, и Цусимы. «Все мне, — пишет г. Розанов, — в делах его казалось смешным, ненужным. Когда разгоралась у нас революция или что-то похожее на революцию, я не

мог удержаться, чтобы не написать ему краткого указания, что происхождением своим никому эта революция так не обязана, как ему и его политике в царствование Александра III».

Таков отзыв выдающегося писателя-публициста из русских о Победоносцеве. Чего, казалось бы, «лучше» с точки зрения даже самой либеральной и радикальной?.. И, однако, в левом лагере, можно сказать, даже не заметили «мыслей» г. Розанова о Победоносцеве... Свои «воспоминания и мысли о К. П. Победоносцеве» В. Розанов высказал 26 марта. С небольшим через два месяца, именно 31 мая, появилась в «Р<усском> слове» известная уже нам статья К. Фабианского с восхвалениями памфлетов о Победоносцеве Амфитеатрова и Аничкова. Первыми словами статьи К. Фабианский сделал такое заявление: «Когда умер К. Победоносцев, я *внимательно* (наш курсив) читал все, что писалось о нем». Следовательно, Фабианским со вниманием прочитана была и статья г. Розанова о Победоносцеве. «Писалось много, – продолжает Ф<абиан>ский, – и с разных сторон понимания Победоносцева... и все-таки Победоносцев не был “описан”, не был верно расценен, не был правильно понят»... «Первое (значит и отзыв г. Р<озанов>а не в счет) верное слово о нем, – заявляет г. Фабианский, – сказал Амфитеатров».

В заявлении г. Фабианского в рассматриваемом отношении особенное впечатление производят следующие строки, дающие основания к заключению о том, что радикальная наша печать совсем не ценит г. Розанова, не замечает его и не прочь даже поглумиться над ним. «Когда умер Победоносцев, – читаем у г. Фабианского, – в оценке его слышались мышиные слова, мышиные речи, мышиная философия... в могилу его слали мышиные проклятья»... Выходит, таким образом, что и В. Розанова слова и философия были «мышиные». «Тем интереснее, тем дороже среди общего (опять, значит, не исключая В. Розанова) мышиного писка громкое, может быть, даже резкое, но зато настоящее “человеческое” (а не мышиное) слово».

Конечно, это вздор, что слово Амфитеатрова было, будто бы, первым правдивым, с либеральной и радикальной точки зрения, словом. В еврейской и еврействующей печати, как на это мы уже и указывали, высказывалось о Победоносцеве то же и так же грубо и резко, что высказано и в памфлете Амфитеатрова. Есть немало общего с Амфитеатровым во взглядах на роль, на значение Победоносцева для нашей церковно-государственной жизни и у В. Розанова. Но дело не в этом, а в том, что в левом лагере мнения последнего не заметили или, что еще хуже для выдающегося своим радикализмом писателя, не хотели заметить.

Глава IV

К. П. Победоносцев как обер-прокурор Св< ятейшего> Синода, по отзывам левого лагеря печати. – Общее замечание об этих отзывах. – Какими побуждениями деятели либеральной и радикальной печати руководились при оценке обер-прокурорской деятельности Победоносцева. – Противопоставление радикальной печатью Победоносцева «новым светилам церковным».

Во многих газетах, наряду или попутно с отзывами о Константине Петровиче Победоносцеве и его деятельности в роли представителя высшей власти в государстве, в роли вельможи и царедворца, высказаны были суждения о нем и как о представителе высшей церковной власти, как обер-прокуроре Св< ятейшего> Синода.

Для газет левого лагеря Победоносцев как обер-прокурор Св< ятейшего> Синода оказался темой, как говорится, благодарной, и они использовали ее, по-своему, в совершенстве. Чего только деятели еврейской и еврействующей печати ни наговорили в осуждение, в порицание церковной политики Константина Петровича!..

Отвратительна та фальшь, которая не может не чувствоваться в отзывах левой печати о Победоносцеве как обер-прокуроре

Св<ятейшего> Синода. Отзывы эти согласно и единодушно выставляют Константина Петровича обер-прокурором крайне антипатичным, и это за его деятельность якобы крайне вредную, прямо убийственную для жизни Церкви. Но ведь если бы деятельность Константина Петровича как обер-прокурора была действительно такова, т. е. крайне вредна и даже убийственна для жизни Церкви, то она как нельзя более была бы по душе нашей безверной, безцерковной интеллигенции, в руках, в полном распоряжении которой либеральная, радикальная печать, и этой печати, будь она искренняя, честная, оставалось бы только хвалить и прославлять обер-прокурора Победоносцева, а не осуждать и порицать его. С точки зрения наших либералов и радикалов на Церковь, на значение ее в жизни нации, государства, такой обер-прокурор, каким был, по их отзывам, К. П. Победоносцев, – верх совершенства. По их оценке, Победоносцев своей обер-прокурорской деятельностью вносил в область церковную лишь разложение и смерть. Но ведь этого-то, т. е. прекращения существования Церкви, они и жаждут, к этому и направляют свои усилия...

Нет, не за то левая печать поносит К. П. Победоносцева, что он своей церковной политикой будто бы вносил мертвящие начала в жизнь Церкви, убивал эту жизнь, а совсем за противоположное, за то именно, что он пробудил церковные силы, поднял церковную жизнь, что последняя при нем достигла значительной степени развития, а в некоторых своих сторонах и процветания. В своем месте мы постараемся это показать и доказать. Вот за это-то, за пробуждение сил Церкви, за умелое и твердое устремление их к поднятию и развитию церковной жизни лукавая левая печать так и ненавидела Константина Петровича, так жестоко, со скрежетом зубов, и порицала его обер-прокурорскую деятельность. Это естественно и понятно. Думать же, что левая печать озлобленно порицала эту деятельность Победоносцева, сожалея о яко бы попранных им интересах Церкви, было бы более, чем наивно. Совсем не к чести, не к славе Победонос-

цева была бы похвала ему как обер-прокурору Св<ятейшего> Синода со стороны безверного, бесцерковного, антицерковного левого лагеря нашей печати. И как много, как дорого для его памяти, что отсюда похвал ему не было.

С решительным порицанием о К. П. Победоносцеве как обер-прокуроре Св<ятейшего> Синода отозвались «Р<усские> ведомости», по старой памяти продолжающиеся еще считаться профессорской газетой. Правильность такого своего отзыва они считают и доказывать излишним. Газета со всей категоричностью утверждает, что то, «чем ему (Победоносцеву) обязаны Церковь и школа, пережившие при нем якобы самые черные минуты своей истории, – это свежо у всех в памяти, и недаром люди, очень далекие от каких-либо крайностей, прилагали к покойному эпитеты “Торквемада” и “черный папа”». Школу он обратил или по крайней мере стремился обратить в орудие Церкви, религия же для него была *ancilla*¹, но не философии, а самодержавного бюрократического государства. Стоя во главе ведомства православного духовенства, ведая дела религии, Победоносцев был в сущности крайним рационалистом, для которого религия была только орудием воздействия на массы, средством заставить их оставаться верными духу традиции и подчинения» (№ 57).

В приведенном маловыразительном суждении газеты о Победоносцеве как обер-прокуроре Синода особенно хорошо следующее место: «...религия для него была *ancilla*, но не философии, а самодержавного бюрократического государства». По смыслу взятых в кавычки слов выходит, что религия для Победоносцева должна бы быть *ancilla* философии. Вот это полная неожиданность со стороны профессорской газеты. Для такой газеты, казалось бы, неизвинительно не знать, что религия ни для Победоносцева, ни для кого другого никогда не была, да и не может быть по самому существу своему *ancilla* философии. Газета, очевидно, напутала. Она слышала схоластическое выра-

¹ Служанка, рабыня (*лат.*).

жение: «философия есть ancilla theologiae» и хотела воспользоваться им в своих целях, но, приводя, непростительно исказила его.

Затем газета выражается: «Стоя во главе ведомства православного духовенства»... Да будет же известно профессорской газете: ведомства православного духовенства нет, а есть ведомство православного исповедания.

Гораздо решительнее, конечно, в отрицательном смысле отзывается о Победоносцеве в рассматриваемом отношении «Русь». Она говорит: «Русское духовное ведомство почти четверть века было в приходе обер-прокурора Св<ятейшего> Синода и оттуда заразилось лакейскими привычками» (№ 70). «П. листок» назвал К. П. Победоносцева «всесильным» патриархом «в чиновничьем мундире» (№ 68). По отзыву «Бирж<евых> вед<омостей>»: «Победоносцев хотел вернуть родину в XVI в., насадить чуждый всем клерикализм и самому стать Никоном в виц-мундире. Были устроены церковноприходские школы, имевшие цель – прививать безграмотность и ханжество. Духовенству навязывалась роль тайной полиции, и сама религия обратилась в оружие земной и низменной политики. Отрицательный полюс русской действительности Победоносцев пошел войной на положительный, и Лев Толстой был предан анафеме. Монахи Соловецкого и Суздальского монастырей обратились в тюремщиков. Какие мрачные бездны таила душа этого человека, которому нельзя отказать ни в уме, ни в воле! Какая загадка для психолога! Какая скорбь (ну еще бы!), что богатые дарования были направлены в сторону разрушения!» В цитируемой статье Победоносцеву приписывается пока лишь желание «стать Никоном в виц-мундире». В другой же статье того же (9720) номера он уже без всяких оговорок назван «папой русской Церкви». «Вступив в Синод после Толстого, – говорит Пират в «Гол<осе> правды» (№ 437), – Победоносцев тотчас же заковал Православие в железный панцырь и положил между ним и жизнью страшную преграду. Человек неограниченного самовластия он даже саму Церковь хотел

сделать орудием политической борьбы, прибегая в этих случаях к средневековым приемам великих инквизиторов». То же самое, что Пират в «Г<олосе> правды», но только еще категоричнее говорит о Победоносцеве как обер-прокуроре Св<ятейшего> Синода А. Ростовцев в «Таганр<огском> вестнике». «Синод, – утверждает Ростовцев, – это был только К. П. Победоносцев. Не он служил Церкви, а Церковь сделалась его слугою для духовного порабощения масс. Его “работа” над духовной школой, его “труды” (читатель, конечно, догадается, что это автор язвит П-ва кавычками) по устройству церковных школ для народа... все было направлено к наибольшему порабощению народа и упрочению шатающегося строя». Газета «Эхо» так высказалась на смерть обер-прокурора Победоносцева: «В области церковной политики К. П. Победоносцев, называемый “кесарем церкви”, рекомендовал себя как крайний закрепоститель Церкви, погасивший в ней всякий живой дух и превратившей ее окончательно в слугу государства. Церковь за время его обер-прокуратуры была вся зашита в чиновничий виц-мундир. И все это было для того, чтобы чрез чистое Христово учение проводить свои реакционные политические взгляды. С этой именно целью и были основаны К. П. Победоносцевым так называемые церковноприходские школы» (№ 52). – «Ярко отрицательной» считает деятельность Победоносцева в Синоде и «Никол<аевская> газета». «Он, – говорит эта газета, – совершенно подчинил Церковь светской власти обер-прокурора и в сущности являлся руководителем Синода» (№ 353). В газ<ете> «Дон» высказано, что «Победоносцев с рвением инквизитора вмешивался в ничтожнейшие мелочи жизни духовенства и щупальцами циркуляров и указов сдавил эту жизнь до удушья» (№ 55).

Среди хулителей имени К. П. Победоносцева за его деятельность как обер-прокурора Св<ятейшего> Синода бесспорно выдающимся по грубости, резкости выражений, по неприличию, особенно для лица духовного, хотя бы и из иудеев, тона должен быть признан

архимандрит Михаил Семенов, впоследствии, как об этом у нас уже и говорилось, перебежавший к раскольникам-старообрядцам, которые и сделали его у себя архиереем (Канадским). С отзывом этого Михаила о Победоносцеве как о государственном деятеле, «якобы изуродовавшем душу и тело страны», мы уже знакомы. Про церковную его деятельность Михаил выражается, что «вся она вытекала из цинического нигилизма» (sic)... «Нигилист до глубины души, атеист, не верующий ни в Христа, церковь Которого он правил, ни в Его силу, он, по словам Михаила, в области церковной жизни абсолютно отрицал возможность свободного развития духа... и был уверен, что жизнь Церкви можно поддерживать только обманом и насилием». Не устыдился архимандрит-иудей возвести на К. Петровича и, заметьте, в самый день похорон его (13 марта) гнуснейшую заведомую клевету. Он утверждает, что преследования Победоносцевым сектантов простирались до того, что он «отнимал у них детей» (см. «Столичная почта», № 136). В той же «Столичной почте», но уже в конце мая (в № 193) некто М. Владин доказывает, что Победоносцев «лечил нашу Церковь, школу и жизнь по рецепту» «великого инквизитора». «Инославные» преследовались, «гангренозные» члены Церкви отсекались, «дух Православия» внедрялся розгами, палками, карцерами, тюрьмой, отлучением... Из духовно-учебных заведений делались «учреждения для воспитания кастратов мысли и духа». Чтобы понять, кто сей М. Владин, достаточно указать на то, что, по его мнению, «бунтующие поповичи и отцы – и товарищи (эти и выше кавычки принадлежат автору), это – люди, рвущиеся к свету и правде и всенародно исповедующие свет и правду».

Близко родственным архимандриту Михаилу по духу, а может быть, и по плоти, является, судя по отзыву его о К. П. Победоносцеве, также известный уже нам сотрудник «Паруса» С. Любош.

Называя Победоносцева «новым Папой», стоявшим «во главе православного синаedriona», С. Любош безапелляционно изрека-

ет: «Победоносцев был атеистом», и атеистом «не на словах только, а на деле». «Истинным атеистом, – поясняет г. Любош, – т. е. человеком, который ни во что не верит, для которого нет ничего святого, ничего возвышенного, для которого и весь мир и душа человека одна мертвая пустыня, в которой нечего искать, из которой некуда стремиться – таким атеистом был К. П. Победоносцев, стоявший по жестокой иронии судьбы целую четверть века во главе управления русской Православной Церковью. Притом он был атеистом деятельным, активным. Он пылал безграничной ненавистью ко всякой вере, ко всякому энтузиазму, ко всему, что открывает перед человеком широкие и далекие горизонты, ко всему, что влечет его вдаль и ввысь, ко всякому стремлению к небу. Это был типичный представитель голого и беспросветного отрицания» (№ 28).

«Южн<ые> новости» всерьез уверяют, что Победоносцев вторично распял Христа. В редакционной статье этой газеты за тему «Гений тьмы» (в № 8), между прочим, высказывается: «предстанет ли перед нами образ Христа, вторично распятого, Христа, якобы проповедующего оправдание войне и братоубийству, покорное подчинение дикому своеволию, Христа, отрекшегося от Своей бесконечной любви к “малым сим”, к своему малому стаду, которому обещано “царство Божие на земли”, – и вы услышите голос, говорящий вам о том, кто его вторично распял, кто надругался над ним, Христом любви, правды и свободы... Он обратил церковь в “молельню при участке”, а ее служителей из “священников Бога Вышнего по чину Мельхиседекову” превратил в пособников произвола земных владык... Со средневековым фанатическим рвением он гнал в тюрьмы и заточения сектантов, ищущих иного Бога, а не того, о котором им проповедовали по приказу Победоносцева, и под его инструкцией некогда казанский съезд миссионеров постановил насильно отнимать детей от сектантов для обращения их в веру православную».

В таком же точно роде, как «Ю<жные> нов<ости>», отзывается о Победоносцеве А. Хирьяков в «Нов<ом> строе» (№ 1). «Приспешники Победоносцева, – говорит он, – уверяли, что в России существует самая широкая веротерпимость, и многие этому верили. Только те, кому на своих плечах приходилось чувствовать всю тяжесть гонений за веру, только те понимали, какая возмутительная неправда господствует у нас в области религиозных отношений. Если бы пришлось перечислять все ужасы религиозных гонений последнего времени, то потребовалось бы написать несколько томов. Одни гонения на штундистов заняли бы тысячи страниц. Перечислить все случаи религиозных насилий нет никакой возможности. Отнятие детей у сектантов, насильственное крещение, ссылки в Сибирь, многолетние тюремные заключения, отнятие имущества, побои, истязания – вот в чем выражалась свобода совести в России за последние годы... Если мы вспомним, что в Черемнецком монастыре сидит священник Петров (разумеется, известный Григорий П., ныне лишенный сана) только за то, что писал не так, как хотелось бы некоторым церковным чиновникам, то мы не можем не сказать, что никакой свободы совести у нас в России нет, но царит самое возмутительное насилие и обман, обман, обман».

Очень подробно и с видимым наслаждением распространился об обер-прокуроре Победоносцеве и по поводу его обер-прокурорской деятельности А. С-кий в «Гол<осе> Севера». Чего-чего только не нагородил о К. Петровиче этот его обвинитель и судья, в действительности пигмей по пониманию, но колосс по претензиям на понимание, по наглости и нахальству. Вот послушайте. Нарочно возможно подробнее приводим его отзыв, дабы читатель яснее видел все убожество его мыслей, высказанных в оценку деятельности Победоносцева. «Враг народной свободы вообще он (Победоносцев) не мог быть другом и доброжелателем и свободной Церкви – здесь он был министром “духовного ведомства”. И как таковой старался превра-

тить всех служителей Христа и евангелия в бездушных чиновников и полицейских сыщиков. К этой цели направлялись и направляются и правительственные филаретовские катехизисы, макарьевские догматики и фаворовские гомилетики, и всевозможные нравственные (гораздо справедливее: “безнравственные”) богословия и т. п. учебный хлам, которым в духовной школе и до сих пор еще наполняют головы, ожесточают сердца и парализуют волю будущих “духовных” чиновников. К тому же служат и абсолютизм духовных епархиальных са-трапов, и шпионство благочинных и других наперсников епископа, и односторонняя, часто невежественная и даже прямо нечестная цензура. Всякое живое слово давилось, не вырвавшись еще из горла, всякое живое начинание или запрещалось, или так извращалось при помощи схоластическо-бюрократических приемов, что вместо сладких и целебных порождало ядовитые плоды. Живая духовно-религиозная жизнь начала, по-видимому, совсем замирать, полезные и целительные растения засыхать или глхнуть от возвышавшихся около них плевел, сорных трав, силившихся закрыть от них солнце любви и правды и лишить их благодатной утренней росы...

«Но “пшеница” оказалась гораздо живительнее, нежели то предполагал “враг рода человеческого”, посеявший ночью плевелы. При одном порыве сильного ветра последние принуждены былиступить, и достаточно было одного солнечного луча, нескольких капель животворного дождя, чтобы полузасохшие и упавшие под давлением сорных трав стебли пшеницы снова оживились, снова поднялись и вступили в борьбу с своими врагами соседями. Свежий ветерок освободительного движения живительной струей пронесся над нашим отечеством, увлекая за собой дождевую тучу, и корни великих идей братства, равенства и свободы пустили новые ростки, еще более сильные и более великолепные. А прочное, по-видимому, здание церковного бюрократизма падает от этой струи, как карточный домик, и должно очистить место обновленной, неофициальной церкви.

Уже вырисовываются на горизонте исторической жизни новые прочные столбы этого реставрируемого здания. Они из настоящего самоцветного камня, а не жалкая имитация, которую выставляли Победоносцев и К°. Это самосветящиеся звезды, а не те блуждающие кометы, не те ночные “светила” (кавычки для отдельных слов принадлежат автору) Церкви, как Филареты, Платоны, Амвросии и т. п., блеск которых чужой, заимствованный и притом слишком скоротечный. Этими-то столбами должно и может поддерживаться обновленное здание. От этих-то звезд, а не от звезд на груди архиерейской, должен заимствовать истинный свет человеческий мир. И весь русский народ имеет уже счастье любоваться светом этих светильников, которые он не пожелал скрывать под спудом, но выносить на высокий пьедестал, с которого они и льют свои целительные лучи. Мы говорим не только о свящ^{ен}никах Петрове, Огнев и др., о которых уже известно почти всему миру, а имеем в виду прежде всего “бедного сельского священника” о. Тихвинского».

За что же прославляется сей последний? Ближайшим образом за речь, произнесенную им в Гос^{удар}ственной Думе 12 марта, через два лишь дня после смерти Победоносцева. Имея в виду эту именно речь, А. С-кий так расписывает свящ^{ен}ника Тихвинского: «Он, Т^{ихвинс}кий, вместо того, чтобы покорно гнуть шею под ярмом бюрократического режима, благословляя все его проявления, вдруг поднимает голову и “дерзко” заявляет, что “убийство по суду, убийство в христианском обществе, убийство во имя Бога преступнейшее из убийств”! Ни филаретовские катехизисы, ни оппортунистские органы правительственной воли – “нравственные богословия” – не были им твердо выучены. А наоборот, сочинения такого “нигилиста”, как Достоевский, цитируются им чуть ли не наравне с Писанием, и даже ставятся выше ветхозаветных законов Моисея!.. Виновниками смертных казней он осмеливается называть пастырей Церкви, учителей, т. е. верных слуг и соработников его, Победоносцева. А от

министров он, несчастный, “требуем” совести, угрожая посадить их “на скамью подсудимых”».

Вот уже поистине в «телячий восторг» привел г. А. С-кого о. Тихвинский своей речью в Гос. Думе 12 марта. А. С-ский подчеркивает, что речь эта встретила «бурные аплодисменты в центре и слева». По душе, значит, речь эта была и Думе, необходимо только добавить – Думе второй, революционной, впоследствии разогнанной. О речи о. Тихвинского и о самом о. Тихвинском по поводу его речи 12 марта в свое время даны и иные отзывы, отнюдь не восторженные, а напротив, сталкивающие оратора с того превысокого пьедестала, на котором так хотел утвердить его А. С-кий. Вот, например, отзыв М. Меньшикова: «Что вы скажете, – спрашивает г. Меньшиков, – о ехидных батюшках вроде свящ<енника> Тихвинского, что плачущим голосом, как гиена полосатая, завывал (12 марта) о преступлениях русского правительства, будто бы заранее известных Христу и проклятых Им? Для меня лично в политике нет ничего омерзительнее, как этот тип: “священники-революционеры”, “офицеры-революционеры”. Хочется крикнуть им: “Да снимите же, господа, личину”! Мундир есть присяга, ряса – целое мирозерцание. Сбросьте их, не обманывайте народ. Ибо простой народ в самом деле вовлекается в обман, когда вы старым своим значением подкрепляете новые бредни. В рясах и мундирах вы имеете кредит старой фирмы, и ее же хотите подвести под банкротство. Вот уже ни на грош политической честности у этих господ» («Нов<ое> вр<емя>», 15 марта 1907 г.).

А. С-кий, как видели мы, пришел в умиление при виде того, как скоро и легко все в Церкви, в духовно-религиозной жизни народа оживилось, лишь только «пронесся над нашим отечеством живительной струей свежий ветерок освободительного движения». В сущности тем же восхищается и В. Варварин в «Р<усском> слове». Он пишет: «До чего все оживилось в области Церкви, едва он (Победоносцев) сам отошел от нее, и с ним отошли те бесчисленные за-

поры, задвижки и заслоны, которыми он всю ее перегородил и заставил. “Богословский вестник” в Москве (в Троице-Сергиевом посаде), “Церковный вестник”, “Век”, “Звонарь” в Петербурге, “Церковная газета” в Харькове, “Церковно-общественная жизнь” в Казани – как все это заговорило, каким языком, с каким напряжением, с какой ясностью и на какие темы!!! (восклицания автора). Но эти люди, там пишущие и издающие, они были и вчера, и третьего дня те же люди: только им третьего дня и вчера “не позволяли говорить”, а сегодня так сложились обстоятельства, что “стало не до них”, и они под шумок и под гамок сами заговорили. Сами заговорили, и картина сразу стала лучшей. Явилось именно то, что Победоносцев считал безнадежным – пробуждение людей Церкви... все рванулись делать для Бога, для Христа, для Церкви»... (№ 76).

Зарегистрируем, наконец, в нашу летопись и ту «скверну», которая изрыгнута масоном А. Амфитеатровым в его известном уже нам памфлете и которая касается Победоносцева как обер-прокурора Св<ятейшего> Синода. Победоносцев, по словам памфлетиста, «упорно изгонял из России, душил ссылкой и тюрьмой всех людей, желавших жить по евангельскому идеалу, как выброшенные сперва на Капр, потом в Канаду, разрозненные несчастные духоборы. А теоретиков, намеревавшихся поправить по этому идеалу истрепанную этику современности, отлучал от Церкви... Я не знаю, верует ли в Бога г. Победоносцев, да и не мое это дело, но смело утверждаю, что никто более Победоносцева не содействовал падению веры в Бога среди школьных русских поколений; никто не принизил так религиозности русского народа, обратив ее в пустую, сухую, но скучно и досадно требовательную государственную повинность и формальность; никто не дал вящего соблазна к бегству всех сколько-нибудь свободных умов в материализм и атеизм... Воображая себя воителем за Бога в народе, он был величайшим богоубийцей во всей русской истории» («Слово правды», 27 мая, № 43).

Глава V

Оценка К. П. Победоносцева в консервативной среде. – Как здесь встречена весть о его кончине. – Национализм Победоносцева и преданность его Православию. – Характер консерватизма Победоносцева.

Полагаем, что читатели достаточно уже наслушались отрицательных мнений и отзывов о К. П. Победоносцеве, высказанных с явным расчетом обесславить, втоптать в грязь, выставить как зло, как величайшее зло для государства и для Церкви его принципы и идеи, его практическую деятельность. Представим далее мнения и отзывы о нем положительные, т. е. такие, в которых с уважением и похвалой говорится и о мирозозерцании Константина Петровича, и о началах, коими он руководился в своей церковно-государственной деятельности, в которых с чувством признательности вспоминается самая эта деятельность и указывается на ее благодетельное значение для страны, для жизни нашего народа.

Нижеприводимые положительные отзывы и мнения о Константине Петровиче приобретают сугубый интерес и производят особенно сильное впечатление в непосредственном соседстве их с отзывами отрицательными, под впечатлением которых мы только что находились.

Если смерть Константина Петровича вызвала в среде либеральной и радикальной радость, которая очень прозрачно и выражалась в обслуживающей эту среду печати, то в среде консервативной известие о его кончине встречено было с искренней, глубокой печалью, как потеря невознаградимая, незаменимая. Вот, например, что, между прочим, высказал Альцест, отзываясь в «Подол<ьском> голосе» на смерть Константина Петровича: «Есть люди, жизнь которых подобна глупой и скучной книге. Если такая книга выброшена из книжного шкафа, то чувствуется не потеря, а несомненный выигрыш для остального общества книг. Зато есть люди – ходячие поэмы, настоящие “светильники разума”, – и раз неумолимая смерть выбросит та-

кого человека из общества людей, чувствуется сразу обеднение жизни, незаменимая пустота. А таков именно и был К. П. Победоносцев, на днях скончавшийся. С ним отошла в вечность целая историческая эпоха, необыкновенная, удивительная, картинная... “Иные люди в мир пришли, иные песни принесли”. Каковы эти песни, мы, современники этих новых людей, хорошо знаем из фактов повседневной жизни. И тем больнее становится на сердце и безотраднее на душе, когда подумаешь, кто же заметит выбывающих из строя государственных мужей – мужей разума и совета»? (№ 118).

Газеты и журналы, высказывавшие положительные мнения и отзывы о К. И. Победоносцеве и его деятельности не претендовали на исчерпывающую полноту или на не безошибочность, непогрешимость своих суждений, своей оценки о почившем. Они с убеждением высказывали, что справедливый суд над Победоносцевым принадлежит лишь истории.

«Нам, – говорит, например, «Колокол», – трудно оценить все значение К. П. Победоносцева, мы слишком близки к нему, мы еще находимся под его воздействием, мы слишком субъективно переживаем впечатления его высокой личности. И средств у нас нет для того, чтобы охватить одним взглядом его деятельность и его влияние в различных областях, мы не можем еще воссоздать его цельного духовного образа и представить его в исторической перспективе его времени. Это дело биографии и истории, следовательно, дело грядущих времен и поколений, которые не будут обладать пристрастием современников, вносящим в истории субъективную аберрацию» (№ 337). «Фигура его (К. П. П-ва), по словам Баяна в “Р<усской> правде” (№ 94), слишком крупна для того, чтобы можно было высказывать о ней свои суждения у незакрытой еще могилы. Такие фигуры получают настоящую свою оценку только в исторической перспективе, и из истории своей страны их не приходится вычеркивать, иначе в ней остался бы целый ряд пустых мест и необъяснимых пробелов. В истории России

именем К. П. Победоносцева останутся навсегда отмеченными целый период, целая эпоха, и только история, беспристрастная и объективная, сумеет честно и добросовестно разобраться в заслугах и ошибках этой крупнейшей государственной фигуры нашего времени».

Признавая лишь за историей право на беспристрастную оценку, на справедливый суд над К. П. Победоносцевым, печать правого лагеря высказывала твердую уверенность, что эта оценка, этот суд отдадут полную справедливость и личным, и служебным его достоинствам, поставят его на высокий пьедестал. «Оценка высокого научного авторитета и выдающейся государственной деятельности Победоносцева, – говорит Б. Юзефович в № 136 “Зак^{<она>} и правды”, – конечно, сделается достоянием истории, которая посвятит заслугам его не одну славную страницу». По убеждению Н. И. К-то, высказанному в «Казан^{<ском>} телеграфе» (№ 4221), «будущий историк, настоящей историк, а не фальсификатор научных приговоров, рано или поздно с благоговением остановится перед этой великой личностью» (т. е. К. П. П^{<обедоносцевы>}м). В. Колпенский в «России» также признает, что «еще не время теперь оценить всю деятельность Победоносцева. Как и всякий великий человек, он вырастет во весь свой исполинский рост лишь через несколько десятилетий, и только потомству принадлежит суд» (№ 399).

Консервативная печать в отзывах своих о Константине Петровиче старалась выставить с особенной рельефностью его строгий национализм и преданность Православию.

По отзыву «Колокола», в Победоносцеве «одно бесспорно для нас, его современников: он был всецело русский человек. И этого ему никогда не могли простить его интеллигентные враги. Когда после “эпохи великих реформ” настала “эпоха мирного развития” в царствование Александра III и когда, по словам Н. Х. Бунге, правительство приняло на себя инициативу: 1) “удовлетворить народному чувству, по которому Россия должна принадлежать русским;

2) упорядочить и укрепить внутренний строй управления и 3) развить духовные и материальные силы народа”, то К. П. Победоносцев, несомненно, был вдохновителем и верным стражем этой национальной политики. Он глубоко был убежден, что Россия должна жить и управляться на основании своих исторических народных начал, на основании своего народного мировоззрения, народной веры. Государственная власть тогда только действует плодотворно и на благо народа, когда она принимает народное направление, а не впадает в раздвоение с народным мирозерцанием. Где нарушается эта гармония, там власть подтачивает сама себя. “Как бы ни была громадна власть государственная, – говорит он, – она утверждается не на чем ином, как на единстве духовного самосознания между народом и правительством, на вере народной: власть подкапывается с той минуты, как начинается раздвоение этого, на вере основанного, сознания”. В это раздвоение влекли Россию многие враждебные силы, но он всегда старался вернуть ее к ее народным историческим принципам самодержавию и русской народности. По этому своему национальному русскому направлению и проникновению в народную душу и в народное верование К<онстантин> П<етрович> напоминает нам великого нашего писателя Ф. М. Достоевского: оба были всецело русские люди и оба были великие аналитики своей эпохи. Для обоих истиной было то, во что веровал и чем жил русский народ, созидая свое государство. Чуждые начала и чуждое мирозерцание для обоих были ложью» (№ 337).

В том же (337) номере «Колокола», в статье «Печать о К. П. Победоносцеве», автор статьи Н. О. высказал: «Покойный Константин Петрович справедливо может быть назван одним из главных сподвижников Великого русского Царя, Государя Императора Александра Александровича, монарха, который первый поднял подхваченное теперь миллионами русских рук знамя, знамя “Россия для русских”. Этого в Бозе почивающего Александра, который имеет больше

Петра I Алексеевича прав на имя Великого, один из талантливейших и умнейших публицистов наших Л. А. Тихомиров назвал “Носителем идеала”. Да, именно носителем русского идеала, попоранного и задавленного, был в Бозе почивающий Император, создавший себе нерукотворный и вечный памятник в сердцах всех сознательных русских патриотов. Из сподвижников Великого Царя всего более имеет прав на то же имя, на имя носителя русского идеала, именно ушедший теперь от нас гигант русской мысли и русской воли К. П. Победоносцев. Да, он, подобно Великому Господину своему, был до конца носителем русского идеала, отважным и непобедимым борцом за этот идеал. Оценить этого человека, понять его мысль и волю могут только люди, преданные всем сердцем и всей душой русской идее. Не такова наша “руководящая”, обслуживающая так называемое интеллигентное общество печать. Эти общество и печать отрицают русскую самобытность, не видят в ней ничего, кроме варварства и мрака. Переделка России в “большую Болгарию” или в Австро-Венгрию – вот их идеал. И эти наши западники уверены, что победа на их стороне. Ведь конституция попорана “бюрократизмом”, а бюрократизм и русский идеал для них одно и то же. Константин Петрович для них не более, как представитель этого отжившего бюрократического мира. Сообразно с этим они и реагируют на факт кончины этого человека. Эта смерть для них как бы символ их, западников, победы и поражения русского идеала. Одни из “победителей” стараются держать себя в пределах приличия, другие из этих границ выходят, но все обнаруживают самое жалкое непонимание основ мировоззрения Константина Петровича. Этот колосс русской мысли и русской воли решительно не по плечу жалким пигмеям, мнящим себя накануне господства над величайшим в мире православным царством».

В № 342-м «Колокола» Л. Тихомиров, отзываясь о К. П. Победоносцеве как об огромном таланте, стоявшем на всей высоте культурного развития и универсального знания, прибавляет, что «это был, сверх

того, такой сын своего народа, который не откололся от него, не стал смотреть с презрением на родину, а напротив, остался глубоко проникнут духом своего народа и жил всецело идеалами, им созданными. Самостоятельность ума спасала его от рабства пред народом, но идеал народный наполнял всю его Душу».

Широкий национализм Константина Петровича отмечен также в «Свете» В. К. Истоминым (см. № 96), в «Москов<ских> церковных <ведомостях>» и в «Полт<авских> еп<ископальных> ведомостях». По словам Д. В. в «М<осковских> ц<ерковных> в<едомостях>» (№ 12), К<онстантин> П<етрович> «целой жизнью отстаивал исторические народные начала, народное мировоззрение, народную веру». В «Полт<авских> еп<ископальных> ведомостях» (№ 11), между прочим, указывается и на то, что «К. Петрович чутко умел отыскивать и ценить родных ему по духу деятелей в широко национальном направлении, поддерживал с ними самые трогательные отношения, окрашенные той же поэзией (национального колорита), в какой он витал сам. Известна его переписка с Н. И. Ильминским (печаталась в “ Правосл<авном> собеседнике”), которую читать так же легко и интересно, как какой-нибудь роман русского классика, хотя в ней больше всего трактуется о предметах и вопросах ученых, особенно часто – филологических. Известна также его тесная дружба с незабвенным С. А. Рачинским, церковно-школьная деятельность которого была столь любезна сердцу К. П-ча».

Окружая ярко-национальным колоритом имя К. П. Победоносцева, печать правого лагеря имела о Победоносцеве представление, что он «прежде всего православный христианин».

О национализме К. Петровича и преданности его Православию обстоятельно высказался в «России» г. Колпенский. По его словам, «когда от прямого учебного поприща К<онстантин> П<етрович> перешел к деятельности государственной, он не переставал быть мыслителем и ученым... Имея в своем распоряжении многие десят-

ки исполнителей и искусных чиновников-писателей, Победоносцев всякий мало-мальски важный вопрос изучал самолично и нередко собственноручно давал отзывы по сложным вопросам и проектам. Но всегда и во всех вопросах он оставался верен себе и освещал их по-победоносцевски: русская государственность, русский народ и Православная Церковь выше и дороже всего. И если он замечал, что какое-либо новшество посягало на сии святыни, то вся изумительная сила его аналитического ума и непреклонной логики обрушивалась на предположение и обращала его в прах. Нечего и говорить, что и сам в своих планах и предначертаниях он стоял на страже и охране тех же заветных начал, никого, однако, не угнетая и не подавляя, если только не было явной опасности русскому духу и православной вере... Наука, разнообразная и широкая литературная деятельность, политическая мысль, учебно-воспитательное дело, которому также он отдал обильную дань, политика – ничто не заглушало в нем того, чем он был прежде всего – православного христианина. Начиная с книги “О подражании Христу”, им переведенной и изданной, он не перестает сквозь всю свою деятельность служить делу Православной Церкви. Служение Церкви и притом служение ей всецело – и внешнему ее обряду, и духу – вот истинное душевное влечение Победоносцева»... Это служение он и завершил перед самой смертью делом, которое, по мнению г. Колпенского, «может быть, и есть величайшее из всех его деяний, которое сделает имя его бессмертным и дорогим всякому русскому человеку» (№ 399).

Величайшим, бессмертным деянием Победоносцева г. Колпенский считает его перевод Св<ященного> Писания Нового Завета. Относительно этого деяния он так высказывается: «Константин Петрович именно как человек с русской душой живо сознавал всю необходимость дать русскому народу книги Евангелия и прочие книги Нового Завета на русском языке. Вместе с тем, как истинный стилист и художник слова он сознавал всю красоту, силу и выразительность

нашего церковно-славянского языка, а также и всю привычку нашу к этому языку, к оборотам его речи и к отдельным созвучиям. И вот он задается целью дать перевод Св<ященного> Писания Нового Завета, удовлетворяющей всем требованиям русской речи и, вместе с тем, по возможности близкий к привычному и всем дорогому славянскому тексту. Тут сказалась вся сила языка Победоносцева, все высокое понимание им Св<ященного> Писания. Его цель достигнута блестяще, и изданный им русский перевод Нового Завета есть поистине памятник нерукотворный, к которому не зарастет народная тропа. И за это одно имя Константина Петровича Победоносцева заслуживает благодарности русского народа, который и воздаст ему вечную память». (Там же).

Имея в виду время, в которое появился перевод Нового Завета, г. Б. Глинский рисует такую, врезающуюся в память, картину: «Во всю ширь Литейного проспекта движется пестрая, разнокалиберная и возбужденная толпа, над головами которой реют красные знамена с зажигательными призывами, и из сотен грудей вырывается и далеко несется песня: “Вставай, подымайся, рабочий парод”. Толпа останавливается против темного двухэтажного дома № 62, где много лет живет Константин Петрович, останавливается, чтобы прокричать ему слова ненависти и злобы, прокричать и двинуться далее в торжественной и шумной манифестации во славу грядущего сознательного пролетариата. Крик толпы доносится до восьмидесятилетнего старца, но он не вызывает его ответной злобы, слова песни ничего не говорят его сердцу. Он весь в молитве и в научном труде. Революционный напев улицы тонет в тех древнерусских церковных напевах, которыми полна его душа, резкие слова, зовущие к политической свободе, для него бледны и малозначащи пред теми словами “Нового Завета”, в которые он целиком ушел и где он видел истинную свободу личности и торжества духа. И когда эта толпа шумно и грозно требовала от своих представителей резкого и беспощадного выступления

против сложившегося порядка вещей, в создании которого он принимал в свое время такое деятельное участие, а эти представители со своей стороны наполняли почти всю прессу и весь книжный рынок произведениями, согласными велениям взбудораженной массы, он ничего не противопоставил резким словам осуждения в защиту того, чему так долго и так неустанно служил. Уже холодеющей рукой он протянул и своим друзьям и недругам лишь небольшой печатный том, где на обертке значилось: “Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа в новом русском переводе К. П. Победоносцева. Опыт к усовершенствованно перевода на русский язык священных книг Нового Завета”» (с. 249).

По отзыву того же г. Глинского, природный талант и глубокий ум Победоносцева не иссякал и не тускнел с годами, а как бы очищался в опыте жизни и кристаллизовался в определенном направлении, и что, «пройдя разные фазы труда, он от земного успокоился на божественном, на тех высях, куда доступ имеют или люди самые простые и “кроткие сердцем”, или избранные рода человеческого, которым потомство дарит наименование великих мудрецов и учителей жизни. Каков же в этом отношении будет суд о нем потомства в грядущих поколениях? Для ответа на этот вопрос еще не настало время» (с. 260–261).

Левая печать, как это нам уже известно, всячески старалась выставить К. П. Победоносцева как заядлого консерватора, боровшегося со всем новым и живым. Правая печать также считала Победоносцева консерватором, но о консерватизме его судила с широкой политической точки зрения.

По замечанию М. в «Гол<осе> Москвы», «блестяще образованный, крупный ученый, – Победоносцев в своих консервативных увлечениях не был все-таки слепым врагом нового и здорового. Его чрезвычайно сложную личность нельзя характеризовать каким-нибудь одним ходячим термином, которым мы все так привыкли злоупотреблять» (№ 61).

О характере консерватизма Константина Петровича, об отношении его к нововведениям, к реформам вот что читаем в «Церк<овном> голосе»: «Ни одно выдающееся в умственной жизни России явление не ускользает не только из внимания К<онстантина> П<етрович>а, но и получает от него глубокую, своеобразную, хотя, быть может, иногда и одностороннюю оценку. Не говоря уже о сильных статьях его “М<осковского> сборника”, посвященных оценке течения мысли и жизни 60–90-х годов прошлого столетия, он и в последние годы, имея уже 70 с лишком лет, сейчас же отзывался на все новое, что волновало умы русской интеллигенции. Началось переустройство нашей упавшей школы, он издает несколько книг (напр., “Учение и учитель”) по этому вопросу. Заявляет о себе течение религиозной мысли, желающее найти Христа и христианство вне “Исторической Церкви”, К<онстантин> П<етрович> выступает с сильной статьей, доказывая, что христианство без Церкви будет “Христианством без Христа” (заглавие статьи). Поднимаются речи о реформе богослужения, он издает особую книжку, откликаясь и на этот вопрос, особенно ему близкий и дорогой как глубокому знатоку славянского языка, тонко понимающему его своеобразную красоту. Справедливость требует сказать, что, если многие из нас ценят не только веками сложившееся богослужение, но и все вообще отзывающееся стариной лишь по традиции и привычке, К<онстантин> П<етрович> любил и ценил это по глубокому убеждению. Из его литературных трудов явствует, что он умел одухотворять старину, для него она была полна силы и жизни. Он не изжил в ней сам, не “выдохся”, как выдохлись многие, критикующие старину за “мертвенность”, “окаменелость” вместо того, чтобы критиковать себя за неумение найти в старине то, что, хотя и старо по времени, но не состарилось и никогда не состарится по существу своего содержания. Он не был противником реформ и нововведений, на некоторые из них выразительно указывал сам (в области школьной), но везде желал видеть на первом плане совершенствование духа, а не

внешних форм, и недоверчиво относился к тем крайностям, какие у нас, быть может по нашей широкой русской натуре, сейчас же выступают на первый план и готовы в стремлении к новому опрокинуть все старое, без разбору. Как типичный стойкий носитель и выразитель старого он не мог не стать мишенью для едких нападок, открытой ненависти, доходившей до желания насильственно отнять у него жизнь» (см. «Полт<авские> еп<архиальные> вед<омости>», № 11).

Не раз уже цитированный нами В. Колпенский по поводу нескончаемых упреков Победоносцеву в остановке жизни, торможении и т. п. говорит: «Желание не быть поспешным, не сделать неосторожного шага, не прикоснуться к тому, что еще не совсем понятно, недоверие к непроверенным теориям – вот что удерживало его от стремительного бега по наклонной плоскости новшеств и преобразований» («Россия», № 399). «Вы не были, – писал Победоносцеву в известном уже нам письме архиеп<ископ> Антоний, – продолжателем административной рутины, как желают представить ваши жалкие, бездарные критики. Напротив, вы поднимали целину жизни и быта, брались за дела, нужные России, но до вас администрации неведомые». Другой иерарх нашей Церкви преосвященный Таврический Алексей в упоминавшийся уже нами речи перед панихидой по К. Петровичу высказал: «Он был, если хотите, сторонником реформы в церковно-государственной жизни. Первая записка, призывавшая епархиальных архиереев к пересмотру старых форм церковной, епархиальной и приходской жизни и возможному улучшению и замене их новыми, составлена К. Петровичем. Конечно, К. П. как человек огромного жизненного опыта и природного научного ума смотрел на реформу церковно-государственной жизни слишком глубоко и серьезно, но во всяком случае, реформу он видел не в замене платья старого покроя новым фасоном, а в том, чтобы не было видно наготы человеческой, чтобы из-под платья приличного проглядывала прежде всего добрая, чистая, богоподобная душа человека» («Таврич<еский>

церк<овно>-общ<ественный> вестник», № 9). По отзыву «Киевлянина», «близко стоявший к церковному управлению К<онстантин> П<етрович> П<обедоносцев> употреблял энергические усилия для оживления церковной жизни, поднятия влияния Православной Церкви и возвышения православного духовенства» (№ 17).

Вот еще взгляд на консерватизм Константина Петровича, на его отношение к прошлому и к современным ему фактам и явлениям, взгляд, принадлежащий выше упоминавшемуся известному писателю и публицисту С. Сыромятникову и высказанный им в № 401 «России». Победоносцев, по словам С<ыромятнико>ва, «совсем не был хвалителем прошлого, невежественным старовером, закрывавшим глаза на пороки и язвы окружающего. Напротив, человек огромной начитанности и твердого научного мышления он сознавал всю гадость своего времени, но лекарство видел не там, где видели его мы; его умственные внуки». В подтверждение такого своего мнения о консерватизме Победоносцева г. Сыромятников приводит следующую очень характерную выдержку из «М<осковского> сборника».

«Стоит только пройти по улицам большого или малого города, по большой или малой деревне, чтобы увидеть разом и на каждом шагу, в какой бездне улучшений мы нуждаемся и какая повсюду лежит безобразная масса покинутых дел, пренебреженных учреждений, рассыпанных храмин. Вот школы, в которых учитель, покинув детей, составляет рефераты о методах преподавания и фразистые речи для публичных заседаний; вот больница, в которую боится идти народ потому, что там холод, голод, беспорядок и равнодушие своекорыстного управления; вот общественное хозяйство, в котором деньги собираются большие и никто ни за чем не смотрит, кроме своего прибытка и тщеславия; вот библиотека, в которой все разрознено, растеряно и распущено, и нельзя найти толку ни в употреблении сумм, ни в пользовании книгами; вот улица, по которой пройти нельзя без ужаса и омерзения от нечистот, заражающих воздух, и от скопления

домов разврата и пьянства; вот присутственное место, призванное к важнейшему государственному управлению, в котором водворился хаос неурядицы и неправды за неспособностью чиновников, туда назначаемых; вот департамент, в который, когда ни придешь за делом, не находишь нужных для дела лиц, обязанных там присутствовать; вот храмы-светильники народные, оставленные среди сел и деревень запертými, без службы и пения, и вот другие, из коих, за крайним бесчинием службы, не выносит народ ничего, кроме хаоса, неведения и раздражения... Велик этот свиток, и сколько в нем написано у нас рыдания, и жалости, и горя.

Вот жатва, на которую требуются деятели, куда надобно направить личные силы мысли, любви и негодования, где потребны не законодательные приемы образования, отвлекающие только силу, а приемы правителя и хозяина, собирающие силу к одному месту для возделывания и улучшения. Вот истинная потребность нашего времени и нашего места – и ею-то пренебрегает наш век из-за общих вопросов, из-за громких слов, звенящих в воздухе».

«Ясно, – заключает г. Сыромятников, – что, исходя из потребности единой силы и единой воли для организации жизни, Победоносцев был врагом всякого разделения властей, врагом новой демократии, парламентаризма».

Глава VI

Характеристика мировоззрения К. П. Победоносцева по его научно-литературным трудам. – Значение в этом отношении «Московского сборника».

Периодическая печать, характеризуя мировоззрение К. П. Победоносцева, его политическое и религиозно-философское profession de foi¹,

¹ Исповедание веры (фр.).

не могла упускать из виду научно-литературных трудов Победоносцева. И она, в особенности правый ее лагерь, действительно, уделила им большое внимание. Либералам и радикалам научные труды К. Петровича не на руку, и потому в органах своих они лишь высказывались, да и то кратко, об этих трудах, а не знакомили с ними своих читателей по выдержкам из них.

По единодушному признанию органов печати самых разнообразных направлений, наилучшим, наиболее ярким и характерным выражением мировоззрения Константина Петровича является его «Московский сборник», изданный в 1896 г. Печать правого лагеря чрезвычайно высоко оценивает этот литературный труд К. П. Победоносцева. По отзыву, например, Б. Глинского в «Ист<орическом> вестнике», «Московский сборник» – это в высшей степени оригинальное явление русской самостоятельной мысли, обратившее на себя внимание широких кругов общества как у себя на родине, так и за рубежом ее. Даже по внешним достоинствам сочинения – «по силе слога, по чистоте языка, по отчеканке мысли весьма и весьма немногие произведения отечественной литературы могут быть поставлены в одном ряду с этим Сборником». Б. Глинский, между прочим, приводит мнение о «Московский сборнике» издателя «Гражданина» кн. В. Мещерского. Последний говорит: «Книга “М<осковском> сб<орник>” по критическому уму ставит Победоносцева наряду с умнейшими мыслителями мира и должна, по моему глубокому убеждению, быть читанной и перечитанной не только начинающим свою сознательную жизнь человеком, но каждым педагогом, каждым государственным человеком. Читая страницы этой гениальной книги, нельзя не приходиться на каждой из них в восхищение от тонкого анализа самых сокровенных душевных тайн, от светлого и зоркого взгляда на каждый государственный вопрос, от теплых отзвуков сердечного участия к немощам и слабостям человека и, наконец, от проявления самого чистого культа христианства». «Киевлянин» считает «М<осковский>

сборник» такую книгою, «какие не умирают» (№ 77). По признанию Н. И. К-то в «Каз<анском> телеграфе», «М <осковский> сб<орник>» представляет собой замечательный политически-философский трактат, равных которому найдется мало в мировой литературе (№ 4221).

По тому, на что в «М <осковском> сборнике» правая печать обратила особенное внимание, желая охарактеризовать почившего, представляется возможным вполне правильно судить о том, как печать эта понимала Константина Петровича, его политическое и религиозно-философское profession de foi.

По отзыву «Колокола», в «М<осковском> сборнике» мы видим проникновенный диагноз важнейших болезней современной культуры, от которых автор хотел предохранить свое отечество. Здесь, продолжает газета, подвергнуты беспощадной критике все современные ходячие воззрения, к сожалению, столь неудержимо увлекшие наше общество и уже принесшие теперь свои плачевные результаты. С ясновидением пророка предостерегал он нас от современных заблуждений и с глубокой сердечной болью указывал на «великую ложь нашего времени», которую, несмотря на его предостережение, мы теперь переживаем. Теперь злобу дня представляет для нас та парламентарная система, которая надвигается и грозит совершенно сдвинуть наше отечество с его исторической основы и произвести окончательное крушение. В «М<осковском> сборнике» К<онстантин> П<етрович> дает нам яркий «образ этой великой современной политической лжи». Далее в газете приводится следующей отрывок об этой «злобе дня».

«По теории парламентаризма, должно господствовать разумное большинство; по практике, господствуют пять-шесть предводителей партии; они, сменяясь, овладевают властью. По теории, убеждение утверждается ясными доводами во время парламентских дебатов; на практике оно не зависит нисколько от дебатов, но направляется волей предводителей и соображениями личного интереса. По теории, народные представители имеют в виду единственно народное благо; на

практике они, под предлогом народного блага и на счет его, имеют в виду преимущественно личное благо свое и друзей своих. По теории, они должны быть из лучших излюбленных граждан; на практике это – наиболее честолюбивые и нахальные граждане. По теории, избиратель подает голос за своего кандидата потому, что знает его и доверяет ему; на практике избиратель дает голос за человека, которого по большей части совсем не знает, но о котором натвержено ему речами и криками заинтересованной партии. По теории, делами в парламенте управляют, двигают опытный разум и бескорыстное чувство; на практике главные движущие силы здесь решительная воля, эгоизм и красноречие. Вот каково в сущности это учреждение, выставляемое целью и венцом государственного устройства. Больно и горько думать, что в земле русской были и есть люди, мечтающие о водворении этой лжи у нас. Но уже и там, где она издавна действует, ослабеваает вера в нее, еще славит ее либеральная интеллигенция, но народ стонет под гнетом этой машины и распознает в ней скрытую ложь. Едва ли дождемся мы, но дети наши и внуки, несомненно, дождутся свержения этого идола, которому современный разум продолжает еще в самообольщении поклоняться» (№ 337).

В «Гол<осе> Москвы» некто М., касаясь критики К. П. П<обе-
доносцевы>м основных устоев современной западноевропейской культуры и государственного строя, говорит, что, по признанию Победоносцева, «главными поборниками западноевропейской культуры являются рационализм и вера в добрую природу человека. Первый, по его словам, отдает человека в полную власть логического вывода и обобщений, имеющих значение и силу в действительности лишь постольку, поскольку верны жизненные факты; вторая приводит к идее народовластия и парламентаризма – великой лжи нашего времени. Взятые вместе оба фактора производят крайнюю смуту во всем строе европейского общества, поражая и “русские безумные головы”. При-
званная к обсуждению широких теоретических программ, на кото-

рых основывается все государственное управление, масса населения, не способная к проверке широких обобщений путем внимательного изучения фактов, отдается в жертву людям, умеющим воздействовать на нее своим красноречием, способностью ловко делать обобщения и другими приемами борьбы и т. д. Поэтому все, что основано на господстве рационализма и идей народного представительства, находит в Победоносцеве строгого судью» (№ 61).

Для характеристики Победоносцева со стороны отношения его к парламентаризму г. Сыромятников приводит в «России» (№ 401) следующую выдержку из того же «Московского» сборника», отмечающую особенную трудность осуществления парламентаризма в различных государствах, какова, например, Австрия.

«Начало национальности, – говорит Победоносцев, – выступило вперед и стало движущей и раздражающей силой в ходе событий именно с того времени, как пришло в соприкосновение с новейшими формами демократии. Довольно трудно определить существо этой новой силы и тех целей, к каким она стремится; но несомненно, что в ней – источник великой и сложной борьбы, которая предстоит еще в истории человечества, и неведомо, к какому приведет исходу. Мы видим теперь, что каждым отдельным племенем, принадлежащим к составу разноплеменного государства, овладевает страстное чувство нетерпимости к государственному учреждению, соединяющему его в общий строй с другими племенами, и желание иметь свое самостоятельное управление, со своею, нередко мнимой, культурой. И это происходит не с теми только племенами, которые имели свою историю и в прошедшем своем отдельную политическую жизнь и культуру, но и с теми, которые никогда не жили особой политической жизнью. Монархия неограниченная успевала устранять или примирять все подобные требования и порывы, – и не одной только силой, но и уравниванием прав и отношений под одной властью. Но демократия не может с ними справиться, и инстинкты национализма служат для нее

разъедающим элементом: каждое племя из своей местности высылает представителей – не государственной и народной идеи, но представителей племенных инстинктов, племенного раздражения, племенной ненависти – и к господствующему племени, и к другим племенам, и к связующему все части государства учреждению. Какой нестройный вид получает в подобном составе народное представительство и парламентское правление, – очевидным тому примером служит в наши дни австрийский парламент. Провидение сохранило нашу Россию от подобного бедствия при ее разноплеменном составе. Страшно и подумать, что возникло бы у нас, когда бы судьба послала нам роковой дар – всероссийского парламента. Да не будет».

«Желание Победоносцева, – говорит г. Сыромятников, – не исполнилось. Государственный корабль России попал в бурные воды, от которых он тщетно старался предохранить его, но не следует нам отчаиваться за будущее»...

Отчаиваться, – заметим мы по поводу этого мнения г. Сыромятникова, – конечно, не следует; но с другой стороны не нужно упускать из виду и того, что и новый наш политический строй далеко еще не тот, что в Австрии. Поэтому еще остается и все значение слов К. П. Победоносцева: «Страшно и подумать, что возникло бы у нас, когда бы судьба послала нам роковой дар – всероссийского парламента».

«М^{осковский} сб^{орник}» послужил отправной точкой для суждения о политических убеждениях и идеалах К. П. Победоносцева и для «Киевлянина». В № 77 этой газеты напечатана обширная статья на тему «Великая лож нашего времени». В статье этой, между прочим, замечается, что «выдающийся ум Победоносцева – ум по преимуществу аналитический, в области критики, вооруженный огромными научными знаниями, не имел себе равного среди наших ученых и государственных деятелей минувшего столетия. И к голосу беспощадной, хотя страшно безотрадной критики, необходимо прислушиваться именно теперь – в наше время безудержного радикализ-

ма и опустошительной ломки». «М<осковский> сб<орник>» посвящен самым основным и вековечным вопросам человеческого разума и человеческих заблуждений. «Киевлянин» останавливает свое внимание собственно на двух статьях «Сборника», одна из которых называется «Новая демократия», другая – «Великая ложь нашего времени». Обе эти статьи посвящены вопросу о народоправстве и народном представительстве. Особенно характерной «Киевлянин» считает вторую статью. «Тезис ее, – говорит газета, – определяется ее заглавием – “Великая ложь нашего времени”. “Великая ложь нашего времени” и есть, именно, идея народовластия, та, по словам К<онстантина> П<етровича>, к сожалению, утвердившаяся со времени французской революции идея, что всякая власть исходит от народа и имеет основание в воле народной. Отсюда исходит теория парламентаризма, которая до сих пор вводит в заблуждение массу так называемой интеллигенции и проникла, к несчастью, в русские безумные головы». Далее в «Киевлянине» приводятся из сочинения Победоносцева подробные выписки, в которых беспощадно, с сокрушающей силой, критикуется пышная теория парламентаризма и с «уничтожающей едкостью» изображается самая процедура изготовления «народных избранников». Так как с критикой К<онстантина> П<етровича> теории народоправства и народного представительства мы несколько уже знакомы по «Колоколу», «Гол<осу> Москвы» и «России», то считаем излишним приводить здесь выписки по тому же предмету из «Киевлянина». Но в той же статье «Киевлянина» приводится подробная выдержка из сочинения К. П. Победоносцева, ярко обрисовывающая последнего со стороны его воззрений на периодическую печать. По выдержке этой легко судить, какое представление о Победоносцеве в данном отношении укореняла в кругах консервативных правая печать. Вот, между прочим, какие строки приводятся в «Киевлянине»:

«Нам велят верить, что голос журналов и газет – или так называемая пресса – есть выражение общественного мнения... Увы,

это великая ложь, и пресса есть одно из самых лживых учреждений нашего времени... Любой уличный проходимец, любой болтун из непризнанных гениев, любой искатель гешефта может, имея свои или достав для наживы и спекуляции чужие деньги, основать газету, хотя бы большую, собрать около себя по первому кличу толпу писак, фельетонистов, готовых разглагольствовать о чем угодно; репортеров, поставляющих безграмотные сплетни и слухи, – и штаб у него готов, и он может с завтрашнего дня стать в положение власти, судящей всех и каждого, действовать на министров и правителей, на искусства и литературу, на биржу и промышленность. Это особый вид учредительства и грюндерства и притом самого дешевого свойства... Стоит всмотреться в это явление: мы распознаем в нем одно из безобразнейших логических противоречий новейшей культуры, и всего безобразнее является оно именно там, где утвердились начала новейшего либерализма, именно там, где требуется для каждого учреждения санкция выбора, авторитет всенародной воли... От одного только журналиста, власть коего практически на все простирается, не требуется никакой санкции. Никто не выбирает его и никто не утверждает. Газета становится авторитетом в государстве, и для этого единственно авторитета не требуется никакого признания. Всякий, кто хочет, первый встречный может стать органом этой власти, представителем этого авторитета, и притом вполне безответственным, как никакая иная власть в мире.

“Судья, имея право карать нашу честь, лишать нас имущества и свободы, приемлет его от государства” и после продолжительной и трудной подготовки к своему званию. “Он связан строгим законом; всякие ошибки его и увлечения подлежат контролю высшей власти, и приговор его может быть изменен и исправлен. А журналист имеет полную возможность запятнать, опозорить мою честь, затронуть мои имущественные права; может даже стеснить мою свободу... Но эту судейскую власть надо мной сам он себе присвоил... в суде своем

не связан никакими формами процесса и не подлежит никакой апелляции в своем приговоре”». Объяснив далее, почему нападки печати на частное лицо могут причинить ему вред, ничем непоправимый: ни опровержениями поносительной статьи в той же печати, ни даже судебным преследованием за клевету в печати, – Победоносцев заключает: «Итак, можно ли представить себе деспотизм более насильственный, более безответственный, чем деспотизм печатного слова? И не странно ли, не дико ли и безумно, что о поддержании и охране именно этого деспотизма хлопочут всего более ожесточенные поборники свободы, вопиющие с озлоблением против всякого насилия, против всяких законных ограничений, против всякого стеснительного распоряжения установленной власти! Невольно приходит на мысль вековечное слово об умниках, которые совсем обезумели от того, что возомнили себя мудрыми!»

Приведенные воззрения К. П. Победоносцева на периодическую печать «Киевлянин» сопровождает следующими строками: К. П. Победоносцев признает, что «газета, несомненно, служит для человечества важнейшим орудием культуры». Он говорит, что «есть серьезные умы, руководящие газетой», но таких немного, а газет великое множество, и в этом множестве «скопляется какая-то роковая, таинственная, разлагающая сила, нависшая над человечеством». Эту «разлагающую силу» Россия имела возможность почувствовать в полной мере за два года нашего «освободительного движения», и пессимизм К. П. Победоносцева (в воззрениях на печать) оказался пронизательнее близорукого оптимизма тех, которые спустили с цепи нашу «свободную печать», «отпраздновавшую свою свободу не с разумной сдержанностью зрелого гражданина, а с буйной необузданностью темного раба, из всех свобод постигшего свободу лишь ругательств и издевательств, угроз и проклятий».

Отзываясь о К. П. Победоносцеве как самобытным политическом мыслителе, который, по словам В. Колпенского в «России» (№ 399),

«все, о чем ныне кричат на все голоса – конституция, парламент, свобода печати, совести и всякие иные свободы и т. п., – все изучил, обдумал, взвесил, прикинул на весы русской жизни... и разочаровался» и подверг беспощадной уничтожающей критике, правая печать указывала и на положительные взгляды Константина Петровича. Взгляды эти, по характеристике М., в известной уже нам статье в «Гол<осе> Москвы», «столь же определенны, как и его критика современного строя западноевропейской государственной и общественной жизни». «Есть в человечестве, – говорит он, – натуральная сила инерции, имеющая великое значение... Сила эта, безусловно, необходима для благосостояния общества. В пренебрежении или забвении этой силы – вот в чем главный порок новейшего прогресса. Простой человек знает значение этой силы и хорошо чувствует, что, поддавшись логике и рассуждениям, он должен будет изменить все свое мировоззрение; поэтому-то он твердо и хранит ее. Она покоится не на знании, а на основном мотиве человеческих действий – непосредственном изучении, чувстве и опыте, и потому-то в политическом отношении эта сила родит уважение к старым учреждениям, которые тем драгоценны и потому незаменимы, что не придуманы, а созданы жизнью, вышли из жизни прошедшей, из истории и освящены в народном мнении. С этой силой непосредственно связывается и главная опора общественной жизни – вера». О положительной части в «М<осковском> сб<орник>е» и та печать, которая высоко ценит этот Сборник, отзывается, что эта часть слабее отрицательной части. «Все положительное, что изложено в Сборнике, – говорит г. Глинский в “Истор<ическом> вестнике”, – бледнее отрицательной части, изложено в виде принимаемых на веру аксиом и является наглядным доказательством большей силы автора в анализе и отрицании, нежели в синтезе и творческой работе» (с. 260).

По замечанию «Киевлянина», к объяснению глубокого пессимизма в Константине Петровиче насчет «всероссийского парламента»

служит то, что в демократическом движении на Западе и силах, которыми оно там работает, К<онстантин> П<етрович> видел «поход варваров на христианскую цивилизацию» (№ 77).

Опасения, тревоги К. П. Победоносцева за будущее России при новом политическом ее строе не могли не находить для себя веских оснований в составе и деятельности нашего парламента. «Вот у нас, – говорит, например, Альцест в «Подольском голосе» (№ 118), – уже почти три года как стараются создать новый порядок вещей и заменить существующие власти другими. Но, увы! Почва русская дала плохой урожай парламентариев. Даже господствующая партия не нашла в себе государственных людей. Самые крупные ее корифеи – г-да Милюковы, Родичевы, Набоковы – обнаружили столько мелочности, столько наивного провинциализма, столько страсти к дешевой конспирации, что никакого “господства” у них не вышло. А между тем отбор лучших людей есть все-таки первая, при всех системах, государственная потребность, и России еще и еще раз придется создавать этот отбор, выделять из себя группу сильных людей, ум и характер которых позволил бы им быть душой страны. Бюрократия обанкротилась. Допустим, что и так. Но ведь обанкротился и первый парламент»...

Как понимал, как оценивал Победоносцева и его государственную деятельность Альцест, хорошо видно из следующих строк цитируемой статьи. «Вот то и обидно, что люди, имеющие определенную нравственную физиономию, которая в свое время сделала немало крупных дел, теперь, с изменением обстоятельств, оказались неподходящими и должны поступить в архив. Разве не досадно, когда подумаешь, что у нас теперь может не оказываться надобности в таких людях, как Победоносцев, и что они осуждаются проводить жизнь уединенно в тиши своих кабинетов или быть живыми статуями в национальном музее. Все теперь уже признают, что покойный Победоносцев был весьма крупный государственный человек, обладавший всеми необходимыми

качествами для глубокого влияния на общественную жизнь, весьма опытный, с ясно сознанными целями и с сильной волей, самостоятельный и разносторонне образованный. Он принадлежал к числу тех немногих деятелей, именами которых знаменуются целые исторические эпохи. А разве его оценили при жизни? Разве к голосу его прислушивались в последнее время в правящих сферах? В сильный критический момент, когда нашей государственности грозила серьезная опасность, он был отозван с главенствующего государственного поста. Теперь уже и освободительные газеты признают, что «К. П. Победоносцев, обладая несомненной образованностью, поразительной начитанностью, действовал в силу глубокого убеждения, имевшего мало общего с бюрократическим карьеризмом. Безупречная личная жизнь, энциклопедическое образование, нравственная прямолинейность, политическая честность — вот его достоинства». Это теперь. А что говорилось и писалось при жизни этого высоко даровитого государственного мужа? Вспомним хотя бы гнусный памфлет сидящего ныне в заточении священника Петрова или пошлые выходки бульварного публициста Амфитеатрова. Активные деятели революции, с каким скрежетом зубовым они всегда произносили имя этого ненавистного им человека, какой злобой загорались их сердца при мысли, что этот верный царский слуга может снова очутиться у власти и стать в решительную оппозицию ко всем тем «реформам», какие выдвинуло пресловутое освободительное движение, понимая, насколько эти реформы грозят государству. Победоносцев принадлежал к натурам, глубоко уверенным в безошибочности своих личных взглядов, в полезности применения их к делу и потому стремящимся подчинить им жизнь, не обращая внимания ни на что... Как естественное последствие уверенности в себе и в целесообразности своих стремлений, у таких людей нередко является полное равнодушие, если даже не презрение, к общественному мнению... а зачастую возникает и нетерпимость ко всяким другим мнениям, кроме собственных».

Последнюю черту в Победоносцеве – глубокую его уверенность в безошибочности своих личных взглядов, в целесообразности своих стремлений, надежду только на себя, на свои собственные силы – на эту черту указывает и В. Варварин в «Р<усском> слове». «Мне кажется, он был человек старой, даже застарелой и какой-то неумной школы. Он соображал, что “делать”, это значило именно самому делать... Между тем истина заключается в том, чтобы давать другим делать. Между двумя этими программами – целая пропасть. “Само делание заключается в каком-то отвратительном убеждении, что все люди мертвы, кроме меня... Другая программа чрезвычайно умна исторически и в то же время удобна. Она заключается во взгляде, что все должно “делаться”, само собой совершаться и что почти все индивидуальные усилия, положим, “высокопоставленного человека”, министра и проч. должны заключаться в убиении препятствий с дороги, в снятии пут с человека и людей. Хотя, по-видимому, Победоносцев придавал “слепым стихиям истории” высшее значение, нежели индивидуальному уму (см. его “Московский сборник”), но на самом деле он был индивидуалист, и на слепые стихии истории смотрел как на разбой, почти разбой в своем департаменте. Он не доверял ни народу, ни стране, ни своему поколению. Все это были “грабители”, грабившие его чемодан, с гладко переписанными бумагами, на которых значилась подпись: “К. Победоносцев”» (№ 76).

Для характеристики Константина Петровича печать пользовалась и другими его сочинениями, причем левая печать высказывалась о них почти всегда очень кратко, ограничиваясь, можно сказать, одними замечаниями, причем о трудах в области юридической даже и противоречиво. В некоторых левых газетах проскальзывали и лестные отзывы о Победоносцеве как юристе. Но в общем либеральная и радикальная печать научные труды Победоносцева ставила невысоко. Не стеснялась она отзывами о них и самыми порицательными. Нужно, однако, прибавить, что печать эта порицала сочинения Победоносце-

ва не только за их какие-либо литературные или научные недостатки, а, главным образом, за их тему, за предмет их содержания, за то, что они в значительной своей части представляли собой идеологию реакции, обосновывали необходимость ее, необходимость подчинения старым авторитетам.

Левая печать даже не скрывала своей досады на то, что «К. П. Победоносцев – выдающийся юрист, чье имя могло бы быть украшением науки», перейдя с поприща чистой науки на административную службу, сделался «философом и публицистом бюрократического режима... поставил реакцию на твердую дорогу» («Новь», № 58). По отзыву М. в «Сибир<ской> ж<изни>» (№ 112), «К. П. Победоносцев, ученый цивилист, является автором капитального “Курса гражданского права”». Этот курс как первая попытка детальной разработки русского гражданского права имеет большую ценность, научную и практическую. Кроме того, К. П. П<обедоносце>в является автором ценных трудов по истории русского права и издателем важных историко-юридических материалов. Все это указывает на него как на крупную научную силу. И если бы эта сила целиком была направлена на научные исследования, быть может, имя К. П. Победоносцева получило бы почетную известность в истории русской науки, а не печальную известность в истории русской государственности». «Одес<ский> листок» – газета с радикальным направлением – высказался, повторяя, впрочем, почти буквально слова «Нов<ого> вр<емени>» (№ 11133) в таком роде: «Репутация Победоносцева как одного из лучших наших цивилистов сложилась совершенно основательно благодаря его “Курсу гражданского права”, в который притом вошло большинство его остальных работ по отдельным вопросам науки. Выдающееся значение этого труда в том, что он, в сущности, является первой полной обработкой действующего русского гражданского права, делающей тем более чести автору, что, вследствие хаотического состояния наших гражданских законов, для выполнения подобной задачи нужна огромная

начитанность в памятниках нашего законодательства. В основу труда он положил историко-сравнительный метод» (№ 56). Называя Победоносцева «выдающимся авторитетом по гражданскому праву»... «действительно ясным умом в его прежних исторических и юридических работах», «Речь» считает, что «в политических своих воззрениях» он был «жертва устаревших предрассудков». Газете почему-то кажется «любопытным», что, «когда Победоносцеву приходилось защищать эти воззрения в литературе, он прибегал обыкновенно к заимствованиям из сочинений иностранных реакционеров». По мнению газеты, и «вся его аргументация против перенесения европейских политических порядков и социальных реформ сводилась, будто бы, лишь к подбору отрицательных отзывов о теневых сторонах европейского политического и общественного строя».

Не обошлось в левом лагере печати и без крайне отрицательного взгляда на научно-литературные произведения Победоносцева. Нашим радикальным газетам, очевидно, особенно понравился следующий, заключающийся в известном уже нам памфлете Амфитеатрова отзыв о произведениях Победоносцева: «Прочтите, – говорится в этом памфлете, – произведения П., большей частью заимствованные от старых иностранных авторов. В них ни одной непосредственной мысли, ни одной искры живого пылкого чувства – все мертвые схемы, облеченные в риторику допотопного карамзинского слога, пустота общих мест, сдобренных ловкими цитатами и академическим подбором громкозвучных текстов из Священного Писания, отцов Церкви, духовных ораторов. Все – заказные надписи на повапленных гробах!..» Отзыв в сущности нелепый, а посмотрите, за какой перл в смысле критической оценки произведений Победоносцева принят он некоторыми нашими радикальными газетами... Для примера укажем на «Парус» (№ 71) и «Слово правды» (№ 43).

Из отзывов прогрессивной печати о научных трудах Константина Петровича едва ли не исключительным по своей серьезности

является отзыв А. Каминки в «Праве» (№ 11). Заметив вообще, что Победоносцеву, несмотря на то, что «у него за отвлечением к политической деятельности мало было времени для научных работ, все-таки удалось сделать в сфере этих работ весьма многое», А. Каминка высказывается собственно об одном, называя его «главным», ученом труде Победоносцева – о его «Курсе гражданского права». Появление этого труда, по словам А. Каминки, «несомненно, было крупным событием в нашей цивилистической литературе». Хотя первое издание этого курса появилось в 1868 г., он и до настоящего времени сохранил известное значение.

«Победоносцев был настолько цельным человеком, что все его особенности, так резко проявившиеся в его политической деятельности, отразились и на его цивилистических трудах. Любовь к старине, боязнь всякого новшества составляют отличительную особенность его “Курса гражданского права”... Все значение труда Победоносцева заключается в изучении нашего русского положительного права, истории его происхождения. Он превосходно справляется с этим весьма неблагоприятным материалом, искусно его систематизирует, логически приходит к совершенно определенным выводам, причем изложение его всегда простое и ясное. Таковы положительные стороны его курса, которые обеспечили ему выдающееся место в нашей бедной цивилистической литературе. Но рядом с этими несомненными достоинствами, – говорит г. Каминка, – необходимо отметить и весьма крупные его недостатки, лишаящие многие части его научного значения. Хотя автор и утверждает, что в основу своего курса он положил “сравнительную методу изложения и старался, прежде всего, в начале каждой статьи указывать на основную идею учреждения, потом переходил к объяснению учреждения в отличительных его чертах по римскому, французскому, германскому праву”, однако в действительности это был план, который следовало выполнить, но которого он не выполнил. Победоносцеву никогда не удавалось на основании

изучения западноевропейского законодательства создать сколько-нибудь законченную, сколько-нибудь цельную конструкцию института... Это отсутствие творческой мысли в научных работах, полная зависимость от постановлений действующего права в связи с боязнью критического к ним отношения лишили Победоносцева возможности оказать благотворное влияние на науку гражданского права в России. И он как цивилист потерял значение еще значительно ранее того времени, когда окончилась его политическая роль».

Как не изучавшие юридических наук мы не считаем себя компетентными для оценки степени основательности и правильности приведенного отзыва А. Каминки как в частности о сочинении Победоносцева «Курс гражданского права», так и вообще о значении цивилистических трудов его для науки гражданского права в России.

Вопрос об этом до некоторой степени может уясниться через сопоставление с приведенными отзывами о научно-литературных трудах Победоносцева, взятых из газет левого лагеря, с отзывами о том же предмете, сделанными в газетах правого лагеря.

Мы только что привели отзыв о «Курсе гражданского права» Победоносцева, данный А. Каминкою в либеральной газете «Право». Ради яркости противопоставления приведем сейчас отзыв о том же труде Победоносцева В. Колпенского, сделанный в «России» – газете правого лагеря. В. Колпенский говорит: «Бывший профессор Московского университета Победоносцев оставил несколько ученых трудов; первое среди них место, бесспорно, принадлежит его знаменитому “Курсу гражданского права” в трех обширных томах, выдержавшему уже несколько изданий. Этой своей книгой Победоносцев создал науку русского гражданского права; он по справедливости может назваться отцом и родоначальником этой науки. Все то, что было в этой области до него, – это или сколки с иностранных книг, или изложения законов, или, на лучший конец, приспособления общей теории гражданского права к русскому закону. Впервые Победоносцев с за-

мечательным проникновением в русскую историю и русский правовой дух дает самобытное и вместе с тем высоконаучное изложение гражданского права русского народа. Пройдет еще не одно поколение русских юристов, но книга Победоносцева останется исходной точкой для всякой научной работы в этой области» (№ 399).

Краткое, но очень лестное замечание о том же труде Победоносцева – «Курсе гражданского права» – сделало и «Нов<ое> время». Газета выражается, что труд этот, выдержавший пять изданий, «замечательный», «до сих пор служит образцовым руководством», «является первой полной обработкой действующего русского гражданского права, считается “классическим”». В «Курсе» Победоносцева вошло большинство его работ по отдельным вопросам гражданского права (№ 11.133). Одинакового с «Нов<ым> временем» взгляда на «Курс» Победоносцева держится и г. Глинский. По его словам, «Курс» Победоносцева, «по оценке специалистов, классическое произведение русской юридической литературы», «в своем роде единственный у нас юридический труд». К «Курсу» Победоносцева, говорит тот же г. Глинский, «и по содержанию, и по идейному богатству ближайшим образом примыкает другая его юридическая работа – “Судебное руководство”, где он выдвигает свое главное положение, заключающееся в том, что закон – “только опора для исполнителей и требует от них известного знания и разумения, приобретаемого не из буквы закона, а из школы и из того совместно и последовательно накопленного запаса сил и опытности, который собирается трудом поколений”».

Для иллюстрации того, «какие требования предъявлял К. П. Победоносцев к русским ученым в области изучения отечественного права, какие цели он ставил и как он смотрел на их долг перед родиной», г. Глинский приводит нижеследующую выдержку из его «Курса»: «Изучать надо самые памятники законодательства. Для сего мы имеем превосходный материал в “Первом полном собрании законов”, и за него-то надобно взяться каждому, кто захочет заниматься русским

правом серьезно... При чтении необходимо составлять себе краткие отметки и выписки, которые впоследствии останутся для читателя на всю жизнь надежнейшим и полнейшим указателем на случай нужды. Многим может показаться странным такой совет; но смею уверить всякого, что такое чтение, в начале, правда, требующее некоторых усилий, вскоре окажется интересным, а для иных и увлекательным чтением. С каждым томом читатель станет входить в силу и живее почувствует в себе драгоценнейший плод внимательного труда – здоровое и дельное знание, то самое знание, которое необходимо для русского юриста и которым русские юристы, к сожалению, так часто пренебрегают, питаюсь от источников иноземных: незаметно воспринимая они в себя понятия, возникшие посреди истории чужого народа, усваивают начала и формы, на чужой почве образовавшиеся и связанные с экономией такого быта, который далеко отстоит от нашего... Такое (т. е. впитанное из иноземных источников) знание невозможно признать здоровым и истинным как отрешенное от жизни, следовательно – от истины. Напротив, тем и дорого изучение нашего полного собрания законов для русского юриста, что здесь каждое явление юридическое, каждое положение представляется в связи со всей обстановкой быта, со всеми данными историческими, и в совокупности с ними объясняется».

Далее Б. Глинский приводит, разделяя его, замечание г. Никольского (Б. В.) о том, что приведенные выше слова из сочинения К. П. Победоносцева «чрезвычайно важны для понимания мирозозерцания нашего ученого писателя». В них, сверх требования «точного и твердого, положительного и наглядного знания», «заявлено твердое требование дисциплины мысли на положительном опыте... слышится благоговение к народу и жизни народной, то благоговение, которое не требует смирения, не принуждает к нему, а неразрывно с ним» (с. 255–257).

На основании отзывов, данных в печати правого лагеря о научно-литературных трудах К. П. Победоносцева, можно бы было сделать

довольно подробный обзор этих трудов его. Но это не входит в наши задачи. Мы касаемся лишь тех печатных произведений Победоносцева, которые наиболее ярко характеризуют с той или другой стороны его мирозерцание, пусть такие сочинения будут и совсем незначительны по научным их достоинствам. С нашей точки зрения, представляет особый интерес отметить даже такую маленькую работу Константина Петровича, напечатанную в «Народном образовании», как перевод некоторых изречений, списанных из памятной книжки одного бывшего студента крестьянского университета из Таме в Норвегии. Работа прислана была К<онстантином> П<етрович>ем в редакцию названного журнала незадолго до смерти. Она доказывает, что Победоносцев до последних дней жизни не переставал интересоваться вопросами воспитания и чутко прислушивался к новым веяниям в этой области.

Для характеристики того настроения и склада мыслей воспитанника народной школы («крестьянского университета»), которые привлекли сочувственное внимание К. П. Победоносцева, по аттестации врагов его, сухого и бессердечного эгоиста, приводим несколько изречений, помещенных в записной книжке этого воспитанника.

«Когда кто осуждает тебя – не возражай, иди своей дорогой – увидят люди на деле правду твою.

Работай! работой мы усовершенствуем себя, работой добываем себе счастье.

Помни: жить – великое дело.

Смотри вверх, молодец, – и тогда, когда пропала надежда твоя, – новая надежда явится, и сверху свет отразится тебе в очи.

Что такое жизнь? Жизнь – борение в человеке разных сил – и все совершают его для вечности.

Великое дело – жизнь; жить для ближнего – еще более великое; самое великое – жизнь вечная.

Повиновение и учение – вот в чем первая честь юношества» (см. «Колокол», № 344).

Писать по вопросам религиозно-нравственным Константин Петрович начал еще в 60-е годы. В 1861 г. он издал свой перевод книжки Тирша – «Христианские начала семейной жизни», а в 1863 г. поместил в «Р<усском> вестнике» статью «Тишендорф и Синайская Библия». В 1869 г. он издал свой, по общему признанию, замечательный перевод Фомы Кемпийского «О подражании Христу». Учено-литературную деятельность свою К<онстантин> П<етрович> особенно широко развил со времени назначения его обер-прокурором Св<ятейшего> Синода. Эта деятельность его была разнообразна, но преимущественно она посвящена была вопросам церковным и нравственно-религиозным. К числу наиболее важных трудов его в этой области относятся: «Доброе слово воспитанникам духовных семинарий и академий по поводу нынешних страшных событий» (1881), «История Православной Церкви до разделения церквей» (1891, четыре издания). Об этой книге вот что написал преосвящ<енному> Алексию (ныне епископу Тобольскому) знаменитый Казанский миссионер Н. Ильминский, «прочитавши и перечитавши» «Историю Церкви Христовой» К<онстантина> П<етрович>а: «Нельзя читать без слез умиления эту книгу. Ах, если бы все наши книги школьные так были составлены!» («Тавр<ический> ц<ерковно>-общ<ественный> в<естник>», № 9). К той же области печатных произведений Победоносцева относятся: «Праздники Господни» (1893; шесть изданий), «Победа, победившая мир» (1895; восемь изданий). Ввиду главным образом произведений К<онстантина> Петровича религиозно-нравственного характера, «Полт<авские> еп<архиаальные> в<edomosti>» так высказались: «Беспристрастный суд найдет в нем великого знатока русской души, умевшего задеть ее за самые заветные струны. Такие книжки К<онстантина> П<етрович>а, как “Праздники Господни”, “Вечная память” (воспоминания о почивших), “Победа, победившая мир”, высоко ценимые и теперь “любителями”, широкой волной пойдут в народ, как только проснется в нем и заговорит столь поруганное в

наши дни национальное самосознание, пойдут они в народ потому, что в них веет национализм широкий, всеобъемлющий, христианский» (№ 11, с. 512). В «Моск<овских> церк<овных> ведомостях» о сочинениях той же категории высказался Д. В. в статье «Над свежей могилой». Здесь говорится, что Константин Петрович, кроме многих учено-литературных трудов, написал немало и таких, можно сказать, художественных произведений, «которые были потребностью его религиозно настроенного сердца и потому всегда доходят до сердца... Он унаследовал родовую набожность, которая еще в раннем детстве привила ему любовь к храмам, к славянскому языку и к церковному песнопению. И вот мы видим целый ряд его произведений, в которых всюду сквозит его любовь к церковности и к возвышенному христианскому мистицизму» (№ 12). По отзыву «Подоллии», «сочинения К. П-ча на богословские, духовно-нравственные и педагогические темы отличаются глубиной мысли, силой религиозного воодушевления, чистотой и искренностью христианского чувства» (№ 59).

Всеми теми печатными произведениями Константина Петровича, о которых у нас сказано или только упомянуто, далеко не исчерпывалась его литературно-научная деятельность. Им выпущены в свет отдельными изданиями разные другие сочинения. Но он немало работ своих поместил в разных журналах и в «М<осковских> ведомостях». В последних им, между прочим, напечатаны многим, вероятно, и доселе еще памятные «Прощание Москвы с своим царем» (1894) и «Ответы русского человека Кропоткину» (1901).

В доказательство того, что Константин Петрович откликался и на политические злобы дня, г. Глинский указывает на две переводные его работы, сделанные им во время славянского освободительного движения на Балканском полуострове: одна с английского – «Болгарские ужасы и восточный вопрос» Гладстона (1876) и другая с чешского – «Приключения дворянина Вратислава в Константинополе, в тяжелой неволе у турок с австрийским посольством» (1877).

В статье г. Глинского приводится характеристика К. П. Победоносцева как стилиста, сделанная Б. Никольским. Со стороны стилистики Победоносцев, по отзыву г. Никольского, является замечательным, образцовым писателем. «Нельзя отрицать, – говорит г. Никольский, – замечательного своеобразия слога К. П. Победоносцева. Он обладает удивительным искусством писать какими-то несомненными словами, с какой-то механической точностью выражающими свое содержание... Как стилист он, можно сказать, чеканит свои мысли... Манера его письма всецело заимствована им у наших духовных писателей и может быть признана манерой церковной стилистики по преимуществу. Эта стилистика страдает однообразием сравнений и уподоблений... допускает большие грамматические неправомерности, изобилует латинизмами и грецизмами, не говоря уже о насильственном укладывании гибкой и подвижной русской речи в искусственные, угловатые церковно-славянские обороты. Но при всех этих недостатках церковная стилистика носит на себе неизгладимый отпечаток художественного благородства»... Со стороны слога г. Никольский особенно высоко ставит книгу Победоносцева «Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма». Отрывки из этой книги и до сих пор помещаются в наших хрестоматиях как лучшие образцы русской прозы и отечественной стилистики.

К приведенной (в сокращении) характеристике стилистической манеры писания К. П. Победоносцева, сделанной Б. Никольским, Б. Глинский прибавляет со своей стороны, что «по технике письменной речи ученый писатель может по справедливости быть поставлен в один ряд с такими виртуозами русского слова, как покойный И. Аксаков и М. Катков, с отличием от них лишь в том отношении, что в его изложении мыслей постоянно проглядывало тяготение к церковным оборотам речи и духу нашей церковной словесности, родство и близость с которой у него начались еще с детских лет» (с. 252–253).

Художником слова признает его также преосвященный Алексей. Так охарактеризовать Победоносцева дал преосвященному повод перевод Победоносцевым свящ. книг Нового Завета на русский язык, где переводчик, по словам преосвященного, «сумел сохранить и чудные, понятные без перевода, формы древнеславянского языка, и дать новый художественный русский перевод» (см. «Тавр<ический> ц<ерковно>-общ<ественный> в<естник>», № 9). Известный писатель-публицист С. Н. Сыромятников о языке К. П. Победоносцева выражается, что это язык «своеобразный, точный и ясный до прозрачности» («Россия», № 401).

Глава VII

Мнения о Н. П. Победоносцеве как исключительно идеологе. – Последствия его политики для жизни государства. – О чем свидетельствуют эти последствия. – Победоносцев как обер-прокурор Св<ятейшего> Синода. – Заслуги его перед церковной жизнью. – «Трагический» разлад между теорией и практикой, обнаружившийся к концу жизни Победоносцева. – О чем он свидетельствует. – Заключительные слова.

В обществе и печати распространено мнение, что Константин Петрович был лишь несравненный идеолог, исключительный по силе критик, но слабый в практической деятельности. По словам, например, В. Ш. в «Свете» (№ 65), «его глубоко критический ум разбился легко в самых сложных и трудных вопросах, но творческая и созидательная деятельность была не в его характере». Известный уже нам сотрудник «Подол<ьского> голоса» Альцест в № 118 высказал: «Существует два рода общественных деятелей. Одних я назвал бы светочами, других – орудиями. Первые не опускаются до практической деятельности, их дело – освещать тот темный тоннель, который

роет прогресс. На вторых лежит черная работа – сверлить, ломать и созидать. Кто из этих двух чище и светлее, об этом не может быть и речи. Но на вопрос “Кто полезнее?” придется ответить: “Оба одинаково необходимы”. Напрасно горящий светоч и ошупью работающая кирка одинаково бесполезны. Поэтому, удивляясь таким людям, как Пушкин, Лермонтов, Белинский, Тургенев, гр. Л. Толстой, нельзя не отдавать должного Аксакову, Каткову, Победоносцеву».

Мысль о том, что Константин Петрович был муж идеи, совета, а не действия, с особенной подробностью развита Л. Тихомировым в «Колоколе». Он пишет: «В воспоминании о К. П. Победоносцеве нельзя не остановиться на одной черте его личности и характера. Он имел время величайшего влияния, и часто говорят: “Почему же он не сделал того или иного в свое время, когда мог все сделать?.. Если бы он сделал то или иное, – прибавляют нередко, – то не видал бы он разрушения своего дела...” Этот упрек совершенно не заслужен К. П. Победоносцевым. Не говорю уже о гадательности рассуждений о том, что было бы, если бы человек поступил не так, как он поступил. Но самое главное состоит в том, что никогда не было времени, в которое К. П. Победоносцев мог бы совершить все, что находил нужным совершить.

Велики и многообразны были дары его природы, но не все человеческие таланты, необходимые для действия, могут совмещаться в одной личности. К. П. Победоносцев был слишком “мудрец” для того, чтобы обладать Дантоновским “Osez”¹. Он был драгоценным советником, но для действия нужен был человек, способный воспользоваться этим. При всей практичности своей мысли сам К. П. Победоносцев не обладал практичностью действия: для этого он был слишком “мудрец”, видел слишком много “за” и “против”, а потому становился слишком осторожен. Для действия же идеальным прокзинским правилом всегда остается формула Наполеона: для успеха нужна $\frac{1}{3}$ расчета, $\frac{1}{3}$ глазомера, $\frac{1}{3}$ риска.

¹ Osez (moi) – смеете (меня) – (фр.).

“Этой формулы исполнителя”, “диктатора” не может иметь “мудрец”. Есть дела, на которые нужен не “мудрец”, а тот прирожденный “диктатор”, который способен крикнуть “где дух Илии?” Для подготовителя исторических событий требуется мудрость. Для исполнителя нужна страсть, нужен голос “Osez”, а по-русски: “жив не хочу быть, а сделаю!” Такой-то человек нужен был России при Победоносцеве, чтобы воспользоваться содержанием совета мудреца. Но такого человека не оказалось, и это не вина Победоносцева, а сам он по законам естества не мог быть одновременно и человеком совета, и человеком действия» (№ 342).

Справедливо ли и насколько справедливо мнение о К. П. Победоносцеве как лишь об идеологе, без соответственных важности и величию его идеалов способностей к действию, как о муже лишь совета, но без порывов к осуществлению подаваемого в совете, как о глубоком, подавляющем силой логики мыслителе, но слабом или неумелом деятеле, как о «мудреце», но не «творце» – для правильной оценки этого мнения необходимо стать на точку зрения заслуг, оказанных Победоносцевым государству и Церкви.

Было да и теперь остается, можно сказать, общим мнение, что церковно-государственная политика за время царствования Императора Александра III была политикой Победоносцева и что его же в значительной мере политикой она была и в настоящее царствование почти до последних дней пребывания его на обер-прокурорском посту. Иным же, особенно среди радикальной интеллигенции, казалось, что и по выходе в отставку Константин Петрович продолжал оказывать могущественное влияние на ход и направление нашей церковно-государственной жизни. А если так, если Победоносцев, по выражению Баяна в «Русской правде», «многие десятилетия как несокрушимая кариатида выдерживал на своих плечах весь уклад нашей государственной и общественной жизни» (№ 94), то вполне естественно, что такое или иное состояние государства за эти десятилетия

должно быть поставлено в прямую вину или заслугу Победоносцева. Тем еще в большей зависимости от него должно представлять тогдашнее состояние Церкви.

В каком состоянии были государство и Церковь в те десятилетия, в которые К. П. Победоносцев пребывал у кормила власти, это на живой еще нашей памяти. Поэтому отзывы об этом состоянии, сделанные по поводу кончины Победоносцева, доступны проверке личными воспоминаниями.

По отзыву «Нов<ого> вр<емени>», царствование Александра III «дало новое направление русской мысли: мы, наконец, почувствовали себя русскими, полюбили свое родное, стали интересоваться своей историей» (№ 9536).

«Никогда еще, – высказала та же газета в № 13.008 от 31 мая 1912 г. по случаю открытия в Москве памятника Александру III, – до него не провозглашалось с такой силой и не проводилась в жизнь с такой непоколебимой решимостью глубоко неоспоримая истина, что Россия существует для русских и что русские люди должны быть действительными хозяевами у себя дома. Сам гордый Своим именем Русского, Царь-Миротворец во все Свое царствование стремился на деле к тому, чтобы русские могли гордо держать свою голову перед Европой и всем миром. Этой возвышенной и глубоко национальной роли покойного Императора никогда не забудет русский народ».

Альцест в «Подол<ьском> голосе» в цитированной нами статье (№ 118) говорит, что «при Александре III Россия достигла небывалой славы и могущества». «Пока он был у кормила правления, – высказал преосвященный Таврический Алексей в речи пред панихидой по К<онстантине> П<етрович>е, – покой и благоденствие царили в земле нашей, и совершали мы все – тихое и безмолвное житие в возможном благочестии и чистоте» («Тавр<ический> ц<ерковно>-общ<ественный> в<естник>», № 9). Царствование Александра III Л. Тихомиров считает «временем расцвета православного царства,

эпохой неслыханного благоденствия, тишины, довольства и славы... «Победоносцев, – говорит Л. Тихомиров, – как и все, не мог не видеть, как быстро и велико поднялась страна даже и при малом осуществлении его идеалов, его веры» («Колокол», № 342). Тот же г. Тихомиров имел в 1905 г. повод и случай так высказаться о днях «благословенного» царствования Александра III: «Много веков будут завидовать дням нашим» («М^{осковские} вед^{омости}», № 298 за 1905 г.). В самые первые дни царствования Александра III Победоносцев, по словам Е. Поселянина в «М^{осковских} вед^{омостях}», «со всей убежденностью своего сильного и логического ума отстаивал и отстоял то, что считал существенно и безусловно необходимым не только для блага, но и для самой возможности существования России: Царское Самодержавие. И те, которые при Александре III любовались этим явлением русской политической жизни, развернувшимся во всем своем блеске и величии рядом с именем незабвенного Самодержца, вознесшего свою державу на степень небывалого блеска и силы, будут вспоминать и имя человека, зорко оберегавшего самую идею Самодержавия» (№ 64). Почти ровно через год после кончины Константина Петровича, именно 19 марта 1908 г., С. Ю. Витте в речи, произнесенной им в Гос^{ударственном} Совете, между прочим, высказал: «Никто не будет *оспаривать* (наш курсив), что никогда Россия не достигала такого престижа в международных отношениях, такого блеска во внешнем положении, как в царствование Александра III». В раз уже цитированной нами публичной речи своей (26 мая 1909 г.) проф. ген^{ерал}-л^{ейтенант} М. Золотарев, между прочим, высказал: «Мы видели русские войска на берегах Дуная, Одера, Рейна и даже Сены, но никогда голос русского Царя не слушался так предупредительно, никогда не слушали его с таким благоговением, как слушали слова Александра III, который не только ни разу не обнажил свой меч, но ни разу даже не пригрозил его обнажением» («Нов^{ое} вр^{емя}», № 13 000).

Можно было бы собрать и привести и другие отзывы или мнения о царствовании Императора Александра III как о времени «расцвета православного царства», времени достижения «державою» Российской «небывалого блеска и силы», высказанные уже спустя более или менее продолжительное время после кончины Константина Петровича и уже не по поводу его кончины, а по разным другим поводам и случаям (такие отзывы продолжают слышаться и теперь), но мы считаем вполне достаточным и приведенных.

Теперь спрашивается, неужели ввиду сказанного состояния русского государства за время пребывания Константина Петровича у кормила власти, когда, можно сказать, царил режим Победоносцева и весь ход государственной жизни определялся его политикою, — неужели возможно представлять Победоносцева лишь кабинетным мыслителем, не обладавшим ни волею, ни достаточными способностями, ни даже желанием заставить следовать его указаниям, — способным лишь подать благой совет, но не привести в действие соответственных мер к осуществлению совета? На вопрос этот, по мнению нашему, казалось бы, возможен лишь один ответ — отрицательный. И ум, и воля Константина Петровича направлены были к укреплению, к возвеличению русского государства, и он укрепил и возвеличил его до «небывалого блеска и силы». Не значит ли отсюда, что Победоносцев не только умел глубоко размышлять и беспощадно, сокрушительно критиковать, но и обладал способностью созидать, способностью ввести в право, в общую жизнь те начала, какие он принял у себя в кабинете...

Остановимся теперь на отзывах правой печати о Константине Петровиче как обер-прокуроре Св<ятейшего> Синода и о плодах деятельности его в области специально церковной, о заслугах его пред церковной жизнью.

Как обер-прокурор Св<ятейшего> Синода К. П. Победоносцев ярко обрисовывается в статье г. Глинского в сопоставлении с предшественником его по должности гр. Д. А. Толстым. Характеристика последнего

представлена в следующей выдержке из «Воспоминаний» кн. В. П. Мещерского, относящихся к эпохе 1865–1881 годов:

«В области отношений к Церкви граф Толстой как человек изображал собой деиста, философа, все, что хотите, но только не убежденного православного христианина, следовательно, почва, на которой этот необыкновенный умом и образованием государственный человек мог действовать как обер-прокурор Синода, была только почва деловая, официальная и формальная, на которой в каждом вопросе и в сношении с каждым лицом могли участвовать его ум, его степень знания, но где его душевное, а тем паче его сердечное участие совсем отсутствовали; оттого дух индифферентизма к живой и главенствующей роли Церкви стал, так сказать, руководительным началом его политики обер-прокурора Синода, и вследствие этого то, что могло быть случайно до него – давление обер-прокурора на духовную самостоятельность Синода, – при графе Толстом стало окончательно установившимся порядком вещей и одновременно обессилило Церковь и обезличило ее иерархов...

Я живо припоминаю, с каким тяжелым впечатлением я выходил из приемной гр. Толстого в великолепном Нарышкинском палаццо по Литейной, ставшем домом обер-прокурора Синода, всегда переполненной толпой представлявшихся, так как на прием лиц по обоим ведомствам назначался один час в неделю. Тяжелое это впечатление происходило от зрелища тех архиепископов и епископов, которые ожидали в приемной рядом с разными учителями и чиновниками и одинаково ждали своей очереди, так что нередко архиепископу приходилось входить в кабинет графа после какого-нибудь надворного советника... Помню и то, как иному запоздавшему архиепископу неумолимый курьер говорил: «Опоздали, приходите на будущей неделе»; помню, наконец, и то, что получить свидание вне этого часа в неделю было, безусловно, невозможно, какой бы важности повод к тому ни был. Эта неизбежная особенность в официальной жизни

графа Толстого, не допускавшая особенного почитания к иерархам Церкви и практикуемая столько лет, везде распространила убеждение, что Церковь в лице ее высших представителей в Петербурге в пренебрежении...

Совершенно меняется картина дела, – говорит Б. В. Глинский, – с назначением на должность обер-прокурора К. П. Победоносцева. Сам вышедший из духовной среды, не порвавший с ней ни внешней, ни внутренней связи, человек, горячо верующий и страстно и убежденно исповедующий Православие, человек обширного ума и громадной эрудиции, лицо, приближенное ко Двору и имеющее непосредственно доступ к Престолу и Царской семье, переводчик Фомы Кемпийского явил на своем посту самую яркую противоположность и с формальной стороны, и с идейной своему предшественнику. Он сразу выдвинул с необычайной силой значение своей должности, потребовал почтения и внимания к церковным вопросам, к нуждам Православной Церкви и ее представителям, как стоящим на низшей ступени иерархической лестницы, так и высшей. Он авторитетно и властно заявил и правительству, и обществу: встаньте перед православным священником, поклонитесь с почтением и любовью перед его саном и отнеситесь благоговейно к той трудовой и полной сокровенного и высшего значения крестной ноше, которую он несет. Его материальная бедность, приниженность и забитость, низкая порой степень его умственного и культурного развития – общий грех нашей исторической жизни, грех, который мы все должны искупить совокупными и дружными усилиями. Значение церковности в русской жизни должно быть восстановлено, как то было в допетровский период, но, конечно, применительно к новому укладу государственности и общественности, духовенство должно быть поставлено на подобающую высоту, обеспечено в материальном отношении и по возможности поставлено вне зависимости от житейских случайностей; государство должно принять на себя попечение о нем, о его семьях, ему должно быть вру-

чено духовно-нравственное воспитание народа, в каких целях надлежит усилить его образовательные ресурсы и дать ему возможность влиять широко и глубоко на все стороны общественной жизни...

Самая русская жизнь, как она исторически и стихийно сложилась, рисовалась по ходу его мысли благоприятствующей для выполнения поставленных им задач: в этой жизни незыблема вера в Бога, и простой народ, хотя часто и бессознательно, но несет Богу свою душу... Признав наличность благоприятствующих своей программе начал, заложенных хотя бы в зачаточном состоянии в русскую действительность, он принялся с железной энергией и неумолимой последовательностью осуществлять свою программу. По мнению его принципиальных и идейных противников, в воздухе запахло ладаном и постным маслом, и московско-византийские идеалы начали вытеснять идеалы западноевропейские.

Оппозиция ему как государственному деятелю не замедлила явиться на свет, вокруг его имени создались самые темные легенды, впрочем, не затрагивавшие его нравственной личности, и скоро наименование “черного папы” и “великого инквизитора” сделались сопутствующими ему наименованиями, произносимыми, конечно, за глаза. Немало содействовали такого рода репутации и самые представители церковной иерархии, радостно приветствовавшие его добрые начинания на пользу духовного сословия, но вместе с тем почувствовавшие, что отныне над ними бодрствует “недреманное Царское око”, от бдительного и острого взора которого не уйти и не укрыться. Мягкий, несколько нерешительный и уступчивый в личных отношениях Победоносцев в роли обер-прокурора Синода, как Царский слуга, как блюститель государственных интересов и исторических традиций был суров, требователен и последователен в своих требованиях. Расточая широко заботы о духовенстве, о его материальном благополучии и социально-этическом значении, он вместе с тем предъявлял и ему требования, чтобы оно было достойно тех

благ, которые ему даются из народных средств, и того положения, которое он своими реформами, своими мероприятиями и громадными усилиями ему приуготовляет» (с. 261–264).

Кратко, но выразительно характеризует Победоносцева как обер-прокурора Св<ятейшего> Синода В. К. Истомин в «Свете». По его словам, «Константин Петрович как обер-прокурор был, может быть, слишком властен, даже самовластен, пусть так, но во всяком своем поступке он был верен началам апостольского учения и личной своей жизнью, среди окружающего служения мамоне, был поистине высоким примером. Древний Рим гордился бы его бескорыстием, древнее христианство уважало бы его за ревнивую охрану всего воспринятого в божественном учении, за его назидательную неуступчивость в вопросах веры и Церкви» (№ 96).

Правая печать весьма высоко ценит деятельность Победоносцева как обер-прокурора Св<ятейшего> Синода. Общей мыслью сделанных в ней отзывов о заслугах Победоносцева в церковной области могут служить следующие слова из речи преосв<ященного> Томского Макария пред панихидой по нем: «Никто из занимавших обер-прокурорское место по ведомству православного исповедания не сделал столько блага для этого ведомства, сколько Константин Петрович» («Время», № 63). Буквально то же самое высказано и в «П<етербургском> листке» (№ 70).

«Не подлежит никакому сомнению, – говорит “Подolia”, – что К. П. П-в был лучший из обер-прокуроров Св<ятейшего> Синода и принес несомненную пользу своей ученостью, своим авторитетом и своей практической опытностью и мудростью ведомству православного исповедания. Он был прежде всего лучше других подготовлен к прохождению столь важной должности... Деятельность К. П. П-ва по делам Церкви за 25-летие его обер-прокурорства весьма разнообразна и многостороння. Рост и развитие церковной жизни за это время характеризуется в таких чертах: возникли новые учреждения духовно-

просветительного и благотворительного характера; в сфере высшего церковного управления созданы новые учреждения; учреждены новые епархии; открыто большое число новых приходов; возникли во множестве женские общины со школами или иными благотворительными учреждениями, а равно женские и мужские монастыри; обращено особенное внимание на улучшение быта и материального положения духовенства, которое всецело обязано К. П. Победоносцеву назначением содержания из казны и обеспечением пенсиями по уставу 1902 г.; пересмотрены уставы и штаты духовно-учебных заведений; учреждены церковноприходские школы, и образование народа поставлено на церковных основах и ведется в ближайшем общении с церковью. Церковно-книжное издательство достигло небывалых размеров. Церковное строительство получило особое значение и направление...» (№ 59).

Приведенная характеристика церковной жизни за время обер-прокурорства Победоносцева заимствована газетой из капитального официального труда – «Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования Императора Александра III». Гораздо подробнее характеризует, основываясь на том же труде, плодотворную деятельность Победоносцева как обер-прокурора Св^ятейшего Синода Б. Б. Глинский в известной нам статье его, помещенной в «Историческом вестнике» (с. 266–267).

В подкрепление своего мнения о такой именно, т. е. плодотворной деятельности Победоносцева, г. Глинский ссылается и на наш статистический труд, помещенный в «Церк^овных ведомостях» за 1905–1906 гг., под заглавием: «Что говорят цифры о состоянии церкви в царствование императоров Николая I, Александра II, Александра III и в настоящее царствование по 1903 год». Цифры эти, заметим от себя, точнее, яснее, красноречивее всякого литературного описания свидетельствуют по предмету исследования, т. е. в настоящем случае о состоянии Церкви в разные царствования прошлого века.

За цифрами стоят факты и явления, и потому, с другой стороны, сказанное языком цифр всего менее может быть оспариваемо. Данные статистики непреложно свидетельствуют, что состояние Церкви при Победоносцеве как обер-прокуроре Св<ятейшего> Синода было воистину цветущее, особенно по сравнению с состоянием ее в предшествующее царствование.

Не оспаривая прямо такого нашего заключения о состоянии церкви при Победоносцеве, г. Глинский и не принимает его во всем его объеме. Он готов считать состояние Церкви при Победоносцеве цветущим, но цветущим только с внешней стороны. По его суждению, Победоносцев намеченную им программу в области руководства им церковною жизнью выполнил удачно. Но между выполнением формальной программы и осуществлением ее по существу замысла и конечной цели наблюдается в данном случае значительная и печальная пропасть, заставляющая задуматься над вопросом: мог ли считать Константин Петрович, озирая взглядом, обвеянным уже холодом смерти, все сделанное им в области церковных мероприятий достигшим намеченного результата? Ответ придется, пожалуй, дать отрицательный, если судить по тем фактам нашей современной жизни, которые нам ежедневно приносят печать, почта и телеграф.

То, что Константину Петровичу на закате дней его суждено было видеть полное несоответствие действительности тем идеалам, которые он так ревностно, с такой настойчивостью и усердием старался и словом и делом воплотить, это, конечно, факт бесспорный. Но говорит ли этот факт, этот, справедливо называемый г. Глинским «трагическим», разлад между теорией и практикой – против дела Победоносцева, против средств и способов, которые он считал целесообразными для успеха дела? Нам казалось, что нет, а почему, объясним ниже. Теперь же скажем два слова в отстранение возможного возражения против применения статистики в области исследования состояния Церкви.

Могут сказать, что цифровому учету поддается лишь внешнее состояние Церкви, и потому на основании цифр нет возможности судить о связи Церкви с жизнью, о том, насколько глубоко Церковь проникает в жизнь и благоустраивает ее в нравственном отношении. То, что цифровому учету поддается лишь внешнее состояние Церкви, это верно; но, с другой стороны, справедливо и то, что такое или иное внешнее состояние Церкви не может не служить признаком или – точнее – следствием того или другого внутреннего ее состояния, степени религиозности в обществе, любви народа к Церкви и преданности его к ней – следовательно, не может не служить показателем внутреннего состояния Церкви.

Но есть цифровые данные, которые ведут к прямому заключению о внутреннем состоянии Церкви, это данные о добровольных приношениях в пользу Церкви. Данные эти фактически, значит, с полной достоверностью свидетельствуют о степени религиозности народа, о его благочестии, любви к Церкви Божией. По цифровым данным о приношениях в пользу Церкви, все это – и религиозность народа, и его благочестие, и любовь к Церкви в победоносцевское время проявлены были в степени значительно большей, чем прежде.

И правая и левая печать одинаково находят, что из всех других крупных и важных дел, совершенных К. П. Победоносцевым в звании обер-прокурора Св<ятейшего> Синода, самым большим и важным делом было предоставление духовенству заведования начальным образованием народа. Е. Поселянин признает, что «идея дать русскому народу просвещение чрез руки Церкви – останется одной из важнейших идей истекшего века» («М<осковские> в<edomости>», № 64).

В том же 64-м номере «М<осковских> в<edomостей>» Е. Святловский с подробностью раскрывает величие и важность дела восстановления церковноприходской школы для государства через выяснение сущности и задач этой школы.

Заметив, что Победоносцев, «можно сказать, вложил душу свою в церковноприходскую школу, которая должна считаться его дети-

щем», Е. Святловский говорит: «Победоносцев первый понял, усвоил идею народной школы, какова она должна быть, к чему должна стремиться, и осуществил ее на деле. Идея церковности, положенная в основу церковноприходских школ, ясно указывает на жизненность и пригодность ее для русского народа, который полюбил ее как дочь Православной Церкви и считает ее “плотью от плоти” и костью от костей своего тела. До него не было усвоено нами самой идеи народной школы, и существование разного типа начальных школ с различными программами, а главное, нелюбовь народа к этим школам служит лучшим доказательством их негодности и неправильности... Возрождение начальной народной школы – вот та самая крупная и главная реформа Победоносцева, которой закрепляется насаждение и произрастание на Руси Православия, Самодержавия и Народности как действительных и жизненных начал, которые должны спасти Россию и обеспечить ей великое и славное будущее, при условии правильной и разумной постановки церковноприходской школы. Вот почему вся жиждовствующая пресса, масоны и интеллигенция так яростно и неудержимо ополчались на церковную школу, в которой видят самого могучего и опытного и в то же время самого верного и действительного проводника тех жизненных начал, которыми Русь крепка, сильна, могуча и грозна».

В «Минских еп<архиальных> вед<омостях>» (№ 8) напечатана речь местного епархиального наблюдателя церк<овно>пр<иходских> школ, произнесенная им (24 марта) в кафедральном соборе перед заупокойной по Константине Петровиче литургией. В речи этой, коснувшись вопроса, «что сделал К<онстантин> П<етрович> для народного просвещения через церковные школы», оратор прежде всего указал на «повсеместное распространение их в Империи, не исключая Сибири, Кавказа и Среднеазиатских владений», и на огромную пользу, ими приносимую. «Целые десятки миллионов русских и инородческих детей, – говорил оратор, – увидели свет грамоты только

благодаря насажденным К<онстантином> П<етровичем> церковным школам. В настоящее время поднят вопрос о всеобщем обучении в государстве: в данном случае церковные школы, стоящие государству ничтожных денег, сыграют громадную роль. Нет никакого сомнения, что история отметит К<онстантин> П<етрович>а как великого насадителя в России начальных школ...

Близко знавшие Константина Петровича, – продолжал оратор, – свидетельствуют, что церковные школы были для него родным детищем. Он сам неоднократно заявлял в кругу своих приближенных, что устройению церковных школ уделял в жизни наибольшее внимание, считая его для себя самым важным делом, так как оно было для народа. К<онстантин> П<етрович> бесконечно радовался, получая хорошие вести о состоянии церковных школ, и безутешно скорбел, когда до него доходили слухи, что в известном месте церковные школы не могут войти в надлежащую свою колею. Среди множества государственных дел К<онстантин> П<етрович> никогда не мог удержаться, чтобы не делать распоряжения о благоустройстве школ непосредственно от себя, помимо высшей инстанции церковно-школьного управления – Училищного Совета при Св<ятейшем> Синоде. За самое последнее время своей службы он разослал всем подчиненным ему администраторам громадный свой циркуляр, который дышит отеческой любовью к учащим и учащимся. Казалось, если бы не преклонный возраст, то К<онстантин> П<етрович> не остановился бы перед хлопотами о благоустройстве школ на месте их существования. Внимание К<онстантина> П<етрович>а к труженикам по церковно-школьному делу было поистине изумительным. Не будет преувеличением, если сказать, что целые сотни из них были облагодетельствованы им при постигших их несчастьях и гнетущих нуждах в счет своих собственных средств».

В видах характеристики Константина Петровича как педагога в печати приводились разные его педагогические заметки. В «С<анкт-

петербургских> ведом<остях>» В. Шемякиным приведен, между прочим, следующий взгляд К<онстантин> П<етрович>а на учителя, законоучителя и экзамены, заимствованный из специальной его книжки «Учение и учитель»: «Учитель – подвижник... Он должен отрешиться от всего, самоотверженно взять свой школьный крест и идти вслед... за руководителями (конечно, если эти руководители такие же подвижники). Если же... этого не делает, то он плохой “наемник”... Учитель не есть какая-либо принадлежность школы, которая при ней предполагается: это есть самая сущность школы, и без учителя никакая школа немыслима; учитель должен быть создан для школы. Любую канцелярию можно составить из охотников, но беда, если школа разумеется не выше канцелярии... Учитель-ремесленник, учитель-чиновник не годится для живого дела. Учитель должен быть подвижником своего дела, полагающим душу свою в дело обучения и воспитания...» (№ 172).

Интересен и весьма характерен для Константина Петровича взгляд его и на законоучителя, и на экзамены: «Есть, – пишет он в названной книжке, – какое-то лицемерное обольщение в школьном деле, когда Закон Божий и соединенное с ним внушение начал нравственности составляет лишь один из предметов начальной программы. Как будто нечего больше желать и требовать для нравственной цели, как иметь наличность той или другой цифровой отметки за ответ в предмете, называемом Законом Божиим. Есть в школе законоучитель, есть программы, есть балл, показатель знания – *e' sempre bene*¹...

Результаты такой постановки учения – поистине чудовищные. Я видал учебники, в коих по пунктам означено: Что требуется для спасения души человека – и экзаменатор сбавляет цифру балла тому, кто не может припомнить всех пунктов... Где тут разум? Где нравственность? Где, наконец, и прежде всего, вера, о коей мы лицемерно заботимся?.. Случается слышать о варварстве некоторых форм новейшей

¹ *E'sempre bene* – условное насмешливое, ироническое одобрение чего-либо (*итал.*).

культуры. Немудрено отнести к этому разряду в области педагогики наши экзамены» (там же).

В непримиримом, казалось бы, противоречии с известными уже нам отзывами о цветущем состоянии государства и Церкви за время, в которое Константин Петрович находился у кормила власти, стоит та, всем нам еще так памятная печальная действительность, которая началась перед оставлением им своего служебного поста и с особенной силой и яркостью проявила себя в самый, можно сказать, момент выхода его в отставку. По тем отзывам, Россия при действии и под действием политики Победоносцева достигла «небывалой славы и могущества», «небывалого блеска и силы», и состояние Церкви за победоносцевское время характеризуется также, можно сказать, небывало высоким подъемом и развитием всех сторон ее жизни. И вот все это – и блеск, к слава, и могущество государства, и процветание церковной жизни – оказались столь непрочными, скоротечными, что еще при жизни Победоносцева отошли в область воспоминаний.

С нескрываемым злорадством левая печать указывала на крушение дела Победоносцева. В печальнейшем этом явлении она хочет видеть доказательство правоты своего взгляда на крайний якобы вред, на пагубность для России победоносцевского режима, его политики, системы управления. Правая печать с глубокой скорбью высказывалась о недолговечности строя и порядков, которые Победоносцев ввел было с таким успехом и пользой в нашу церковно-государственную жизнь. Впрочем, в этой печати высказывалось не одно только сожаление о том, что деятельность Победоносцева не увенчалась прочным успехом, но и сомнение в самой осуществимости его идеалов теми путями и методами, которые им были проложены и применены (Б. Глинский).

Позволительно, однако, спросить, есть ли у наших либералов и радикалов, проклиняющих победоносцевский режим, твердое основание пережитые Россией неслыханные поражения на войне и смуты внутри страны ставить в вину Победоносцеву, его политике, системе

управления? Сознаемся, что вопрос этот и ныне многим даже в среде, не зараженной крайним либерализмом и радикализмом, может показаться беспочвенным, излишним, не нуждающимся в ответе. Тем скорее мог считаться он таким на взгляд, современный кончине Победоносцева. Тогда влияние еврейской и еврействующей, и всякой другой инородческой печати было сильнее и захватывало более широкие круги общества, чем теперь. Под ее гипнозом у нас и люди трезвых убеждений свыклись с мыслью, что причина всех пережитых Россией несчастий – режим Победоносцева, его система управления. Но, однако, и тогда раздавались голоса, несогласные с этим доминировавшим в обществе мнением. К числу шедших, так сказать, против течения относится, например, знакомый уже нам г. Альцест.

Высказав в «Подол^ьском» голосе» (в № 118), что, по суду и оценке общества, Победоносцев – «это типичный чиновник-бюрократ, ничего не видевший и не признававший дальше бюрократического управления страной, с его бумажным благополучием и с полным пренебрежением ко всем жизненным задачам страны», Альцест выступает с таким своим, по условиям тогдашнего времени требовавшим даже известной доли мужества, мнением: «Ах, эти выветрившиеся, заезженные фразы о бюрократическом режиме, приведшем будто бы Россию на край гибели! Как они опошлились, однако; любой проходец может теперь укрыться за ними для оправдания собственной наглости. Да ведь не со вчерашнего же дня начался на Руси этот ненавистный бюрократически режим.

А Карамзин, а Жуковской, а Пушкин – разве они выросли и расцвели не под влиянием того же бюрократического режима? Ведь бюрократическим режимом у нас начинается эпоха, в которой зачато все, что составило славу России. Ведь если уже говорить о глубоком национально-государственном разложении, переживаемом русским обществом, то причину его надо искать не в бюрократическом режиме, а скорее в тех освободительных веяниях, которыми характери-

зовалась, например, эпоха Александра II и, пожалуй, Николая II, со смертью Плеве» (№ 113). Такого же взгляда на этот предмет держится и «Киевлянин». Он говорит: «...если деятельность Победоносцева не увенчалась соответственным успехом, если ему пришлось дожить до крушения своих идеалов, то ответственность за такой исход не может пасть ни на него, ни на те убеждения, которым он служил. По-видимому, — прибавляет газета, — человеческая природа так слаба, ничтожна и склонна к легкомыслию, что самые несомненные идеи от времени до времени теряют власть над толпой, и требуется их проверка огнем и кровью» (№ 71). По словам «М^{осковских} ведомостей», «чем шире лилась волна человеческой крови, чем сильнее разливалось зарево пожаров, тем больше и глубже понимала и ценила Россия К. П. Победоносцева, его упорную борьбу с крамолой, последствия развития которой он так прекрасно понимал» (№ 63).

Ствердым убеждением, с подъемом чувства ту же мысль высказывает в «Каз^{анском} телеграфе» Н. И. К-то. Он пишет: «И годы (преклонные), и мутные волны современности отодвинули Победоносцева в сторону. Стало быть, вся его деятельность прошла даром? Стало быть, победили его противники?» На вопросы эти автор отвечает не прямо, а ссылкой на такой очень выразительный факт: «За несколько дней до кончины Победоносцева “Нов^{ое} вр^{емя}” по поводу одного из последних (писал Н. И. К-то в день похорон К^{онстантина} П^{етровича}, т. е. 13 марта) позорных заседаний нашей “провалившейся” Думы припомнило “Московский сборник”. В Екатерининском зале Таврического дворца происходила та самая вакханалия черни, которую так мастерски предсказал и описал как неминуемого спутника парламентаризма Победоносцев. Казалось, будто он лет десять тому назад вещим умом своим угадал речи наших кавказских ораторов. Можно представить себе, как истекало кровью его русское сердце, когда он к ужасу своему видел осуществленным все то, от чего так настойчиво предостерегал. Победоносцев-патриот должен был

страшно мучиться. Зато Победоносцев-философ, автор “Московского сборника”, должен был ликовать. Его пророчества сбылись. Его теория нашла себе блестящее подтверждение на практике. Кто прежде не хотел верить его словам, теперь должен верить событиям и “их” (кавычки автора) делам. Прежде он должен был защищать свои идеи только отвлеченными доводами. Теперь его доводы нашли себе прекрасное подтверждение в... стенографических отчетах Государственной Думы. Теперь вокруг “Московского сборника” нет прежней пустыни, и он не одинок. Последние, кровавые страницы русской истории – его лучшие, его красноречивейшие союзницы» (№ 4.221).

«С.-Петербургское Русское Собрание» памяти К. П. Победоносцева посвятило вечер 16 марта. В числе ораторов на этом вечере был член Гос<ударственной> Думы В. М. Пуришкевич. Как передает г. Юлия Загуляева в «М<осковских> ведомостях», г. Пуришкевич говорил о Победоносцеве «как о великом прозорливце, провидевшем и предсказавшем *будущее* (курсив автора), ставшее теперь для нас настоящим. Он прочел некоторые выдержки из “Московского сборника” покойного, а именно из статей – “Новая демократия” и “Великая ложь нашего времени” и сопоставил те определения парламента и вообще народного представительства, что дал в своих писаниях Победоносцев, с нашей Думской действительностью. Получилось поразительное сходство слов покойного прозорливца с картинками и сценками из Думской жизни, нарисованными г. Пуришкевичем, сильно увлекавшимся своим сюжетом и нашедшим полный отклик в аудитории» (№ 68).

О деятельности или о политике Константина Петровича в смысле последствий ее очень определенное замечание сделал г. Ярмонкин в «Зорьке». По замечанию этому «сказать, что Победоносцев оставил нам в наследие тот свирепствующий разврат мысли, который мы переживаем, было бы совершеннейшей несправедливостью» (№ 298).

«Трагический, – по выражению г. Глинского, – всем бросавшийся в глаза разлад между прекрасной и стройной теорией и жестокой

практикой» иные, в том числе и г. Глинский, объясняют неосуществимостью идеалов философа-оптимиста теми путями и методами, какие им были проложены и применены. Ярко нарисовав «печальную наличность» отечественной жизни, г. Глинский особо указывает на то, что «наличность» эту «не предупредили ни церковноприходская школа, построенная на началах единения с Церковью, ни священнослужители, потерявшие, несмотря на улучшенное их материальное и социальное положение, всякое бывшее влияние на свою паству, и не могущие, да, пожалуй, зачастую и не желающие воздействовать на нее именно в том историческом направлении и согласно с теми идеалами, носителями которых их желал видеть Победоносцев» (268–269).

По нашему глубокому убеждению, считать нецелесообразными, непрактичными те пути и методы, которые употреблял Константин Петрович, осуществляя свои идеалы, никак нельзя с точки зрения «печальной наличности» за последние годы его жизни. О них правильное и естественное судить по результатам его деятельности за время, в которое он находился у кормила правления. Тогда в результате деятельности К<онстантина> П<етровича> «наличность» была самая отрадная. В то время состояние и государства, и Церкви было цветущее. Этого не отрицает и г. Глинский. В отношении руководства собственно церковной жизнью он, как это нам уже известно, прямо говорит, что тут К<онстантин> П<етрович> удачно выполнял намеченную им программу. «Но, – оговаривается он, – между выполнением формальной программы и осуществлением ее по существу замысла и конечной цели наблюдается в данном случае значительная и печальная пропасть» (с. 268).

Позволяем себе не согласиться с почтенным автором этих строк и утверждать, что в том отношении, о котором речь, нет той пропасти, какую он усматривает.

Краеугольным камнем того основания, на котором г. Глинский утверждает свое доказательство безуспешности усилий и забот Кон-

стантина Петровича по осуществлению им же намеченной программы в области руководства церковной жизнью, должно признать указание его на утрату священнослужителями всякого былого влияния их на свою паству. Но об этом влиянии пастырей на паству, о степени и объеме его в период смут и волнений, совпавших с последними годами жизни Константина Петровича, вполне позволительно иметь и противоположное мнение, опираясь при этом на авторитет неоспоримый – на всеподданнейший отчет обер-прокурора Св<ятейшего> Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. На первых страницах этого отчета читаем:

«Война окончилась, но с заключением мира внешнего не было дано России мира внутреннего. Как бурные волны, вздымались повсюду от столиц до глухих деревень народные смятения и междоусобные брани. Казалось, все потеряно и обречено на гибель, и уныние, и смертельный страх могли обезоружить сильнейших. Но Церковь Православная не отступала от своей задачи проповедовать мир и спасение: в самые смутные времена, в самых ужасных местностях борьбы и насилия благовест не умолкал, богослужение совершалось, умножались на Руси святые храмы, и духовенство, гонимое, оклеветанное и запугиваемое изо дня в день, творило невидное дело своего пастырского служения. Подвиг терпения, любви и молитвы русское духовенство несло, не ослабевая. Явились и из его рядов предатели, отверженные ныне церковным судом и осужденные народной совестью, – но они, слава Богу, считались единицами, были колеблющиеся, сбитые с толку, шедшие на сближение с врагом “страха ради иудейска”, – но их, к счастью, были сотни из всей 50-тысячной христоносной рати русского православного духовенства... В Первопрестольной столице, где сильнее всего сказались революционная злоба и напор вражеской силы, противоборствующей Христу, сильнее показала и эта тихая молитвенная доблесть духовенства: среди ужасов московского вооруженного восстания, когда Москва, отрезанная от

России забастовками, внутри охваченная мятежниками, перерезанная баррикадами, десять дней томилась в страхе и неизвестности до прибытия Семеновского полка, когда ее церкви обстреливались, а во время богослужения врывались негодяи, которые тушили папиросы об иконы, — московские священники, готовые ежечасно на оскорбления, насилия и гибель, совершали изо дня в день свой молитвенный подвиг. В темном запертом, почти беззащитном Кремле к ночным службам не звонили в большой колокол, чтобы не привлечь скопищ и смятений народных, но громче кремлевского колокола звучал над Москвой неизменно твердый и верный истине голос московского архипастыря, митрополита Владимира. Известно его поучение, прочитанное во всех церквях столицы 17 октября и воздвигшее против него целую бурю клеветы и ненависти. В столицах, городах и селах повсеместно в России молитва церковная не умолкала; храмы, временно опустевшие, опять наполнялись, и русские люди поднимали головы и черпали уверенность, что не погибла Россия, если стоит и молится Церковь...

Трудно учесть цифрами, говорится далее в отчете, народное благочестие, но есть один признак, который позволяет, хотя несовершенно, приблизиться к определению молитвенного настроения народа именно в тревожные 1905 и 1906 годы: это — подсчет свечного церковного дохода за эти годы. По имеющимся в контроле при Св<ятейшем> Синоде сведениям, чистой свечной прибыли в 1905 г. получено на 451,369 р. более, чем в 1904 г., а в 1906 г. на 500,000 р. более, чем в 1905 г. Причем должно принять в соображение, что указанное увеличение свечной прибыли относится к 1905 и 1906 гг., когда огромная часть Империи была постигнута бедствием неурожая. Не может не обращать на себя особого внимания и то обстоятельство, что начавшиеся в 1905 г. политические беспорядки с особенной силой сказались в большинстве именно тех епархий, в которых наблюдалось наибольшее увеличение свечного дохода. Поэтому ставить беспорядки в связь с уменьшением

якобы доброго влияния на народ духовенства нет никаких оснований. Приведенные данные, несомненно свидетельствуя об увеличении благочестивого усердия прихожан к храму Божию, не могут не свидетельствовать и о том, что доброе влияние духовенства на прихожан продолжало и в смутные годы сохранять свою силу» (с. 2–5).

Приведенная столь веско обоснованная выдержка из всеподданнейшего обер-прокурорского отчета как-то невольно напоминает следующее жалкое фразерство гр. Олсуфьева, с которым он не постеснялся выступить в Гос<ударственном> Совете 11 ноября 1911 г. Заявив об утрате духовенством, будто бы, всякого влияния на народ, он счел для себя возможным так отозваться о прошлой деятельности нашей Церкви в лице ее пастырей: «Корабль Русской Церкви в последние два века привык плавать в стоячей воде. Теперь ему придется плавать, как и всякому настоящему кораблю, иной раз и по волнам. Но зато это заставит проснуться и кормчего, и матросов, заставит и почиститься, и дыры позаделать».

Коротка, оказывается, память у гр. Олсуфьева. Или он, как выражаются, проспал «тяжелые дни великой скорби, постигшей державу Российскую (в 1905–1906 гг.), когда колебались отеческие предания и дерзновенно попирались закон и правда» (того же отчета, с. 110), если утверждает, что «корабль Русской Церкви» два века плавал лишь «в стоячей воде». Насколько фразистое заявление гр. Олсуфьева находится в противоречии со всей исторической и современной правдой, это в том же заседании основательно, со ссылками на исторические факты и явления, показал протоиерей Д. А. Беликов. Выражая «и от своего лица, и от лица всего духовенства протест против заявления гр. Олсуфьева о том, что влияние духовенства на народ равняется нулю», о. Беликов говорил: «Можно ли зачеркивать великую историческую заслугу духовенства в просвещении прежней Руси? Можно ли игнорировать такую же важную заслугу и в просвещении народа путем богослужения, проповедей, школ и всего пастырского влияния? Кто в самом

деле оберегает, охраняет нравственное благополучие в наших селах, как не духовенство? Роль духовенства в недавнюю смуту освободительных лет еще не учтена. В противном случае мы с благодарностью, с великой признательностью увидели бы, как много, как существенно духовенство потрудились в области успокоения народа и удержания его от разрушительных неистовств, причем нередко оно жертвовало и своей жизнью. Если бы не было храмов и духовенства, быть может, мы погибли бы в деморализации и вместе с тем в анархии».

В газ<ете> «Колокол» приводится особое и очень веское доказательство тому, что «государство лишь благодаря влиянию Церкви избавилось от разгрома». Газета пишет: «Что мы не преувеличиваем значения Церкви, об этом свидетельствует “Верховная Вента”, т. е. масонская ложа, которая дает такие инструкции своим агентам: “Раскиньте сеть вашу к самым алтарям, окутайте ею семинарии и монастыри, тогда вы будете проповедовать революцию в митре и облачении, с крестом и хоругвью в руках”...»

Что масоны не ошибались в значении для дела революции креста и митры, это, – говорит “Колокол”, – показывает 9 января в Петербурге, и успех революционного движения там, где священниками были члены революционных обществ; и если б их были не единицы, если б духовенство в общей массе не осталось непоколебимо верным, если б оно всеми силами не поддерживало бы в народе любовь к Царю и покорность власти, у нас были бы не “беспорядки” в той или другой местности, а новый пугачевский бунт, и сумело ли бы справиться с ним правительство – Бог весть» (4 ноября 1911 г., № 1676).

В «Записке о необходимости созыва Поместного собора Русской Церкви», поданной П. А. Столыпину в октябре 1908 г., Л. Тихомиров говорит, что «присущее Православной Церкви доверие к власти, а равно разумный патриотизм выдержали (в смутные революционные годы) испытание с честью, так что в борьбе с революцией поддержка Церкви правительству имела огромное значение, остающее-

ся далеко недостаточно понятым и оцененным» (см. «М<осковские> вед<омости>» за 1912 г., № 77, от 4 апреля).

По мнению Б. Глинского, не оправдала своего назначения, не выполнила своей задачи, в частности, и церковноприходская школа, построенная Победоносцевым на началах единения с Церковью. «Печальной наличности», по его словам, не предупредили ни священнослужители, ни церковноприходская школа. Но и в оценке значения церковноприходской школы г. Глинскому можно противопоставить авторитеты, компетентность которых, надеемся, и он признает. Укажем для примера на следующее:

В марте 1912 г. (именно 16-го ч.) в Госуд<арственном> Совете член сего Совета, бывший товарищ министра народного просвещения Н. А. Зверев, имел повод свидетельствовать о благотворительном значении церковноприходских школ в особенно важном отношении, именно о влиянии и «самом решительном», хотя и косвенном, этих школ на другие начальные училища, а через них на характер и общее направление народного образования. В речи своей по этому предмету г. Зверев, между прочим, представил Гос. Совету справку из истории церковноприходских школ за вторую половину минувшего века, напомнившую известную превратную судьбу их за это время. В половине 60-х годов церковноприходские школы получили было благодаря трудам духовенства очень широкое развитие, но вскоре затем духовенство либеральными земствами отстранено было (и добавим это от себя – вопреки воззрениям и намерениям, царившим на Троне и возле Трона) – от ближайшего участия в народном образовании, и церковноприходские школы к началу 80-х годов почти прекратили свое существование. Но с устранением духовенства с поприща народного образования последнее приняло нежелательное одностороннее направление, грозившее, по выражению Высочайшего рескрипта на имя м-ра народного просвещения (1 января 1873 г.), «духовным растлением народа». С таким направлением ведомству народного про-

свещения приходилось вступать в борьбу. Одним из ненамеренных и в этом смысле невольных, но сильных союзников его в этой борьбе явилась восстановленная в 80-х годах церковная школа. «Какое доброе влияние оказала она на другие начальные училища, вам, – говорил г. Зверев, – подтвердят ваши личные воспоминания, относящиеся к тому времени. Но если их недостаточно, имеются другие надежные свидетельства. В 1889 г. бывший тогда министр народного просвещения гр. Делянов заявлял, что церковноприходские школы оказали благотворное влияние на земские начальные училища, в которых под их влиянием стали усиленно преподаваться церковно-славянский язык и церковное пение и значительно увеличено число уроков по Закону Божию. Несколько позднее, в 1895–1896 году, бывший профессор Московского университета С. А. Рачинский, человек большого ума, выдающегося таланта и широкого образования, беззаветно отдавший большую часть своей подвижнической жизни просвещению народному, в своей замечательной книге “Сельская школа”, заслуживающей быть настольной для всякого интересующегося этими вопросами человека, писал между прочим: “Ныне замечается несомненный поворот к лучшему: строй церковноприходских школ значительно повлиял на строй школ земских”. Да и как могло быть иначе? Светская школа не могла отставать от церковной, находившей живой сочувственный отклик в народе» (см. «Колокол», № 1784, от 17 марта 1912 г.).

В том же Гос<ударственном> Совете 5 июня 1912 г. имел повод в таких, между прочим, словах высказаться о церковноприходских школах преосвященный Никон: «Правда, мы знаем, что во дни революции из 50.000 учащихся в наших школах нашлось сотни полторы несчастных юношей и девиц, запутавшихся в сетях иудейских, но мы знаем и то, что в той школе, не нашей, число таковых насчитывается более 22.000 – только сосланных административно. Об этом было говорено в Гос. Думе, и никто этого не опровергал» («М<осковские> вед<омости>», № 135, от 12 июня 1912 г.).

Ту же самую мысль об огромном значении церковноприходских школ для характера и направления народного образования как нельзя лучше и яснее подтверждают те проклятия, которые изрекала Победоносцеву левая печать за насаждение у нас церковноприходских школ. Печать эта подтверждает, со своей стороны, и факт борьбы духовенства против развращающего влияния на народное образование безверных, бесцерковных учителей и учительниц земских школ. «Шла, – говорит, например, В. Варварин в «Р<усском> слове» (№ 58), – скрытая, шипящая борьба в каждом селе, почти в каждой деревне между учителем и учительницей, с одной стороны, и заведующим школой законоучителем – с другой». Вдумайтесь в мысль следующих строк того же Варварина, и вы поймете, как хорошо деятели левой печати видели и сознавали огромное практическое значение церковноприходских школ в жизни нашего народа. «Я положу семя, – говорит Варварин от лица Победоносцева, – из которого по жестокости, грубости, темноте, лукавству и странной (?) настойчивости нашего духовенства вырастет такая охрана для “Верую, Господи, и исповедую”, о какую, как брызги, разобьются презренные волны разных учительских семинарий и учительских институтов, этих земств и т. п. временной слякоти».

Варварины, конечно, доказывают, что «семя», положенное Победоносцевым, не проросло, и затея его с церковноприходскими школами оказалась безуспешной, пустой. Но статочное ли дело, чтобы пустая, безрезультатная «затея» Победоносцева могла выводить левый лагерь печати из себя, раздражать его до границ, можно сказать, бешенства?

Итак, вполне позволительно остаться при убеждении, что Константин Петрович в церковно-государственной деятельности своей наметченную им программу не только выполнил с формальной ее стороны, но и осуществил по сути ее замысла и конечной цели. И, может быть, только благодаря этому у нас не случилось «нового пугачевского бунта», и «мы не погибли в деморализации и вместе с тем в анархии».

Не режим Победоносцева, не его политика, система управления, так яростно прокливаемые в отзывах радикальной и инородческой печати, привели «к неслыханным поражениям на войне и к смутам внутри страны», а измена его режиму, пренебрежение к его политике, уклонение от системы его управления.

По известным уже нам словам М. Меншикова, еще задолго до революции (значит, в победоносцевское время) за подписью «дозволено цензурой» «часто выпускалась пресса заведомо клеветническая, шантажная, смердящая самым подлым зловонием»... Публика отдана была «во власть мошенников пера, которые проституировали гласность до жалкого ее падения. Еще до революции на глазах правительства создавалась так называемая “жидовская дешевка”, “распивочная”, “подкаретная печать”. Выше говорено было нами и о том, какая пристрастная, беспощадная, полная ненависти и высокомерия и в то же время лживая раздавалась также еще до революции критика современной и прошлой исторической деятельности Церкви в лице ее представителей, и какую вражду к Православной Церкви, к самым догматам ее учения прививала обществу еще дореволюционная пресса. Подобных явлений, повторим мы и теперь, никак не могло бы быть, если бы тогдашняя пресса действительно находилась под строгим и неумолимым контролем Победоносцева. Но если уже и говорить о строгости контроля за прессою со стороны Победоносцева и выражать сетования и жалобы на эту строгость, то, как на это выше и указывалось, основания для этого скорее могли бы найтись в отношении его к прессе правого, консервативного лагеря. По известным также нам словам “одного из столпов веры православной”, лагерь этот только и слышал: “Тише, тише, не задевайте этих красных, левых, не раздражьте этих освободителей”».

Церковно-государственную политику в предреволюционное время кто-то (кажется, г. Меншиков) справедливо сравнил с мебелью, поставленной в сыром подвале. Там и хорошая мебель неминуемо

сделается никуда негодной. Победоносцевский режим находился и действовал тогда в таких парализующих его условиях, что его справедливо можно счесть лишь призраком деспотизма или декорацией церковно-государственной тирании. А если так, то верх несправедливости считать Победоносцева ответственным за пережитые нами «неслыханные поражения на войне и смуты внутри страны». С другой стороны, по той же самой причине нельзя считать непрактичными, ненадежными пути к средствам, которыми Константин Петрович достигал поставленных им для своей деятельности целей.

Сущую правду писал сам Константин Петрович в 1900 г. П. А. Тверскому: «С давнего времени люди и европейские, да и русские, не знающие, чем и как движутся наши административные пружины, воображают, что все, что ни происходит в России от правительства, движется волею или прихотью какого-нибудь одного, кто в ту или другую минуту считается влиятельною силою, так сказать, “первым по фараоне” лицом. И вот, к несчастью, утвердилось всюду фантастическое представление о том, что я – такое лицо, и сделали меня козлом отпущения за все, чем те или другие недовольны в России и на что другие негодуют... Так навалили на меня и жидов, и печать, и Финляндию, и вот еще духоборов – дела, в коих я не принимал никакого участия, – и всякие распоряжения власти, в коих я несколько не повинен» («Вестник Европы», № 12, за 1904 г.).

Да, Константину Петровичу Победоносцеву суждено было остаток дней своих доживать среди развалин всего, что он любил, чему служил, правду чего сознавал всей силой своего светлого ума, своей чуткой совести, своих громадных знаний. Душевные страдания его за судьбу родины очень понятны. «Но, – как говорит Д. В. в «Московских духовных ведомостях», – переживая тяжелые муки скорби, Константин Петрович, и удалившись от дел правления, считал своим правом остаться до гроба со своими продуманными выстраданными убеждениями, хотя и это готовы были оспаривать у него» (№ 12).

Вполне присоединяется к следующим прочувствованным строкам передовой статьи «Колокол» в № 337-м, вышедшем в самый день похорон Константина Петровича (13 марта).

«Константин Петрович удалился от дел в 1905 году в тот момент, когда в нашей внутренней политике обнаружился перелом и она стала принимать тот курс, который он считал ложным и который привел к переживаемому кризису. Подобно врачу, который видит, что больному вместо лекарства знахарь подает медленно действующей яд, государственный человек должен был испытывать глубокое страдание от сознания опасности и невозможности исправить ошибку. Это страдание завершило те великие печали, какими болело его русское сердце при виде настроений, терзавших горячо любимое отечество. И чем яснее представлял себе он положение дел в свете своего глубокого государственного ума, тем глубже должна была проникать горечь скорби о судьбах родины в его душу по слову премудрого: приложивый разум приложит болезнь. Только сознание честно исполненного долга и крепкое упование на Господа, в руках Коего судьбы царей и царств, служили для него источником утешения»...

Прошло пять лет со времени кончины Константина Петровича Победоносцева, и он уже начинает видиться нам в исторической перспективе. В настоящее время судить о нем и о его деле стало легче, удобнее, без чувства пристрастия и потому с большей уверенностью в справедливости оценки. В момент кончины Константина Петровича было трудно, мудро, так сказать, разглядеть, уяснить себе, что и как, насколько рационально и успешно строил, творил этот великий человек. В такой же, если еще не в большей степени, трудно, мудро было бы разобраться и в появившихся тогда многочисленных, теперь уже известных нам, отзывах о нем, правильно понять эти отзывы. «Тогда, по картинному изображению момента г. Глинским, которое в предисловии к настоящему труду читателям было уже показано, кругом кипели страсти и политические бури, тогда явлениям жизни

не было спокойного суда и рассуждения, и в особенности в отношении тех, кто так или иначе своей жизнью и деятельностью был причастен и этим бурям, и той пыли земли, которая встала густым облаком над всей поверхностью нашей родины как прямое следствие отечественной непогоды».

Теперь буря утихла, пыль улеглась, и если атмосфера еще не так чиста и прозрачна, как хорошее стекло, нам все-таки с достаточной ясностью видны «явления жизни» во время «всемогущества» Константина Петровича, и о явлениях этих может уже быть спокойный суд и рассуждение. Наше глубочайшее убеждение выразим в форме пророчества: «такого расцвета православного царства», каким любовались, каким благородно гордились мы в «благословенные дни» царствования великого Императора Самодержца Александра III «с незабвенным Именем которого всегда будет вспоминаться и имя Константина Петровича», едва ли когда увидит еще русская страна. Что же касается Церкви, то время, в которое Константин Петрович Победоносцев состоял руководителем церковной жизни, потомки наши будут считать – в этом мы несколько не сомневаемся – золотым временем в ее истории.

Б. Б. Глинский

КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ ПОБЕДОНОСЦЕВ

(Материалы для биографии)

Скончавшийся 10 марта сего года член Государственного Совета и бывший знаменитый обер-прокурор Св<ятейшего> Синода Константин Петрович Победоносцев представляет собой в нашей столь богатой выдающимися личностями жизни явление необычайного порядка. К его имени в течение с лишком четверти века приковывалось

внимание современников, оно не сходило со столбцов нашей печати, одни его ненавидели и проклинали, другие славословили, перед ним преклонялись и его благословляли; одни видели в нем ангела-спасителя России, другие – ее злого гения. Безразлично к нему никто не относился. Он был определенным историческим знаменем, которое рвали бури и непогоды, вокруг которого кипели страсти и борьба. И так не только в течение двадцати пяти лет, когда он стоял в ряду активных деятелей нашего государственного механизма, но даже когда он, обремененный годами и несогласный с новыми течениями правительственного курса, сошел с государственной сцены и утратил всякое влияние на ход событий. Даже после этого момента, последовавшего в 1905 году, он не сошел в глазах и мнении современников совсем на нет, а продолжал оставаться все тем же несколько таинственным, с налетом драматизма, Победоносцевым, которому стоустая молва продолжала приписывать всяческие легенды, связывать с его именем всевозможные слухи, порой самые фантастические, ожидать с его стороны какого-нибудь начинания, долженствовавшего иметь на события дня решающее влияние. В этом психологическом настроении общества усматривается своего рода гипноз, не оправдываемый фактами действительности, а относимый скорее на счет того глубокого следа, который ближайший сотрудник императора Александра III оставил своей былой деятельностью на разных поприщах нашей исторической жизни. Прошрое засчитывалось в настоящее, откуда получалась определенная историческая преемственность и наличность определенного государственного служения интересам родины.

Когда после известного манифеста 17 октября 1905 г. мы обогатились «свободами» и в том числе некоторой свободой печати, то, за исключением покойного Д. Ф. Трепова и П. Н. Дурново, ни на кого уличная «свободная» и дешевая сатира не вылила столько злобы и глумления, как на того, перед кем она еще не так давно, в дни его силы

и власти, принудительно безмолвствовала. Улица всячески тешилась над больным стариком и сводила с ним былые счета, на которые он совершенно не считал нужным отвечать. Он как бы чувствовал себя в прошедшем и готовился вполне сознательно к тому неведомому будущему, где нет болезней и воздыханий, где перед его духовными взорами раскрывались светлые горизонты, осененные Божьей милостью, небесной правдой и любовью...

Во всю ширь Литейного проспекта движется пестрая, разнокалиберная и возбужденная толпа, над головами которой реют красные знамена с зажигательными призывами, и из сотен грудей вырывается и далеко несется песня: «Вставай, подымайся рабочий народ». Толпа останавливается против темного двухэтажного дома № 62, где много лет живет Константин Петрович, останавливается, чтобы прокричать ему слова ненависти и злобы, прокричать и двинуться далее в торжественной и шумной манифестации во славу грядущего сознательного пролетариата. Крик толпы доносится до восьмидесятилетнего старца, но он не вызывает его ответной злобы, слова песни ничего не говорят его сердцу. Он весь в молитве и научном труде. Революционный напев улицы тонет в тех древнерусских церковных напевах, которыми полна его душа; резкие слова, зовущие к политической свободе, для него бледны и малозначащи перед теми словами Нового Завета, в которые он целиком и ушел и где он нашел истинную свободу личности и торжество духа. И когда эта толпа шумно и грозно требовала от своих представителей резкого и беспощадного выступления против сложившегося порядка вещей, в создании которого он принимал в свое время такое деятельное участие, а эти представители со своей стороны наполнили почти всю прессу и весь книжный рынок произведениями, согласными велениям взбудораженной массы, он ничего не противопоставил резким словам осуждения в защиту того, чему так долго и так неустанно служил. Уже холодеющей рукой тянул лишь своим друзьям и недругам небольшой

печатный том, где на обертке значилось: «Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа в новом русском переводе К. П. Победоносцева. Опыт к усовершенствованию перевода на русский язык священных книг Нового Завета».

Удрученный годами и болезнями, умудренный громадным житейским и государственным опытом Победоносцев, сыгравший в первые дни 80-х годов прошлого столетия такую решающую роль в русской истории, через двадцать пять лет после тех приснопамятных дней, когда он отринул приближение даже тени конституционализма на русскую землю, сходил медленно в могилу с арены жизни при торжестве именно тех начал, которым он когда-то нанес такой сильный удар и против которых он так упорно боролся. На его глазах и при его содействии создавалась Россия Александра III, и на его же глазах она постепенно стала отходить в даль преданий и невозвратного прошлого. Рушилось все им созданное в этой области, и он, последний видный представитель «сильной государственной власти», оказался бессильным чем-либо остановить ход этого разрушения. В этом бессилии, несомненно, наблюдается элемент исторического трагизма, элемент, который в обработке талантливой драматургии мог бы послужить материалом для шекспировской темы.

Победоносцев целиком вышел из сокровенных глубин русской жизни, явил собой в высшей степени своеобразный тип русского ученого государственного мужа, необычайно сильного своим анализом и скепсисом и слабого как творца жизни и форм этой жизни. Мягкий, добрый, уступчивый в личном обиходе, скромный и непритязательный, он рядом с этим обрисовался в ходе наших исторических событий государственным деятелем твердого уклада и определенной непоколебимой тенденции. Он воплотил в себе известный исторический период, принял на себя вполне убежденно и сознательно ответственность за этот период и таким образом отдал себя на суд истории без страха и боязни этого суда. На страницах «Исторического вестника»

уже было однажды обстоятельно говорено о скончавшемся Константине Петровиче как деятеле нашей литературы и науки. В настоящем очерке делается опыт дать его краткую характеристику в связи с некоторыми явлениями нашей жизни, но при этом автор характеристики должен несколько оговориться. Для полного освещения личности Победоносцева, освещения беспристрастного и полного, еще не настало время и главным образом потому, что для этого нет еще в наличности достаточного материала. Когда станут известны и доступны все записки, официальные и конфиденциальные, которые по самым разнообразным вопросам подавал Константин Петрович, когда будет опубликована его обширнейшая переписка с разного рода деятелями отечественной жизни, когда будет собран воедино весь громадный умственный материал, который остался разбросанным по многим местам после покойного, лишь тогда определится достаточно полно и рельефно его оригинальный и в высшей степени замечательный образ и установится его место в летописях русской истории.

К. П. Победоносцев вышел из духовной семьи московского клира. Дед его был священником Звенигородского уезда, а отец – профессор словесности Московского университета. С раннего детства его окружала атмосфера церковности, которая глубоко и крепко проникла в его душу, оставив в ней неизгладимый след и направив его по определенному пути служения тому сословию, из которого он вышел. Родился он в 1827 году и, по получении под руководством отца основательной домашней подготовки, был определен в училище правоведения, которое окончил в 1846 году. В литературе не имеется данных о детских и юношеских годах Константина Петровича. По природе очень скромный и скупой на сообщение биографических о себе сведений он не оставил по себе какого-либо автобиографического материала. Известно лишь, что у него было несколько братьев и сестер с обширным потомством, к которым он относился тепло и любовно, но для которых он никогда не пускал в ход, подобно многим

другим сановникам, как, напр<имер>, покойный Ванновский, своего влияния и связей, в интересах их жизненных благ и карьеризма. По окончании правоведения он начал свою службу в 8-м департаменте Правительствующего сената, а с 1853 года вернулся в Москву, где исполнял должности обер-секретаря при общих собраниях московских департаментов. К этому времени относится и начало его литературной деятельности, обнаружившей сразу в молодом чиновнике Сената большой литературный талант и широкие юридические познания, выдвигающие его в ряд первоклассных отечественных цивилистов, горячо отзывающегося не только на вопросы своей излюбленной специальности, но и на животрепещущие запросы политического дня. Статьи его того периода печатались на страницах тогдашнего умеренно-либерального «Русского вестника», и из числа их надлежит отметить «Заметки для истории крепостного права в России» и «О реформах в гражданском судопроизводстве». Первая из них касалась жгучего тогда вопроса русской социальной жизни в рассмотрении его под углом зрения просвещенного и прогрессивного исследователя; вторая явилась той своего рода влиятельной визитной карточкой для входа в храм науки, которая широко раскрыла перед ним двери этого храма и создала ему имя выдающегося молодого ученого. Во внимание к его научно-литературным работам Московский университет пригласил его на кафедру гражданского права, которую он и занимал с 1859 по 1860 год; на следующий год судьба оторвала его от непосредственной близости к учащим и учащимся в старейшем русском университете, и ему предложено было преподавать законоведение наследнику цесаревичу Николаю Александровичу и великим князьям Александру Александровичу и Владимиру Александровичу. Этот переход из университетских аудиторий в интимные комнаты дворца явился в жизни Победоносцева решающим моментом: он отрывается от служения чистой науке, приобщается к дворцовой жизни и государственной деятельности, причем последние две сферы от-

ныне становятся взаимодополняющими и стоящими в тесной связи и зависимости как с внешней стороны, так и со стороны их идейного содержания, что особенно усилилось и проявилось в восьмидесятые годы, когда на престол вступил бывший ученик Победоносцева Александр III, во многих отношениях находившийся под религиозно-нравственным влиянием своего старого наставника.

Чтение лекций наследнику-цесаревичу обратило на него внимание императорской семьи, и в 1863 г. ему поручается сопровождать Николая Александровича в его путешествии по России, результатом какой поездки явилась написанная книга «Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России», отрывки из которой и до сих пор помещаются в наших хрестоматиях как лучшие образцы русской прозы и отечественной стилистики. Характеризуя нашего ученого писателя именно как стилиста, Г. Никольский говорит: «...Нельзя отрицать замечательного своеобразия слога К. П. Победоносцева. Он обладает удивительным искусством писать какими-то несомненными словами, с какой-то механической точностью выражающими свое содержание. Даже в минуты одушевления в его речи слышна металлическая, звонкая точность: его слова не отстают от мыслей, не обгоняют их; ни намеков, ни поэтической недосказанности в них нет. Как стилист он, можно сказать, чеканит свои мысли. И это не элегантная, народная чеканка изысканных и пышных французских стилистов, нередко по ближайшем рассмотрении оказывающихся просто изделиями из дутого металла: это добросовестная, несколько тяжеловесная и угловатая обработка полноценных, веских мыслей». Приведя соответствующие выдержки из произведений рассматриваемого автора, г. Никольский продолжает: «Манера его письма всецело заимствована у наших духовных писателей и может быть признана манерой церковной стилистики по преимуществу. Эта стилистика страдает, как известно, однообразием сравнений и уподоблений, допуская риторическое творчество лишь в пределах немногочисленных традици-

онных образцов, украшений и фигур. Слова обыденной разговорной речи она заменяет их синонимами, носящими книжный характер, и таким образом живость и меткость речи заменяет отвлеченной кристаллической точностью. Она допускает большие грамматические неправильности, изобилует латинизмами и грецизмами, не говоря уже о насильственном укладывании гибкой и подвижной русской речи в искусственные, угловатые церковно-славянские обороты. Но при всех этих недостатках церковная стилистика носит на себе неизгладимый отпечаток художественного благородства. Она вышла из школы писателей древнего мира, этих более чем служителей, а скорее жрецов слова, ревностных блюстителей его чистоты, красоты, разнообразия и силы... Она требует от писателя действительного творчества, о чем бы он ни писал; она не допускает готовых слов с готовыми мыслями, но требует для великой мысли создавать ее врожденное выражение. Потому она учит сообщать интерес предметам их описанием, значение мыслям их выражением. Оттого, например, до настоящего времени сохранили интерес свежесть и прелесть новизны превосходные “Письма о путешествии наследника цесаревича”, с точки зрения выполнения и слога действительно напоминающие классических авторов. Самые, по-видимому, незначительные подробности и эпизоды знаменательного путешествия приобретают какую-то особенную яркость, выпуклость и значение от того сжатого, точного и оживленного слога, которым описаны. Усердие историка, ученого и политика применено здесь образцовым стилистом к небольшому биографическому эпизоду, и результатом этого усердия является совершенно неожиданная прелесть для читателей простых, но разнообразных, “не мудрствуя лукаво”, но обдуманном летописным тоном описанных событий».

Эта с любовью и знанием дела написанная характеристика стилистической манеры письма Победоносцева исчерпывает вопрос полностью, и остается лишь сказать, что по технике своей письменной речи

ученый писатель может по справедливости быть поставлен в один ряд с такими виртуозами русского слова, как покойные И. Аксаков и М. Катков, с отличием от них лишь в том отношении, что в его изложении мыслей постоянно проглядывало тяготение к церковным оборотам речи и духу нашей церковной словесности, родство и близость с которой у него начались еще с детских лет.

По переезде в Петербург Победоносцев был назначен в 1865 г. членом косультации при Министерстве юстиции, а с 1868 г. сенатором второго департамента, откуда в том же году был перемещен в гражданский кассационный департамент. 1 января 1872 г. ему было всемилостивейше повелено быть членом Государственного Совета с присутствием в департаменте гражданских и духовных дел. В 1875–1876 гг. он состоял членом комиссии для рассмотрения всеподданнейших отчетов по Министерству народного просвещения, в 1877 г. – членом комиссии для рассмотрения дела о преобразовании тюремной части и о пересмотре второй главы первого отдела уложения о наказаниях, в 1879 г. членом совета по тюремным делам, а 24 апреля 1880 г. обер-прокурором Св<ятейшего> Синода и в том же году назначен членом Комитета Министров. Последнее назначение, по свидетельству «Нового времени», «обратило на себя в свое время общее внимание. Дело в том, что до того времени обер-прокурор Св. Синода, хотя по своему значению в управлении делами православного ведомства, занимал пост, почти равный министерскому, не считался, однако, членом Комитета Министров. Предшественник К. П. Победоносцева, граф Д. А. Толстой, был членом Комитета Министров лишь по званию министра народного просвещения, между тем как К. П. Победоносцев был сделан членом Комитета Министров лично». Оставаясь в течение двадцати пяти с лишком лет на посту обер-прокурора Св. Синода, Победоносцев в 1894 г. был назначен статс-секретарем, в день св. коронавания 15 мая 1896 г. ему пожаловали орден св. Владимира первой степени, в день открытия памят-

ника Александру II (16 августа 1896 г.) – орден св. Андрея Первозванного, и 19 октября 1905 г. он удостоился высочайшего рескрипта, где между прочим говорилось: «Состоя в течение четверти века ближайшим сотрудником в Бозе почившего Деда и Родителя моих и моим по делам духовного ведомства православного исповедания, Вы своими совершенно выдающимися способностями и беззаветной преданностью престолу снискали искреннее мое уважение».

Будучи сотрудником трех императоров в определенной сфере государственного управления, обер-прокурор Синода не ограничивался, однако, отведенной ему определенной областью государственных дел. И по званию члена Государственного Совета как лицо, приближенное к своим державным вождям и как человек-гражданин с строго определенным мировоззрением, он проявлял интерес и влияние по самым разнообразным отраслям отечественной жизни, подавая по всем важнейшим вопросам управления свой независимый и убежденный голос. В октябре 1905 г. он подал в отставку и покинул пост обер-прокурора Св. Синода, сохранив за собой звание члена Государственного Совета, но в данном положении до самой своей кончины, насколько позволяли ему силы и время, он продолжал служить государю и родине, зорко следя за всеми явлениями нашей внутренней жизни.

Выступив на литературном поприще с указанными выше печатными работами по преимуществу юридического характера, К. П. Победоносцев уже в 1861 г. начинает опубликовывать и свои работы по вопросам религиозно-нравственным. Так, в этом году он издает свой перевод книжки Тирша «Христианские начала семейной жизни», а в 1863 г. помещает в «Русском вестнике» статью «Тишендорф и Синайская Библия». В 1869 г. он издает свой классический перевод с латинского сочинения Фомы Кемпийского «О подражании Христу», каковой его труд, вышедший ныне уже седьмым изданием, представляет собой, по мнению специалистов, не только лучшую передачу оригинала, но вместе с тем и образцово составленную книгу с «примеча-

ниями и размышлениями из духовных писателей», с библиографическим указателем и прекрасным вступлением от издателя-переводчика, повествующего, какое значение им придается выпускаемому труду. «Книга эта, – говорит он здесь, – исполнена священной поэзии. Каждая страница в ней дышит, если можно так выразиться, лирическим восторгом верующей души. Всюду в ней слышится торжественная песнь о Боге, о вечности и о судьбе человека».

За год перед тем (1868 г.) им был издан замечательный «Курс гражданского права» (2 тома), каковой в 1873–1875 гг. был переиздан со значительными дополнениями, после того вышел еще несколькими изданиями. Это, по оценке специалистов, «классическое произведение русской юридической литературы» обнимает собой большинство его работ по отдельным вопросам государственного права и является первой полной обработкой действующего русского гражданского права. В основу этого в своем роде единственного у нас юридического труда положен историко-юридический метод, причем каждый институт рассмотрен автором в римском, французском и германском праве; установив основную идею института, исследователь уже после того переходит к изложению русского законодательства в этом кругу, предпосылая всегда догматическому изложению исторический очерк происхождения и развития данного института на отечественной почве. Такой метод работы дает возможность в потребных случаях читателю судить, в чем русский закон учреждения соответствует или не соответствует общему его типу, как он выразился в истории, в экономии и в праве Западной Европы. «Курс гражданского права» явился у нас первой самостоятельной и детальной разработкой действующего русского права в его истории и в связи с практикой, получил в нашей литературе большую научную и практическую цену, сделавшись противовесом германской, романистической схоластике, отрешившейся от истории и современного права в его новейших, не схожих с римскими, образованиях.

И по содержанию, и по идейному богатству ближайшим образом примыкает к «Курсу» другая его юридическая работа – «Судебное руководство», где он выдвигает свое главное положение, заключающееся в том, что закон – «только опора для исполнителей и требует от них известного знания и разумения, приобретаемого не из буквы закона, а из школы и из того совместно и последовательно накопленного запаса сил и опытности, который собирается трудом поколений».

Для иллюстрации того, какие требования предъявлял К. П. Победоносцев к русским ученым в области изучения отечественного права, какие цели он им ставил и как он смотрел на их призвание, их долг перед родиной, небесполезно привести нижеследующую выдержку из его «Курса». Он говорит: «Изучать надо самые памятники законодательства. Для сего мы имеем превосходный материал в “первом полном собрании законов”, и за него-то надобно взяться каждому, кто захочет заниматься русским правом серьезно. К полному собранию законов прибегают обыкновенно лишь на случай справок, и тогда приискивают в нем нужные указы, большей частью при помощи изданного при оном алфавитного указателя. Но этот способ изучения неполный, отрывочный и весьма ненадежный по крайней ненадежности алфавитного указателя. В полном собрании законов необходимо самому пробивать себе дорогу, и потому я серьезно советую всякому истинно жаждущему знаний приняться за чтение полного собрания, начиная с первого тома. При чтении необходимо составлять себе краткие отметки и выписки, которые впоследствии останутся для читателя на всю жизнь надежнейшим полнейшим указателем на случай нужды. Многим может показаться странным такой совет; но смею уверить всякого, что такое чтение, в начале, правда, требующее некоторых усилий, вскоре окажется интересным, а для иных и увлекательным чтением; с каждым томом читатель станет входить в силу и живее почувствует в себе драгоценнейший плод внимательного труда – здоровое и дельное знание, то самое знание,

которое необходимо для русского юриста и которым русские юристы, к сожалению, так часто пренебрегают, питаясь из источников иностранных: незаметно воспринимают они в себя понятия, возникшие посреди истории чужого народа, усваивают начала и формы, на чужой почве образовавшиеся и связанные с экономией такого быта, который далеко отстоит от нашего: естественно, что отсюда родится ложное понятие о потребностях нашего юридического быта и о средствах к их удовлетворению, пренебрежение или равнодушие к своему, чего не знают, и преувеличенное мнение о пользе и достоинстве многого такого, что хорошо и полезно там, где нет соответствующей почвы и соответствующих условий исторических и экономических. Такое знание невозможно признать здоровым и истинным как отрешенное от жизни, следовательно – от истины. Напротив, тем и дорого изучение нашего полного собрания законов для русского юриста, что здесь каждое явление юридическое, каждое положение представляется в связи со всей обстановкой быта, со всеми данными историческими и в совокупности с ними объясняется».

Обратив также внимание на вышеприведенные слова, г. Никольский в своей статье «Литературная деятельность К. П. Победоносцева» вполне справедливо замечает, что они чрезвычайно важны для понимания мирозерцания нашего ученого писателя. Здесь выражено, по его мнению, «требование точного и твердого знания, знания положительного и наглядного, чуждого смелых обобщений и умозаключений... выражено отвращение ко всякой предвзятости, ко всякой теоретичности, ко всякому предreshению частных общими взглядами... заявлено твердое требование дисциплины мысли на положительном опыте, изошрения суждения к пониманию частных не отвлеченного логической эквилибристикой, а непрерывным изучением формальных данных... слышится благоговение к народу и жизни народной, то благоговение, которое не требует смирения, не принуждает к нему, а неразрывно с ним».

Стремясь как можно обстоятельнее ознакомить русских юристов с разными вопросами, возникающими из изучения юридической практики, Победоносцев предпринимает ряд работ, относящихся к 80-м годам, из которых главнейшие: «Некоторые вопросы, возникающие по духовным завещаниям», «Приобретение собственности и потомственные книги», «Вещный кредит и закладное право», «Имение родовое и благоприобретенное», «Одновороческие земли и начало специального межевания в России», «Юридические заметки и вопросы по наследственному и завещательному правам», «О чересполосном владении», «Судебное руководство», «Материалы для истории приказного судопроизводства в России», «Исторические исследования и статьи» и др.

Разрабатывая неустанно многие вопросы отечественной жизни в их историко-юридической постановке, ученый писатель продолжал от времени до времени откликаться и на политические злобы дня. Так, во время славянского освободительного движения на Балканском полуострове им были изданы две переводные работы: одна с английского – «Болгарские ужасы и восточный вопрос» Гладстона (1876 г.) и с чешского – «Приключения дворянина Братислава в Константинополе, в тяжкой неволе у турок с австрийским посольством» (1877 г.). В последующие же десятилетия он выступает в литературе по преимуществу с вопросами церковными и нравственно-религиозными и дает в этой области ряд трудов значительной важности. К числу таковых относятся: «Доброе слово воспитанникам духовных семинарий и академий по поводу нынешних страшных событий» (1881 г.), «Историко-юридические акты эпохи XVII и XVIII веков» (1887 г.), «История Православной Церкви до разделения церквей» (1891 г.; четыре издания), «Праздники Господни» (1893 г.; шесть изданий), «Для немногих», воспоминания об Эдите Раден (1893 г.), «Фредерик Ле-Пле» («Русское обозрение», 1893 г., кн. 9; отдельно – Москва, 1897 г.), «Победа, победившая мир» (1895 г.; восемь изданий), «Вечная память», воспомина-

ния о почивших (1896 г.), «Московский сборник», собрание главных статей о Церкви и государстве (1896 г.; пять изданий, переведено на немецкий, французский, английский языки), «Сборник мыслей и изречений митрополита московского Филарета» (1897 г.), «История детской души» (1897 г.; три издания), «Новая школа» (1899 г.; два издания), «Воспитание характера в школе» (1900 г.), «Учение и учитель», педагогические заметки (два выпуска, 1900–1904 гг.), «Призвание женщины в школе и обществе» (1901 г.), «Воспоминания о Вас<илии> Петров<иче> Зубкове» («Русск<ий> архив», 1904 г., кн. 2), «Экскурсия в русскую грамматику (1904 г.) и «Откуда нигилизм» (1904 г.).

Состоя в течение многих лет (с 60-х гг.) сотрудником «Московских ведомостей», К. П. Победоносцев поместил на страницах этой газеты, между прочим, следующие статьи: «Памяти великой княгини Екатерины Михайловны» (1894 г., № 155), «Прощание Москвы со своим Царем» (1894 г., № 300), «Об университетском преподавании» (1899 г., № 173) и «Ответ русского человека Кропоткину» (1901 г., № 284–285).

Кроме «Московских ведомостей», Победоносцев помещал свои работы на страницах «Архива» Калачева, «Журнала министерства юстиции», «Юридического вестника», «Чтений в Императорском обществе истории и древностей при Московском университете», «Русского архива», «Русского обозрения» и др. Но преимущественный способ, избранный им для обнародования своих работ, был – выпуск их отдельными изданиями, общедоступными и дешевыми, в расчете не на получение с них прибыли, а на широкое их идейное распространение. Необходимо отметить, что почти в исключительном распоряжении Константина Петровича состоял большой издательский капитал имени А. Муравьева, который также употреблялся им на выпуск многих духовно-нравственных трудов и брошюр, которые им печатались и выпускались без обозначения на ободке о причастности к их изданию обер-прокурора Св. Синода. В кратком журнальном очерке, составляемом в качестве очень срочной работы,

нет возможности привести полного библиографического списка трудов и изданий Победоносцева. Это дело его будущего биографа и тех, кому дорога память о почившем деятеле отечественной литературы и русской государственности.

Центральным местом из всех перечисленных выше произведений покойного, относящихся к 80-м и 90-м годам, где изложено его полное религиозно-философское и политическое *profession de foi*, должен считаться «Московский сборник» – это в высшей степени оригинальное явление русской самостоятельной мысли, обратившее на себя внимание широких кругов общества как у себя на родине, так и за рубежом ее. По силе слога, по чистоте языка, по отчеканке мысли весьма и весьма немногие произведения отечественной литературы могут быть поставлены в одном ряду с этим собранием статей, где автор с беспощадной логикой, со страшным пессимизмом анализирует все основы современной западноевропейской культурной жизни, приходит к полному их отрицанию и делает попытку противопоставить им национально-русские идеалы, поскольку таковые вытекают из толкования им исторических и церковных (по преимуществу) явлений русской жизни. Подобно тому, как в свое время у другого русского глубокого мыслителя, Чаадаева, вырвался безутешный крик отчаяния при рассмотрении им наличности русской исторической действительности, так у К. П. Победоносцева с каждой страницы «Московского сборника» несется крик отчаяния при анализе разных проявлений западноевропейской жизни. Чаадаев видит панацею от всех отечественных зол и болезней в приобщении нас к католической Церкви; наоборот, Победоносцев призывает современников к поклонению Православию и русской исторической церковности и отвращению от тех якобы, по его мнению, ложных западноевропейских благ, к которым в безумии мысли и вожделений стремится русский интеллигент. Ложь – современное просвещение, ложь – демократия и народоправство, сплошная ложь – современная

периодическая печать, ложь – современный гласный суд, ложь – парламентаризм, ложь – вся современная жизнь без Христа, без истинной Церкви, без истинной веры! Вот те сильные крики, крики ужаса и отчаяния, которые несутся со страниц «Московского сборника». Все положительное, что здесь изложено, бледнее отрицательной части, изложено в виде принимаемых на веру аксиом и является наглядным доказательством большей силы автора в анализе и отрицании, нежели в синтезе и творческой работе.

В свое время (1896 г.) «Исторический вестник» дал специальный отзыв о «Московском сборнике», почему возвращаться к исчерпанной уже теме в настоящем очерке по недостатку времени и места не приходится.

Последней крупной работой нашего ученого мыслителя, появившейся на книжном рынке в качестве своего рода уступки Духу времени, является его упомянутый уже перевод Нового Завета. Этот перевод, изданный первоначально в очень ограниченном количестве экземпляров, не предназначался для широких слоев русского общества, для народа, которому, по мнению переводчика, был вполне недоступен и славянский язык Евангелия; но, как он признается в предисловии, «признано, однако, нужным иметь русский перевод Евангелия», и вот он уступает и издает, как бы против воли, свой интересный труд, о котором, несомненно, наши лингвисты и богословы не преминут сказать свое авторитетное слово.

Всем сказанным в общих чертах исчерпывается кипучая деятельность Константина Петровича в области научно-литературной, и остается лишь в заключение заметить, что положительно удивляешься, как этот государственный деятель, вечно призываемый к самым ответственным правительственным работам, прикованный к неустанному труду над отечественным государственным и церковным строительством, находил время для столь разнообразной и продуктивной деятельности в области научной мысли и литературного

труда. Его природный талант и глубокий ум не иссякал и не тускнел с годами и под влиянием повседневной практической работы. Он с годами и в опыте жизни как бы очищался и кристаллизовался в определенном направлении и, пройдя разные фазы труда, от земного успокоился на божественном, на тех высотах, куда доступ имеют или люди самые простые и «кроткие сердцем», или избранники рода человеческого, которым потомство дарит наименование великих мудрецов и учителей жизни. Каков же будет в этом отношении суд о нем потомства в грядущих поколениях? Для ответа на этот вопрос еще не настало время, и менее всего благоприятно для того настоящее время, когда кругом кипят страсти и политические бури и когда явлениям жизни нет спокойного суда и рассуждения, и в особенности в отношении тех, кто так или иначе своей жизнью и деятельностью был причастен и этим бурям, и той пыли земли, которая встала густым облаком над всей поверхностью нашей родины как прямое следствие отечественной непогоды.

* * *

Выше был приведен служебный формуляр К. П. Победоносцева, его государственный *cursus vitae*¹, из коего усматривается, что выдающимся моментом его практической деятельности на поприще государственной службы был 1880 год, когда он был назначен обер-прокурором Святейшего Синода и членом Комитета Министров. Такое почти одновременное назначение свидетельствует, что ему сразу удалось поднять значение порученного ему поста на значительную высоту, которым этот пост до него не пользовался, и достигнуть преимущественного внимания правительственных сфер к ведомству православного исповедания. Несомненно, в данном случае ему со служила добрую службу и помогла достигнуть желанного результата

¹ Жизненный круг (лат.).

та близость ко двору и к наследнику престола, которая завязалась еще в шестидесятых годах. Обер-прокурор в лице Победоносцева и обер-прокурор в лице его предшественника гр. Д. А. Толстого – две величины, не равнозначные ни по своему иерархическому положению, ни по значению, которое эта должность завоевывает себе как известная часть русской жизни в области отношений Церкви к государству. Представитель формальной церковной жизни до Победоносцева был явлением печальным и недостойным той миссии, которая ему была отведена историческим ходом вещей. Кн. В. П. Мещерский в своих интересных «Воспоминаниях», относящихся к эпохе 1865–1881 гг., так рисует предшественника Победоносцева на его ответственном и важном посту: «В области отношений к Церкви, – повествует он, – граф Толстой как человек изображал собой деиста, философа, все, что хотите, но только не убежденного православного христианина, следовательно, почва, на которой этот необыкновенный умом и образованием государственный человек мог действовать как обер-прокурор Синода была только почва деловая, официальная и формальная, на которой в каждом вопросе и в сношении с каждым лицом могли участвовать его ум, его степень знания, но где его душевное, а тем паче его сердечное участие совсем отсутствовали; оттого дух индифферентизма к живой и главенствующей роли Церкви стал, так сказать, руководительным началом его политики обер-прокурора Синода, и вследствие этого то, что могло быть случайно до него, – давление обер-прокурора на духовную самостоятельность Синода – при графе Толстом стало окончательно установившимся порядком вещей и одновременно обессилило Церковь и обезличило ее иерархов.

Я живо припоминаю, с каким тяжелым впечатлением я выводил из приемной графа Толстого в великолепном нарышкинском палаццо по Литейной, ставшем домом обер-прокурора Синода, всегда переполненной толпой представлявшихся, так как на прием лиц по обоим ведомствам назначался один час в неделю. Тяжелое это впечатление

происходило от зрелища тех архиепископов и епископов, которые ожидали в приемной рядом с разными учителями и чиновниками и одинаково ждали своей очереди, так что нередко архиепископу приходилось входить в кабинет графа после какого-нибудь надворного советника... Помню и то, как иному запоздавшему архиепископу немолимый курьер говорил: опоздали, приходите на будущей неделе; помню, наконец, и то, что получить свидание вне этого часа в неделю было, безусловно, невозможно, какой бы важный к тому повод ни был. Эта неизбежная особенность в официальной жизни графа Толстого, не допускавшая особенного почтения к иерархам Церкви, именно и выражала характер отношений графа Толстого к Церкви и, практикуемая столько лет, везде распространила убеждение, что Церковь в лице ее высших представителей в Петербурге в пренебрежении».

Совершенно меняется картина дела с назначением на должность обер-прокурора К. П. Победоносцева. Сам вышедший из духовной среды, не порвавший с ней ни внешней, ни внутренней связи, человек, горячо верующий и страстно и убежденно исповедующий Православие, человек обширного ума и громадной эрудиции, лицо, приближенное ко двору и имеющее непосредственно доступ к престолу и царской семье, переводчик Фомы Кемпийского явил на своем посту самую яркую противоположность и с формальной стороны, и с идейной своему предшественнику. Он сразу выдвинул с необычайной силой значение своей должности, потребовал почтения и внимания к церковным вопросам, к нуждам Православной Церкви и ее представителям как стоящим на низшей ступени иерархической лестницы, так и высшей. Он авторитетно и властно заявил правительству и обществу: встаньте перед православным священником, поклонитесь с почтением и любовью перед его саном и отнеситесь благоговейно к той трудной и полной сокровенного и высшего значения крестной ноше, которую он несет. Его материальная бедность, приниженность и забитость, низкая порой степень его умственного

и культурного развития – общий грех нашей исторической жизни, грех, который мы все должны искупить совокупными и дружными усилиями. Значение церковности в русской жизни должно быть восстановлено, как то было в допетровский период, но, конечно, применительно к новому укладу государственности и общественности, духовенство должно быть поставлено на подобающую высоту, обеспечено в материальном отношении и по возможности поставлено вне зависимости от житейских случайностей; государство должно принять на себя попечение о нем, его семье, ему должно быть вручено духовно-нравственное воспитание народа, в каковых целях надлежит усилить его образовательные ресурсы и дать ему возможность влиять широко и глубоко на все стороны отечественной жизни.

Сама русская жизнь, как она исторически и стихийно сложилась, рисовалась по ходу его мысли благоприятствующей для выполнения поставленных им задач: в этой жизни незыблема вера в Бога, и простой народ, хотя часто и бессознательно, но несет Богу свою душу. Здесь мы видим у него родственность порядка идей с Хомяковым и в особенности с Ф. М. Достоевским, с которым его недаром связывали узы самых дружеских отношений. Признав наличность благоприятствующих своей программе начал, заложенных хотя бы в зачаточном состоянии в русской действительности, он принялся с железной энергией и неумолимой последовательностью осуществлять свою программу. По мнению его принципиальных и идейных противников, в воздухе запахло ладаном и постным маслом, и московско-византийские идеалы начали вытеснять идеалы западноевропейские. Оппозиция ему как государственному деятелю не замедлила явиться на свет, вокруг его имени создались самые темные легенды, впрочем, не затрагивавшие его нравственной личности, и скоро наименование «черного папы» и «великого инквизитора» сделались сопутствующими ему наименованиями, произносимыми, конечно, за глаза. Немало содействовали такого рода репутации и самые представители

церковной иерархии, радостно приветствовавшие его добрые начинания на пользу духовного сословия, но вместе с тем почувствовавшие, что отныне над ними бодрствует «недреманное царское око», от бдительного и острого взора которого не уйти и не укрыться. Мягкий, несколько нерешительный и уступчивый в личных отношениях, Победоносцев в роли обер-прокурора Синода, как царский слуга, как блюститель государственных интересов и исторических традиций был суров, требователен и последователен в своих требованиях. Расставляя широко заботы о духовенстве, о его материальном благополучии и социально-этическом значении, он вместе с тем предъявлял и ему требование, чтобы оно было достойно тех благ, которые ему даются из народных средств, и того положения, которое он своими реформами, своими мероприятиями и громадными усилиями ему приготавливает.

Напрасно было бы думать, что он идеализировал духовенство как белое, так и черное, как в его высших слоях, так и низших. Далеко нет. Он прекрасно понимал все слабые дефектные стороны его жизни и относился к ним с грустной иронией. Ему, человеку высокой эрудиции, было жалко умственное развитие большинства представителей сословия, в особенности сельского, попечения о котором он на себя принял; ему, человеку очень скромной жизни, нетребовательному и с очень ограниченным запросом личного блага, претили те человеческие слабости в виде разных самолюбий и тщеславий, с которыми приходилось постоянно считаться в отношениях иерархов между собой и их отношениях к государственной власти и в рассмотрении ими своего служения Церкви и народу.

Кое-что из сказанного может найти себе подтверждение в «Записках архиепископа херсонского Никанора», напечатанных в «Русском архиве» за 1906 г.

Создав себе идеал пастыря Церкви, стойкого в вере, в исторических национальных традициях, скромного и тихого, К. П. Победо-

носцев относился достаточно отрицательно и порой недружелюбно к тем представителям нашей Церкви, деятельность которых почему-либо сложилась шумно и слишком на общественном виду. Так, если он вполне отвергал таких представителей церковной жизни, как, например, покойный Гапон или отбывающий ныне послушание в Черемнецком монастыре о. Григорий Петров, то далеко не всегда с ожидаемым сочувствием и полным одобрением относился он и к таким деятелям русской иерархии, как о. Иоанн Кронштадтский или архиепископ Волынский, преосвященный Антоний. Та популярность и как бы боевая позиция, которую оба названных духовных лица заняли в нашей современной жизни, не совсем приходились ему по вкусу и не во всем встречали его поддержку и сочувствие. Так, когда в «Исторический вестник» была доставлена рукопись с очень реалистическим изображением некоторых сцен в Кронштадте в связи с именем настоятеля Андреевского собора и редакция была в колебании относительно возможности напечатания этой рукописи по тогдашним цензурным условиям и ввиду отношений к вопросу начальника главного управления по делам печати, покойного М. П. Соловьева, то из затруднительного положения ее выручил сам К. П. Победоносцев, покрывший рукопись своим авторитетом и признавший вполне возможным ее появление на страницах журнала. Рядом с такого рода отношением к представителям белого духовенства нам известно, что то скитание по епархиям, которое пришлось вынести преосвященному Антонию с перемещением из епархий, тяготеющих к столице, в более глухие и отдаленные, было делом рук обер-прокурора Синода, стремившегося как бы ограничить широко развертывавшиеся силы этого видного представителя монастырского начала. Несмотря на высокопатриотическую, с яркой националистической и народнической окраской деятельность этого видного и талантливого иерарха, Победоносцев далеко не всегда оказывал ему должную поддержку, хотя, казалось, порядок идей их обоих по многим кардинальным вопросам

русской жизни однороден. Тем ценнее для составителя настоящего очерка имеющееся в его распоряжении печатное письмо преосвященного Антония к Константину Петровичу, которое он послал ему после того, как обер-прокурор Синода сложил с себя в 1905 г. должность, отошел от дел и подвергся в печати многочисленным нападкам и обвинениям. Преосвященный писал ему:

«Я откладывал со дня на день сие начертание вам русского слова: прощайте и спасибо, сомневаясь в том, доставлю ли вам удовольствие, или напротив – неприятное чувство. Однако наглые выходы газет, которые хотят свести на ничто вашу высоко-ценимую патриотическую деятельность, побуждают меня все-таки исполнить требование своего сердца и высказать вам свое высокое уважение и благодарность. Промыслу Божию угодно было ставить меня в такие положения по отношению к людям, пользовавшимся вашим доверием, что я часто навлекал на себя ваше неудовольствие; кроме того, мои взгляды на Церковь, на монашество, на церковную школу и на патриаршество не могли встретить в вас сочувствия и одобрения; однако при всем том я никогда не мог сказать по отношению к вашей личности слов укорительных или враждебных: так непоколебимо было мое к вам уважение. Я чтил в вас христианина, чтил патриота, чтил ученого, чтил труженика. Я сознавал всегда, что просвещение народа в единении с Церковью, начатое в 1884 году, исключительно благодаря вам и вами усиленно поддерживавшееся до последнего дня вашей службы, есть дело великое, святое, вечное, тем более возвышающее вашу заслугу Церкви, престолу и отечеству, что в этом деле вы были нравственно почти одиноки. Вы не были продолжателем административной рутины, как желают представить ваши жалкие, бездарные критики. Напротив, вы поднимали целину жизни и быта, брались за дела, нужные России, но до вас администрации неведомые. Первое – дело церковноприходских школ – вы таким образом подняли и вынесли на своих плечах. Второе – приближение

духовной школы к духовным нуждам народа, к жизни Церкви – вы старались выполнить, но здесь наткнулись на слишком неодолимую двухвековую косность самоуверенной и схоластической сословной громады, и хотя не сдвинули ее с места, но значительно поколебали ее в ее самоуверенности и успели внести в нее несколько стильных, оздоравливающих лучей церковного и народного духа. Вы подняли над грамотной Россией свет Божественной Библии, распространили слово Божие по дешевой цене на всех наречиях православных племен России и иных отдаленных стран. Вы украсили издания книг святых молитв и песнопений церковных и старались убедить духовенство и общество в том, что послепетровская эпоха не улучшила, а понизила и исковеркала наши напевы и богослужение. Вы убедили лучшего из покойных царей наших приказать строить православные храмы в православном их архитектурном благолепии, а не в безобразном виде еретических капищ. Вы оценили высокие качества единоверческих общин, поддерживали и ободряли поборников этого единственно надежного места от раскола к Церкви; вы умели ценить снедающую ревность о Боге под мужицкими зипунами, под бешметами учителей из крещеных инородцев. Вы отыскивали ревнителей веры и Церкви и не стыдились учиться у смиренных тружеников провинции – Рачинского и Ильминского – в то время, когда царь России имел вас своим главным советником, а Европа знала вас как просвещеннейшего профессора и общественного деятеля... Вы не только служили, вы подвизались добрым подвигом. Вы не были, однако, сухим фанатиком государственной или церковной идеи: вы были человеком сердца доброго и снисходящего, как и все три государя, которым вы служили. Люди бедные или скорбящие духом, люди споткнувшиеся находили сердечный отклик в вашем сердце. Вы не отступали перед страхами человеческими, но часто отступали перед слезами. Быть может, даже иногда погрешали против принципа, подчиняясь жалости, но не погрешали этим против Господа Иисуса Христа. Вопреки

заявлению наших презренных врагов, форма и буква закона не были для вас высшим доводом: горячая и убежденная просьба склоняла вас на изъятие во имя милосердия. Особенно ценно в вас было то, что вы верили в человеческое раскаяние и исправление: в 1883 году вы простили одного раскаявшегося семинариста-революционера, а в 1898 году он был епископом, и таких случаев было много за время вашей службы».

Такое свидетельство о личности Константина Петровича как человека и деятеля церковного управления со стороны, которую никоим образом нельзя заподозрить в непременной благоприятствующей пристрастности, чрезвычайно важно и является ценным биографическим материалом для настоящего очерка.

Архиепископ Волынский отметил главнейшие, по его мнению, заслуги Победоносцева перед церковной жизнью. Более распространенные сведения по сему предмету черпаются из двух трудов, которые с непреложной достоверностью свидетельствуют о плодотворности деятельности обер-прокурора Синода на пользу порученной ему области отечественной жизни. Труды эти: «Обзор деятельности ведомства православного исповедания во время царствования императора Александра III» и отдельный оттиск в виде брошюры из статьи известного исследователя и магистра И. В. Преображенского «Статистическая справка для соображений по вопросу о церковной реформе». В обоих трудах, официальном и неофициальном, чрезвычайно наглядно в ряде статистических иллюстраций рисуется оживление церковной жизни за время К. П. Победоносцева, рост церковных учреждений и духовно-нравственных просветительных центров.

Под влиянием ряда мероприятий, предпринятых с 1880 г. вновь назначенным обер-прокурором, возникают новые учреждения духовно-просветительного и благотворительного характера, вызываются к жизни и восстанавливаются отодвинутые и затемненные течением времени некоторые формы древнерусского церковного строя; проис-

ходят значительные перемены в сфере высшего церковного управления и создаются новые учреждения; восстанавливается и открывается большое число новых приходов; возникают во множестве женские общины, большей частью со школами или другими благотворительными учреждениями для окрестного населения, а равно женские и мужские монастыри; по требованию местных условий учреждаются новые епархии. Особенное было обращено внимание в этот период времени на улучшение быта и материального положения духовенства ассигнованием на этот предмет в государственном бюджете более или менее значительных сумм, учреждением пенсий и жалований, а также положена забота об образовании детей церковнослужителей; вновь пересмотрены уставы и штаты духовно-учебных заведений. Начальное народное образование поставлено учреждением церковно-приходских школ на основах церковных и организовано в ближайшем общении с Церковью; церковно-книжное издательство достигло при нем небывалых размеров, а церковное строительство получило особое значение и направление; преобразованы петербургская и московская Синодальные типографии, благодаря чему они получили возможность выпускать ежегодно многие тысячи общедоступных дешевых изданий для народа религиозно-нравственного содержания. Но самое важное, что дано духовенству исключительно стараниями Константина Петровича, это заведение начальным образованием народа. Церковноприходская школа – это в полном смысле слова излюбленное детище Победоносцева, на рост которой им было обращено самое тщательное внимание и к ней приложена неусыпная забота в уверенности, что со временем народ, пройдя повсеместно эти центры просвещения, станет именно в желаемой ему сознательной и нераздельной близости к Церкви. Он неоднократно заявлял при жизни, что устройению этих школ он уделял наибольшее внимание и считал самым важным делом, так как оно делалось для народа. Поэтому, наряду с заботой о сельском священнике как главном руководителе

церковноприходской школы, он ставил заботу и о народном учителе, рисуя себе его в идеале по типу Рачинского. Народный учитель в его представлении должен после законоучителя быть главным проводником в народную массу церковных идеалов, религиозно-нравственных начал и исторических национальных традиций. По совокупности этих соображений его стараниями даны в распоряжение духовного ведомства большие средства для развития именно церковноприходских школ и церковного просвещения народа.

В любопытной сводной статистической таблице, составленной г. Преображенским, в брошюре «Статистическая справка для соображений по вопросу о церковной реформе» приведены назидательные цифровые данные относительно роста церковноприходских школ в разные царствования XIX столетия. Так, отсюда мы узнаем, что в последний год царствования Александра II в России числилось всего 273 церковноприходские школы с 13 035 учащимися в них обоего пола. К концу царствования Александра III этих школ имелось уже 31 835 с 981 076 учащимися, а в 1902 г. считалось уже в наличии 43 696 школ с 1 782 883 учащимися.

Такое прогрессивное движение цифрового статистического материала наблюдается и по разным другим сторонам отечественной жизни, находящимся в непосредственной связи с церковным делом, оживляемым и восстанавливаемым исключительно усилиями и заботами Победоносцева, свидетельствующими об удачном выполнении им намеченной программы в области руководства им церковной жизнью. Но между выполнением формальной программы и осуществлением ее по существу замысла и конечной цели наблюдается в данном случае значительная и печальная пропасть, заставляющая задуматься над вопросом: мог ли считать Константин Петрович, озирая взглядом, обвешанным уже холодом смерти, все, соделанное им в области церковных мероприятий достигшим намеченного результата? Ответ придется, пожалуй, дать отрицательный, если судить по фактам

нашей современной жизни, которые нам ежедневно приносят печать, почта и телеграф. Священники – руководители революционного движения и ораторы на социал-демократические темы, ограбление церковных и монастырских богатств, забастовки в духовных учебных заведениях, опустение храмов Божиих и падение церковных приношений, почти поголовная разнузданность сельского населения и пробуждение в нем зверских инстинктов, напоминающее время пугачевщины, падение в нем примитивной нравственности и исчезновение духовно-нравственных запросов – вот та печальная наличность, которую не предупредила ни церковноприходская школа, построенная на началах единения с Церковью, ни священнослужители, потерявшие, несмотря на улучшенное их материальное и социальное положение, всякое бывшее влияние на свою паству и не могущее, да, пожалуй, и не желающее воздействовать на нее именно в том историческом направлении и согласно с теми идеалами, носителями которых их желал видеть Победоносцев. Мы наблюдаем в настоящем случае трагический разлад между прекрасной и стройной теорией и жестокой практикой и, если даже признать, что все печальные отмеченные сейчас явления должны быть отнесены на счет психического острого заболевания, в котором, несомненно, обретаются в настоящие дни Россия, то и затем, какая же гарантия в том, что идеалам покойного философа-оптимиста суждено будет видеть осуществление, и связь между Церковью и жизнью скажется с желанной силой в реальных проявлениях? Скорее можно предположить, что для осуществления этой связи нужны будут иные пути и иные методы, нежели те, которые были проложены и применены покойным деятелем Синода. Его пути были слишком односторонние, формальные и методы слишком механические. За ними не чуялось истинного веяния обновленной жизни, не виделись новые люди с тем настоящим запасом идеалов, которые могли бы выступить на авансцену русской жизни в дни ее смуты и затемнения со словом примирения и учительства.

Эту же мысль разделяет и издатель «Гражданина», когда говорит в своем «Дневнике» о почившем К. П. Победоносцеве вслед за его смертью:

«В далеком прошлом припоминаются мне те чудные беседы с Победоносцевым о Церкви, в которых он так ясно, так живо и так метко, знатоком каждой тайны и каждой складки этого мира, критиковал и порядки, и людей, — повествует кн. Мещерский. — Понятно, что вследствие этого припоминается мне и та бесконечная радость, которую мы все, знавшие взгляды Победоносцева на Церковь, испытывали в минуту, когда узнали, что граф Лорис-Меликов купил падение главного ретрограда графа Толстого назначением на его место обер-прокурором Синода другого главного ретрограда — Победоносцева. И что же? Оказалось, за время своего княжения в Синоде после слабых попыток в самом начале что-то разбудить, что-то шевельнуть, он не только ничего не придумал в области творчества, но все время делал, допускал то, что так верно критиковал в своих предшественниках, и в подчинении буквы и духа Церкви и ее иерархов неограниченному по власти «я» обер-прокурора он не изменял преданиям своих предшественников, не переставая в то же время оставаться гениальным критиком во всем, что подпадало под суд его ума. Замечательно, что во время бытности его обер-прокурором Св<ятейшего> Синода им написана и издана была книжка “Московский сборник”, которая по критическому уму ставит Победоносцева наряду с умнейшими мыслителями мира и которая должна, по моему глубокому убеждению, быть читанной и перечитываемой не только начинающим свою сознательную жизнь человеком, но каждым педагогом, каждым государственным человеком. Читая страницы этой гениальной книжки, где на каждой из них нельзя не приходиться в восхищение от тонкого анализа самых сокровенных душевных тайн, от светлого и зоркого взгляда на каждый государственный вопрос, от теплых отзвуков сердечного участия к немощам и слабостям человека и, наконец, от про-

явления самого чистого культа христианства, я задумывался, закрывая книжку, над разрешением неразрешимой загадки: как согласить, что та же самая душа, которая в этом творчестве писателя могла подниматься так высоко над людской пошлостью и так глубоко проникать в духовные тайны человека, в роли и в обиходе хозяина такого необъятно великого и бесконечно святого мира, как Церковь, мирилась с формализмом и с квиетизмом в обращении с самыми жгучими нуждами церковной жизни?»

Настоящий очерк был бы неполон, если бы здесь не было упомянуто о К. П. Победоносцеве в роли ближайшего советника императора Александра III, сыгравшего в 1881 году решающую роль в судьбах нашего отечества, характеризующей его как политического деятеля вполне определенного склада, каковым он и остался до конца своих дней.

Появление его в высших рядах нашей бюрократии и администрации не вызвало особенного удивления, и по первоначально никто, по-видимому, не предполагал, что дирижерская палочка правительственного оркестра вскоре очутится именно в его руках. Отставка гр. Толстого и назначение на его место в должности обер-прокурора даже рассматривались многими как либеральная мера, проведенная тогда «диктатором сердца» в виде уступки общественному мнению, возбужденному консервативным образом мыслей гр. Толстого. Но уже в конце 1880 года, когда новый генпрокурор по одному из разбиравшихся случаев, относительно заточения католических епископов, заметил: «Бог с ней, с Европой!» – его сотоварищи на совещании поняли, что замена им пожертвованного графа чревата серьезными и неожиданными последствиями. По поводу этого совещания гр. П. А. Валуев впервые заносит в свой дневник применительно к Победоносцеву следующие слова: «Voila le cri de son coeur!»¹. Дальнейшие его случайные выступления все яснее обнаруживали в нем

¹ Вот крик ее сердца (*фр.*).

силу, с которой придется рано или поздно считаться либеральным элементам правительственного механизма и придворных сфер. Такое его значение начинает в особенности резко и рельефно проявляться после 1 марта 1881 г., когда он уже начинает посылать личные свои записки новому государю с указанием на неприличное, по его мнению, поведение печати, а также аномальное состояние университетов благодаря сходам, «введенным Сабуровым и Д. Милютиным». Наибольшее же значение и силу получает его голос во время обсуждения известного ныне предложения гр. Лорис-Меликова о создании при Государственном Совете общей комиссии из земских деятелей и сведущих людей, частью по избранию, частью по назначению от правительства, и требовании от членов министерства общей программы и солидарности действий. После некоторого колебания государь Александр Николаевич согласился с предложением «диктатора», и решено было обнародовать скрепленный по сему предмету акт, но последовало кровавое 1 марта, Александра II мученически не стало, и затеянное в интересах упорядочения нашего государственного механизма и успокоения общественного настроения графом Лорис-Меликовым начинание вступило в неожиданную для его инициатора фазу. Новый государь при представлении ему 6 марта доклада по сему предмету сначала как будто одобрил этот доклад, но затем после передачи его на обсуждение Совета министров примкнул к тому меньшинству, которое признало замысел «диктатора» несвоевременным, не соответствующим началам русской государственности и угрожающим прикосновенности самодержавия. Одним из наиболее горячих оппонентов гр. Лорис-Меликова был именно Победоносцев, которому по свойству его политического и критического ума и всегдашней умелой аргументации не составило особенного труда отыскать в проекте графа слабые места. Проект был похоронен, а с тем вместе закатилась счастливая звезда кавказского героя, которого случайность и всегдашнее правительственное безлюдие не по заслу-

гам выдвинули на роль вершителя судеб русской жизни. Государь император отрешился уже от всяческого колебания и стал целиком на точку зрения своего бывшего преподавателя гражданского права. Победоносцеву, а не гр. Лорис-Меликову пришлось писать известный манифест Александра III, не оставивший в современниках никакого сомнения в том, что наступил уже новый курс, при котором о каких-либо уступках общественному мнению не может быть и речи, а тем более не будет допущено никакое общественное вмешательство в дело государственного управления. Из такого хода событий и роли, в них сыгранной Победоносцевым, за ним признана единомышленниками заслуга спасения самодержавия, а недругами – печальная слава «вдохновителя реакции», надвинувшейся на Россию с мартовских дней 1881 года.

Если таково действительно значение обер-прокурора Синода за этот период перед лицом представителей западного конституционализма, каковыми в нашей литературе признаются и сам гр. Лорис-Меликов, и его помощники и главные советники, то надлежит отметить, что не менее решающим были его слово и значение через короткий промежуток времени, когда московское славянофильство в уповании на силу и значение нового министра внутренних дел гр. Н. П. Игнатьева выдвинуло свой проект созыва земского собора в надежде при помощи этого созыва парализовать влияние революционного движения и придать русскому правительственному механизму и всему укладу русской жизни их историческое допетровское значение и характер.

Насколько пишущему эти строки известно, проект созыва собора был составлен ныне покойным ученым славянофилом Голохвастовым при содействии И. Аксакова и, как сам Голохвастов признавался, потерпел крушение под аналитическим скальпелем все того же К. П. Победоносцева, пришедшего в настоящий ужас от замысла своих московских друзей. Этот замысел, явление государственного, по

его мнению, беспорядка, рисовался ему еще более опасным, нежели проект Лорис-Меликова, в котором как никак он все же усматривал известную законченность и определенность.

Таким образом, два раза в жизни ему пришлось явиться идейным оплотом против посягательства на изменение государственного русла русской жизни, и в обоих случаях он действовал с полным убеждением, что русская государственность, как она сложилась после петровской реформы, никоим образом не подлежит какой-либо радикальной ломке, а лишь нуждается в постепенном прогрессивном эволюционировании в смысле улучшения законодательства, нравственного и культурного усовершенствования исполнителей закона и тех, для кого они пишутся, в исправлении нравов или усилении церковного элемента жизни. Дальше этого в своей правительственной программе он не шел, но зато на такой почве постановки государственных и общественных задач он стоял твердо и не вступал здесь ни в какие компромиссы со своей совестью и своими убеждениями. Для подтверждения этого положения необходимо отметить, что он в своих частных беседах, например, относился с полным порицанием к введенной С. Ю. Витте питейной реформе, утверждая, что не подобает царской казне богатеть за счет порока, болезни и несчастной слабости трудящегося населения. В такого рода признании он оставался верен своему религиозно-нравственному исповеданию, был логически последователен и тверд.

Удар, нанесенный реформаторскому проекту гр. Лорис-Меликова, послужил первой ступенью к падению последнего; то же можно сказать и про следующего министра внутренних дел с его планом земского собора. Когда дни гр. Н. П. Игнатьева были сочтены и возник вопрос о его желательном преемнике, то и тут К. Победоносцеву пришлось сказать решающее слово, но слово это было не им самим произнесено, а подсказано ему в одном из текущих «Дневников» кн. В. П. Мещерского, назвавшего опального тогда гр. Д. А. Тол-

стого как такого рода представителя нашей государственности, в программе которого идея сильной правительственной власти стоит краеугольным камнем. Имя было названо, Победоносцев за него ухватился, и вскоре граф появился снова на арене правительственной деятельности в звании министра внутренних дел и с программой обуздания земства и подчинения его самостоятельности правительственной опеке и регламентации...

* * *

Выше уже несколько раз было отмечено, что в своей частной жизни К. П. Победоносцев был очень простым, добрым и скромным человеком. Вот как характеризует его с этой стороны в «Московских ведомостях» Поселянин:

«Как частный человек он представлял собой высокий образец стройной жизни, вечного неустанного труда, непрерывной работы мысли.

В его сухой, худой фигуре, в пергаменте выбритого лица, глазах, бесстрастно глядевших на вас сквозь стекла больших черепаховых или кожаных очков, было что-то удивительно напоминавшее немецкого ученого. Даже галстук его – бант на узенькой черной ленточке, каких уже давно теперь никто не носит, – напоминает ученого.

В его громадном кабинете, в нижнем этаже дома на Литейной, с письменным столом колоссального размера и другими столами, сплошь покрытыми бесчисленными книгами и брошюрами, становилось страшно от ощущения развивающейся здесь мозговой работы.

Он все читал, за всем следил, обо всем знал.

Мне пришлось раз в Царском Селе, где часто на лето ему отводилось помещение в боковом крыле Большого дворца и где он был свободнее, чем в Петербурге, разговориться о театре, которым я очень интересовался. Он сказал, что уже очень давно не бывал в театре, кроме как в Москве, на какой-то пьесе Литературно-художественного

театра: “Великий князь Сергей Александрович затащил”. Но когда зашла речь о разных пьесах современного репертуара, русского и иностранного, он, оказалось, не только знал их содержание, но и то, что пишут об этих пьесах разные заграничные критики.

Как в человеке удивительно умном и достигшем отчасти мудрости в нем не было кичливости ума и самомнения, и весь он был очень скромн и непритязателен.

Несравненна была его устная речь: мягкая, образная, приятно-насмешливая и добродушно-ворчливая. Он говорил тем хорошим, чисто русским народным языком, каким теперь почти не умеют говорить, – и сколько содержательных, метких слов и выражений лилось тогда с его языка.

То была речь старого, бывалого деда, обремененного житейским опытом, но продолжающего страстно впитывать в себя впечатления жизни.

У него был живой нрав, вечно юная восприимчивость, выражавшаяся подчас и в неожиданной живости жестов и интонаций».

Прошло 25 лет со времени победы над западниками и славянофилами. Сошли со сцены люди, сильные волей и крепко сложившегося миросозерцания. Отечественная жизнь под напором разных веяний стала отливать разноцветными переливами, где красный цвет, цвет крови и огня, получил преобладающее значение. К. П. Победоносцев со своими убеждениями и верованиями остался одиноким у обтрепанного и поломанного государственного руля; экипаж стал его плохо слушаться, а слабый голос командира заглушался ревом поднявшейся бури и непогоды. У старого кормчего ослабели руки; пробил час, и он покинул свое место, отойдя в сторону и грустно наблюдая, как рушится и разбивается вдребезги все то, что он так долго и строго холил и берег. Холодеющие уста его шептали молитвы, а навстречу ему неслись раскаты непогоды и буйные крики русской революции, болезненно вонзавшиеся в его сердце...

ДРУГ МОЕГО ДЕТСТВА

(Рассказ матери Марии о дружбе с К. П. Победоносцевым)

События и люди, вошедшие в историю, становятся в глазах даже тех, кто одновременно с ними жил, какими-то закаменевшими фигурами, осуществляется какой-то неписаный канон, по которому каждое историческое лицо может быть изображено только соответственно этим закаменевшим представлениям о нем.

Добродетель всегда является добродетелью беспримесной, злодейство тоже окрашено в один общий цвет, и в результате описываемые лица приобретают значение скорее символов, чем живых людей.

Мои воспоминания относятся к человеку, может быть, в наибольшей степени ставшему символом. Я хочу рассказать о моих детских отношениях с К. П. Победоносцевым.

Эти отношения протекали в период, когда мне было пять—тринадцать лет, и этим самым определяется то, что воспринимала я Победоносцева не как государственного деятеля, не как идеолога реакции царствования Александра III, а исключительно как человека, как старика, повышенно нежно относящегося к детям.

Сейчас только что изданы письма Победоносцева, дополняющие общий его канонический портрет: столб реакции, вдохновитель всей внутренней и церковной политики Александра III, властный, холодный гаситель, знающий, чего хочет. Историческое его значение определено вполне. Думается, что в этот момент мои воспоминания будут иметь интерес, так как обрисуют его облик с совершенно другой точки зрения, воплотят его немного в образ человеческий, лишенный всей определенности иконописного канона, грешащего всегда против жизненной правды.

Итак, каждую зиму мы всем семейством ездили в Петербург на один-два месяца гостить к бабушке, тетке моей матери, Елизавете Александровне Яфимович.

После вольной и просторной жизни дома, в маленьком городке на берегу Черного моря, бабушкина квартира казалась мне чем-то совсем другим, сказочным миром. Петербурга мы не видали в эти приезды: каждый раз еще в дороге – насморк, и мать не решалась нас выпускать гулять по Петербургу вплоть до самого отъезда. От поезда отъезжали в бабушкиной карете, потом если и бывали у других родных, то ездили в карете с выездным Иваном на козлах.

Таким образом, единственные мои ранние воспоминания о Петербурге – это лифт на квартире у тетки, огромные две китайские вазы в окнах Аничковой аптеки на углу Невского и Фонтанки, два золотых быка на вывеске мясной лавки против окон бабушкиной квартиры и покойники.

О них бабушка заранее вычитывала в «Новом времени» и оповещала нас. С утра мы ждали их у окон кабинета! В особенной чести были те, которых хоронили с музыкой. Они распределялись по очереди – бабушкин, мой и брата... и опять бабушкин, уже кому как повезет на покойника с музыкой. Бабушкина квартира была огромная, в четырнадцать комнат, на Литейном проспекте, 57. На полу были натянуты ковры, не снимавшиеся восемнадцать лет. В гостиной мебель была резная, работы Лизерэ. На стенах висели портреты: Великой княгини Елены Павловны, три скульптурных бюста; Великая Княгиня Екатерина Михайловна; потом портрет Л. Е. Нарышкина (работы Анжелики Кауфман). Он сидит перед бюстом Екатерины II, и на бумаге перед ним написано «лучше оправдать 10 виновных, чем осудить одного невинного». Потом портрет бабушкиного мужа – огромный, масляными красками; потом самой бабушки и ее сестры – обе молодые, с кудрями на ушах и с открытыми плечами (фрейлины Елены Павловны).

В каждой комнате стояло несколько часов. Во время боя вся квартира наполнялась своеобразной музыкой: низкий и медленный гул столетних часов переливался и обгонялся серебристым звоном севр-

ских, потом начинали бить часы с башенным боем, потом вообще нельзя уже было разобрать, сколько и какие часы бьют.

Бабушка жила одна, окруженная, как ей казалось, минимумом необходимой прислуги. Лакей Иван и горничная Полина были существами обыкновенными, а буфетчик Антон Карлович был бритый и внушал нам с братом большое почтение, приходил доложить, что обед подан. Он останавливался всегда на одном и том же квадрате ковра и громко говорил на неведомом языке: «Diner ist serviert, gnedige Frau, excellence».¹

Сама бабушка была человеком, надолго пережившим свое время. Она часто говорила: «Люблю я вас всех, друзья мои, и все же вы мне чужие. Близкие все давно в могилах». Родилась она в 1818 году в московской родовитой и богатой семье Дмитриевых-Мамонтовых. Воспитывала ее бабушка Прасковья Семеновна Яфимович, урожденная Нарышкина, женщина большого ума. Наша бабушка о ней всегда рассказывала без конца. Восемнадцати лет бабушка стала фрейлиной Вел. кн. Елены Павловны, и во всех воспоминаниях она мало упоминала о той роли, которую Елена Павловна играла в царствование Александра II в качестве единственной за все время либеральной и культурной Великой княгини. Больше рассказывала она о самом быте Михайловского дворца, о том, как повар-француз кормил Великих княжон и фрейлин лягушками под видом молодых цыплят. Вспоминала о том, как Михаил Павлович назвал ее «Маманоша» и о том, как Николай I велел всем фрейлинам большого Двора учиться у нее делать реверансы, приседая очень низко и не сгибая головы. К памяти Елены Павловны она относилась с обожанием. С таким же обожанием говорила она о своем муже Владимире Матвеевиче Яфимовиче. И все современное она мерила по ним. Любопытна была ее теория аристократизма. Я потом, смеясь, говорила, что от бабушки первой узнала основные принципы равенства и демократизма. Она утверждала, что

¹ Обед подан, уважаемая фрау, Ваше превосходительство (нем.).

настоящий аристократ должен быть равен в отношениях со всеми. Только «рагвепи» (выскачка) будет делать разницу в своих отношениях между знатными и незнатными, а простой народ и аристократы всегда относятся ко всем равно. И действительно, у нее в гостиной можно было увидеть принцессу Елену, внучку Вел. кн. Елены Павловны, и бабушкину крестницу (дочь ее швей) или нашего детского приятеля-репетитора, косматого студента Борчхадце, а рядом члена Государственного Совета барона М. А. Таубе – и нельзя было заметить и тени разницы в обращении хозяйки со своими гостями.

Гости у нее бывали часто. Нас с братом вызывали тогда из детской. Я всегда должна была с чувством декламировать Жуковского. Стихов я этих сейчас не помню, только последние строчки остались у меня в памяти: «О Родина святая, какое сердце не дрожит, тебя благословляя».

Среди частых посетителей бабушки из ближайших друзей был и Константин Петрович Победоносцев. Жил он как раз напротив, окно в окно. По вечерам можно было наблюдать, как двигаются какие-то фигуры у него в кабинете. Дружба бабушки с ним была длительная. Как Победоносцев впервые появился при дворе Елены Павловны в качестве молодого и многообещающего человека, так в бабушкином представлении он и до старости был молодым человеком. Я не помню, что их вообще связывало, бабушка ни к какой политике интереса не чувствовала. Думаю, что просто были они оба старой гвардией, которой становилось все меньше и меньше. Советов Победоносцева бабушка очень слушалась. Однажды она захотела поступить в монастырь. Победоносцев, посвященный в этот ее план, восстал! «Помилюйте, Елизавета Александровна, чем Вы не по-монашески живете? Вы себе и не представляете, какой ужас наши монастыри! Ханжество, мелочность, сплетни, ссоры! Вам там не место!»

Но мне хочется рассказать сейчас о моих отношениях с Константином Петровичем, о том, что совершенно не вяжется с обычным представлением о нем.

Победоносцев страстно любил детей. Насколько я могла судить, он любил вообще всяческих детей – знатных и незнатных, любых национальностей, мальчиков и девочек – вне всяких отношений к их родителям. А дети, всегда чувствительные к настоящей любви, платили ему настоящим обожанием. В детстве своем я не помню человека другого, который так внимательно и искренне умел бы заинтересоваться моими детскими интересами. Другие люди из любезности к родителям или оттого, что в данное мгновение я говорила что-нибудь забавное, слушали меня и улыбались. А Победоносцев всерьез заинтересовался тем, что меня интересовало, – и казался поэтому единственно равным из всех взрослых людей. Любила я его очень и считала своим самым настоящим ДРУГОМ.

Дружба эта протекала так. Мне, наверное, было лет пять, когда он впервые увидел меня у бабушки. Я сделала книксен (присела), появившись в гостиной, прочла с чувством какие-то стихи и расположилась около бабушки на диване, чтобы по заведенному порядку молчать и слушать, что говорят взрослые. Но молчать не пришлось, потому что Победоносцев начал меня расспрашивать. Сначала я стеснялась немного, но очень скоро почувствовала, что он всерьез интересуется моим миром, и разговор стал совсем непринужденным. Уехав, он прислал мне куклу, книжки английские с картинками и приглашение бабушке приехать со мной поскорее в гости. Мы поехали... Бабушка вообще пешком по улицам не ходила. Делала у себя в комнате ежедневно пять верст. В гости к Победоносцеву, живущему напротив, ездила так: садилась в карету, доезжала до Владимирского собора, там поворачивала и подъезжала к победоносцеву подъезду.

Огромный старообразный швейцар Корней открывал дверцу. Синодальный дом, где жил Победоносцев, был огромный, бесчисленное количество зал совершенно сбивало меня с толку. Я помню маленькую комнату, всю заставленную иконами и сияющую лампа-

дами. Жена Победоносцева, Екатерина Александровна, по сравнению с мужем еще очень молодая женщина, «принадлежала к миру взрослых», а потому меня мало интересовала. Гораздо позже я заметила, что она очень величественна и красива, – я заинтересовалась ею, уже узнав, что будто бы с нее Толстой писал свою Анну Каренину. Волосы у нее были великолепные, заложенные низко тяжелыми жгутами, а на плечах она носила бархатную, такую особенную красную тальму (или уже не так все это называется?). Была у них приемная дочь – Марфинька, она была моложе меня года на три. Ей завивали длинные букли, лицо у нее было тонкое и капризное. И, несмотря на то, что в победоносцевском доме был ребенок, никто не думал, что меня привозят в гости к Марфиньке, – я ездила к моему ДРУГУ Константину Петровичу.

Бабушка бывало сидит с Екатериной Александровной и пьет чай, а мы с Константином Петровичем пьем чай отдельно. Если в этот момент есть другие дети, а они почти всегда бывали (помню двух девочек в красных платьях, которые рассказывали, что они родились в Константинополе), – тогда Марфинька с ними, а я непременно с Константином Петровичем.

Помню, как он повел меня однажды в свой деловой кабинет. Там было много народу. Огромная и толстая монашенка, архиерей, важные чиновники и генералы. Не помню, какие вопросы они мне задавали и что я отвечала, но все время у меня было сознание, что я с моим ДРУГОМ, и все это понимают, и это вполне естественно, что уже немолодой Победоносцев мой ДРУГ.

Рядом с кабинетом была еще какая-то ОСОБЕННАЯ КОМНАТА. В ней все стены были завешаны детскими портретами, а в углу стоял настоящий волшебный шкаф. Оттуда извлекались куклы, книги с великолепными картинками, различные игрушки... Помню, однажды я была у Константина Петровича на Пасху. Он извлек из шкафа яйцо лукутинской работы и похристосовался со мной. Внутри яйца было

написано: «Его Высокопревосходительству Константину Петровичу Победоносцеву от петербургских старообрядцев». Это яйцо я потом очень долго хранила.

Однажды Константин Петрович приехал к бабушке в обычном своем засаленном сюртуке, галстук бантиком, криво повязанном, и произнес: «Я был сейчас, любезнейшая Елизавета Александровна, во дворце у Марии Федоровны...», – и потом он начал длинный разговор о том, какие люди раньше были (Елена Павловна!..) и какие теперь пошли... Я была страшно удивлена. Цари были у меня чем-то совершенно сказочным. Я была уверена, например, что царская карета обязательно должна ездить по коврам, по аналогии со спускаемыми с берега в море лодками, которые я часто видела. Я думала, что ковры перед царской каретой так же заносятся, как козлы, по которым подвигается лодка... А тут вдруг засаленный сюртук и кривой галстук Константина Петровича.

Когда я приезжала в Петербург, бабушка в тот же день писала Победоносцеву: «Любезнейший Константин Петрович. Приехала Лизонька!» А на следующее утро он появлялся с книгами и игрушками, улыбался ласково, расспрашивал о моем, рассказывал о себе.

Научившись писать, я стала аккуратно поздравлять его на Пасху и на Рождество. Потом переписка стала более частой. К сожалению, у меня сейчас не сохранились его письма. Но вот каково приблизительно их содержание. На половинке почтового листа, сложенного вдвое, каждая последующая строчка начинается дальше от края бумаги, чем предыдущая. Обращение всегда: «Милая Лизонька!» Первые письма, когда мне было лет шесть-девять, заключали только сообщение, что бабушка здорова, скучает обо мне, подарила Марфиньке огромную куклу и т. д. Потом письма становятся серьезнее и нравоучительнее. Помню одну фразу точно: «Слышал я, что ты хорошо учишься, но друг мой, не это главное, а главное – сохранить душу высокую и чистую, способную понять все прекрасное».

Я помню, что в минуты всяческих детских неприятностей и огорчений я садилась писать Константину Петровичу и что мои письма к нему были самым искренним изложением моей детской философии.

Мать мою Победоносцев встречал у бабушки раз пять-шесть. Отца ни разу не видел, – думаю, что отец не чувствовал к нему никакой симпатии.

И вот, несмотря на то, что семья моя была ему совершенно чужой, Константин Петрович быстро и аккуратно отвечал на мои письма, действительно ощущая меня не как «бутуза и клопа», а как человека, с которым у него есть определенные отношения. Помню, как наши знакомые удивлялись всегда: зачем нужна Победоносцеву эта переписка с маленькой девочкой? У меня на это был точный ответ: «Потому что мы друзья!»

Так шло дело до 1904 года. Мне исполнилось тогда двенадцать лет. Кончалась японская война. Начиналась революция. У нас в глуши и война, и революция чувствовались, конечно, меньше, чем в центре. Но война дала и мне, и брату ощущение какого-то большого унижения. Я помню, как отец вошел в библиотеку и читал матери газету с описанием подробностей Цусимского боя... и вот революция. Она воспринималась мною как нечто, направленное против Победоносцева! И как ни странно, из всей нашей семьи поначалу я наиболее нетерпимо отнеслась к ней.

В те дни, помню, как к отцу пришел по делу один грузин, и отец оставил его пить чай. Я слыхала от кого-то, что он революционер и что если это обнаружится, ему грозит каторга. Издали я решила, что так и надо, но когда я увидала, что вот сидит молодой еще человек у нас за столом, кашляет отчаянно, смотрит очень печально, я вспомнила все слухи о нем, и мне стало его очень жалко. Но тотчас же я решила, что это слабость. Ушла в гостиную, достала портрет Победоносцева с надписью «Милой Лизоньке», а на портрете непокорный галстук с одной стороны выбился из-под воротника, – села

в уголок и стала смотреть на него, чтобы не ослабеть, не сдаться, не пожалеть, чтобы остаться верной моему другу...

Позже мы переехали в Никитский сад под Ялту; отец мой был назначен туда директором училища виноградарства и виноделия.

Начались события 1905 года. Ученики ходили в Ялту на митинги. Однажды папе по телефону сообщили, что их на обратном пути собирается избить «черная сотня» – погромщики из Воронцовской слободки. Отец выехал в коляске им навстречу выручать. Отец мой был громадный человек, на голову выше всякого и более восьми пудов веса. Я думала, что он едет выручать их, рассчитывая на свою физическую силу, действительно невероятную. Но расчет его был более правильным. Когда хулиганы увидели всем известную коляску директора Никитского училища, а вокруг нее чинно идущих учеников, то конечно решили, что драка не произойдет безнаказанно, и ученики вернулись домой благополучно. В моей же душе началась большая борьба. С одной стороны, отец, защищающий всю эту революционно настроенную и казавшуюся мне симпатичной молодежь, а с другой стороны, в заповедном столе – Победоносцев. Было над чем призадуматься.

Отец предложил ученикам организовать совет старост, разрешил митинги. Я слушала приезжающих из Ялты ораторов, сама подвергалась ежедневному распропагандированию учеников и чувствовала, что все трещит, все, кроме моей личной дружбы с Константином Петровичем.

Долой царя? Я на это легко соглашалась. Республика? Власть народа? – тоже все выходило гладко и ловко. Российская социал-демократическая партия? Партия социалистов-революционеров? В этом я, конечно, разбиралась с трудом. Одна у меня немножко олицетворялась учеником Зосимовым и хромым ялтинским оратором, а другая – учеником Петровым и рассказами его о всяческих подвигах и жертвах. В общих чертах вся эта суетливо-восторженная и герои-

ческая революция была очень приемлема, так же, как и социализм, не вызывая никаких возражений. А борьба, риск, опасность, конспирация, подвиг, геройство – просто даже привлекали. На пути ко всему этому стояло только одно, НО ОГРОМНОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ – Константин Петрович Победоносцев. Увлечение революцией казалось мне каким-то ЛИЧНЫМ предательством Победоносцева, хотя, между прочим, ни о какой политике мы с ним не говорили никогда. И казалось невероятным, что, зная его столько лет, будучи с ним в самой настоящей дружбе, я проглядела и не заметила того, что было известно всему русскому народу. А за то, что русский народ ошибался, а я была права, говорила мне дружба с Константином Петровичем и возможность наблюдать его непосредственно. Но против этого было то, что не может же весь русский народ ошибаться, а я одна только знаю правду, и это сомнение было неразрешимо теоретически. Помню сатирические журналы того времени. На красном фоне революционного пожара зеленые уши «нетопыря». Это меня просто оскорбляло. Я любила старческое лицо Победоносцева с умными и ласковыми глазами в очках, со складками сухой и морщинистой кожи под подбородком. Но изображать его в виде «нетопыря» с зелеными ушами – это была в моих представлениях явная клевета. Но это все лежало в области теории и внутренних переживаний, о которых я рассказывала только отцу.

А на практике все было гораздо проще. Помню, отец уезжал в Симферополь. Мы его провожали на пристани. Там же случайно был знаменитый ялтинский исправник Гвоздевич. Видимо, желая поглотиться над отцом, который уже прослыл чуть ли не революционером, Гвоздевич дождался, когда пароход начал отчаливать и тогда крикнул отцу, «...что вот забыл, мол, раньше сказать, а сейчас в Никитском училище должен быть обыск и, наверное, некоторые аресты». Отец беспомощно разводил руками на отчаливающем пароходе. Он знал, что у учеников не все в этом отношении благополучно и что он как

юрист, как директор должен бы быть во время обыска в Никитском. Я четко помню, что, увидав его беспомощный жест, я сразу решила принять в этом деле участие. С пристани пошла в гостиницу, принадлежавшую отцу моей одноклассницы, с которой мы дружили, и по телефону вызвала кого-то из учеников и сообщила все слышанное.

Обыск, конечно, все же состоялся. Но от момента моего разговора по телефону до того времени, как Гвоздевич успел прибыть в Никиту, в училище топились все печи (!), и предосудительного, естественно, ничего найдено не было. Таким образом, я уже практически изменила моему ДРУГУ. Я была не с ним.

К весне 1906 года началась реакция, это произошло по доносу эконома, служившего в тайной полиции, и священника в компании с другими учителями, которым режим моего отца казался неприемлемым.

Я решила выяснить все свои сомнения у самого Победоносцева. Помню, с каким волнением я шла к нему!

Тот же ласковый взгляд, тот же засаленный сюртук, тот же интерес к моим интересам. Мне казалось, что одно мгновение – и вопрос будет решен в пользу Константина Петровича.

– Константин Петрович, мне надо поговорить с Вами серьезно наедине.

Он не удивился, повел меня в свой кабинет, запер дверь.

– В чем дело?

Как объяснить ему, в чем дело? Надо одним словом все сказать и в одном слове получить ответ на все. Я сидела против него в глубоком кресле. Он пристально и ласково смотрел на меня в свои большие очки.

– Константин Петрович, что есть истина?

Вопрос был пилатовский. Но в нем действительно все сказано, и в одном слове хотелось так же получить ответ. Победоносцев понял, сколько вопросов покрыто им, понял все, что делается у меня в душе. Он усмехнулся и ответил ровным голосом:

– Милый мой друг Лизонька! Истина в ЛЮБВИ, конечно. Но многие думают, что истина в любви к дальнему. Любовь к дальнему – не любовь. Если бы каждый любил своего ближнего, настоящего ближнего (!), находящегося действительно около него, то любовь к дальнему не была бы нужна. Так и в делах: дальние и большие дела – не дела вовсе. А настоящие дела – ближние, малые, незаметные. Подвиг всегда незаметен. Подвиг не в позе, а в самопожертвовании, в скромности...

Я тогда решила, что Победоносцев экзамена не выдержал и были правы те, кто смотрел на него издали. Он сам, видимо, тоже почувствовал, что в наших отношениях что-то порвалось.

Это была наша последняя встреча.

Вскоре мы уехали из Петербурга на юг, в свой маленький город.

Умер мой отец.

Потом умерла бабушка.

Не помню сейчас, когда умер Победоносцев. Во время его смерти я была опять в Петербурге, но на похороны не пошла...

С. Д. Шереметев **ПОБЕДОНОСЦЕВ**

11 апреля 1891 г. Санкт-Петербург

Как теперь помню: шел я с князем Егором Васильевичем Оболенским через площадь между тремя кремлевскими соборами. Встречается нам сухошавая и бледная личность в очках. Дружески поздоровался с ним Егор Васильевич и представил меня. То был К. П. Победоносцев. Они были товарищами по училищу правоведения, и в то время Егор Васильевич говорил о нем как о выдающемся человеке

Позднее в Петербурге бывал я у Победоносцева, когда он жил у Спаса Преображения. Но он вскоре переменил квартиру и пере-

селился в дом Финской церкви. Здесь бывал я у него очень часто, большей частью за советами по делам наследства. Я искал в нем совета и опоры и находил сочувствие, ласковый прием и участие, редко, впрочем, переходившее от слов к делу. Тем не менее я твердо верил в его авторитет и значение и понуждаемый обстоятельствами иногда заставлял его выходить из пассивного положения... Но действия Победоносцева и тогда были уклончивы. И в одном письме своем он выразился по этому поводу довольно характерно. «Я всегда тщательно избегал, – писал он, – высказываться в ту или другую сторону». В этих словах он высказался весь, но в то время я этим словам не придал должного значения. Его благонамеренные речи, его справедливое негодование на тогдашнее правительство, его близость к цесаревичу, его простота и несомненный ум побуждали видеть в нем будущую опору престола. Остроумный он способен был привлечь к себе, и я внимал его изречениям с благоговением и преклонялся перед ним. Его прошлое связано с путешествием покойного наследника, установившаяся репутация знаменитого юриста, ревность к Церкви, меткость его выражений невольно привлекали... Среди общей расшатанности и равнодушия, в особенности к делам церковным, отрадно было остановиться на человеке, проникнутом чувством Православия, и он являлся для многих желанным заместителем гр. Д. А. Толстого, управление которого Синодом грозило бедствиями...

Еще в прошлое царствование он призван был на пост обер-прокурора Св<ятейшего> Синода. Почти накануне этого события мы обедали с ним в Малом Ярославце, не подозревая, что перед нами будущее величие. А. Н. Муравьев относился к нему сочувственно и высказывался о нем как о желанном обер-прокуроре. Он вел постоянную дружескую переписку с Екатериной Федоровной Тютчевой, и в лице его, казалось, торжествовало старое московское направление, совершенно чуждое петербургскому духу...

Помню, как к нему же обратились, когда нужен был законоучитель для брата, переехавшего на жительство к нам после смерти его матери. Победоносцев ответил, что, не решаясь сделать выбор, обратился за советом к Т. И. Филиппову, жившему в том же доме, этажом выше. Тогда еще Победоносцев не был обер-прокурором... Тогда я впервые узнал об имени Третья, с которым, по-видимому, у Победоносцева была дружба. У него была твердая опора во дворце в<еликой> к<нягини> Елены Павловны, и это нисколько не мешало его близости к цесаревичу, несмотря на несовместимость этих двух дворцов. Он появлялся во всех почетных и почтенных салонах того времени, начиная с Потемкиных, гр. Протасовой, гр. Блудовой, и проник даже, что было вовсе нелегко, и к моему отцу. Иногда появлялся он у нас в церкви, дружил со стариками и не прочь был ухаживать и за дамами.

У цесаревича он занимал исключительное положение. К нему открыто стремился кн. В. П. Мещерский, тогда еще допускаемый, и он был непременно членом его собраний... Это было восходящее светило того времени, и на него указывали как на будущую опору... Разговоры его с цесаревичем были непринужденны и занимательны. Он казался олицетворением правды и истинного патриотизма... Несколько странным показалось его участие в качестве сухопутного адмирала в деле добровольного флота, с этого времени начинается его сближение с Барановым. Помню бледную, выразительную фигуру моряка, нередко появлявшегося во дворце цесаревича с образцами каких-то ружей... Слащавый, но не без значительной аффектации, он всегда мне был подозрителен... Случайно узнал я о его дружбе с Победоносцевым. В дежурной комнате Царскосельского Алекс<андровского> дворца случайно завел я с Победоносцевым разговор о Баранове. Не забуду удивления, когда на мои откровенные слова он ответил мне резким возражением, из которого я мог заключить, что Баранов занял прочное положение у Победоносцева...

В первый раз он поразил меня неприятно... Я никогда не возобновлял этого разговора. В вечер 1 марта мы встретились в Аничкове и потом заехали к нему на Литейную. Как обер-прокурор он уже поселился в старом нарышкинском доме. Это «село Крови», как называл этот дом князь С. Н. Урусов... Я чувствовал потребность говорить с человеком, близким и преданным новому государю. Не могу сказать, чтобы я был удовлетворен этим разговором. Беспомощность видна была прежде всего во всей его фигуре, бессилие было слишком очевидно... Но как же поразил он меня, когда тут же 1 марта он заговорил о тех людях, кот<орые>, по его мнению, могли бы спасти отечество... «Никого нет, – твердил он, – вижу только двоих...» – «Кого же?» – спросил я не без волнения. – «Графа Н. П. Игнатьева и Баранова!» – отвечал Победоносцев. Я ничего не ответил и скоро удалился.

Последовало назначение Баранова. За падением Лориса появился гр. Игнатьев... Я вспомнил тогда эти слова. Как же было не убедиться в силе и власти Победоносцева! Я готов был отказаться от своего прежнего авторитета, но случайное обстоятельство еще поддержало мои сомнения. Я не мог не сочувствовать неудаче знаменитого проекта Лориса. Негодование возбуждала во мне организация тайной охраны среди золотой молодежи под высшим руководством В<ладимира> А<лександровича>. Меня коробил образ действий, злоупотребление царским именем, занос Влад<имира> Шереметева, замашки т<ак> наз<ываемого> «Бобби» Шувалова, увлечение большинства... Один А. В. Бобринский смотрел на дело здраво. Мы держались солидарно, и были правы. Победоносцев не сочувствовал охране, и нельзя было не примкнуть к нему... Прошли дни гр. Игнатьева, что было хуже – «конституция» или «земский собор»? Министерство гр. Толстого восстановило равновесие. Победоносцев почувствовал неудачу. Еще ранее слетел Баранов.

Смерть Е. Ф. Тютчевой оборвала его сношения с обществом. Он уединился и заглох в своих министерских комнатах. Раздражитель-

ность и подозрительность стали развиваться в нем прогрессивно. Назначение Саблера совершенно его уединило. Вижу этого чиновника – камер-юнкера, состоящего при юбках Екатерины Михайловны, скромного и смиренного, в кабинете обер-прокурора. Видел я его и позднее – управляющим его канцелярией...

Я чувствовал, что приходится сжигать корабли, ненужность Победоносцева стала очевидной. Ряд мер – односторонне-раздражительных, несчастный выбор архиереев, бесцеремонное с ними обращение, равнодушие к преданиям старой Москвы и все то, что так ярко проявилось в управление Победоносцева, казалось слишком ясно. Постепенно отдаляясь, я наконец прекратил с ним постоянную переписку... Теперь мы сохраняем приличные отношения, но уже и тени нет задушевности и искренности. Мрачный, узкий взгляд, бесплодность и бесконечное хныканье удовлетворить не могут, когда нужно действовать, а всякое действие основано на личности и на ревнивом оберегании своего слабеющего влияния. С грустью приходится сознавать, что Победоносцев вовсе не тот человек, каким он мне представлялся. Несомненное желание выказать свое преобладающее влияние; недоверие ко всему порядочному; покровительство всему ничтожному и пресмыкающемуся; постоянное вмешательство во все чужие дела; резкий, авторитетный и холодный голос; гонение несправедливое всего, что казалось ему самостоятельным; ревнивое отношение ко всем и ко всему, что, по понятиям, его может ему перечить; озлобление ввиду утраты прежнего доверия и влияния; равнодушие царской семьи; недоброжелательство большинства, усиливающее его собственное недоброжелательство; бессилие и бездушие, торжествующие свой апофеоз, – вот современный Победоносцев!

Старый друг давно бьет нас нестерпимо. Почтеннейший Егор Васильевич с грустью сознавал, что не тот он, каким был когда-то. Ряд бестактных выходов, резкий и неумолимый язык и мрачная вера его сродни фанатизму сектантов... Ему ли бороться с ними? Ему ли но-

сидеть на своих плечах бремя несчастного церковного управления?.. И никогда еще так низок не был уровень наших церковных деятелей, как в правительство Победоносцева!

Здесь я должен остановиться. Мы опять пришли к современности, и говорить становится трудно. О себе скажу только, что не ожидал найти то, что нашел в этом человеке... Обиженный природой, он стремится возмещать недостающее, и это вполне психологическое явление. Свидетельство нравственное совместимо и даже объясняется свидетельством другим. И вот мне кажется, где разгадка этому странному человеку! А все же жаль, что человек, которому несомненно дано много, и талантами он не обижен, и знания, и опытности ему не занимать... Но государственного ума в нем нет и помину. Критик он блестящий, но не созидатель. Про него можно бы сказать то, что иногда говорили о России: «*L'est une grande impuissance!*»¹.

А. Ф. Кони ТРИУМВИРЫ

Беспорядочное и мятежное возрождение России путем «освободительного движения», дав возможность свободной оценки недавних кормчих русского государственного корабля, в то же время, под влиянием злобы дня, подернуло каким-то туманом живые воспоминания об их личностях. Но воспоминания эти представляют материал для истории, которая недаром названа Цицероном *Festis temporum, vita memorial lux veritatis*². Но история не только это: *die Weltgeschichte ist das Weltgericht*³. Вот почему я – старый судья – считаю нужным записать свои отрывочные воспоминания о трех людях, которые имели,

¹ Это огромное невозможное! (фр.).

² Свидетель времени, жизнь памяти, свет правды (лат.).

³ Всемирная история – всемирное судьище (нем.).

хотя и в разной степени, роковое влияние на судьбы России и на правильное развитие в ней общественности.

С Победоносцевым я встретился впервые как его слушатель в Московском университете в 1864/65 учебном году на четвертом курсе юридического факультета. Два раза в неделю в аудиторию к нам приходил высокий, чрезвычайно худощавый обер-прокурор восьмого департамента Сената и читал нам лекции гражданского судопроизводства. Лекции были очень содержательны, хотя и довольно отвлеченны и теоретичны, что, впрочем, объяснялось тем, что они читались на распутье между старым и новым порядком процесса. В них также, как это ни странно, было полное отсутствие критического элемента и того скептицизма, к которому так был склонен Победоносцев в своей дальнейшей деятельности. Я записывал эти лекции за ним и потому не имел времени скучать, но товарищи скучали чрезвычайно. Это объяснялось тем способом, которым они читались. Победоносцев говорил очень монотонно и бесцветно-глухим и каким-то совершенно равнодушным голосом, точно исполняя надоевшую обязанность. Это тоже поражало меня впоследствии, когда мне приходилось слышать в разных комиссиях и в Государственном Совете его сильное, своеобразно-красноречивое слово, которое приковывало к себе общее внимание. Над кафедрой возвышалась фигура с бледным, худым, гладко выбритым лицом в толстых черепаховых очках, сквозь которые устало и безразлично глядели умные глаза, а из бескровных уст лилась лениво и бесшумно монотонная речь. Победоносцев, предшествуемый литературно известностью и славой опытного цивилиста, внушал нам уважение, но не оживлял нас и оставлял равнодушными к своему предмету. В отношении к нему в аудитории не было не только горячей любви и тайной нежности, которой мы окружали нашего «Никиту» – незабвенного профессора Крылова, но не было и того чуткого внимания, которое вызывал в нас каждым своим словом Б. Н. Чичерин. Лично мне пришлось гово-

рить с Победоносцевым в первый раз 1 июня 1865 г. вечером, в день экзамена, у него, когда я пришел депутатом от товарищей просить поставить удовлетворительный балл любимому нами студенту Рослякову – кавказскому стипендиату. Этот Росляков был большой забулдыга и герой самых невероятных историй, но добрый малый. Перед экзаменами он не мог никак усидеть дома и вечером накануне в отчаянии махал на все рукой, а утром, выбрившись долго и тщательно, как будто это могло ему помочь, шел на экзамен и торжественно проваливался «на кандидата». Кое-как сдав почти все выпускные экзамены, он возлагал надежды на экзамен у Победоносцева и получил неудовлетворительный балл. Его отчаяние, имевшее какую-то связь с получаемой им стипендией, не знало границ. Можно было опасаться, зная его пылкий нрав, что он употребит бритву не для одного бритья. С заступничеством и был отправлен к Победоносцеву я. Выслушав мой откровенный рассказ, Победоносцев покачал головой, поахал и поставил в лежавшем перед ним списке (разговор происходил в профессорской комнате) Рослякову четверку, шутливо сказав мне, продолжая глядеть в список: «Рослякову Николаю – четыре, а Кони Анатолию для равновесия надо бы один балл сбавить». – «Что же, сбавьте», – сказал я, смеясь. «Ну, уж, Бог вас простит», – ответил он и дружелюбно со мной простился. Наш разговор, по-видимому, остался у него в памяти, потому что в первые годы моей службы мне передавали, что Победоносцев иногда справлялся обо мне у тех, кто мог меня знать, спрашивая: а что делает Кони Анатолий?

Мы встретились снова гораздо позже, когда он – автор замечательного учебника и непререкаемый авторитет по вопросам гражданского права – был уже членом Государственного Совета.

Великая княгиня Елена Павловна, озабочиваясь перед смертью объединением в одном Совете управления всеми созданными ею учреждениями, выразила будущему представителю Совета К. К. Гроту желание иметь меня в числе членов. Вследствие этого мне прихо-

дилось бывать иногда «у августейшей покровительницы этих учреждений» великой княгини Екатерины Михайловны и в качестве члена Совета принимать приглашения на обеды у нее, очень длинные и очень скучные. По какому-то совпадению случайностей каждый раз одновременно со мной бывал приглашаем и Победоносцев. После обеда *on ferisait cerele* и мне приходилось слышать Победоносцева, говорить с ним и обыкновенно, выходя вместе, вести с ним дорóгой довольно долгую беседу. Это было во второй половине 70-х годов. Он производил очень хорошее впечатление. Ум, острый и тонкий, веское и живое слово были им обыкновенно обращаемы на осуждение правительственных порядков царствования, которое началось так блестяще и кончалось так печально, среди разгара мелочных честолюбий и хищнических appetitов. Победоносцев чувствовал, что он очень не любим в Министерстве юстиции. И действительно, граф Пален, смотревший на вопросы гражданского права с хозяйственной точки зрения остзейского барона, никак не мог, да и не умел подняться до общих правовых начал и, конечно, встречал в Государственном Совете сильные и резкие возражения со стороны Победоносцева, которого нередко поддерживал и князь С. Н. Урусов, лукавый председатель департамента законов, понимавший, однако, совершенно ясно узкость, а иногда и полную нелепость цивилистических фантазий графа Палена. Обыкновенно в Министерстве юстиции департаментский доклад происходил в день заседания соединенных департаментов Государственного Совета, и граф Пален принимал этот доклад в присутствии товарища министра, директора и вице-директора по возвращении из заседания, возмущенный и раздраженный Победоносцевым и Урусовым, так что доклад очень часто начинался с яростных филиппик против них, причем Пален махал руками, сыпал искры со своей сигары и обзывал Победоносцева и Урусова нехорошими словами, прибавляя иногда к имени последнего простонародный эпитет, обозначающий сокровенное место у женщины. Особен-

но ярко помню один случай. До Государственного Совета дошло из старых судебных учреждений и Сената дело по иску удельного ведомства к помещице Алымовой об отобрании у нее нескольких сот десятин земли в Пермской губернии. Алымова защищалась ссылкой на завладение по давности, наличие которой была, несомненно, доказана. Дело во всех инстанциях было решено в ее пользу. В Государственном Совете Пален, однако, возражал, ссылаясь на то, что межа генерального межевания не подлежит давности и что через эту межу – как это было в деле Алымовой – приобретатель по давности никогда перешагнуть не может, но остался в меньшинстве трех лиц (два других были – бывший русский посол в Париже барон Будберг и министр уделов граф Адлерберг) против всех остальных членов Государственного Совета, не разделивших этого нелепого взгляда. Впоследствии с этими тремя согласился государь...

Не предвидя такого результата, Пален, приехавший из заседания и облегчив свою душу выходками против Победоносцева и Урусова, стал говорить, что, конечно, «фанфароны» кассационного сената будут с ними согласны, но что он – граф Пален – желает дать немедленно циркуляр по соединенным палатам (тогда в России было только пять судебных округов) с предписанием держаться своего толкования. Я взглянул на Фриша, но тот потупил глаза и молчал, хотя при вступлении в должность товарища министра вполне согласился с моим мнением, что мы нравственно обязаны удерживать графа Палена от неправильных шагов и уменьшать тот законодательный зуд, которым он страдал и для которого он находил в министерстве послушных и угодливых исполнителей. Видя, что Фриш лукаво молчит, я стал возражать министру, ссылаясь на авторитеты по гражданскому праву и доказывая, что межа генерального межевания есть идеальная линия, вроде меридиана, которую никакие изменения границ частных владений передвинуть не могут, но это не значит, чтобы владельцы имений, границы которых совпадают с генеральной

межой, лишались права приобретения друг у друга земли по давности, т. е. по институту, свойственному не только гражданскому праву вообще, начиная со времен римлян, но и исторически сложившемуся в России под влиянием ее бытовых и исторических условий. «Ах! – воскликнул Пален, приходя в раздражение. – Это все тэория, тэория, это все академические рассуждэния. У нас в остзейском крае совсем иначе». – «Однако же, – сказал я, – такие авторитеты, как Неволин, Мейер, Победоносцев». – «Ну, что мне Мейер! Что мне Неволин! Это все тэории! Я вас прошу, – обратился он к начальнику гражданского отделения А. В. Иванову (ныне сенатору), – немедленно составить циркуляр и представить мне».

Дело начинало принимать оборот совершенно невысказанный, а молчание Фриша, который, конечно, не мог не понимать значения того, что собирался делать Пален, меня взволновало. «В таком случае, граф, – сказал я, – лучше всего составить циркуляр о том, что вы приказываете зависимым от вас судьям старых судов считать, что давность как способ приобретения прав на недвижимое имущество, несмотря на принадлежащее ей место в X томе свода законов, упраздняется». – «Нэт-с! – гневно воскликнул Пален, – циркуляр будет написан так, как я сказал, и я вовсе не упраздняю этой давности!» – «Да, но я желал бы знать, каким образом при вашем толковании можно будет приобрести по давности землю в такой даче, по которой проходит генеральная межа, и где же будет равенство прав. Представьте себе, что между мной и вами существует специальная межа и между вами и Эдуардом Васильевичем такая же, а между мной и им – генеральная межа. Окажется, что я у вас и вы у него, и наоборот, можем приобрести по давности, а я у него и он у меня только потому, что над нами в пространстве пролегает генеральная межа, не можем, не имея права перешагнуть через эту идеальную линию, или, быть может, нам следует спуститься друг к другу на воздушном шаре?» Пален вспыхнул и сказал мне резко: «Покорнейше прошу, ваше превосходитель-

тельство (я еще таковым не был), избавить меня от ваших неуместных каламбуров» (?)! По окончании доклада Иванов пришел ко мне в великом унынии от всего произошедшего, и я, все еще надеясь, что Фриш отговорит Палена от такого неразумного шага, пошел к нему и, выразив мое удивление, что он меня не поддерживал в моих «каламбурах», напомнил ему наш разговор при его вступлении в должность. Фриш посмотрел на меня недобрый взглядом своих холодных глаз и сказал мне, отчеканивая каждое слово: «Я нахожу, что товарищ министра и директор департамента (я исправлял должность директора) назначается не для того, чтобы критиковать взгляды министра, а для того, чтобы быть исполнителями его желаний, лишь отыскивая и вырабатывая для них наиболее удобную и соответствующую форму». – «Граф Пален, – ответил я ему, – настойчиво уговаривая меня перейти из прокуроров в вице-директора, сказал мне, что ему после ухода Сабурова нужна “судейская совесть”. Не только эта совесть, но и простое доброжелательство к нему не позволяют мне соглашаться с разными нелепостями, которые он, под влиянием временного раздражения, думает осуществлять. Я не затем оставил живую судебную деятельность, чтобы играть рабскую роль простого исполнителя, и буду спорить». – «Это как вам угодно!» – ответил мне Фриш. С тех пор, продолжая гнуть свою линию, он неизменно оставлял меня без поддержки, а иногда примешивал к этому и некоторое предательство, как о том записано у меня в воспоминаниях о деле Засулич.

Натянутые отношения между Паленом и Победоносцевым были так сильны, что последний, если ему было нужно что-либо по Министерству юстиции, никогда не обращался к Палену, а всегда – ко мне. «Простите, что утруждаю вас, почтеннейший А. Ф., – писал он мне однажды, – что же делать: “человека бо не имам” в вашем министерстве, кроме вас». В эти же годы я видел его и в Государственном Совете в заседаниях по вопросу о лестнице наказаний и о тюремном преобразовании с прохождением ссылки, куда я был приглашен

в качестве «сведущего человека». Он был великолепен как критик. С неподражаемым искусством разбирал он проект Министерства юстиции и не оставлял в нем живого места, со спокойной иронией разрушая совместный труд Набокова и К. К. Грота. Его слово лилось, как тонкая и метко направленная струйка азотной кислоты, и выедала все, к чему прикасалась. Но тут же обнаружилось с одинаковой яркостью отсутствие творческого элемента в его скептическом и бесплодном для государственного строительства уме! Видя, что «ничего во всем “проекте” благословить он не хотел», я после дачи моего заключения против отмены ссылки решился обратиться к нему с вопросом: «А вы, Константин Петрович, что же именно предложили бы вместо широкой сети одиночных тюрем, тоже удержание ссылки?» Но он воскликнул страдальческим голосом: «Ах, боже мой, боже мой, да что же вы меня спрашиваете? Да ведь это такой вопрос, который годами нужно решать. Ведь легко сказать, что избрать: ссылку или тюрьму. Ведь вон в проекте министерства чего ни понаписано, так где ж тут что-нибудь предлагать! И разбирать-то это не малый труд. Ах, боже мой, боже мой! Нет уж, пусть другие предлагают» – и т. д. Замечательно, что даже и по вопросам гражданского права, как я впоследствии убедился, Победоносцев не любил определенных ответов. В 1881 году, будучи назначен председателем гражданского департамента судебной палаты, я ревностно принялся за занятия гражданскими делами. Летом этого года я получил депешу министра Набокова, спрашивавшего о моем согласии занять пост председателя департамента петербургской палаты. Усталый от ответственности и административной деятельности председателя окружного суда, и притом опального, я согласился. Но каково же было мое удивление, когда, вернувшись из Киссингена в Петербург, я узнал, что я – криминалист, имевший уже определенную и довольно большую репутацию как таковой, – назначен председателем апелляционного гражданского суда столицы, где приходилось разрешать

сложные и запутанные дела громадного юридического и экономического значения, как, например, иск учредителей главного общества российских железных дорог к этому обществу в четыре с лишком миллиона или иск города Петербурга к обществу водопроводов об устройстве центрального фильтра и т. п. Мне оставалось или выйти в отставку, или попытаться силы на чуждом мне дотоле поприще. Я избрал второе: взял отпуск на месяц и засел за работу так, что у меня, по русскому выражению, «запищало за ушами». Вскоре вновь предстали передо мной альпийские вершины римского права, когда-то мастерской рукой указанные Никитой Ивановичем Крыловым, а через год благодаря усидчивому труду я почувствовал себя вполне в седле и даже получил возможность проводить свои взгляды, очень часто разделяемые такими юристами-практиками, как граф Гейден и Н. Н. Мясоедов. При этом мне пришлось наткнуться на странную особенность русской судебной практики по гражданским делам. Оказалось, что некоторые вопросы, нередкие в этой практике и притом не процессуальные, а правовые, которые, казалось бы, должны были быть давным-давно разрешены так или иначе, оставались открытыми. Практика их всячески обходила, причем в этом отношении особенно отличался гражданский кассационный сенат, который, по остроумному выражению Мясоедова, мной смягчаемому, «не любил, а только мучил». В числе таких вопросов был, между прочим, и вопрос о том, отвечает ли и в какой мере наследник, которому оставлено имущество в пожизненное владение, за долги наследодателя. Казалось бы, что этот вопрос должен быть давным-давно решен и бесповоротно. Но в действительности ни в практике, ни в толкованиях юристов, ни в кассационных решениях я не нашел на него никакого ответа. Не доверяя себе и желая его правильно разрешить по поступившему на рассмотрение палаты делу, я обратился за разрешением его к звезде русских цивилистов-практиков Голубеву, но не получил от него удовлетворительного ответа. Тогда я пошел к Сергею Ивановичу Заруд-

ному, но и он, пустившись в бесконечную болтовню, в конце концов умыл в этом вопросе руки. Я уже уходил от него, когда вошел Победоносцев. «Вот кто вам все разъяснит!» – воскликнул Зарудный. Но, когда я объяснил свои сомнения Константину Петровичу, он сказал мне: «Да что вы с этим вопросом затрудняетесь. Отрубите ему так или иначе голову – вот и все!» – «Рубить-то я бы и рад, да не знаю, где голова. Как бы вместо нее не отрубить ноги». – «Да, это вопрос трудный... Ах, боже мой! Боже мой! И сколько таких в нашей жизни! Я подумаю и пришлю вам ответ». Прошло дня три, и я получил от него открытое письмо, где было написано: «Справьтесь у Даллоза в *Dictionnaire de jurisprudence generale*. Там вы, вероятно, что-нибудь найдете». Надо заметить, что доступных мне экземпляров Даллоза, стоящего свыше тысячи рублей, во всем Петербурге было два: один в библиотеке II Отделения и другой, купленный мной по случаю для библиотеки Министерства юстиции. В каком же положении находился бы провинциальный председатель суда, получивший подобный совет. Рыться в Даллозе мне уже было некогда, и пришлось разрешить дело «своим средством», как говорят новгородские крестьяне.

Летом 1878 года я жил в Петергофе и ездил на службу в город на пароходе, на котором часто встречал Победоносцева, проводившего лето тоже в Петергофе в одном из «кавалерских» домиков. Поэтому нам довольно часто приходилось беседовать. Я был очень озабочен тем безумным направлением, которое давалось так называемым политическим делам и которое создавало в обществе настроение опасного равнодушия и скрытого до поры до времени гнева. Правительство, близорукое, чтобы не сказать слепое, плодило недовольство и недовольных, не обращая никакого внимания на грозное предостережение, данное делом Засулич. В воспоминаниях об этом деле я подробно говорю о настроении общества перед этим делом и после него. В разговорах с Победоносцевым я часто касался этих наболевших у меня обстоятельств и встречал большое и сочувственное понимание

с его стороны. Однажды, в половине июля, когда мы возвращались с парохода парком, я рассказал ему несколько эпизодов из борьбы правительства с «распространением пропаганды», как значилось в донесении по этого рода делам, и выразил горькое сожаление, что государь, окруженный ложью и лестью, не знает в этом отношении правды и делается игрушкой в руках тупых или лукавых честолубцев. «Да, – сказал Победоносцев. – То, что вы рассказываете, действительно возмутительно. Ах, боже мой, боже мой! И все-то у нас так. Это надо рассказать наследнику и указать на факты. Ведь где-же их запомнить и не перепутать! Ах, боже мой, боже мой!» – «Если вы, – сказал я обрадованно, – готовы сделать это, то я напишу записку для прочтения наследнику и доставлю ее вам без замедления». Придя домой, я тотчас же засел за составление этой записки и писал ее целый вечер и всю ночь напролет. Писал «слезами и кровью». Я старался в ней самым простым языком изложить «ad usum delphini»¹ все то, отчего в течение последних лет так часто наворачивались на глаза слезы и обливалось кровью сердце. Представив в сжатом виде богатый материал, которым я располагал, я сделал в конце общий вывод...

<...> На другой день она была переписана к позднему вечеру, а на третий день утром я сам отнес ее в кавалерский домик и оставил у Победоносцева, которого не застал дома. Какая судьба постигла эту записку, я в точности не знаю. В ближайшие дни я не встречал Победоносцева. Вслед за тем произошло 5 августа убийство шефа жандармов Мезенцева – человека, как говорят, доброго, но имевшего вид «сонного тигра», по выражению А. И. Урусова, бывшего у него с просьбой о снятии опалы. Это событие не могло не повлиять угнетающим образом на высшие сферы, где вообще никогда не умеют выводить уроки из прошлого и прозревать будущее, а живут лишь настоящим днем. Моя записка оказалась поэтому гласом вопиющего в

¹ Для наследника (*лат.*). Имеются в виду самые упрощенные, для детского восприятия изложенные сведения.

пустыне. В январе следующего, 1879, года меня посетил ряд тяжелых семейных испытаний в связи с тяжелой и опасной болезнью, известия о которой проникли в печать. Официальный мир, который раболепно и враждебно отвернулся от меня после дела Засулич, ничем не подал мне признака жизни, «хотя со мной встречался не впервой». Но два человека составили из этого исключение. Это были военный министр Д. А. Милютин, с которым я даже не был лично знаком, и Победоносцев. Первый присылал несколько раз узнавать о моем здоровье. Второй даже навестил меня и просидел у меня довольно долго. Наш разговор вращался главным образом в области религии, в которой одной я находил утешение в постигших меня за последние два года горестях и скорбях. Победоносцев произвел на меня в этот раз впечатление человека не только глубоко верующего, но и понимающего Церковь вовсе не в узком ортодоксально-административном смысле. У него самого в это время была уже семейная печаль, вызванная деяниями отца его супруги Энгельгардта. Впоследствии он несколько раз обращался ко мне за справками по этому делу, но никогда в его просьбах не было и тени заступничества за виновного.

Прошло много времени, прежде чем я его увидел опять. В 1880 году он был сделан обер-прокурором Святейшего Синода и получил возможность приложить свой критический ум к раскрытию и оценке тех условий, которые делали из нашей Церкви полицейское учреждение, мертвящее и жизнь, и веру народа. Казалось, что высокообразованный человек и юрист, носящий в себе живую веру и знающий ценность этого блага, приложит всю силу своего разума к тому, чтобы, охраняя Церковь как необходимую и авторитетную организацию верующих, вдохнуть в ее деятельность утраченный ею христианский дух, а в ее обряды – утрачиваемый ими глубокий внутренний смысл. Увы! Этого ничего не произошло! Противоречие взглядов, жившее в его душе, сказалось и в его действиях как обер-прокурора. Из неоднократных служебных разговоров и споров с ним я мог убедиться,

что он считал Православие высшим выражением духовных сил русского народа, литературу и историю которого знал в совершенстве. Русский человек, по его мнению, был немислиим вне Православия. В минуты самого скептического отношения к явлениям окружающей жизни, в долгом и истовом присутствии при нашем богослужении Победоносцев находил единую отраду и утешение. В то же время он считал русский народ неспособным принять и провести в жизнь судебные уставы, в составлении которых сам своевременно участвовал. Он не раз с раздражением упоминал при мне о том, что нужно было видеть «ту гнусную кухню», в которой варились эти уставы, чтобы понять всю их негодность. Друг искренний и верный Зарудного и Чичерина, он не находил слов для осуждения их взглядов и трудов, направленных на развитие права и самосознания русского народа, который, по его мнению, в этом и не нуждался, представляя собой, как он сам мне раз сказал, орду, живущую в каменных шатрах. Могучий владыко судеб русской Церкви и состава ее иерархии, он усилил полицейский характер первой и наполнил вторую бездарными и недостойными личностями, начиная их повышать именно тогда, когда они отклонялись от своих первоначальных добрых нравственных свойств (как, например, описанный мной в другом месте Московский митрополит Владимир) или являлись представителями грубого нарушения веротерпимости (как, например, архиепископ Холмский и митрополит Московский Леонтий), преследуя самостоятельных и строгих епископов переводом с высшей ступени на низшую по значению, как это было с Иоанникием Московским. Насадитель своеобразного миссионерства, столь часто занимавшегося относительно раскольников тем, что можно бы определить словом «провокация», если бы оно не было так испошлено в последнее время; систематический преследователь старообрядчества, пронесшего через вековые гонения древнее благочестие и коренные свойства русского племени, Победоносцев стремился отдать умственное развитие простого рус-

ского народа в руки невежественного и ленивого, нищего и корыстного сельского духовенства. Человек с сердцем, умевший тонко чувствовать и привязываться, умилявшийся от детского лепета и ласки, он проявлял иногда рядом с этим совершенно бессердечное отношение к молодежи духовного ведомства. Костромской губернатор Князев рассказывал мне, что местный архиерей умолял обер-прокурора в 1901 году не закрывать среди зимы семинарии вследствие происшедших там беспорядков и не выдворять из нее среди зимы провинившихся, которые «могут умереть с голода». «Пускай умрут», – отвечал по телеграфу Победоносцев. Говоря в своих всеподданнейших отчетах в возвышенных выражениях о Церкви Божией и ее служителях, он допускал существование условий, в которых росли среди духовенства те чувства обиды и ненависти к светской власти, которые так ярко вспыхнули при освободительном движении. Говорят, что он ссылался на то, что безумное отлучение Толстого от Церкви и лишение его христианского погребения последовали без его ведома. Охотно этому верю. Но разве настойчивое требование перевода отца Григория Петрова в какой-нибудь отдаленный сельский приход вследствие того, что он позволил себе в заседании философского общества на лукавый вопрос литературного сыщика Мережковского о том, признает ли он графа Толстого христианином, сказать: «Да, признаю христианином, но не церковником!» Разве это настояние и почти одновременное с этим отлучение Толстого не составляют «*parnobile fratrum*»¹? В своем «Московском сборнике» и в разных беседах Победоносцев, беспощадно отрицая все элементы современной культурной жизни: народное представительство, суд, печать, свободу совести, – клеймил все это словами: «ложь» и «обман»! Во многом, что касается фальшивых этикетов свободы, народного блага и правды, наклеиваемых на совершенно несоответствующие им явления, он бывал красноречиво прав, хотя и очень односторонен. Но

¹ Двух благородных братьев (лат.).

что же, как не ложь и обман, и притом направленные на духовный строй народа и на достоинство родины, представляли его церковно-приходские школы, его миссионеры во имя Христа, призывавшие к мечу светскому, его фиктивные отчеты об обращении иноверцев на лоно вселюбящей матери Церкви, его иностранные брошюры и интервью о том, что свобода совести в России ничем не стесняется; тонкое, конечно сознательное, смешивание им понятия свободы совести и формальной веротерпимости и, наконец, допущение канонизации Феодосия Черниговского и трогательного, милого старца Серафима Саровского с провозглашением того, что и кости могут считаться мощами! Может ли затем верить в искренность проповеди об уважении к пастырям Церкви тот, кто, подобно мне, выслушал рассказ А. А. Нарышкина следующего содержания:

«Я пришел с просьбой в приемный день к Победоносцеву. Но, не желая пользоваться привилегией сенаторства и личного знакомства, стал в глубине приемной. К. П. вышел к собравшимся в большом количестве просителям из светских и духовных лиц и, подойдя прежде всех к провинциальному архиерею, принял его благословение и спросил его, когда он думает ехать в свою епархию. “Да вот, ваше высокопревосходительство, хотел просить продления отпуска на некоторое время, чтобы продолжать лечение моего недуга у здешних врачей”. – “А вы бы, владыко, лучше ехали домой в свою епархию! Ну чего вам здесь оставаться! Ведь, в карты-то играть и там можно”, – отрезал ему Победоносцев громко и при всех».

Конечно, мне могут указать на разные улучшения материально-го характера, развитие епархиальных училищ, возвышение окладов, попытки перевести духовенство на жалованье, церковное строительство и т. п. Но позволительно спросить, где улучшение труда Церкви для благотворного влияния на народную нравственность? Где желание одухотворить и оживить умирающую веру народа и разлагающийся организм Церкви? Перед загадкой двоедушия Победоносцева,

понимаемой в смысле душевного раздвоения, я становлюсь в тупик и не нахожу ему ясных для меня объяснений...

В 1881 году после трагической кончины Александра II его сын, естественно, искал опереться на человека, которого знал близко в качестве своего преподавателя, с которым разделял сетование на личные неполадки близкого к закату царствования и которому доверял вполне как совершенно бескорыстному человеку. Для Победоносцева сложилось положение исключительного советника и руководителя политики нового государя, и он мог бы сделаться, если бы в сердце этого честного, но ограниченного человека с упорной волей, в сердце, в котором жило несомненное желание величия и счастья своего народа, он умел посеять и взрастить доверие к этому народу и любовь к его духовному развитию. Произнося свою коронационную молитву, Александр III обливался слезами сознания своей ответственности перед Богом за врученный ему народ. На этом чувстве, пользуясь его доверием, необходимо было построить разумное и систематическое движение вперед по пути оставшихся недоконченными реформ покойного вместо слепой ненависти к ним и совершенно непристойного замалчивания памяти их творца. Есть мелочные факты, которые гораздо красноречивей длинных рассуждений. Когда умер Николай I, его тяжкая для России память не только была увековечена по повелению сына монументом, но немедленно после его кончины его именем были названы в Петербурге Академия генерального штаба, военносухопутный госпиталь, кавалерийское училище, мост через Неву, железная дорога в Москву, инженерное училище, Пулковская обсерватория и т. д. до грязной улицы, переименованной в Николаевскую. Александр II как будто старался заставить позабыть темные стороны царствования своего отца, отмечая все полезное, что тот сделал. Но сын Александра II не последовал примеру своего отца, и ничто не напоминало в его царствование царя-освободителя в царской резиденции, кроме нелепо начатой постройки собора на месте убийства,

около которой нагрели себе руки разные чиновные воры, обратившие собранную со всей России народную копейку, эту медную слезу русского народа, в удобные для кражи кредитные бумажки. Уже теперь трудно верится, что еще так недавно на Руси было время, когда было запрещено праздновать 19 февраля и когда оказывалось разнообразное давление для того, чтобы воспрепятствовать торжественно помянуть двадцатипятилетие судебных уставов. Люди, приведшие к гибели Александра II, строили свое зловерное влияние на возбуждении в нем чувства страха за последствия своих реформ; воспользовавшись покушением Каракозова, они питали и поддерживали этот страх в ущерб развитию родной земли. Убийение отца не могло не поселить ужаса и негодования в душе сына, но как велика и незабвенна могла быть заслуга «ближнего боярина» (?), который сказал бы молодому монарху: на ране вашего сердца нельзя строить идеалов управления. Она священна, но народ и страна в ней не виноваты и, если Господь хотел помиловать преступный город хотя бы за нескольких праведников, то можно ли царю карать весь народ за нескольких безумцев?! То, что писал я тогда, на другой день после кончины государя в «Порядке» (3 марта 1881 г. № 62), прилагается к этой записи в виде приложений¹. Но Победоносцев не сказал этого. Он составил знаменитый манифест о самодержавии, повлекший за собой выход в отставку Лорис-Меликова, Абазы и графа Милютина. А «Порядок» получил за мою статью предостережение. Хотя Победоносцев не кичился и не рисовался своим влиянием, но все немедленно почувствовали, что это «действительный тайный советник» не только по чину. Мне рассказывали заслуживающие доверия члены Государственного Совета того времени, что большинство говоривших в Совете стало постоянно смотреть в его сторону, жадно отыскивая в сухих чертах его аскетического лица знак одобрения или сочувствия тому, что они говорили,

¹ Приложения не приводятся (Прим. сост.).

подделываясь под взгляды «*éminence grise*»¹ или «великого инквизитора», как они его заочно называли. Личное влияние его, доходившее до того, что он делал членами Государственного Совета людей, которых министр юстиции не желал взять в сенаторы, стало падать после 1890 года, когда Александру III поднесли письмо Победоносцева к умершему адмиралу Шестакову с выражениями сомнения в глубине и проницательности ума его августейшего ученика. Но посеянные им семена на ниве встревоженной и смущенной души недалекого, по его собственному мнению, человека уже принесли свои плоды в области русского бесправия. В первые годы этого времени я совсем не виделся с Победоносцевым, ограничиваясь лишь случайной перепиской, главным образом по поводу присылаемых им мне брошюр юридического и этического характера.

Но с назначением меня обер-прокурором уголовного кассационного департамента в 1885 году свидания наши возобновились, и притом большей частью по поводам весьма малоприятным. Я встретился в моей новой деятельности с практическим осуществлением того, что называлось у нас веротерпимостью, то есть с самыми возмутительными преследованиями раскольников, сектантов и иноверцев, причем эти преследования видоизменялись, как протей, и, будучи поражены и раздавлены в одном месте, возникали в другом или том же, но с другой окраской, не изменявшей их зловредной и бесстыдной сущности.

К делам о несогласно мыслящих, о которых будет сказано в приложении, присоединялись и дела об оскорблениях веры и Церкви, причем, конечно, под влиянием косвенных давлений из Петербурга или желания попасть в тон, причем очень часто квалификация этих деяний поражала своей бездушной натянутостью, а наказания своей суровостью. Я слишком люблю судебное ведомство и слишком знаю, какой тяжкий, бескорыстный труд несут его представители, чтобы делать

¹ Серого превосходительства (франц.).

такие обобщения, которые позволил себе во второй Государственной Думе сделать какой-то мерзавец из отставных вице-губернаторов, Настойкин или Наливкин, хорошенько не припомню. Тем не менее я должен сознаться, что некоторые приговоры судов и кассационные по поводу них упразднения не могли не возмущать нравственного чувства. Растлевающее влияние шло из Петербурга двумя путями: через обер-прокурора Святейшего Синода и через министра юстиции при благосклонном местном содействии епархиального начальства. Это влияние, конечно, редко оказывалось по отдельным делам, а главным образом проявлялось в высказывании общих взглядов и руководящих указаний, благодаря которым на местах начиналось усердие всегда не по совести и часто не по разуму. Это направление росло у меня на глазах и достигло своего апогея к концу 90-х годов. Даже на высших ступенях судебной лестницы в кассационном Сенате и в кабинете министра юстиции по каждому выдающемуся по объему, значению или личности делу из указанных мной категорий возникал вопрос: а что скажет по этому поводу Константин Петрович, причем в большинстве случаев это значило: а что скажет, а затем и прикажет государь?! Если по делам об отпадениях от Православия, о совращениях в раскол и о ересьях приходилось в сенате вести трудную борьбу и достигать справедливого и человеческого результата лишь путем больших усилий, то по делам об оскорблениях веры, то есть о богохулении, кощунстве и т. п., эта борьба была прямо тяжелой и оставляла подчас почти невыносимое чувство негодования. И в этой области все шло *crescendo*¹. Слабый характером, несмотря на свои решительные аллюры, министр юстиции Манасеин еще оказывал иногда, пользуясь товарищескими отношениями по Училищу правоведения, некоторое пассивное сопротивление Победоносцеву, а в деле пасторов поступил даже с высоким и редким у наших сановников благородством. Но когда министром сделался Муравьев, не связанный в прошлом товари-

¹ Крещендо. В возрастающей степени (*итал.*).

ществом с Победоносцевым и обязанный своим быстрым служебным возвышением в значительной степени бездушному ханже великому князю Сергею Александровичу, то дело пошло гораздо хуже. Жадному карьеристу, смотревшему на свой пост лишь как на ступень к дальнейшим почестям и окладам, доброе расположение «великого инквизитора» было, конечно, гораздо важнее, чем безупречность русского правосудия. Вредное влияние отразилось на судебных решениях особенно осязательно именно при Муравьеве, причем он не стеснялся давать прокурорам палат конфиденциальные циркуляры о необходимости «в видах правительства» толковать вопросы о составе преступлений против веры в смысле, противоположном предуказаниям Сената. Помимо вредного влияния министра юстиции, и в самом Сенате существовала большая группа лиц, по разным основаниям стоявших за самую крутую расправу с несогласно мыслящими в делах веры и, следовательно, за оставление кассационных жалоб по этим делам без последствий. Одни были люди честные, но говорившие по убеждению своего узкого фанатизма. Таковыми являлись барон Н. О. Тизенгаузен и И. И. Полнер. Оба они относились ко мне очень дружелюбно, в особенности последний, но стоило мне начать толковать закон в широком смысле или стать на защиту веротерпимости в узких и тяжких рамках кассационного производства, когда даже нельзя было касаться существа, как оба они преображались, в глазах их появлялась холодная неумолимость, и первый из них вопиял сенаторам: «Не идите по пути, на который нас влечет обер-прокурор!» А второй, бледный от волнения, говорил мне дрожащим голосом, отводя меня в сторону: «Друг мой! Что вы делаете?! На какую святыню вы посягаете?! Друг мой, вы себя погубите! Еще слава богу, что ваше заключение дано при закрытых дверях заседания!» Замечательно, что Полнер был в общем человек самостоятельный и стойкий, опытный и в высшей степени трудолюбивый юрист. Но на него легла печать его пребывания юрисконсультom Святейшего Синода. Надо при этом за-

метить, что он был крещеный еврей и, перейдя в другой религиозный стан, принес туда жестокую нетерпимость своих предков. Я помню, как они оба ратовали против меня по делу Меркурьевой и Васильевой, возбужденному ученым гонителем сектантов, последователем и учеником московского Филарета, тверским архиепископом Саввой. Несчастные женщины были осуждены в ссылку в Сибирь вследствие утвердительного ответа присяжных на вопрос о виновности.

Вторая группа состояла из малодушных и трусов и была довольно многочисленна. К ней принадлежали преимущественно люди с немецкими фамилиями и неправославного вероисповедания, очевидно боявшиеся, что их могут заподозрить в потакании врагам Православия. Сюда же относились и добровольцы из русских. Я не могу забыть до сих пор сидевшего ближе всех к моему месту сенатора И. Г. Мессинга, отличавшегося во время оно в судебной палате неутомимой ненавистью к запятым. Больной и близкий к смерти, с отвисшей нижней челюстью и идиотски раскрытым ртом на бледном и тупом лице, он оживлялся лишь когда нужно было подать свой голос за то, чтобы оставить в силе какой-нибудь бесчеловечный приговор о сектанте или «оскорбителе веры». В этой группе доходило до того, что нашелся сенатор А. А. Арцимович, который в явное умаление достоинства Сената и в явное противоречие точному смыслу закона возбуждал вопрос о том, имеет ли он право как католик участвовать в кассационном рассмотрении дел, касающихся Православной Церкви. Когда этот прием «нехождения на суд нечестивых» не удался, то этот брат благороднейшего Виктора Антоновича (см. мои воспоминания о нем) стал вотировать за утверждение возмутительных приговоров, ссылаясь на то, что он как инославный не считает себя компетентным в законах, направленных на защиту Православия и потому считает себя нравственно обязанным умыть руки перед приговорами православных судов. Я помню, как в 1901 или 1902 году А. М. Бобрищев-Пушкин – человек с возвышенной и чуткой душой, дававший заключение в III Отделении

кассационного сената, – плакал у меня в кабинете, рассказывая об оставлении без последствий, вопреки его заключению, жалобы старообрядца, осужденного с вопиющим нарушением внутреннего смысла закона вследствие увертливости А. А. Арцимовича.

Третьи из описываемой группы были не менее опасны, чем беззастенчивые палладины Православия. Это были оппортунисты, которые, стыдясь быть слугами неправды, в то же время стремились переложить ответственность на суд или присяжных. Когда я предлагал отменить приговор суда и решение присяжных по 1 статье Устава угол. суд-ва и 1 ст. Уложения за отсутствием состава преступления, они соглашались на кассацию по какому-нибудь пустому судопроизводственному нарушению или в крайнем случае отменяли приговор суда, оставив в силе решение присяжных о виновности. Таким образом, и они умывали руки по коренному вопросу, обращая дело, а с ним вместе и подсудимого на новую судебную волокиту. Этот уклончивый образ действий всегда меня чрезвычайно волновал, так как подсудимые были по большей части крестьяне и темные люди, не имевшие в своем распоряжении способов дальнейшей защиты. Представителем этого типа сенаторов был Андрей Николаевич Маркович – бледный, изящный старик, блиставший драгоценными камнями своих перстней, отличный музыкант и помощник митрополита по Человеколюбивому обществу, потихоньку осуждавший своего друга Победоносцева, но редко имевший мужество сказать это прямо. Наконец, был и такой сенатор, который представлял собой своего рода психологическую загадку. Это был прошедший долгую и безупречную судебную службу сенатор Александр Викторович Волков, маленький на вид человек, с болезненным лицом (он страдал сердечным недугом, который и свел его в могилу), вечно сомневающийся под влиянием доброты, доходившей почти до истерической сентиментальности. Каждый обвинительный приговор по обыкновенным и иногда очень тяжким преступлениям, который

приходилось оставить в силе, повергал его в уныние и вызывал с его стороны длинные и бесплодные споры. При этом он был и очень неустойчив во мнениях под влиянием временных настроений. Я помню характерный в этом отношении случай: в Полтавской губернии была изловлена шайка конокрадов, составлявшая ужас и отчаяние целой местности. Один из них сознался, будучи захвачен с поличным, и выдал своих товарищей, у которых найдены были во множестве похищенные сбруи и разные вещи, их вполне изобличавшие, так что и они сознались, повторив это сознание на суде. Но оговоривший, допрошенный после них, отказался от своего сознания и стал объяснять это сознание истязаниями, которым его будто бы подвергли в волостном правлении, всунув ему суковатую палку через задний проход в кишки и там поворачивая. Суд постановил сообщить о его заявлении прокурору для исследования и возбуждения вопроса об ответственности сельских должностных лиц и вместе с тем поручил врачу-эксперту его немедленно освидетельствовать, причем ни малейших следов описанных истязаний не оказалось. Присяжные заседатели, перед которыми прошла масса потерпевших, не поверили этому очевидному вымыслу, заготовленному в тюремной академии, осудили всех конокрадов. Оговорщик принес на этот приговор жалобу в Сенат, и к ней под влиянием наставлений той же академии присоединились и все остальные осужденные в количестве, кажется, 16 человек. Докладывая это дело, Волков так поразился рассказам о крючковой палке в кишках, что стал настойчиво доказывать необходимость кассации приговора, несмотря на незаслуживающие уважения кассационные поводы. Сколько ни рычал на него резкий и грубый Репинский, сколько ни убеждал я его в отсутствии законных оснований для кассации, он стоял на своем, хватался за сердце, побледнел, как полотно, и наконец заявил нам, что, не соглашаясь с ним, мы его «буквально убиваем», и просил во всяком случае отложить резолюцию до следующего заседания. Тогда председательству-

ющий Репинский предложил ему прислать дело для рассмотрения мне с тем, что если я отыщу какую-либо возможность кассации, то и он согласится. Я посвятил несколько дней на чтение от доски до доски этого дела, состоявшего из пяти толстейших томов, и пришел к убеждению, что оно по существу было решено правосудно, а по формам и обрядам совершенно правильно, и что кассация такого дела была бы разрушением долгой и сложной работы суда и присяжных. Я написал об этом Волкову, который, явившись в заседание, своими мольбами совсем нас расстроил, так что я взял дело опять, чтобы попробовать найти какую-нибудь кассационную придирку. Она нашлась в кое-каких неправильностях протокола и неудачных выражениях вопроса о событии, и я, сердясь на себя и на Волкова, написал с большим трудом резолюцию, которая должна была «сохранить ему жизнь». У Волкова оказалась в семействе скарлатина, и он, добросовестно основываясь на устарелой статье закона, воспрещающей особам, имеющим приезд к высочайшему двору, отлучаться из дому впредь до окончания появившейся у них в доме заразительной болезни, в течение месяца не ездил в Сенат и держал дело у себя, а приехав наконец, сказал, что он еще раз прочитал все дело тоже от доски до доски и глубоко возмущен преступной деятельностью злодеев, вносивших столько трепета и разорения в целую местность, и что он ни в каком случае не согласен на кассацию. Мы переглянулись с Репинским, и я, шутя, сказал ему: «А вот мы так решили непременно кассировать». Волков опять побледнел и сказал дрожащим голосом: «Умоляю вас, не делайте этого, я не в силах подписать подобную резолюцию. Ради бога, оставьте жалобу без последствий!...»

Но тот же самый Волков, как только до рассмотрения при его участии доходило дело о преступлении против веры, становился просто неузнаваем. С выражением глубокой правоты читал он длинные резолюции об оставлении без последствий жалоб и об отмене вследствие вынужденных прокурорских протестов оправдательных при-

говоров по делам о еретиках, раскольниках и инославных; или взволнованно, постоянно меняясь в лице и задыхаясь, спорил против моих доводов и докладов в обратном смысле. Всегда мягкий и любезный он становился резок и несносно упрям, начиная тревожно и подозрительно глядеть по сторонам, как только докладывалось такое дело. Ни в какой угодливости перед Министерством юстиции (тем более, что тогда еще и не наступили муравьевские времена) или Победоносцевым его заподозрить было нельзя, и потому его вероисповедная свирепость была мне совершенно непонятна. Он прекрасно писал, умел говорить с большой убедительностью и искренностью и потому был очень опасен, обезоруживая в то же время своим больным видом и очевидными физическими страданиями своего сердца, которое, однако, не страдало нравственно, когда его обладатель проводил теорию *Dura lex et lex*¹, толкуя этот закон буквально и узко. Благодаря этому мне приходилось очень часто переносить этого рода дела на уважение департамента, что увеличивало мою работу и ввиду сказанного о сенаторах вообще было не безопасно для исхода дел.

Я, однако, нашел оригинальное средство для укрощения фанатического пыла бедного Волкова. Он был чрезвычайно мнителен, принимал встревоженный вид и старался замять разговор, если при нем упоминали о чьей-нибудь смерти. Мы сидели рядом в отделении Сената, и когда приближался мой доклад или наступал доклад Волкова по делам о религиозных преступлениях, я начинал рисовать мертвую голову, или скелет с косою в руках, или насыпь с могильным крестом. Волков, бросив недовольный и тревожный взгляд на эти художественные произведения, наводившие на него ужас, не мог уже от них оторваться и, постоянно возвращаясь к ним взором, наконец, говорил мне: «Что это какие вы неприятные все вещи рисуете?» – «Отчего же неприятные? Я уже вам объяснял, что это различные эмблемы смерти, о которой никогда не надо забывать. Ведь и мы с вами, вероятно,

¹ Закон суров, но это закон (*лат.*).

скоро отправимся в путешествие, из которого никто не возвращается! Там придется отвечать за каждый лишний вздох и каждую напрасную слезу, которые мы здесь причинили нашими решениями. Вот и теперь придется решать настоящее дело, я себе и напоминаю о смерти. Знаете, как римляне на пирах ставили череп, украшенный розами. Вот и нам бы сюда череп, но только без цветов, а с сенаторским шитьем в том месте, где была когда-то шея». – «Фу! Какая гадость!» – торопливо говорил Волков и, преодолевая себя, старался отвернуться от гипнотизировавшего его изображения. «Прикажете разорвать?» – «Ах, пожалуйста, пожалуйста! Ну, что вам за охота! Вы знаете, как это неприятно на меня действует!» – «А на меня действует неприятно, когда я вижу, что вы – человек добрый и чувствительный – распинаетесь за жестокие приговоры. Вот вам мое художественное произведение в полную собственность!..» Волков нервно надрывал его, задумывался и хотя оставался при своем мнении, но высказывал его в двух словах и не защищал, предоставив мне полную свободу доказывать противное. Да простит мне Эрато мои безобразные рисунки за их добрую цель. В начале 90-х годов Волков умер, но на смену ему по этого рода делам явился сенатор Люце, о котором речь впереди.

Вторым элементом, затруднявшим защиту веротерпимости, были, к сожалению, наши уездные присяжные заседатели, которые вовсе не оправдывали мнение о религиозной терпимости русского народа, особенно в делах о соращении в ереси и расколе. Из полного отсутствия протестов прокурорского надзора по этим делам можно было с достаточным основанием заключить, что в этих случаях придание суду неминуемо сопровождалось обвинительным приговором, а в делах, доходивших до Сената, по жалобам осужденных, я не помню ни одного случая, когда присяжные дали бы снисхождение. Конечно, этому содействовала и лукавая постановка вопроса по фактическим признакам преступления, и односторонняя, часто даже недобросовестная в смысле возбуждения страстей, экспертиза

епархиальных сведущих людей или специально присылаемых из Петербурга опричников Православия, вроде знаменитого Скворцова – чиновника особых поручений при Победоносцеве. Я живо представляю себе картину суда над какой-нибудь ветхой старухой, впавшей в пашковскую ересь и которую председатель торжественно и многозначительно спрашивает, признает ли она себя виновной в том, что следовала учению, основные догматы которого состоят в*. Эксперт доказывал обыкновенно, что секта, к которой, по его мнению, несомненно, принадлежит подсудимый или подсудимая, представляет собой нарушение всех законов божеских и человеческих, а суд спрашивал затем, виновен ли подсудимый в таких обстоятельствах, которых он обыкновенно и сам не отрицал. Затем следовало обыкновенно бесцветное и туманное напутствие председателя, в котором часто совершенно произвольно отдельные фактические данные возводились в догму сектантского вероучения. Наконец, на решение присяжных влияла, конечно, и местная атмосфера недоброжелательства к сектантам, не чуждого зависти вследствие их сравнительной зажиточности и более нравственного образа жизни. Против этого элемента, искажавшего правосудие, единственным средством спасения должен был являться кассационный сенат со своим Quos ego¹. Но я уже говорил о Сенате. Должен, впрочем, прибавить, что очень доброе воспоминание по этим делам, несмотря на свое немецкое имя, оставили во мне Эдуард Яковлевич Фукс, всегда стоявший за истинную веротерпимость, и первоприсутствующий Илиодор Иванович Розинг. Что касается до знаменитого юриста Таганцева, то он по этого рода делам раздваивался. Несмотря на свой юридический авторитет, он был узок, формален и односторонен в толковании карательного закона о богохулении, кощунстве, оскорблении святыни и т. п., жесток и бездушен в его применении. Но по делам о совращении и о принадлежности к ересям и расколам он действовал прекрасно и был всегда, за исключением

¹ Я вас (*лат.*).

одного случая, о котором я упомяну ниже, моим союзником в важном вопросе о свойствах способов совращения.

Из дел первого рода мне особенно вспоминается, во-первых, дело Осминского, в котором Муравьев участвовал в качестве обер-прокурора. Во-вторых, дело несчастной 18-летней еврейки, молодой вдовы с двумя детьми и престарелым отцом. В Малороссии, в сельскую мелочную лавку, где она заменяла отца, пришли великим постом два крестьянских парня и потребовали селедку, которая во избежание порчи лежала в воде с краю деревянного корыта, на другом конце которого лежало мясо. Замечание парней о том, что селедка стала скоромной, вызвало диспут о значении поста, причем крестьяне сказали, что пост установил сам Бог в лице своего сына, на что N. N. возразила, что Христос не был сыном Божиим, «байструк» и волшебник, которого родная мать хотела запереть в сундук, но он намазал себе подошвы чудесным составом и улетел. Спорящие разошлись мирно, но парни повторили ее нелепый рассказ при уряднике, и началось дело «о богохулении». По мнению судебных властей, неразвитая и глупая еврейка хотела своей сказкой и непризнанием Христа сыном Божиим «поколебать веру своих слушателей». Дело слушалось в Бердичеве, где окруженные густым еврейским населением исключительно православные присяжные заседатели вынесли обвинительный приговор, и суд имел постыдное мужество приговорить несчастную женщину в каторжные работы на 6 лет с поселением в Сибири навсегда. Я не без труда добился отмены этого приговора по непостановке альтернативного вопроса о кощунстве, полагая, что суд сам поймет нравственную необходимость слушания подобного дела с интеллигентными присяжными губернского города. Но суд этого понять не хотел и слушал дело (по которому было всего два свидетеля и по которому несчастная еврейка сидела уже год под стражей) в выездной сессии, причем результат получился тот же. Для кассации не было никаких поводов, но мне удалось уговорить, вопреки воз-

ражениям Таганцева, обер-прокурора Случевского ходатайствовать перед министром юстиции о смягчении наказания. Колеблющийся между мною и Таганцевым, нерешительный, но добрый Случевский согласился на это под условием, что я напишу текст рапорта министру о смягчении наказания... вообще. Одновременно с рапортом Случевского я написал Муравьеву большое письмо, в котором, доказывая внешнюю нелепость и внутреннюю несостоятельность обвинения в богохулении, просил его ходатайствовать перед государем о полном ее помиловании со вменением ей в наказание содержания под стражей, так как всякое смягчение наказания было бы по отношению к несчастью целой семьи фиктивным. А через неделю Таганцев не без иронии сказал мне: «Ну, твоей жидовке будет смягчено наказание. Она отправится на поселение. Ей ведь все равно, где заниматься гешефтом!»

В-третьих, дело.

В-четвертых (третьих), дело крестьянина Матерухина, о котором я не могу вспомнить без волнения до сих пор. Этот Матерухин – сын зажиточной крестьянской семьи в Тотемском уезде – был с малолетства «созерцателем» и тем, что народ называет «блаженненьким»: любил уходить в лес, петь молитвы и говорить о божественном. Отданный в семинарию он, однако, учился плохо и курса не кончил, будучи уволен, как говорилось в старину, «за урослием». Верный своим наклонностям он надел странническую одежду и пошел бродить по монастырям, проживая в них подолгу и исполняя в них разные душе-спасительные работы, постоянно выражая скорбь, что ему не удалось достигнуть сана священника и исполнить мечту всей своей жизни – совершить литургию. Так достиг он двадцативосьмилетнего возраста и, побывав в обителях в разных концах России, направился откуда-то с Дона домой, соорудив себе одежду, напоминавшую монашеский костюм. Перед последним переходом по Дону он пришел в большое село и на расспросы жившего там священника, который знал его еще ре-

бенком, рассказал «из малодушного тщеславия», что он – монах, нареченный при пострижении Нестором. Эта ложь его и погубила, ибо священник – больной и дряхлый человек с отечными ногами – выразил сожаление, зачем отец Нестор не иеромонах, так как в последнем случае он мог бы отслужить за него – немощного – в завтрашний храмовой праздник литургию. Перед Матерухиным внезапно мелькнула возможность осуществить мечту всей своей сознательной жизни и ослепила его: он заявил священнику, что недавно посвящен в сан иеромонаха и с радостью готов ему помочь. Оставшись один, он со слезами страха и восторга простоял на коленях всю ночь, молясь и прося прощения за свою ложь у того, кто видел его смущенную и умиленную душу. На другой день священник, ходивший с большим трудом, отведя его в церковь и сидя в алтаре, по собственному показанию, любовался, видя, как «истово» служит отец Нестор, и с удовольствием слушая, как последний говорил надлежащее в тот день слово. По окончании службы Матерухин собрался идти дальше, но священник просил его откусать пирога и выпить чаю и предложил, согласно существующему правилу, расписаться в книге о совершении службы. Матерухин написал «еромонах отец Нестор» и т. д. Эта орфография смутила старого священника, и по уходе Матерухина он сообщил о своих сомнениях благочинному, и... пошла писать консистория! Вместо того, чтобы не возбуждать соблазна оглашением случившегося обмана, никому, кроме священника, неизвестного, начато было следствие, к которому следователь привлек Матерухина в качестве обвиняемого по 1418 статье Уложения за именование им себя «из малодушного тщеславия» не принадлежащим ему званием. Но прокурорский надзор вологодского окружного суда предложил привлечь Матерухина по 210 статье Уложения, которая говорила «о забывшем страх Божий и насильно вошедшем или ворвавшимся в церковь, с намерением поругаться над святыней или над святыми таинствами», карая его в том случае, когда дерзость его дойдет до

того, что он осмелится совершить сие поругание действием, «каторжною работою без срока с употреблением на тягчайшие работы» и без перевода в исправляющиеся, то есть подвергая его одинаковому наказанию с предумышленным отцеубийцей. Матерухин был взят под стражу, московская судебная палата предала его суду по 210 статье, а присяжные заседатели на вопрос по фактическим признакам ответили утвердительно, и суд разбил навсегда своим бездушным приговором молодую жизнь, не только не воззвав к монаршему милосердию, но даже не смягчив сам, в пределах предоставленных ему прав, жестокого наказания. В Сенате дело попало в доклад сенатора Люце. Этот господин заслуживает нескольких строк. Весьма образованный юридически лицеист, он был в первой половине 70-х годов столичным мировым судьей и постановлял строгие, но справедливые приговоры по делам о нарушениях устава питейного и о трактирном промысле, что возмущало господствовавшую тогда в Петербургской думе трактирную партию, которая его при новых выборах и забаллотировала. Я никогда не видал его лично, но, услышав от покойного Барановского о случившемся, был крайне возмущен. На мою радость у меня была в прокуратуре вакансия товарища, и я настоял у графа Палена о разрешении мне предложить ее опальному мировому судье; когда последний был через две недели после забаллотирования сделан моим товарищем, то я его назначил состоять при столичном мировом съезде, то есть продолжать в полной независимости от гласных Думы как избирателей свою деятельность в том самом учреждении, из которого эти избиратели его выкинули. Когда я был вице-директором Министерства юстиции, я приглашал не раз Люце на маленькие дружеские у меня собрания. Но когда над моей головой заревела буря по делу Засулич, господин Люце при встречах со мной отворачивался и старался меня не узнавать. Прошло много лет, и Набоков проделал со мной то же, что я некогда с Люце, т. е. провел меня из опальных и гонимых судей в рулевые на кассационном корабле.

У меня стали открываться вакансии товарищей обер-прокуроров, и Люце стал меня снова узнавать и любезно со мной раскланиваться, а я, не желая памятовать его неблагоприятного ко мне отношения, не возражал против назначения его – в это время начальника уголовного отделения министерства – на одну из таких вакансий. Он пробыл моим товарищем недолго и вскоре был назначен вице-директором, а оттуда, в нарушение всякой постепенности, шагнул прямо в сенаторы, чем, однако, был почему-то недоволен. В свою сенаторскую деятельность он внес формализм, поражавший даже закоренелых кассаторов, и холодное педантическое бездушие, как-то странно противоречившее его благообразному с тонкими чертами лицу и тихому, и мягкому голосу. Настойчивое поддержание полицейских требований по делам по 29 статье Устава о наказаниях (неисполнение законных требований и распоряжений правительства), суровое и беспощадное отношение к расколу, узкое толкование самоуправства, 142 статьи Устава о наказаниях, и систематическое толкование статей о преступлениях против веры в нетерпимом духе официального Православия, тихо струящаяся, но упорная ненависть к евреям и финнам – были характерными чертами его деятельности за время совместной с нами службы в Сенате. Никто не раздражал меня между моими товарищами так, как этот смазливый приноситель житейской правды в жертву мертвой букве закона, из шепчущих уст которого постоянно слышались педантические инсинуации на мой счет о смешении мной понятий о «*lege lata*» и «*lege ferenda*»¹. Бывали случаи, когда, с трудом сдержав себя от резкостей по его адресу, я приходил домой больной, с глубоким огорчением в сердце за отдельных лиц и за несчастное русское правосудие, попадавшее в руки таких сановных юристов, к которым можно было применить слова Figaro у Бомарше: «Я верю в вашу справедливость, хотя вы и служитель правосудия». Как один из многочисленных примеров наших споров с Люце могу

¹ Закона существующего и закона предложенного (*лат.*).

привести следующий: во второй половине 90-х годов в Петербурге чрезвычайно развилось хулиганство, против которого не принималось никаких действительных мер. На улицах появились ножовщики и различные наглецы из отбросов общества, оскорблявшие словом и делом приличных прохожих, и в особенности женщин и молодых девушек, которые постоянно рисковали выслушать позорное предложение или площадную брань, получить грубый умышленный толчок и даже быть схваченными за груди или ниже живота. Иногда дерзость хулиганов доходила до того, что они совершали это над женщинами, шедшими в сопровождении почтенных и старых людей. Оскорбленные, озадаченные и смущенные обыкновенно терялись или пугались угрозы «получить в морду». Женщины же, по свойству самого оскорбления сгорая от стыда и негодования, не решались обратиться к кому-либо за защитой, ввиду свойства нанесенного им оскорбления. Полиция обыкновенно отсутствовала на месте, да и обращение к ней в большинстве случаев было бы бесполезно, ибо, покуда постовой городской уразумеет, в чем дело, хулиган или целая их группа замешивались в толпу или стрелой мчались на новые их подвиги. Но бывали, однако, случаи, когда оскорбленный и в особенности сопровождавший оскорбленную вне себя от справедливого гнева хватал хулигана за горло или наносил ему вполне заслуженный и совершенно понятный удар. Собиралась толпа, приближался городской, обоих вели в участок в сопровождении зевак, и полиция совершенно механически составляла протокол «о драке на улице», а заваленный делом мировой судья и кисло-сладкий сентиментальный петербургский мировой съезд постановляли и утверждали приговор, присуждавший обоих, то есть презренного хулигана и заступившегося за жену, дочь или сестру порядочного человека, к одинаковому наказанию «за драку на улице», вместо того, чтобы прекратить такое дело за отсутствием жалобы хулигана или, по крайней мере, «ввиду взаимности обид». Приговоры такого рода стали поступать в Сенат, и, докладывая их, я пред-

ложил отменять их за отсутствием состава проступка, так как драка предполагает взаимное желание произвести буйство и нарушение общественной тишины, а не защиту своей чести оскорбленным лично или в лице близких и дорогих ему существ. Сам закон, строго разграничивая драку от взаимности обид и смягчая наказание виновному в оскорблении, когда к тому был подан повод обиженным, стоит именно на этой точке зрения. Приняв взгляд съезда, приходилось бы отрицать всякую самозащиту и право необходимости обороны, которое допускается не только относительно жизни и здоровья, но и относительно чести. Такой взгляд, кроме установления унижительного равенства в поступках между негодяем и человеком, сохранившим в себе чувство собственного достоинства, на практике влек бы за собой совершенно различные карательные последствия. Я помню дело, в котором пьяный извозчик, недовольный тем, что молодой человек, служивший в Министерстве иностранных дел, приехавши в лицей, расплатился с ним у ворот по таксе (причем эта расплата была признана мировым судьей совершенно правильной), схватил его за горло и стал трясти так, что тот, защищаясь, оттолкнул его и поднял трость. Можно себе представить положение этого молодого человека, начальству которого был сообщен приговор, установивший, что подчиненный упражняется в драках на улице! Против моего предложения восстал Люце, заявляя, что оскорбленный должен обращаться к полиции, если же полиции нет или она лишена возможности задержать обидчика, то до этого суда никакого дела нет. «Ваша точка зрения, – пролепетал он мне, – есть точка зрения офицерская, с которой правосудие не должно иметь ничего общего». Я вспыхнул и сказал, что предпочитаю офицерскую точку зрения хамской, в силу которой под угрозой наказания я должен безропотно переносить и допускать насилия и оскорбления, и если мне придется ввиду грубого оскорбления меня или моих близких первым встречным мерзавцем пустить в ход палку и даже револьвер, я буду считать это большим несчастьем, но вино-

вным себя в драке никогда не признаю. Позвольте вас спросить, если вы будете идти по улице с вашей супругой или дочерью и какой-нибудь наглец, осведомленный о новейшей теории драки, позволит себе относительно вашей спутницы телодвижение, прикосновение или слово в высшей степени возмутительного свойства, а затем, когда вы поспешите благоразумно уходить, станет вас преследовать и плюнет вам в лицо (все подобные случаи доходили до Сената), то что же станете вы делать в прославление вашего учения, не имеющего, однако, ничего общего с «непротивлением злу». Вы скажете вашей спутнице при дерзком хохоте окружающих: «Постой здесь. Я пойду поищу городского». Только советую вам не вытирать лица: вы уничтожите вещественное доказательство! Или, быть может, вы предпочтете начать кричать «караул» и таким образом звать полицию, но не забудьте, что ведь это будет тоже нарушение общественной тишины, которая наказывается одинаково с дракой. В департаменте, куда Люце перенес вопрос, я отстоял свое мнение, хотя у него и нашлись союзники. Но Сенат, однако, уклонился от общего разъяснения вопроса, ограничившись конкретным случаем, и в среде сенаторов сказалась обычная у нас жестокая сентиментальность и неспособность негодовать, когда дело не касается собственной шкуры. Отсутствие чувства собственного достоинства влечет у нас за собой грубое нарушение чужого достоинства, и мы в деле защиты наших личных прав, кроме случаев, когда можно действовать скопом или против слабого противника, охотно применяем к другим постыдные пословицы, в которых я решительно отказываюсь признать народную мудрость: «Брань на воротах не виснет»; «За битого двух небитых дают»; «Моя изба с краю – ничего не знаю» и т. п. Невольно вспоминается характерный случай, рисующий эти наши нравы. В конце 90-х годов, часа в три я ехал в конке от окружного суда по Литейной. Вагон был полон молодыми девушками и девочками, и в нем были только два каких-то господина. На углу Сергиевской, пошатываясь, едва не оборвавшись

на ходу, в него вошел уже немолодой человек в форме военного врача, весь до неприличия расстегнутый, и у него тотчас же началось прекращение с кондуктором, которого он с места в карьер стал бранить площадными словами и, воззвись затем на «женское сословие», громко выразил по отношению к нему пожелание, грязное по существу и по форме. Услышав это, два почтенных пассажира немедленно ушли, а я крикнул кондуктору, чтобы он остановил вагон и немедленно высадил этого господина. «А тебе какое дело? – сказал он мне. – Пусть кондуктор попробует. Я ему... – и опять крепчайшее слово – покажу кузькину мать. Вы все, черт вас побери, это видите?» – и он показал на свои погоны статского советника. Я настойчиво повторил свое требование кондуктору. Тот зазвонил и остановил вагон. «Женское сословие» тотчас же выпорхнуло из вагона, и мы остались вдвоем с доктором. Шагах в 50 стоял городской, и я попросил кондуктора кликнуть его. Услышав это, нетрезвый наглец напустил на себя вид совершенно пьяного человека, а затем, увидя, что городской приближается ленивой походкой, быстро вскочил, выбежал из вагона и уже без всяких признаков опьянения твердой и спешной походкой пошел по Итальянской улице. Я был так возмущен, что решил его догнать и не оставить совершенной им гадости без последствий. Я настиг его на углу Эртелева переулка, загородил ему дорогу и, взяв его за рукав, сказал ему: «Пожалуйста со мной в полицию», – и крикнул в то же время городскому, прося отвести нас обоих в участок, объяснив, в чем дело, указав номер вагона и другого, кроме себя, свидетеля. Военный врач не возражал, а снова притворился пьяным, сделал круглые и бессмысленные глаза и стал пошатываться, стоя на месте. Около нас собралась группа прохожих, которой я объяснил, почему я хочу, чтобы был составлен протокол о том, что позволил себе этот господин, носящий ученую форму и решившийся так вести себя перед учащейся молодежью. Но, к удивлению моему, я не только не встретил никакого сочувствия в окружающих, но из ее среды в каче-

стве защитника выступил какой-то студент с добродушной физиономией и патетическими приемами речи. «Милостивый государь! – воскликнул он, обращаясь ко мне. – За что вы хотите погубить этого человека? Ведь он, конечно, служащий! («Служащий!», – промычал врач). Быть может, живет исключительно жалованьем («Исключительно жалованьем», – опять промычал врач). Узнает об этом начальство – ему будут неприятности («Будут неприятности», – как эхо, повторил доктор). Может потерять место («Потеряю место», – повторило врачебное эхо). Ну вот видите, что вы, милостивый государь, хотите сделать, а между тем он к завтраму проспится, и ему самому станет стыдно, и все будет благополучно». – «Да этот господин вовсе не так пьян, – сказал я. – Он притворяется!» – «Милостивый государь! – завопил студент. – Да вы всмотритесь в него, ведь он лыко не вяжет («Не вяжет!» – повторил врач, укрепляясь в выгодной позиции пьяного). Оставьте его лучше. Право нехорошо!» – «Конечно, нехорошо!» – заговорили в толпе, и сам городской взглянул на меня неодобрительно и с видимым желанием поскорее от меня отделаться. «Позвольте, однако, – сказал я, обращаясь к студенту, – да ведь в числе этих девочек и девушек, при которых этот господин ругался трехэтажными словами и выражал бесстыдное желание, могла быть сестра или дочь каждого из нас. Неужели же можно оставлять такое поведение безнаказанным и в особенности со стороны человека, имеющего ученую степень, да еще врача?!» – «Милостивый государь! – докторально сказал мне студент, поднимая указательный палец. – Наши сестры и дочери не должны понимать подобных грязных предложений и скверных слов» («Скверных слов», – опять промычала жертва моего негодования, которая, судя по одобрительным студенту и укорительным мне возгласам, очевидно, считала это негодование чем-то нелепым и даже предосудительным). Мне надоела эта история и опротивело явное недружелюбное настроение всех собравшихся, и я не довел дело до конца, как сделал бы на моем месте каждый англича-

нин. Я махнул рукой и сказал: «Ну, если никто из вас, господа, не понимает, что я стою за наши общие интересы, то пусть себе идет и продолжает бесчинствовать в вагонах. Я вас не задерживаю!» – сказал я врачу. Он развязно поклонился мне и студенту и быстро ушел. Толпа стала расходиться, но студент пошел рядом со мной. «Милостивый государь! – сказал он. – Вы на меня не сердитесь. Я, ведь, что вам скажу. Мне, ведь, как юристу отлично известно, что наказание не достигает своей цели. Тут нужно общее оздоровление. Нужно поднятие нравственности целого общества». – «Вы были бы правы, – ответил я, – если бы дело шло о простолюдине, в невоспитанности которого мы сами виноваты, но относиться с таким снисхождением к врачу нельзя. Можно себе представить, что он способен себе позволить над подвластными, или там, где его никто не видит. Какие гадости он может совершить под видом медицинских приемов! Я тоже немножко юрист и даже довольно опытный. Но думаю, что ваши взгляды могут привести не к поднятию нравственности, а к совершенной ее гибели, ввиду полной безнаказанности всякой мерзости». – «Юрист?! – воскликнул студент. – Товарищ по оружию! С кем имею честь говорить?» – «Я – обер-прокурор, сенатор Кони». – «Как?! – воскликнул студент. – Вот приятный случай! Я ваш большой поклонник! Вот удивительный случай!!!» – «Случай и для меня удивительный, – сказал я, – но вовсе не приятный». – «Пожалуйста, не сердитесь! – добродушно сказал мне мой юный “товарищ по оружию”. – Как я рад с вами познакомиться!» и т. д. И он проводил меня до дому, добродушно продолжая развивать свою теорию непротivления.

Однако возвращаюсь к делу Матерухина. В один прекрасный день, просматривая перед началом заседания резолюции, заготовленные сенаторами III Отделения, в котором я председательствовал, я нашел в числе 12 заготовленных Люце к докладу резолюцию короче утиного носа по делу Матерухина, в которой говорилось, что Сенат, признавая применение 210 статьи Уложения правильным, оставляет

жалобу (написанную очень неумело) без последствий. Рассмотрев на- скоро дело, я ужаснулся и, потребовав подробного доклада, стал настаивать на кассации дела. Бледный лик самолюбивого докладчика позеленел, и он так уперся, что я должен был перенести на уважение присутствия департамента, где мне пришлось пережить минуты великого омерзения. Началось с того, что после сухого и формального доклада Люце Случевский (обер-прокурор) дал совершенно не- свойственное своему мягкому характеру заключение об оставлении жалобы без последствий, указывая на тяжесть преступления, совершенного Матерухиным, и на важность интересов (?), на которые он посягнул. В конце своего заключения он предостерегал нас не пугаться тяжести наказания, которое притом может быть смягчено по докладу министра юстиции, и памятовать, что это одно из тех преступлений против религии, к которым должны быть отнесены слова Спасителя: «Мне отмщение и аз воздам!» Очевидно, что тлетворное влияние Победоносцева и Муравьева коснулось и этого весьма порядочного и доброго человека. Затем началось обсуждение дела, причем Таганцев высказал, что он не понимает, зачем столь ясный вопрос перенесен в департамент. «Преступлен мне очевидно, и закон применен совершенно правильно». Это начало не обещало ничего хорошего. В длинной и подробной речи я стал доказывать всю неправильность этого «правильного», по мнению знаменитого криминалиста, применения закона. Разве Матерухин вошел насильно в храм?! Он был приведен упросившим его священником! В чем затем выразилось его намерение оскорбить святыню?! Где забытый страх Божий? Он плакал и молился целую ночь. Какое, наконец, таинство он оскорбил? Таинство священства. Нет, такого таинства он оскорбить не мог, ибо оно состоит в рукоположении епископом во иереи, а Матерухин никого не рукополагал, а лишь присвоил себе звание иерея. «Таинство евхаристии!» – воскликнул тогда Таганцев. Но это таинство требует трех элементов: иерея, творящего молитву, чашу с хлебом и вином, бже-

ственной благодати, необходимой для пресуществления. Если одного из этих элементов нет – нет и таинства. Если молитву творит мирянин, а не священник, это не таинство. Если в чаше нет хлеба и вина – это не таинство. Но простой и бесплодный символический обряд. В крайнем случае в действиях Матерухина можно – и то с большими натяжками (я шел на уступки, видя настроение моих коллег) – можно видеть лишь кощунство, применительно к решению по делу Осминского. Но в действительности тут и этого нет, а простое именование себя непринадлежащим званием, верно понятое судебным следователем. Затем, указав на фактическую сторону этого дела, на полное противоречие этого жестокого приговора житейской правде и на то, что недостойно Сената руководиться расчетом, что, «быть может, министр юстиции сообразовал смягчить наказание», и оставлять поэтому неправильный приговор в силе, я заметил по отношению к последним словам приговора, что если Бог нуждается в отмщении, то у него для этого достаточно средств более сильных, чем несправедливые приговоры кассационного суда, причем это даже не слова завистливого, жестокого и мстящего до седьмого колена еврейского бога, а тем более не слова Спасителя. Это слово Иероваама. Христос же был чужд идеи мести и дал нам завет: «блаженны милостивые». Тогда Таганцев, вероятно уже поговоривши по этому делу с Муравьевым, заявил, что у него волосы стали дыбом, когда он прочел это дело, представляющее случай неслыханного преступления. «Можно себе представить, – воскликнул он, – святое негодование тех, кого он причастил, и соблазн среди тех, которые об этом узнали!» – «Но ведь из дела видно, что он никого не причастил», – возразил я. «Все равно, он мог причастить!» – воскликнул защитник фиктивного таинства, который до своего быстрого служебного повышения заявлял, что он, подобно Ваське Буслаеву, не верит «ни в сон, ни в чех, ни в птичий грот». Жалоба была оставлена без последствий большинством 19 голосов против одного – моего. «Я буду ходатайствовать перед Муравьевым о смягчении, – сказал,

видя мое огорчение, подходя ко мне, Случевский. – Уверяю тебя, я говорил по искреннему убеждению без всякого давления на меня и понимаю, что тебе жаль Матерухина». – «Да, мне жаль его и тебя, и тебя тоже жаль», – сказал я, посмотрев в страдальческое и смущенное лицо моего преемника. Он исполнил свое обещание, и господин Муравьев великодушно исходатайствовал у государя Матерухину ссылку на поселение с лишением всех прав состояния. Но зловерное кассационное решение осталось и очень скоро получило применение в услужливых руках того же господина Люце.

Это было дело 18-летнего сектанта N. N., принадлежавшего к ереси, отрицающей причастие. Вступая в брак с православными, эти сектанты вынуждены исповедоваться и причащаться у православного священника и избегают нарушения основного правила своего вероучения тем, что стараются не проглатывать причастие. Страстно влюбившийся в местную православную девушку N. N. решил на ней жениться, несмотря на отговаривания матери – упорной сектантки, которая накануне свадьбы приказала ему, приняв причастие, не проглатывать его, а тихонько выплюнуть в носовой платок и пустить затем плыть по воде. Местный священник задумал, однако, изловить несчастного сектанта и дал надлежащую инструкцию церковному сторожу. Когда юноша стал подходить пить теплоту, следивший за ним сторож схватил его за руку, в которой был платок, а в платке причастие. Составлен был акт. Судом была опять применена 210 статья, и несчастный был сослан в каторжные работы без срока. Напрасно доказывал я в заседании отделения, что оскорбил таинство священник, устроивший засаду и связанную с ней огласку. Что намерение поругаться над таинством или над чувством верующих у подсудимого ни в чем не выразилось, что он, напротив, старался совершить все втайне, не нарушая никаким внешним оказательством святости обряда, которому он по своему вероучению лично никакого значения не придавал. Люце с торжеством указывал на решение по делу Матерухина, и я с грустью должен был

отказаться от переноса дела в присутствие департамента, где оно заранее было бы проиграно. Первоприсутствующий Таганцев в это время считал полезным сделаться особенно верующим и уверял меня однажды при свидании, что когда он прочитал описание тюремного богослужения в «Воскресении» Толстого, то он не мог подавить в себе оскорбленного за Христа чувства и горько заплакал. Я уговорил Случевского просить Муравьева о смягчении в путях монаршего милосердия, и он согласился с тем, чтобы я написал проект представления, так как он сам затруднялся приисканием уважительных мотивов. Я это исполнил и, кроме того, просил письмом Муравьева о полном помиловании. На этот раз он оказался более милостивым, и бедный N. N. был подвергнут лишь тюремному заключению на несколько лет. Замечательно, что судьба несчастного Матерухина была связана с последними сознательными минутами строго православного директора публичной библиотеки члена Государственного Совета Афанасия Федоровича Бычкова. Вечером, в день заседания по этому делу, я был в публичной библиотеке на заседании комитета общества вспомоществования московским студентам, в котором председательствовал Бычков. По окончании заседания мы все мирно беседовали, и мне захотелось знать мнение такого знатока, как Бычков, о виновности Матерухина. Я рассказал обстоятельства дела, умалчивая о решении Сената. «Сомневаюсь, чтобы здесь было оскорбление таинства», – оживленно сказал Бычков и, выслушав краткий перечень моих доводов, с ними согласился, спросив меня затем: «Ну и... и... Сенат, конечно, так и решил?» – «Нет, – отвечал я. – Решил совершенно обратно». – «Как?! – вскрикнул Бычков. – Да ведь это ужасно!! Ведь это возму...» Но тут лицо его перекошилось, он побледнел, как полотно, и повалился, судорожно дергая руками и ногами. Мы бросились к нему, подняли его, директор медицинского департамента Рагозин стал щупать пульс, слушать сердце и, обратившись к нам, сказал: «Кровоизлияние в мозг... Песенка спета». На другой день Бычков скончался.

Переходя к делам второго рода «о совращениях», приходится прежде всего отметить дела о совращении в инославии. Я говорил уже об униатах. Не менее печальны были и дела о протестантских пасторах, возникшие в Прибалтийском крае в первой половине 80-х годов. Как известно, при Николае I в конце 40-х годов и в начале 50-х было устроено искусственное и лицемерное обращение латышей и эстов-лютеран в Православие. Рассчитывая получить «великие и богатые милости» и выйти из состояния тяжкого батрачества у местных баронов, латыши стали принимать Православие, но когда они убедились, что их, выражаясь языком Кюнера, «*Spes est incerta et dubia*»¹, они отвернулись от навязанной им Церкви, обманувшей их ожидания, и стали воспитывать своих детей в духе лютеранской религии. Когда наступало время конфирмации, эти дети были приводимы к пасторам, которые после бесплодных возражений, основанных на их формальной принадлежности к Православию, уступали их просьбам и допускали их к конфирмации и следующему за ней причастию. В царствование Александра II местные духовные и светские власти смотрели на это сквозь пальцы, но когда воцарился Александр III, то Православная Церковь в союзе с руссификацией, выражавшейся в преследовании немецкой культуры, так много сделавшей для края, приняла воинствующее наступательное положение. Составлены были списки подлежащих преследованию пасторов, а Манасеин во время своей стремительной и разрушительной сенаторской ревизии дал указания, что деяния пасторов надо подводить не под 193 статью Уложения, как это понималось на месте, а под 187 «о совращении», ибо обучение Закону Божию, предшествующее конфирмации, есть совращение. Разница была громадная. 193 статья говорила об инословных священниках, допустивших заведомо православных до причастия и покаяния или совершивших над ними таинство крещения, миропомазания, елеосвящения или погребения, и карала за первый подобный случай

¹ Надежда есть неверность и сомнение (неизвестность) (фр.).

удалением от места от шести месяцев до года, а за второй – лишением духовного сана и отдачей под надзор полиции.

Между тем за соращение виновные подвергались ссылке на житье в Сибирь с лишением всех прав состояния, а по закону 1899 года – заключению в арестантские исправительные отделения. Особенно много таких дел было возбуждено по Лифляндии, и число привлеченных в ней пасторов доходило до 56. Нынешний якобы либеральный сенатор Максимович, бывший тогда председателем рижского окружного суда, наката обвнительный приговор по 187 статье против престарелого пастора Гримма. Этот приговор, обжалованный в судебную палату, был своего рода пробным шаром, и в случае утверждения его палатой всех остальных пасторов могла постигнуть участь Гримма. В судебной палате доклад дела был поручен моему университетскому товарищу Н. А. Булатову – человеку очень оригинальному и неважному юристу, но безбоязненному и честному судье. Посоветовавшись со мной, он, несмотря на яростное противодействие прокурорского надзора, склонил палату к применению 193 статьи. Через неделю после объявления приговора в окончательной форме ко мне перед обедом зазвонил в телефон прокурор судебной палаты Кузминский, человек, коему я был обязан личным знакомством с графом Л. Н. Толстым, женатым на сестре жены Кузминского. Он настойчиво требовал немедленного свидания со мной по делу, а явившись, заявил мне строго деловым тоном, что прислан министром юстиции, чтобы передать мне взгляды и желания последнего относительно дела Гримма, по которому он – Кузминский – решил принести протест на крайне неправильный приговор палаты. «Приговор совершенно правилен, – сказал я ему, – ибо в немецком тексте официального издания Уложения для Прибалтийского края в статье 193 именно упомянута конфирмация, да иначе и быть не может, ибо конфирмация составляет неразрывную часть первого причащения, которое без нее немыслимо; но если причаще-

ние заведомо православного по лютеранскому обряду карается согласно 193 статье, то каким же образом неразрывный с ним обряд может караться беспредельно строже. Кроме того, совращение предполагает активную деятельность и настойчивое воздействие совращителя, а вовсе не уступку горячим просьбам тех фиктивных православных, которые умоляют о совершении над ними инословного обряда. Наша государственная власть вовсе не входит в догматику инословия и по смыслу закона заботится лишь о правильном совершении инословными священниками тех обрядов, на которых должны основываться акты состояния. Поэтому инословный священник по отношению к требованиям государственной власти является не более как чиновником, ведущим акты гражданского состояния. Это ясно из самого текста 193 статьи, так как она налагает на виновного инославного священника наказание служебного характера: вычет из жалованья, перемещение (?) и увольнение от службы (лишение сана). Оно и вполне понятно, так как государство не может не взыскивать с должностного лица, действия которого влекут за собой искажение актов гражданского состояния. Никто не может винить за это власть. Она логически применяет свое неотъемлемое право и даже свою обязанность, не оставляя на службе непослушных закону должностных лиц. О них можно жалеть, и только. Совсем иное, если их за одно из деяний, предусмотренных 193 статьей, и даже введенных в обман немецким текстом закона, преследовать за совращение, ссылать в Сибирь и делать из них мучеников за веру. Не надо забывать, что такие преследования раздувают тлеющее религиозное разномыслие в пылающий костер инквизиции и обращают все симпатии местного населения к преследуемым, а негодование совестливых людей к правительству. Сослав в Сибирь 56 пасторов, русская власть поступила бы не только не правосудно, но и в высшей степени не политично. Такие приговоры прежде всего непатриотичны, ибо сеют рознь и ненависть вместо слияния окраины с империей в сознании единства, оскорбляя

чувство справедливости и нарушая точный смысл закона». – «Я не могу с вами согласиться, – сказал мне, стараясь скрыть волнение под внешней сдержанностью и официальнойностью тона Кузминский. – Я докладывал основания своего протеста г. министру. Он их вполне одобрил и поручил мне передать вам свое мнение для руководства». На это я сказал Кузминскому, что как обер-прокурор я даю заключение перед Сенатом, руководясь исключительно собственным убеждением и смыслом закона, к толкованию которого я призван, почему для меня взгляд министра юстиции ничего обязательного в себе заключать не может, тем более, что, считая Манасеина опытным судебным администратором, я не признаю в нем юриста, к мнению которого, даже его не разделяя, можно было бы прислушаться, будь на его месте Таганцев, Спасович или Неклюдов. Я добавил к этому, что меня крайне удивляет то, что министр юстиции в нарушение установившихся между нами отношений счел возможным передать мне свой «руководящий» взгляд даже не лично, а через третье лицо, представляющее в настоящем деле одну из «сторон» и в лестнице судебной иерархии поставленное ниже носимого мной звания. Мой собеседник изменился в лице от такой моей «продерзости» и сказал мне: «Но позвольте, такого же мнения держится и преосвященный Некторий – Рижский архиепископ, считающий, что отмена приговора окружного суда нанесет тяжкий удар интересам Православия в крае». «О таком юридическом авторитете, как преосвященный Некторий, я никогда не слышал, и для меня его взгляд интересен лишь тем, что рисует, до какого забвения христианских обязанностей доходят представители нашей Церкви, не умея благотворно обращаться с “мечом духовным” и взывая о помощи к полицейским носителям меча светского. Советую вам не приносить протеста. Я дам заключение об оставлении его без последствия и думаю, что Сенат со мной согласится». На этом мы расстались. Но на другой день я пошел к Манасеину и высказал ему, что считаю поручение, данное им прокурору

палаты, идущим вразрез с моим служебным положением и с установившимися между нами личными отношениями. Манасеин вспыхнул и воскликнул: «Ах, он, с. с.! – он не стеснялся в эпитетах. – Да я и не думал ему этого поручать и никогда бы этого не сделал. Выслушав его доклад, я лишь сказал ему: “Кажется, вы правы. Я тоже так смотрел, когда ревизовал Прибалтийский край. Но говорили ли вы об этом с Анатолием Федоровичем?” И на его отрицательный ответ сказал ему: “Вы бы поговорили с ним. Как он посмотрит на этот протест”». – «Ах, он с. с.!» Тогда я высказал ему свои соображения, и он, нервно куря разрезанную пополам по его привычке сигару и кивая одобрительно своей красивой головой, вполне их разделял. Тем не менее протест поступил в Сенат, и я направил его прямо в присутствие департамента, где в рассмотрении его должны были принять участие двадцать сенаторов. Оно было назначено к слушанию на февраль 1888 года. Но за неделю до его слушания ко мне в камеру явился вице-директор Люце, принесший по поручению министра показать мне бумагу, полученную из Комитета Министров. В ней значилось, что во всеподданнейшем отчете за 1887 год лифляндский губернатор генерал-лейтенант Зиновьев, донося государю о положении Православия в крае, между прочим, изложил, что преступной деятельности пасторов по соращению из Православия в лютеранство положен решительный предел приговором рижского суда по делу пастора Гримма; к сожалению, этот приговор, столь важный для ограждения в крае интересов Православной Церкви, был изменен судебной палатой в крайне нежелательном смысле. Но ныне против такого решения принесен прокурором палаты д. с. с. Кузминским протест в Сенат, и надо надеяться, что Сенат этот протест уважит и тем даст войти в силу приговору окружного суда, за которым последует ряд других приговоров по аналогичным делам. Против этого места всеподданнейшего отчета государем императором (Александром III) была сделана синим карандашом отметка: «И я надеюсь обратить на

это дело особое внимание министра юстиции». Об этой отметке Комитет Министров сообщил министру юстиции. «Для чего мне прислана эта бумага?» – спросил я Люце. «Я не знаю, – прошептал он мне. – Вероятно, чтобы и вы обратили внимание». – «Будьте добры оставить эту бумагу у меня, а министру юстиции известно, что я уже обратил внимание на это дело». Но когда Люце ушел, я написал Манасеину письмо, в котором, повторив все свои доводы, заявил ему, что, несмотря на резолюцию государя, я не могу дать иного заключения, как об оставлении протеста по этому делу без последствий. Не могу также допустить, чтобы иное заключение было дано кем-либо из подчиненных мне товарищей обер-прокурора. Я окончил письмо словами Лютера: *hier stehe ich, ich kann nicht anders. Gott helfe mir! Amen*¹. На другой день утром Манасеин вызвал меня к себе, очевидно смущенный высочайшей резолюцией. На вопрос его: «Что же делать?» – я напомнил ему, что по закону он имеет право изъять дело Гримма из моего ведения и поручить дачу заключения обер-прокурору общего собрания. «Да ведь это значит вас обидеть и подорвать ваш авторитет перед Сенатом! – воскликнул он. – Вы, пожалуй, после этого не захотите оставаться обер-прокурором?» – «Вероятно, – сказал я. – Но это – единственное средство исполнить волю государя». – «Нет, нет, я на это не пойду, – нервно сказал Манасеин, – но помогите, придумайте, что сделать!» – «Доложите государю мое письмо», – сказал я. Манасеин задумался, молча пожал мне руку, и я ушел. Это было во вторник, а в среду он должен был быть с докладом у государя, и, следовательно, к вечеру этого дня вопрос в том или другом смысле был бы исчерпан, быть может, в виде какого-либо резкого распоряжения нелюбившего церемониться и настроенного Победоносцевым монарха. Но случилось так, что доклад министра в среду был отменен и перенесен на вторник следующей недели, то есть как раз на тот день, когда слушалось дело в департаменте. Между тем,

¹ Я стою на этом месте, иначе я не могу. Бог да поможет мне. Аминь (нем.).

озабочиваясь обстоятельным докладом дела, я просил первоприсутствующего Розинга назначить докладчиком по нему недавно вступившего в должность Волкова, не успевшего еще проявить того душевного раздвоения, о котором я говорил выше. Сохранив в тайне опасную для сенаторского беспристрастия резолюцию государя, я имел с Волковым долгую беседу, в которой он вполне разделял мой взгляд на невозможность применения в данном случае понятия о совращении. Наконец, наступил после томительного ожидания роковой вторник. За пять минут до открытия заседания ко мне в кабинет пришел Волков и сказал, что после долгого обдумывания он пришел к выводу, что Гримм виновен в совращении, почему он – Волков – будет поддерживать протест, о чем и считает себя нравственно обязанным меня предупредить. Ввиду того, что дело слушалось публично, я лишился возможности возражать Волкову в совещательной комнате, и взгляд докладчика, таким образом, приобретал особенно опасную для дела силу. С тревогой не за себя, но за исход процесса и за священные интересы правосудия сел я на свое место в большой зале Сената. Места для публики были переполнены, и среди нее было несколько пасторов, два священника и несколько чиновников православного исповедания в своих синих вицмундирах с серебряными пуговицами. Был первый час, когда после краткого доклада Волкова я начал свое заключение. В это самое время в Гатчине должен был происходить доклад Манасеина. Мое заключение длилось почти полтора часа. Затем сенаторы ушли совещаться, и совещание тянулось томительно долго, более трех часов, причем Волков, по словам обер-секретаря Ходнева, настойчиво требовал отмены приговора палаты и несколько раз принимался возражать несогласным с этим. Я ждал решения с понятным волнением. Уваженный протест развязал бы прокурорам, администрации и «кротким пастырям Церкви» руки для дальнейших преследований за веру, укрепил бы государя в его единомыслии с Зиновьевым и показал бы ему, в каких злоумышлен-

ных и опасных руках находится обер-прокурорская власть в уголовном кассационном суде, что, конечно, очень осложнило бы мое и без того трудное положение по этого рода делам. В половине пятого двери совещательной комнаты, наконец, растворились, из них вышли сенаторы, и среди них, шатаясь от слабости и держась за край стола, бледный и измученный Волков. «Оставить протест без последствий!» – провозгласил Розинг.

Придя домой, я нашел у себя записочку Манасеина, приглашавшего меня прийти от 10 часов вечера до часу ночи. «Надо сообщить вам о сегодняшнем докладе», – писал он. Оказалось, что доклад этот прошел весьма благополучно и лишний раз доказал, что Александр III был доступен голосу справедливости и рассудка и был способен соглашаться с мнениями, которые противоречили его взгляду. К несчастью, малодушие и личные цели министров составляли вокруг него то амбиенте, в котором он встречал лишь услужливое эхо своим узким взглядам и самовластным желаниям. По изложению очередных дел Манасеин, по его словам, напомнив государю о его резолюции, заявил, что к исполнению ее встречаются затруднения, изложенные в письме, полученном им от обер-прокурора Кони. «Прочтите письмо», – сказал Александр III и, выслушав его очень внимательно, задумался, а затем произнес: «Ну, что же, если по закону так следует, как он пишет, пусть так и решат. Ему виднее, что должно быть по закону, ему и карты в руки». И Манасеин показал мне письмо с надписью: «Доложено государю императору такого-то числа».

По всем остальным делам была применена 193 статья.

Из дел третьей категории – о ересь и расколах – мне особенно памятны два дела о хлыстах в Калужской и в Тамбовской губерниях, дело о пашковцах в Нижегородской и о штундистах в Киевской и Черниговской губерниях. Летом 1895 года Муравьев просил меня обратить особенное внимание на решенное калужским окружным судом дело о хлыстовской ереси в Медынском (?) уезде.

«На это дело обращено особое внимание», – сказал он мне с обычным в этих случаях подчеркиванием. Я только что приехал с ревизии с Кавказа и еще не был *au courant*¹ всех дел, поступивших в Сенат. Но, взяв огромное дело с предварительным следствием в пяти томах, я пришел в ужас.

Желая проверить свое впечатление, я дал дело моему покойному товарищу по должности обер-прокурора М. Ф. Губскому, благородному человеку и «студенту в душе», что, впрочем, не мешало ему быть прекрасным юристом. Своим отзывом он вполне подтвердил это впечатление. Когда я сказал Муравьеву, что дело должно быть кассировано целиком за отсутствием признаков преступления, он позеленел и, сделав по своей обычной манере круглые глаза, воскликнул: «Это невозможно!» – и прибавил внушительным тоном: «Анатолий Федорович! Это никак невозможно. Повторяю вам». – «По моему мнению, невозможен никакой другой исход, и я другого заключения дать не могу». – «А я вам уже говорил, что на это дело обращено особое внимание и оно не должно быть кассировано». – «Дело возбуждено неправильно и ведено неправосудно. Оно не может не быть кассировано». Тогда Муравьев, приняв вдруг добродушный вид, сказал мне фамильярным тоном: «И что вам за охота распинаться за эту дрянь? Ну пускай идут в Сибирь... и черт с ними». – «Вы, конечно, шутите, говоря мне это, Николай Валерьянович, – холодно сказал я. – Вы достаточно знаете меня, чтобы понимать, что обращаться с подобными пожеланиями ко мне не следует». – «Ну, конечно, шучу, конечно, шучу, – забормотал Муравьев, но вслед за тем, впадая в официальный тон, прибавил: – Я должен вас, однако, предупредить, что отмена приговора по делу о хлыстах вызовет крайнее неудовольствие против Сената, а вам могут быть большие неприятности...» – «Сенат есть коллегия, – отвечал я, – и решает все миром, а по русской пословице: у мира шея толстая, ее не перерубишь. Что же касается до меня, то

¹ В курсе (*фр.*).

моя 30-летняя служба до такой степени полна всякого рода неприятностями, что одной больше ничего не составит. Да и вы, кажется, позабыли, что я не только обер-прокурор, но и несменяемый сенатор, и неприятность, которой вы мне грозите за то, что я дам заключение по закону и по совести, может выразиться лишь в том, что меня отзовут от исполнения обязанности обер-прокурора, что, откровенно говоря, ввиду разговоров, подобных настоящему, меня не особенно огорчит. Я действительно боюсь неприятностей, но совсем другого рода: на шестом десятке земные, а тем более служебные, неприятности не страшны. Страшна ответственность перед судом, который всех нас ждет. И вот, если б я исполнил ваше желание, то в мой предсмертный час, когда эти сосланные в Сибирь старики вспомнились бы мне, я действительно испугался бы предстоящего мне ответа перед Богом и перед совестью. Впрочем, зачем вам беспокоиться. Сенат может со мной и не согласиться!» Муравьев кисло улыбнулся и сказал мне: «Ах, Анатолий Федорович, ведь мы все знаем, что Сенат – это вы. На чем вы станете настаивать, то он и сделает». – «Это – правда. Сенат почти всегда соглашается с моими заключениями, и я это очень ценю, так как только при таком результате и считаю деятельность обер-прокурора достойной и полезной. Я дорожу моим авторитетом. Думаю, что этим должен бы дорожить и генерал-прокурор. Но стоит Сенату заподозрить, что я высказываю не собственное мнение, а продиктованное мне в этом кабинете, то этот авторитет немедленно обратится в ничто». – «А кто докладывает дело?» – спросил меня, помолчав, Муравьев. – «Сенатор Таганцев». Муравьев сделал недовольную гримасу. «Я должен обратить ваше внимание, – сказал я, – что, очевидно, сам суд сознал жестокость своего приговора, освободив всех подсудимых из-под стражи, несмотря на то, что они приговорены к лишению прав». – «Они уже под стражей!» – поспешил заявить Муравьев. «У меня был Константин Петрович, и вследствие его просьбы я приказал принести частный протест, уваженный судебной палатой

(впоследствии я узнал, что в Москву по этому поводу был специально командирован вице-директор Чаплин)». – «Ну-с, – сказал он, вставая и вновь принимая официальный тон, – мне более вам нечего сказать! Я вас предупредил, а там, как вам будет угодно!» Сенат согласился с моим заключением с маленьким видоизменением. Я предлагал уничтожить производство относительно всех осужденных, но Сенат почему-то и не без натяжек счел нужным принести хоть одну маленькую жертву церковно-судебному Молоху в лице... С особым удовольствием тотчас по провозглашении резолюции я написал Муравьеву официальное письмо, в котором «считал долгом» известить его, что по делу о 31 «хлысте» все судебное производство уничтожено и мной по телеграфу сообщено прокурору калужского окружного суда постановление Сената, состоявшегося по моему предложению, о немедленном освобождении всех этих лиц из-под стражи. Недели через две, в перерыве заседания комиссии по «упразднению» судебных уставов, Муравьев как ни в чем не бывало выразил мне свое удовольствие по поводу кассации Сенатом дела «хлыстов», сказав при этом: «Кажется, это дело было, действительно, очень раздуто! Хорошо, что оно кончилось, тем более, что Константин Петрович выхлопотал административную ссылку для Лихоманова...»

Второе дело – о штундистах Головки и других – вызвало особое негодование на меня Победоносцева, которого удалось побить его же собственным оружием. Еще задолго до этого решения наши отношения сделались крайне натянутыми. Особенно после того, как я отказался удовлетворить одно его более чем странное желание. Дело в том, что вследствие медлительности печатанья кассационных решений и их малой распространенности в обществе я стал при помощи обер-секретаря Ходнева печатать в «Правительственном вестнике» тезисы из важнейших департаментских решений тотчас же после подписания таковых большинством сенаторов. Затем редакция набирала их в виде особых маленьких книжек, и я рассылал эти тезисы сенаторам, что было далеко

не бесполезно для их забывчивой памяти. В числе этих тезисов в 1893 или 1894 году (?) был напечатан тезис по делу Малинина относительно старообрядческого молитвенного дома, в котором, согласно данному мной в Сенате заключению, говорилось: <пропущено. – *Сост.*>

Негодованию Победоносцева не было границ, тем более, что против решения Сената не было возможности ничего возразить: ни с формальной стороны, ни по существу. С этого времени каждый год в своем всеподданнейшем отчете он стал указывать на написанное мной решение по делу Головки как на в высшей степени вредное в смысле защиты интересов Православия и связавшее совершенно руки церковной и судебной власти в преследовании одной из вреднейших сект.

По поводу этого тезиса Победоносцев просил меня повидаться с ним и стал мне доказывать, что печатанье тезисов по раскольниковым делам в высшей степени вредно, ибо таким образом они могут безнаказанно поддерживать и расширять свои молитвенные дома. «И все-то ваш Сенат путает в наших делах и создает нам всяческие затруднения!» – воскликнул он раздраженно. И на мое замечание, что в данном случае Сенат только разъяснил точный и неопровержимый смысл коронационного манифеста императора Александра III, который даровал старообрядцам свободу общественного богомоления; если он – Победоносцев – находит нужным эту свободу отменить, то от него зависит испросить разрешение государя на внесение этого вопроса в законодательном порядке в Государственный Совет. «Нет уж! Слуга покорный, – и он безнадежно махнул рукой. – В Государственный Совет... да ведь это учреждение, которое надо бы на замок запереть и ключ бросить в Неву. Мне опротивело слушать всю их болтовню. Я вас прошу: прекратите печатанье этих тезисов!»

Но я на это не согласился и продолжал их печатать, пока вскоре не вступил на престол редактора «Правительственного вестника» В. К. Случевский – яркий тип d'un vil Hattéur du pouvoir¹ в стихах и

¹ Один из гнусных на вершине власти (фр.).

прозе, как сказали бы французы 40-х годов. Он тотчас же, очевидно под давлением извне, категорически отказался от печатанья тезисов, и таковые должны были переключаться на бедные и мало распространенные страницы журнала Министерства юстиции. Когда вышел «Московский сборник», Победоносцев послал его мне без всякой надписи или письма, но надписав мой адрес на конверте своей рукой. Как раз в это время вышла моя книга за последние годы, где многие из вопросов, разработанных Победоносцевым в его сборнике, были затронуты и мной в совершенно противоположном смысле. Я поступил с этой книгой совершенно так же, надписав лишь конверт. За этими своеобразными дипломатическими нотами уже чувствовалось близкое отозвание посланников. Оно и совершилось после решения по делу Головки. Победоносцев стал считать меня злым гением нашего кассационного суда и открыто выражать свое негодование на меня, причем оно принимало иногда комические и недостойные формы. Близкая приятельница семьи Победоносцева Ю. А. Хорина рассказывала мне, что как-то при ней Константин Петрович стал разбирать вновь полученные газеты и журналы и, развернув американскую с иллюстрациями, вдруг с негодованием швырнул ее на пол. Удивленная Хорина, гостившая в это время у Победоносцевых, подняла газету и, увидев на одной из ее страниц мой портрет (мне неизвестно, по какому поводу напечатанный), взглянула на Победоносцева вопросительно. «Если бы вы знали, – ответил ей Победоносцев, – сколько вреда нам причинил этот человек в Сенате!»

Когда в 1900-х годах я был избран в почетные академики Пушкинской академии и в первом ее заседании сказал маленькую речь о задаче ее выступить в защиту чистоты русского языка, жестоко искаженного невежественными писателями, на меня за это с грозным глумлением и инсинуациями набросился «заплетный мастер» нового времени Буренин, очевидно возмущенный тем, что академия не вспомнила его литературных заслуг. Этот фельетон вызвал справед-

ливое негодование во многих и принес мне много сочувственных писем, телеграмм и трогательный адрес московских студентов. Но Победоносцев – сам мастер и ревнитель родного языка – унился до того, что ходил к своим знакомым с этим фельетоном и, восхищаясь, читал его вслух. «Что делает Константин Петрович?» – спросил я как-то на студенческом обеде его товарища Саблера. «Скорбит о вас, – слащавым тоном ответил он мне, – и огорчается, когда к нему притекают с вестями о некоторых сенатских решениях». Эта «скорбь», однако, была воинствующая и вскоре дала мне себя знать. Уже в августе 1898 года в Москве на открытии памятника Александру II вновь пожалованный Андреевский кавалер Победоносцев, встречаясь со мной в Успенском соборе, посмотрел на меня с явным недоброжелательством. Его взгляд как бы спрашивал: «Зачем ты здесь, в храме той Церкви, деятельности которой ты постоянно “ставишь палки в колеса?”» – «Зачем ты здесь, – хотел бы я ему ответить, – ты, на торжестве в память человека, разрушению дел которого ты так много содействовал!!!» А 28 декабря, как значится в моем дневнике, ко мне пришел Таганцев. Еще раньше, найдя для себя выгодным и безопасным в смысле разных неприятностей плыть по муравьевско-победоносцевскому фарватеру, Таганцев со свойственным ему лицемерием заявил в распорядительном заседании департамента, что дела о расколах и ересь, сосредоточенные в том отделении, где я заседал, и в огромном большинстве случаев докладываемые мной, подлежат направлению и во все другие отделения, согласно распределению между ними судебных округов, «так как после трудов Анатолия Федоровича по этим делам все вопросы, в них возникающие, настолько разработаны, что и другие отделения не затруднятся в разрешении этих дел!» Новое направление дел было решено, и с этих пор дела Саратовского, Петербургского, Одесского и Казанского округов попали в равнодушные или бездушные руки других докладчиков, между которыми особенно отличался

в качестве ревнителя Православия лукавый и черствый лакей князя Мещерского С. Ф. Платонов. Придя ко мне в указанный выше день, Таганцев с деланным участием и усмешечками дружески стал меня предупреждать о том, что мной «очень недовольны там» и что он боится, что по прокуратуре будет сделано распоряжение о ненаправлении ко мне ни одного раскольникового дела из оставшихся в моем ведении Московского и Харьковского округов. «Ну, что же! – сказал я. – Я изменить своих взглядов не могу, а если другие докладчики их не станут разделять, то я начну переносить дела в присутствие департамента». – «Ну да-а, конечно, – отвечал мне первоприсутствующий, шагая по моему кабинету и не глядя мне в глаза. – Но ведь это прибавит тебе и нам напрасной работы. Ну, да я считал нужным тебя предупредить...» И предупредитель, по-видимому, довольный исполнением своей миссии, удалился. Но не прошло и двух недель, как (11 декабря того же года) он снова зашел ко мне и, с трудом напустив на свое жизнерадостное, толстое, красное и самодовольное лицо озабоченный вид, дружески счел необходимым мне сказать, чтоб я был очень осторожен по раскольниковым делам, так как ему (конечно, со слов Муравьева) известно, что Победоносцев в совершенном негодовании на меня и не нынче – завтра может доложить государю о моем вредном и разрушительном для Православной Церкви направлении. «Что же! Пускай докладывает». – «Да, но знаешь, ведь тебя и Николай Валерьянович не будет иметь сил защитить!» – «О, в этом я не сомневаюсь! Он даже, вероятно, посодействует. Нет, уж вы меня оставьте в покое. На меня такие давления как на судью не действуют...» Мне и до сих пор противно вспомнить о всех этих разговорах, причем роль передатчика угроз принимал на себя известный ученый и первенствующий уголовный судья в империи... и больно припомнить то чувство одинокого бессилия, которое постепенно внедрялось тогда в мою душу при сознании, что судьба разных гонимых за свою веру все более и более становилась в зависимость от местности, где они

«преступно мыслили, молились или думали спасти душу других», от упорства г. Люце, малодушия Марковича и бездушия Арцимбвича или от моего случайного отсутствия по нездоровью или другим, независимым от меня причинам. Победоносцев, очевидно, жаловался и вызывал о моем укрощении не только вообще, но и по отдельным делам. Так, от обер-прокурора в это время было потребовано сенатское производство по одному из старых дел о совращении в раскол, где был полный состав преступления. В перерыве одного из заседаний комиссии по судебным уставам Муравьев, жалуюсь мне на доуки своего положения, как на пример таковых указал мне на то, что Победоносцев именно по этому делу *jette feu et flamme*¹ против меня как бывшего обер-прокурора, а между тем оказалось, что не только не я давал заключение по делу, но в моей отметке на нем для товарища обер-прокурора мной написано: к сожалению, надо оставить без последствий, ввиду таких-то и таких-то кассационных решений. Когда в 1900 году, усталый от 16-летней кассационной деятельности и с душевной горечью ясно увидев свое полное одиночество и «победу и одоление» над собой разного рода карьеристов, трусов и предателей, я решил перейти в общее собрание, ко мне влетел пораженный этим известием Таганцев и на этот раз с непритворным сожалением вопросительно воскликнул: «Победоносцев?!», изобличая тем, что готовилось против меня со стороны великого инквизитора в годы властного неуважения к разрушаемым судебным уставам. Почтенные товарищи мои по кассационному департаменту, за исключением двух лиц (Смиттен и Акимов), расстались со своим многолетним сотрудником совершенно холодно и равнодушно. Вероятно, он им надоел в последнее время как беспокойный член коллегии, нарушавший «*fastigium et quies*»² Сената, а, может быть, некоторые из них, разделяя предположение Таганцева, рассматривали его как опально-

¹ Мечет гром и молнию (*фр.*).

² Высокое положение и покой (*лат.*).

го, которому неудобно выражать свое сочувствие. Но в первом общем собрании я был встречен радушно и очень внимательно.

Пословица говорит: «На ловца и зверь бежит». То же случилось и со мной в общем собрании. Этот зверь побежал на меня в виде дела об архангельских поморах, которое состояло в том, что... (пропущено. — *Сост.*)

Присутствовавший в заседании Саблер, не привыкший встречать возражений на свои сладкоречивые заключения, был сначала удивлен, потом неприятно поражен и наконец явно обижен, когда я встал и при напряженном внимании обступивших меня сенаторов, которым хотелось, по выражению одного из них, «послушать кассационного соловья», отделал его на обе корки, поставив вопрос в широкие рамки. Старцы согласились со мной почти единогласно в количестве, значительно превышавшем узаконенные две трети, так что вопрос был решен окончательно и бесповоротно. Уходя из заседания, Саблер мне сказал с нескрываемым раздражением: «Удивительное решение! Этим уж мы исключительно вам обязаны!» — «А эти “мы”, — отвечал я, — то есть вы и Константин Петрович думали, что с уходом моим из кассационного департамента я положу на свои уста печать безмолвия, следуя совету того святого, который рекомендовал ограждать себя молчанием? Нет, Владимир Карлович. “Мы” — ошиблись. Здесь, напротив, у меня развязаны руки, так как я могу говорить по существу, и буду с вами воевать, как бы ни “скорбел” обо мне Константин Петрович». Это мне и пришлось осуществить не один раз, так что Саблер стал являться в общее собрание с тщательно подготовленной речью, проникнутой особым, «елейным» красноречием. Но общее собрание по всем делам соглашалось со мной, пока не произошли две перемены: старые департаменты Сената стали наполняться и даже переполняться всякими административными отбросами и часто такими людьми, которым было зазорно подавать руку или отдавать официальный визит. В среде сенаторов появились губернаторы,

засекавшие «жидов» и крестьян во время вымышленных бунтов, и целая вереница неудачных директоров департамента полиции, которые, хапнув огромное содержание, отпрашивались, оберегая свою драгоценную шкуру, в сенаторы. Мало-помалу характер и состав общего собрания изменился до чрезвычайности, и прежние представители строго консервативного элемента сравнительно с вновь назначенными оказались либералами, так что звание сенатора для тех, кто стоял за кулисами этого учреждения, утратило всякое внешнее достоинство. В других господах, по поводу многих из которых невольно вспоминался разговор Яго с Брабанцио («Отелло»), я бы не встретил поддержки против Победоносцева и аггелов его, особенно если бы их взгляды разделял министр внутренних дел, согласно с заключением которого рабски вотировали новоиспеченные сенаторы. Но, с другой стороны, наступление так называемого освободительного движения уже при Святополке-Мирском подействовало радикальным образом на Саблера, который совершил по отношению к своему «отцу-командиру» своего рода государственную измену, перейдя *avec arme et bagage*¹ на сторону его противников в комиссии о веротерпимости при Комитете Министров. Совесть заговорила в медоточивом московском профессоре, и он, выражаясь словами Тургенева, «сжег то, чему поклонялся, поклонился тому, что сжигал».

Но возвращаюсь к уголовному кассационному департаменту. В последние годы моего пребывания в нем влияние Победоносцева и Муравьева на Таганцева, сказавшееся в приведенных объяснениях последнего со мной, усилилось, к сожалению, в резкой степени. Не отказываясь прямо от высказанных им в соответствующих решениях достойных истинного юриста, взглядов на сущность и условия совращения в раскол и в ереси, он стал, однако, в случаях, которые тревожили Муравьева и Победоносцева, направлять прения к оставлению жалоб без последствий по процессуальным основаниям. Это сказалось с особой

¹ С оружием и снаряжением (багажом) (фр.).

ясностью по двум возмутительным делам: о нижегородских пашковцах и о тамбовских хлыстах. Первое из них дало яркую картину того развращения, которое было посеяно в наших судах Победоносцевым и Муравьевым. 14 человек крестьян Нижегородского уезда....

Когда было приступлено к обмену мнений в департаменте, Таганцев предложил голосовать по каждому нарушению в отдельности. Этот коварный прием давал возможность каждое из этих нарушений признать несущественным и затем оставить жалобу без последствий. Я восстал против этого, настаивая на рассмотрении всех нарушений в совокупности, так как только таким образом и можно было восстановить и оценить целостную картину бесчестного ведения этого дела. Меня поддержали, и затем я нарисовал эту картину по фактическим данным, заключив требованием о передаче действий товарища председателя в соединенное присутствие по обвинению его в подстрекательстве к служебному подлогу. Затем началось голосование, и первым должен был подать голос младший из сенаторов, только что назначенный Фойницкий. «Я не нахожу никаких оснований для кассации», – сказал ученый и считавшийся либеральным доктор уголовного права, со своим обычным глухим кашлем и ужимками злой и завистливой обезьяны. «А действия Скворцова?!» – спросил я. «Что же действия Скворцова? – отвечал либеральный ученый. – Он действовал из ревности по вере, и его за это винить нельзя», – возразил он, передергивая карты, как будто дело шло об ответственности Скворцова, а не о вопиющих нарушениях форм и обрядов процесса, допущенных судом. Голоса, однако, склонились в пользу кассации, хотя против нее совершенно неожиданно высказался С. С. Гончаров, почему-то обидевшийся тем, что, требуя отмены приговора, я, между прочим, сказал, что в России еще существуют судебные уставы, которые не надо позволять подвергать бессовестному поруганию. «Хотя я, – сказал Гончаров, – не менее сенатора Кони уважаю судебные уставы, но...» – и т. д. При вторичном рассмотрении

дела все подсудимые были оправданы, а соединенное присутствие, жестокое к ничтожным упущениям судей, под председательством честного, но тупого автомата Шрейбера свело дело об ответственности нижегородского товарища председателя на ничто. Негодованию православного ведомства и негодяя Скворцова, как мне передавал Случевский, не было пределов. Боясь, что под давлением министерства бедному Калинин будет отравлена судебная жизнь в судебном ведомстве, я заручился обещанием моего старого товарища и сослуживца Н. И. Белюстина дать ему место в таможенном департаменте и написал об этом Калинин, но ответа от него не получил, вероятно, «маленького героя» не решились притеснять.

По второму делу я понес полнейшее поражение, несмотря на поддержку нескольких порядочных людей между сенаторами.

Дело докладывал вышереченный сенатор Платонов, который распинался за оставление жалобы без последствий, за правильное применение статьи 576 Устава уголовного суд-ва, ссылаясь, посматривая на меня с особым смаком, на постыдное решение Сената по делу Засулич. Его горячо поддерживал Таганцев, лицемерно заявляя о своем личном уважении к Б. Н. Чичерину. Так состоялось решение, жестокое по существу и растлевающее судей, предоставляя полный простор их произволу в отнятии у подсудимого средств оправдания. Мое душевное состояние видно из обмена письмами между мной и Б. Н. Чичериным, начавшегося тотчас после провозглашения позорной резолюции по этому делу.

Должен сознаться, что дела Матерухина и Колесниковых и затем дело графини Нирод, о котором речь будет ниже, были последними каплями, переполнившими чашу моих нравственных страданий в кассационном сенате. Ясно видя, что мне приходится играть глупую роль щедринского добродетельного короля, спрашивающего удивленно шуку о том, знает ли она, что такое правда, я написал Муравьеву письмо, прося о переводе меня в общее собрание. Предчувствия

мои о горькой бесплодности моих протестов вскоре и оправдались. Достаточно сказать, что вопрос о штундистах был снова возбужден в департаменте, причем господ Фойницкий и Люце (подавшие затем особое мнение) чуть не добились отмены решения по делу Головки, доказывая, что Сенат не имеет права входить в оценку оснований, по которым суд установил в каждом данном случае признаки штундизма. Настроение Сената стало таким, что обер-прокурор (сколько помнится Щегловитов) сказал мне, что если этот вопрос возникнет еще раз, то Сенат непременно согласится с *par nobile fratrum*¹ господами Люце и Фойницким.

Возвращаясь к Победоносцеву, я припоминаю, что по странной иронии судьбы и он, и его товарищ Саблер обращались ко мне по делам об общих преступлениях три раза, и все три раза по делам весьма скабрезного свойства. Так, Саблер просил меня о милостивом отношении к «несчастному» доктору Фамилианту, осужденному мировым съездом за непотребные, соединенные с соблазном действия относительно девочки, встреченной им на лестнице дома, где он проживал. Виновность Фамилианта, дрожащего чуть не в смертном страхе старого еврея (последнее обстоятельство особенно возмущало г. Люце), была очень сомнительна, а приговор съезда написан небрежно и невразумительно, так что жалкий старик должен был второй раз предстать перед съездом. Первая просьба Победоносцева по этого рода делам касалась содержателя ремесленного заведения, который развращал несчастных мальчиков, отданных в учение, возмутительными любострастными действиями, употребляя при этом насилие и даже вывихнув челюсть одному из них, отказавшемуся содействовать его гнусным манипуляциям. Постигнутый суровым приговором окружного суда он, уже не знаю какими путями, добрался до Победоносцева и, вероятно, наврав ему с три короба, сумел его разжалобить, так что Победоносцев спрашивал меня, есть ли основание ходатайствовать о

¹ С двумя благородными собратьями (лат.).

его помиловании, и я должен был *noir sur blanc*¹ изложить ему все *faits et gestes*² «несчастной жертвы правосудия». Эта неудачная попытка заступничества, конечно, построенная на добрых побуждениях, интересна тем, что тот же Победоносцев в конце 90-х годов высказал весьма оригинальное мнение о монахах своего ведомства. По новому закону о наказании малолетних за преступления, они подлежат в некоторых случаях отдаче на исправление в монастыри. Но закон не содержал в себе указаний, в каком порядке, по чьему ближайшему распоряжению и во все ли монастыри или в специально для этого назначенные должны быть отправляемы осужденные малолетние. По поручению Сената первоприсутствующий отправился спросить мнения Победоносцева. «Да что вы?! – возопил тот. – Помилуйте?! Что затеяли! Отдавать детей в монастыри! Да ведь их там развратят! Это совершенно невозможно! И кто это такой закон написал!» – и т. д. Это не мешало ему, впрочем, допускать отнятие детей у раскольников, записанных обманом или насильственно в Православие, и отдавать их в те самые монастыри, о нравственности обитателей которых он был столь низкого мнения. Именно по одному из таких дел обратилась ко мне за советом графиня Татьяна Львовна Толстая, спрашивавшая при этом, не следует ли ей пойти к хорошему знакомому их семейства и влиятельному у государя человеку генерал-адъютанту графу Адаму Олсуфьеву. Я посоветовал ей взять быка за рога и пойти со своей негодующей просьбой прямо к Победоносцеву, сославшись в разговоре с ним на то, что она собирается пойти к Олсуфьеву. Я проводил ее до дверей квартиры обер-прокурора в унылом доме на Литейной. Результатом разговора с ней великого инквизитора были: предписание местному архиерею, о котором он отозвался при этом как о дураке, немедленно освободить детей несчастных сектантов из монастыря и отдать родителям и... известная глава в романе «Воскресение».

¹ Черным по белому (фр.).

² Похождения (фр.).

Второе деловое письмо Победоносцева не находит себе, однако, извинения в добросовестном заблуждении, в которое он мог быть введен.

В 1899 году в Тульском суде слушалось поистине ужасное дело сельского священника Тимофеева, который, развратив малолетнюю няню своих детей, выдал ее затем замуж за глуповатого местного крестьянина и продолжал с ней связь, передавая ей записки о часе и месте свидания (иногда даже назначаемом в церкви) при подходе ее ко кресту по окончании литургии. Начав затем ее ревновать к мужу и подчинив ее совершенно своей воле, он уговорил ее привести вечером в день храмового праздника мужа в сарай (будто бы за получением мяса) и там, в ее присутствии, при помощи своего работника собственноручно задушил несчастного, затем усадил его труп между собой и работником в тележку, провез его по селу и, поколесив в окрестностях, бросил тело с камнем на шее в пруд, забыв, однако, снять с него фуражку, которая всплыла и послужила к открытию убийства. Тимофеев имел цинизм служить панихиды по умершему от рук неизвестных злодеев и отпевать его. Несчастной женщине, однако, стало казаться, что ее преследует покойный в виде привидения, и она рассказала следователю всю истину, упорно стоя на своем признании. На суде второй священник, отозвавшийся сначала незнанием, после принесения торжественного обещания говорить правду по священству, объяснил, что, придя из любопытства в соседний сарай, чтобы подсмотреть в щелку соитие Тимофеева с N. N., увидел вместо того убийство. Присяжные, спутанные защитой Тимофеева и торжественным заявлением тульского губернского предводителя дворянства Арсеньева (впоследствии члена Государственного Совета), явившегося в суд в мундире и орденах для вящего эффекта, в том, что лично ему известный почтенный иерей не мог совершить столь гнусного преступления, вынесли оправдательный приговор. Дело поступило в Сенат по протесту прокурора и с объяснением Тимофеева, исполненным кляуз и всякого рода инсинуаций. Духовное ведомство переполошилось, и его представители стали проповедовать,

что священник явился несчастной жертвой крайнего радикализма судебного ведомства. Таганцев направил дело ко мне, и затем я получил следующее письмо Победоносцева... (пропущено. – *Сост.*).

Я ответил, что ввиду серьезных нарушений, допущенных председателем в своем руководящем напутствии, лично нахожу необходимым отменить приговор, но для более всестороннего рассмотрения дела – перенесу его на уважение присутствия департамента, то есть на разрешение 20 человек. Приговор был кассирован. Во избежание местных влияний дело было передано присяжным г. Орла, и ими Тимофеев был осужден. Это дело напоминает мне два других, тоже касающихся служителей алтаря и бывших в рассмотрении Сената в конце 90-х годов.

Было ослепительно яркое и жаркое утро в Сан-Ремо, когда в итальянских газетах я прочел известие о смерти Победоносцева. Весь день скорбное чувство и омраченная мысль обращались к нему. Он предстал передо мной во всем трагизме своих последних лет и в особенности своих последних минут. Почти никем не любимый и многими ненавидимый, сходя в могилу, он не мог не видеть на протяжении всей своей житейской деятельности место пусто, место бесплодно, место безводно, не мог не понять, что, поддерживая внешний обряд жизни и веры и угашая в них всякий дух, он ничего не достиг. Искаженный давлением этот дух воспрянул с необычайной силой и сломал все преграды. Государственный пессимист и фанатик немного уклада жизни он присутствовал при том, как невежественные и близорукие оптимисты фанатически двинулись к утопическим идеалам, брызгая грязью и не брезгая пролитием крови. Ему пришлось присутствовать при разложении того ведомства, которое он олицетворял собой 20 лет, и увидеть полное равнодушие воспитанного им общества и голодного и невежественного народа к заветам истории, к целостности родины и к вопросам веры. Он дожил до того, что сын человека, которого на несчастье России он убедил свернуть с пути, по которому начал в своих реформах идти Александр II, отвернулся от него и

в малодушном страхе поспешил обязаться дать России те свободы, против которых так вопиял «Московский сборник». В печати говорилось, что он и на одре болезни интересовался всем и заставлял прочитывать себе газеты. Можно, однако, себе представить, что чувствовал он, читая хотя бы о первых заседаниях новой Государственной Думы. Он умирал медленно, как тяжело раненный воин. Перед ним воочию наступило со страстной и необдуманной стремительностью торжество практическое тех начал, на подавление которых он столь бесплодно употребил и свой острый ум, и свое влияние, быть может, не без тяжелой внутренней борьбы, заглушая в себе голос постепенно иссушаемого сердца. Мне писали из Петербурга, что на его панихиде из посторонних плакал один лишь черствый старик барон Менгден — его школьный товарищ, а из Москвы донеслась зашипевшая около его праха бесчестная клевета об оставленных им 6 миллионах, источник происхождения которых был неизвестен. В печати смерть его была встречена полным равнодушием, как нечто уже давно совершившееся и лишь запоздавшее в своем оглашении. А между тем каждый (и в том числе я), знавший его не по одной наслышке, не станет отрицать в нем ни бескорыстия, ни искренней любви к России. Вся беда лишь в том, что как государственный человек он умер в конце 70-х годов и с тех пор распространял вокруг себя тление и ржавчину.

Весть о его смерти перенесла мою мысль в Петербург и заставила ее перешагнуть через порог его неприветной обители. Мне показалось, что я вижу его иссохшее бледное лицо и потухающие глаза и слышу его обычные безнадежные вздохи: «Ах, боже мой! Боже мой! — шепчут его бескровные уста. — Ах, боже мой! Боже мой!» Пускай же будет милосерд к нему тот Бог, которого он так часто призывал и которому он так странно служил!

3 мая с/с.

III. ВРАЖЕСКИЕ ГОЛОСА

ГЕНИЙ РЕАКЦИИ

Летом 1896 года исполнилось 50 лет службы К. П. Победоносцева. Ко времени своего юбилея он издал «Московский сборник», состоящий из ряда статей по важнейшим вопросам религии, морали, политики и государственной жизни. Этим трудом автор хотел оставить как бы памятник своим убеждениям, выработанных многолетними размышлениями и практикой.

Начиная со знаменательного манифеста 29 апреля 1881 года, который подтверждал самодержавие во всей его чистоте, К. П. Победоносцев принимал деятельное и неустанное участие во всех дальнейших ограничительных законодательных мерах как крупных, так и мелких (уставы университетский, духовных академий, положение о земских учреждениях, наследственные пошлины и мн. др.); даже театральные представления не избежали его внимания. К. П. Победоносцев в консервативно-законодательных мерах шел далее самого Императора Александра III. Последний желал только исправления обнаруженных недостатков в реформационных актах своего отца, между тем как первый не симпатизировал вообще развитию, движению и хотел сохранять прошлые формы не только с их темными сторонами, но даже с очевидными предрассудками. Погрузившись в узкую сферу синодальных порядков и нравов, он развил в себе дух нетерпимости и склонность поднимать светский меч против ересей, особенно штундистов. Нетерпеливый в достижении своих целей он

нередко принимал живейшее участие в смещении и назначении высших государственных сановников.

Таков русский государственный деятель, о труде которого – «Московском сборнике» – мы сочли полезным вспомнить как ввиду настоящего, столь чреватого событиями времени, так и ввиду того участия, которое, несомненно, примет К. П. Победоносцев в разрешении волнующих современное общество важных государственных вопросов.

Сборник этот заключает в себе статьи богословско-этические, политические и юридические.

Мы остановимся только на политико-юридических, так как они служат выражением стремлений и мыслей не только К. П. Победоносцева, но и того небольшого круга русских государственных деятелей и публицистов, которые в царствование Александра III выступили на первый план и оказали серьезное влияние на дальнейший ход государственной жизни России. В статьях этих автор является не ученым, исследующим факты, даже не мыслителем, стремящимся понять явления и связать их в одно целое, а нередко поверхностным и страстным обличителем всего, что кажется ему новаторством, где он видит опасность смены существующих верований и учреждений; он не приводит доказательств, умалчивает о доводах противников и решительным тоном отрицает противоположные воззрения, обзывая их легкомыслием и ложью. Обыкновенный прием автора состоит в том, что он обобщает разные частные и временные недостатки в коренные и постоянные, налагает на них густые краски отрицания и негодности и затем изображает все учреждение как всеобъемлющее и неисправимое зло. Мало того, автор везде останавливается на полдороге; указывая горячо и решительно на недостатки новых начал и учреждений, он не предлагает способов уйти из зараженной области, устроить иначе и лучше новые отношения. Очевидно, он не решается высказать свою мысль в полном, законченном виде. Но ведь на одном отрицании остановиться нельзя! Вообще К. П. Победоносцев по скла-

ду своего ума и по характеру работ, гораздо более законник, нежели политик. Лучший научный труд его – «Курс русского гражданского права». Но науками государственными К. Н. Победоносцев не занимался ни в юности, ни позже, и эта слабость политического образования обнаруживается ярко в публицистических статьях «Московского сборника». Автор заимствует у симпатичных ему европейских публицистов – Мэна, Ле-Плэ (Le Play), Шерера, особенно у Д'Аркура – отрывочные возражения против свободных политических учреждений, но не в силах оценить их в общем строе новой государственной жизни, а тем более указать выходы и способы исправления.

Впрочем, наиболее полно и верно характеризует свои мировоззрения, свои научные методы сам К. П. Победоносцев в приложении к своему «Курсу гражданского права»: «Приступающим к изучению русского гражданского права надобно изучать самые памятники законодательства. Для сего мы имеем превосходный материал в первом полном собрании законов. К полному собранию законов прибегают, обыкновенно, лишь на случай справок и приискивают нужные указы при помощи изданного при оном алфавитного указателя. Но этот способ неполный и ненадежный. В полном собрании законов необходимо самому пробивать себе дорогу, и потому я серьезно советую всякому истинно жаждущему знания приняться за чтение полного собрания, начиная с 1-го тома. Многим может показаться странным такой совет, но смею уверить всякого, что такое чтение, вначале, правда, требующее некоторых усилий, вскоре окажется интересным, а для иных и увлекательным. С каждым томом читатель станет входить в силу и живее почувствует в себе драгоценный плод внимательного труда, здоровое и дельное знание, то самое знание, которое необходимо для русского юриста и которым русские юристы, к сожалению, так часто пренебрегают. Питаясь из источников иноземных, незаметно воспринимают они в себя понятия, возникшие посреди чужого народа, усваивают начала и формы чуждого быта, далеко от-

стоящего от нашего. Естественно, что отсюда родится ложное понятие о потребностях нашей юридической жизни, о средствах к их удовлетворению, пренебрежение и равнодушие к своему. Такое знание невозможно признать здоровым и истинным. Напротив, тем и дорого изучение нашего полного собрания законов для русского юриста, что здесь каждое явление, каждое положение представляется в связи со всей обстановкой быта, со всеми данными историческими и в совокупности с ними объясняется».

Нам приходилось не раз работать по полному собранию российских законов, и мы глубоко ценим этот основной и незаменимый источник русского законодательства. Но сознаемся, не только не решились бы дать подобного совета, но даже не понимаем его в устах образованного ученого юриста. Каким образом можно читать подряд хронологический сборник узаконений, в котором одно говорит о капитане-исправнике, другое о соляных сборах, третье о чеканке медной монеты, четвертое об обязанностях синодальных секретарей и т. д.? Какую общую нить можно найти в этом чтении, о каких народных потребностях и способах удовлетворения их можно судить по этим законодательным памятникам, в которых отчетливо выражается лишь взгляд докладчиков и резолюция правительства? И каким образом можно разумно понять и полюбить свое, не зная и не ценя чужого?

Мы убеждены, что предлагаемый К. П. Победоносцевым метод сузит самый сильный ум, породит в нем нетерпимость, лишит силы выбирать в своем лучшее и уразумевать новые нужды и новые пути, и это наглядно подтверждается политическими статьями автора в его «Московском сборнике».

Не можем при этом не заметить, что в русской периодической печати знаменательный сборник К. П. Победоносцева прошел мало замеченным; о нем высказались подробно только те органы, которые сочувствовали воззрениям автора, как, например: «Русский вест-

ник», отчасти «Новое время»; остальные принуждены были ограничиться лишь оповещением и робкими, неполными замечаниями о некоторых второстепенных вопросах (напр., «Вестник Европы», «Русская мысль»).

Обратимся, прежде всего, к общим политическим воззрениям автора и будем держаться текста книги: «Великое дело, – говорит К. П. Победоносцев вслед за Карлейлем, – существующее, действительное, то, что стоит между нами определительным фактом, на котором люди живут и действуют, жили и действовали... Остерегись же, опомнись, восторженный поклонник переменен и преобразований... Смотри, разрушая то, что тебе кажется ложью, не заменяешь ли ты ее новой ложью, новой неправдой, от тебя самого исходящей, от которой родятся новые лжи и неправды»... «Старое учреждение тем драгоценно, потому незаменимо, что оно не придумано, а создано жизнью, освящено в народном мнении авторитетом, который дает история и одна только история. Ничем иным нельзя заменить этого авторитета, потому что корни его в той части бытия, где всего крепче связываются и глубже утверждаются нравственные узы – именно, в бессознательной части бытия. Напрасно полагают иные, что можно заменить его сознанием идеи вновь введенного учреждения, которое желают привить к народной мысли... Для массы недоступно такое сознание; масса усваивает себе идею только непосредственным чувством, которое воспитывается и утверждается в ней историей, передаваясь из рода в род, из поколения в поколение. В глубине старых учреждений часто лежит идея глубоко верная, хотя и закрытая иногда множеством внешних наростов, форм, утративших свое первоначальное значение; но народ постигает чутьем зерно истины, скрытое под грубыми оболочками, и оберегает его от всякого легкомысленного посягательства».

К числу основных политических начал К. П. Победоносцева должно отнести и его воззрения на образование народного духа и народное просвещение и воспитание. «Нет спора, – говорит он, что уче-

ные – свет, а неученье – тьма, но в применении этого правила необходимо знать меру и не насиловать ту самую свободу, о которой столько твердят. Увлечшись мечтательной задачей всеобщего просвещения, мы назвали просвещением известную сумму знаний и в этом случае смешали понятие о знании с понятием об умении. Между тем масса детей должна жить насущным хлебом, готовиться к труду ручному, для которого требуется не сумма голых знаний, коими напичканы программы наших училищ, а умение делать свое дело... Для такого труда необходимо приготовление физическое с раннего возраста. Насильственно загоняя детей в школы с обязательными курсами, мы отрываем детей от природы, поля, плуга, от домашнего очага, лишаем родителей и семью рабочей силы, а детей развращаем, наводя на них мираж фальшивого знания, чуждого жизни...

Вера в безусловное нравственное действие умственного образования, школьных уроков принадлежит к числу главных суеверий нашего времени и опровергается фактами. Книге придается слишком много значения. Неужели таблица умножения, умение слагать и вычитать усиливает в человеке добрые чувства и удерживает его от обиды ближнему?.. Улучшения общественной нравственности можно достигнуть не повторением наставлений, еще менее одной заботой о распространении умственного образования, а ежедневным упражнением высших ощущений духа и борьбой с низшими ощущениями. Способ к этому один: содержать людей в строгом подчинении порядку общественной жизни, чтобы всякое его нарушение неизбежно отзывалось злом, а соблюдение его – благом для всякого человека».

Какая крайность и софистическое различие между знанием и умением, – как будто бы умение не есть знание, и знание не способно к лучшему умению? Автор полагается только на ощущения, факты, опыт, не верит в развитие человечества посредством изучения и наставления. Но ведь даже темные массы людей живут одновременно с побуждениями чувств и доводами ума, и в тех и в других есть

правда и ошибки, добро и зло; каким же образом отделять одно от другого? Как жить одним чувством, без размышления и изучения? Непосредственный народный дух, заключая в себе основы своего духовного мира и государственного строя, порождает вместе с добром много зла: господство силы, бремя и обиду для слабых, стремление удержать добытые преимущества в пользу сильнейших, боязнь новизны. Руководствуясь взглядами К. П. Победоносцева, нельзя даже коснуться этого смешанного наследия тяжелого прошлого, а должно предоставить все действию времени и ощущениям темных масс. На этом основании Россия не могла бы избавиться от крепостного быта, потому что во время эмансипации освобождения желало только небольшое меньшинство, сильное логическими доводами и нравственным чувством.

Бесспорно, что одна школа и умственное развитие не обеспечивают личной и общественной нравственности. Но несомненно и то, что одна свобода и личная ответственность вырабатывают характер и что предлагаемое К. П. Победоносцевым верное средство – строгая дисциплина с ее наказаниями и наградами – годится для монастырей и казарм, но не для свободных развивающихся обществ.

После всего изложенного вполне ясно, в каком духе К. П. Победоносцев может разрешать поставленные им вопросы: «о новой демократии» и парламентаризме, который он называет «великой ложью нашего времени». «Новейшая демократия, – говорит автор, – ставит себе ближайшей целью всеобщую подачу голосов – вот роковое заблуждение, одно из самых поразительных в истории человечества. При этой форме правления политическая власть раздробляется на множество частиц, и каждому гражданину достается бесконечно малая доля этого права. Оказывается, однако, что при подобном распределении свободы и власти происходит полнейшее нарушение равенства. Каждый голос сам по себе ничего не стоит; значение имеет только группа голосов: становятся господами власти

и правления ловкие механики демократических выборов... Организация выборных партий и подкуп – вот два могучих средства для господства над массами избирателей; образуется целый контингент избирателей, привыкших жить продажей голосов, а благоразумные и уважающие себя граждане уклоняются вовсе от выборов, чувствуя невозможность бороться с шайкой политических агентов... Демократия надеется, что чем большее число людей призывается к участию в политическом праве, тем более вероятности, что все воспользуются этим правом в интересе общего блага. Но опыт доказывает совсем противное; история свидетельствует, что самые существенные, плодотворные меры и преобразования исходили от центральной воли государственных людей или от меньшинства, просветленного знанием и высокой идеей; напротив, расширение выборного начала приносило принижение государственного смысла».

Все, что высказано К. П. Победоносцевым о демократии и ее выборных порядках, давно известно; на недостатки выборов при всеобщем голосовании неоднократно и горячо указывали сами сторонники либеральных форм. Новым в настоящем случае можно признать лишь ту энергию и непогрешимость, с которой автор выражает свои взгляды; в увлечении он не замечает собственного противоречия: почитая более всего чувства, инстинкты народа, инертную силу масс, он в то же время признает, что наиболее плодотворные улучшения производило меньшинство, просветленное знанием и высокой идеей. Основная ошибка К. П. Победоносцева заключается в том, что он считает современную демократию явлением аномальным, порожденным страстями, заблуждениями, интересами времени, не имеющим никакой будущности, между тем как демократия есть такая же историческая форма общества, как и порядок патриархальный, аристократический и монархический; все народы, способные к политическому развитию, проходят постепенно, с большей или меньшей продолжительностью, эти ступени общежития. Недостатки сопровождают

не только новую демократию, но и существовавшие прежде, точно так же, как аристократия и монархия древнего и нового мира имеют свои, присущие им, темные и тяжелые для общества стороны.

Дело не в отрицании демократии и всеобщего голосования, а в изучении ее недостатков, установлении мер, которые оградили бы всеобщее голосование от злоупотреблений и открывали бы всем партиям и мнениям равномерное право голоса и контроля в государственном деле. История новейшей демократии дает немало доказательств, что лучшие публицисты и политики настойчиво стремятся оградить независимость меньшинства, установить систему выборов, которая обеспечивала бы каждому созревшему политическому направлению реальное участие в жизни своей страны и обуздывала бы политических агитаторов и агентов. И немало уже сделано в этом отношении.

В. В. Розанов
К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ

I

Умер Победоносцев. И с ним умерла целая система государственная, общественная, даже литературная; умерло замечательное, может быть самое замечательное лицо русской истории XIX века; сошел в могилу, «тихо скончавшись после продолжительной болезни» — как написано в его некрологах, — целый исторический стиль законченной и продолжительной эпохи.

Человек стиля немногим пережил стильную эпоху. Он умер в пору, когда она вся разломалась на куски, и бурный поток, клокоча и негодующе, кусок за куском уносил и выбрасывал ее, как щепы разбитого корабля, как кирпич разрушенного здания. В смысле идейном,

в смысле «веры, надежды и любви» немногие люди были так жестоко наказаны, как Победоносцев. Ибо немногие имели случай увидеть, до какой степени ничего, решительно ничего, из того, во что они «верили» и что «любили» за долгую жизнь свою, что создавали и укрепляли, не уцелело – все погибло, и притом безвозвратно.

– Дела мои умерли раньше меня. Как я несчастен!..

– Дела мои умерли раньше меня. Как я могу жить?! – Это неумолчно стучало в его голову два последних года.

Имя Победоносцева все знали, вся Россия. Вся Россия знала этого крепкого, установившегося, «решенного» человека, который не знает поправок, отступлений, уклонений в сторону, компромиссов, сделок. «Систему убеждений» его все знали же. Таким образом, за долгий период времени, за три последних царствования никакая другая «идейная» фигура, или «официально»-идейная, не была так ярко видна, так выпукло освещена. Он был похож на большой портрет в раме, поставленный в актовом зале гимназии среди шумящих, резвых, шалящих учеников. Как они здоровы, юны, задорны, грубы и невинны! Гам и шум кругом. Но все оглядываются на раму с портретом: сухой и старый «дяденька» из рамы вот-вот поднимет тяжелый, мясистый палец и погрозит всем.

И притихали одни.

Резвость других переходила в дерзость.

На место раскатистого ребяческого смеха появлялась желчная усмешка.

Родились раздражение, желчь, отчаяние. «Портрет» все сухо, недвижно стоял. Но как он всех сдерживал и всем грозил, то по истечении достаточного времени около него шумел уже не юный зеленый гам, а красный хохот, бесстыдные движения, визг и свист.

– Что бы сделать с этим «портретом»?

– В самое бы неприличное место его вынести?

– Перевернуть вверх ногами?

– Разодрать? Разломать?

Это шумела революция около «вышедшего в отставку» обер-прокурора Св. Синода, статс-секретаря и члена Государственного Совета К. П. Победоносцева.

«Портрет» был вынесен. Он еще жил и уже был «вынесен». Горькие минуты, два бесконечно тянувшихся года.

* * *

Меня всегда поражало глубокое несходство, даваемое лично при встрече с К. П. Победоносцевым, с тем впечатлением «общеизвестного портрета», какое от него ложилось на всю Россию, и, очевидно, тоже небезосновательно. Для России это всегда были «угроза» и «препятствие». «Не надо», «остановить», «затруднить» – в этом состояла вся «система» его, длившаяся, однако, четверть века; и как ни коротки эти афоризмы, но приложенные без вариаций к тысячам крупных и мелких дел государства, просвещения, Церкви, они, действительно, образовали целый «стиль». Знаменитое щедринское «тащить и не пущать», которым великий сатирик ударил по нашей бюрократии, ударил по ней, как по чему-то невежественному, безграмотному, жестокому и темному, ни к которому бюрократу и ни к одному ведомству так не приходилось – «как форма, сшитая по мерке», – как к К. П. Победоносцеву и его «духовному ведомству»... Здесь, действительно, все «тащилось» и «не пушалось»... Самые сложные учреждения и отделенные, так сказать, вкрадчивые меры принимались к тому, чтобы не только за свой век и от себя лично «тащить и не пущать», но чтобы и после будущее поколение было, так сказать, сковано этими мерами и, получив определенные учреждения в наследство, тоже уже невольно вынуждено было «тащить» и «не пущать».

Таковы были его церковноприходские школы.

Таковы были его светские миссионеры.

При помощи первых он намерен был выместить «вольный дух» из народной школы, заведенный в них земствами и земскими учителями. Взамен общеобразовательной и неопределенно-образовательной школы он дал народу конфессиональную школу, т. е. вероисповедную, как бы призванную только отвечать: «Верую в Бога Отца, Вседержителя, Творца... и жизни будущего века. Аминь». Эту школу с «амином» он отдал под наблюдение и в распоряжение духовенству в том тонком психологическом расчете, что уже личный эгоизм каждого священника-законоучителя-начальника и слитный эгоизм целого сословия начальственно-учительского толкнул его на суровое, беспощадное, неумолимое проведение своего «аминя» и вытеснение всяческого духа, ему препятствующего, с ним не согласованного.

– Я положу семя, из которого по жесткости, грубости, темноте, лукавству и странной настойчивости нашего духовенства вырастет такая охрана для «Верую, Господи, и исповедую», о какую, как брызги, разобьются презренные волны разных учительских семинарий и учительских институтов, этих земств и т. п. временной слякоти.

«Желчная улыбка» выдавливалась на губах народных учителей, «отныне поставленных в подчиненное и ответственное положение перед товарищем законоучителем». Желчная улыбка играла годы. Шла скрытая, шипящая борьба в каждом селе, почти в каждой деревне между учителем и учительницей, все время бывшими около ребят, и между «наведывавшимся» в школу законоучителем, которому было «некогда» учить, и только-только было время «заглянуть, проверить и донести»... Эта борьба, по миновании достаточного времени, выразилась в «учительском всероссийском союзе» и в знаменитых резолюциях учительских съездов... Она выразилась и в том, что обученные угнетенным и поднадзорным учителем крестьянские ребята выросли и, придя в парламент, сели на левые его скамьи, сели подряд.

Ребята, невинно игравшие до тех пор, «ставили вверх ногами» грозный портрет...

Но и среди священников многие нерадивы, вялы, ленивы, некоторые с «душком»... Семинария, отданная в распоряжение монахов, и хорошо подобранный курс наук в ней обеспечивают «закваску фарисейскую» в сословии; но надо, чтобы эта «закваска» бродила и подымала тесто в каждом месте обширного отечества. К. П. Победоносцев положил начало штату светских «миссионеров», этих особенных любителей церковности не в тезисе ее, не в положительном выражении Православия, а в его полемике, споре и опровержении «иномыслящих». Мирное и дремливое Православие через этих миссионеров, рассеянных по всем епархиям, переведено было в положение оборонительное и наступательное, вообще воинственное. Говоря зоологическими терминами, в существе травоядном и молочном Победоносцев начал растить зубы и сгущать кровь... Это «подпустить крови» и «подпустить зуба» было одной из многочисленных черт католического характера, появившихся в новом Православии, – появившихся самостоятельно и внутренне, без подражания и заимствования. Сюда мы относим и нервно-патетическую церковную живопись Васнецова и Нестерова. Нет сомнения, что учреждением светских миссионеров, которые введены были «экспертами» на суд при разбирательстве церковно-религиозных дел, превратившимися в свидетелей, показателей, судебных следователей и прокуроров от лица Церкви и с авторитетом Церкви, у нас положено было начало инквизиции. И за немногие годы своего существования эта «духовная миссия» внутри России наполнила тюрьмы «еретиками» или «похожими на еретиков» страдальцами, и от глаз их не ускользало ни одно село с «упорствующими» старообрядцами, с подозреваемыми хлыстами или шалопутами, с «собирающимися читать на частных собраниях Евангелие» штундистами или якобы штундистами, как не ускользнули ни великосветские религиозно-мистические течения в Петербурге, ни народно-религиозные движения на Кавказе, Дону и Волыни... Глаз миссионера везде подглядывал, обвинял и доносил, а нити всего

этого через посредство известного В. М. Скворцова, «чиновника особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода» и редактора получастного, полуказенного «Миссионерского обозрения» собирались в крепкие, мясистые пальцы К. П. Победоносцева. Не в переносном, а в буквальном смысле, или, лучше, и в переносном, и в буквальном смысле, В. М. Скворцов был «истинно русский человек», с коротеньким катехизисом в голове, где генералы в звездах перемешивались со святыми «угодниками» в золотых венчиках на голове, и все образовало такую «поклоняемую» толпу и кучу из «святых», сановников, мощей, окладов жалованья, небесного царства, казенных квартир, благодати, целебной святой воды, обязательной подписки на журнал, французского языка и модных галстуков, какой, вероятно, никогда не было видано на Западе, но которая довольно точно воспроизвела или воскресила Византию VII–IX века... Тут молились, «выслуживались», хватали за горло и обирали и в заключение опять «молились» или, лучше, все время молились «во славу св. Руси и Живоначальной Троицы». В. М. Скворцов был «немудреный человек», где все это уживалось без всякого противоречия и с полной искренностью и горячностью каждого порознь элемента. Но каким образом все это могло совмещаться в единой душе самого К. П. Победоносцева, который не был ни наивным, ни недалеким человеком, – это разобрать очень трудно.

Через миссионеров, которые находились в живых и личных связях с В. М. Скворцовым, а сам он находился в постоянных сношениях с К. П. Победоносцевым, этот последний взял в личное наблюдение все необозримое духовное сословие России, давя на него в каждой точке, где нужно... Духовное сословие никогда не было так придавлено и задавлено, как при нем: награждено жалованьем, пенсиями – это с одной стороны, но и «службой подтянуто» – это с другой. И опять эта «желчная улыбка», выдавившаяся на губах «неблагодарного сословия», и «левые выборы» от духовенства в Думу...

Все и согласно выносили «портрет» в наиболее неприличное, какое нашлось бы, место...

* * *

Такие вещи, как светское миссионерство, как церковноприходские школы, были так выпуклы, многозначительны. Они говорили всей России, и говорили определенным образом. Сомнения не было: с Победоносцевым, с его именем соединена была громада чего-то темного, мрачного, жестокого, что надвинулось на Россию и упорно не хотело уйти, что отстаивало себя и свое положение. По этому основному и общему впечатлению, ложившемуся от дел его, в России составилось представление о лице Победоносцева как о чем-то в основе всего сухом... Сухом и черством, недвижимом и строгим, неумолимом и «богомольце», немного «ханже», даже очень «ханже».

— Богу молится и делает скверные дела.

Это стояло над ним черной дощечкой с краткой надписью целые десятилетия... И он этой «дощечки» не снимал, не делал ничего, чтобы ее отстранить или заменить...

Для меня и до сих пор составляет загадку, где была истина в Победоносцеве: в лице ли его или в делах. В том, как вот «входит Константин Петрович», видишь его, бесспорно видишь, натурального, слышишь его голос, интонации его, такие бесспорные, не могущие быть подделанными, — или «в бумагах, подписанных Победоносцевым», и которые даны чиновникам всяких наименований «для исполнения» или «к сведению и руководству»... В конце концов, я думаю, что истина лежит в бумагах, все одного направления, направления за столько лет. А личное впечатление... его надо зачеркнуть, как видение, как «хороший сон» в непогоду, когда на дворе стоит дождь, слякоть и мерзость...

* * *

В комнату, где было 3–4 скромных лица, – между ними какой-то знаменитый (мне сказали) устроитель церковной музыки и хоров, еще образцовый учитель образцовой же сельской школы, томимый сомнениями лесовод Кравчинский, брат Кравчинского-Степняка, автора «Подпольной России» и убийцы генерала жандармов Мезенцева, знаменитого эмигранта, – вошел еще господин... На вопрос мой, кто это, мне шепнули: «Разве вы не узнаете: это Константин Петрович».

Я с величайшим интересом стал всматриваться.

Высокая, очень высокая фигура оканчивалась маленькой головой женского, красивого сложения, почти без растительности на подбородке и губах... Это отсутствие волос на ожидаемых местах, по зоологии «вторичных (сопутствующих) признаков мужского пола, мужской силы и мужской зрелости», составляло бросающуюся в глаза особенность вошедшего в комнату нового человека. Давно я наблюдаю, и это можно проверить по историческим портретам, что люди особенного значения или исключительных талантов никогда не имеют «общей физиономии», «общечеловеческого» лица, «вот как все», что в лице таких людей всегда есть отступление от нормы, – увы! – большей частью в сторону некрасивого... Еще гимназистом, любя философию, я собрал портреты-фотографии знаменитых философов. Это были также «непростительные уроды», каких показать сразу и живьем в комнате – значило бы напугать или разогнать публику. Достаточно сказать, что Сократ, знаменитый в древности урод, был еще из самых красивых. Но что представляло собой, например, лицо Локка или губастое, с чудовищным ртом лицо Декарта – это даже неприятно вспоминать. Как известно, Суворов был до такой степени некрасив, что не входил в комнаты, где ожидал увидеть зеркало. Конечно, встречаются и исключения из этого (лицо Паскаля), но именно как исключения редкие...

Лицо вошедшего нового человека мне, впрочем, сразу понравилось как именно женское, женственное лицо без бороды и усов (какая-то ерунда вместо этого), не сбритых, а не выросших, нежного очерка, с белой или очень бледной кожей... Это была пожилая, немного старая женщина, т. е. старый женский бюст, с сухой плоской грудью, без «грудей», посаженный на высокое и сильное мужское тело, немного сухопарое, плоское, если смотреть сбоку, и широкое, если смотреть с лица... Какие-то большие ноги и большие руки. Точно в комнату входили руки, ноги и голова, а прочее тело возле них только «между прочим». Человек мысли, движения и захвата – как этого не подумать? Мне он понравился, хоть был и «без грудей». Но я – мужчина. Можно же представить себе ту степень органического, темного, неодолимого отвращения, отталкивания, какое, несомненно, он внушал самым приближением своим, самым присутствием вот в комнате всему, что имело в себе женский инстинкт, женский взгляд, женские вкус и тяготение. Суворовское испуганное «не подходи к зеркалу» для Победоносцева варьировалось в испуганное, томительное, зловещее «не подходи к женщине».

– *Lasciate ogni speranza voi, ch'entrate* – «оставьте всякую надежду входящие сюда»...

Для читательниц слова мои будут ясны, а читателям я замечу, до чего для нас, мужчин, невыносимы женщины «солдатского профиля», женщины с мужеобразными лицами, с грубым голосом и мужицкими движениями... Для нас прелесть другого пола выражается в дополнительном контрасте с нами, во всем обратном с нами: в нежности, грации, податливости, уступчивости, в глубоком нежном голосе и неуловимых, мягких движениях. Это мы зовем «женственностью», требуя ее во всем: от души и пения до походки и рукоделия. Очевидно, это самое есть и в ожиданиях женщин: они требуют мужского от другого пола, этого очерка «героя», от поступи и повелительности до подвигов и бороды...

В Победоносцеве ничего этого не было; даже не выросла борода; что-то ужасное и коварное в этой линии ожиданий и требований...

Между тем Бог и родители его соделали... мальчиком, малюткой, отроком, юношей, мужчиной, старцем.

От которого все уходили, не могли не уходить как от отрока... Я говорю о цветных нарядных кофточках.

И никто не приблизился к нему как к юноше... Говорю о шумящих шлейфах.

И также он был органически не нужен как мужчина, как пожилой человек, как старец...

Он был неизменно приятен, полезен, нужен только людям своего пола и своего костюма. Но это ужасное одиночество, едва он входил в другую половину рода человеческого, вероятно, не без причины именуемую «прекрасной», эта «пустынность вокруг», едва он входил в сад цветов, ароматичности и неги, должны были от ранних лет положить на его душу такие впечатления, о силе и остроте которых мы не можем судить. «Исключительная личность и исключительные впечатления»... И все черного, горького значения...

Я передаю свои мысли, как они толпой хлынули в мою голову, когда я разглядывал знаменитого государственного человека приблизительно в 1895 году... Все мы были его моложе, но этот старик казался моложе нас всех, по крайней мере, живее, оживленнее в движении, речи, легкой изящной шутливости, бесспорном уме, светившемся в его глазах...

Приятна была еще его вера в свои ум, достоинство: он был глубоко спокоен, глубоко ничего ни у кого не искал; никто ему не был нужен для себя (для него), и от этого он еще свободнее, легче и добровольнее давал из себя ласку другим. Она не заключалась в словах, не была выражена – она неопределенно лилась из него как в высшей степени счастливого, спокойного и благожелательного человека.

«Какой прекрасный человек!» – я подумал.

II

В этот первый раз, когда я увидел Победоносцева, я увидел и «луну, вечно сопровождавшую свое солнце», – Вл. К. Саблера. Он вскоре вошел в ту же комнату. Бравый мужчина пожилых лет с седеющей головой, широкий, большой, почти веселый, во всяком случае, очень бодрый человек без уныния, грусти и меланхолии. «Все благополучно», – говорили его лицо и фигура. Он был весь глубоко обыкновенен, как Победоносцев – глубоко необыкновенен. Когда он шел или двигался, он точно всех расталкивал, даже если этого не было. Такие манеры. Он сел и стал рассказывать, как ему говорили по телефону о какой-то крупной неожиданно пожертвованной сумме от какой-то духовной особы или причастной к духовному миру; потом рассказывал о каком-то заседании, на котором члены «раскрыли свои фонтаны» (красноречия). «У тебя фонтан не хуже других. Что же ты его не затыкаешь?» – думалось. Победоносцев, который тоже очень любит говорить, сочувственно улыбался этому отрицанию со стороны своего «товарища» по должности «фонтанов красноречия».

– Хорошо, когда говорим мы... Но когда говорят другие, это очень скучно. И... не нужно.

Тут был тот милый, счастливый, изящный эгоизм, который вырабатывается во всяком барстве, будет ли оно барством экономическим, титулованным, сословным или служебным, бюрократическим. Все равно. Суть барства в независимости и силе. Во власти над другими. И оно неизменно отражается в чувстве, в мистике, в природе: «как хорошо, когда я цвету, и как скучно, когда цветут другие; и... не нужно».

Вечная история, одна в Артаксерксе, Фамусове и Победоносцеве-Саблере. Суть не в человеке, а в положении. Человек сидит на своем месте, но еще вернее, что он сидит под своим местом, т. е. весь окружен, подавлен и сформирован условиями того места, кресла, стула, табурета или рогожки, на которых сидит.

* * *

Скажу кратко, что, насколько Победоносцев был ярко государственный человек, настолько же Саблер был ярко чиновником. Оба как бы родились только для этого. Один родился для «соображений», для «плана», другой – для деловой сутолоки, хлопот, беганья, мелочей. Но по этой именно причине они в высшей степени дополняли друг друга, были хорошо «сгармонизированы»; и, как мне приходилось видеть потом, В. К. Саблер не покидал Победоносцева даже в редчайших случаях, когда тот посещал оперу (в консерватории). Буквально он окружил его собой: почти нельзя было добиться слова от Победоносцева иначе, чем через Саблера; почти нельзя было до Победоносцева довести своего слова иначе, чем через Саблера. Разве уж что-нибудь очень ненужное и во всех смыслах неинтересное...

– А, батенька, служба?! Опыт!! Гений службы!!!

Это точно выгравировалось на счастливом, крепком, обыкновенном лице Саблера.

* * *

Если бы Россия была счастлива, как Саблер!.. Но она и самое духовное ведомство – кроме этих крошечных пенсий и крошечных жалований, – была ободрана, холодна, голодна, угнетена, раздражена. В ней было везде неуютно. Но в этом кабинете было уютно.

Я припоминаю характерный длинный смех Влад. Соловьева, с которым он передавал мне:

– Иван Давыдович (Десянов) говорит: «Со всех сторон я слышу жалобы, что Церковь у нас мертва. Нет, отчего же: как хлопочет Владимир Карлович» (Саблер).

Десянов, тогдашний министр просвещения, армянин-старец, был «николаевская косточка». Начав службу при императоре Николае I,

он был робок, скромн, ленив, необразован и страшно умен практической, житейской формой ума. До конца жизни он ничего не читал, кроме «S.-Peterb.Zeitung», и не знал вовсе русской литературы – ни текущей, ни прошлой, ни журнальной, ни классической. Это, впрочем, не значило, чтобы он не знал, кто был Пушкин. Но люди, чрезвычайно начитанные и образованные не только в русской, но и в западных литературах, говорили мне: «Это антипод Победоносцева: насколько Победоносцев умен теоретической формой ума, настолько же практической формой ума умен Делянов». От других людей, профессуры мне приходилось слышать: «Делянов не от старости ничего не делает для гимназий и университетов. Этот умница мог бы бездну сделать уравновешенного, доброго, умного. Но он циник: будучи сам умен и без образования, он глубочайше презирает существо образования, и ему решительно все равно, что есть и чего нет, чему учат и чему не учат в гимназиях. Он хотел бы только, чтобы не происходило волнений и безобразий не самих по себе, но потому, что это есть служебная неприятность, и неприятность в его ведомстве».

Дверь его квартиры на Невском была всегда раскрыта «для званых и незваных». Он был совершенно доступен даже для учителей гимназий. И всякую просьбу запомнит и исполнит. Личная его доброта и готовность все сделать для ближнего, сделать и по закону, и сверх закона была безгранична. Когда к нему приходил студент с жалобой или за помощью и, конечно, с этим известным «студенческим духом», то он, беря его за пуговицу, вел через комнаты в свой кабинет. Здесь, подходя к какому-то столу, он брал раму портрета и повертывал перед студентом. Тот с изумлением видел общеизвестный портрет императора Николая I. На недоумевающий взгляд студента министр говорил:

– Вы, молодые люди, теперь ничего не боитесь и никого не уважаете. Весьма худо-с. Я вот при ком (указывая на портрет) начал службу и до сих пор его боюсь! В наши времена, о-го-го!!! Вашу просьбу я исполню, но все обязаны почитать авторитет старших.

После его смерти передавали в Петербурге, что когда было вскрыто его духовное завещание, то оказалось, что лишь небольшая доля его огромного состояния (доставшегося ему по женитьбе) была назначена родственникам; все остальное пошло в дар и на пенсии бесчисленным сторожам – не умею сказать: дома ли его, личной ли его прислуге или прислуге «мин. нар. просвещения», – каким-то его «крестникам» и «крестницам», рожденных дочерьми и супругами этих сторожей. Черта доброты и простоты тоже трогательная.

Видел я его раз в жизни на отпевании академика Карла Грота. В каком-то черном пальто внакидку он поражал скромностью и особенно живостью. Фигура и лицо были мизерабельные и смешные. Но видно было, что, смешной сам, он внутренне немного подсмеивался над всеми другими.

Старая николаевская лисица: с одним «St.-Petersb. Zeit.» за душой усесться в министры народного просвещения в России и «проходить службу» свою так удачно и благоуспешно, как этого, пожалуй, не удавалось никому до него: осыпан почестями и милостями, никаких неприятностей – и ничего не делает.

Он уже был «графом» и имел орден Андрея Первозванного, т. е. «по службе»; в смысле отличий, орденов и «милостей» обогнал Победоносцева, да и всех, кажется, сверстников.

Победоносцевым он вечно был оскорбляем, притесняем в Государственном Совете, в Комитете Министров: Делянов представит какой-нибудь проект, конечно, «для блезиру», – и Победоносцев со всей силой критического гения и радетеля о судьбе отечества обрушится на него. Медведь лез с ревом, с ломом на карточный домик, на воробьиное гнездышко, на место, «где курочка по зернышку клевала»; и не то важно, что «проект падал», проект – Бог с ним, можно его и исправить, и представить другой, но выходила «неприятность», члены Государственного Совета качали головами или улыбались и проч., и проч., и проч. Шум – и по-пустому. Старая «николаевская»

лисица улыбалась армянским смехом уже по адресу «ведомства Константина Петровича»:

– Говорят, Церковь мертва. Не нахожу: как бегают один Владимир Карлович.

Делянов, интересуясь внуками своих сторожей, разумеется, ни малейше не интересовался ни русской, ни армянской, ни какой еще иной церковью. Но он напрягал ум. Действительно, в одной фразе своего гениально-практического ума осветил и отверг и осмеял все то, над чем, «наморщивши чело», пыхтел, старался и ничего не мог сделать К. П. Победоносцев.

– Церковь не живет вовсе... Церковь сгнила и развалилась. Это Владимир Карлович Саблер бегают впопыхах, зарабатывая себе ленту Александра Невского. А самодовольный умница Победоносцев, вечно обижающий меня и презирающий как неуча, хлопоты своего Владимира Карловича принимает за действия благодати Господней и ищет Св. Духа в плюмаже его сенаторской шляпы.

Саблер, сверх прочего, был и сенатором.

III

В следующий раз я видел Победоносцева в небольшом обществе отставленных или полуотставленных государственных людей. Тут был один экс-министр, с бритым, некрасивым и неумным лицом; товарищ министра, с очень красивым, но слишком обыкновенным лицом; жена экс-министра, милая и «чисто русская женщина» из знаменитого дворянского русского рода, ужасно спешно лепетавшая про благотворительность и про гр. Л. Н. Толстого, вставляя французские отрывки фраз всякий раз, когда она решительно не могла их передать по-русски. В первый раз я слышал этот светский говор, великолепные образцы которого даны гр. Л. Толстым в «Воскресении» и в «Войне и мире». Так как общество было русское, а в лице моем и демокра-

тическое, то она, очевидно добрая и приветливая, совершенно простая женщина, чувствовала неудобным говорить не по-русски. Но это ей было страшно трудно. Она говорила страшно медленно, очевидно мысленно переводя с французского языка на русский; но в некоторых местах приходила в отчаяние, и тогда сыпались французские слова, которые она удерживала, и вновь начинала с усилием складывать, как дитя, русские предложения.

Между тем она была чистокровно русская, и ее урожденная фамилия фигурирует в биографии Гоголя среди ближайших друзей его.

Вошел Победоносцев, светя умом и спокойствием: тем умом и спокойствием, какое я всегда любил в нем, как все приятное и красивое.

Мне кажется, «своя думка», своя недодуманная дума и недоконченное размышление всегда были в нем, присущи ему были и днем, и ночью. И от этого присутствия мысли в его лице, вот сейчас мысли, оно было духовно красивее других лиц, куда бы он ни входил, где бы ни появлялся. Все остальные думают о «сейчас», и эта мысль о «сейчас» – коротенькая, малая. Победоносцев же, входя в обстановку «сейчас», нес на себе остатки и следы именно длинных мыслей, естественно более важных и более красивых, чем обыкновенные. Как ни мало для меня уважительна его деятельность, во взгляде на которую я совершенно примыкаю к определению И. Д. Делянова, тем не менее личность Победоносцева для меня была и останется неизменно привлекательной. В нем была еще другая дорогая черта – глубокая естественность. Каждое движение его, каждое слово – были натуральны, «как хотелось». Ничего искусственного, деланного, преднамеренного. Никакого, даже отдаленного, намека на хитрость или возможность хитрого. До чего он в этом отношении был не похож на «высокопоставленных карьеристов» Петербурга...

За большим круглым столом рассматривали серию рисунков (около ста), выполненных гуашью (особый род сухих красок). Рисунки иллюстрировали апокрифическое Евангелие от Иакова, имеющее

некоторые не канонические, но очень поэтические оттенки текста. Выполнены они были одним глубоко образованным человеком, которого я потом близко знал, и рисовались неторопливо, приблизительно в течение 15 лет, рисовались вдохновенно и прекрасно. Никогда я не видал столько вкуса, ума, выбора и благородной игры воображения над благороднейшими сюжетами, как в этой работе петербургского старожила, чиновника и юриста (по образованию и должности). Много раз я их рассматривал потом. И чтобы объяснить всю серию, приведу хоть один пример.

На слова евангелиста о родословии и рождении Иисуса Христа дан рисунок приблизительно в три вершка высоты и $2\frac{1}{2}$ ширины. Дугой циркуля он разделен диагонально на две приблизительно равные по величине части: это две картинки, как бы два исторических видения, две фабулы истории лит, легенд ли, действительности и религии. В правой и нижней половине, т. е. под разделительною линиею, где-то в садах Августа Вергилий читает своему царственному другу и покровителю те знаменитые строфы, где он удивительным образом совпал с тем самым событием, какое в августовское время действительно совершилось в Вифлееме. Строфы эти до сих пор для историков и археологов составляют загадку, что-то непонятное, а доверчивые Средние века за эти строфы поместили Вергилия в ряд ветхозаветных пророков, предрекавших пришествие Спасителя. Только у Вергилия это сказано определеннее и яснее, чем у всех пророков: «В дни твои, Август, родится Божественный Младенец, который положит начало новому порядку вещей на земле: от Него выйдет новый закон, и он принесет мир людям»... Сейчас не помню наизусть, но конкретность предсказания удивительна. Итак, в белых холщовых тогах сидят Август и поэт (венки на голове), и, читая по свитку, Вергилий вдохновенно поднял перст кверху. Прекрасная сцена домашней жизни цезарей, когда они еще не перестали быть гражданами. Вергилий ничего не видит, не знает; он poeta et vates, рифмотворец и

вещун... Но правда или неправда в его гаданиях – он не знает и сам. Хочется петь о «новом золотом веке», и он поет. Но нам «хочется», а в хотеньях наших, может быть, говорит Бог? Откуда сны? Но Бог, как во сне Самуилу, говорит в них. Так на этот раз удивительными, действительно удивительными строфами римлянина-язычника было описано одновременно происходившее событие израильской истории: тогда как самых имен «Назарета», «Вифлеема», «Иисуса», «Мариам» Virgiliy, конечно, не знал!

Удивительно!

Над дугообразной чертой, именно как бы в продолжение и исполнение вдохновенного слова и жеста римского поэта, виделось южное небо, темное со звездами, и в нем Богоматерь с Младенцем, в том иконообразном сложении, к какому мы привыкли.

До чего было это грациозно, изящно в исполнении. Рисунок занимал верхнюю половину картона-листка, на нижней половине которого были начертаны тушью, крупными «летописными» буквами латинские стихи Virgiliya, сюда относящиеся, – четыре-пять строк.

Все любовались, разобрав по рукам листочки-картинки.

– Это что же? Это что же? – восклицал Победоносцев.

В руках его был первый заглавный листок. В византийском стиле, с этой богатой орнаментацией всяких завитушек и ремешков нарисована была «Небесная Слава»: Престол Господен, и на нем сидящая Пресвятая Троица. Вот Бог-Отец – Старец, одесную Его – Сын; на персях Отца Дух Св., в виде голубя; кажется, по другую сторону Божия Матерь. Я не помню подробностей, но помню, что именно изображен был Престол Божий как символ целостной Церкви, целостного христианства. И опять, как на предыдущей картине, проведена была, но горизонтально, черта; то была небесная половина христианства, а вот – и земная. По правую сторону в клетчатом пледе идет хлопотливо с чемоданами англичанин; вокруг – африканский пейзаж (миниатюра жирафа, слона): окрест удивленно и богомольно взира-

ют на клетчатого господина голые дикари... Это англичанин!.. Явно. Английская миссия в диких странах. Под мышкой несет Евангелие (книжка, может быть, с символом креста), ну, а главное-то – чемоданы, торговля (небольшой смех, скорее улыбка). Хорошо, хорошо: несут христианство и культуру; много эгоизма, но и подлинная жажда просветить дикарей светом Евангелия, к которому есть подлинный энтузиазм. Может быть, и не лучшее дело земное, но хорошее дело земное. Да, для протестанта – христианство есть культура, отождествлено с культурой. И что же: культура богатеет от христианства, а христианство богатеет от культуры. Хорошее поле для евангельского зерна, хотя, может быть, и неподалеку от дороги, где пролетает много птиц, и они выклеивают множество зерна. Труд и суета, эгоизм цивилизации: и в нее павшее евангельское зерно, полузатоптанное, полузаглушенное. А это что? Ба-ба-ба!

На левой части рисунка изображался толстый католический поп, подвязанный веревкой, с бычачьей шеей и бритым лицом; подняв обе руки как бы в защиту себя, он отвернулся от зрелища, явно для него отвратительного. И немудрено: «зрелище» представляла молодая женщина с ребенком на руках, о чем-то умоляюще говорящая ксендзу.

– Те-те-те! Попался, голубчик. Молодая женщина сует ему ребенка, от него прижитого, а он воздевает руки «горе», отвечая: «Не вем». Мошенники. Лгуны и развратники. А это...

Он разглядывал середину рисунка.

– Не понимаю, что это. Спит монах. Кажется. Может быть, архиерей – пышная одежда. Знамение креста и куколь. Да это монах наш, восточный. Как удобно улегся. И подушечка. Спит он? Нет, кажется, дремлет: глаза не совсем закрыты. Лицо тупое, сонное и самодовольное. Да, это наша Православная Церковь.

Кажется, я немного неверно или, точнее, неполно описал верхнюю часть рисунка: «Престол Божий» был только над этим «православным»

монахом, не простираясь влево и вправо, на англичанина и ксендза: те оба (миниатюры) как бы уходили вдаль «от Христа»; один, предавшись заботам культуры, а другой, погрузившись в разврат.

– Чудно! – продолжал Победоносцев, явно восхищенный. – Один отдался торговле, другой – разврату. Нашим дуракам все было дано, но наши дураки надо всем заснули. Ну и не пробудишь их! Куда. Сытые и видят золотые сны. Это весь наш Восток, ленивый, бездушный, который воображает, что уж если «истина» попала им в руки, то уж что ж тут и делать, «истина» сама за себя постоит, а они могут сладко дремать на сладких пирогах.

Подробностей я не помню, но до «йоты» точно передаю смысл и все оттенки смысла речей Победоносцева. Не то чтобы он говорил с желчью, но с тем давно-давно установившимся убеждением, которое, может быть, когда-нибудь и клокотало, рвалось в дела, в гнев, но давно подернулось корой равнодушного презрения и полным убеждением, что время сильнее человека, а нация в пороках и слабостях – гораздо сильнее всяких усилий над ней отдельного человека.

Мне кажется, в одном отношении он был человек старой, даже застарелой и как-то неумной школы. Он соображал, что «делать», это значило именно самому делать. Как же, залог «добродетели» всех наших служилых людей, начиная еще с Петра. Все «дуги гнули»... Между тем истина заключается в том, чтобы давать другим делать. Между двумя этими программами – целая пропасть. Самоделание заключается в каком-то отвратительном убеждении, что все люди мертвы, кроме «меня», положим, вот Сперанского, Аракчеева, Д. А. Толстого, Победоносцева. Над этими мертвыми людьми я буду делать, потеть, ломаться и ломать их, пока не приведу все «в надлежащий вид». Но «надлежащего вида» обыкновенно не выходит... И человек умирает, иногда страшно умный, совершенно разочарованный. Другая программа чрезвычайно умна исторически и в то же время удобна, потому что для исполнения своего не требует никаких

особенных индивидуальных качеств. Она заключается во взгляде, что все должно «делаться», «само собой совершаться» и что почти все индивидуальные усилия, положим, «высокопоставленного человека», министра и проч. должны заключаться в убрании препятствий с дороги, в снятии пут с человека и людей. Я сказал, что программа эта не предполагает особенного ума. Но она предполагает в человеке некоторый высший дар, нежели ум: добрую душу, скромное признание собственного умственного и нравственного уровня не высшим, нежели у других людей, у так называемой «толпы», и, как плод всего этого – веру в людей и в обстоятельства. Хотя, по-видимому, Победоносцев придавал «слепым стихиям истории» высшее значение, нежели индивидуальному уму (см. его «Московский сборник»), но на самом деле он был индивидуалист и на слепые стихии истории смотрел как на разбой, почти разбой в своем департаменте. Он не доверял ни народу, ни стране, ни своему поколению. Все это были «грабители», грабившие его чемодан с гладко переписанными бумагами, на которых значилась подпись: «К. Победоносцев».

Все это была недалекая система. Будучи страшно умен индивидуально, он был неумен воспитательно, т. е. он первый закал обучения и молодости получил в грубо наивную, положительно недалекую эпоху. Учился в те дни, когда учился и Делянов: но только тот все читал «S.-Pet. Zeitung», а этот читал все и постоянно читал философов, поэтов, законодателей, историков. Любовь его к чтению была неутомима, и число прочитанных им книг, и любовно, вдохновенно прочитанных, – было изумительно. Уже 70-летним старцем он делал в записной книжке пометки о читаемых книгах и выписывал из них прекрасные места. Но это все украшало его ум, не помогая государственному человеку. Как государственный человек он получил кривой закал, если позволительно так выразиться, еще в те 30–40-е годы XIX века, когда в государственной системе России не было никакого другого взгляда, другой системы, как эта добродетельная и узкая си-

стема «самоделения»... «Все бы самому», «мертвецы кругом: я один жив»... Последние два года его жизни могли бы убедить его в совершенной ложности такой теории. Влад. Карлович Саблер не так умен, чтобы от чего-нибудь поумнеть, но Победоносцев мог бы увидеть, до чего все оживилось тем самым оживлением, о котором он мечтал и томился, и искренно томился, в любимой им области Церкви, едва он сам отошел от нее, и с ним отошли те бесчисленные запоры, задвижки и заслоны, которыми он всю ее перегородил и заставил. «Богословский вестник» в Москве (в Троице-Сергиевом посаде), «Церковный вестник», «Век», «Звонарь» в Петербурге, «Церковная газета» в Харькове, «Церковно-общественная жизнь» в Казани – как все это заговорило, каким языком, с каким напряжением, с какой ясностью и на какие темы!!! Но эти люди, там пишущие и издающие, они были и вчера, и третьего дня те же люди: только им третьего дня и вчера не позволяли говорить, а сегодня так сложились обстоятельства, что «стало не до них», и они под шумок и под гамок сами заговорили. Сами заговорили, и картина сразу стала лучшей. Явилось именно то, что Победоносцев считал безнадежным, – пробуждение людей Церкви. Ну, что же было всем бегать на побегушках у Победоносцева – никто этого не хотел. И все вяло делали или полудедали в «его ведомстве», которым при нем стала Церковь. Но он отошел – если еще не в вечность, то в отставку – и все рванулись делать, для Бога, для Христа, для Церкви. Самая должность обер-прокурора Синода настолько отрицательна в самой себе, что, чем меньше стоящий на этой должности человек, тем лучше: преемники Победоносцева (их было уже двое) так малы, что на них никто не обращал внимания, и потому открылась возможность службы не им, а истине, религиозной и церковной правде. Пока это выразилось отрицательно, в борьбе с религиозной и церковной неправдой, бытие которой признавал даже Филарет, митрополит Московский; но сперва очищают поле, а потом по нему сеют.

Передам еще личное впечатление от Победоносцева: нас сидело человек пять гостей у митрополита Антония; к счастью, был и Скворцов, доверенный человек Победоносцева. Сидели за чаем, и речь непринужденно лилась. Вдруг вошедший слуга что-то шепнул митрополиту, и, улыбаясь, он сказал нам: «Константин Петрович». Сейчас же отворилась дверь, и вошел Победоносцев. Он был так же жив и умственно красив, как всегда. Присутствие Скворцова потому было благополучием, что, очевидно, митрополит был страшно стеснен Победоносцевым и его «высоким саном» и опасался возможности всякого подозрения у него относительно «чистоты своих намерений». Беседа с глазу на глаз митрополита с 4–5 писателями могла показаться обер-прокурору Синода не весьма благочестивым делом, а, главное, видом религиозно-государственной «неблагонадежности»... Помнится, он потом и высказывался в том смысле, что «слава Богу, что был и Скворцов». Победоносцеву сейчас был подан стакан чаю, и он весело разговорился со всеми нами, конечно, насчет тех предсмутных дней, которые тогда текли (время Плеве). Между другими речами его была та, что «невозможно жить в России и трудиться, не зная ее, а знать Россию... многие ли у нас ее знают? Россия, это – бесконечный мир разнообразий, мир неприютный и терпеливый, совершенно темный; а в темноте этой блуждают волки»... Он хорошо выразил последнюю мысль, с чувством. Кажется, буквально она звучала так: «дикое темное поле, и среди него гуляет лихой человек»... Он сказал с враждой, опасением и презрением последнее слово. Руки его лежали на столе:

– А когда так, – кончил он, – то ничего в России так не нужно, как власть; власть против этого лихого человека, который может наделать бед в нашей темноте и голодье пустынной.

И пальцы его огромно сжались, как бы хватая что-то. Я взглянул: какое безобразие! При сухопарности всей фигуры, «всего Победоносцева» пальцы у него были толстые, мясистые, налитые кровью. Они

были так непропорционально велики, как будто из кисти руки, из ладони, выделялись пять детских красных ручек.

Характерно. Может быть, оттого, что он 50 лет постоянно много писал.

Я думаю, эту особенность заметил гениальный И. Е. Репин. На картине «Государственный Совет» он изобразил Победоносцева сидящим совершенно на заднем плане. Фигура его тускла и не бросается в глаза. Как известно, надо всем Государственным Советом (на картине) царит брюхо Игнатьева, киевского генерал-губернатора, такое классическое, колесом. Но вот характерное: Победоносцев поставил локти на стол и вложил пальцы одной кисти руки в пальцы другой. В тусклом дальнем изображении видно только сморщенное, гневное, злое лицо «статс-секретаря и обер-прокурора Св. Синода» и эти ужасные две кисти рук его, точно второе его лицо, столь же характерное, как и женственное белое, умное лицо!

– Хватай! Хватайте все! Иначе – все разбежится и, разбежавшись, убьется, разобьется!..

Н. А. Бердяев

НИГИЛИЗМ НА РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЧВЕ

Умер К. П. Победоносцев. С ним так много связано, срослась с ним целая эпоха русской истории, даже более чем эпоха: в его личности и в его деле ярко воплотилась связь Православия с государственным абсолютизмом. Победоносцев – знаменательный тип: искренний идеолог нашего исторического нигилизма, нигилистического отношения русской официальной Церкви и государства к жизни. Победоносцев – мыслитель не глубокий и не индивидуальный, идеи его – сверхличны, слишком типичны, он разделяет их с теми историческими силами, которым служил, которые идеологически подпирал. Победо-

носцев вызывал к себе жгучую ненависть, он был надеждой темных сил, долгие, тяжкие годы был он кошмаром русской жизни. Но, когда читаешь его, ненависть слабеет: звучат у него такие искренние ноты, искреннее смирение перед высшим, любовь к народному, романтическая привязанность к старому быту. В России немного было идейных и искренних защитников теократического самодержавия, особенно среди тех, которые стояли у власти и направляли государственный механизм. Победоносцев был из числа этих немногих.

Какая основная черта Победоносцева, его «умопостигательный характер»? Неверие в силу добра, неверие чудовищное, разделяемое русской официальной Церковью и русским государством. Сила Победоносцева, непостижимая власть этого человека над русской жизнью в том и коренилась, что он был отражением исторического русского неверия, исторического русского нигилизма сверху. Нигилистическое отношение к человечеству и миру на почве религиозного отношения к Богу – вот пафос Победоносцева, общий с русской государственностью, заложенный в историческом Павославии. Победоносцев был религиозный человек, он молился своему Богу, спасал свою душу, но к жизни, к человечеству, к мировому процессу у него было безрелигиозное, атеистическое отношение, он не видел ничего божественного в жизни, никакого отблеска Божества в человеке; лишь страшная, зияющая бездна пустоты открывалась для него в мире, мир не был для него творением Божьим, он никогда не ощущал божественности мировой души. Этот призрачный, мертвенный старик жил под гипнозом силы зла, верил безгранично во вселенское могущество зла, верил во зло, а в Добро не верил, Добро считал бессильным, жалким в своей немогущности. Он – из числа загипнотизированных грехопадением, закрывшим бытие, отрезавшим от тайны Божьего творения. Дьявол правит миром, определяет ход вселенской жизни, проникает в человеческую природу до самых ее корней; добро, божественное не имеет объективной силы, на нем нельзя строить жизни, с силой

добра нельзя связывать никаких исторических перспектив. Подобно Марксу, смотрит Победоносцев на человеческое общество как на механику сил. Роковой процесс падения и разложения человечества, растущие силы зла могут быть остановлены лишь насильем, лишь злом же, лишь деспотической государственной властью, которую Церковь посылает в мир замораживать рост жизни, обуздывать освобождение жизни. Победоносцев затаил в себе обиду на мировую жизнь и на человечество, он мнителен и подозрителен до психоза. Но этот нигилизм Победоносцева, эта атеистичность его отношения к миру не есть случай индивидуальный, связанный с личными событиями его жизни, это факт мировой, факт, заложенный в религиозном сознании исторического Православия. Историческое Православие не раскрывает в себе религиозной правды о человечестве и мире, в нем религиозно лишь отношение к смерти, не к жизни. Православное христианство есть учение об индивидуальном спасении на небе, об уходе от мира, который весь заражен злом. В аскетическом сознании Православия нет еще учения о смысле всемирной истории, о торжестве религиозной правды на земле. Православие не верит в Царство Божие на земле, лишь на небе ждет его, землю оставляет дьяволу. Одно только хорошее дело можно и должно сделать на земле – задержать ход зла, остановить, обуздывать силой, подморозить. И в Православии есть учение о религиозном значении государства, которое Церковь уполномочивает не Царство Божие на земле устроить, а обуздывать царство дьявола, насильем удерживать мир от окончательного распада. Соединение Православия с государственным абсолютизмом произошло на почве неверия в божественность земли и земного будущего человечества; Православие отдало землю в руки государства по неверию своему в человека и человечество, по нигилистичности своего отношения к миру. Православие не верит в религиозное устройство человеческой жизни на земле и корректирует свой безнадежный пессимизм призывом к насильственному устройению ее государственной властью.

Государственный абсолютизм есть учение Православия о том, как устроить землю, как задержать победный ход зла в мире. Русский абсолютизм называют теократическим, но очень не точно: освященный Православием абсолютизм есть результат неверия Православной Церкви в возможность теократии на земле, Царства Бога и правды Божией на земле. Так как Божья правда не для земли, а для неба, то на земле пусть насилием удерживает человечество от зла государственная власть – вот суть православного учения об абсолютной монархии.

Неверие в объективную силу добра на земле, в смысл мировой истории, в непосредственную мощь самого Бога в земной общности, неверие это и есть основа государственного позитивизма, обоготворения государственной власти. Католичество также не верило в божественность человечества, в мощь божественного в земной человеческой истории и создало учение об устройстве земли при помощи папизма. Папоцезаризм и цезарепапизм: папа – заместитель Христа и византийский царь – заместитель Христа, – одинаково выросли из безрелигиозного, атеистического отношения к земному человечеству, держатся на неверии в богочеловечество и богочеловечность исторических судеб, на неверии в то, что сам Христос будет царствовать на земле (хилиазм).

Это – два лжетеократических направления в мировой истории, одинаково противоположных истинной теократии, враждебных вере в Царство самого Бога на земле. В истинной грядущей теократии Христос не может иметь заместителя, Сам будет править миром, правда Его будет властвовать; безбожное человечество, признанное достойным лишь насильственного обуздания, станет свободным Богочеловечеством.

Нигилистическая сторона официального христианства ярко сказала в Победоносцеве. И в теории, и на практике он, быть может, самый типичный выразитель идеи лжетеократического абсолютиз-

ма, русского цезарепапизма, православно-христианского неверия в возможность добра на земле. В Победоносцеве как бы завершается исторически-роковой процесс потухания в христианстве веры в Промысел Божий, в Божье водительство судьбами человечества. Подозрительность и мнительность Победоносцева по отношению к миру и человеку не личные только, тут общее у него со всем историческим Православием жизнеощущение, общее усмотрение лишь зла во всем. Для Победоносцева, как и для официального учения Православной Церкви, все роковым образом идет к разложению, к торжеству зла; Победоносцеву, как и вообще Православию и официальному христианству, чужда эсхатология, нет у него великих исторических задач, не остается места для исторических перспектив, нет смысла в процессе истории, не ждется религиозное торжество в конце, победа Христа на земле. Победоносцев ненавидит жизнь, не видит божественного в мире, не ощущает образа Божьего в человеке и, страшно сказать, научился этому он у Православия, из официального христианства почерпнул он нигилизм свой. Тут есть над чем призадуматься. Не думая, чтобы у Победоносцева было живое ощущение Христа, он был бесконечно далек от Христа, сердце его не знало Христа, но ощущение христианства, близость к Церкви, сердечная привязанность к ее духу была у него огромная. Победоносцев – трагический тип, это один из тех, в которых христианство убило Христа, для которых Церковь закрыла Бога. Христос сделал Бога бесконечно близким человеку, усыновил человека Отцу Небесному; дух Победоносцева делает Бога бесконечно далеким человеку, превращает сына в раба. Посланный государством наблюдать за Церковью, направлявший долгие годы русское государство от имени Церкви, бюрократ в Церкви и теократ в государстве, могущественный человек, мечтавший о небе и попутно достигавший высшей власти на земле, – он был живой мертвец. В жилах его текла не кровь, а иная мертвящая жидкость, и не верил он, что у других людей течет кровь, не ценил крови человеческой.

Тело Победоносцева было страшно своей мертвенностью, пергаментностью, и не верилось, что оно может воскреснуть, так чуждо было этому человеку воскресение.

Победоносцев – враг всякой окрыленности, всякого полета, всякой жизненной полноты, пригибает человека к ненавистой земле. Он поклонник простоты, боится сложности, проповедует смиренное довольство малыми делами. Победоносцев, прежде всего, за порядок всегда и во всем, боится иррационального и проблематического, он в своем роде позитивист и утилитарист, верит лишь в безличные учреждения. Приниженность, ползучесть свойственны казенному христианству, освящаются нашей поместной Церковью, равно как осуждаются дерзание и мужество, порывы в даль и восхождение ввысь

Почему Победоносцев, скептик во всем, так верит в государство, в его добрую природу? Только государственная власть казалась Победоносцеву хорошей и доброй, единственной светлой точкой на земле, тут скепсис его прекращается. Это понятно. Всю задачу на земле Победоносцев видел лишь в том, чтобы остановить, пресечь, подморозить (по выражению гениального реакционера К. Леонтьева), творческих задач нет. Все гниет и разлагается на земле, а государство в верховном существе своей власти не подвержено этому процессу, оно останавливает гниение и разложение. Для всего – неверие, для государства – вера. Эту веру в благость государственной власти, спасающей от зла мира, фанатики государственности принимали иррационально, в явном противоречии с светом разума и совести. Мы слишком знаем, что государство тоже подвержено гниению и разложению, что власть часто фатально делается злой и безбожной.

Победоносцев и Церковь в ее исторической ограниченности, и освященный ею абсолютизм как бы не хотят правды и радости на земле, видят в этом добре – зло, противное христианству, хотели бы истязать человека, чтобы спасти его душу. Это все та же теория и практика «великого инквизитора», не верившего в человечество,

спасавшего его с презрением и насильственно. Атеистический дух инквизитора движет Победоносцевым, он, подобно этому страшному старику, отвергает свободу совести, боится соблазна для малых сих, отстаивает религиозный утилитаризм. Не только Христос заслоняется Церковью, но и сама Церковь незаметно превращается для Победоносцева в средство для государственного устройства; по странной, но справедливой иронии судьбы, бюрократ и государственный в Церкви оказался в Победоносцеве сильнее теократа и небесного мечтателя в государстве. Повторяю, я не сомневаюсь, что Победоносцев лично был религиозный человек, что душа его питалась культом и таинствами Православной Церкви, но для мира и человечества в нем ничего религиозного не было – одна пустота, заполненная призраком государственной власти. Победоносцев далек от славянофилов, так как не имел, подобно им, широких исторических перспектив, не разделял их земной религиозной утопии, ему был чужд всякий мессионизм. Победоносцев православнее славянофилов, лучше понимает, что вопрос о земле, о человечестве, о мире в Православии – пустое место, что праведной общественности, святой телесности из Православия не выведешь. Идеал православной святости – уход из мира, монашество, отшельничество, но так как идеала предельной святости дано достигнуть лишь немногим, то остается компромисс с миром, выражение его греховности и испорченности – государственность ничем не ограниченная, насилующая, как бы указывающая на невозможность религиозной общественности.

Для Победоносцева нет Богочеловечества, как нет его для исторического Православия, для него есть лишь бесчеловечный Бог и безбожный человек, для него Христос не соединил человека с Богом. В Боге нет ничего человеческого, в человеке – ничего Божеского, богочеловеческого тела, включающего всю полноту жизни, нет и не будет на земле – все эти отрицания очень характерны для исторической Церкви, для старого религиозного сознания. Правда гуманизма развива-

лась в светской культуре, вне религии и как бы против христианства, а ведь в последней глубине это правда Христова, правда Божественного Человека. Царство Божье грезится на земле людям внерелигиозного сознания, и лишь новое религиозное откровение может осветить и религиозную правду этой грезы, и гибельную ее ложь. Претворить открывшуюся истину о божественном Человеке в нераскрывшуюся еще истину о божественном Человечестве – вот вселенская религиозная задача, перед которой стоит современный мир и стучится.

То, чем жил Победоносцев, что любил, что идейно подпирал, теперь разрушается; распадается вся система, камня на камне не остается. И некоторым кажется, что умирает и разлагается все уже изжившая Православная Церковь, что православное христианство перестает быть силой этого мира, так как оно было против этого мира. Уродливая истерика иеромонаха Илиодора и т. п., конечно, есть симптом разложения, органического в нем нет ничего. Но Церковь в ее святости не одолеют и врата ада. Смерть Победоносцева знаменательно совпадает лишь со смертью нигилизма на религиозной почве, со смертью духа смерти. Нигилизм этот не исчезнет окончательно, «Илиодоры» останутся, периодически будут устраивать погромы культуры, но силой, определяющей ход истории, преобладающей, таинственной, нигилизм этот не будет, уже не есть.

Новое религиозное сознание восстает против нигилистического отношения к миру и человечеству. Если возможно религиозное возрождение, то только на почве раскрытия религиозного смысла светской культуры и земного освобождения, раскрытия правды о человечестве. Для нового религиозного сознания декларация воли Божьей есть вместе с тем декларация прав человека, раскрытие божественного в человечестве. Мы верим в объективную, космическую мощь правды Божьей, в возможность по-Божески направить земную судьбу человечества. Это будет победой истинной теократии как над ложной демократией – обоготворением количества человеческих волей, так

и над ложной теократией – все тем же обоготворением человеческой воли в цезарепапизме и папоцезаризме. Христос не может иметь человеческого заместителя в лице царя или первосвященника, Он – Сам Царь и Первосвященник и будет царствовать в мире.

«Да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя и на земле, как и на небе».

В. Г. Короленко

К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ и В. И. АСКОЧЕНСКИЙ

(Историческая справка к эволюции официальной церковности)

Умер Победоносцев.

Несколько витиеватых статей и некрологов в стиле субсидированной скорби со стороны явных и тайных официозов и сдержанно-холодные отметки всей остальной русской печати проводили в могилу «великого инквизитора» официальной российской Церкви, связавшего свое имя с самыми мрачными течениями русской реакции. В то самое время, когда роковой ход истории приводит к ликвидации всесторонней реакционной системы, ее главный вдохновитель скользящей тенью сходит в область воспоминаний...

А между тем было и для Победоносцева другое время. Между прочим, нам приходит на память нижеизлагаемый небольшой эпизод, который, по нашему мнению, ярко отмечает как личную эволюцию покойного, так и эволюцию официальной церковности, начиная с «эпохи великих реформ» до наших дней.

Это было еще в 1861 году. В Москве в то время пользовался известностью священник Н. А. Сергиевский, талантливый проповедник и профессор богословия в Московском университете. 12 января 1861 года он произнес в университетской церкви, в день храмового

праздника и торжественного собрания университета, слово «о значении веры в человечестве». Основой для своей проповеди о. Сергиевский взял «поучение св. Кирилла Иерусалимского», в котором, между прочим, говорится:

«Да и не только у нас, которые носим имя Христово, за великое почитается вера, но и все то, что совершается в мире даже людьми, чуждыми Церкви, совершается верой: верой брачные законы соединяют лица, отдаленные одно от другого... На вере утверждается и земледелие, ибо кто не верит тому, что соберет произросшие плоды, тот не станет трудиться. Верой водятся мореплаватели, когда, вверив свою судьбу малому древу, непостоянное стремление волн предпочитают твердейшей стихии – земле, предают самих себя неизвестным надеждам и имеют при себе только веру, которая для них надежнее всякого якоря».

И т. д.

Если припомнить, что это было в начале 60-х гг. и что Н. А. Сергиевский говорил перед аудиторией, увлеченной «идеей прогресса», точными естественно-историческими знаниями и материалистической философией, то намерение духовного проповедника станет очевидно. Он пытался затронуть в слушателях те душевные струны, которые составляют общую почву для всякой человеческой веры, и связать лучшие стремления времени с основами веры христианской. Как редактор «Православного обозрения», свящ. Сергиевский проводил те же взгляды и в печати. Простым «светским» языком, не уснащенным текстами «святоотеческих писаний», порой со ссылками на выводы науки, Сергиевский доказывал, что христианское мирозерцание не враждебно тому духу обновления и свободы, которым увлекалось, в который веровало поколение эпохи реформ. Одним словом, идея Сергиевского, как и многих духовных того времени, состояла в том, что и церковность нуждается в обновлении, что ее нужно связать с лучшими стремлениями жизни, чтобы овладеть ими для христианства.

Оставляя в стороне сложный вопрос о том, насколько успешны и глубоки были эти попытки и какова их судьба в будущем, легко заметить, что священник, профессор и писатель Н. А. Сергиевский в то время развивал те самые взгляды, которые теперь тоже пером и словом старается провести в сознание духовенства и общества писатель-священник о. Григорий Петров. В то время эти мысли разделяло большинство просвещенного духовенства и органов духовной печати. «Либеральная» светская печать относилась к ним сочувственно, и о речи свящ. Сергиевского в день университетского праздника газеты заговорили в сочувственном тоне.

Противоположная точка зрения имела в прессе только одного защитника. В то время (с 1857 по 1868 г.) издавался еженедельный журнал «Домашняя беседа» Виктора Ипатьевича Аскоченского. Для того времени и журнал, и его редактор являлись среди русской печати чем-то совершенно исключительным, вроде белой вороны. Каждый номер начинался каким-нибудь духовно-нравственным поучением, а кончался отделом «блестки и изгарь», заключавшим порой самые изуверские выходы против господствовавшего в обществе прогрессивного настроения, даже в самых элементарных его проявлениях. И почти каждый номер вызывал оживление в лагере противников, доставляя обильную пищу фельетонистам и юмористическим листкам. Бывший семинарист Аскоченский отбивался от этих нападков с комически угрюмой серьезностью, парируя их текстами и заклинаниями. Можно сказать с уверенностью, что в свое время, только несколько в ином роде и с гораздо большим успехом, В. Аскоченский исполнял ту самую роль комического персонажа, которая впоследствии выпала на долю кн. Мещерского.

В выпуске 8 «Домашней беседы» (от 25 февраля) появилась статья Аскоченского, в которой он накинулся на «слово о вере» Н. А. Сергиевского.

«Да, нечего сказать, – ехидно писал Аскоченский, – проповедник (он же и редактор органа Православия) действительно не держится ни-

какой “исключительности”, и мы решительно не можем дать отчета ни себе, ни читателям, о какой это вере он изволит проповедовать. Правда, видно, что о христианской, “не русской, как заметил толкователь профессора Сергиевского Альберт Викентьевич Старчевский <Соль этого примечания заключается в том, что Альберт Викентьевич Старчевский, издатель “Сына Отечества”, был поляк и католик>, а вообще христианской”. Но ведь и лютеране, и шведенборгисты, и мормоны, и даже гегелисты всех цветов – и красные, и голубые – не почитают себя жидами и мусульманами. Самые бесы, наконец, веруют и трепещут, – и они исповедали Христа сыном Бога живого: так неужели же это и есть та вера, победившая мир, о которой проповедовал профессор? Быть не может!»

Правда, профессор Сергиевский в своей речи лишь исходил из понятия о той вере, которая составляет скорее общее настроение души, чем догмат, приводя ее затем и к вере христианской.

«В обыкновенной жизни, – говорил Н. А. Сергиевский, – среди толпы людей, живущих изо дня в день единственно по впечатлениям внешних чувств... – кто, какие люди... представляют собой зрелище жизни полной и последовательной, воли деятельной и твердой, труда живого и плодотворного? Не те ли, которые, будучи проникнуты известной мыслью, поставили ее себе целью стремления и идут к ее достижению с мужеством, с уверенностью, одним словом, с верой?.. Как всегда и везде образовывались великие характеры, высокие души, преданнейшие служители всего святого, благороднейшие мученики науки, отечества, человечества? Не так же ли... они образовывались великой идеей того самого дела, которому они посвящали себя, верою в его правду и в его силу».

Приведя эти выдержки, Асоченский (искренно или лицемерно, это, кажется, трудно решить относительно этого странного человека) приходит в ужас и негодование.

«Пощадите, г. оратор, – восклицает он, – да ведь это ж совсем не та вера, о которой подобает проповедовать в храме, да еще во храме

православном. Это вера в себя, в свои убеждения, которую вы, значит, восхваляете и в Арие, и в заклЯтом жиде (sic), и в мятежном революционере, и в распое Никите... Понимаем очень хорошо, что это у вас только низшие ступени веры, но по такой лестнице далеко ли вы ее возведете? Ничуть не дальше того, до чего довели ее Аристотель, Платон и Сократ с их “древними добродетелями”, и до чего доводят нынешние Спинозы, Фихты, Шеллинги и Гегели с своими “новыми добродетелями”, именно до веры, имеющей свои основания в чем-то бесконечном и вечном».

И хотя, как признает и Аскочонский, проповедник дальше указывает, что христианство возвысило и очистило эту «веру сознания», но для Аскоченского уже самое признание, что христианская вера может браться «с литературой, искусствами, красноречием и поэзией», что она, «не угнетая и не стесняя ни одной из законных человеческих привязанностей, открыла им всем широкое поприще и бесконечный горизонт, как бесконечна сама», – составляет оскорбление православной веры, которая этим примирением «с цивилизацией» как бы признает, что она уже побеждена миром («цивилизацию» Аскоченский, не обинуясь, называл «вратами адовыми»).

Заканчивается статья «Домашней беседы» многозначительным напоминанием о «неделе Православия», «когда Православная Церковь, утвердив свои догматы, всем прочим верованиям и своеобразным воззрениям, своевольным и суемудрым произносит... знаете что?» (недвусмысленный намек на анафему).

Эта статья, как и многие выходки Аскоченского, тотчас же вызвала ряд негодующих откликов. Не только «Искра», «Сын Отечества», «Русский мир», «Северная пчела», но и «Московские ведомости» (тогда еще либерального Каткова) и «Русский инвалид» поместили статьи против мракобесия и изуверства «Домашней беседы». Духовные журналы присоединились к этому хору, и злополучный обличитель Н. А. Сергиевского остался, если не ошибаемся, совершенно одио-

ким. Лишь в самой «Домашней беседе» за него подняли голос некий киевский иеромонах и г-жа Серафима Волкова.

Не вдаваясь в подробности этой интересной полемики, мы остановимся лишь на центральном ее эпизоде, имеющем отношение к Победоносцеву.

В № 87 «Московских ведомостей» появился коллективный протест профессорской коллегии Московского университета (в те времена коллективные протесты были в моде).

«12-го января 1861 года, – говорится в этом обращении московских профессоров к обществу, – в день торжественного собрания императорского Московского университета профессор этого университета, священник Н. А. Сергиевский сказал слово о значении Веры в человечестве, напечатанное затем в № 1 «Православного обозрения» на 1861 год. Слово это есть не что иное, как распространение известного ответа о вере, приводимого подлинными словами св. Кирилла на вопрос: как можно еще изъяснить необходимость веры? в первой главе “Пространного катехизиса”, одобренного Св. Синодом и изданного для преподавания в училищах и для употребления “всех православных христиан”. Об этом слове и самом профессоре Московского университета Н. А. Сергиевском в “Домашней беседе”, издаваемой г. Асоченским (1861, № 8), помещено следующее объяснение, далеко выступающее за пределы литературы».

Приведя затем цитированное выше место из статьи Асоченского, начинающееся со слов «Поощадите, г. оратор», и кончающееся указанием на «неделю Православия» и анафему, протестанты продолжают:

«То есть “Домашняя беседа” предаёт профессора Московского университета и священника церковному проклятию.

Об этом злокачественном обвинении и оскорблении чести императорского Московского университета в лице одного из его профессоров, святотатственно подвергнутого в глазах публики церковному суду и отлучению от Церкви каким-то, вовсе не призванным на то не-

известным лицом, о действии, оскорбляющем честные нравы всякого благоустроенного общества и государства, – нижеподписавшиеся лица считают своим долгом довести до общего сведения».

Под протестом подписались 26 человек. В том числе: Д. Иловайский (ныне здравствующий историк), М. Катков (в то время уже бывший профессор), П. Леонтьев (друг и сподвижник Каткова в его последующей ретроградной деятельности), Н. Любимов (впоследствии автор ретроградных статей «Против течения») и наконец... Константин Петрович Победоносцев (в то время профессор гражданского права). <Вот полный список протестантов: А. Альфонский (ректор), И. Бабст, С. Варшев, О. Бодянский, Я. Борзенков, Ф. Бредихин, Ф. Буслаев, О. Варвинский, Ф. Дмитриев, Г. Захарьин, Д. Иловайский, Я. Калиновский, М. Капустин, М. Катков (бывший профессор), П. Леонтьев, Н. Любимов, А. Меньшиков, К. Победоносцев, А. Попов, Н. Попов, Е. Рачинский, С. Рачинский, И. Соколов, Н. Тихонравов, Г. Щуровский, П. Шестаков (инспектор студентов).

В № 21 «Домашней беседы» (27 мая того же года) Асоченский воспроизводит еще 32 подписи проф. Харьковского университета, присоединившихся к протесту москвичей.>

На это «обращение» В. И. Асоченский, по-видимому, очень довольный поднятым шумом, ответил рядом статей, в которых развивал с большой эрудицией начетчика свою точку зрения. Он доказывал, что вера христианская не имеет ничего общего со стремлением всего человечества к чему-то «вечному и бесконечному», что она чужда всякой земной цивилизации и прогрессу. Единственный ее источник – откровение. От стремления к истине она ограждена готовой броней святоотеческих и канонических писаний, которые устраняют всякое личное «мудрование» или «истязание веры». С цивилизацией, прогрессом, стремлениями лучших умов к общему благу, освобождению от рабства и т. д. вера православная скорее стоит в отношениях воюющей стороны. Духовная литература не должна сталкиваться с современностью,

духовная мысль должна идти собственным руслом в крепких окаменевших берегах соборных постановлений и святоотеческих писаний. Себя же Аскоченский причислял к тем «воинам, соглядатаям в стане Христовом, которые должны вторгающихся в него волков (очевидно, вроде свящ. Сергиевского) ловить и представлять на суд вождей и пастырей» <«Домашняя беседа». 1861, вып. 18, с. 411.>

Тогда Аскоченский был одинок в духовной и светской литературе. Тогда против Аскоченского протестовал Константин Петрович Победоносцев.

Нужны ли дальнейшие сопоставления и параллели?

С тех пор прошло 45 лет. Больше 30 лет прах почтенного Виктора Ипатьевича покоится в могиле, а К. П. Победоносцев в течение нескольких десятилетий стоял во главе официальной Церкви. Теперь наступает новая «эпоха реформ». Дух обновления вновь стучится у дверей российской Церкви, священники Петровы возобновляют попытки своих предшественников – оживить омертвелую церковность, соединив ее стремления с лучшими стремлениями современности. Сходство простирается не только на общие идеи, но даже на подробности. Аскоченский обвинял, между прочим, свящ. Сергиевского в том, что он «не жалуется ни текстов, ни свидетельств из писаний св. отцов и учителей Церкви и определений соборных, почитая все это, конечно, “схоластичностью и педантизмом”» <«Домашняя беседа», 1861, № 8>. Когда нынешние «соглядатаи в стане Христовом» начинали свой поход против свящ. Гр. Петрова, стремясь «уловить его и представить на суд вождей и пастырей», то прежде всего они тоже обратили внимание на простоту его речи, не уснащенной текстами святоотеческих писаний <Это было отмечено, между прочим, и в «Русском богатстве» (см. 1908 г., июнь, рецензия: «Итоги полемики по поводу проповедничества свящ. Гр. Петрова»). >

И священник Петров заточен в Черемнецкий монастырь, а на арене русской церковности торжествуют о. иллиодоры.

Виктор Ипатьевич Асоченский, некогда гонимый, осмеянный и «опротестованный», несомненно, явился победителем и теперь с торжеством мог бы встретить своих противников в «царстве теней». Его, а не их понимание веры и церковных задач водворилось на целые полстолетия в российской Церкви. И насаждено это понимание стараниями одного из «протестантов», заушавших в прежнее время «Домашнюю беседу» и ее осмеянного редактора.

Кто останется победителем в конечном счете – сухая замкнутая церковность или вечное стремление человечества к истине и свободе – это покажет будущее, вероятно, уже недалекое.

В. К.

IV. ПОБЕДОНОСЦЕВ КАК ЛИТЕРАТОР

Б. В. Никольский

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА

I

Поразительное явление для нас, индивидуалистически воспитанных и развитых умов, представляет ум, вооруженный отборнейшими средствами современной науки, обогащенный огромным опытом всесторонней государственной деятельности, обладающий обширной властью, – и пренебрегающий тем индивидуализмом, который для нас кажется главным счастьем, величайшей отрадой жизни. Человек, который не только не старается, не только даже не хочет быть самым собой, а, напротив, как будто вовсе не нуждается в этом и более всего стремится слиться с окружающей его жизнью, усвоить себе и осуществить выработанные ею идеалы, ценимые им выше всякого индивидуально-творческого произвола, сберечь и укрепить все связывающие его с действительностью нити, подчиниться всем унаследованным формам и всецело жертвовать произволом личного умозрения вековым преданиям и началам – такой человек является для нас величайшей загадкой.

Нам кажется странным, когда он обращается с народной исторической мудростью не как своевольный и самостоятельный наследник,

а как щепетильный душеприказчик чужого богатства, не пренебрегающий ни одной копейкой и ни одной копейки не тратящий на себя самого. Сбереечь, привести в ясность и порядок, совершенно усвоить себе эту древнюю мудрость так, чтобы в каждый миг быть в состоянии дать в ней полный и точный отчет, и сделать это без всякого принуждения, из чистой любви – как дико это кажется современным умам, склонным пренебрегать сокровищами истории и ублажать свое самолюбие сотканной своими мозгами паутиной в каком-нибудь темном и затхлом углу. Мы допускаем возможность безличности в умах неразвитых, тупых, неповоротливых, неспособных подняться над воспринимаемыми из окружающей жизни впечатлениями; но нам как-то не верится в ее возможность для тонких и глубоких умов. Нашим западным воспитанием мы действительно отучены от своей жизни, от своего народа; нам представляется странным явлением, чуть не лицемерием, чем-то во всяком случае напускным, искусственным чистая и бесхитростная любовь к родной жизни так, как она сложилась, без всяких требований к ней, без всяких личных поправок и изменений к ее установившемуся строю. Чистая и цельная любовь к своей родине казалась «странной», «непобедимой рассудком» гениальному юноше, увлеченному западными идеалами. Любовь к своему казалась ему противоречащей разуму, и только как с неразрешимой загадкой считался он с ней. Он говорил о своей любви к «отчизне» как о какой-то душевной слабости, с которой он не может совладать, которой не может победить его рассудок. Он ощущал в себе любовь к родному только вопреки сознанию и убеждению. И – странное дело! – мы в этом-то и видели его подкупающую искренность, мы только такую неубежденную любовь, прорастающую сквозь сознание, как трава сквозь щели каменных плит, и понимали. Мы вымостили себе душу западным знанием, как каменной броней, и удивлялись, что не вовсе под ней замерла жизнь сердца и чувства. И чем дальше, тем больше распространялось равнодушие к родному, рассудочное презрение к

своему прошлому, надменно озирающее «древней старины заветные преданья». В наших умах установились как аксиома пренебрежение ко множеству явлений родного быта и насмешка над еще большим их множеством. Любить этот хлам, дорожить им, а тем более признаваться в таких чувствах казалось нам чем-то позорным, недостойным образованного человека, тем более искать смысла и значения в этих оставленных за последние века формах.

И надо заметить, что именно формы-то мы и презирали всего глубже, из них-то упорнее всего и старались вырваться; а говорить о любви к формам нам казалось смешным и странным.

Между тем именно такая любовь, такая верность окружающей жизни составляют самую характерную особенность всей литературной деятельности К. П. Победоносцева. Говоря словами Гоголя, он «озирал всю громадно несущуюся жизнь» с глубоким благоговением к величавому потоку ее истории. Он всецело был выражением этой жизни, ни в чем от нее не отделялся, ни в чем не старался ее дополнить или исправить, все его стремление было направлено к тому, чтобы всецело охватить умом эту историческую громаду, проникнуть в ее глубокий внутренний строй, изучить его внешние проявления.

Руководящим основанием этого стремления могла быть и действительно была только несокрушимая, спокойная вера, напоминающая железную веру древних римлян в величие Рима и обычаи предков. К нему вполне применимы те слова, которыми он характеризует гражданскую роль И. С. Аксакова: именно он всю свою жизнь стоял и действовал на костях целых поколений, принимая от них годами накопленную силу. Твердо нужно верить в родной народ, чтобы его истинно любить; а сколько любви к нему нужно иметь для того, чтобы дорожить каждой мелочью родной истории, чтобы не бояться напрасно затратить время на изучение каждого документа. Только в римлянах и китайцах можно встретить подобное трудолюбие, которое предпринимает не спеша, казалось бы, невыполнимые ра-

боты и спокойно заканчивает их для того, чтобы отдаться новым, по-видимому, столь же кропотливым и неблагодарным замыслам. «Изучать надобно самые памятники законодательства», – говорит К. П. Победоносцев приступающим к изучению русского гражданского права. – Для сего мы имеем превосходный материал в “Первом полном собрании законов”, и за него-то надобно взяться всякому, кто захочет заниматься русским правом серьезно. К полному собранию законов прибегают обыкновенно лишь на случай справок и тогда приискивают в нем нужные указы, большей частию при помощи изданного при оном алфавитного указателя. В полном собрании законов необходимо самому пробивать себе дорогу, и потому я серьезно советую всякому истинно жаждущему знания приняться за чтение полного собрания, начиная с первого тома. При чтении необходимо составлять для себя краткие отметки, выписки, которые впоследствии останутся для читателя на всю жизнь надежнейшим и полнейшим указателем на случай нужды.

Многим может показаться странным такой совет; но смею уверить всякого, что такое чтение, в начале, правда, требующее некоторых усилий, вскоре окажется интересным, а для иных и увлекательным чтением. С каждым томом читатель станет входить в силу и живее почувствует в себе драгоценнейший плод внимательного труда – здоровое и дельное знание, то самое знание, которое необходимо для русского юриста и которым русские юристы, к сожалению, так часто пренебрегают, питаясь из источников иноземных: незаметно воспринимают они в себя понятия, возникшие посреди истории чужого народа, усваивают начала и формы, на чужой почве образовавшиеся и связанные с экономией такого быта, который далеко отстоит от нашего: естественно, что отсюда родится ложное понятие о потребностях нашего юридического быта и о средствах к их удовлетворению, пренебрежение или равнодушие к своему, чего не знают, и преувеличенное мнение о пользе и достоинстве многого такого, что хорошо и полезно там, где нет соот-

ветствующей почвы и соответствующих условий исторических и экономических. Такое знание невозможно признать здоровым и истинным как отрешенное от жизни, следовательно – от истины. Напротив, тем и дорого изучение нашего полного собрания законов для русского юриста, что здесь каждое явление юридическое, каждое положение представляется в связи со всей обстановкой быта, со всеми данными историческими и в совокупности с ними объясняется».

Выписанное место – одно из самых важных для понимания разбираемого писателя. В нем высказывается на частных примерах целое мировоззрение. В нем выражено требование точного и твердого знания, знания положительного и наглядного, чуждого смелых обобщений и умозаключений. В нем выражено отвращение ко всякой предвзятости, ко всякой теоретичности, ко всякому предreshению частных общими взглядами. В нем заявлено твердое требование дисциплины мысли на положительном опыте, изошрения суждения к пониманию частных не отвлеченной логической эквилибристикой, а непрерывным изучением формальных данных. В нем слышится благоговение к народу и жизни народной, то благоговение, которое не требует смирения, не принуждает к нему, а неразрывно с ним. «Кто поистине любит науку и прежде всего стремится войти в силу ведения и мысли, тому не след увлекаться нетерпением – стать поскорее в ряды видных деятелей.

Пусть он сначала и долго пробует себя на скромных задачах: чем скромнее задача, тем труд будет сосредоточеннее; чем уже он выберет для себя поле, тем глубже он его разработает». Не эта ли же самая мысль, но в праздничном наряде поэтического одушевления, подымается у автора к еще более высоким формам жизни, чем научные знания, когда он говорит: «Входишь – церковь полна, и яркий свет льется во тьму из окон. Входят, крестятся, и вскоре – точно колосья в снопе – сплотилась в одно вся толпа народная. Православному человеку отраднo – исчезать со своим “я” в этой массе молящегося народа,

которая сливается в эти минуты в единую празднующую пред Богом душу, и волна народной веры и молитвы поднимает высоко и молитву, и веру у каждого, кто, не мудрствуя лукаво, принесет с собой в церковь простоту верующего чувства». А вот она же, ставшая твердым и веским словом умудренного полувековым опытом государственного деятеля: «Скучно поднимать нить на том месте, на котором покинул ее предшественник, скучно заниматься мелкой работой организации и улучшения текущих дел и существующих учреждений. И всякому хочется (с. 8) переделать все свое дело заново, поставить его на новом основании, очистить себе ровное поле, *tabula rasa*, и на этом поле творить, ибо каждый предполагает в себе творческую силу. Но не время ли этим преобразователям подумать о том, что они стремятся иногда слишком легкомысленно налагать смелую руку на существующее, разрушать старые здания и строить на месте их новые, слишком беззаботно и самоуверенно спешат осуждать утвердившиеся порядки и разрушать предания и обычаи, созданные народным духом и историей; что они, строя громаду новых законов, которые прошли мимо жизни и с которыми жизнь не может справиться, насилуют, в сущности, те самые условия действительной жизни, которые отрицает решительно масса отъявленных врагов цивилизации.

Между тем стоит только пройти по улицам большого или малого города, по большой или малой деревне, чтобы увидеть разом и на каждом шагу, в какой бездне улучшений мы нуждаемся и какая повсюду лежит безобразная масса покинутых дел, пренебреженных учреждений, рассыпанных храмин. Вот жатва, на которую требуются делатели, куда надобно направлять личные силы мысли, любви и негодования, где потребны не законодательные приемы преобразования, отвлекающие только силу, а приемы правителя и хозяина, собирающие силу к одному месту для возделывания и улучшения. Не расширяй судьбы своей, было вещание древнего оракула: не стремись брать на себя больше, чем на тебя положено. Какое мудрое слово! Вся мудрость жизни – в

сосредоточении мысли и силы, все зло – в ее рассеянии. Делать – значит не теряться в множестве общих мыслей и стремлений, но, выбрав себе дело и место в меру свою, на нем копать, и сажать, и возделывать, к нему собирать потоки своей жизненной силы, в нем восходить от работы к знанию, от знания к совершению и от силы в силу».

И вот, наконец, та же мысль, то же воззрение, выразившееся в величественном и широком созерцании историка, ищущего связи между событиями народной жизни и личностью отдельного человека: «Человек есть сын земли своей, отпрыск своего народа: кость от костей, плоть от плоти своих предков, сынов того же народа, и его психическая природа есть их природа, с ее отличительными качествами и недостатками, с ее бессознательными стремлениями, ищущими сознательного исхода. У всякого народа, как и у отдельного человека, есть своя история, своя сеть событий и действий, в которых стремится воплотить себя душа народная. В исторической науке пытливым ум, критически исследуя факты, действия и характеры, желает определить точную достоверность их и уловить взаимную их связь и внутреннее значение в судьбах общественной и государственной жизни народа. С глубоким интересом, с наслаждением, с удивлением читаем мы страницы этой книги, восхищаясь остротой критического ума, искусством художника; по старинному выражению, история – учительница народов, граждан и правителей. В ином, более глубоком, смысле, история земли и народа образует человека, сына земли своей, если у него душа чуткая. Чуткая душа вносит в историю свое живое чувство, и тогда всякий факт, всякий характер в истории отвечает на то, чему душа верит, что ум в состоянии обнять, так что своя духовная жизнь становится для человека текстом, а летопись истории комментарием к нему. В этом свете события открывают ему свое таинственное значение, и мертвая летопись оживляется поэзией духовной жизни целого народа.

Иное, в чем наука, анализируя факты и свидетельства о них, видит одну легенду, сложившуюся в народном представлении, – то са-

мое получает смысл явления, оправдавшего себя в жизни и в истории, становится истиной для духа. Чего бы ни достиг разлагающий анализ ученого историка в исследовании сказаний о Владимире, о Димитрии, о Сергии, об Александре Невском, – для чуткой души это явление, этот образ становится созвездием, проливающим на нее лучи свои, совершающим над ней свое течение в тверди небесной».

Выписанные места дают уже целую характеристику, убедительный и цельный строй широких и твердых воззрений, железный образ истинного боярина в том смысле, который придала этому слову русская история в лучших ее преданиях. В умственном складе разбираемого писателя мы встречаем бесподобный образ прямолинейного, твердого, цельного, уравновешенного и неспешно величавого русского мужества, трудолюбивого, верного родной старине, полагающегося не на слова, а на опыт, и на незыблемом подножии миновавших столетий спокойно пренебрегающего шумихой, суетой и тревогами неустойчивой современности. Становясь деятелями, такие люди не спешат, не колеблются и не отступают. В тишине мирной государственной жизни они незаметны и неслышны; нужны важные события, трудные времена, чтобы обнаружить их во весь их рост. Так невидные во время затишья подводные скалы незыблемо выступают из хаоса беспорядочно возмущающихся и пресмыкающихся волн, сосредоточивая около себя всю ярость вод и бури, и вновь скрываются под поверхностью моря, когда буря минует. Об их острые выступы разбиваются враждебные армады, к их подножиям бросают якоря суда и флоты окрестных вод. Как ни бесцветна, второстепенна и незаметна по первому взгляду их роль, однако же такие люди собирают около себя историю, как у поэта бурю оклик леса-богатыря:

Вороти вокруг,
Держи около!

Эти люди – действительно вершины родной земли, и таких людей, умеющих сохранить то, что им доверено, выбирал себе в диктаторы римский народ в эпохи смут и бедствий, поручая какому-нибудь оторванному от сельского плуга Цинциннату «позаботиться, чтобы государство не потерпело в чем-либо ущерба». Таков был древний Катон, первый прозаик и первый оратор Рима, железный блюститель заветов и доблестей старины, несговорчивый противник легкомысленных поклонников эллинских новшеств, ветеран Пунических войн и умелый сельский хозяин, историк и политик, центр Сената и гроза вольномыслия, ненавистный всему «прогрессивному» Риму и неизменно выбираемый народом на все должности, на какие бы ни выступил кандидатом, наиболее ненавидимый деятель и самый безупречный из граждан своей эпохи. Такими людьми стоял Рим, еще не помышляющий о всемирном могуществе, но уже непобедимый военными силами всего мира. Не ими он рос, не ими он жил, но ими держался, как костями живой организм. От таких прибрежных скал и разливалось когда то всемирное римское море.

II

Разнообразную авторскую деятельность разбираемого писателя трудно описать в немногих словах; но самая постановка предмета нашей статьи, сужая задачу к обозрению только литературной его деятельности, а стало быть, и к оценке только литературной его деятельности, а стало быть, и к оценке только литературного ее значения, несколько облегчает трудность дела. Первой литературной особенностью каждого писателя является его слог. И нельзя отрицать замечательного своеобразия слога К. П. Победоносцева. Он обладает удивительным искусством писать какими-то несомненными словами, с какой-то механической точностью выражающими свое содержание. Даже в минуты одушевления в его речи слышна металлическая,

звонкая точность; его слова не отстают от мыслей, не обгоняют их; ни намеков, ни поэтической недосказанности в них нет. Как стилист он, можно сказать, чеканит свои мысли. И это не элегантная, нарядная чеканка изысканных и пышных французских стилистов, нередко при ближайшем рассмотрении оказывающаяся просто изделиями из дутого металла; это добросовестная, несколько тяжеловесная и угловатая обработка полноценных, веских мыслей. Приведем для примера немногословную, образцовую в отношении слога характеристику императора Александра III: «Страшно было вступление его на царство. Он воссел на престол отцов своих, орошенный слезами, поникнув главою, посреди ужаса народного, посреди шипящей злобы и крамолы. Но тихий свет, горевший в душе его, со смиреньем, с покорностью воле Промысла и долгу, рассеял скопившиеся туманы, и он воспрянул оживить надежды народа. Когда являлся он народу, редко слышалась речь его, но взоры были красноречивее речей, ибо привлекали к себе душу народную; в них сказывалась сама тихая, и глубокая, и ласковая народная душа, и в голосе его звучали сладостные и ободряющие сочувствия. Не видели его господственного величия в делах победы и военной славы, но видели и чувствовали, как отзывается в душе его всякое горе человеческое и всякая нужда и как болит она и отвращается от крови, вражды, лжи и насилия. Таков сам собой вырос образ его перед народом, перед всей Европой и перед целым светом, привлекая к нему сердца и безмолвно проповедуя всюду благословение мира и правды». Или вот другой отрывок, не менее удачно выражающий немногими словами-образами целую, живую, яркую картину: «С раннего утра в Чистый понедельник уже ощущается тихое веяние Великого поста. Какая тишина в московских улицах и переулках, и в свежем чистом весеннем воздухе, какой гармонией звучат серебристые переборы колоколов, отовсюду зовущих к заутрени!» Или вот, наконец, состоящая из шести слов несравненная характеристика «Исповеди» блаженного Августина: «Чудная история души, лучистыми слезами писанная».

Таков в общем слог К. П. Победоносцева; но не в одном этом его особенности. Манера его письма всецело заимствована им у наших духовных писателей и может быть признана манерой церковной стилистики по преимуществу. Эта стилистика страдает, как известно, однообразием сравнений и уподоблений, допуская риторическое творчество лишь в пределе немногочисленных, традиционных образов, украшений и фигур. Слова обыденной разговорной речи она заменяет их синонимами, носящими книжный характер, и таким образом живость и меткость речи заменяет отвлеченной кристаллической точностью. Она допускает большие грамматические неправильности, изобилует латинизмами и грецизмами, не говоря уже о насильственном укладывании гибкой подвижной русской речи в искусственные, угловатые церковно-славянские обороты. Но при всех этих недостатках церковная стилистика носит на себе неизгладимый отпечаток художественного благородства. Она вышла из школы писателей Древнего мира, этих более чем служителей, а скорее – жрецов слова, ревностных блюстителей его чистоты, красоты, разнообразия и силы.

Она внушает своим адептам «изящную законченность выражений и их искусную расстановку, сдержанную смелость образов, вдохновенное искусство композиции». Она требует от писателя действительного творчества, о чем бы он ни писал; она не допускает готовых слов с готовыми мыслями, но требует для всякой мысли создавать ее врожденное выражение.

Потому она учит сообщать интерес предметам их описанием, значение мыслям их выражением. Оттого, например, до настоящего времени сохранили интерес, свежесть и прелесть новизны превосходные «Письма о путешествии наследника цесаревича», с точки зрения выполнения и слога действительно напоминающие классических авторов. Самые, по-видимому, незначительные подробности и эпизоды знаменательного путешествия приобретают какую-то особенную яркость, выпуклость и значение от того сжатого, точного и оживленного слога,

которым описаны. Усердие историка, ученого и политика применено здесь образцовым стилистом к небольшому биографическому эпизоду, и результатом этого усердия является совершенно неожиданная прелесть для читателей простых, но разнообразных, «не мудрствуя лукаво», но обдуманном летописным тоном описанных событий.

Другого рода законченности слога разбираемый автор достигает в его переводах-компиляциях. Так, например, в своем переводе «О подражании Христу» Фомы Кемпийского он дал замечательный образец чрезвычайно оригинальной прозы, удивительно удачно совмещающей в себе латинские, церковнославянские и современно-русские элементы. «Блажен, кого истина сама собой учит, не преходящими образами и звуками, но так, как сама есть. Свое мнение и свое чувство часто нас обманывает и немного видит. Что пользы высоко уместовать о скрытых и темных предметах, о чем и не спросят нас на суде, зачем не знали. Великое безумие, что, оставив полезное и нужное, все старание прилагаем к любопытному и предосудительному. Очи имеем – не видим». В том же стиле и с таким же успехом выполнен и недавний перевод 9-й книги из исповеди блаженного Августина. С другой стороны, прекрасным и правильным современным языком, отлично передающим наивный, обстоятельный и складный тон подлинника, переведены «Приключения Братислава». Здесь переводчик очень счастливо схватил своеобразное славянское изящество подлинника, его бесхитростную простонародную художественность. Менее обращает на себя внимание перевод небольшой нравоучительной брошюры Тирша, давно распроданной и не переизданной. На границе между переводами и компиляциями стоит уже названная статья «Победа, победившая мир», имевшая огромный успех и в один год выдержавшая четыре издания. Наконец, чисто компилятивной работой представляется возбудившая много толков и препирательств, не попавших в печать и потому непозволительно преувеличенных, «История Православной Церкви». Во всяком случае, относитель-

но этого краткого учебника можно сказать то же, что относительно всех компиляций, составители которых стоят неизмеримо выше авторов, ими компилируемых: это, в сущности, заново написанная вещь, компилятивное происхождение которой сказывается только в чрезвычайной объективности и общедоступной простоте изложения. Составитель выбирает простейшие, общедоступнейшие мысли в бледном изложении простых и незаметных писателей, в самой простоте авторов которых, ему недоступной с вершин его дарований и образования, он видит залог соразмерности этих мыслей пониманию простейших читателей и, так сказать, сверху дает надлежащее выражение этим робким мыслям невысокого подъема. В результате, вместо бледного лепета, получается точная, определенная, сомкнутая речь, и детские мысли получают выражение, которое подымает их до уровня высшего знания, опыта и мудрости. Идеал общедоступности оказывается достигнутым именно тем, что сильный и глубокий ум подчиняется привычкам, требованиям и слабости умов обыкновенных, но зато своим изложением сообщает высшее возможное совершенство, широту, законченность и прозрачность узким, тесным и смутным понятиям обыденного человека. Только что сказанное дает повод отметить третью особенность слога разбираемого автора: его величайшую простоту и общепонятность.

Простейшему человеку открыть словом путь и дать крылья выражением к самым отвлеченным, тонким и сложным понятиям – вот, по-видимому, его постоянное намерение. Мысль автора все время хочет быть близкой к окружающей жизни, не залетая в сферу немногих, а непрерывно сближаясь с областью слабого большинства.

III

От особенностей К. П. Победоносцева как писателя переходим к предметам его литературной деятельности.

Эти предметы распределяются в довольно неравной степени между наукой и художественным творчеством. Упомянутые в предшествующей главе «Письма о путешествии наследника цесаревича» были работой случайной, «Приключения Братислава» были переведены в эпоху противотурецкого возбуждения и балканской кампании, наконец остальные переводы и компиляции также не связаны неразрывным единством с прочими произведениями автора. Они могли бы быть, могли бы не быть – его характеристика осталась бы та же, только его дарования проявились бы менее разнообразно, да русская литература недосчиталась бы нескольких интересных и замечательных книг. Точно то же можно сказать и о сборнике «Северные цветы»: это хорошенький томик миниатюрного формата, заключающий небольшую хрестоматию стихотворений и отрывков из крупных произведений Пушкина в стихах. Выбор тех или других пьес интересно характеризует вкусы и симпатии составителя сборника, но больше сказать о нем нечего.

Научные произведения разбираемого автора касаются догмы и истории русского права. Главнейшее из них – знаменитый «Курс гражданского права». Менее известны, но не менее почтенны в научном отношении исторические статьи автора. Наконец к этому же отделу относится и небольшая журнальная статья о Ле-Пле, вышедшая также и отдельной брошюрой. Эти работы составили эпоху в истории нашей юридической науки, и пространный обзор и оценка их представили бы из себя слишком обширный труд для настоящей статьи, к тому же труд, не отвечающий принятой нами узкой постановке ее предмета. Потому в дальнейшем будут лишь немногими чертами обрисованы общий дух и направление этих работ, поскольку они могут дополнить предпринятую литературную характеристику.

Верность старине и верность действительности, преданность и любовь к родной жизни всегда берут свое начало в семье и проявляются прежде всего и прочнее всего в строгом соблюдении и охране семейного начала. Исторические предания не могут стать живым

предметом благоговения для человека, который не вынес из родной семьи прочных, крепких и дорогих ему традиций. Родовые воспоминания заводят нас в глубь истории и делают ее для нас, чем они глубже и достовернее, своим, семейным делом, кровным достоянием. Семья же роднит человека и с окружающей жизнью, приучая дорожить ее связями и условиями, примиряя с тяжелыми сторонами быта. Родовой протест против общества или государства невозможен; наоборот, гражданские доблести почти всегда, за самыми редкими и случайными исключениями, вырабатываются в целом ряде поколений, постепенно укрепляясь. Порции, Корнелии, Клавдии, Юнии, Юлии Древнего Рима могут служить тому блестящими примерами. Государство крепко только семьей – это старая истина, до того старая, что люди не любят с ней считаться и очень легко ее забывают.

Вполне естественно поэтому, что типичный и цельный представитель коренных особенностей русской жизни высоко ставил и ценил замечательного поборника семейных и родовых начал в современной Франции – Пьера Вильома Фридерика Ле-Пле. «Всякий, кто, желая быть юристом, – говорит автор, – ищет проникнуть далее буквы и формы в самый дух учреждений, дабы узнать правду жизни и по правде действовать, – должен читать сочинения Ле-Пле». «Человечество со временем поставит высоко чистый его облик и провозгласит его имя как имя праведного. Один из членов французской академии сказал в порыве своей скорби, что с этой потерей (смертью Ле-Пле) уменьшилась сила человеческого разума. Добродетели Ле-Пле, его терпение, мужество, стойкость, доброта и благородство придали ему нравственную высоту, еще более выясняющую его заслуги как мыслителя и неутомимого деятеля, который, не касаясь злобы дня, забываемой назавтра, выдвинул на первый план принципы и законы, назначенные до конца веков действовать на развитие человеческих обществ».

Таким образом, сочувствие деятельности и идеям Ле-Пле тесно вяжется с общим характером воззрений разбираемого писателя

и даже является в некотором роде их объединяющим разъяснением. В семье – основа государства, в ней источник любви и верности старине, в ней школа преданности началам родной жизни и благоговения к ее строю. Воспоминания родового труда на благо и пользу отечества внушают энергию и веру в этот труд, навевают спокойствие за судьбы будущего.

В них же почерпается и спокойное, исторически-бесстрастное отношение к теням и язвам старины, чувство истинного историка, описывающего их, как выздоровевший человек подробности миновавшей болезни. Вместе с тем эти воспоминания и традиции невольно выдвигают на первый план бытовые элементы истории, характеры и нравы, отражающие эпоху эпизоды, а не широкие историко-философские обобщения. Такой взгляд превращает историю в художественную летопись родного быта. Народ, как сказочный богатырь, мчится навстречу своим историческим судьбам, а из оставшихся следов, из ископыти этого стремления струится чистый ключ – источник новых сил и новой бодрости.

И в ночи к ключу студеному
Ходит зверь медведь воды испить,
Понабраться силы богатырския.

А у источника этого ключа, как в родных былинах, стоит часовня во имя Спасителя, собирающая к себе неутомимых богомольцев. Так силу воли и силу духа дает людям история; но только семья действительно приобщает к ней отдельное лицо. Именно таким духом, таким отношением к прошлому проникнуты бесстрастные, твердые, без ужимок и пафоса задним числом встречающие добро и зло истории исследования К. П. Победоносцева. И много истинной патриотической гордости слышится в этом беспристрастном и правдивом созерцании своего темного прошлого. В нем – источник любви к на-

стоящему, залог действительной, прочной верности свету родной старины, толчок к бодрому дальнейшему труду. Кто верит в свой народ, тому нет в прошлом ничего страшного, нет несмысла, смертных грехов, и есть много поучения и радости в сравнении с ним современного настоящего в его лучших сторонах и явлениях.

Вот по возможности сжатая характеристика содержания «Исторических исследований и статей». Историк права в них является вместе с тем историком быта и учителем устойчивой веры в будущее, «как посравнить, да посмотреть – век нынешний и век минувший!». Сообразно с этим и книга распадается на две части: «Исторические очерки крепостного права в России» и «Анекдоты из XVIII столетия». Отличным дополнением к ней служат упомянутые «Выписки из Полного собрания законов», не малый интерес представляющие и сами по себе, несмотря на их значение сырого научного материала.

Всем известно значение и характер «Курса гражданского права» К. И. Победоносцева. Теоретическая сторона «Курса» не встретила похвал и одобрений от представителей нашей юридической науки, но практический характер книги сделал ее одним из трех устоев, которыми держится наша цивилистика: это – 10 том свода законов, «История Российского законодательства» Неволлина и «Курс» К. П. Победоносцева.

Отдельные части его весьма неравны достоинством, но трудно решить, можно ли ставить в вину автору, а не состоянию законодательства слабые стороны книги. Все, что можно было извлечь юристу-практику из умножения 10 тома на все остальные 15 томов свода законов, извлечено, весь цивилистический материал нашего положительного законодательства собран и приведен в порядок в этом «Курсе». Почти безусловное отсутствие критики действующего права сливается здесь с безусловно исчерпывающим его изучением; зато в целом «Курс» дает не теоретический идеал 10 тома и не теоретический идеал будущего русского гражданского уложения, а полный

систематический обзор наличного законодательства. Теоретическая сторона книги не то что слаба, а скорее не нужна в ней и включена в ее состав, по-видимому, прямо вопреки научным влечениям автора, по соображениям учебного свойства, как краткие юридические начатки, не имеющие почти никакой цены для практики. Блестательным и поучительнейшим доказательством этого может служить для каждого юриста хотя бы отношение автора к вопросу о теории владения. Теоретическое внутреннее единство действующего законодательства не имеет в себе ничего самостоятельно ценного для К. П. Победоносцева; система для него играет роль только удобного плана изложения, условной схемы свода указанных разногласий. Словом, теория и система ценны в его глазах, лишь поскольку они органически вырастают из «леса законов», а не как творческое организационное и преобразовательное начало законодательства. Известно, что свод законов является своего рода историческим музеем указной деятельности русского правительства, а не стройным и цельным уложением, будучи более близок по своему характеру к геологическим наслоениям и формациям, чем к архитектурным произведениям. И вот незаменимым путеводителем по этому музею-лабиринту является разбираемый «Курс». Автор его остается верным себе самому и крепче всего держится за действительность, не отклоняясь от нее ни в область чистого умозрения и идеала, ни в область зыбких обобщений и теоретической критики. 10 том без «Курса» К. П. Победоносцева – непроходимые дебри; «Курс» К. П. Победоносцева, помимо 10 тома, – архивный межевой план. Оттого все недостатки нашего законодательства выразились научными слабостями «Курса», и зато наиболее темные, запутанные и сложные его отделы получили в нем наиболее строгую и точную обработку.

Остается сказать о художественном творчестве К. П. Победоносцева. Быть может, со стороны иных встретит возражения самая возможность воспользоваться этим выражением для характеристики

тех произведений, о которых пойдет речь; но тем не менее можно твердо настаивать на том, что оно – единственное подходящее. Художественными произведениями разбираемого писателя мы считаем примечания к «О подражании Христу» и три книги, изданные за последние годы: «Праздники Господни», «Вечная память» и «Московский сборник». О последней из названных книг мне еще недавно довелось говорить довольно подробно, и потому я не буду повторять уже сказанного мной, тем более что очень многое из замечаний на «Московский сборник» всецело приложимо и ко всем художественным произведениям разбираемого писателя. Такова между прочим характеристика «Московского сборника» как «антологии государственной лирики». Все последненазванные произведения нашего автора можно считать изборниками лирической прозы, составленными действительно «художником церковной речи». Разумеется, спорное положение надо доказать; хотя это несколько и отклоняет нас от непосредственного предмета статьи, но вовсе обойти этот вопрос нельзя. Постараемся рассмотреть его с возможной краткостью, отсылая интересующихся подробностями к тому, что было нами разъяснено в другом месте на эту тему.

Всякое произведение мысли и слова с точки зрения субъективной является результатом некоторого творческого процесса, сочинением, будет ли то «Евгений Онегин» или объявление в газетах с предложением переписки. Наша речь, все наши суждения, все разговоры являются непрерывным творчеством, то есть некоторым положительным проявлением нашего духа в тех или иных внешних формах. От этого широкого понятия должно отличать его разновидность – творчество в объективном смысле, – то есть стремление проявить в возможно более совершенных внешних формах возможно более совершенные замыслы. Критерий совершенства замыслов является вместе с тем и критерием видов творчества. Измеряя совершенство замысла красотой, мы предаемся творчеству художественному; измеряя его исти-

ной – творчеству научному, в частности, философскому. Выполнение не может дать нам такого критерия потому, что всякое выполнение уже есть художественное творчество. Красота же свойственна формам бытия, а истина его содержанию. Совершенным формам бытия со времени Платона присвоено название идеала, а так как жизнь есть стремление к совершенству и совершенным формам свойственна сила притягательного воздействия на все живое, то в понятие идеала мы невольно влагаем некоторое тяготение к действительному осуществлению. На основании изложенного, под художественным творчеством следует подразумевать духовную деятельность, направленную к прекрасному выражению идеалов бытия. Напротив, творчество научное есть духовная деятельность, направленная к адекватному выражению истины, то есть сущности бытия с объективной точки зрения. Сообразно сказанному, можно допустить, что исходная точка творчества художественного есть стремление к достоверно известному (независимо от критерия этой достоверности, т. е. положительного знания или веры) идеалу, иначе говоря – недовольство, а исходная точка творчества научного – стремление к неизвестной сущности достоверных форм, иначе говоря – сомнение. В одном случае дух человеческий стремится к неизвестным формам, во втором – к неизвестной сущности. В связи с этим понятно, отчего всякое выполнение есть творчество художественное, а вместе с тем и то, отчего ораторское искусство причисляется к области художественного творчества.

С этой точки зрения по полному праву заслуживают названия художественных произведений статьи, входящие в состав перечисленных выше сборников. В них художественно не только выполнение, не только речь, но и замысел, концепция автора. Его мысль не рвется в неизвестное, как тревожная сила из тесноты знания; она упорно прилепляется к старому, давно известному, она проникает в вековые формы, изнутри освещая их новым, неожиданным смыслом. Старому, известному дает автор новые, прозрачные формы. В области мысли он

обладает тайной рентгеновских лучей, проникающих твердые тела, открывающих глазу незримое хотя бы только очертаниями его теней. Конечно, его мысли касаются вопросов политики, права, истории, богословия, нравственности; их логический ход ясен, точен и тверд; ни скачков, ни резких оборотов мысли не допускает его легко и последовательно развивающееся изложение; и тем не менее это не научное творчество, не искусство публициста, а истинная, глубокая поэзия. «Некогда царь и пророк, – говорит он, – испытавший горесть и обольщение всех радостей земных, посреди глубокой печали молился Богу такой молитвой: “Правдою Твоею изведеша от печали душу мою”. Надобно, чтобы познал человек свое сердце во всей его неправде и в своей неправде увидел бы правду Божию. Вот к чему ведет его печаль: ее нестерпимое жало понуждает человека вникнуть в себя, распознать пути свои и смирить свое сердце пред Богом: печаль, яже по Бозе». В этих словах нельзя не узнать только что выясненной нами исходной точки художественного творчества – «стремления к достоверно известному (по вере) идеалу, иначе говоря – недовольства», и, стало быть, в произведениях проникнутого им автора – поэзии. Это, правда, не поэзия чувства, не самоуслаждение страстей в стремительном, ярком и пышном выражении, не гордое величие героизма, а тихая поэзия мысли, согласующейся с самыми чистыми и кроткими движениями души, поэзия сознательного чувства и проникновенного размышления. Тихие огоньки глубоких сердечных движений, как церковные свечи перед величавыми ликами икон, озаряют в ней строгие образы суровых жизненных воззрений. Автор ищет и находит в душе своей сладость долга, отраду самоуничтожения, негу воздержания. Его обдуманно, искусственно построенные, книжные речи точно вводят в храм Божий мысли даже неверующего человека, раскрывая перед ним пленительные тайны душевной жизни, протекающей под теми сводами и за теми для всех открытыми вратами, мимо которых спешно и небрежно проходит суета его деловых забот. И зато эти же про-

стые, прямые, крепкие речи становятся грозным логическим оружием против лукавых ухищрений изломанной, изолгавшейся современной мысли. Как рогатину против медведя, ставит автор свою стройную мысль против любого боевого термина, въедающегося разрушительной язвой в колеблющиеся умы современных людей, и укрепляет эту рогатину в любом пункте нашего тысячелетнего прошлого.

Против каждой разнуздывающей фразы западных учений выдвигает он всю нашу историю и всю свою логику, сам оставаясь в стороне, бесстрастный и неколебимый.

В частности, мало можно прибавить о каждом из названных сочинений в отдельности. Нельзя только не заметить, что наиболее слабое из них в целом, невзирая на несравненные частности, – сборник «Вечная память». Характеристика людей – задача, совершенно не соответствующая особенностям литературных дарований автора. Он не умеет чувствовать и схватывать индивидуальностей людских, тех частных и особенностей, которые создают человека. В отдельных людях он чувствует и понимает, точно какую-нибудь математическую величину, их гражданскую силу, их политическое значение. Он прекрасно взвешивает исторический смысл человека, отвечает на вопрос: что он сделал; но чем он был – этого передать он не может. Оттого крайне бледны, как-то манерны и витиеваты некрологи великих княгинь Елены Павловны и Екатерины Михайловны, Н. П. Шульц и баронессы Э. Ф. Раден.

Несколько ярче, живее некрологи Н. В. Качалова и Н. И. Ильминского; а действительно хороши и вполне достойны своего автора заметка об Аксаковых и две статьи на смерть императора Александра III. Везде, конечно, даже в самых бледных очерках, можно узнать автора, но тем более становится ясно, что он взялся не за свое дело.

Напротив, высоко стоят и ярко выделяются в нашей литературе «Московский сборник», «Праздники Господни» и примечания к «Подражанию Христу». Мной было уже указано в другом месте, что в них ожило своеобразное творчество московского периода нашей литера-

туры, вновь зазеленела, как жезл Ааронов, по-видимому, совершенно омертвелая ветвь родной старины. Пространная характеристика каждого из этих сочинений завела бы слишком далеко, и потому придется ограничиться самым существенным. «Московский сборник» в области мысли то же, что известное «Собрание насекомых» Пушкина. Все те летучие фразы, все хлесткие суждения, все склеенные из фраз характеры, подвижные и поворотливые, как перекасти-поле, вся мошकारа и шушера вертлявых последователей поденных мод и воззрений, которая облепляет, жалит и окружает жужжащим роем труженика, ведущего свой неспешный плуг по вековой ниве, уловлена в нем быстрой и широкой мыслью, расправлена неумолимой логикой и засушена в назидание потомству. Вот что тебя встретит, что к тебе привяжется, что будет язвить и жалить тебя, сновать, жужжать, развлекать и беспокоить тебя, говорит автор своему единомышленнику.

И не думай, что эти крылатые, блестящие, звонкие фразы безвредны и бессильны:

Куда ни взглянешь,
Их повсюду тучи;
Солнце затмевают,
Смелы и могучи!

С ними необходимо считаться. Их уколы отвлекают руки от работы, их жужжанье и стрекотанье рассеивает мысль по мелочам, их множество делается просто страшным порой; своими преследованиями в неразработанных дебрях они насмерть заедают людей, загоняя их в непролазные трущобы. В их суете безумеют непривычные люди и безрассудно мечутся, ничего не видя, не слыша и не понимая. А между тем смотри, как ничтожно и безвредно это «жизнь отравляющее» племя, как тает их мнимая сила в едком дыму логики. И те страшные тучи, перед которыми ты сам себе казался таким беспомощным, так беспово-

ротно обреченным бежать перед их множеством, куда бы ни погнал тебя его стихийный произвол, – эти тучи состоят из таких ничтожных, мелких и бессильных заблуждений!

Игрушками и блесками любят умы толпы, перед комариными уколами они трепещут. Дыма родного очага достаточно для борьбы с этим летучим племенем, а труд, расчищающий дебри, осушающий болота и возвращающий хлеб и каменные города на прежних бесплодных тундрах, и вовсе изгоняет их из своей области. А между тем какой ложью, каким страхом перед множеством, какими презренными бегствами и постыдным отречениями наполняют они нашу жизнь! Сколько людей в угоду летучим поденными фразам изменяло лучшим заветам и преданиям старины, отрекалось от истины, сдавалось перед ложью! Трудно людям толпы считаться с толпою. Им не на что опереться, нечем оборониться; у них ни щита, ни оружия; а один в поле не воин. И вот этим людям, бессильным перед площадным отрицанием, бегущим с толпой и безмолвно теряющимся в ее ропоте, дает «Московский сборник» и опору, и защиту, и оружие. «Московский сборник» открывает самой простой и скромной толпе народной арсеналы высшего просвещения на борьбу с Западом. Он вызывает к народному уму, дает ему оружие и указывает врага. Эта книга – революционный манифест в области культуры; это уже не одинокая критика Страхова, шедшего в храмы западничающей толпы для низвержения ее идолов; она предлагает не судить, а обороняться и гнать обратно мутные волны господствующих у нас западных учений. Русский ум вооружается в ней по всей западной границе. Вполне естественно, что вооруженные умы не скликаются в ней в организованные полки, к знаменам и властям. Напротив, эта книга дает каждому оружие и шлет его домой. У каждой сельской церкви могут собираться партизанские отряды.

Всего определеннее выражены идеалы и симпатии автора в двух последних, еще не разобранных нами сочинениях – «Праздники Гос-

подни» и примечания к «Подражанию Христу». «Книга эта, – говорит автор о творении Фомы Кемпийского, – исполнена священной поэзии, каждая страница в ней дышит, если можно так выразиться, лирическим восторгом верующей души; всюду в ней слышится торжественная песнь о Боге, о вечности и о судьбе человека». Эти слова можно применить и к характеристике примечаний самого переводчика, и к его «Праздникам Господним». Это – лирические рассуждения, проникнутые глубокой религиозной поэзией. «Всякую душу, – говорит автор, – как бы ни была она погружена – и в молву людскую, и в безмолвие одиночества, – праздник призывает петь песнь Вседержителю Богу». Такими праздниками мысли, одушевленными излияниями многолетних размышлений и впечатлений, и являются отдельные главы названных сочинений. Твердые, глубокие мысли торжественно облачаются в них в величавые одеяния слов и, озаряемые согласными чувствами народными, приобретают какую-то неожиданную, необычайную силу и красоту. Глубокий художник открывает ими читателю – по крайней мере многим читателям – целую область возвышенных, чистых, светлых и прекрасных впечатлений, каждому когда-то привычных и знакомых, но давно погасших и забывшихся. Мирской, светской мысли открывается в них смысл и прелесть церковной жизни. «Воды наши питаются из тысячи мелких источников; едва приметными жилками сочатся начальные ключи сквозь мягкую почву, и каждый день новые жилки просачиваются: счастлив, кто с ранних пор привык заботливо осматривать ключи свои и укреплять рыхлую свою почву! Стоит на время забыть об них – и соберутся повсюду сонные воды, и ключи под ними закроются». Однако же «кому случилось испытать на себе дивную силу воспоминаний, тот знает по опыту, как часто вдруг, неожиданно, среди равнодушия и усталости, среди шума суеты одно невзначай услышанное слово, один напев или звук будил уснувшую душу и мгновенно отворял ей двери в обширный мир прожитого минувшего. Мгновенно воскресала в душе живая

картина из минувшей жизни со всей ее обстановкой, возникали из глубины прошедшего милые образы, давно оставшиеся позади нас, и душе слышалась так явственно, так понятно и усадительно целая гармония того момента, которого коснулось воспоминание. Никакими словами невозможно выразить впечатление, производимое в душе таким воспоминанием: какая-то торжественная поэма слагается в ней из остатков минувшего, за минуту перед тем бывших отрывочными представлениями. Тут все они оживляются и сходятся в стройное целое. Все, что было слишком резко и угловато в действительности, пропадает, уступая место мягким тонам и краскам. Такие минуты принадлежат к лучшим минутам в жизни. Истинно блаженны люди, ведущие воскликновение в праздниках церковных». Призванием к таким минутам и являются разбираемые произведения, достойно увенчивающие литературную деятельность К. П. Победоносцева, в которой, говоря словами поэта, действительно ожила

Святая Русь – и величава,
И православна, как была.

V. ПОБЕДОНОСЦЕВ КАК ЮРИСТ

А. Э. Нольде

ПОБЕДОНОСЦЕВ И СУДЕБНАЯ РЕФОРМА

Имя К. П. Победоносцева обыкновенно не связывают с историей составления судебных уставов, хотя участие его в этих работах общеизвестно. Напротив, память сохранилась о позднейшем периоде его государственной деятельности, когда он поддерживал своим влиянием те течения, которые были направлены к переделке преобразованного судебного строя, к новым реформам, построенным на иных началах, чем первоначальная. К этому периоду относятся и изданные К. П. Победоносцевым литературные работы – статьи «Московского сборника», в которых определенно высказан отрицательный взгляд на многие институты, введенные в нашу жизнь уставами, например, на суде присяжных, на адвокатуру.

Несомненно, в 80-х годах Победоносцев думал иначе, чем в 60-х, и взгляды его, косвенно и непосредственно, оказали влияние на ход законодательства по судебному делу. Но теперь, когда юбилей уставов дал повод к оценке тех благих последствий, которые они принесли с собой, несмотря на всякие переделки, историческая справедливость требует напомнить о трудах Победоносцева по созданию этого памятника, о его увлечении теми мыслями, которые воплощены в уставах, и об искреннем желании поднять судебное дело на возможную высоту. В настоящем очерке собраны те сведения о работах

Победоносцева над проектом устава гражданского судопроизводства, которые автору удалось найти в доступных ему¹ материалах по преобразованию судебной части. Этим уставом Победоносцев интересовался больше, чем другими отделами процессуального законодательства, и об этих его работах сохранилось больше всего сведений.

I

Работы по судебной реформе совпали с теми годами жизни К. П. Победоносцева, когда ему особенно много пришлось заниматься юриспруденцией. По окончании Училища правоведения (в 1846 г.) он поступил на службу в московские департаменты Сената и там последовательно занимал различные должности, начиная с низших; в 1857 г. он был назначен обер-секретарем общего собрания. За это время он многому научился на практике, но «приказное дело», судебная рутина, в те времена к тому же и невысокого достоинства, его не удовлетворяла. Выпущенные Победоносцевым впоследствии учения работы, написанные или подготовленные именно в это время, свидетельствуют о том, что он серьезно изучал как источники законодательства, даже скрытые в архивах, так и теорию гражданского права.

Внешним поводом к дальнейшему углублению этих самостоятельных работ послужило полученное им в 1859 г. от совета Московского университета приглашение читать лекции по гражданскому праву и судопроизводству в качестве «постороннего преподавателя». Преподавательская деятельность Победоносцева продолжалась до 1865 г.; приобщая его к ученому сословию, она побуждала его к системати-

¹ Весьма возможно, что в частных собраниях сохранились различные записки, письма или заметки Победоносцева, которые дополняют или исправляют сказанное в дальнейшем. Можно только выразить пожелание, чтобы такие материалы, как и все прочие, касающиеся реформы, сделались достоянием гласности. В некоторых своих частях настоящий очерк содержит развитие намеченного мной в статье «Обзор научной юридической деятельности К. П. Победоносцева (некролог)», напечатанной в Журнале Министерства народного просвещения, 1907 г., № 8 (отдел «Современная летопись», с. 84 и след.).

зации его богатых сведений и к их научной отделке. Чтение лекций по гражданскому процессу поставило его в необходимость расширить свои теоретические познания в этой области; изучение этого предмета, вероятно, стоит в непосредственной связи с лекциями.

К концу 1850-х годов относится и начало преобразовательных работ царствования Александра II. Необходимость коренных реформ живо сознавалась всеми образованными силами, и все шаги, сделанные правительством в этом направлении, находили бодрый отклик в обществе. Предстоявшее судебное преобразование не могло не вызвать особого интереса среди лиц, так или иначе причастных к отправлению правосудия. И действительно, в журналах конца 1850-х годов появляются статьи, касающиеся институтов того процессуального строя, который должен был заменить прежний, всеми осужденный порядок. Нельзя сказать, чтобы число такого рода статей было особенно велико¹, нельзя за этими исследованиями признать и особенной глубины. Немногочисленные в то время юристы, сведущие в вопросах процессуальных, не всегда располагали данными, необходимыми для такой критической работы; практики могли знать о новых порядках только по случайно прочитанным ими заграничным работам и по личным впечатлениям, вынесенным из поездок, а теоретики, более или менее знакомые с данными иностранной науки, стояли далеко от практической жизни. К тому же, в общей печати поневоле приходилось касаться только самых основных и общих начал нового процесса, преимущественно судоустройства и уголовного судопроизводства, а специальной юридической печати тогда еще почти вовсе не было.

Поэтому неудивительно, что Победоносцев, в большей мере, чем многие юристы того времени, обладавший сведениями, необходимыми для такого рода суждений, высказал свой взгляд на основные черты такого отдела задуманной судебной организации, которого

¹ Список сочинений этого рода приведен в превосходном исследовании И. А. Блинова: «Судебный строй и судебные порядки перед реформой 1864 года» (в издании Министерства юстиции «Судебные уставы 20 ноября 1864 г.», т. 1, с. 99).

никто из его современников в литературе не коснулся и который ему был ближе, чем все остальные. В 6 и 7 книгах «Русского вестника» за 1859 год помещена его обширная (около 115 страниц) статья, озаглавленная: «О реформах в гражданском судопроизводстве». Не упоминая в этой статье о проектах графа Блудова, которые в то время уже обсуждались в высших государственных установлениях, и не высказывая по их адресу каких-либо критических соображений, Победоносцев пытается наметить тот путь, по которому должно идти преобразование. Его не удовлетворяли ни суждения «политических дилетантов», рассуждающих обо всем без приготовления, ни мысли «близоруких практиков», которые не в силах распутать сеть канцелярских обрядов и разобрать, какие узлы в ней необходимы и какие запутывают дело, не облегчая его, ни рассуждения «восторженных наблюдателей» иноземных учреждений, ни наконец замечания представителей другой крайности – закоренелых староверов. Хуже всех, по его мнению, педанты-доктринеры, которые, прикрываясь мантией науки, забывают, что наука берет свое содержание из жизни. Для того, чтобы убедиться в том, что должно быть, необходимо прежде всего узнать то, что есть, необходимо собрать запас сведений о том, что существует и совершается у себя дома.

Полезно было бы снарядить экспедиции во все наши крупные и мелкие центры для изучения наших собственных порядков, а уже после этого обратиться к иностранным образцам, не ограничиваясь ни мертвой буквой кодексов, ни одной лицевой стороной процесса. Наметив эти общие точки зрения, Победоносцев переходит к рассмотрению тех принципов, которые должны лежать в основе будущего процессуального строя. Нельзя обойтись совсем без форм и весь суд свести к какому-то патриархальному третейскому разбирательству, не следует, с другой стороны, умножать эти формы: обрядности, с которыми связано право процессуальное, не должны смешивать с обрядностями, по коим обыкновенно совершается то или другое про-

цессуальное действие. Третейское разбирательство, идея которого проповедуется многими мыслителями, недостаточно, если оно признается как единственная форма процесса, ибо оно сводится к гражданскому соглашению между тяжущимися, далеко не всегда возможному; столь же утопична мысль о мировом процессе как о всеобщей форме производства. Такая форма хороша только в местных судах и с успехом может применяться лишь при словесной расправе. На государстве должны лежать две заботы: во-первых, устроить порядок защиты прав, а, во-вторых, поставить дело так, чтобы граждане как можно реже были в необходимости прибегать к действию правосудия. Для достижения второй цели прежде всего необходимо привести в ясность систему и редакцию гражданских законов, затем принимать меры к тому, чтобы постановленное судом решение становилось гласным, даже по возможности – достоянием всего общества, и в связи с этим разъясняло сходные случаи, наконец, надо учредить центральное судебное место, которому должна принадлежать руководящая деятельность в истолковании закона. Эти меры клонятся к устранению юридической неопределенности, но их необходимо дополнить еще рядом других, которые помогли бы устранять неопределенность фактическую, каково, например, законодательство об актах состояния, о поземельном владении и проч. Но, помимо всего этого, учреждение суда и расправы необходимо поставить так, чтобы судопроизводство приводило к правде, чтобы формы и обряды были действительным выражением того, что под ними предполагается, а не фальшивым официальным представлением того, чего нет в действительности. Историческое развитие привело нас к «приказной» форме суда, являющейся крупным препятствием для справедливого решения; при этом порядке и добросовестный судья ничего не может добиться, ибо судья от дела далек, а все в руках канцелярии. Приказная форма суда неразрывно связана с письменностью, и канцелярская тайна будет держаться до тех пор, пока суд не сделается словесным

и открытым. Письменная форма имеет защитников, но тот, кто сам работал в судах и не разучился еще давать себе отчет во всем, что делает сам и что около него делается, тот, конечно, не станет доказывать преимущества письменной формы суда над словесной ни при каких условиях. Но сущность словесного судопроизводства определить нелегко, ибо без какой-либо письменности никакой процесс не может обойтись. Словесное разбирательство должно относиться к последней части процесса, к состязанию, т. е. к самому суду, письменность же должна ограничиваться приготовлением дела. Здесь Победоносцев довольно подробно останавливается на французском и прусском порядках производства, отдавая преимущество последнему, ибо во Франции приготовление дела находится всецело в руках стряпчих, и суд слишком отдален от тяжущихся. Со словесным производством в неразрывной связи состоит учреждение адвокатуры. Адвокатура совершенно необходима, ибо только при содействии адвокатов судебное состязание будет полным и живым, иначе для судей суд обратится в механический труд. Если не везде учреждение адвокатов соответствует своей цели, то причина этого кроется в недостатках внутренней или внешней организации сословия адвокатов и в чрезмерном стеснении частных лиц в выборе себе защитников. В дальнейшем Победоносцев подробно останавливается на выяснении государственной пользы адвокатуры, с жаром устранив нападки на нее как на нечто, опасное для государства. Следующим условием правильно поставленного судопроизводства является проведение в нем начал состязательности и гласности; значение этих элементов подробно и красноречиво разобрано в статье Победоносцева, а заканчивается она указанием на те принципы, которые должны лежать в основе правильно поставленного судоустройства: на строгое отделение суда от управления и на независимость судей от начальства. В соединении со словесной формой суда и с гласностью независимость суда будет именно той силой, которая способна поднять суд на сте-

пень самостоятельной власти, а судебному сословию дать нравственное единство и правильную организацию¹.

Таково в самых кратких словах содержание этой статьи, едва ли не первого произведения Победоносцева, появившегося в печати. Эта работа не могла не произвести впечатления; таких статей по юридическим вопросам в то время появлялось немного. Написана она свободно, тем же своеобразным, слегка вычурным, в больших количествах даже утомительным слогом, как и позднейшие труды Победоносцева; в ней обнаруживается отчетливое представление о своих порядках и знакомство с иностранными образцами и литературой, которое обогатило, но не поработило оригинальный и сильный ум автора. Но, конечно, то, что в ней сказано, теперь для современного юриста уже не новость. Теперь она представляет интерес лишь как материал биографический и как показатель настроения, господствовавшего в кру-

¹ Взгляды, сформулированные в этой статье, проводились Победоносцевым и в его преподавательской деятельности, как можно судить по литографированному курсу его лекций по судопроизводству. Мне удалось найти только один экземпляр этих лекций, хранящийся ныне в Публичной библиотеке, в котором изложены лекции, читанные с 15 января 1862 г. по 25 марта 1863 года («Гражданское судопроизводство. Лекции профессора Победоносцева», 534 с., в четверку). Лекции записаны, несомненно, со слов Победоносцева и местами, должно быть, им лично отредактированы. Они относятся к тому времени, когда он уже был привлечен к работам по судебной реформе, т. е. когда реформа уже получила осязательные очертания, и осуществление ее представлялось более чем вероятным. Лекции составлены искусно – они содержат простой и ясный рассказ о прежних порядках и об основных началах нового, т. е. они давали все, что требовалось в такое переходное время. В лекциях определенно выражается осуждение прежних судебных порядков, но проскальзывают уже те мысли, которые незримо определяли все юридическое, а может быть, и политическое положительное мирозерцание Победоносцева, а именно та идея, что существующее положение сложилось не даром, «а в связи со свойствами почвы, людей, сообразно с другими частями нашей жизни – ростом и условиями быта». Область законодательства, подлежащая реформе, сама по себе, может быть, не так и плоха – «в действии законов есть много недостатков, но и тут надобно различать, что относится к самому закону, что к людям и что к влияющим условиям, вдруг их переменить невозможно» (Лекции, с. 7). Впоследствии такие соображения, сами по себе правильные, обыкновенно приводились Победоносцевым как решительный аргумент против всякой реформы вообще, если она была ему мало симпатичной. Но в 1850-х годах он допускал, что иногда и «формы» влияют на людей (см. ниже) и что прогресс истории не должен останавливаться на XVII веке.

гах юристов с горизонтом более широким, чем у обычных практиков «приказного» дела и даже многих профессиональных ученых. Следует отметить, что статья была написана и напечатана еще в то время, когда по поводу судебного преобразования существовали только проекты графа Блудова, в смысле реформаторском гораздо более умеренные, чем позднейшие, и окончательный перелом в воззрениях высшего правительства на этот предмет еще не вполне обозначился. В те времена занятия наукой не всегда поощрялись; министр юстиции граф Панин, будучи проездом в Москве, выразил Победоносцеву свое неудовольствие по поводу его ученых и преподавательских занятий, указав ему также, что они несовместны со службой сенатского обер-секретаря¹. Однако Победоносцев этих занятий не бросил, служебной карьере они не повредили, а имели место благоприятное последствие, что сблизили его с составителями уставов. А именно: вскоре по опубликовании этой работы и, вероятно, в связи с ней, Победоносцеву пришлось принять непосредственное участие в работе по проектам судебного преобразования². Душой реформы, как известно, был С. И. Зарудный, в 1858–1859 годах заведовавший делопроизводством при рассмотрении в Государственном Совете проектов II Отделения С. Е. И. В. Канцелярии, представленных графом Блудовым. Зарудный всячески стремился привлечь к этим работам все выдающиеся силы и тем более дорожил своими сотрудниками, чем более суровую критику встречали с их стороны его проекты. В 1859 году он переслал Победоносцеву для замечаний экземпляр наиболее обработанной части предположенного к изданию сборника процессуальных зако-

¹ Это сведение, вполне достоверное, я имею от сына одного из учеников Победоносцева по Московскому университету, которому Победоносцев тогда же рассказал об этой беседе с графом Паниным. Весьма возможно, что неудовольствие графа было вызвано именно статьей в «Русском вестнике».

² Дальнейшее изложение основано на сведениях, любезно сообщенных автору этих строк Александром Сергеевичем Зарудным. По словам А. С. Зарудного, его отец мог познакомиться с Победоносцевым через посредство своего бывшего начальника по службе в Министерстве юстиции и друга Старицкого, товарища Победоносцева по Училищу правоведения.

нов «Проект устава гражданского судопроизводства, рассмотренный в соединенных департаментах Государственного Совета законов и гражданском». На этом экземпляре, полученном Зарудным обратно от Победоносцева, как видно из пометки 11 декабря 1859 г., имеется очень большое количество замечаний Победоносцева – в некоторых отделах по каждой почти статье. Замечания касаются иногда только редакции, а иногда и существа дела, очень многие написаны в тоне настолько резком, что они привлекли внимание Зарудного, который не скрыл своего наблюдения от Победоносцева. Причины этого внутреннего гнева Победоносцев объяснял тем, что в горячем чувстве по предмету, который близок сердцу, сливается и любовь, и негодование, последнее неразлучно с первым; в вопросе жизни «быть или не быть» нельзя обойтись без любви, и нет возможности обойтись без негодования. Негодование направлено не против личностей, а относится к системе канцелярского формального управления жизнью народной и делом жизни¹. Такое настроение показывает искреннее увлечение, с которым он относился к делу преобразования суда. Из дальнейших писем Победоносцева видно, что резкость и обстоятельность этих замечаний повлекли за собой то, что к нему были посылаемы на заключение и другие части проекта. Так, 10 мая 1860 г. Победоносцев отослал Зарудному обширные замечания на проект устава о разборе преступлений и проступков, который его мало интересовал, потому что терпеть не мог российской уголовщины и никогда ею не занимался; затем он предполагал заняться проектом правил о делах бесспорных, который его не удовлетворял; Министерство юстиции также поручило Победоносцеву составить замечания на эти проекты, и он пересылал в министерство те же замечания с некоторыми сокращениями. В июне 1860 г. Победоносцев отправил Зарудному замечания на проект судопроизводства; осенью 1861 г. он работал над

¹ См. краткий пересказ этого письма в книге: История русской адвокатуры: Т. 1–3. М., 1914–1916. Т. 1: Гессен И. В. Адвокатура, общество и государство. С. 36. М., 1914.

планами будущего судоустройства и думал приступить к уставу о судопроизводстве (вероятно, гражданского), чтобы по крайнему своему разумению округлить его (28 сентября 1861 г.). Занятия судопроизводственными предметами настолько увлекли Победоносцева, что он обратился даже к итальянской литературе, несмотря на то, что не умел читать по-итальянски; он очень интересовался работой «Pisanelli, sulla competenza» и признавал очень желательным, чтобы кто-нибудь перевел на русский язык его же знаменитое «Istituzione del qiuirati» (28 октября 1861 г.)¹. Таким образом, постепенно ему пришлось ознакомиться с материалами, касающимися всех частей реформы, но более всего он интересовался именно гражданским процессом. Изучая иностранные порядки и примеряя их к нашим условиям, он пришел к убеждению, что самым удачным уставом является ганноверский. Прося Зарудного выписать поскорее какую-то книгу, он указывал,

¹ В «Современной летописи» (издававшейся при «Русском вестнике» 1861 г., № 45, с. 7–11) помещена статья о суде присяжных, написанная, как явствует из материалов, хранящихся у А. С. Зарудного, Победоносцевым, но напечатанная без подписи. В ней имеется краткий обзор этого суда в Англии, Франции и Сардинии. Автор старается показать, что суд присяжных привился и успешно действует там, где он сложился под влиянием исторических условий; написана статья в осторожных выражениях и как бы с целью предостеречь от увлечения. Для характеристики взглядов автора можно привести следующие слова из этой статьи. «Вопрос о том, соответствует ли учреждение присяжных истинным целям правосудия и условиям для достижения истины в деле судебном, разрешается окончательно только путем практики. В теоретическом отношении вопрос этот продолжает возбуждать полемику там, где еще не существует учреждение присяжных, или там, где оно не успело окончательно утвердиться... (число сторонников его увеличивается), но вместе с тем возникает вопрос, в каком виде, в каких формах, с какими видоизменениями может действовать это учреждение в государстве, сообразно нравственным, умственным и политическим условиям народной жизни и общественного быта. Присяжные – не такое учреждение, которое можно было бы выдвинуть в процессе разом и отдельно, без соображения с целым его механизмом. Оно составляет часть целого и только в связи с целым может успешно достигнуть своей цели...» «Мы видели, как осторожно должен действовать законодатель, когда вводит в состав процесса это великое и важное учреждение. Здесь, может быть, еще меньше, чем в других вопросах, достаточно горячего желания усовершенствовать дело правосудия, горячей веры в безусловное совершенство суда и прочих горячих слов о том, что без этого учреждения суд не достигает своей цели. Нужно не только верить, но знать, во что веришь, ясно и в целом, и в подробностях представить себе живой образ учреждения в связи со всем тем, что служит ему основой, со всеми теми формами, в которых оно должно действовать».

что эта книга будет полезна, потому что ганноверский процесс решительно образец для целой Европы; Победоносцев был от него «в восторге». Неудивительно поэтому, что у Зарудного возникла мысль привлечь Победоносцева к участию в комиссии по выработке «Основных положений». Приглашение это вызвало радость Победоносцева, но и волнение ввиду необходимости переехать из Москвы в Петербург, которого он не любил (8 ноября 1861 г.).

Но желание принимать участие в работах, очевидно, преобладало над этими колебаниями, и, не получая несколько дней из министерства бумаги о назначении¹ своем (о котором он был извещен частной телеграммой Зарудного), Победоносцев волновался и выражал свое волнение в ежедневных письмах к Зарудному.

Нельзя, к сожалению, установить в точности все сделанное Победоносцевым для судебных уставов. Он принимал участие в обеих стадиях работ, т. е. при выработке «Основных положений» и при составлении детального проекта устава гражданского судопроизводства. О подробностях первой стадии работ вообще имеется очень мало известий; к этому периоду относится записка Победоносцева 1861 г., касающаяся гражданского судопроизводства, которая ниже разобрана подробнее. Но, несомненно, Победоносцеву представились случаи высказаться и по другим частям реформы, как, например, по предметам судоустройства. Такие учреждения, как мировая юстиция, суд присяжных и другие жгучие вопросы, очевидно, служили предметами оживленных споров в комиссии. Несомненно, Победоносцев имел влияние в комиссии, к нему не могли не прислушиваться ввиду его начитанности, ввиду его умения находить для своих мыслей своеобразное выражение, ввиду большого знания жизненной

¹ Высочайшее повеление о прикомандировании Победоносцева к Государственной канцелярии для работ по преобразованию судебной части состоялось 3 ноября 1861 г. См. юбилейное издание Министерства юстиции «Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за 50 лет». Т. I. С. 719. В газете «Наше время» (№ 80 от 17 сентября 1861 г., с. 498) имеется перепечатанное из «Экономического указателя» известие о том, что были приглашены в комиссию Ровинский, Вудковский и Победоносцев «как приславшие лучшие суждения о проектах».

практики. Но трудно угадать, имел ли он влияние на направление работ комиссии. Конечно, некоторый скептицизм, в последующие годы, по-видимому, совсем овладевший Победоносцевым, чувствуется уже и в рассуждениях его того времени, а такое направление ума и воли, располагающее скорее к некоторой неустойчивости, едва ли могло покорить Победоносцеву его товарищей по работе. Однако следует подчеркнуть, что это направление мыслей еще не господствовало над деятельностью Победоносцева в 60-х годах и в те времена приводило его не к равнодушию, а к осторожности и к устранению крайностей; по его частным письмам и по деловым запискам видно, что он верил в дело судебного преобразования, насколько вообще ему была дана вера, и что по своим стремлениям он, в этих пределах, был убежденным сторонником того круга идей, который должен был получить выражение в уставах.

В этом отношении особенно поучительны и для жизнеописания его, и для истории нового процессуального строя его работы, касающиеся второй стадии работ, о которых имеется гораздо больше данных, чем о первой.

Сохранившиеся материалы позволяют до некоторой степени осветить участие Победоносцева в разработке двух очень важных вопросов преобразования гражданского процесса, а именно, системы производства и размежевания суда и администрации в области гражданского правосудия – этот второй вопрос в стадии подготовительных работ, пожалуй, имел еще большую важность, чем в настоящее время, так как им предопределялась постановка и дальнейшая судьба преобразованного судебного строя.

II

Течение работ по составлению судебных уставов всем хорошо известно, и здесь достаточно только напомнить о некоторых данных.

23 октября 1861 г. состоялось Высочайшее повеление о составлении Государственной канцелярией «Основных положений для устройства судебной части»; с этой целью была образована комиссия, в которой участвовали Бутков, Плавдай, Буцковский, Победоносцев, Стояновский, Зарудный, Даневский, Шубин, Ровинский и Вилинбахов. Положения были рассмотрены Государственным Советом и были опубликованы 29 сентября 1862 г. Затем на основании Положений и в связи с поступившими на них замечаниями приступили к изготовлению проектов отдельных частей судебного законодательства, причем для этой цели образована новая комиссия также при Государственной канцелярии, но в более многочисленном составе, чем первая, занимавшаяся разработкой «Основных положений».

Составление проекта устава гражданского судопроизводства было возложено на «гражданское отделение» комиссии, председателем которой был С. И. Зарудный, а в число членов входил и Победоносцев¹. Результатом работ был проект устава с объяснительной запиской, хорошо известный всем юристам по выдержкам, напечатанным в издании уставов, сделанном Государственной канцелярией. Записка, в которой изложены различные мнения, высказанные в комиссии, с указанием членов, примыкавших к тому или другому суждению, позволяет до некоторой степени судить о личном участии и воззрениях отдельных членов; еще большую ценность в этом отношении представляют подготовительные рассуждения и проекты отдельных членов отделения, отпечатанные в виде тетрадей, по-видимому, для надобностей самого отделения и общего собрания комиссии, «вместо рукописи», как мы бы сказали теперь. По этим черновым наброскам можно судить о постепенном образовании текста проекта устава гражданского судопроизводства и о работах членов комиссии – для других частей уставов такого

¹ Отделение заседало с 30 ноября 1862 г. до 24 октября 1863 г., а общее собрание с апреля по ноябрь 1863 г.

рода материалов мне не приходилось встречать, и, как кажется, их вообще не было¹.

В числе таких материалов имеется брошюра, озаглавленная; «Записка о гражданском судопроизводстве (составлена Победоносцевым в декабре 1861 г.)»². Время составления и содержание этой записки свидетельствуют о том, что она была написана именно для работ по начертанию проекта «Основных положений». Записка содержит критику намечавшегося проекта устава и набросок нового проекта на основах, необходимых, по мнению Победоносцева, для устранения тех недостатков, которыми в такой степени страдал дореформенный порядок. Недостатки эти, как полагал Победоносцев, зависят от двух причин: от несовершенства учреждений и форм и от недостатка людей, способных приводить эти формы в действие. Обе причины состоят в связи. Лучшие формы сами по себе не приведут к желанному преобразованию при недостатке в людях, но и люди образуются в духе тех или других учреждений. Если формы государственной деятельности соответствуют практическим условиям, то они будут могущественным средством к образованию деятелей и к укреплению живой связи между ними и делом, а если формы производства будут мертвенные и сухие, то нельзя ожидать ни деятельности плодотворной, ни приумножения искусных деятелей. Существовавшие же формы процесса относились именно к этой категории: судьи отдела устранены, и всем вершат чиновники канцелярии, которые смотрят на свое звание лишь как на ремесло, выгодное или дающее средства

¹ С полной достоверностью этого нельзя утверждать ввиду того, что официального перечня всех этих тетрадей нет. Мне посчастливилось найти некоторое количество таких записок у антиквариетов, а некоторые экземпляры имеются в Публичной библиотеке. По внешнему виду они все однородны – форматом в лист, шрифт такой же, как в объяснительной записке к уставу. В некоторых помещены только проекты статей с указанием имени редактора; иногда при статьях имеются краткие объяснения. Вероятно, число такого рода записок было большое, но печатались они в малом количестве оттисков. К числу таких тетрадей относятся и упоминаемые ниже в тексте мнения Победоносцева и Зарудного.

² Мне пришлось видеть только один экземпляр этой записки (на 31 с.), хранящийся в Публичной библиотеке.

к жизни. Исходя из этого, Победоносцев переходит к критике предложения «некоторых», т. е., вероятно, авторов самого первоначального проекта «Основных положений»¹, которые намечали две формы процесса: общую для всех дел – письменную и сокращенную, для дел, требующих скорого производства, – словесную.

Как отметил Победоносцев, общий порядок проекта действительно был проникнут письменностью, ибо весь материал, которым располагает суд при постановлении решения, состоит из письменных объяснений сторон и письменных сношений суда со сторонами. На основании этого материала составляется доклад одного из членов суда (причем тяжущиеся допускаются к проверке доклада и к словесным объяснениям), а докладом руководствуется суд при составлении решения. Такая постановка мотивировалась невозможностью требовать личной явки тяжущихся ввиду трудностей сообщений и отсутствием адвокатов и рассматривалась как мера переходная. От нее Победоносцев не ожидал никакой пользы, ибо новый процесс лишь незначительно отличался бы от прежнего, главные пружины производства и решения оставались бы в руках судебных чиновников, а заседание суда обратилось бы в пустую формальность. Поэтому, в виде корректива, для некоторых дел как исключение вводилось по проекту производство сокращенное, из которого письменность совершенно изгонялась, в котором сроки сокращались

¹ Победоносцев имел в виду проект, который был напечатан в «Записке Государственной канцелярии об основных началах судопроизводства и судоустройства гражданского и уголовного», с. 87 и след. В этом проекте сгруппированы те главные начала, которые были приняты II Отделением и соединенными департаментами Госуд. Совета для изменения судопроизводства гражданского. Он составляет как бы итог работе по обсуждению проектов гр. Блудова, т. е. первой эпохи работ по судебному преобразованию. Напечатанная в указанной записке сводка положений несомненно была изготовлена раньше самой записки, которая была разослана 22 января 1862 г. Высказанное здесь предположение, что Победоносцев критиковал именно этот проект, т. е. свод положений, извлеченных из рассмотренного уже Государственным Советом материала, доказывается тем, что описания общего и сокращенного порядков, в записке Победоносцева помещенные на с. 5 и 10, совпадают, иногда даже буквально, с положениями, напечатанными в указанной Записке Госуд. канцелярии на с. 92–94 и 105–107. Эти положения в существенных чертах отличаются от позднейших «Основных положений», обнародованных в 1862 г., т. е. тех, которые действительно лежат в основе судебных уставов.

до крайних пределов и все сводилось к одному судоговорению. Между тем к разряду дел, подлежащих этому порядку, относились процессы иногда очень сложные, а именно все иски личные по обязательствам и о движимости, в которых возникают запутанные вопросы, (напр., об убытках). Усмотрению суда предоставлялось обращать тяжущихся к письменной форме, т. е. к другой крайности. Победоносцев опасался, что к такой передаче охотно будут прибегать судьи ленивые, равнодушные и неопытные и что сокращенный порядок постигнет судьба так называемого суда по форме 1723 г.

Таким образом, в общем порядке преобладало «приготовление» дела, а в сокращенном – состязание сторон без всякой подготовки суда; этот последний порядок мог быть пригоден только в делах очень простых. Со своей стороны, Победоносцев предлагал следующие «соображения». Суд должен быть словесный, ибо только словесное состязание ставит «дело в суде на чистоту», только оно способно уничтожить медленность; но необходимо предварительное приготовление суда, и оно должно составить письменную часть процесса. «При составлении приговора суд должен иметь в виду основные факты его и предметы, утвержденные на письме, а не на словах только указанные», ибо слово есть лучшее средство для разъяснения дела. Но письменное объяснение «ни в каком случае не есть суд», суд производится посредством словесного состязания, и именно в живой речи, не в чтении записок. Такая система принята во многих романских и германских законодательствах, она возможна и у нас, несмотря на наши расстояния, ибо в очень скором времени число стряпчих при судах умножится, а с этим отпадут и все неудобства. Установив эти общие принципы, Победоносцев замечает детальный конспект организации процесса: письменное исковое прошение, явка ответчика в срок («термин»), указанный в законе второй срок (по назначению председателя) для взаимной передачи документов и объяснений. Сношения тяжущихся происходят при судебном месте; возражение ответчика истцу не пересылается, он может обозревать его

в канцелярии, стороны могут обмениваться объяснениями в течение всего срока до дня заседания. К этому дню должен ознакомиться с делом председатель или особо назначенный член суда. При неявке обеих сторон дело вычеркивается из очереди; при неявке истца производство объявляется ничтожным, при неявке ответчика – дело откладывается на неделю, а потом слушается по объяснениям истца, и постановляется заочное решение. Доклада дела нет; стороны могут приводить всякие возражения и доказательства, но если противник на них не в состоянии тотчас дать ответ, то дело откладывается. Частные просьбы, не относящиеся к существу дела и требующие немедленного и отдельного разрешения, рассматриваются в особом заседании, прочие же рассматриваются в связи с делом. По окончании объяснений сторон председатель или член суда, которому поручено дело, докладывает вкратце его содержание и объяснения сторон. Затем суд приступает к суждению о деле; оно не всегда должно закончиться решительным определением: суд может уважить отвод (в последующих заседаниях отводы не допускаются) или может постановить о допущении новых письменных объяснений или о представлении и проверке доказательств; сам суд «в определенных случаях» может или призвать экспертов или свидетелей, назначить осмолтр, или установить особым определением, что доказано.

Суд по своему усмотрению может направлять сложные дела к письменному производству; тогда все объяснения сторон пересылаются другой, а в заседании стороны могут говорить, но только по одному разу; при постановлении решения принимаются в соображение только письменные объяснения.

В апелляционную инстанцию пересылается все производство по делу (т. е. и письменные объяснения); сторонам предоставляется явиться лично или через поверенных, и они допускаются к объяснениям, а затем говорит член-докладчик. Новые требования или доказательства не допускаются, разве бы оказалось, что доказательства не могли быть представлены раньше.

Такое производство, как оговаривается Победоносцев, еще не совершенно и достигнет полного развития только когда при судах окажется достаточное количество стряпчих, но оно поставит судью в необходимость следить за делом, даст возможность способным людям выдвинуться, усилить спрос на них, устранить медленность и упростит обрядности.

В конце Записки Победоносцев останавливается на двух частных вопросах: о восстановлении пропущенных сроков и о присяге свидетелей; разбираемый им проект не коснулся этих предметов. Но в проекте были еще другие частные пропуски, и характерно, что внимание Победоносцева было привлечено именно этими пробелами. Как опытный практик и человек, знакомый со всеми складками дореформенного процесса, Победоносцев отлично понимал необходимость точной нормировки такой, на первый взгляд, второстепенной материи, как сроки, а вопрос о присяге был очень близок ему ввиду его интереса ко всему, связанному с религиозными и духовными вопросами.

Предложение Победоносцева, насколько можно судить по «Основным положениям» 1862 г. в комиссии, выработавшей «Положения», успеха не имело. В положениях оба порядка производства, общий и сокращенный, описаны кратко, но в ином виде, чем предложенные Победоносцевым¹.

Однако с вопросом о соотношении устности и письменности составителям уставов пришлось встретиться еще раз при детальной разработке проекта, согласно указаниям «Основных положений» и критическим замечаниям, высказанным по их опубликовании, и Победоносцеву представился новый случай подробнее развить свои мысли.

¹ Так, напр., по ст. 18 Положений в общем порядке предполагаются как письменное приготовление процесса, так и словесное состязание, а по ст. 59 заседание начинается с доклада члена суда, который, очевидно, знакомит суд с делом по этим подготовительным бумагам, ибо словесное состязание следует за докладом; к словесным объяснениям допускается и одна из сторон, если она явилась (ст. 60). Письменный порядок, предложенный Победоносцевым, неизвестен основным положениям, а в сокращенном допущен обмен состязательными бумагами и т. д.

С этой целью Победоносцевым был составлен проект 61 статьи, соответствующий – по предмету – ст. 276–339 устава (в редакции 1864 г.), т. е. касающихся порядка вызова к суду, начала судебного производства, а также письменных и устных объяснений тяжущихся. Предлагаемое им построение процесса в деталях несколько отличается от его первоначального наброска, так как некоторые частности были предпрешены «Основными положениями», например, доклад дела по этому проекту относится не к концу, а к началу заседания. Однако намеченное Победоносцевым уже в более ранней записке разграничение устного и письменного элемента в общем сохранено на прежних основаниях: письменные объяснения имеют чисто подготовительное значение, при словесном состязании стороны могут дополнять их, приводя «новые обстоятельства и доводы, не помещенные в поданных ими в суд бумагах» (не изменяя, разумеется, самих требований), причем в этом случае могут быть даваемы отсрочки; что же касается дальнейшей процедуры, то порядок ее определяется судом в первом заседании в зависимости от сложности дела: более простые дела могут быть разрешаемы тотчас же, а сложные обращаются судом *ex officio* или по просьбе тяжущихся к письменному производству. При письменном производстве основанием суждения и решения принимаются только бумаги, в словесных объяснениях стороны могут лишь исправлять ошибки докладчика и делать пояснения, но не могут приводить новых доказательств. Однако, проводя последовательно и до конца принцип письменности для такого особого порядка, Победоносцев не сделал того же самого в применении к общей словесной форме суда: в его проекте нет статьи, которая предписывала бы суду в этих случаях руководствоваться единственно устными объяснениями сторон. Даже напротив того, доклад «существа» дела, с которого начинается заседание и который, очевидно, по мысли автора проекта, не должен являться церемонией совсем бесполезной, может быть основан только на письменных объяснениях. Таким образом, письменная и словесная части производства

по этому проекту представляются равноправными¹. В этом отношении Победоносцев определенно уклонялся от ганноверского образца², которому он вообще охотно следовал и которым восхищался. Большинство гражданского отделения комиссии (19 членов) оказалось гораздо более радикальным: несмотря на очень обстоятельные возражения, сторонники большинства настояли на полном преобладании словесного элемента как в общем, так и в сокращенном порядках. Согласно ст. 177 окончательного проекта II книги устава, «при постановлении решения суд основывается исключительно на словесных объяснениях тяжущихся. Обстоятельства, изложенные в... бумагах, и приложенные к ним документы принимаются судом в соображение не иначе, как по ссылке одной из сторон». Но и меньшинство членов комиссии не присоединилось к Победоносцеву. Зарудный и его сторонники (всего 14 членов, в их числе Ровинский и Даневский) стояли за преобладание письменности³. По их проекту (ст. 26, объяснит. зап., ч. I, с. 212), в устных объяснениях сторонам воспрещалось приводить такие доказательства, о коих они ничего не сказали в поданных в суд состязательных бумагах; сторонам разрешалось отказаться вперед от словесных прений (ст. 19).

¹ О том, в каких случаях постановляется заочное решение, в этой части проекта ничего не сказано, а соответствующей другой части мне не пришлось видеть, да может быть, она и вовсе не была им составлена.

² См. статью Книрима «О ганноверском гражданском судопроизводстве» (Журнал Мин. юстиции, 1862 г., кн. 2, с. 555).

³ Следует отметить, что некоторые соображения меньшинства комиссии, приведенные в объяснительной записке, дословно заимствованы из указанной выше записки Победоносцева 1861 г. В обсуждении разногласий общим собранием комиссии он не принимал личного участия, и сообразно с этим его имя не упоминается ни в числе большинства, ни в числе меньшинства членов. Мнение меньшинства было изложено Зарудным в двух подробных выписках: «Проекте новой редакции статей 181–176, 548–550 проекта гражданского судопроизводства № 2, с объяснениями С. Зарудного, 84 с.» (помечена 31 мая 1863 г.) и в «Изысканиях о значении письменной инструкции дела в гражданском судопроизводстве на основании учений иностранных юристов» (составлены С. Зарудным в дополнение к объяснениям его к проекту новой редакции ст. 131 и 176 проекта Гражд. судопроизводства, № 2, 11 с.). Эти рассуждения в сокращенном виде включены в объяснительную записку к проекту устава в качестве мнения 14 членов.

Устное состязание сводилось, в сущности, к простым изустным объяснениям сказанного уже в бумагах, и противники этого проекта не без основания указывали на то, что новый процесс в такой постановке весьма немногим будет отличаться от прежнего.

Соединенные департаменты не приняли в чистом виде ни мнения большинства, ни мнения меньшинства, а ввели новую статью (331 по уставу редакции 1864 г.) и произвели коренное изменение в ст. 177 проекта, соответствующей по предмету, но не по содержанию ст. 339 (по редакции 1864 г.)¹. Таким образом, была создана система равноправия устности и письменности, система самобытная в том смысле, что она не соответствовала ни одному из тех иностранных образцов, которые были в виду у составителей проектов. И если подыскивать ей некоторый прообраз, то ближе всего его можно найти в проекте Победоносцева, в котором также воплощено среднее сочетание письменности и устности при условии, конечно, правильности высказанного выше предположения, что умолчание в этом проекте об обязанности суда руководствоваться только словесными объяснениями не есть случай-

¹ Журнал соед. департ. по проекту устава гражд. суд. 1864 г., с. 26, 27. В настоящем очерке нельзя остановиться на более подробном разборе истории этих частей проекта устава; в пользу обоих мнений были выдвигаемы как аргументы принципиального характера, освещающие значения письменности и устности в гражданском процессе, так и соображения, основанные на тех условиях, в которых находилось отправление правосудия в то время (отсутствие адвокатов, затруднительность личной явки сторон ввиду плохих путей сообщения и др.). См. объяснительную записку к проекту уст. гражд. суд., с. 184 и след. В издании судебных уставов Государственной канцелярии эти части записки очень сокращены; по этим выдержкам нельзя судить ни о характере спора, ни о его значении для предварительной работы. О влиянии иностранных образцов на проект, выработанный различными группами членов комиссии, имеется обширная статья А. К. Рихтера: «О системе гражданского судопроизводства до устава 1864 г.» (Жур. Мин. юстиции, 1909 г., № 8 и 9). Однако в этой статье, как мне кажется, недостаточно выяснены исходные точки зрения представителей различных течений. Иностранные образцы, конечно, сильно влияли на проекты, но следует иметь в виду, что не они в конце концов решили дело. Зарудный отлично представлял себе ту обстановку, в которой приходилось осуществлять уставы, и был знаком со старым процессом в более, чем достаточной степени, для того чтобы судить, что пригодно и что нет. Сражались теоретическими аргументами, а имели в виду реальные потребности. Впрочем, повторяю, этот вопрос в кратких словах нельзя исчерпать, и я предполагаю к нему вернуться.

ный пробел. Этого пункта, вокруг которого вращался весь спор, Победоносцев не мог не заметить и, если он прямо не выразил своего взгляда в статьях проекта, то это не потому, что он не умел этого сделать или просто определенного мнения не имел, а потому, что путем такого умолчания он желал открыть простор для будущей практики, для дальнейшего естественного развития устава. Технически такое решение вопроса, если согласиться с предлагаемыми объяснениями, весьма несовершенно, ибо оно могло бы привести к разногласию по такому предмету, который непременно должен быть разрешен в законе, но если брать проект Победоносцева как составную часть работы, как один из набросков, то следует признать, что он подсказал такое решение вопроса, которое привело к созданию системы, по мнению авторитетных знатоков, наиболее целесообразной¹.

III

Обратимся ко второму из указанных выше вопросов принципиального значения, на разрешение которого Победоносцев имел еще более непосредственное влияние, а именно к размежеванию судебной и административной властей в области гражданского правосудия. Начало обособления властей было положено в основу судебной реформы; с него начинаются суждения Государственного Совета по поводу «Основных положений», в «Положениях» оно постановлено на первом месте. Провозгласить это начало в его теоретической отвлеченности не трудно, но было гораздо труднее осуществить его, т. е. провести через все части уставов.

Эта задача, пожалуй, была еще труднее, чем создание на будущее время новых процессуальных порядков, ибо эти порядки можно было строить по совершенно новым планам, учитывая лишь их практическую

¹ *Васьковский Б. В.* Курс гражданского процесса. Т. I. С. 448. При издании закона 2 июня 1914 г. об его изменении вопрос не поднимался.

пригодность и соответствие, с одной стороны, ожиданиям общества, а с другой стороны – разумным его привычкам. Между тем при размежевании властей приходилось считаться с существующей уже не первый день системой законодательства и бережно отделить суд от прочих атрибутов прежней администрации, не обижая при этом ни суд, ни администрацию. Лишние шаги в этом направлении могли привести к опасным столкновениям преобразованного судебного строя с администрацией, исход которых в лучшем случае представлялся гадательным. Словом сказать, при разработке тех частей уставов, которые имели отношение к размежеванию властей, составителям уставов надлежало проявить сугубую осторожность и не слишком увлекаться последовательностью отвлеченной идеи, какой бы заманчивой она ни представлялась.

Для разграничения властей в области гражданского судопроизводства было необходимо установить конкретные правила, определяющие: 1) ведомство судов; 2) порядок разрешения пререканий, возникающих на этой почве и 3) порядок рассмотрения исков, возникающих из действий должностных лиц административного ведомства. Над разрешением всех этих вопросов потрудился и Победоносцев, и плоды этих его работ нашли выражение в законе. Действующий текст устава в основных чертах воспроизводит те предложения, которые он выставил или поддерживал.

С вопросом о ведомстве судов – ст. 1 устава – комиссия по ходу своих работ встретила при обсуждении состава того органа, который должен разрешать споры о столкновениях властей, т. е. «пререкания между судебными и правительственными установлениями» (ст. 237–244)¹. Большинство членов комиссии (21) стояло на точке зрения от-

¹ Следует напомнить, что в окончательном проекте устава, поступившем на обсуждение Государственного Совета, отсутствовали «общие положения», т. е. нынешние ст. 1–28 устава. Эти общие правила были выделены и отнесены к началу устава уже по обсуждению проекта в соединенных департаментах (ср. судебные уставы в издании Государственной канцелярии, ч. 1, с. 14). Нынешняя ст. 1 соответствовала в проекте ст. 69 (но изложенной в другой редакции, о чем см. ниже), а ст. 237–244 – статьям 70–86 проекта. В приведенном издании Государственной канцелярии под ст. 244 помещены выдержки из мнений 8 членов (меньшинства) комиссии...

влеченной последовательности; по их мнению, вопрос о подсудности или неподсудности дела судебным установлениям должен разрешаться единственно этими же установлениями. Нет надобности образовывать для рассмотрения их какое-либо смешанное присутствие. Все дело заключается в «определении смысла закона», для этого необходимы юристы, а представители администрации этому требованию не всегда удовлетворяют. Кроме того, представители администрации в делах такого рода нередко будут лично заинтересованы, ибо пререкания будут большей частью касаться действий административных лиц, а никто не должен быть судьей в своем собственном деле. Сообразно с этим и ведомство гражданских судов описывалось в проекте большинства так: «всякий спор о праве гражданском подлежит рассмотрению и разрешению судебных мест, кроме случаев, положительно в законе указанных». Все, что не подходит под это определение, не подлежит судебным местам.

Задача суда — охранение гражданских прав от всякого нарушения, и коль скоро администрация вышла из пределов закона и нарушила гражданские права частных лиц, то этим последним должна быть предоставлена возможность обратиться к суду. Суд не входит в рассмотрение того, хороши ли, удобны ли меры, принимаемые администрацией, — он решает только вопрос о правах администрации. Такая постановка, как отмечали сторонники этого взгляда, не означает подчинения администрации судебной власти, ибо каждая остается самостоятельной в своей области.

Против этого рассуждения трудно что-либо возразить, если иметь в виду ортодоксальное учение о разделении властей.

Но последовательное осуществление его на практике при всяких условиях нелегкое дело, в особенности же оно было чревато столкновениями при условиях того государственного строя, который существовал в 1860-х годах, и при тех привычках, которые тогда господствовали в административных кругах.

Против проекта большинства возражали всего 8 членов комиссии, в их числе Победоносцев и Зарудный. Высказанные ими возражения пространно изложены в издании судебных уставов, сделанном Государственной канцелярией (ч. 1, с. 127–134), и поэтому нет надобности останавливаться на подробном их пересказе.

Если прочесть их со вниманием, то нетрудно убедиться, что они дают очень немного для уяснения текста нынешней ст. 1. Из них можно извлечь только одно положение, а именно, что редакторы ее отказались от попытки найти «внутреннее начало разграничения» властей. «Ни один законодатель не мог еще до сих пор, да едва ли когда в состоянии будет провести верную руководящую черту между делами суда и администрацией»... «Между делами чисто и бесспорно государственными есть пограничное место, и в этих-то делах ведомство юстиции сталкивается с ведомством администрации»... Ввиду отсутствия такого внутреннего критерия сторонники мнения меньшинства считали необходимым подчеркнуть в законе хотя бы внешний признак разграничения властей, проявив в 1 статье устава как бы намек на ту область, которой суд не должен касаться. Этот внешний признак они усматривали в том, «какие требования законодательство признает бесспорными, не допускающими состязательных возражений, и какие не признает». Когда государство осуществляет требования бесспорные, оно выступает как власть, его требование имеет характер предписания, и возражения против него – возражения не против права, а против действия того органа власти, которым было предъявлено требование; это жалоба по начальству, а не состязание между двумя лицами. Поэтому-то меньшинство и предлагало дополнить общее правило статьи о подведомственности судам всех споров о праве гражданском указанием на бесспорные требования, которые должны относиться к ведомству администрации. Нетрудно убедиться, что для практического разграничения этих двух ведомств такое дополнение в сущности дает немного: прежде всего, вопрос им не ис-

черпывается и далее, если ясно, что данное требование государства относится к разряду бесспорных, то вопрос о подведомственности его суду отпадает, а в случае сомнения, пререкание остается во всей силе. Такой вывод можно было бы сделать и из редакции, предложенной большинством: разрешение вопроса о пределах ведомства и в том и в другом случае зависит от квалификации спорного права. Но здесь важно отметить, что сторонники меньшинства стремились в новом процессуальном кодексе по возможности закрепить за администрацией ту область, которая, вне всякого сомнения, ей должна принадлежать и на которую суд и не должен посягать. Обе власти названы в статье той редакции, которую предлагало меньшинство, и этим как бы подчеркнуто равноправие каждой в своей области, а по редакции большинства как бы выходило, что суд – полный хозяин в деле определения того, что относится к его ведомству и что в пользу передачи ему, суду, всей туманной области гражданских прав в новом уставе устанавливается особая презумпция. Это положение, не вполне определительно выраженное в тех частях рассуждения меньшинства, которые непосредственно касаются ст. 1 (по нумерации проекта – 69), подтверждаются дальнейшими соображениями о составе присутствия, разбирающего споры о пререканиях. Если, по утверждению восьми членов, вопрос о разграничении властей в России можно разрешить только в принципе и нельзя разрешить его в подробностях, то «необходимо предоставить разрешение этих вопросов России, которая все знает, что ей надо знать»¹; надлежит только наладить постепенное разрешение их в таком порядке, который обеспечивал бы мирное сосуществование властей. А отсюда естественный вывод – образовать смешанную коллегию, допустить в состав присутствия, рассматривающего пререкания, представителей администрации. Нельзя предоставить разрешение таких пререканий

¹ Эти слова объясн. записки (1 часть, с. 160) в издании Государственной канцелярии выпущены.

исключительно администрации или исключительно суду, ибо тогда обострится неизбежный антагонизм между властями, и по поводу правосудия возникнет борьба партий, а если администрацию в этой коллегии совсем лишить голоса, то она будет иметь повод обвинять суд в пристрастии, будет ему противодействовать, и «спрашивается, может ли быть от этого благоприятный результат для самой юстиции, если мы захотим во что бы то ни стало поставить ее на господствующее место. Всякое господство стремится к насилию, а насилием всякая власть губит себя, в том числе и судебная» (объясн. зап., I часть, с. 158, 159).

А между тем при всем уважении к суду «нельзя не сознаться в том, что все администраторы в сущности влиятельнее чинов судебного ведомства»; «...какими бы путями ни старались законодатели поставить судебную власть выше административной, всегда преимущество на деле останется за администраторами» (там же, с. 161). Вот в этих словах и выражается основной взгляд сторонников разбираемого здесь мнения: они боялись того, чтобы ортодоксальная последовательность в будущем не погубила тот судебный строй, над созданием которого они трудились; не закрывая глаз на свой оппортунизм, вызываемый реальными условиями действительности, они пытались направить дальнейшее совместное существование обособленных властей по такому руслу, в котором обе могли бы уместиться, не поглощая одна другую, – исход возможной борьбы для них был ясен. Поэтому, предлагая свой проект (воспроизведенный в ст. 1 и 242 устава по редакции 1864 г.)¹, они

¹ Государственный Совет (см. Журнал соед. деп. 1864 г., с. 20, п. 21) согласился с мнением меньшинства и внес лишь некоторое изменение в состав смешанного присутствия: по проекту меньшинства для разрешения пререканий составляется в палате общее собрание, для участия в коем приглашаются начальник губернии, вице-губернатор и, в потребных случаях, начальник того управления, до коего пререкание относится, т. е. этим составом обеспечивалось преобладание юристов, а по проекту соединенных департаментов (и по ст. 244), чины судебного и административного ведомства приглашаются в равном числе, а окончательное решение этих споров о подсудности передается общему собранию первого и кассационного департаментов.

находили, «что эти правила примиряют настоящее с будущим, красоте безусловного начала с необходимыми оттенками, налагаемыми на него жизнью общества; результат науки с практическими условиями данной местности»¹.

Словом сказать, Победоносцев, Зарудный и прочие сторонники разбираемого мнения за отвлеченной «администрацией» видели вполне реальных «администраторов», предчувствовали, что преобразованному судебному строю грозят многие опасности от столкновений между опытной административной и юной судебной властями, и старались, по возможности, даже в мирной и деловой области гражданского процесса поставить дело так, чтобы столкновения протекали по возможности безболезненно. Против соображений, выставленных ими в мотивах к проекту, можно привести очень много возражений принципиального характера, и с этой точки зрения их не трудно осуждать². Однако, поскольку дело идет о законодательном, т. е. практическом разрешении вопроса, при оценке постановки этого дела в уставе надлежит обращать внимание не только на отвлеченные аргументы, но оглянуться и на историю нового судебного строя в истекшие 50 лет, и эта история докажет, что в своих предположениях о том, кто сильнее, суд или администрация, сторонники этого взгляда не ошиблись³.

В имевшихся в моем распоряжении материалах я не нашел прямого доказательства тому, чтобы разобранные выше соображения были написаны Победоносцевым. Но он высказался за них (объясн. зап., ч. I, с. 151) почти наверное, судя по некоторым оборотам речи, встречающимся в объяснениях меньшинства, был причастен к их изложению и, весьма вероятно, был их вдохновителем. Такое предположение делается особенно правдоподобным, если принять во внимание, что им напи-

¹ Эти слова объясн. записки, часть 1, с. 163, выпущены в изд. Государственной канцелярии.

² См., напр., В. М. Гессена в сборнике «Судебная реформа». Т. I. С. 12 (Москва, 1915).

³ По проекту комиссии, для пересмотра законоположений по судебной части (объяснительная записка к проекту уст. гражд. суд. Спб., 1900. С. 92–95) предполагалось оставить в силе прежний порядок.

саны подробные – на 15 страницах – объяснения к проекту, стоящему в близкой внутренней связи с только что рассмотренным, а именно «о жалобах на действия должностных лиц административного ведомства»¹. Эти рассуждения изложены с очень незначительными изменениями в объяснительной записке к книге VI и VII устава² в качестве соображений меньшинства (17 членов комиссии против 19). Следует отметить, что Победоносцев не был в числе присутствовавших при обсуждении в комиссии этой части проекта, и поэтому его имя не упоминается в перечне голосовавших в меньшинстве.

Обширные выдержки из этих рассуждений почти полностью воспроизведены в издании Государственной канцелярии (ч. 1, с. 627–632), и, следовательно, нет оснований их подробно пересказывать. В отношении ясности и определенности формулировок эти рассуждения нельзя признать образцовыми, но одна мысль проводится в них последовательно и определенно, а именно уже разобранный выше, о том, что суд не должен господствовать над администрацией. Доказывается она тем, что администрация имеет свое отправление, так же, как и судебное, основанное на законе, что нельзя делать суд единственным истолкователем этого закона, что администрации должна быть предоставлена

¹ Эти соображения изложены в записке, озаглавленной: «О жалобах на действия должностных лиц административного ведомства. Исследования К. Победоносцева», 15 с., в лист, отпечатанных тем же шрифтом, как и объяснительная записка к уставу гражданского судопроизводства. Экземпляр этой записки имеется в Публичной библиотеке.

² Необходимо оговорить, что имеются две редакции объяснительной записки к проекту книги VI – одна гражданского отделения комиссии, помеченная 2 февраля 1864 г., и другая, окончательная, общего собрания комиссии, заседавшего 25 февраля и 3 марта 1864 г.; имя Победоносцева не упоминается ни в одной из них. В гражданском отделении семь членов предлагали проект правил, основной принцип которых трудно формулировать с полной ясностью; суду, с одной стороны, напр., предоставлялось право приостанавливать обжалованное частным лицом распоряжение административной власти, а с другой стороны, предъявление иска к должностному лицу административного ведомства обуславливалось судебным решением о том, что распоряжение административного лица действительно нарушило права истца. Это мнение было отвергнуто большинством в 14 голосов, в числе которых был голос Зарудного; в общем собрании комиссии, напротив, Зарудный был в меньшинстве.

свобода действий, усмотрение, процесс которого суд не в состоянии контролировать, что у нас в России ввиду особой экономии нашей жизни (обширных пространств, отсутствия централизации власти, слабого экономического развития и пр.) администрация в этом отношении должна пользоваться еще большим простором, чем на Западе, принимать на себя инициативу, быть действующей причиной, что органы администрации – звенья одной цепи, и трудно поэтому установить долю ответственности, приходящуюся на каждый из них, и что, следовательно, при наличии всех перечисленных обстоятельств суду очень трудно решить вопрос: «в границах ли своего права действовало должностное лицо относительно интересов частного лица». Такой вопрос, правда, решается и в споре о праве гражданском, «но там решение его просто, ибо всякое право есть мое частное, а здесь право должностного лица есть государственное, не свое и в состав почти каждого права входит значительная доля усмотрения». Таков в общих чертах ход рассуждения, в конечном выводе приводящего к признанию за администрацией права участия в разборе дел, в которых к ответу привлекается ее представитель. Но главное основание, по которому их автор приходит к такому решению, все-таки является уже знакомое опасение: «иначе произойдет антагонизм властей, крайне вредный для государственного порядка, и судебная власть на практике, конечно, увлекаясь сама, не выдержит столкновения с властью административной, и на деле выйдет унижение власти судебной». Этот аргумент, сила которого была понятна многим искренним сторонникам преобразования суда на новых началах, очевидно, и побуждал их ввести в проект постановление о том, что на такого рода иски против должностных лиц частное лицо должно испрашивать у непосредственного начальства привлекаемого признания его действия неправильным (с правом, в случае отказа, обращаться с этой просьбой к высшему начальству и в I департамент Сената). Если начальство признает действия должностного лица неправильными, то частное лицо предъявляет к последнему иск по общим правилам су-

допроизводства, причем судебные места решают предъявленный иск лишь в том отношении, доказал ли истец, что от неправильных действий произошел вред или убытки, и в каком размере. Эти правила в существе своем содержат развитие тезисов, установленных Победоносцевым в указанных выше исследованиях.

Большинство комиссии (19 членов, в том числе Буцковский) предпочло иной порядок: разрешение на предъявление иска должно исходить от судебных же инстанций, палаты или Сената, в зависимости от ранга лица, привлекаемого к ответу (кроме тех случаев, когда должностное лицо уже предано суду за те действия, которыми причинен убыток, или подвергнуто за них административному взысканию), в остальном дело производится по общим правилам устава.

Государственный Совет выработал третий порядок, несогласный ни с проектом большинства, ни с проектом меньшинства. В ст. 1316 устава введено указание на квалификацию тех действий должностных лиц, которые дают право требовать возмещения убытков, испрошение разрешения устранено, а для рассмотрения дел по этого рода искам образованы смешанные присутствия, состоящие из представителей суда и администрации в равном числе. Этим предполагалось достигнуть «совокупного и вполне уравнительного влияния судебной и административной властей».

Постановка имущественной ответственности должностных лиц в нашем законодательстве вообще дает обильный материал для критики, и процессуальная сторона дела также не свободна от упреков. Во-первых, входящие в состав суда должностные лица административного ведомства по своему служебному положению «не обладают необходимой для судьи независимостью, затем они как судьи выступают в качестве экспертов и оценивают с точки зрения администрации допущенную ответчиком неправильность, наконец они являются представителями заинтересованного ведомства». Но благодаря участию администрации в составе суда оказалось возможным разрешить част-

ным лицам предъявлять такого рода иски прямо в суд, и установление такого порядка является одним из крупнейших шагов, которые когда-либо были сделаны нашим законодательством на пути установления законности управления и поднятия авторитета суда¹.

Итак, во всех случаях, когда составителям уставов приходилось задумываться над установлением в области гражданского процесса на будущие времена *modus vivendi* обеих властей, вновь нарождающейся судебной и административной, мы видим Победоносцева в числе тех, кто всячески старался устранить поводы к «антагонизму» властей на почве преобладания власти судебной. Даже более того, Победоносцев был не только сторонником такого течения, но и вдохновителем его; эти части устава сложились под влиянием мыслей, им формулированных, и носят на себе их отпечаток даже и тогда, когда взгляды, им высказанные, не в полном объеме воспроизведены в утвержденном тексте закона. Такое направление деятельности Победоносцева легко изображать как борьбу против светлого начала, как стремление не отдавать суду того, что ему должно принадлежать по праву, как первое проявление тех тенденций, которые впоследствии привели его к противодействию началам нового судебного строя. Но такая картина была бы неверна. Победоносцев искренно стремился поставить новый судебный строй в такие условия, которые обеспечивали бы ему прочность и незыблемость, и ясное представление о предстоящих трудностях, о реальных условиях жизни, определенное желание создать нечто пригодное для родных условий и рассчитанное на самобытную «экономия нашего общества», подсказывали ему необходимость не слишком натягивать струну. При такой постановке его роль в комиссии была менее выгодной и эффектной, чем если бы он проповедовал крайние новшества во что бы то ни стало или даже просто ограни-

¹ *Лазаревский Н. И.* Ответственность за убытки, причиненные должностными лицами. Спб., 1905. С. 518 и 519. В новейшем проекте Министерства юстиции об изменении порядка производства этих дел исправлены некоторые обнаружившиеся на практике недостатки существующего порядка, но в основании своем он остался без перемен.

чивался молчанием. Во всяком случае, нельзя забывать, что имя его почти во всех разногласиях встречается наряду с именем Зарудного, который также отдавал себе ясный отчет в трудностях осуществления реформы и воздерживался от крайностей, не опасаясь упрека в недостаточном либерализме, а приверженность Зарудного основным началам реформы не подлежит сомнению.

IV

Занятия Победоносцева не исчерпываются разработкой этих двух вопросов. Так как весь проект обсуждался в комиссии, то, очевидно, ему пришлось принимать участие в рассмотрении всех, или почти всех, частей устава. Но должно заметить, что он присутствовал не во всех заседаниях комиссии. Из имеющихся у меня тетрадей проекта в редакции, установленной гражданским отделением комиссии, видно, что он присутствовал в заседаниях, посвященных I и III книгам, т. е. в марте, мае и июне 1863 года, а из тех перечней членов комиссии, примыкавших к большинству или меньшинству, которые указываются в объяснительной записке к окончательному проекту, можно заключить, что он принимал участие только в небольшом количестве заседаний общего собрания комиссии. Однако многие предварительные проекты статей различных отделов устава составлены им, хотя и обсуждались в его отсутствии. Эти проекты, подобно работам других редакторов, в комиссии подверглись переделкам и сокращениям, так как, естественно, первоначальный набросок части обширного закона, составляемый без непосредственной связи со всем еще не оконченным проектом, всегда содержит повторения и лишние правила. Поэтому и проекты Победоносцева, даже по таким предметам, которые не вызвали особенных споров, из комиссии вышли в переработанном и отчасти измененном виде.

Из объяснительной записки к проекту устава (часть I, с. 107) видно, что Победоносцев высказывался за разрешение несовершеннолетним

(достигшим 17 лет от роду) предъявлять иски и отвечать по ним без согласия на то попечителей; таковое согласие требовалось лишь для мировых сделок. Это предложение, по существу, вошло в действующий текст закона (ст. 19), хотя против этого мнения (в пользу которого высказалось 13 членов комиссии) возражало большинство – 14 членов, в их числе Зарудный. То же самое следует сказать и про ст. 22, редакция которой, сохраняющая силу и поныне, установлена согласно мнению большинства (20 членов комиссии), в число которых входили Победоносцев и Зарудный. Пункт 1 ст. 246 о том, что неграмотные не могут быть поверенными, изложен согласно мнению большинства (27 членов комиссии), к которому также примыкали Победоносцев и Зарудный.

По предложению меньшинства (шести членов комиссии, в числе которых были Зарудный и Победоносцев), эта же 246 статья дополнена пунктом 6, воспрещающим ученикам, воспитанникам и другим учащимся быть поверенными; хотя против этого предложения высказалось 26 членов комиссии, однако разногласие было разрешено Государственным Советом в пользу мнения меньшинства, причем Совет ввел в предложенное последними общее правило некоторые изъятия. Государственным Советом было принято мнение большинства комиссии (с которым голосовали Победоносцев и Зарудный), высказавшегося за ныне действующую редакцию п. 5 ст. 246. Напротив, не имело успеха предложение меньшинства (14 членов, в их числе Победоносцев и Зарудный) об установлении подробных правил об обязанностях поверенного в случае смерти или болезни доверителя. В действующей ст. 228 воспроизведено мнение большинства членов (20), к которым примыкали Победоносцев и Зарудный; судя по слогу объяснений к этой статье, можно предполагать, что Победоносцев принимал участие в редактировании их. Вместе с Зарудным Победоносцев отстаивал мнение, что назначение сроков на явку в суд в пределах, указанных в законе, должно быть предоставлено усмотрению председателя суда, соображающего при этом с различными обстоятельствами (сложного дела, расстоя-

ния и проч.). Но этот принцип был отвергнут большинством комиссии и Государственным Советом (ср. ст. 299 устава 1864 г.). Возражал Победоносцев как, впрочем, и все остальные члены комиссии против мнения Буцковского, предложившего восстановить в проекте устава формальную теорию доказательства (объясн. зап., ч. I, с. 265). Наконец, имеется в объяснительной записке (ч. I, стр. 302) пространное изложение мнения меньшинства комиссии (14 членов) о присяге тяжущихся на суде. Это мнение изложено если не самим Победоносцевым, то по его запискам; такое предположение подтверждается тем, что в тетради, озаглавленной «Разногласия, последовавшие в гражданском отделении комиссии при обсуждении проекта II книги уст. гражд. суд.», т. е. в тех объяснениях, которые были представлены отделением комиссии в общее ее собрание, имеется очень пространное мнение Победоносцева, в первом лице, где он излагает доказательства в пользу своего взгляда, отчасти воспроизведенного в объяснительной записке к проекту устава. Предложение Победоносцева в основе своей сводилось к расширению числа случаев, когда тяжущимся дозволяется принимать присягу. А именно, кроме случая, предусмотренного ст. 485 устава, по его проекту тяжущимся позволялось «просить суд о разрешении их спора по всем вообще обстоятельствам одного или заменить присягой доказательства по одному предмету, предоставив себе по прочим предметам воспользоваться представленными на суд доказательствами» (ст. 4) и далее, «когда в деле оказывается существенное обстоятельство, к разрешению коего недостаточны представленные тяжущимися доказательства, то одна сторона может предложить другой подтвердить или отвергнуть это обстоятельство под присягой, изъявляя согласие в случае ее отказа присягнуть по тому же обстоятельству». Порядок производства и прочие подробности излагались в 22 статьях. Защищая свой проект и соглашаясь с тем, что назначаемая судом присяга неуместна, Победоносцев доказывал, что в такого рода присяге, какую он проектировал, т. е. в предлагаемой стороной, нет насилия над совестью и что она даже

в меньшей степени противоречит религиозному чувству, чем присяга обязательная, например, свидетелей, известная и нашим прежним законам, и проекту, что средств доказательства у нас вообще меньше, чем в «других обществах», и нельзя отказываться от такого существенного, как присяга, что присягу нельзя сравнивать с «судом Божиим», ордалиями, ибо здесь свидетельствует сам человек, а в ордалиях вовсе не допускается воля человека, свидетельствует сам Бог непосредственно. Далее, истории нашего права «отдача на душу» известна, «а с точки зрения юридической присяга есть такое признание, которому есть полное основание верить», если она не принудительная. Если на практике возникали недоразумения, то только потому, что правила, касающиеся присяги, не были сведены воедино и согласованы между собой; поэтому смешивали различные виды присяги, очистительную, уголовного процесса, с решительной, суда гражданского.

Между тем присяга необходима как средство доказательства, ибо в этом отношении у нас дело обстоит хуже, чем на Западе: «возьмем хоть акты: их надо писать, а много ли у нас грамотных», способных ясно и определенно излагать свои мысли, а поэтому наши письменные доказательства часто вызывают сомнения и недоразумения. Можно, конечно, обращаться к нотариусам, «но где они и много ли их?» «В сфере вотчинных прав стоит спросить, в каком состоянии наше межевание, наши планы; есть ли у нас кадастральные описи имений, есть ли записные поземельные книги; стоит сообразить все естественные и экономические препятствия к устройству всего этого в огромной и пустынной России, и удивлению не останется места». У нас доказывать даже свидетелями труднее, чем на Западе (не говоря уже о том, что свидетелями не все можно доказывать), ибо иной раз трудно, при наших расстояниях, добыть и поставить на суд свидетеля. При разрешении настоящего вопроса можно руководиться иностранными образцами, ибо внутреннее значение присяги, ее нравственная и юридическая природа везде одинаковы, ее можно рассматривать в

связи с местными условиями быта, лишь со стороны практической и технической, а с этой стороны оказывается, «что присяга для нас необходима»¹. Однако мнение Победоносцева не имело успеха ни в комиссии, в которой большинство (17 членов) высказалось против него, ни в Государственном Совете. Суждения большинства, содержащие опровержение мнения Победоносцева, полностью изложены в издании судебных уставов, сделанном Государственной канцелярией (ч. I, с. 248), и поэтому нет основания воспроизводить их здесь.

Этим перечнем исчерпываются (относительно ст. 1 уже сказано выше) «разногласия», которые, как явствует из объяснительной записки, были рассмотрены в комиссии в присутствии Победоносцева, судя по упоминанию его имени в числе голосовавших, но есть другие сведения, по которым можно проследить его работу в предварительных обсуждениях первоначальных проектов. По этим материалам можно установить, что Победоносцевым был составлен проект статей о сроках с небольшими изменениями, вошедшими в закон². Такую же историю имеют и статьи, касающиеся привлечения третьего лица в процесс и вступления его (ст. 653–666). Они были проектированы Победоносцевым, как видно из сохранившейся тетради, озаглавленной «К. Победоносцев. Объяснения к статьям о привлечении к делу третьего лица (проект гражд. судопр. книга 2, ст. 459–479)». В этих объяснениях Победоносцев полемизирует с проектом № 2 и устанавливает те точки зрения, которые в некоторых частях усвоены уставом 1864 г. Следует, впрочем, отметить, что в законе не проводится различия между вотчинной и простой очисткой, на которой настаивал Победоносцев, – в уставе указаны общие правила, единые для всех случаев участия в деле

¹ В «Разногласиях», с. 83, приводится Победоносцевым пример из его практики, где спор действительно легко и правильно мог быть решен присягой до отдельному обстоятельству.

² Имеется тетрадь, озаглавленная: «Редактор К. Победоносцев. О сроках». Экземпляр Публичной библиотеки. Объяснительная записка к проекту (а след., и выдержки из нее, помещенные в издании Государственной канцелярии) близко следует рассуждениям и словам Победоносцева.

третьего лица и не имеется отдельных постановлений, определяющих положение третьего лица, в различных исках. Эти сокращения произведены соединенными департаментами, исключившими из проекта все подробности (Журнал 1864 г., № 44, с. 37)¹. Победоносцевым составлен далее проект правил о дознании через окольных людей, который обсуждался в гражданском отделении комиссии при личном его участии².

Этот проект вошел в устав с незначительными редакционными и другими изменениями, а краткие соображения Победоносцева почти дословно повторены в объяснительной записке (ч. I, с. 278–280) и в издании Государственной канцелярии (ч. I, с. 228 и 232). Первоначальный проект правил об обеспечении исков, составленный Гр. Репинским, был рассмотрен и значительно переделан Победоносцевым³. Проект этот лежал в основании статей устава 1864 года, однако при окончательной обработке он также подвергся различным изменениям, выразившимся в исключении из него подробностей и в некоторых поправках по существу.

Приблизительно то же самое следует сказать о проектах статей: 1) о приостановлении судебного производства, 2) о предварительном исполнении решения и 3) об исполнительном производстве по расчетам об убытках, издержках и доходах⁴. Все они составлены Победо-

¹ Эти исправления в Журнале департаментов немотивированные, даже в точности неописанные, не встретили одобрения Победоносцева, как видно из его слов в «Курсе», указан. том (I), с. 326 (изд. 1892 г.).

² Сохранилась тетрадь (экземпляр которой имеется в Публичной библиотеке под заглавием: «Проект правил о дознании через окольных людей по делам вотчинным (прил. к ст. 199 проекта № 2) с объяснениями К. Победоносцева». Она распадается на три части...

³ Сохранилась тетрадь под заглавием «Редактор К. Победоносцев. Проект правил об обеспечении исков, с объяснениями редактора». 39 с. Из этой работы Победоносцева имеются краткие выдержки в издании Государственной канцелярии (напр., под ст. 613 и 615); некоторые вопросы вызвали разногласия в комиссии; в объяснительную записку соображения Победоносцева вошли в сильно переработанном виде, так как из них устранена критика первоначального проекта.

⁴ Сохранились тетради этих первоначальных проектов с указанием: «Редактор К. Победоносцев». Записка об исполнительном производстве содержит 81 с.

носцевым и положены в основание текста, получившего силу закона, а объяснения его вошли как в объяснительную записку, так и в издание Государственной канцелярии.

Во всех указанных отделах проекта Победоносцеву пришлось произвести едва ли не самую трудную часть работы, ибо надлежало предусмотреть и наметить решения для большого количества разнообразных комбинаций; составление проекта было во много раз труднее его исправления.

Кроме того, в гражданском отделении комиссии Победоносцеву представился случай высказаться по поводу кассационного производства. Он решительно возражал против предложения установить в законе исчерпывающий повод для «пересуда», доказывая, что такой «механизм этого учреждения решительно не применим в России и будет только парализовать действие обыкновенных судов». «Точные правила об этом предмете можно постановить только там, где законодательство достаточно развито и обработано и где на практике утвердились общие начала разумения и применения закона»... «У нас практичнее было бы сказать, что в Сенат подаются жалобы об отмене решений в случае несправедливости, неправильного разумения и применения законов, превышения власти и нарушения существенных форм судопроизводства». Рассуждения Победоносцева убедили большинство членов гражданского отделения и в сильной степени отразилось на редакции ст. 793¹.

В гражданском отделении комиссии и в общем ее собрании имело успех и другое предложение Победоносцева² – о предоставлении касса-

¹ См. тетрадь, озаглавленную: «Разногласия, следовавшие в гражд. отд. комиссии при обсуждении проекта III кв. уст. гражд. суд.» (на последней странице – 40-й – имеется число: 21 июня 1863 г.). Соображения Победоносцева в частях, не касающихся полемики, почти полностью включены в объяснительную записку, ч. I, с. 443–447.

² См. указ. выше тетрадь, с. 27. Иностранные образцы Победоносцева не убеждали – «тамошний законодатель не слепо рассуждает, не увлекается только красотой и стройностью системы, в отвлечении; он знает свои средства и действует», рассчитывая на силы, которыми располагать может. Но то, что он признал лучшим, может быть не пригодно для нас. Победоносцев предвидел большие неудобства от того порядка, который теперь действует. С Победоносцевым голосовал Зарудный.

ционному суду права не только отменять решения, но и постановлять таковые по существу, «когда вследствие нарушения закона требуется только соображение тех же самых обстоятельств для правильного применения к ним закона». Некоторая часть рассуждений Победоносцева включена в объяснительную записку (ч. I, с. 466–467). Но Государственный Совет согласился с мнением меньшинства, отстаивавшего принцип кассации в том его значении, какое усвоено действующим законом (ст. 809). Наконец большое влияние имели замечания Победоносцева на статьи, касающиеся взыскания убытков с судей, прокуроров и пр.; объяснения к ст. 1333, напечатанные в издании Государственной канцелярии, взяты дословно из мнения Победоносцева, но ст. 1836, распространяющая на производство по иску общие правила, не согласна с предложением Победоносцева, который «по нашим условиям» считал более удобным установить особый порядок производства¹.

* * *

Приведенный здесь внушительный перечень вопросов, в разработке которых Победоносцев принимал участие, сам по себе дает достаточное основание утверждать, что присутствие его в составе комиссии не прошло бесследно для результата ее работ. Если обозреть записки и рассуждения по вопросам, имеющим не чисто техническое и второстепенное значение, то можно, как кажется, уловить и те основные требования, которым, по его мнению, должен был удовлетворять новый устав, иначе говоря, те точки зрения, которые руководили мыслями Победоносцева. Требования эти, в коротких словах, сводились к тому, чтобы новый устав дал нечто самобытное, соответствующее особым

¹ См. указ. выше тетрадь, с. 33–40. Есть полное основание предполагать, что действующие правила о том, что в апелляционную инстанцию отсылается все производство по делу окружного суда, – правило, вызвавшее споры в комиссии (см. объясн. зап., ч. I, с. 409–414), было поддерживаемо Победоносцевым, о необходимости такой отсылки он писал уже в первой своей записке 1861 г. Против этого высказалось большинство членов комиссии, но Государственный Совет одобрил мнение меньшинства.

условиям, отличающим «экономии нашего быта» от условий других, западных обществ. Ссылки на эти своеобразные отношения нашей жизни имеются в рассуждениях о ведомстве суда, о пререканиях между властями, о присяге, о кассации и др.

Вероятно, этот аргумент выставлялся и в других спорах, о которых не сохранилось письменного известия. Формулирован он не везде с достаточной полнотой, т. е. если принимать слова Победоносцева в буквальном значении, то не всегда ясно, в чем именно заключаются конкретные условия, вызывающие необходимость в своеобразной постановке того или другого института, и почему они вызывают именно предлагаемую им постановку. Однако напоминание о необходимости считаться с этими условиями не проходило бесследно в комиссии, как видно хотя бы из того, что многие рассуждения Победоносцева были включены в окончательную объяснительную записку, а проекты статей, им составленные, вошли в текст закона. Конечно, все члены комиссии знали, что уставы пишутся для России и что отечественные условия имеют свои особенности, которые необходимо учитывать, однако, может быть, именно постоянная и убежденная проповедь Победоносцева не могла не способствовать сохранению за уставом его оригинальности и независимости от излишнего подражания заграничным образцам, о котором иногда повествуют легкомысленные и поверхностные критики судебной реформы.

Этой мысли Победоносцев остался верен до конца дней своих и в 90-х годах, основываясь на том, что для наших самобытных условий необходимы и самобытные нормы, доказывал, например, что необходимо устранить гражданский суд от дел, касающихся раздельного жительства супругов и детей, от недействительного брака происходящих. Из этих позднейших рассуждений нельзя делать заключений, что «условия быта» представлялись Победоносцеву чем-то совершенным, не имеющим темных сторон, подлежащим сохранению в силе во что бы то ни стало. Но в этот период его жизни эти «условия» приоб-

рели в его глазах значение чего-то незыблемого, с чем законодательство не может вступать в борьбу, какой-то мистической силы, перед которой бессильна всякая реформа, т. е. всякая попытка к усовершенствованию. Этот вывод всегда представлялся Победоносцеву тем более естественным, что несовершенства и слабые стороны всякой такой попытки его критический ум очень тонко подмечал. Поэтому такие рассуждения приводили Победоносцева ПОЧТИ всегда к единственному результату: что все надо оставить по-старому. Но в 60-е годы таких выводов из мысли, совершенно правильной в корне своем, Победоносцев не делал. Он верил в то, что «формы» все-таки могут влиять на жизнь, если и не вдруг, то постепенно, и что благодаря этому и условия быта могут усовершенствоваться, и что нет основания бессильно останавливаться перед чем-то уже сложившимся, хотя бы и под влиянием могущественных причин.

«Экономия нашей жизни», в те времена Победоносцеву известная, служила преимущественно критерием практичности или непригодности той или другой постановки данного института, соответствия его общему духу законодательства и жизни, одним словом, критерием для проверки того, насколько данное предположение может служить к прочному усовершенствованию законодательства. Если в таком значении понимать исходную точку зрения Победоносцева, а для этого, как мне кажется, имеются все данные, то следует признать, что участие его в работах по преобразованию нашего гражданского процесса нельзя оценивать по одному только – хотя бы и значительному – количеству составленных им записок и статей; оно наложило отпечаток на результат работ. А если это так, то тем более оснований воздать Победоносцеву честно за благо теперь, когда недавний юбилей реформы напомнил о ее творцах.

VI. ПОБЕДОНОСЦЕВ КАК ПЕДАГОГ

Игнатий Аралов

ПОБЕДОНОСЦЕВ КАК ПЕДАГОГ

Когда человек покончил свои земные счета, то даже если он был личностью не совсем заурядной, о нем вскоре перестают не только писать, но и говорить. Когда же скончался человек, судьбой ли или своими способностями вознесенный на верх мирской и людской горы, то память его не умирает, а долго живет в благодарной или озлобленной памяти потомства, смотря по тому, с каким обликом в глазах пишущего и мыслящего большинства отошел почивший в иной мир, откуда нет уже возврата ни для обвинения других, ни для оправдания себя. И не только живет память о нем, но и видоизменяется по мере того как утихают кипевшие вокруг него партийные страсти, по мере того как открываются или сопоставляются недостаточно оцененные и взвешенные раньше факты, а другие, известные уже ранее, получают более правильную оценку, и по мере того как становится доступной общему взгляду вся картина жизни, весь пройденный им житейский путь, со всеми подъемами и падениями как вольными, так и невольными.

Такое время наступило уже для К. П. Победоносцева.

Личность, безусловно, крупная, ум, богато одаренный, с сильным характером, с полной уверенностью в правоте своих взглядов, стойкий и непреклонный в своих убеждениях, а потому и суждениях, он

умел быть, когда нужно, настойчивым и решительным, **не давая при-** том никогда поводов к малейшим подозрениям в своекорыстных намерениях и стремлении к власти. Он горячо любил Россию, русский народ и, в частности, детей и желал создать им всем, насколько от него могло зависеть, и благополучие, и довольство, но именно *тем* путем, какой ему, Победоносцеву, представлялся не только лучшим, но и единственным.

В нашу задачу не входит общая характеристика личности К. П. Победоносцева. Сказанное же пусть послужит введением к дальнейшему и пусть даст некоторые пояснения читателю насчет той точки зрения на К. П. Победоносцева как педагога, которая принята нами за отправную.

Не скроем от читателя и того, что мы видели почившего государственного деятеля несколько раз среди учащихся детей. Мы наблюдали, как по-отечески ласково этот на вид сухой и апатичный старец обращался с ученицами из самых скромных слоев общества, или, точнее, народа. Правда, общая атмосфера вокруг бывала хороша, ибо вся обстановка располагала к незлобivosti и искренности, и он в то время отдыхал душой. (Мы говорим об одной церковно-учительской школе.) Но в своей доброте к учащимся, спешащим детям, К. И. Победоносцев был, без всякого сомнения, искренним. Он *радовался радостью* детей, и в старческом взгляде его, на них обращенном, виднелось и живое участие к ним в данную минуту, и опасливое чувство за тернии будущего учительства среди обычных деревенских условий жизни и народной темноты.

Обратимся, однако, к **важнейшим моментам биографии** К. П. Победоносцева; из них само собой выяснится, что и когда именно привело его к авторству и издательству в области педагогики.

Родившийся в 1827 году сын профессора Московского университета по кафедре российской словесности К. И. Победоносцев в 1846 г. оканчивает курс в училище правоведения; с 1846 по 1868 г. с выдаю-

щимся успехом служит в департаментах Сената (тогда еще в Москве) и в центральном управлении Министерства юстиции, причем с 1859 по 1865 г. вместе с тем читает лекции в Московском университете по гражданскому праву и ведет там же практические занятия по гражданскому судопроизводству, а в следующие за 1865-м годы преподает законоведение великим князьям Николаю Александровичу, Александру Александровичу, Владимиру Александровичу, а гораздо позднее и ныне царствующему Государю Императору, и в то же время принимает близкое участие в работах по составлению судебных уставов. В 1868 г. он становится сенатором; в 1872-м, т. е. уже на сорок пятом году жизни, членом Государственного Совета, а 24-го апреля 1880 г. назначается обер-прокурором Святейшего Синода, чтобы пробыть на этом, при нем получившем особенную важность посту свыше двадцати пяти лет – до 19 октября 1905 года.

Таким образом, ученый юрист, автор нескольких солидных курсов и трудов по юриспруденции, оставление которым преподавательской деятельности в Московском университете сопровождалось выражениями сожаления со стороны коллегии профессоров, а затем и избранием его в почетные члены того же университета, К. П. Победоносцев становится во главе ведомства, издавна имевшего в своем ведении довольно большое число средних школ (духовные училища и семинарии) и немалое число высших (духовные академии) и начальных народных училищ.

Не можем не остановить внимания читателя на том обстоятельстве, что обер-прокурором Св<ятейшего> Синода стал К. П. Победоносцев на 54 году от роду, в возрасте, когда взгляды и убеждения человека являются вполне определившимися, и что назначение его на должность обер-прокурора последовало через пятнадцать лет после того, как покинута была сфера университета и университетской науки.

Не здесь высказывать суждения о том, как отразилось исполнение К. П. Победоносцевым в течение четверти века обязанностей

обер-прокурора Св<ятейшего> Синода на разных других сторонах государственной и нравственно-религиозной жизни России, но надо признать, во-первых, что учебно-воспитательная компетенция Православной Церкви и ее духовенства при нем сильно расширилась, так как при его **мощном содействии, как известно, получил большое развитие** у нас особый и до известной степени новый¹ тип начальных народных училищ – *церковноприходские* школы, а во-вторых, что на этом основании можно признавать, хотя бы и с оговорками, его заслуги в деле народного просвещения.

Нельзя сказать, чтобы идея народной начальной школы в связи с приходом, т. е. с церковной единицей, была совершенно новой у нас. Новостью в данном случае являлось лишь полное подчинение школьного дела наблюдению и ведению церковных властей, с таким же полным устранением этих школ от влияния Министерства народного просвещения, хотя раньше взаимодействие этих двух ведомств было даже установлено волей Императора Александра II.

Что касается существовавшего ранее взаимоотношения ведомств – Св<ятейшего> Синода и Министерства народного просвещения – в школьном деле, то считаем уместным напомнить читателям, что Высочайшим повелением 18 января 1862 г. было преподано такое указание: «Учрежденные ныне и впредь учреждаемые духовенством народные училища оставить в заведовании духовенства с тем, чтобы Министерство народного просвещения оказывало содействие преуспеванию их по мере возможности». Следующим же пунктом того же Высочайшего повеления учреждение народных училищ вообще оставлено на обязанности Министерства народного просвещения.

Ставши во главе ведомства православного исповедания, К. П. Победоносцев, далеко не удовлетворявшийся постановкой учебно-воспитательного дела вообще в «министерских» начальных школах,

¹ По уверению г. В. Шемякина (см. «С.-Петербургские ведомости», 1907 г., № 137 от 23 июня), с 1857 по 1864 г. православное приходское духовенство успело открыть свыше 20 000 церковных школ с сотнями тысяч учащихся, но не встретило никакой поддержки в Св. Синоде.

с большим усердием начал проводить в жизнь свою задушевную мысль о придании нашей начальной школе того духа религиозности, какой он считал желательным. И вот стали во множестве учреждаться церковноприходские школы¹, которые и становились до известной степени соперницами народных школ Министерства народного просвещения, так как при учреждении церковноприходских школ вовсе не затруднялись приисканием для того таких пунктов (сел и деревень), где не было еще школ министерских. Пользуясь огромным влиянием в высших сферах и Государственном Совете, Победоносцев без большого труда добивался ассигнования сравнительно крупных сумм на церковные школы, ревниво отгораживаемые от начальных школ Министерства народного просвещения.

Для церковноприходских школ понадобились *свои* учителя и учительницы², свои наблюдатели, своя администрация. Понадобилось дать и руководящие указания насчет наиболее желательного направления дела и приемов преподавания и воспитательного воздействия на детей-питомцев духовных школ. Впрочем, и помимо всего этого, такой деятельный ум, какой был у К. П. Победоносцева, не мог бы оставить втуне, без отражения тот богатый запас данных, который накопился у него за многие годы размышления как по педагогическим вопросам вообще, так и по поводу тех непорядков, какие раскрывались, и тех нападков, какие слышались по адресу школ разных ведомств, а особенно Министерства народного просвещения. Все это вместе взятое и привело к тому, что два последних десятилетия своей жизни К. П. Победоносцев весь свой старческий досуг тратил на составление и издание педагогических книг и брошюр.

¹ По статистическим сведениям 1904 г., по Министерству народного просвещения числилось 44 570 народных школ (начальных, двухклассных, сельских, городских и уездных училищ) с 3 364 892 учащимися; по ведомству православного исповедания в том же году насчитывалось 41 814 школ с 1 842 414 учащимися.

² Для создания своих учителей приступили к организации церковно-учительских (преимущественно женских) школ, из коих более известны Свято-Владимирская в С.-Петербурге и Киевская.

К педагогическим относятся следующие издания¹ К. П. Победоносцева: 1) **Учение и учитель. Педагогические заметки. Книжка первая.** Издание шестое. М., 1904. 2) **То же. Книжка вторая.** Первое издание. М., 1904. 3) **Московский сборник.** 2-е изд. М., 1896 (в 1905 г. вышло 5-е изд.); из статей, помещенных в этой книге, к области педагогики относится всецело шестая статья под заглавием «Народное просвещение» и отчасти седьмая «Герберт Спенсер о народном воспитании». Очень немного можно почерпнуть из статьи восемнадцатой «Из Карлейля» (именно отдел III-й «Воспитание»). Но в высшей степени замечательны по глубине мысли отделы II-й и IV-й, поучительные для всех возрастов. 4) **Новая школа.** М., 1898 (1-е изд.; 2-е вышло в 1899 г.). 5) **«Христианские начала семейной жизни» – соч. Тирша,** издание К. П. Победоносцева, 2-е изд. М., 1901. 6) **«Призвание женщины в школе и обществе».** Издание второе. М., 1901. 7) **«Вопросы жизни».** М., 1904. 8) **«История детской души».** Повесть не для детей. Перевод Е. А. Издание К. П. Победоносцева второе. М., 1898 (в 1902 г. вышло 4-е издание той же книги). Издания обозначены по имевшимся у составителя этой статьи экземплярам, по ним же обозначены и цитаты.

¹ Надо заметить, что К. П. Победоносцев ни на одной из перечисленных здесь ниже книг и брошюр не выставил своего имени как автор; все они только – «издания» его. В авторстве его, впрочем, по крайней мере, в тех из этих изданий, где имя другого автора не обозначено, сомневаться не приходится. Мало того, даже те из этих книжек или отдельных статей в них, где обозначено имя другого автора, потому и изданы, очевидно, К. П. Победоносцевым в переводе на русский язык, что вполне подходили к его взглядам на затронутый в них вопрос. Некоторые при переводе подверглись и более или менее значительной переработке или же им придана такая форма сборников статей, какой они в подлиннике не имели. Во всяком случае, все из области педагогики, изданное К. П. Победоносцевым, замечательно едино и целостно в смысле мировоззрения и настроения. И за границей властный «цензор душ» умел находить себе если не сторонников, то единомышленников, в чем ему оказывали содействие самые близкие к нему лица и между прочим С. А. Рачинский, который был так же предан идее сельской церковноприходской школы, как и переживший его К. П. Победоносцев. Возможно, что распространение в России переводных сочинений известного направления делалось не без цели показать среднему русскому читателю, что и на просвещенном Западе есть лица, исповедующие те же взгляды на народное образование и воспитание, как и тогдашнее ведомство Святейшего Синода у нас.

I

Приступая к обзору педагогических трудов и изданий К. П. Победоносцева, считаем долгом, во-первых, отметить в них то более или менее бесспорно положительное, что является ценным с чисто педагогической точки зрения. Предполагаем¹ мы рассмотреть и те положения, которые по своей политической тенденциозности и, в силу этого, по сомнительной педагогической ценности представляются нам лишь заблуждениями писавшего (или издававшего), объясняется ли это особенностями его миросозерцания или же в некоторых случаях малым знакомством с практикой данного вопроса, так как в начальной и средней школе покойный государственный деятель никогда не преподавал, и потому выражает почти везде свои мысли лишь отвлеченно, даже не обозначая, к какой именно ступени воспитания и обучения в школе применимо то, что он говорит, к начальной или к средней. В заключение же, отметив попутно, какие необходимые стороны воспитания им совершенно не затрагиваются, постараемся высказать общее суждение о значении педагогического наследства К. П. Победоносцева. Оговариваемся, что мы не дерзаем и думать, чтобы в нашей попытке выяснить значение К. П. Победоносцева как педагога нам удалось хоть приблизительно исчерпать этот важный вопрос. А считаем мы его важным потому, что, стоя во главе духовного ведомства, покойный К. П. Победоносцев вполне сознательно и намеренно желал влиять и действительно влиял своими сочинениями и изданиями на умы и сердца многих десятков тысяч и духовенства и учителей как начальной (церковноприходской), так и

¹ Оговариваемся, что в критических, время от времени, замечаниях по поводу неправильных, по нашему убеждению, утверждений и положений автора, мы далеки от мысли вступить в запоздалую полемику с покойным. Как преподаватель и педагог-практик, имеющий за собой свыше 15 лет работы в средней школе, пишущий эти строки не мог оставлять без возражения (в интересах живого школьного дела) то, что по соображениям практики или здоровой методики представлялось ему неприемлемым.

средней (духовной семинарии) и высшей духовной школы (духовные академии), а через них и на миллионы населения.

Надо заметить, что ни с *ведомствами*, ни с *определенными педагогическими системами* К. П. Победоносцев не полемизирует. Своих противников по педагогическим взглядам и приемам он характеризует или безлично, или словом «ученые педагоги», а то и просто «иные». Иногда это выражение «иные» совершенно неопределенно и туманно. Следует отметить и то, что напрасно читатель будет искать в «изданиях» К. П. Победоносцева ссылки на педагогические авторитеты русские или иностранные. Только в «Московском сборнике» встречаются цитаты из Г. Спенсера, Эммерсона, Лилли, Т. Карлейля; русская педагогика игнорируется.

Бесспорно, самостоятельным педагогическим трудом К. П. Победоносцева являются два выпуска книги под заглавием «Учение и учитель»; впрочем, в конце первого выпуска мы находим статью «Воспитание характера в школе», представляющую собой перевод с английского (Barnett. Common senso in education and teaching. London, 1899). Однако, как мы говорили уже ранее, характер и этой очень содержательной переводной статьи, ее мысли вполне совпадают с воззрениями самого издателя и едва ли могли сколько-нибудь существенно повлиять на его педагогические убеждения, так как К. П. Победоносцеву ко времени появления (в оригинале) этой статьи исполнилось уже 72 года – возраст, в котором взгляды обыкновенно сколько-нибудь заметно или резко уже не меняются.

С большой любовью и интересом, невольно передающимся читателю, К. П. Победоносцев выясняет сложившийся у него идеальный образ учителя.

Мы должны предупредить тех наших читателей, которые не пользовались и не знакомы с двумя разбираемыми книжками «Ученье и учителя», что и тот и другой выпуск представляют собой ряд, в большинстве случаев, совершенно разрозненных *заметок*, так

что при передаче их содержания мы поневоле должны были подвергнуть содержащийся в них материал иной, чем там, группировке, для чего понадобилось ориентироваться в этих «заметках», чтобы, разобравшись в них, извлечь оттуда нечто по возможности связанное и цельное.

Итак, учитель, по мнению К. П. Победоносцева, прежде всего должен уметь говорить внятно. Хорош ли у него от природы голос или дурен, но учитель должен управлять им и говорить без многословия спокойно, сдержанно и внятно.

Учить читать – значит учить говорить, почему каждое чтение должно быть упражнением голоса. Если же сам учитель произносит невнятно, грубо или тупо, или монотонно и без смысла, то ему невозможно управлять своим классом и овладевать его вниманием.

В этом условии К. П. Победоносцев видит и первую ступень школьного учения, и первый залог успеха.

С внятностью и ясностью речи находится в связи ясность мысли. К. П. Победоносцев находит, что в школьной педагогике недостаточно еще ценится великая важность произношения и чтения, приобретающих на каждой стадии школьного развития новое значение.

Учитель не должен воображать, что всего важнее метод обучения, и не должен становиться рабом метода; важнее всего в начале – *сознание своего долга* и верность ему. Поэтому он прежде всего сам должен быть аккуратен: вставать рано, тщательно готовиться к уроку и исправлять тетрадки и не утягивать ни минуты из урочного часа. Спокойствие и внимательность учителя передаются классу. Так молодой конь чует неуверенного в себе седока и начинает шалить и брыкаться. Ученые педагоги, по мнению К. П. Победоносцева, не понимают, что каждый класс из 20–40 детей есть живое существо, живущее своею жизнью, имеющее свою душу, и что в эту душу учителю предстоит проникнуть. Они, кажется, думают, что их научные правила дают им в руки универсальное правило сделать что угодно с живым материа-

лом, который дается в руки учителей. Не то выходит на деле, и эта техника сама по себе оказывается мертвящей буквой.

С детьми учитель сам должен быть юн: они это почувствуют. Не должен учитель забывать, сидя в классе перед 30 ребятами, что он в сам когда-то был совершенно таким же.

К. П. Победоносцев советует не «тыкать» безыменно учеников, а называть их по имени: Ваня, Саша, Сеня. Совет, заметим мы, добрый, но далеко не всегда исполнимый.

Он советует учителю быть терпеливым, не ожидать и не требовать всего сразу и от каждого ученика одинаково, а соображать, что он мог сделать в данную минуту при данном своем развитии; «не порти ему радость самосознания, когда видишь, что он старается понять и работает головой».

Кто не согласится с этим хорошим советом! Оглядываясь в прошлое, каждый почти учитель вспомнит случай, когда он был недоволен учеником только потому, что несколько идеализировал степень его развития в *данный* момент и не считал, совершенно неосновательно, его способным на такую-то и такую грубую (с точки зрения *учителя*) ошибку, а тот между тем бился над своей работой во всю силу своего разума и, действительно, еще не мог сделать или решить задачу или написать слово правильно. В таких случаях не только ребенку, но, как мы замечали, еще более подростку или уже юноше – ученику незаслуженно причиняется горькая обида.

Делая свое дело с мыслью, что оно не должно быть бесплодно, и работая с крепкой волей, чтобы ученик подлинно научился, учитель, по совету К. П. Победоносцева, прежде всего сам не должен сомневаться в успехе.

Каждое внушение учителя и наказание должно быть действенно и постепенно. Иногда довольно взгляда, движения. Где довольно одного слова, надо бояться многословия.

Учителю дается важный совет не раздражаться мелочами. Очень метким и жизненным примером подтверждается это правило: если шалун нарисовал фигуру учителя, ее надо спокойно стереть самому или велеть сделать это соседу. Если же учитель рассердится и станет производить следствие, то пример станет заразителен, и найдутся подражатели.

Всякую работу, задачу, которая задается ученикам, учитель должен сам уметь решить и исполнить как можно лучше. «В этом правда, а без правды какое учительство», – справедливо замечает К. П. Победоносцев. На этом же основании учителю, если он ошибся, дается совет сознаться в этом перед учениками, чтобы они верили ему. Мало того, если оказалось затруднение в решении какой-либо задачи для учителя, то он, сознавшись в своем затруднении, хорошо сделает, если заинтересует ею класс и, привлекая к содействию учащихся, они общими усилиями преодолеют трудность. «Авторитет учителя, – читаем мы в статье “Воспитание характера в школе” (I, с. 53), – поколеблен, если ученики замечают, что он сам шарлатанит в уроках. Умный учитель, когда сознает сам, что в решении, например, задачи или в иной работе нет у него твердого умения, пользуется этим случаем для того, чтобы приобщить ученика к уяснению предмета, чтобы вместе с ним найти выход из затруднения: этим оживляется интерес и укрепляется в ученике сознание плодотворности добросовестного труда.

На необходимости со стороны учителя требовать от учеников добросовестного исполнения своих обязанностей К. П. Победоносцев настаивает с особенной энергией. «В словесном упражнении первое дело, чтобы работа была сделана со старанием, как можно лучше, как только способен сделать ученик. Что такое знание? Древние говорили, что добродетель есть знание. Мы скажем, что добросовестность в деле есть знание. В чем главный смысл твоего учительства? В том,

что ты ведешь учеников к возможной полноте работы и тем возбуждаешь в них стремление к совершенству».

Педагогические заметки в книжках «Ученье и учитель» содержат вообще очень много бесспорно здравых мыслей, почти аксиом, которые, несмотря на это, далеко не всеми и не всегда проводятся на практике. Так, например, автор предостерегает учителя от употребления отвлеченных фраз, от нанизывания правила на правило, «так как дорога, вымощенная отвлеченностями, ведет к отупению и отводит от жизни». «Будь естествен, – читаем мы в другом месте, – говорить надобно так, чтобы ясно понимали те, кому говоришь. Итак, когда говоришь, не от себя исходи, не о себе думай, а о тех, кому говоришь».

К. П. Победоносцев сильно восстает *против* употребления *работы* в школе *в виде наказания*, он справедливо считает плохим признаком: «значит, работа мало ценится или сама по себе считается тяжким и скучным делом».

В ученике надо, как и во всяком человеке, отыскивать не одну лишь отрицательную сторону, а прежде всего положительную. Точно так же и при обсуждении ученических работ надо уметь смотреть внутрь, *сквозь ошибки*, чтобы видеть, *к чему* способен ученик, что может дальше в нем вырасти.

Общению учителя с учениками К. П. Победоносцев справедливо придает огромное значение и, постоянно твердя, что учитель должен подавать ученикам пример аккуратности, приветливости и выдержки, он обращает внимание на важность междуурочных и послеурочных часов, проводимых учителем с детьми, правильно отмечая, что «здесь собирается богатый материал для оживления интереса, для возбуждения мысли и воображения, для сообщения понятий и сведений; здесь прямое средство духовного и душевного общения учителя с детьми и залог сердечной и умственной привязанности детей к школе и учителю». Больше всего это соображение применимо и оправдывается в начальной школе, особенно, где есть общежитие.

В средней же школе, в мужских гимназиях и реальных училищах во внеурочное и междуурочное время ученики находятся и до сих пор, к сожалению, главным образом, под присмотром помощников классных наставников. Так как положенное по закону для этой должности жалование настолько скудно, что не дает возможности даже одиноким из них жить без крайних лишений, а семейных и вовсе не обеспечивает, то при крайне низком в силу этого, образовательном цензе помощников классных наставников вообще наблюдения их над учениками проходят почти бесплодно и без пользы для ознакомления с личностями отдельных учеников. Инспектор же на несколько сот учащихся один. Еще менее возможности делать такие наблюдения у директора.

Требования К. П. Победоносцева к учителю, как видно уже и из предыдущего, очень велики. «Учитель, – говорит он, – не есть какая-либо *принадлежность* школы, которая при ней предполагается; это есть самая сущность школы, и без учителя никакая школа *немыслима*; учитель должен быть *создан* для школы». Или в другом месте: «Учитель пусть помнит, что он делает великое дело, которое нельзя делать с *небрежением*». Одни наставления и выговоры, по мнению К. П. Победоносцева, плохо действуют, если ученик не привык видеть в учителе живой образ умения, старания, добросовестности и уважать его. Когда ученик *боится* учителя в нравственном смысле этого слова, один взгляд, одно слово учителя будит ученика, стыдит, ободряет, оживляет, руководствует.

Говоря об учителе как об основе и душе школы, К. П. Победоносцев характеризует и сравнивает типы учителя городского и сельского, выделяя в особую категорию лиц, учительствующих до заката дней своих в глуши.

При взгляде на списки существующих учебных заведений К. П. Победоносцев ужасается массе учителей, какая требуется повсюду, принимая в соображение, что учитель, принадлежащий заве-

дению, сросшийся с ним и живущий одной с ним жизнью, есть редкость «в наше время». В данном случае автор «Учения и учителя» выразился бы правильнее, не приурочивая своего унылого вывода именно к нашему времени, так как и до нас и, надо думать, и после нас истинные учителя, по призванию, были и будут, к сожалению, редким только исключением.

Унылая мысль, что, несмотря на какие угодно расходы на народное образование, на учительские школы и институты, можно все-таки не получить желаемого – настоящего, одушевленного и навсегда привязанного к своему делу учителя, назойливо не покидала покойного К. П. Победоносцева. Главную причину этого он видел в том, что идея учения и воспитания у большинства будто бы не является ни глубокой, ни одушевленной, так как на уме питомцев этих институтов главной целью бывает получить средства для жизни, отчего и на свое призвание и на свое дело они смотрят как на временную стадию к лучшему устройству своего быта. Но нигде почему-то ни одним словом не обмолвился покойный о крайней необходимости, если это так, сделать не только нравственные, но и материальные условия жизни народного учителя более привлекательными, чтобы учительству народному можно было отдавать свои силы без *обязательного* подвижничества, почти мученичества. И в то же самое время о подвижничестве, о тяжелой доле народного учителя мы находим у К. П. Победоносцева упоминания, и не один раз. Не можем не привести двух-трех таких страниц, обрисовывающих только что нами охарактеризованное жалостливое отношение покойного к судьбе захолустного народного учителя во всей ее неприглядности.

«Приятный вид представляет школьное здание, выстроенное где-нибудь в городе или в большом селе на проезжей улице, снабженное партами, учебными пособиями и всеми принадлежностями школы. Вокруг движется жизнь, есть книги, иногда общественные собрания.

Иное дело – школа, притаившаяся где-нибудь в углу, вдалеке от всякой проезжей дороги, иногда вдалеке от жилья, отрезанная от всякого движения, иногда вдалеке от самого погоста или церкви. Увы! Много таких углов в пространной необозримой России; все вокруг пусто: лес, или степь, или болото, или пустынное озеро, – и ничего ниоткуда не достанешь; нет в ином месте ни коровы, ни курицы, и самую воду достают с трудом издалека. Редко кто заедет сюда, и, заехав, спешит скорее уехать в людное место. Однако, когда и здесь кто-нибудь, добрый человек, завел школу в бедной, холодной избушке, и тут завязывается жизнь – и сюда сходятся, почуяв школу, дети по бездорожью, через снег и грязь, когда есть какая-нибудь возможность сюда добраться.

И вот в этих-то углах нередко доводится нечаянно заехавшему путнику находить бьющую ключом школьную жизнь, когда в такую школу попала молодая учительница, которую привлекла сюда любовь к детям, жалость к бедноте и темноте их и горячее желание строить детские души. Тогда около нее собирается целый рой ребят, которых не отгонишь от школы, потому что в ней находят они первые лучи света из тьмы, черпают первые интересы в расцвете духовной жизни, встречают нежную любовь, заботу и ласку. Труд в такой школе есть великий подвиг души, подвиг истощающий, но и питающий душу, подвиг, на который именно женская душа способна. Тут надобно жить в нужде, голоде и холоде, иногда по целым месяцам без горячей пищи, и делить эту жизнь с бедняками, живущими в голоде и в холоде. Почуяв тепло и свет, рвутся туда со всех сторон дети; но как им дойти и из ближнего места, когда у них нет ничего, кроме рубашонки и ветхих лоскутьев, ни платья, ни обуви, а добираться до школы приходится издалека, через снежные сугробы и непогоду в бездорожье. Счастье, когда откуда-нибудь доброе сердце благодетельной рукой пошлет помощь – одеть голых или накормить голодных детей. Когда где-нибудь в глухой дерев-

не заведется в такой школе такая учительница, оживает иногда целая деревня. И днем и вечером убогий домик наполнен; по вечерам вслед за детьми приходят иногда и родители слушать, как читает детям учительница, как начинают петь под ее руководством, а если удастся ей образовать хор для убогой сельской церкви и случится добрый священник, вся церковь **преобразуется**, и **посреди безысходной тоски и пустоты**, в которую погружена зимой деревня, зажигается светоч молитвенного настроения, светоч духовного интереса. Когда человеку, истомленному пустотой и пошлостью городской жизни, пошлостью и пустотой речей, повсюду раздающихся, приходится иногда заглянуть в такие глухие уголки, затерянные посреди лесов и болот в снежных сугробах, и открыть там этих подвижников и подвижниц, печальников народной темноты и бедности, ищущих вывести к свету душу живую, — он готов в умилении воскликнуть: “Господи! утаил Ты сие от премудрых и разумных и открыл младенцам”. Слава Богу! Много закрытых от большого мира глухих углов в России, где живут **своему только миру известные труженики**, ничто же имущие, но многих богатящие — **народные печальники и просветители**, убогие священники, не знатные в консисториях, простые из народа учителя, десятки лет трудящиеся в незнатной школе, ими заведенной, и особенно учительницы, жалостливой женской душой постигшие тайну доброго делания и доброй цели в жизни. Трогательна и поучительна ежедневная, с раннего утра и до позднего вечера, жизнь такой учительницы в кругу детей, которых не отводишь от школы, где они находят свет и тепло, и **материнскую о себе заботу**. Сама живя в нужде, думает она о том, как бы согреть и прикрыть бедноту и нужду детей — и все к ней бегут со своими нуждами, и свои не рубли, а копейки тратит она на покрытие копеечных нужд, выпрашивая у кого можно помощь детям. Кто знает русскую деревню, тот может представить себе положение сельской учительницы. Где-нибудь в месте благоустроенного быта школьное дело устраива-

ется по чину учебных заведений. В известный час дети приходят на уроки, в известный час уходят, учитель свободен, и школа пустеет. Не то в деревне, и еще в глухой и пустынной деревне, какими преисполнена громадная Россия. Здесь дети льнут к школе целый день до вечера, и когда они не в школе, многим ли из них доводится прийти в среду *домашнего* быта, где есть и угол для занятий, и забота отца и матери, и пища в положенное время. Для множества детей школа-то и является домом, который узрели они в первый раз в жизни, и так для них учительница является и матерью, и *кормилицею*, если ей самой есть чем кормиться. А часто и ей самой кормиться нечем и есть едва во что одеться – жилище ее холодное, и надо повсюду просить, чтобы добыть дров, чтобы достать освещение в вечернюю пору.

А вокруг нее нередко бедняки, от коих и достать нельзя, и дети без теплого платья и без обуви, и нередко школа ее отделена от людного жилья дальним пространством и непроходимыми снегами. Скучное ее жалованье приходится ей нередко выжидать месяцами, покуда дойдет оно до нее из отдаленных пунктов школьного управления»¹.

Читатель простит нас, что мы привели эту длинную цитату. Она ярко характеризует и все направление К. П. Победоносцева в педагогике.

Отметим, во-первых, едва ли справедливую, ставшую ходячей фразу о якобы повсеместной и общей пошлости и пустоте городской жизни (вспоминается невольно гр. Л. Толстой), несправедливое, как все огульное, осуждение городских учителей, которым, при дороговизне, тесноте и напряженности городской жизни (особенно в больших центрах) приходится терпеть безвыходную нужду и жить подвижниками и тружениками не менее, чем коллегам их в деревне и селе, где все дешевле и где потребности семьи легче удовлетворяются, так как нет таких ярких перед глазами контрастов и соблазнов. Во-вторых, нельзя не отметить теплого и ласкового отношения к захолустным школьным оазисам часто с женщиной во главе шко-

¹ II кн., с. 42–47.

лы¹. В-третьих, и это главное, если здесь много горестной правды о положении у нас до сих пор и начальных учителей, и учительниц, с одной стороны, то с другой – К. П. Победоносцев как будто совершенно не знает или не помнит о тех трудностях, коими сопровождалось еще очень недавно, во всяком случае во время составления и издания цитируемой книги, и открытие школы, и устройство в ней чтений для взрослых, церемония разрешения которых отбивала охоту устраивать их и обставлять туманными картинами и пением.

Заканчивая обзор педагогических мыслей К. П. Победоносцева об учителе, мы должны упомянуть, что людей, желающих учительствовать с пользой в средней школе, он считает необходимым предварительно проводить через лабораторию и искус действительного учительства в начальной школе, где надо подлинно учить детей, где приобретается, по его словам, *искусство* учить не посредством книжных лекций, но обращением с живыми детьми. Мысль эта, конечно, не лишена основания, но какое, спрашивается, может выработаться искусство учить у лиц, мало знающих вообще и мало подготовлен-

¹ «И счастье, когда найдет она (т. е. учительница) около себя – доброго и усердного священника, жалостливого соседа крестьянина, внимательное начальство. Иначе – ожидает ее тяжкая борьба с невежеством, с равнодушием, иногда с враждой – всех тех, от кого она жаждала помощи и содействия. Какое – не только терпение, но какую любовь и жалость к бедноте в ненасностях надо хранить в душе своей, чтобы выносить месяцы и годы жизни в такой обстановке и в таком напряжении духовной силы. Ведь добрая учительница не с массой детей имеет дело, но она знает каждого особенно, как Ваню, Колю, Сашу, Катю, Машу и пр., и с каждой душой ведается особенно, и каждая несет ей свою особливую природу и свои нужды и заботу. И так немудрено, что, как свеча, которая дает свет, но и сама сгорает, учительница в несколько годов истощается и сгорает. Вот на какое дело могут стремиться многочисленные в наше время женские души, томящиеся в искании себе живого дела и жизненной цели. А в этом деле – сколько тяжкого труда, но я утешительного сознания» (кн. II, с. 47–48). Наши читатели согласятся, что в этих словах много горестной и трогательной правды, которую можно оценить по достоинству, лишь отвлекшись от мысли, каково было общественное положение К. П. Победоносцева, и приняв во внимание, что они написаны явно под впечатлением рассказов знакомых сельских учительниц. Не следует, впрочем, забывать, что книжки «Ученья и учителя» предназначены для учителей и учительниц, и для готовящихся к этой профессии юношей и молодых девушек. А молодость самоотверженна и подкупается искренностью тона и теплотой чувства.

ных еще к своему делу по недостатку, прежде всего, нужных сведений? Между тем во многих местах мы встречаем весьма скептическое у К. П. Победоносцева отношение к специальным учительским школам, где заботятся о сообщении полкам будущих учителей знаний всякого рода по установленным программам и в особенности научных знаний в области педагогики (ср. с. 16, 17, 18, 20, 24 кн. I).

Скептицизм в данном случае нам кажется недостаточно обоснованным, так как и во всем образованном мире учителя подготовляются в специальных учебных заведениях. Если же у нас замечается излишняя теоретичность постановки в них дела, то необходимо ослабить ее за счет усиления практики преподавания в образцовых школах при учительских семинариях и институтах, под руководством опытейших учителей. При такой постановке вопроса вполне приемлемо пожелание К. П. Победоносцева, чтобы в будущем церковные пастыри не считали ниже своего достоинства в годы студенчества и слушания научных курсов воспитывать в себе и душу учительства. Для этого при духовных академиях и при семинариях следовало бы организовать и начальные образцовые школы. Не надо забывать, что большинству священников приходится впоследствии законоучительствовать в начальной и средней школе. Как не согласиться со следующими, полными одушевления, словами: «Дети могли бы вовремя научить их (т. е. кандидатов в проповедники и учителя, поясним мы от себя) искусству ясной, простой, одушевленной речи, понятной и сочувственной тому, в кому она обращается. Дети могли бы отучить их от привычки многословной речи, напичканной звонкими фразами, искусственными выражениями и ложным пафосом, служащим одной лишь маской одушевления». Против пафоса К. П. Победоносцев высказывается и в другом месте I-й кн. «Ученья и учителя» (с. 34). Воодушевление в деле воспитания, по его мнению, – великое дело; но оно не должно переходить в пафос. Особенно желателен, по его мнению, при одушевлении еще и юмор – «соль

всякого одушевления и великая сила, устраняющая сухость и формализм в отношении к делу и к людям».

В обеих книжках «Ученья и учителя» мы находим затем прекрасные и вполне справедливые мысли о том, каков должен быть начальник школы (т. е. директор в средней школе) и каков наблюдатель за школами (инспектор народных училищ и окружной инспектор применительно к Министерству народного просвещения); см. с. 31–34, 35–36 в I-й кн., 15 с. II-й кн.

Кто не согласится с К. П. Победоносцевым в том, что, употребляя все усилия, чтобы не угадать в себе духа, начальник должен весь принадлежать учебному заведению, быть энергичным в смысле постоянного действия воли в одном направлении, быть первым работником в школе, первым не над коллегами, а среди них, сохраняющим и поддерживающим в них интерес к науке и учебно-воспитательному делу, отличая существенное от несущественного, зная, что ни в многословии, ни в многописании нет спасения. Без резких слов и начальственного тона он должен быть тверд во всем, что требуется правдой и чувством долга, сознание коего должно быть присуще всему персоналу школы и должно всячески прививаться ученикам.

Ревизующий школы наблюдатель школьного дела должен также умело различать главное от мелочного и при виде учителя, отдающего всю душу свою обучению и воспитанию детей, должен остерегаться приступить к нему с властным начальственным видом или смущать его требованиями бумажного и программного формализма, чтобы не явиться гасителем духа. Поэтому он не может считать главным и единственным своим долгом осмотреть тетради, ведомости и отметки и ехать дальше. «Ищи повсюду учителя, его смотри, с ним беседуй по-человечески: ведь он главное орудие школы. Если он приложил сердце свое к делу и живет, истощаясь ревностью, в детях, берегись смущать его. Если живет он в нужде, в голоде и холоде – не проходи мимо него равнодушно – Богу дашь ответ, если не позаботишься обо-

дрить человека в его терпении. И слово бывает дороже дела, но и для дела на пользу человека можешь просить, убеждать, настаивать, если хочешь не с небрежением делать дело своего звания».

Многое из сказанного К. П. Победоносцевым о начальниках и ревизорах, без всякого сомнения, применимо к школе всех ведомств – и начальной, и средней.

II

Если первую часть или главу нашего обзора можно было бы озаглавить «учитель», то вторую надо охарактеризовать словом «ученик» или учащееся дитя как объект обучения и воспитания, которые, по убеждению К. П. Победоносцева, совершенно нераздельны, чего никто из здравомыслящих педагогов, надеемся, оспаривать не будет. Говоря же об ученике, нельзя не коснуться и школы, которая для него существует. Итак, какова же должна быть школа, по мнению покойного К. П. Победоносцева?

«Когда в школе светло и весело, – говорит К. П. Победоносцев (I, 31), – подлинно хорошая это школа. Увы! бедность наша, нищета наша заставляет нас ютиться в томных, тесных помещениях – иногда совсем без света. Но плохой учитель, когда у него в школе не весело, когда дети не бегут туда с радостью, не рвутся туда в каждую свободную минуту. Где есть только возможность, украшайте вашу школу, изгоняйте из нее грязь и пыль и мрачные, наводящие тоску, цвета. Пусть она будет любимым местом общежития – **если оно темно**, школа осветит его, если оскудело духовным интересом, школа привьет к нему мысль и чувство, если загрубело и зачерствело, школадохнет на него любовью».

Против этих прекрасных сердечных слов возражать не приходится.

Очень решительно ратует К. П. Победоносцев против партийности в школе, когда она начинает служить орудием политических или соци-

альных партий. «Отделившись от народной души, школа, по мнению покойного, теряет под собой почву и развращается».

Мы готовы согласиться с ним, почти как в аксиомах, что, во-первых, «только тот хороший учитель, кто имеет религиозное настроение» и что «попытки утвердить школу, помимо религии, на нравственном учении всюду оказываются и всегда окажутся бесплодными» (II, с. 6)¹.

Но религиозный характер в школе – одно, а конфессионально-клерикальный дух в ней нечто совсем другое, что грозит подавить служением церковности служение беспартийной культуре и званию, что грозить вероисповедными распрями и замыкает школу в безвыходное кольцо преимущественного служения интересам данного исповедания и данной религии. Между тем последователи любого исповедания или веры только свою веру, конечно, и считают истинной, в меньшинстве ли они в данной местности или в большинстве – безразлично. Такой тип школы, стань он только преобладающим в России, заставил бы бежать из гимназий, например, и реальных училищ детей всех ревностных приверженцев не только других религий, но и других христианских исповеданий и толков, и все иноверцы должны были бы отказаться от православных школ, чтобы найти для своих детей менее опасную для их религиозного мировоззрения среду. Выиграло ли бы от этого Православие, еще большой вопрос, но что рознь между гражданами России из-за религиозных, вероисповедных и сектантских различий увеличилась бы, в этом едва ли можно сомневаться; уменьшилось бы и взаимное понимание.

Между тем идее клерикальной школы К. П. Победоносцев был предан всецело, и если пропаганде этой идеи в книжках «Ученья и учителя» посвящены только отдельные строки и страницы, то дру-

¹ Это и аксиомы, и *pium desiderium* (благие намерения – *лат.*) в то же время. Ибо кто и как будет решать вопрос о религиозности учителя, особенно кандидата в учителя? Кто станет определять желательную степень религиозности?

гие педагогические его издания даже целиком посвящены разъяснению и защите той же идеи.

В «Истории детской души», этой изящно переведенной и изящно изданной повести не для детей английской писательницы Марии Корелли (в подлиннике под заглавием «Могущественный атом» – «The mighty Atom»), рассказывается очень трогательная и очень печальная история об излишне **фанатическом, без всякого религиозного направления и содержания, воспитании симпатичного мальчугана Лионеля**, который по воле своего отца-атеиста умышленно устраняется от какой бы то ни было религии, не говоря уже о каком-нибудь определенном христианском вероисповедании. Конец повести, на самом деле написанной не для детей, очень грустный. Мальчик или подросток, уже развитый не по летам, не выдерживает атеистического режима, несмотря на прекраснейшие внешние условия своего оранжерейного воспитания, и кончает жизнь самоубийством. Излишне сентиментальное изложение и малоправдоподобный фанатизм джентльмена-отца при типично **английской сухости его характера производят впечатление чего-то сильно тенденциозного**, хотя и угнетают на время душу читателя. Эта повесть, однако, не отстаивает клерикальной школы; она доказывает лишь необходимость религиозного элемента в воспитании детской души.

Всецело цель пропаганды клерикализма в школе преследуют «Христианские начала семейной жизни», перевод порядочно-таки устаревшей уже книги бывшего профессора Марбургского университета Тирша (четвертое издание этой книги на немецком языке выпущено в 1856 г., **предисловие к этой книге К. П. Победоносцева** помечено 1861 г., второе же издание русского перевода вышло в 1901 г.), и брошюра «Призвание женщины в школе и обществе», **представляющая собой сделанный С. А. Рачинским перевод статьи Стефана Лями** под несколько иным, как замечает читатель, заглавием «La femme et l'enseignement de l'Etat», помещенной в апрельской книге журнала

«Revue de deux mondes» 1901 г. Ту же идею защищает К. П. Победоносцев и на многих страницах своего «Московского сборника». Много распространяться по поводу идеи клерикализма мы не считаем нужным. Обе переводные книги глубокого впечатления не производят на читателя. Книга Тирша – произведение верующего, католического, по-видимому, немецкого церковника, желающего превратить и мирскую жизнь в полумонастырскую, – никакого успеха ожидать у нас и не могла, сбиваясь на ханжество и усовершенствованную домостройщину. К сожалению, педагогические взгляды и настроение Тирша, по-видимому, особенно сильно повлияли на формирование мировоззрения К. П. Победоносцева.

Если пометка 1861 г. в предисловии не опечатка, то давнее знакомство его с книгой Тирша подтверждает нашу догадку.

Брошюра-статья Лями, замечательная по тонкой лести и заискиванию перед женщиной, на которую, очевидно, возлагали большие надежды во Франции в смысле поддержки католического направления в детском воспитании и вообще народном образовании, читается с большим интересом, но... и только.

У нас дело клерикальной школы, как приносящей в жертву церковности запросы независимой мысли и науки, никаких надежд также не подает да и не подавало никогда в самые критические моменты нашей политической жизни.

В «Московском сборнике», где мысли гораздо глубже, где даровитость хотя бы и односторонне направленного автора дает себя чувствовать сильнее и больше заставляет считаться с развиваемыми там положениями, собрано, между прочим, почти все, что можно сказать в защиту церковноприходской школы.

Пессимизм, которым проникнуты все страницы этой книги, на первых порах подавляет среднего читателя, не давая ему никакой отрады, но с течением времени и средний читатель спохватывается, жадно перечитывает те послышки, которые автору «Московского сбор-

ника» представлялись аксиомами, но которые, при сколько-нибудь критическом к ним отношении, жестоко опровергаются и бодрящим опытом, и горькой нашей действительностью, и потому сами еще требуют доказательств и никоим образом не могут служить прочными устоями или фундаментом для прочного здания. В этом отношении одна из глав «Московского сборника» под заглавием «Народное просвещение» является иллюстрацией такого отношения к важнейшим вопросам жизни: сторонников иного государственного строя автор смело упрекает в том, что они «к предмету подходят и вопросы решают с точки зрения общих положений и начал, на веру принятых: скользят по поверхности, не углубляясь внутрь предмета и не всматриваясь в явления действительной жизни, – даже отказываясь всматриваться в нить. Таких общих начал и положений расплодилось у нас множество». Какие же это «общие положения и начала», которые, по словам К. П. Победоносцева, произвели страшную ломку в законодательстве и опутали по рукам и по ногам живой организм народного быта искусственными, силой навязанными формами, и от чего столько будто бы пострадало и наше отечество, что и не перечесть? А вот например: даровое обучение, обязательное обучение, ограничение работы малолетних обязательным школьным возрастом... Принцип «ученье свет, а неученье – тьма» К. П. Победоносцев признает, но в применении этого правила требует меры, а главное желает не насилловать свободу, «о которой столько твердят и которую так решительно нарушают наши законодатели». Изречение, что «школьный учитель победил под Садовою» именуется пошлым: «Повторяя на все лады пошлое изречение, что школьный учитель победил под Садовою, мы разводим по казенному лекалу школу и школьного учителя, пригибая под него потребности быта и детей, и родителей, и самую природу и климат». К. П. Победоносцев предвидит неизбежное уподобление школы канцелярии со всей тяготой канцелярского производства. «Законодатель доволен, – иронизирует он, – когда заведено и расположено

по намеченным пунктам известное число однообразных помещений с надписью: школа. И на эти заведения собираются деньги – и уже грозят загонять в них под страхом штрафа; и учреждаются с великими издержками наблюдатели за тем, чтобы родители, и бедные, и рабочие люди высылали детей своих в школу со школьного возраста»... Это ироническое и огульно предубежденное отношение к страшно и до последнего времени слабому у нас в количественном смысле росту народного просвещения высказывается К. П. Победоносцевым и в нескольких местах обоих выпусков «Ученья и учителя». Так, во II-й книжке, с. 15, читаем: «Учебные заведения растут и наполняются, и вместе с тем расширяются, раздуваются и пухнут программы предметов, кои должны быть преподаваемы и выставлены полным списком в аттестатах и дипломах, составляющих конечную цель преподавания. Нужны преподаватели, и их готовят в многочисленных учительских институтах и семинариях. Все это расписано в порядке, размечено и утверждено штатами, и все это красуется на выставках, от времени до времени устраиваемых на показ всему обществу». Так бросается по адресу самых энергичных работников на поприще народного образования упрек чуть ли не в заведомом морочении публики показными успехами.

Со странным упрямством и настойчивостью К. П. Победоносцев настаивает на необходимости не торопиться с народным просвещением, ибо для процветания школьного дела нужны живые учителя-подвижники (кн. I, с. 17). Но и для подготовки таких «подвижников» находит К. П. Победоносцев непреодолимое затруднение. «Скажут: создадим специальные заведения для приготовления учителя; но ведь и для того, чтобы его изготовить, потребно живое дело воспитания, живой учитель, живой руководитель.

И напрасно думать, что достаточны и для этого курсы учебных предметов, программы и инструкции. Учитель-ремесленник, учитель-чиновник не годится для живого дела. Учитель должен быть подвиж-

ником своего дела»... Но так как каких-нибудь определенных надежд на отыскание этой закваски, этих чудес природы – «живых учителей» – нет, то и мысль К. П. Победоносцева и всех консерваторов его направления бьется в безнадежном и безвыходном кругу жалоб на недостаток людей и на необходимость дожидаться их появления, а пока их нет, не спешить с просвещением.

«Одно лишь необходимо, – ободряет своих читателей К. П. Победоносцев в другом месте (I, с. 24), – чтобы идеал был истинный верный, а не мнимый фантастический и колеблющийся ветрами случайных направлений. Что пользы в том, что школ мы настроим всюду множество, а учителя мы не воспитали, или строим школы свои на ложном идеале и в разлад с действительными потребностями жизни и с непреодолимыми условиями места в времени».

Не можем не привести патетического места, где сторонникам широкого и мощного, в силу его неотложности, распространения школьного дела решительно приписывается не то поголовное тупоумие, не то детская самонадеянность: «Кто хочет разом получать готовую схему школьного устройства и школьного образования и разом привести ее в исполнение, разом поставить всюду массу школ и полки учителей, те пусть идут на рынок педагогики к продающим и <покупа>ющим готовые рецепты и программы знания, пусть слушают речи собранных специалистов и читают пространные протоколы их заседаний, пусть избирают рекомендованные системы рассадки и организации школьных правителей и деятелей».

Это место содержит целый ряд сомнительных мыслей. Разом получить и тем более привести в исполнение схему школьного устройства и образования, сразу поставить массу школ и полки учителей едва ли кто-нибудь и собирался; на рынок педагогики ходить очень и очень даже следует, не страшись его жизненной суеты, да и почаще, чтобы запастись разными рецептами и программами знания, сравнивать их и вырабатывать на своем опыте наилучшие. Вообще же

весь этот пассаж обнаруживает удивительное пренебрежение к педагогическому опыту других стран в то самое время, как во множестве случаев тот же К. П. Победоносцев вполне признает нашу бедность в учителях и в развитии школьного дела.

Обрушиваясь со своим крайним скептицизмом на такой принцип, как всеобщее обязательное обучение детей школьного возраста, и ничего не давая взамен этого принципа, К. П. Победоносцев обнаруживает, кроме того, желание заботиться о существующей в том же человечестве «натуральной, земляной силе инерции», которой человечество, как судно балластом, держится будто бы «в судьбах своей истории», и сила эта столь необходима, что «без нее поступательное движение вперед становится невозможно». Разрушить ее значило бы, по его мнению, лишить общество той устойчивости, без которой негде найти и точку опоры для дальнейшего движения. В пренебрежении или забвении этой силы К. П. Победоносцев видит главный порок новейшего прогресса. На том же основании К. П. Победоносцев высказывается против борьбы с народным рассудком или, что то же самое, по его воззрениям, против привития народной массе веры в безусловное руководительное значение логической формулы мышления. Отсылая читателя за подробностями к этим любопытнейшим, в смысле парадоксальности, страницам «Московского сборника» (с. 71–76), где противопоставляется логической аргументации, мы не можем не высказать глубокого убеждения, что сила инерции в людской жизни вообще и в нашей национально-русской с ее обломовщиной, в частности, так велика и могущественна, что заботиться об ее поддержании все равно, что в лес дрова носить или в море воду лить. Этот призыв не к борьбе с вредной силой инерции, а на помощь этой мрачной силе является одним из самых ярких показателей странного иногда направления мысли К. П. Победоносцева в последние десятилетия его жизни.

Самое губительное в увлечении такими безотрадными взглядами — это то, что они пропагандировались в стране, где и до сих пор не

проявлялось забот о народном просвещении в уровень с количеством населения и где само общество далеко еще не настолько культурно, чтобы без новых и новых поощрений и стимулов вести действительно энергичную борьбу с народной темнотой, матерью и постоянной кормилицей его бедности.

Следуя принятому нами порядку изложения, мы должны сказать теперь о взглядах К. П. Победоносцева на ученика, на учащегося ребенка как на объект столько же воспитания, сколько и обучения.

Для этого отдела главным источником является в высшей степени, по нашему мнению, ценная переведенная с английского статья Барнета, помещенная в I-й книге «Ученья и учителя» под заглавием «Воспитание характера в школе»¹. Как мы говорили уже выше, статья эта, как и другие педагогические издания покойного, потому и использована в виде перевода, что вполне подходила к педагогическим взглядам «издателя». Содержащиеся в этой статье положения мы будем пополнять соответственным материалом из других его изданий.

Итак, прежде всего в этой статье устанавливается тот вполне правильный взгляд, что «отделять ученье или науку от воспитания – пагубный предрассудок»; ученье – «какие бы ни были программы его, не достигает своей цели, если в нем умственное образование не сливается с нравственным». **«Хорошо учить – значит помогать образованию добрых навыков и затруднять образование дурных навыков, а эти навыки – нераздельно и умственные, и нравственные: одно без другого невозможно».** «Напрасно, – читаем мы ниже, – предполагают иные, что знание дается посредством сообщения и усвоения фактов: это необходимо, но одно это недостаточно для приобретения знания. Знание должно иметь цельность, и в этом смысле оно одинаково потребно для всех, хотя усовершенствование его зависит в особенности от свойств и потребностей каждого».

¹ Статья Барнета редакцией журнала «Народное образование» была выпущена в отдельном издании. СПб., 1900.

Признавая, что воспитательное образование человека не имеет предела и что достигнутые человеком успехи служат лишь показателем того, чем он может стать, так как идеал совершенства, рисуемый нам религией, недостижим, Барнет, или вернее К. П. Победоносцев устами Барнета, определяет задачу воспитателя в том, что он должен сообщать своему питомцу побуждения, открывающие ему возможность безграничного усовершенствования, сообщать способность и силу идти вперед, независимо от внешних обстоятельств и от материальной поддержки. «Но, – читаем мы дальше, – доводя своего питомца до этой цели путем внимательной дисциплины, он должен соразмерять его силу, дабы не налагать на него прежде времени такие бремена, которых он еще не в состоянии понести».

Воспитатель должен быть активен в деле воспитания, «но беда, если он забудет, что главным деятелем воспитания должен быть сам питомец». **Обязанность воспитателя возбудить в нем самодейственную жизненную силу и утвердить в нем сознание, что он может и должен сам содействовать своему духовному росту во всякое время – и теперь, и тогда, когда не будет около него учителей и воспитателей.** К. П. Победоносцев советует прививать ребенку добрые навыки и дает следующее, важное в принципиальном смысле, обобщение: «Привычка делать в свое время все, что требуется добрым побуждением, образует мало-помалу такую дисциплину побуждений и поступков, что правое дело становится проще и естественнее неправого».

Первым условием приобретения добрых навыков признается порядок, порядок каждого в отдельности и порядок класса.

Смысл дисциплины: облегчать приобретение добрых навыков и затруднять приобретение дурных. Огромное воспитательное значение автор статьи видит в навыке. Дело воспитателя – умножать поводы к доброму навыку. Если взглядеться в корень и порока, и добродетели, то окажется, что и добродетель, и порок тоже навыки.

Приучая учащихся к порядку, дисциплинируя их, надо начинать с малого, но и при этом больше всего пользоваться стремлением ученика к самостоятельности. «Сознание своей силы, чувство удовлетворения тем, что сам сделал, до чего сам достиг – это самое сильное воспитательное средство». На этом основании учителю дается совет наблюдать, чтобы усилие воли не слабело, иначе самостоятельность может ослабеть и застынет в механическом навыке. «Вот почему, – совершенно справедливо говорится дальше, – **трудно бывает справляться с детьми, которые выросли дома в строгой дисциплине и в механическом послушании, не оставлявшем места развитию и усилиям воли. И в школе не приводит к добру такая система одной лишь внешней дисциплины, строгое соблюдение коей считается главным признаком доброго поведения**».

Размышляя по поводу этих прекрасных наставлений, педагогическая ценность которых несомненна, невольно вспоминаешь, насколько погрешала в этом отношении наша бывшая семейная и школьная система воспитания, основанная на якобы железной дисциплине. Не в этом ли постоянном подавлении самостоятельности и кроется причина того, что самые, казалось бы, **дисциплинированные молодые люди**, попадая на волю, оказывались во многих случаях на деле, в жизни вовсе не такими выдержанными и безупречными в своей нравственности, как их привыкли видеть на школьной скамье, **в домашней обстановке**. Надо сказать правду, что именно так понимается, к сожалению, дисциплина во многих наших семействах и доселе, и многие педагоги водворяли такую показную дисциплину, не проникавшую в глубь сознания учеников, а дававшую лишь манекенов, сохранявших свое, часто нехорошее, своеволие под маской чисто внешней выдержки.

Схема нравственного развития при самостоятельности рисуется автором в трех словах, обозначающих его ступени: попробую – сделаю – пойду дальше. Дисциплина побуждает ученика сделать усилие

для достижения цели, чтобы сделать, что нужно. Наградой усилия будет, во-первых, успех, во-вторых, облегчение дальнейших усилий – ученик идет вперед, а **конечным результатом – качественное преобразование в характере ученика.**

Мы останавливаемся так подробно на главнейших положениях этой интересной по своей, так сказать, беспартийности статьи Барнета, удостоенной внесения в качестве составной части в первую же книжку «Ученья и учителя», так как помимо их самостоятельного значения, они важны для уразумения, почему это К. П. Победоносцев явился у нас на Руси деятельным популяризатором идеи английской и французской «новой школы», **вроде школ Аббатсгольмской и Бедэльской в Англии и Los Roches во Франции.** Но об этом речь впереди.

В видах разумного дисциплинирования учащихся, недостаток которого у взрослых проявляется в так называемой невоспитанности, воспитатель приглашается подмечать и останавливать ранние проявления грубости и эгоизма в детях, пользуясь в то же время всеми случаями, когда ребенок приучается сдерживать себя. Дается совет, по мере подрастания детей, развивать среди них понятие об общих интересах, о чести и об обязанностях класса как единого целого. Затем автор статьи находит полезным обычай возлагать на воспитанников разумную и ответственную заботу о нуждах класса и наблюдение за порядком в классе, его обстановке, в занятиях, развлечениях, играх. Но едва ли мы скажем вместе с Барнетом, что этой цели служит учреждение мониторов, префектов, старших, старость и т. д. Принятый в нашей средней школе институт дежурных по классу, по-видимому, симпатичнее, так как при нем сохраняется непоколебленным принцип равенства учеников между собой, а длительное предоставление тому или другому лицу обязанностей префекта поведет почти наверное в большинстве случаев к привычке властвовать над товарищами. Эта привычка неизбежно усваивается некоторыми, немногими, а это желательным явлением в школе признать нельзя.

Кто не присоединится к автору статьи в признании великим делом – **приучать детей к правдивости**; но с удивлением прочтут многие, если не большинство читателей, что «корни лжи скрываются глубоко в натуре каждого ребенка». Не вернее ли было бы признать, что привычка лгать рано укореняется у детей под влиянием аномалий в семейной и школьной обстановке, причем солгать часто оказывается более выгодным, чем сказать правду?

Вполне целесообразны советы не пытаться искоренять лживость страхом и строгостью, не настаивать на испорченности ребенка, обращаясь к нему как к негодяю, а мало-помалу завоевывать ум и сердце, вводя его в область правды и будя в нем чувство достоинства. Кроме того, с полным основанием и от учителя требуется соблюдение правды в преподавании и в отношении к своему делу вообще. Об этом у нас была речь уже раньше, и в статье Барнета мы находим лишь повторение мыслей, нашедших себе выражение и на других страницах «Ученья и учителя». **Признавая, что всякое ученье должно быть проникнуто нравственным началом**, автор высказывается решительно против воспитания нравственного чувства одними наставлениями, против введения учебников нравственности, допускаемого французскими педагогами, что ведет будто бы лишь к сентиментальности: сами по себе наставления и запреты даже при убедительности и строгости мало приносят пользы, а от повторения теряют всякую силу.

Конец излагаемой статьи посвящен вопросу о воспитательном значении наград и наказаний в школе. Барнет признает, что в действительной жизни соперничество служит главной пружиной всякой деятельности, но в применении к школе вполне справедливо считает развитие подобного стимула нежелательным, так как оно внушает ученику желание добыть для себя то, что другим не достается. Поэтому, ратуя за «правую меру достоинства», автор советует быть особенно осторожным в распределении наград для малых детей, и,

по его мнению, с которым можно согласиться, достоинство должно принадлежать не столько совершенному делу, сколько добросовестному старанию, причем вполне основательно высказывается опасение, что чрезмерная погоня за школьными наградами может губительно отразиться в будущем и превратиться в страсть к похвалам и отличиям. Поэтому самым лучшим видом награды признает он слово одобрения, вовремя сказанное добрым и рассудительным наставником, а для всякого деятеля в жизни лучшая награда – чувство удовлетворения совершенным делом или работой.

Как в наградах, так и в наказаниях рекомендуется воспитателю быть бережливым и рассудительным. Справедливо считает автор изобилие наказаний признаком недоброкачества школы; если для малых детей ощутительнее всего материальная сторона и наград и наказаний, то вообще в школьной организации чувство осуждения и порицания со стороны наставника и товарищей должно являться для ученика самым чувствительным наказанием. Кто не согласится в справедливости такого взгляда на награды и наказания в школьном обиходе?

О вполне справедливом взгляде К. П. Победоносцева на употребление работы в школе в виде наказания мы говорили уже выше.

Очень изящны рассуждения в конце статьи Барнета о движении и развитии мысли путем ассоциации идей, путем взаимного внушения и воздействия, что в воспитании отражается на подражательности как добру, так и злу, и чем должен руководиться воспитатель.

Если свойство сильного характера – **в способности управлять людьми**, в способности внушения, то и учитель должен иметь это в виду и не твердить ученику по привычке, что он злой, чтобы не приучать его самого к мысли, что он действительно злой и негодный мальчик. В заключение указывается на важное значение ощущаемого воспитанником доверия к себе со стороны воспитателя. Заканчивается статья о воспитании характера в школе указанием на огромное значение вну-

шения для молодежи со стороны литературы, и книжной и газетной, почему воспитатель не может и не должен быть равнодушным к содержанию и характеру читаемых учениками книг и газет.

Говоря о педагогических воззрениях К. П. Победоносцева, необходимо коснуться и взглядов его на экзамены как приемные, так и переводные.

Экзаменов он не отрицает и в то же время сильно и основательно, а кое в чем и тенденциозно, критикует общепринятую у нас их постановку. Как знают наши читатели, вопрос этот в настоящее время стал опять злободневным в нашем отечестве, а взятый сам по себе является одной из тех педагогических проблем, которые допускают бесконечное разнообразие решений, в зависимости от развития школьного и воспитательного дела в стране.

Экзамены в общем К. П. Победоносцев считает одной из форм варварства новейшей культуры. Жестокая и бездушная форма их образовалась и развилась, по его мнению, нераздельно с новейшим вырождением нашей школы («Учение и учитель», I, с. 36 и след., II, с. 26, 28, 30, 32), которое К. П. Победоносцев связывает с возрастанием числа школ. Едва ли многие, впрочем, из читателей окажутся солидарны с К. П. Победоносцевым как в огульном признании вырождения нашей школы, так и в том необоснованном и во всяком случае неприятном чувстве недовольства, которое слышится хотя бы в следующих словах: «Повсюду слышались крики: света, света! то есть ученья, школ, учебных заведений. И школы стали расти повсюду, как грибы, и массажи стали толкаться в двери школы желающие учиться, то есть пройти курс учения и найти себе исход на дорогу жизни».

Ну, и слава Богу, если так! – **хочется возразить автору, но он недоволен** и теснотой школьных помещений для множества устремившегося туда юношества, и громадным возрастанием потребности в учителях, работа коих усложнилась. Для благожелательно настроенного в пользу широкого народного просвещения человека, который притом знает, что

школ, учащихся и учащихся в Россия все же крайне мало пропорционально численности населения и детей школьного возраста, единственным помыслом должно бы быть стремление к улучшению и расширению школьных зданий, и к увеличению числа рассадников подготовленных учителей, и к облегчению их тяжелой задачи. Но у К. П. Победоносцева мерка другая: он говорит о полках учителей и постоянно твердит, что количество школ возрастает в ущерб качеству, выводя отсюда заключение не о необходимости должного развития учительских семинарий и институтов в уровень с потребностью в учителях, а о том лишь, что в деле просвещения торопиться не следует. Мы и то спешили в деле народного просвещения, и дальнейшая задержка в этом отношении была бы непростительной ошибкой. Однако факт возрастания числа учащихся и невозможности для преподавателя, ввиду этого, следить за результатами своего труда в отдельных учениках остается фактом, обусловившим превращение экзаменов – при скудости времени, при нервном состоянии и учителя и учеников – **в ряд вопросов, механически выдергиваемых из программы каждого предмета в годичном курсе**, причем даже самая постановка вопросов, как правильно отмечает автор «Ученья и учителя», **дело искусства, нераздельного с наблюдением** за тем, кому вопросы предлагаются.

Правильно, следовательно, требование ныне действующих правил об экзаменах, прибавим мы вскользь, по которому экзаменовывать учащихся должен прежде всего и главным образом сам преподаватель, а не посторонние и случайные, не знающие учеников члены испытательной комиссии. При извращении же самой идеи экзамена как спокойной и терпеливой проверки знания и развития учащихся, именно испытания в истинном педагогическом смысле слова «экзамен», как замечает не без остроумия К. П. Победоносцев, выходит нечто подобное перекидыванию мерки роста на рекрута.

Кому не захочется присоединиться к протесту К. П. Победоносцева против обычного способа производства приемных испытаний,

во время которых требуется обнаружить также прежде всего «так называемое знание ответов, имен, формул и чисел, тогда как самое нужное и существенное – распознать, что есть в мальчике, что он понимает, на что способен... На все это – увы! недостает времени, умения и терпения». Больше всего – **времени и сил, скажем мы.** «Сократ, – говорит К. П. Победоносцев (II, 28), – был великий учитель – и сколько ученых людей с его времени от него заимствовали свое учение. Но в смысле нашего учительства он был бы непригоден. Ни один из его учеников не умел бы отвечать на школьном экзамене: на экзамене требуется знание».

Переставши быть испытанием и превратившись в механическую мерку материала, помещаемого в голову и память ученика в качестве знания, экзамен, по мнению К. П. Победоносцева, становится бедой для школьного дела, так как главной целью преподавателя становится провести целый класс через экзамен, причем, **и учитель, и ученик** заботятся о том, чтобы экзамен прошел благополучно. Учитель при этом и стремится сократить по возможности нервное напряжение операциями краткими и быстрыми вопросами, обращенными к памяти ученика. К. П. Победоносцев перечисляет следствия такой системы экзаменов: сосредоточение внимания и учителя и учеников на том, чтобы уместилось в голове все требуемое программой количество учебного материала, заботы учебного начальства оградить верность испытания от уловок со стороны учеников и ухищрения учеников с наименьшим трудом ответить на предлагаемые вопросы; зубрение перед экзаменом день и ночь учебного материала по программам и билетам и завершение дела (иногда только к ночи) торжеством одних и горьким рыданием других, причем иногда последние становятся, **будто бы, первыми, а первые последними.** Последнее, заметим мы, случается крайне редко, но все перечисленное здесь действительно бывает то в большей, то в меньшей степени; однако у толковых, опытных учителей при наличии знающего и опытного

председателя все эти недочеты сильно смягчаются, хотя многочисленный состав класса очень часто заставляет производить экзамен дольше, чем было бы желательно для испытательной комиссии в интересах учащихся.

К. П. Победоносцев иронизирует и по поводу программ преподавания того или иного предмета, в которых стараются обнять все части предмета и в общих выражениях, и во всех подробностях, причем предполагается, что все это пройдено, что все это должно быть понято и усвоено и что все это должно быть начертано в памяти каждого ученика. «В системе экзамена, – читаем мы дальше, – все как будто рассчитано на то, чтобы держать учеников в нервном напряжении, а не давать им времени одуматься и обменяться, дабы они все свои силы, особенно же память, направили без отдыха на приготовление к экзамену». По мнению покойного автора, следовало бы, напротив, оставлять перед экзаменом несколько дней свободных, «дабы они могли спокойно опознаться в своих сведениях, сознательно отличая существенное от несущественных подробностей, и приготовить себя к действительному испытанию». (Здесь от автора укрылось противоречие: свободные дни и окажутся при этом несвободными из-за рекомендуемой подготовки к «действительному испытанию». Так это и бывает на самом деле.)

К. П. Победоносцев, однако, и вообще не против экзаменов; он признает их и нужными и полезными, могущими возбуждать и поддерживать сознательную энергию и в учителе, и в ученике и оживлять учебное дело, но лишь в том случае, когда сама школа живет, а не является только неодушевленным механизмом программного обучения. «Когда учитель знает своих учеников, различая их поименно, то есть по способности и свойству каждого, когда ученье в школе не томит учеников, но привлекает их живым интересом и желанием понимать и думать, – тогда экзамен приобретает и для учителя, и для ученика живой интерес и получает вид праздника, венчающего учебное дело».

Но устраняется ли необходимость подготовки к экзаменам после придания им того характера, который представляется желательным К. П. Победоносцеву? Нисколько. Ибо он также говорит о подготовке к экзаменам. «Когда он (ученик) готовится к экзамену (I, с. 39), в уме у него происходит художественная работа – как собрать, сопоставить и лучше выразить то, что ему предложено будет высказать на экзамене». Следовательно, остается в качестве плюса против прежнего порядка экзамена уменьшение, сокращение требований в количестве, но улучшение их в качестве. Поэтому труд от ученика по подготовке к экзамену будет требоваться по-прежнему, но он будет производить при умелом, однако, сокращении материала: надо помнить, что не всегда сокращение облегчает курс, ибо при повторении важно идти по знакомой дороге.

Какова же роль экзаменатора? Эта роль рисуется педагогу-теоретику так: «...учитель думает, о чем ему спросить мальчика, не выдергивая только отрывочные вопросы из программы, не разыскивая по одной памяти ученика имена, цифры и формулы; думает, как составить из учеников отдельные группы, по которым он будет проводить свое испытание».

ПЕДАГОГ-практик, ПЕДАГОГ, сам производящий десятки экзаменов, едва ли найдет удобным для учителя заранее расписывать (у себя в книжечке, что ли?) вопросы, которые он предложит тому или другому ученику, так как на деле по ходу экзамена ввиду характера ответов ученика придется, конечно, в очень многих случаях отказываться от предположений. Трудно, кроме того, сказать, к какой ступени школ применимы такие указания. Прежде всего, заранее составленный перечень вопросов для каждого ученика может повести к злоупотреблениям или, по крайней мере, к нареканиям на учителя относительно подтасовки вопросов. Во-вторых, не все предметы удобны для производства экзамена и по группам. Такова, например, математика. Еще более, до известной степени, мыслимо это для начальной школы.

К. П. Победоносцев не принимает во внимание главного условия, из-за которого экзамены приняли именно такой, а не иной характер: многочисленного состава классов и скудости времени, и ограниченности сил и у учителей, и учеников. Ни слова, к тому же, нигде не говорится о возможности уменьшать число экзаменуемых путем освобождения от экзамена лучших и заведомо надежных учеников.

Во всяком случае, К. П. Победоносцев верит, что при производстве экзаменов со вносимыми им изменениями они «перестанут быть мучительной инквизицией мнимых знаний, но получают разумное значение».

Попытаемся теперь собрать воедино разбросанные там и сям заметки К. П. Победоносцева о постановке главнейших предметов, как ныне существующей, так и желательной с его точки зрения.

Преподаванием закона Божия он решительно недоволен. В своих рассуждениях о преподавании закона Божия он исходит из того значения, какое, по его мнению, имеет в нашей жизни религия.

Нашу осложненную и раздробленную жизнь может связать воедино, по его мнению, только мысль о Боге; весь успех нашей жизни состоит в сознании этого основного ее единства: лишь в мысли о Боге можем мы, по мнению К. П. Победоносцева, обрести равновесие земного бытия, уразуметь идею единства жизни. О преподавании закона Божия К. П. Победоносцев говорит очень подробно и сравнительно пространно. Отсылая желающих ближе познакомиться с этими страницами к двум книжкам «Ученья и учителя», отметим только, что К. П. Победоносцев не может примириться с тем, что Закон Божий является лишь одним из предметов учебной программы. «Как будто нечего больше желать и требовать для нравственной цели, как иметь наличность той или другой цифро-балловой отметки в предмете, называемом Законом Божиим». Результаты такой постановки учения он признает чудовищными: «Я видал учебники, в коих по пунктам означено, что требуется для спасения души человека, и экзаменатор

сбавлял цифру балла тому, кто не может припомнить всех пунктов»... Затем обучение вере должно быть сосредоточено на лице Господа Иисуса и на Евангельском учении, и основа учения должна быть догматическая (II, 3–14). Те, кто думает, что основа учения должна быть преимущественно нравственная, по мнению К. П. Победоносцева, ошибаются. Первой основной, живой и действенной школой Закона Божия К. П. Победоносцев признает церковь, храм Божий с его богослужением, чтением и пением, и скорбит по поводу того, что самые существенные, самые внятные для народа и поучительные части нашего богослужения пренебрегаются для краткости в совершении обряда. Особенное воспитательное значение К. П. Победоносцев придает приходской церкви. Домашними городскими церквями с их урезанным и искаленным иконостасом он недоволен.

«Ныне, — говорит он, — с непомерным возрастанием городов, с непрерывной сменой городского населения, с приливом толпы к городским центрам иссякает или совсем утрачивается это значение прихода и приходской церкви».

Недоволен К. П. Победоносцев и картиной рядов учеников или учениц, механически собираемых или «наподобие кукол выправленных к стоянию» в церквях при учебных заведениях рядом с начальством, стоящим бездушно и скучающим. Вполне справедливо отмечает К. П. Победоносцев, что если программа Закона Божия включает в себе богослужение, и там, где учение отрешено от церкви, т. е. где учащиеся не видят приложения в действительности, не имея своей церкви, то учение о богослужении становится мертво само по себе.

Настойчиво и не раз (I, с. 27, и II, с. 13) К. П. Победоносцев советует не делать Евангелия учебной книгой¹, разбивая его на куски, на уроки и на множество вопросов, за ответы на которые, подчас неловкие и непонятые ребенком, ставятся цифровые отметки, вызывая

¹ Мы, однако, не видим здесь желания со стороны К. П. Победоносцева изъять вообще Евангелие из школьного обихода, как это иногда приписывается покойному; протеста против чтения и толкования Евангелия мы нигде не находим.

волнение и слезы. «Страшно должно быть для совести разбивать слово жизни на бездушные кусочки», – говорит наш автор.

Очень горячо отстаивает он и непрерывное участие школы в церковном богослужении – в чтении и пении. Едва ли встретится много возражений против всех этих указаний со стороны отцов-законоучителей.

Не так обстоятельны указания и замечания К. П. Победоносцева относительно преподавания других предметов.

По русскому языку даются указания относительно чтения по книге и чтения вслух, причем массовое чтение, нестройное по звуку, не одобряется и вполне основательно, а касательно чтения вслух высказывается также правильное пожелание, чтобы ученик сам добирался до понимания фразы и осмысленного ее прочтения, а не привыкал лишь подражать учителю, чтобы уметь находить ключ смысла целой фразы. С огромным интересом автор относится к произношению и чтению для развития вкуса и в литературе, и в посменном изложении мыслей, а особенное значение придает осмысленному, выразительному чтению лучших литературных произведений, а особенно поэтических стихотворений, так как оно оставляет на целую жизнь дорогие впечатления, образующие художественный вкус. Здесь же мы находим и следующее глубоко верное соображение: «Всякое творение, истинно художественное, в области слова пишется и должно писаться помощью не мысли только и зрения, но и помощью слуха: без участия слуха не может быть в нем той гармонии слова, которая удовлетворительна для вкуса истинно художественного» (I, 7). К объяснительному чтению К. П. Победоносцев относится почти отрицательно, как к одному из методических лабиринтов, в которых только опытный и разумный учитель может найти вход и выход. А неразумный и начинающий путается без исхода: фантазия учителя, по мнению К. П. Победоносцева, может довести ученика до отупения, прерывая мысль его в чтении на каждом шагу и сбивая его с толку

вопросами и внушениями. Надо было бы прибавить, впрочем, что так поступают или фанатики метода, или очень еще неопытные учителя; само же по себе взятое объяснительное чтение (необходимое преддверие выразительного чтения) является прекраснейшим упражнением, в видах гимнастики ума, и с ослаблением и полуотменной преподавания древних языков его значение (в руках умелого преподавателя, конечно) сильно возросло.

Очень трогательна мольба К. П. Победоносцева не обращать правописание в орудие мучения для «малых сих» ввиду сбивчивости его правил, не всеми одинаково принятых и не у всех одинаковых, причем, процеживая комаров, проглатывают верблюдов здоровой педагогики. Корень и правописания, и правильной речи, по мнению К. И. Победоносцева, в осмысленном и одушевленном чтении, мучить же ученика на мнимых, кем-то узаконенных тонкостях правописания не стоит.

Что касается тем для сочинений, то К. П. Победоносцев удивляется скудости педагогического смысла в их выборе и назначении.

«Не часто, – говорит он, – встретишь учителя, который, зная учеников своих, умел бы назначать каждому, по степени способностей его и развития, темы для так называемых “сочинений”. Под словом “сочинение” разумеется обыкновенно какое-то самостоятельное изложение мыслей ученика о предмете, о котором ученик не в силах рассудить сам, а понуждается лишь разыскивать или перифразировать и повторять чужие мысли и чужие фразы». Отсюда, по мнению К. П. Победоносцева, происходит очевидная бесплодность таких рассуждений, с другой стороны, совершенное извращение оценки этих упражнений со стороны учителя, причем работа, составленная из отовсюду надерганных мыслей и фраз, получает похвалу, а работа другого, добросовестно изложившего, что ему известно о предмете темы, оценивается низко и даже вызывает выговор будто бы за несамостоятельность (мы бы сказали бедность содержания).

Нам кажется, что здесь есть несколько недоразумений, объясняющихся лишь тем, что автор никогда не вел преподавания ни в начальной, ни в средней школе, а к высшей его положению и вовсе не относятся.

Прежде всего, задавание каждому ученику отдельной темы даже при небольшом составе класса (в 25 человек хотя бы) хорошо по идее, но неосуществимо на деле. Давая тему, надо ее разъяснить ученику, как и, **возвращая сочинение, надо объяснить ученику достоинства и недостатки его исполнения и ответить на его недоумения.**

Следовательно, получается 25 и 25 отдельных объяснений, все, конечно, во время урока в классе; но, во-первых, времени на это не хватит: надо же ведь и курс проходить, а во-вторых, 24 ученикам скучно присутствовать при неизбежно краткой и поясной беседе о теме, на которую будет писать или писал 25-й их товарищ и с которой им дела иметь не придется. Против указания на бывающие случаи неправильной оценки ученических сочинений спорить нельзя, но надо принять во внимание и то, что для того, чтобы надергать чужие фразы и позаимствовать чужие мысли, надо кое-что прочесть и из прочитанного выбрать с толком, а это очень важное дело, которое поэтому бесплодным признать нельзя. Указание же материала ученику для сочинения и К. П. Победоносцев признает желательным, причем впадает в некоторое противоречие с собой, так как этим-то и дается ученику возможность «надергать чужих мыслей и фраз»¹.

Таким образом, назначение темы, одной² для класса, рассчитанной на среднего ученика данного состава, имеет очень много доводов за себя, а добросовестное исполнение одной и той же или разных тем может оценить лишь толковый и опытный учитель, а плохой со множеством тем и вовсе не справится.

Что же касается самого выбора тем, то кто не согласится с элементарным требованием, предъявляемым и К. П. Победоносцевым (II,

¹ I, 26.

² И во всяком случае не больше двух-трех.

33–34), что выбор этот должен быть глубоко продуманным, а сама тема должна быть выражена определенно, равно как и с признанием необходимости разумного руководства учеником в выборе нужных книг во избежание случайного и беспорядочного чтения.

Мысль о том, что в наш век «всеобщего наводнения книгами» разумному человеку приходится искать разумного выхода из множества книг, очень беспокоила К. П. Победоносцева, и к ней он возвращается и в «Учение и учителя», и в «Московском сборнике» несколько раз. По его мнению, неумеренное пользование печатным словом расстраивает мысль, направленную к серьезному делу, точно так же, как неумеренное питание расстраивает организм. Эту опасность он почему-то считает особенно ощутительной в деле подготовки воспитателей и учителей: первой потребностью в нем он считает не какую-либо новую теорию или умную книгу, а действительную лабораторию педагогики в живом школьном обиходе. Мы должны, однако, сказать, что самое основательное знакомство с историей и современным состоянием педагогики для учителя прямо необходимо, и увлекаться мыслью о вреде для педагога чтения педагогических книг в свою очередь и опасно и вредно.

У нас в России до сих пор именно был недостаток в образованных путем ознакомления с историей педагогики учителей и воспитателей. Хорошие и дурные практики всегда были...

Возвращаясь к мыслям К. П. Победоносцева о преподавании русского языка и словесности, необходимо упомянуть, что, по его мнению, преподавание родного языка имеет одной из важнейших задач приучить учеников мыслить и выражать мысль в слове ясно, точно и определительно. Поэтому прошедший курс хорошей школы, курс образования должен понимать точное значение слов родного языка. Вот горячие слова: «С непомерным развитием наук и научной культуры в наше время вошло в литературную речь множество новых понятий, новых слов и новых терминов, повторяемых без точного сознания

и в устной и письменной речи. И там выходит, что драгоценнейшее достояние духа – родное слово – утрачивает свое духовное значение, и сила его, и красота его расплывается в бессмыслии бестолковых толков и беспорядочных писаний; и вместо искусства писать на родном языке (вместо того, что повсюду в культурной среде образует стиль) распространяется легкое и всякому некультурному уму доступное искусство орудовать фразой. Образуются дурные привычки легкого писания, коими заражаются и учителя и через них школа».

В преподавании самой истории литературы К. П. Победоносцев советует идти от произведений к характеристике писателя, к учебнику литературы, а не наоборот¹. Как нам кажется, вполне согласиться с этим нельзя. Есть такие произведения, которые для своего полного понимания требуют предварительного ознакомления ученика с личностью и жизнью писателя. Таков, например, «Герой вашего времени» Лермонтова, отчасти и «Евгений Онегин» Пушкина.

Преподавание древних языков К. П. Победоносцев считает полезным в школе в служебном отношении, когда оно, как бывало в прежнее время, находится в руках искусных учителей – знатоков и древнего, и родного языка. Достоинство древних языков он справедливо видит в том, что в них мысль выражается с особой определенностью и силой, а слово и отвечающее слову понятие отличается чрезвычайной точностью. Изучение эллинской и латинской речи он считает лучшей школой для познания своего родного языка и для искусства на нем выражаться определительно и стройно, «постигать красоту слова и красоту порядка, составляющего словесную одежду мысли» (изящное выражение глубоко верной мысли).

С этой же точки зрения оценивается и положительное значение изучения нашего церковнославянского языка, драгоценного, по мнению К. П. Победоносцева, источника и вдохновителя нашей народной речи.

¹ 1, 9.

Обучению новым языкам такого большого значения К. П. Победоносцев не придает на том основании, что оно совершается успешно не посредством грамматики, а живой речью, т. е. подражанием и памятью, а память, накапливая лишь материал, бессильна еще осмыслить его.

О преподавании математики К. П. Победоносцев вовсе не говорит, почему – **неясно. Единственный намек на нее и другие, не затрагиваемые им науки мы находим на с. 38 II-й книжки «Учение и учитель».** «Необходимы, – говорится там, – определительные и точные понятия об истории и географии, о земле и физических силах и явлениях, о законах счисления, о культуре и литературе, понятия, оживленные интересом». **Умышленно или случайно, но в этом перечне пропущены начала астрономических знаний, сообщаемых космографией или, как ее иначе называют, математической географией.**

Нам остается сказать об «издании» его, которое по новизне своих положений идет как бы если не вразрез, то во всяком случае в сторону от традиционных взглядов автора-издателя, которое (мы говорим о «Новой школе») дает нечто новое и в силу этого является изданием по преимуществу передовым.

Это же даст нам повод и возможность подвести итоги нашему обзору.

Книга под заглавием «Новая школа» **выпущена К. П. Победоносцевым в 1898 году, а в следующем году понадобилось повторение этого издания.** Оно очень невелико по объему (120 страниц) и представляет собой перевод статей французского педагога Демолена из книги его под заглавием «От чего зависит превосходство англо-саксонского племени» и из издаваемого им же журнала «Science Sociale». Вот единственное педагогическое издание К. П. Победоносцева, где мы встречаем призыв к действительному обновлению в сфере школьного дела во имя реальных требований жизни как отдельных граждан, так и целой страны. Самому К. П. Победоносцеву принадлежит, заметим вскользь, в этой книге лишь небольшое, но интересное предисловие

и многозначительный эпиграф «*mutato nomine de te fabula narrator*»¹, звучащий глухой укоризной по адресу русских школ, отличающихся, следовательно, по мнению издателя, теми же недостатками, какие отмечаются далее во французских, немецких и английских средних школах. Начинается книга «Новая школа» статьей, содержащей основательную критику особенно хорошо известной Демолена как французу родной ему французской школы с ее порядками, при которых подготовка масс молодежи к государственному экзамену, дающему большие права в жизни, выродившаяся мало-помалу в натаскивание, делает среднее образование во многих случаях мертвой, формальной и потому бесплодной для всестороннего развития выучкой, вредной для здоровья. В следующей статье подвергнуты критическому разбору порядки в германской всепрославленной когда-то классической школе, причем исходной точкой для критики послужила известная обличительная и протестующая против установившегося было строя немецких гимназий речь германского императора Вильгельма II, лично прошедшего курс Кассельской гимназии и на себе изведавшего, как мало места для самостоятельности и времени для движения и спорта оставляет ученику гимназия, очень слабо готовящая его к жизненной борьбе. Строй английской школы также не удовлетворяет Демолена, так как и он не образует людей и подготавливает учащуюся молодежь к общественному строю, окончательно умершему, тогда как необходимо приспособляться «к новым условиям мировой жизни, требующим от каждого из нас способности обходиться собственными силами»². Но в Англии же Демолен встретился и с представителем педагогов новой формации доктором Сесилем Редди, основателем и директором школы в Аббатсгольме. Попутно Демолен обрисовывает тип директора и учителя в старой школе с их внешней традиционной важностью и медленностью в движениях, точно они священнодействуют.

¹ Басня сказывается о тебе, изменено только имя (*лат.*).

² См. «Новая школа», с. 25.

Новые директора и учителя-спортсмены не чопорные, не боящиеся вечно уронить свое достоинство: они принимают самое деятельное и непосредственное участие в работах и развлечениях учащихся, с которыми они живут одной жизнью, почти одной семьей, не изолируя и своей семьи от общества учащейся молодежи.

Не принимая на себя обязательства исчерпать содержание этой интересной и, вероятно, большинству наших читателей и без того хорошо известной книжечки, отметим все же главные особенности новой школы. Ложь отсутствует в школьном обиходе, так как пытливо-недоверчивое наблюдение за каждым шагом ребенка и юноши сводится почти к нулю. Домашняя подготовка к урокам уменьшена и почти уничтожена, так как вся учебная работа сосредоточена в классе. Занятия и образ жизни воспитанников, живущих среди природы в интернате, таковы, что все силы и способности человека находят спрос, приложение, а, следовательно, и развитие. (Считаем не лишним упомянуть, что на гербе новой школы, рисунок которого в виде щита помещен в другой книге того же Эдмонда Демолена под заглавием «Новое воспитание. Школа-де-Рот»¹, находим девиз новой школы: «Хорошо вооруженные для жизни».)

Физический труд и спорт в новой школе в большом ходу и в разнообразных применениях. Даже слишком, пожалуй, уж много различных занятий, работ и развлечений! Число собственно учебных часов сильно сокращено. Между прочим, к изучению латинского языка применяется, по почину педагога Бенуа, тот же натуральный разговорный метод, что и при изучении новых языков. Первые опыты сдачи экзаменов одновременно с учениками школ обычного старого типа были удачны.

Все подробности постановки учебно-воспитательного дела в возникших во время появления данной книги школах нового типа Аббатсгольмской и Бедэльской (в Англии) и в де-Рош (г. Демолена, во

¹ L'education nouvell. L'ecole des Roches.

Франции) в высшей степени живы (особенно, где они освещаются подлинными письмами родителей воспитанников и их самих) и любопытны. На страницах, посвященных описанию строя Бедэльской школы, читатель находит немало хвалебных отзывов об английских педагогах вообще, и отзывы эти достаточно обоснованы.

Не можем, между прочим, не отметить тактичного пользования в новой школе старшими и лучшими воспитанниками для надзора за общим порядком и за младшими товарищами, равно как и того, как достигается в школе полнота картины действительной и цельной жизни присутствием женщины, в лице учительских жен. Следует отметить определенное и последовательное стремление сделать обстановку школы как можно более изящной, как можно менее казарменной.

При всем том надо признать, что малочисленная по составу классов (в классе полагается 10–15 человек, не более) новая школа типа Аббатсгольма, Бедэля и де-Рош при нынешних условиях может быть питомником лишь для детей весьма состоятельных родителей, как то можно заключить по размерам платы за воспитанника: 2.250 франков в год до 17-летнего возраста, 2.700 до 21 года и 3.150 – свыше этого возраста¹. К. П. Победоносцев в своем предисловии к «Новой школе» справедливо находит, что предполагаемая автором (т. е. Домоленом) конструкция школьного дела по образцу английских колледжей не может служить образцом для всякого общества и что для применения этой формы всего менее условий представляет Россия, но признает ценными критические взгляды автора, почему и рекомендует их вниманию официальных педагогов и ревнителей народного просвещения в России. «Трудно не соглашаться, – говорит К. П. Победоносцев далее, – с автором, когда он обличает школьную политику нашу в том, что она менее всего имеет в виду потребности детской души и природы, организуя школу преимущественно с отвлеченной точки зре-

¹ Возникшая по образу и типу Бедэльской школы в Царском Селе школа г-жи Левицкой для детей обоего пола – шаг вперед уже! – взимает по 300 р. в год с ученика.

ния учителей, профессоров и начальства, когда он указывает на нравственное бессилие учителя и наставника, относящегося механически лишь к массе учеников, в механическом спрашивании уроков».

Вчитываясь в «Новую школу», мы найдем, что близость новой школы к школьному идеалу К. П. Победоносцева исчерпывается близостью учителя к ученику и заботливостью школы о приготовлении своих питомцев к жизни, хотя быть может и далеко не такой, какую считает желательной сам «издатель» книги, причем религиозность, проникающая школу, хотя и без всякого конфессионального оттенка, также была, конечно, только симпатична покойному деятелю. Во всяком случае, никакого определенного назначения служить на пользу пропаганды излюбленного К. П. Победоносцевым типа церковноприходских школ «Новая школа» иметь не могла, а на организацию новых у нас церковно-учительских школ, насколько нам известно, она также не повлияла.

Кончая речь о «Новой школе», мы не можем не сказать, что сколько-нибудь явного успеха и широкого практического применения в официальном смысле идея новой школы пока у нас не имела.

Скорее всего, это задача будущего, ожидающая для себя, во-первых, более популярного, так сказать, представительства, во-вторых, полного, от доски до доски, а не в извлечениях (как это мы имеем в «Новой школе») перевода лучших сочинений о ней, а также положительных известий об окончательных результатах применения ее идей на практике там, у себя на родине – во Франции и Англии.

В России новая школа для своего успеха должна прежде всего стать более доступной для семейств среднего достатка.

А до того времени своеобразность постановки учебно-воспитательного дела и распорядка жизни в интернате при новой школе должна все же быть той бодрящей струей, которая и должна освежать застоявшуюся атмосферу интернатов (пансионов), равно в общем неудовлетворительную у нас во всех учебных ведомствах.

Пора подводить итоги нашему разбору.

Для пишущего о К. П. Победоносцеве как о педагоге нет той хронологической, так сказать, перспективы, которая открывается, например, для того, кто задается целью выяснить его значение как юриста. Там является возможность почти документально проследить зарождение и дальнейшее развитие взглядов на протяжении долгой жизни автора, там можно сравнить мысли и взгляды его на известный предмет в молодые годы, в те дни, когда покойный занимался наукой, и позже, на склоне жизни, когда над ним тяготел тяжкий опыт длинной вереницы прожитых лет после разрыва с современностью, после отречения от радужных мечтаний юности, под давлением ставшей новой для его профессии церковности. Не надо забывать, что впервые в роли писателя по педагогическим вопросам К. П. Победоносцев выступил на шестом-седьмом десятке лет и именно для того, чтобы дать руководящие указания по своему ведомству для наблюдателей за его излюбленным детищем – церковноприходскими школами, для учительского их персонала и для церковно-учительских школ, соответствующих учительским семинариям и учительским институтам Министерства народного просвещения. Отсюда вытекает и значение его педагогических книг.

Как глубоко образованный человек и бывший профессор К. П. Победоносцев имел известную общую подготовку для здравого суждения о воспитании и обучении детей.

Где автору нет нужды приводить прямые или косвенные доказательства необходимости преимущественно церковного направления в народном образовании, там взгляды его лишены тенденции и часто очень ценны, а если кое-где и ошибочны, то исключительно потому, что К. П. Победоносцев сам в положении учителя ни в начальной (народной), ни в средней школе не выступал, а судил о преподавании и неразрывном с ним воспитательном воздействии на учащихся только как умный и даровитый теоретик отвлеченно и умозрительно.

Кто не признает безусловно хорошими и ценными его рассуждения об учителе, о начальнике в школе, о ревизорах школьного дела и отчасти об экзаменах; кто не присоединится к его требованиям о поддержании всегда светлого и радостного настроения в школе и о развитии самостоятельности в детях? И в то же время много ли поклонников встретят те строки и страницы, где с иронией говорится о полках учителей и массе школ, которые рождаются, как грибы, где выражается глумление над таким всеобъединяющим лозунгом, как обязательное народное обучение, или над мечтаниями о прямой и непрерывной дороге от начальной народной школы сначала к средней, а затем и к высшей ступени образования, причем самый рост наук в наш век признается непомерным...

И тем не менее, заканчивая нашу статью о К. П. Победоносцеве как о педагоге, мы чувствуем глубокое удовлетворение от выпавшей на нашу долю задачи посылить разобрать в педагогическом наследии от государственного деятеля, с редким успехом шедшего по дороге влиятельной и полной высоких интересов жизни, рано признанного и оцененного, утро жизни которого было овеено бодрими порывами к знанию и бодрой научной работой, но вечер длинного трудового дня был подавлен боязнью рыночно-житейской суеты и разочарованием в былых порывах и оглашался лишь призывами к служению идее церковности и к неторопливому совершенствованию.

Да, педагогические сочинения и издания К. П. Победоносцева стоят того, чтобы на них обратить внимание большой публики, а не только специалистов-педагогов, которым, само собой разумеется, следует, независимо от политического направления, быть знакомыми с этими книжками и брошюрами. Многие захотят отвергнуть, но каждый найдет там кое-что и такое, что пригодится и родителям учащихся детей, и учителю любого ведомства, если он не только учитель, но и воспитатель.

Заблуждения больших умов всегда интересны, если они притом еще и искренни. А К. П. Победоносцев был искренен и явно воодушевлялся добрыми намерениями. Можно лишь пожалеть о том, что он не выяснил своего отношения к лучшим русским педагогам и что его школьный идеал, очень заманчивый для известного религиозного настроения, в то же время так мало приложим для воспитания необходимой активности в нации, и без того слишком наклонной к обломовщине и к сладостному отдыху после утомительного ничегонеделания.

И вот, если хоть в некоторых из наших читателей мы успели заронить решимость и желание, откинув партийные предрассудки и предубеждения, познакомиться с педагогическими изданиями К. П. Победоносцева, то наша задача будет достигнута.

М. Григоревский

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА

К. П. Победоносцев – личность чрезвычайно выдающаяся и по своим идеям, и по своей деятельности, и по тому исключительному положению, какое занимал он в течение трех царствований. У него было много искренних почитателей и друзей, а еще больше врагов, глубоко ненавидевших его. В разгар политических страстей, партийной злобы и жгучей ненависти уже над свежей могилой его (10 марта 1907 года) послышался дружный хор неприязненных ему голосов. Его считали «злым гением русской церковной жизни», «вдохновителем темных сил России»¹. Победоносцев, по выражению Н. Бердяева, известного публициста, «трагический тип»; это один из тех, в ком христианство убило Христа... «Атеистический дух инквизитора дви-

¹ «Церковное обновление», 1907, № 1, с. 86.

жет им, и он, подобно этому страшному старику, отвергает свободу совести, отстаивает религиозный утилитаризм¹. Лица, попавшие сознательно и несознательно в водоворот последних событий в нашей политической жизни, обвиняли К. П. Победоносцева в том, что он «хотел остановить бурлящий поток народно-государственного творчества плотиной кабинетных измышлений и бумажного творчества», и не скрывали своего злорадства, что «пал этот выдающийся деятель, как рушится дуб под незримой работой молодых порослей, которым он преграждает доступ к выси и солнцу»².

Мы не будем разбирать мнений и взглядов на К. П., продиктованных не беспристрастным суждением о его деятельности, а партийными счетами. История покажет, сеял ли он доброе семя или одни плевелы, погибли ли с ним все его идеи или в них есть нечто жизненное. Для нас же достаточно отметить, что даже те, кто так ненавидит его, вынуждены сознаться, что когда читаешь сочинения К. П. Победоносцева, то «ненависть ослабевает»: звучат у него «такие искренние ноты, искреннее смирение перед высшим, любовь к народному, романтическая привязанность к старому»³. Такая раздвоенность во взглядах лиц, враждебно настроенных против К. П., с одной стороны, и большое число почитателей его⁴ – с другой, объясняется естественно: К. П. Победоносцев – чрезвычайно крупная политическая фигура, мимо которой нельзя пройти с равнодушием или безразличием, глубокий и разносторонний ум, в произведениях которого так много практически жизненного и поучительного для читателя. К сожалению, читающая публика мало знакома с его произведениями и склонна огульно осуждать уже заранее все то, что связано с именем Победоносцева. Не пользуются известностью и педагогические его

¹ «Нигилизм на религиозной почве» Г. Бердяева. Век, 1907, № 17, с. 231–233.

² «Биржевые ведом.», 1907, № 97.

³ «Нигилизм на религиозной почве» Г. Бердяева. Век, 1907, № 17, с. 231.

⁴ См. «Новое время», «Моск. ведом.», № 52 и 64; «Голос Москвы», № 61; «Русские ведом.», № 57 и др.

воззрения. Ввиду этого задачей настоящего очерка является изложение в общих чертах воззрений К. П. Победоносцева на воспитание и обучение детей на основании изданных им сочинений: «Учение и учитель», «Московский сборник», «Новая школа», «Христианские начала семейной жизни» и др.

Наше внимание остановилось на предмете очерка не случайно. Если при оценке просветительной деятельности К. П., насколько она выразилась в институте церковноприходских школ, возможны споры и несогласия, то в суждениях его о лучших способах воспитания и обучения, о качествах учителя и начальника школы, о преподавании отдельных предметов и т. д. так много светлого и жизненного, что знакомство с ними необходимо для всякого, готовящегося к педагогической деятельности. И неудивительно. В течение своей многолетней и самой разносторонней деятельности, не исключая и педагогической, К. П. имел возможность накопить богатый запас педагогических идей и видеть в теории и на практике достоинство различных систем воспитания и обучения.

К изложению педагогических взглядов К. П. мы теперь и перейдем.

<I>

В развитии человеческой личности весьма важное значение имеют те впечатления, которые восприняты ребенком еще в дошкольный период. Поэтому выдающиеся педагоги (Песталоцци, Дистервег и др.) обращали самое серьезное внимание на воспитание детей уже в раннем возрасте. «Только то прочно, – говорит великий воспитатель и учитель Я. Каменский, – что всосалось в раннем возрасте. Сосуд сохраняет запах, которым он был пропитан сначала, даже когда его разбивают... Таким же образом и в человеке первые впечатления заседают так крепко, что было бы чудом, если бы они могли измениться; поэтому всего благоразумнее внедрять их в ранней юности

согласно с истинными требованиями мудрости»¹. Роль дошкольного воспитания как могучего фактора в образовании нравственной личности человека ясно сознавалась и К. П. Победоносцевым. Нет в мире, по его словам, нравственной задачи важнее задачи воспитания². Дело воспитания «малых сих — дело великое и святое. Здесь имеет значение прежде всего личность воспитателя, а не та или другая система воспитания, созданная холодным рассудком людей. Если бы кто стал спрашивать, — говорит он, — о началах и методе воспитания, то скажем: будь сначала сам тем, чем хочешь сделать другого, будь по всему существу своему. Если твои требования противоречат тому, что ты сам втайне мыслишь и делаешь, то не ожидай успеха, а будь уверен, что все воспитательные выдумки ни к чему не поведут»³. Ложь, неискренность должны быть совершенно чужды воспитателю, так как сколько бы он ни лицемерил, дети поймут в конце концов его лицемерие, и тогда целые сочинения правил и убеждений пропадут даром: «дети примечают многое, что делается за кулисами»⁴.

В системе воспитания, имеющего задачей гармоническое развитие всех сил души ребенка, первенствующее место должно быть представлено, по убеждению К. П., религии, которая составляет необходимую потребность человеческой души. «Одна только и есть совершенная и воспитательная мудрость, — по его словам, — это высочайшая мудрость в воспитании человека. Бог воспитывает детей наших посредством нас и непременно воспитают их, если мы сами дадим Ему воспитать себя самих». Говоря так, К. П. далек от того, чтобы отрицать пользу разного рода сочинений и книг, раскрывающих или уясняющих те или иные стороны воспитания. Воспитателю могут оказать помощь и «человеческие правила», но все это «невыразимо слабо и от-

¹ Великая дидактика. М.: Изд. Тихомирова, 1896. Глава VII. С. 115.

² Христианские начала семейной жизни. Соч. Тирша. Перев. с нем. Изд. К. П. Победоносцева. М., 1899. С. 92.

³ Там же, с. 99.

⁴ Там же, с. 101.

рывочно»; «что-то мертвое, а не живое черпаем мы отсюда: знание, а на мудрость»¹. Мудрости же можно научиться только «в училище Господнем»². Развитие в детях лучших сторон человека, воспитание их в покорности воле Божией – это величайшая и прямая обязанность родителей; она возложена Богом на них и ни на кого более в целом свете³. Никакие школы, институты, семинарии и монастыри не могут заменить в деле воспитания детей могучего воспитательного влияния их родителей. Первая воспитательница в семье есть мать. Если она слагает с себя попечение о детях лишь для того, чтобы удобнее предаться удовольствиям светской жизни, то тем самым она оскорбляет нравственное чувство целого общества. Достоин осуждения и отец, уклоняющийся по разным причинам от участия в воспитании детей. К. П. Победоносцев не находит никакого извинения для тех родителей, которые спешат как можно скорее поместить дитя в учебное заведение, чтобы избавить себя тем самым от всякого труда воспитания⁴. Строгое отношение К. П. к таким родителям вытекает из его несочувственного взгляда на училищное воспитание, которое страдает многими недостатками; в общественных училищах, говорит он, распространяется всегда тот же дух, которым проникнуто большинство в современном обществе; при этом в школах влияние товарищей действует сильнее на вновь поступающего воспитанника, чем влияние воспитателей⁵. С этим взглядом нельзя не согласиться, особенно если принять во внимание состояние воспитательного дела в наших школах. Общеизвестный факт, что на эту сторону здесь обращается мало внимания, что дети и юноши растут и развиваются под воздействием не школы, а известной части прессы, разрушающей нередко в юноше все идеальное

¹ Христианские начала семейной жизни. Соч. Тирша. Перев. с нем. Изд. К. П. Победоносцева. М., 1899. С. 103.

² Там же, с. 101.

³ Там же, с. 107.

⁴ Там же, с. 113.

⁵ Там же, с. 120.

и созидающей из него уже на школьной скамье «партийного гражданина», менее всего занятого своим развитием и серьезным трудом... Родители ясно сознают, к чему может привести такое направление школы, и поэтому будущее их детей вызывает естественную тревогу и опасения. Ввиду этого можно всецело присоединиться к пожеланию К. П., что «покуда есть малейшая возможность, покуда не истощены еще все средства, необходимо оставлять детей дома, где веет над ними благодетельный дух семейства, а не бурное и холодное дыхание духа времени; здесь наблюдает за ними взор отца и матери, здесь развиваются перед ними чистые и нежные чувства, готовятся для них чистые радости домашнего круга»¹. К сожалению, по условиям современной жизни далеко не все родители могут воспользоваться советом К. П., да и те из них, которые пожелали бы исполнить его, все же в конце концов должны отдать своих детей в школу, в интернат и т. д., и последние не избегнут т. о. влияния школьных товарищей. Как же уберечь детей от вредных сторонних влияний и возможно ли это? Возможно. Для этого родители и воспитатели должны всеми силами заботиться о развитии в детях уже в раннем возрасте «чистого семейного духа», утверждать в ребенке те начала, которыми проникнута семейная жизнь у нравственно развитых лиц. Это гораздо важнее, чем умение читать, писать и считать, приобретаемое в раннем возрасте. Ребенок уже в семье должен сделаться сознательным членом семейства, господствующие убеждения которого должны пустить в его душе глубокие корни. «Честь и радость его, – по словам К. П. Победоносцева, – пусть будет вся на том месте, которое он занимает в доме: чем полнее он участвует в ежедневных событиях и в духовной жизни родителей, старших и братьев, тем совершеннее должна быть эта честь и радость»². Только при этом условии для питомца не будут страшны никакие влияния и внушения. Это положение можно принять только с некорым ограни-

¹ Там же.

² Там же, с. 121.

чением, так как нельзя забывать, что воля у детей не скоро крепнет, что она слаба бывает и у юношей. Поэтому нередко примеры, когда дети, воспитанные в семье в добрых навыках, в школах под влиянием дурной среды быстро усваивают дурные привычки, а иногда и пороки. Необходимо, следовательно, чтобы было обращено серьезное внимание на улучшение воспитательного дела в наших школах, чтобы последние не разрушали того, что создает семья, а продолжали и развивали воспитательное дело семьи. При таких условиях семейное воспитание действительно может сделаться одним из самых важных факторов нравственного развития личности питомца и вместе с тем сыграть важную роль в оздоровлении общественной жизни.

Итак, семья, по взгляду К. П. Победоносцева, должна заложить самые крепкие основы для нравственного и интеллектуального развития детей и вместе с этим для религиозного воспитания их. Для ребенка, говорит он, «великое бедствие, когда его воспитывают без всякой заботы о христианстве, но иногда не менее бедственно и то воспитание, которое совершается хоть и во имя религии, но не в чистом духе Христовом»¹.

Это – глубокое убеждение К. П., проходящее через все его сочинения. Прекрасной иллюстрацией основной его мысли о необходимости воспитывать детей в духе Христовой веры служит «История детской души» – книжка, изданная им самим, представляющая перевод английской писательницы Марии Корелли². В этом сочинении рассказывается печальная и в высшей степени трогательная история даровитого и симпатичного мальчика Лионеля, который воспитывался отцом Велискуртом без веры в Бога и загробную жизнь. Для мальчика был

¹ Христианские начала семейной жизни. Соч. Тирша. Перев. с нем. Изд. К. П. Победоносцева. М., 1899. С. 128.

² Изд. 1898 г. Москва. Книга надписывается в подлиннике так: «Тем самоименным прогрессистам, кои и учением своим, и примером содействуют бесчестному делу воспитания детей без веры». Мария Корелли (1855–1924) – английская писательница, автор ряда популярных в свое время мистических романов.

составлен даже особый конспект, в котором история верований разделялась на 12 групп, причем 11 и 12 озаглавливались так: «Христос и постепенное развитие христианского мифа на обломках греческого и римского язычества» и «Позитивный и чистый разум с доказательствами, что все эти верования никаких положительных основ не имеют, а только тормозят ход интеллектуального развития человечества»¹. Никто не научил Лионеля молиться, а ему лишь было объяснено, что есть люди, которые молятся, но что этот обычай соблюдается только ради народа. Раз известно, что законы природы непоколебимы, то нельзя думать, что молитва может изменить в них что-нибудь; нелепо предполагать, что глухие силы природы могут примечать страдания и исполнять прошения человека, когда человек в сравнении со вселенной то же, что былинка в луче солнечном². Когда же несчастный мальчик решал мучительный для него вопрос о причине всего существующего и обращался за разрешением его к близким ему лицам, он услышал ответ, что есть только Атом, для которого безразлично все – и слезы, и грех, и горе... Но с таким ответом Лионель не мог помириться, чувствуя смутно, что в нем кроется ложь. Не переносит он и созданной специально для него системы воспитания, подсказанной холодным рассудком взрослого человека, не понимающего детской природы и ее запросов. У него созревает страшная мысль о самоубийстве. И вот в это время у него вырываются невольно такие слова: «О милый Атом! Если в конце концов откроется, что ты вовсе не атом, а Бог, Бог живой, добрый, любящий, сострадательный ко всем бедным людям, которых Он сотворил, ты и меня пожалеешь... Ты поймешь, отчего я иду искать Тебя... ведь я не виновен в том, что мне здесь жить так страшно, что я так хочу знать, есть ли что лучше этого мира. О если ты Бог, я знаю, Тебе будет жаль меня. Я всегда хотел верить в Тебя, как в Бога»³.

¹ Там же, с. 56.

² Там же, с. 92–93.

³ Там же, с. 219.

Мальчика не стало. В своем последнем трогательном письме он просит своего профессора учить маленьких детей верить в Бога, который в свое время откроет тайну Своего творения¹.

«История» детской души, так рано погибшей вследствие неправильного воспитания, производит сильное впечатление своей художественностью и мастерским изображением страданий Лионеля. Пусть называют ее тенденциозной; допустим, что в ней есть спорные положения. Для нас важна основная идея этой книги: необходимость для правильного развития детей воспитывать их в христианской вере, учить их понимать красоту Божьего мира, а равно и то, что «добро жить, добро любить, что чудны все дела Господни». Эту веру хотят, по словам Победоносцева, искоренить так называемые передовые люди и представители печати. Чем богохульнее, вульгарнее и грязнее произведение, тем шумнее овации его автору. «Чего доброго, скоро и мы сами, – говорит он, – на вопрос наших детей, кто сотворил небо и землю, дадим ответ: ни небо, ни вселенная не были сотворены – первой причины нет, ибо все, что научно доказано быть не может, – не имеет бытия»². Опасения К. П. не безосновательны и заслуживают полного внимания, особенно если иметь в виду появление на книжном рынке в настоящее время громадного количества антихристианских произведений, цель которых ясна: вытравить веру из сердца простого народа, а затем и у подрастающего поколения³.

Но возможно ли религиозное воспитание детей? Не слишком ли дети малы для воспитания их в духе веры? Быть может, прав Руссо, утверждавшей, что «каждый ребенок, верующий в недоступного нашим чувствам Бога, должен быть непременно или идолопоклонником, или антропоморфистом», и что поэтому он «до своей зрелости и не должен ничего знать о Боге»? С подобными взглядами приходится

¹ История детской души. С. 233.

² Там же, с. 217.

³ Христианские начала семейной жизни. с. 102.

встречаться нередко и в настоящее время. Но они совершенно неосновательны. Действительные наблюдения над религиозной восприимчивостью детской души показывают, что религиозное воспитание детей и возможно и необходимо и что ни в коем случае не следует обманывать себя, скажем словами К. П., «если в начале замечен будет успех на стороне тех воспитателей, которые сами пренебрегают исполнением заповедей Христовых. Внутренняя несостоятельность воспитателя будет в этом случае песчаным грунтом». Мысли К. П. о религиозном воспитании детей в раннем возрасте подтверждаются и интересными опытами и наблюдениями директора Торсхаугского института для слабоумных (близ Христиании) г. Липпестада, который решительно утверждает, что «к культивированию души ребенка (даже ненормального) в духе христианства можно и должно приступать гораздо раньше, чем это полагают и делают. Тут мы имеем дело с таинственными и необъяснимыми для разума силами»¹. То же говорит и наш Достоевский. «Пяти-шестилетней ребенок знает иногда о Боге или добре и зле такие удивительные вещи и такой неожиданной глубины, что поневоле заключишь, что этому младенцу даны природой какие-то другие средства приобретения знаний, не только нам неизвестные, но которые мы даже на основании педагогики должны бы были почти отвергнуть»². «Господь, – по словам А. Коменского, – повелел в законе посвящать Ему всех первенцев; почему же не первенцев нашего мышления, лепетания, движения и действий?»³.

Религиозное воспитание, начатое в семье, должно продолжаться и в школе. Попытки утвердить школу, помимо религии, на нравственном учении оказываются и всегда окажутся, по убеждению К. П. Победоносцева, бесплодными. Нравственные начала учения, по его словам, испарятся и исчезнут, или поблекнут до безразличия, уступив

¹ Сборник «Семья и ее задачи», перев. с норвежск. Ст. директ. Линнестада «Слабоумие». См. Чтения по педантической психологии П. А. Соколова. Екатеринослав, 1907. С. 192–193.

² Дневник писателя. 1876. Май, гл. 2, § 1.

³ Великая дидактика, цит. Соч., гл. XXIV, с. 417.

место материальным побуждениям. Но учение, основанное на религиозных началах, вводит душу в новую духовную сферу, открывает ей горизонты духовной жизни, оставляет в ней идеи и понятия, которые, если и побледнеют, совсем исчезнуть не могут, не забываются, и даже, побледнев, снова нередко возвращаются в душу, освежая ее¹. И по выходе из школы человек, религиозно воспитанный, во всех своих делах будет послушным голосу оживляющего духа, который будет напоминать ему о необходимости воплощать в жизни высшее начало. Лишь в мысли о Боге мы можем обрести равновесие земного бытия, уразуметь идею единства жизни; лишь в мысли о Боге мы сами себя обретаем посреди бесчисленных подробностей жизни»².

Живое дело школьного воспитания и обучения требует для себя и живого руководителя, живого учителя, проникнутого горячим желанием содействовать истинному развитию детской души. К. П. Победоносцев с особенной любовью рисует идеальный образ учителя в своих педагогических заметках «Учение и учитель». Учитель, по его взгляду, это подвижник своего дела, влагающий свою душу в дело воспитания и обучения. Он должен помнить, что он делает великое дело, которое нельзя делать с *небрежением*³. Учитель – живой образец умения, старания и добросовестности⁴. Для него всего важнее сознание своего долга и верность ему⁵. Учитель никогда не должен забывать, что у него в классе дети: «старайся быть юн с ними – и они это почувствуют»⁶. Когда сидишь в классе и видишь перед собой 30 ребят, не забывай, что и ты когда-то был совершенно такой же⁷. Предъявляя строгие требования к учителю, К. П. Победоносцев дает

¹ Учение и учитель. Педагогические заметки. II книжка. М., 1904. С. 6–7.

² Там же, с. 4–5.

³ Там же, с. 12, 16–17.

⁴ Там же, с. 13.

⁵ Там же, с. 8.

⁶ Там же.

⁷ Там же, с. 10.

целый ряд практических указаний, как держаться ему в школе, как вести себя на уроках, относиться к детям и к урочным работам. Эти указания настолько целесообразны и жизненны, что не согласиться с ними нельзя. И если бы все учителя одушевлены были желанием осуществлять их на деле, то не было бы слышно и тех нареканий и жалоб на школу, которые, к сожалению, часто являются справедливыми.

Самое главное условие успешности педагогической деятельности заключается, по словам Победоносцева, в том, чтобы учитель *не уга-шал духа в себе*. Обычное дело рук человеческих день за днем может подавить человека и овладеть им, если сам он духовно им не овладевает. Эта опасность угрожает в особенности учительскому званию. Учитель, закоснев в своем предмете и на однообразных классных упражнениях может замереть духом в учебном обычае. Оставаясь исправным во внешности, он мало-помалу утрачивает способность жить одной жизнью со своим классом и духовно возбуждать его. Одушевление в деле воспитания и обучения – великое дело. Но оно не должно переходить у учителя в пафос¹. «Будь естествен: говорить надобно так, чтобы ясно понимали те, кому говоришь». «Берегись употреблять отвлеченные фразы; берегись нанизывать правило на правило. Дорога, вымощенная отвлеченностями да правилами, ведет к отупению и отводит от жизни»². Всякую работу, какую требует учитель от ученика, он должен сначала уметь сам проделать как можно лучше. «В этом *правда*, а без *правды* – какое учительство!»³ Хотя сам К. П. не преподавал в низших и средних учебных заведениях, однако педагогические заметки его о поведении учителя в классе свидетельствуют, что он хорошо знал детскую природу. Если хочешь, чтобы класс твой был спокоен и внимателен, – наставляет он учителя, – будь спокоен и внимателен сам, спокоен прежде всего во внеш-

¹ Там же, с. 34.

² Там же, с. 11.

³ Там же, с. 10.

них приемах. Молодой конь чует неопытного, неуверенного в себе ездока, и начинает шалить и брыкаться¹. Не следует раздражаться в классе мелочами и придавать им значение. Шалун нарисовал на столе твою фигуру, да еще подписал. Что тебе делать? Спокойно сотри ее или вели стереть соседу. Беда, если рассердишься, да еще станешь расследовать. Тогда пример станет заразительным². Против такой меры не станет возражать никто, даже мало знакомый с шалостями и проделками школьников.

Дело учительства далеко не исчерпывается урочными часами преподавания в классе. Только учитель-ремесленник, не любящий школу и детей, окончив уроки, спешит к себе домой с тем, чтобы не заглядывать в школу и не видеть учеников до следующего дня. Такой учитель забывает, что много важнее общение с детьми вне уроков: здесь собирается богатый материал для оживления интереса, для возбуждения мысли и воображения, для сообщения понятий и сведений; здесь прямое средство духовного и душевного общения учителя с детьми и залог сердечной и умственной привязанности детей к школе и учителю³. «Учитель, – по словам К. П., – образует сочувственное единение с природой, с жизнью и бытом детей, коих учить он призван. Добрый учитель живет одной жизнью с своей школой»⁴.

Придавая такое большое значение личным качествам учителя, который является самой «сущностью» школы, К. П. Победоносцев polemизирует с теми, которые отводят личности учителя второстепенное место в школе и думают, что создать учителя для школы – дело легкое. «Беда, – говорит он, – если при устройстве школы, так же как и при устройстве канцелярии, слышится та же речь: стоит кликнуть клич, и учителя явятся, – сколько их есть, ищущих работы и хлеба»⁵.

¹ Учение и учитель. Педагогические заметки. II книжка. М., 1904. С. 8.

² Там же, с. 10.

³ Там же, с. 7.

⁴ Там же, с. 25.

⁵ Учение и учитель. Кн. II. М. 1901. С. 16–17.

Многие так и думают: настроим школ, наберем учителей, дадим им в руки программы и новейшие методы обучения, свяжем их правилами инструкций, и дело пойдет. С таким взглядом может согласиться только тот, кто мало знаком со школьным делом. «Учитель-ремесленник, учитель-чиновник не годится для живого дела. При таком учителе дело может оказаться подобием Крыловского квартета»¹. Правда, для приготовления народных учителей существуют специальные учебные заведения (учительские семинарии, школы), где все внимание обращается на сообщение необходимых для учителя теоретических знаний и на практическую подготовку его к учительству. Отношение К. П. к таким школам скептическое, так как он совершенно не разделяет воззрения, что при помощи наук и курсов может выработаться нужный для дела учитель. Учитель должен пройти через «лабораторию» действительного учительства в начальной школе, где приобретает искусство учить не посредством книжных лекций, но обращением с живыми детьми, притом не с теми или другими детьми, но с целой организованной массой детей². Соглашаясь вполне с мыслью, что искусство учить приобретается в школе, в общении с живыми детьми, мы в то же время не можем признать вполне обоснованным скептический взгляд К. П. Победоносцева на специальную подготовку учителей в учебных заведениях. В организации учебно-воспитательного дела и в той подготовке, какая дается специальными учительскими школами, есть, конечно, немало недостатков и пробелов, но через это значение их нисколько не уменьшается, так как никто не станет отрицать необходимости теоретической подготовки и умственного развития для всякого практического деятеля, а тем более для учителя. Только расширив свой умственный кругозор изучением в специальной учительской школе учебных курсов и усвоением разного рода знаний, учитель может с большей легкостью ориентироваться в своем деле,

¹ Там же, с. 17.

² Там же, с. 18.

в лучших способах воздействия на детей, в искусстве и в приемах обучения. Поэтому-то необходимость возможно лучшей теоретической подготовки учителей сознается всеми, кто желает правильной постановки обучения в начальных школах.

Требования, предъявленные К. П. Победоносцевым к учителям, слишком высоки, а выполнить их могут далеко не все учителя. Это он сознает и сам. «Учитель», по его словам, «принадлежащий» заведению, сросшийся с ним и живущий в нем его жизнью, – есть поистине *gaia avis*¹ в наше время. «Кое-где еще можно сыскать старого учителя педагога, издавна сидящего на своем месте, да еще где-нибудь в глухой деревне отыскать старика учителя, в голоде и холоде, из любви к детям посвящающего всю свою жизнь уходу за ними»².

В городе же большинство учителей – наемники учебного труда, изнывавшие в тоске своего звания. В непрестанной заботе о хлебе насущном для себя и для семьи своей, без интереса, без одушевления несет он поденный труд, перебегая или переезжая из одного учебного заведения в другое, и всюду является усталый, раздраженный, утягивая нередко минуты и четверти из каждого урока³... Против этих глубоко жизненных и справедливых замечаний едва ли можно возражать. Казалось бы вполне естественным, что К. П., занимавший исключительно высокое служебное положение и так хорошо знавший материальное положение учителей, будет вести речь о необходимости улучшить его, но, к сожалению, этот вопрос он обходит молчанием, выдвигая на первый план идею подвижничества в учительской службе... Между тем он не жалеет красок, чтобы изобразить бедственное положение учителей и особенно учительниц в глухой деревне. «Часто учительнице, – говорит он, – кормиться нечем и есть едва во что одеться – жилище ее холодное и надо просить всюду, чтобы добыть

¹ Редкая птица, редкость (*лат.*).

² Учение и учитель. Кн. II. М. 1901. С. 19.

³ Там же, с. 19.

дров, чтобы достать освещение в вечернюю пору. А вокруг нее нередко бедняки, от коих и достать нельзя... и нередко школа ее отделена от людного жилья дальним пространством и непроходимыми снегами. Скучное ее жалованье приходится ей нередко выжидать месяцами, откуда дойдет оно до нее из отдаленных пунктов школьного управления. И счастье, когда найдет она около себя доброго и усердного священника, жалостливого соседа, внимательное начальство. Иначе – ожидает ее тяжкая борьба с невежеством, с равнодушием, иногда с враждой всех тех, от кого она жаждала помощи и содействия. Какое – не только терпение, – но какую любовь и жалость к бедноте и невежеству надобно хранить в душе своей, чтобы выносить месяцы и годы жизни в такой обстановке и в таком напряжении духовной силы... Немудрено, что, как свеча, которая дает свет, но и сама сгорает, учительница в несколько годов истощается и сгорает»¹. Мы намеренно привели эти прекрасные по силе чувства строки, чтобы показать, как автор их ясно понимал тяжелое, а подчас и невыносимое положение сельских учительниц и как горячо сочувствовал этим труженицам...

Не менее строгие требования предъявляются К. П. Победоносцевым и к начальникам учебных заведений. Начальник заведения должен весь принадлежать ему, жить одною с ним жизнью. Он должен действовать примером и быть первым работником. «Он первый не над подчиненными во власти сущими, но первый между коллегами-учителями и должен стоять не над ними, а посреди их, сохранять и поддерживать их интерес в учении и науке, оживляя его своим интересом»². Он должен уметь отличать существенное от второстепенного, «ощущать добро и разум в каждом человеке»³. Быть таким и значит уметь править учебным заведением в лучшем смысле этого слова, а не на восточный манер – предписаниями, циркулярами, про-

¹ Там же, с. 47–48.

² Там же, кн. I, с. 31–33.

³ Там же, с. 32.

токолами, инструкциями и т. д. Начальник тверд во всем том, что требуется правдой и чувством долга, без поблажек и уступок, но к каждому относится, сообразуясь с природой и характером каждого. Где нет сознания долга, там весь строй трещит по швам, там нет духовной связи ни между учащими, ни между ними и учениками¹.

Наблюдающих за школами (инспекторов и директоров училищ) Победоносцев предостерегает от формализма, так как школа – не канцелярия. Когда видишь, говорит он, учителя, отдающего всю душу обучению и воспитанию детей, – берегись приступать к нему с властным начальственным видом и не смущай его требованиями бумажного и программного формализма. «Горе тебе, если, приезжая в школу, считаешь ты главным или единственным» долгом своего звания обозреть тетради, отметки и ведомости и затем ехать далее. Ищи повсюду учителя – его смотри, с ним беседуй по-человечески: ведь он главное орудие школы. Если он колеблется, твое дело поддержать его. Если сомневается, научи его. Если живет он в нужде, в голоде и в холоде, – не проходи мимо него равнодушно, – Богу дашь ответ, если не позаботишься ободрить человека в его терпении»²... Если бы эти советы К. П. твердо помнили все те, кто имеет «начальственное» отношение к школе и народному учителю, то последнему жилось бы лучше, и он с большей энергией сделал бы свое ответственное и важное дело учительства.

II

Сущностью школы, краеугольным камнем школьного обучения является, по справедливому замечанию К. П. Победоносцева, живая личность учителя. Обуславливая успех обучения и воспитания в школе, прежде всего, любовью учителя к школе и детям, К. П. счи-

¹ Учение и учитель. Кн. II. С. 15–16.

² Там же, кн. I, с. 35–36.

тает полезным в то же время преподавать учителю и дидактические указания относительно предметов, изучаемых в начальных училищах. Эти указания не представляют какой-либо системы, а рассеяны в разных местах его сочинений.

Самым больным и назревшим вопросом в наших школах является вопрос о преподавании Закона Божия в училищах, и не только низших, но и средних. Родители, имеющие детей школьного возраста, лица, знакомые с постановкой преподавания этого предмета, хорошо знают те ненормальные условия, которыми обставлено изучение его в настоящее время. Знают, но изменить их к лучшему не могут... Между тем разумное усвоение Закона Божия, учения нашей веры, имеет громадное значение уже потому, что нельзя себе представить цельного и свежего народа, который не имел бы веры, предполагающей «сознанный и недостигнутый идеал, верховный и обязательный закон», через усвоение которого приобретает творческая сила (Самарин)¹.

К. П. Победоносцев прекрасно был знаком с постановкой преподавания в школах Закона Божия и не находил в этом преподавании ничего утешительного для себя и для религиозного развития детей. Всякая школа, говорит он, вправе слыть школой религиозного обучения, когда в числе предметов значится на первом месте Закон Божий. Но что означает преподавание Закона Божия? «Мало, бедно, если это значит только учебная священная история и вопросы и ответы на память из катехизиса. Учить Закону Божию должно бы значить: учить живой вере. Мало учить только, как жил, и учил, и умер, и воскрес Господь Иисус: надо детям ощутить, что нельзя им жить без Господа Бога, что слова Его и речи должны перейти в их жизнь и в их природу»²... Кто учит детей, тот должен помнить, что дети смотрят в глаза ему и не только слушают речи его и уроки, но ищут в нем видеть христианина, хранящего и творящего правду... Таков идеал. В действительности же

¹ Там же, кн. II, с. 10.

² Там же, с. 12–13.

на уроках Закона Божия мы видим перед собой учебники и учебные пособия, видим программы с номенклатурой предметов и разделением их по классам. На первом плане – священная история Ветхого и Нового Завета; Св. Евангелие входит в состав священной истории и разбивается на уроки и на множество вопросов, которые экзаменатор будет предлагать испытуемым детям и которыми многих из них будет приводить в смущение и слезы. Такое отношение к Св. Евангелию, превращающее его в учебную книгу, К. П. считает грехом. «Это значит – в ребенке обесценивать для человека книгу, которая должна быть для него сокровищем и руководством целой жизни. Страшно должно быть для совести разбивать слово жизни на бездушные кусочки и делать из них мучительные вопросы для детей»¹. Эти прекрасные и глубоко жизненные указания, к сожалению, или мало применяются в школах, или же совсем забываются. Закон Божий в наших учебных заведениях – это такой же предмет, как география, математика, только еще менее важный, второстепенный; показатель знания его – тот же балл. Неудивительно, что результаты такой постановки учета печальные. «Я видал, – говорит Победоносцев, – учебники, в коих по пунктам означено, что требуется для спасения души человека, – и экзаменаторы сбавляют цифру балла тому, кто не может припомнить всех пунктов... Где тут разум? Где нравственность? Где наконец – и прежде всего *вера*, – о коей мы лицемерно заботимся?»² Такие законоучители, по его мнению, не могут понять, что вера и нравственность – не равные с прочими предметами обучения, что они воспитываются в душе цельным воздействием школьной жизни. Семья должна посеять и воспитать в душе чувство благоговения и веры; школа должна не только поддержать это чувство, но и осветить в душе идею, без которой одно чувство смутно и неустойчиво. Школа должна поставить это чувство и эту идею в нравственную связь с жизнью – воздействовать на ре-

¹ Учение и учитель. Кн. I. С. 27.

² Там же, с. 28.

бенка своею нравственной обстановкой¹. А это возможно лишь в том случае, если между законоучителем и учениками существует живая нравственная связь. Такая связь может установиться при одном условии: учитель должен быть искренне религиозным. «Как бы ни было по наружности правильно изложение предмета в устах учителя, оно будет положительно вредно, если сам учитель – человек нравственно тупой и равнодушный... В воспитаннике, который машинально и по принуждению учился у равнодушного наставника истинам христианства, развивается по большей части неисправимая тупость мысли и чувства. Он знает, пожалуй, в подробности учение о таинствах веры, но в нем это знание – труп, которого потом не возбуждают к жизни никакие усилия верных служителей Церкви»².

Исходя из той мысли, что школа должна отражать в себе душу народную и веру народную, а душа русского человека привыкла питаться религиозными впечатлениями, К. П. настойчиво указывает, что «школе прямое место при Церкви и в тесной связи с Церковью. Она должна быть проникнута церковностью в лучшем, духовном смысле этого слова»³.

Из других учебных предметов К. П. Победоносцев довольно подробно останавливается на преподавании русского языка. Он предостерегает учителя от увлечения методическими указаниями, убеждает его не быть их рабом и твердо помнить, что класс – это живое существо, живущее своей жизнью, имеющее свою душу. Разного рода правила и указания методики и дидактики К. П. считает «методическими лабиринтами», в которых только опытный учитель может найти вход и выход, а неразумный и начинающий путается без исхода. Одним из таких лабиринтов является, по его мнению, и *объяснительное чтение*, которому придают в школах большое значение. Польза его при

¹ Там же, с. 29.

² Христианские начала семейной жизни. Соч. Тирша. С. 117–118.

³ Ученье и учитель. Кн. I. С. 29.

разумном применении на уроках несомненна. Но неопытный учитель может довести ученика до отупения, прерывая мысль его в чтении на каждом шагу и сбивая с толку вопросами и внушениями. Так, если, например, учитель при чтении басни будет останавливать ученика на каждом слове и делать пояснения, то он легко может упустить самое существенное в уроке; такой учитель «точно входит в лес и спотыкается на каждом кустике и дереве»¹. Неразумные поклонники этого метода, по словам К. П., развивая его, любят составлять примерные уроки длинных объяснительных чтений; служа образцами, эти уроки вводят одного слепца за другим в яму, из которой не найдешь выхода. Приведенные замечания дают основание думать, что Победоносцев не отрицает значения методических указаний в деле школьного обучения; он вооружается только против неумелого применения их на практике, что приносит большой вред ученикам.

«Учитель! Учитель! – восклицает он: подумай – нет науки, которую нельзя было бы обратить в орудие мучений “для малых сих”, состоящих под твоей ферулой. Твое дело помогать им расти, а сколько педагогов, считающих своим долгом надевать на них цепи и корсеты как будто для того, чтобы задерживать рост или исказить его!»²

Он осуждает строго тех учителей, которые из правописания делают пытку и сводят это простое дело на мертвую букву. «В увлечении запятыми, двоеточиями ты, – говорит он, обращаясь к такому учителю, – процеживая комаров, поглощаешь в то же время верблюдов здоровой педагогики!» Такой учитель не сознает той простой истины, что корень правописания и правильной речи есть осмысленное, одушевленное чтение с первой его стадии до последней. Учить правописание К. П. советует не на мнимых, кем-то узаконенных тонкостях правописания, а на чтении художественной речи³.

¹ Ученье и учитель. Кн. I. С. 14.

² Там же, с. 15.

³ Там же, с. 16.

Интересны рассуждения Победоносцева о темах для сочинений. Под словом сочинение разумеется обыкновенно какое-то самостоятельное изложение мыслей самого ученика о предмете, о котором ученик не в силах сам рассудить; а посему он перефразирует чужие мысли и выражения. Неудивительно, что такие работы часто бывают бесплодны. По мнению К. П., сочинение должно быть отчетливым изложением понятных ученику фактов. В начальной школе тема должна быть проста, в соответствии с доступными ребенку ощущениями и с впечатлениями несложного чтения. По мере развития ученика усложняется и свойство, и количество материала, но сущность работы остается та же. Так постепенно может быть воспитано в ученике умение выражать мысли и понятия, а где есть «умение, там растет и интерес, и рано или поздно приходит само собой знание»¹. Для каждого ученика должна быть задана и отдельная тема по степени способностей и развития его. Этот совет К. П. едва ли может быть осуществлен на практике, так как учителю, даже если бы он и не затруднился в выборе тем, приходится иметь дело с 30–50 учениками в классе; дать столько тем и разъяснить их, хотя бы в самых общих чертах, дело невозможное. Да и прибегать к такому приему при задании сочинений едва ли есть и нужда: у опытного и преданного делу учителя, серьезно относящегося к своему делу, успех будет замечен и при одной теме, назначаемой для целого класса; при 25–50 темах может распоряжаться и убить непроизводительно время даже талантливый преподаватель. Как ведение письменных работ, так и преподавание русского языка должно преследовать одну общую цель – приучить учащихся к точному, ясному и определенному выражению мыслей в слове и к пониманию значения родного языка.

Достижение такой цели получает особенно важное значение в наше время, когда с развитием наук и научной культуры в литературную речь вошло много новых понятий, новых терминов и слов,

¹ Там же, с. 26.

повторяемых «без точного сознания и в устной, и в письменной речи». Вследствие этого выходит, что «драгоценнейшее достояние духа – родное слово – утрачивает свое духовное значение, и сила его, и красота его расплывается», по глубоко верному замечанию Победоносцева, в бессмыслии бестолковых толков и беспорядочных писаний; и вместо искусства писать на родном языке распространяется легкое и всякому некультурному уму доступное искусство орудовать фразой. Образуются «дурные привычки легкого писания, коими заражаются и учителя, и через них школа».

Преподавателю истории литературы К. П. рекомендует знакомить своих учеников прежде всего с литературными образцами в подлиннике, а не в отрывках и извлечениях, помещенных в учебниках. «Дай ученику прочесть стихотворение поэта – научи его прочесть как следует – и тогда легко будет тебе объяснить, а ему понять, кто был писатель и что он значит»¹.

О преподавании других предметов – древних и новых языков, математики и т. п. Победоносцев говорит кратко, и поэтому касаться их мы не будем.

Приобретенные учениками знания должны проверяться на экзаменах. Экзамен в смысле испытания, по мнению К. П., дело нужное и полезное. Экзамены могут возбуждать школу и оживлять учебное дело, но лишь в том случае, когда сама школа живет, а не является «неодушевленным механизмом программного обучения». Если учение привлекает живым интересом, а не томит учеников, если учитель знает способности и характер каждого из них, то экзамен приобретает и для учителя, и для ученика живой интерес и получает вид праздника, венчающего учебное дело². Но в действительности экзамены являются «бедой» школьного дела. Победоносцев дает нам замечательно яркую картину экзаменов в современной школе, знакомую хорошо и

¹ Ученье и учитель. Кн. I. С. 9.

² Там же, с. 39.

учащим, и учащимся. «Главная забота у учителя и ученика, – говорит он, – чтобы провести, сдать благополучно экзамен. На последних днях курса поэтому сосредоточивается все напряжение и учителя и учеников, чтобы вместились в головы все то количество учебного материала, какое должно явиться на экзамене в качестве знания. Начинаются особливые заботы учебного начальства оградить верность т. н. испытания от всяких уловок со стороны учеников... а со стороны учеников изобретаются средства – без труда или с наименьшим трудом ответить на предполагаемые вопросы... В целом классе день и ночь происходит т. н. зубрение учебного материала по программам и билетам экзамена... Дело завершается торжеством одних и горьким рыданием других»¹. Такого положения, невыносимого для учителей и учеников, можно было бы избежать, если бы обучение происходило в течение года с истинной целью умственного развития учеников, а не имелось в виду, подобно заводу, действующему паром или электричеством, от времени до времени выбрасывать наскоро изготовленных кандидатов для экзамена и патента². К. П. не без основания вооружается против современного направления в наших школах, дающих своим питомцам только отрывки знаний, а не воспитывающих их для разумной жизни и осмысленного труда для общей пользы. Говорят, что школа существует для учения, а не для воспитания... На этом ложном основании, по его словам, учреждаются учебные заведения, наполняются массой учеников, распределенных по классам; учитель имеет дело с безличной массой, и ему не важно, кого он учит и кого спрашивает, а важно только, какой ответ дается на формальные вопросы программы и сколько учеников прошло успешно через экзамен и получило права, соединенные с цифрой успеха. Неудивительно, что ученики покидают такую школу с радостью и выносят из нее недовольство и даже отвращение от нее³.

¹ Там же, кн. II, с. 30–31.

² Там же, кн. I, с. 21

³ Там же, кн. II, с. 35.

Это великое заблуждение. Люди забывают старую истину, что «всякое учение бесплодно и мертво, если оно не есть вместе с тем и воспитание ума с возбуждением живого интереса к предмету труда, и воспитание воли к труду добросовестному, что знание нераздельно с умением и тогда только прочно, когда оно зиждется на умении и возбуждается умением»¹. Необходимость *воспитательного* образования с особенною убедительностью указывается в переводной статье Барнета «Воспитание характера в школе», приложенной Победоносцевым в конце первой книжки «Ученье и учитель» (с. 43–61). Эта статья настолько содержательна, что передать кратко изложенные в ней воззрения автора не представляется возможности. По глубине мыслей и изяществу изложения она заслуживает особенного внимания и педагогов и родителей, интересующихся вопросом о воспитании детей.

Вот в общих чертах педагогические воззрения К. П. Победоносцева. Многие из его замечаний и указаний настолько правдивы и глубоко жизненны, так ярко характеризуют выдающуюся личность покойного и положение школьного дела у нас в России, что невольно должны привлечь к себе внимание всех, кому дорого будущее нашей школы и нашей родины. И мы твердо убеждены, что разность политических убеждений нисколько не оправдывает тех, кто в партийном ослеплении и ненависти к почившему огульно осуждает все, связанное с его именем, и не желает вдумчиво и серьезно отнестись к светлым педагогическим идеям, высказанным К. П. Победоносцевым на закате своей жизни.

¹ «Новая школа». М., 1898. С. 4

ПРИЛОЖЕНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА

«Старые листья»

Срывая с дерева засохшие листья,
Вы не разбудите заснувшую природу,
Не вызовете вы, сквозь снег и непогоду,
Весенней зелени, весенней теплоты!

Придет пора – тепло весеннеедохнет,
В застывших соках жизнь и сила разольется,
И сам собой лист засохший отпадет,
Лишь только свежий лист на ветке развернется.

Тогда и старый лист под солнечным лучом,
Почуяв жизнь, придет в весеннее брожение:
В нем – новой поросли готовится назем,
В нем – свежий сок найдет младое поколение...

Не с тем пришла весна, чтоб гневно разорять
Веков минувших плод и дело в мире новом.

Великого удел – творить и исполнять:
Кто разрушает – мал во царствии Христовом.

Не быть тебе творцом, когда тебя ведет
К прошедшему одно лишь гордое презренье.
Дух создал старое: лишь в *старом* он найдет
Опору твердую для *нового* творенья.

Век будут истинны – пророки и закон,
В черте единой – вечный смысл таится,
И в новой истине лишь должно открыться,
В чем был издревле смысл великий заключен.

* * *

В пыли и брении земном
Зерно чистейшее хранится
И пробивает прах ростком,
Чтобы под солнечным лучом
Могучим деревом развиться.

В пустыне, зноем дня спаленной,
Где только вранов слышен крик,
Под грудой камней раскаленной
Сокрыт живительный родник
Воды прозрачной и студеной.

Где солнца луч на век угас
В пучине холодной дна морского,
Там ищет смелый водолаз

Жемчужин, блещущих для глаз
Отливом неба голубого.

Под грубой каменной корой
Алмаз таится драгоценный;
Но млат дробит за слоем слой –
И блещет чудною красой
Алмаз, из камня извлеченный.

Не так ли в мире суждено,
По воле тайной Провиденья,
Чтоб слова Божия зерно
Было на дне схоронено
Соблазнов, лжи и заблужденья?

Чтоб чудный дар воды живой,
Излитый Божией рукой
На мир в потоках беспредельных,
Вкушался жаждущей толпой
В сосудах грешных и скудельных?

Но вечной истины зерна
Сплетенье лжи не заглушает,
И древо жизни и добра
От зла и смерти торжества
Весь мир собой охраняет.

Но и воды живой струя
В сосудах грешных не мутится,
И дня великого заря,
Лучами кроткими горя,
Во веки тьмою не затмится.

РЕЧИ К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА

Речь К. П. Победоносцева 8 марта 1881 года на совещании Комитета Министров

Ваше величество, по долгу присяги и совести я обязан высказать вам все, что у меня на душе. Я нахожусь не только в смущении, но и в отчаянии. При соображении проекта, предлагаемого на утверждение ваше, сжимается сердце. В этом проекте слышится фальшь, скажу более: он дышит фальшью...

Нам говорят, что для лучшей разработки законодательных проектов нужно приглашать людей, знающих народную жизнь, нужно выслушивать экспертов. Против этого я ничего не сказал бы, если бы хотели сделать только это. Эксперты вызывались и в прежние времена, но не так, как предлагается теперь. Нет, в России хотят ввести конституцию, и если не сразу, то, по крайней мере, сделать к ней первый шаг... А что такое конституция? Ответ на этот вопрос дает нам Западная Европа. Конституции, там существующие, суть орудие всякой неправды, орудие всяких интриг...

И эту фальшь по иноземному образцу, для нас непригодную, хотят, к нашему несчастью, к нашей гибели, ввести и у нас. Россия была сильна благодаря самодержавию, благодаря ограниченному взаимному доверию и тесной связи между народом и его царем. Такая связь русского царя с народом есть неоцененное благо. Народ наш есть хранитель всех наших доблестей и добрых наших качеств; многому у него можно научиться. Так называемые представители земства только разобщают царя с народом. Между тем правительство должно радеть о народе, оно должно познать действительные его нужды, должно помогать ему справляться с безысходной часто

нуждой. Вот удел, к достижению которого нужно стремиться, вот истинная задача нового царствования.

А вместо того предлагают устроить нам говорильню, вроде французских *etals gensraux* (генеральных штатов – французский парламент). Мы и без того страдаем от говорилен, которые под влиянием негодных, ничего не стоящих журналов разжигают только народные страсти. Благодаря пустым болтунам, что сделалось с высокими предначертаниями покойного незабвенного государя, принявшего под конец своего царствования мученический венец? К чему привела великая святая мысль освобождения крестьян?.. К тому, что дана им свобода, но не устроено над ними надлежащей власти, без которой не может обойтись масса темных людей. Мало того, открыты повсюду кабаки; бедный народ, предоставленный самому себе и оставшийся без всякого о нем попечения, стал пить и лениться к работе, а потому став несчастной жертвой целовальников, кулаков, жидов и всяких ростовщиков.

Затем открыты были земские и городские общественные учреждения – говорильни, в которых не занимаются действительным делом, а разглагольствуют вкривь и вкось о самых важных государственных вопросах, вовсе не подлежащих ведению говорящих. И кто же разглагольствует, кто орудует в этих говорильнях? Люди негодные, безнравственные, между которыми видное положение занимают лица, не живущие со своим семейством, предающиеся разврату, помышляющие лишь о личной выгоде, ищущие популярности и вносящие во все всякую смуту.

Потом открылись новые судебные учреждения – новые говорильни, говорильни адвокатов, благодаря которым самые ужасные преступления – несомненные убийства и другие тяжкие злодеяния – остаются безнаказанными.

Дали, наконец, свободу печати, этой самой ужасной говорильне, которая во все концы необъятной русской земли, на тысячи и десятки

тысяч верст разносит хулу и порицание на власти, посевае между людьми мирными, честными семена раздора и неудовольствия, разжигает страсти, побуждает народ к самым вопиющим беззакониям.

И когда, государь, предлагают вам учредить по иноземному образцу новую верховную говорильню?.. Теперь, когда прошло лишь несколько дней после свершения самого ужасающего злодеяния, никогда не бывавшего на Руси, когда по ту сторону Невы, рукой подать отсюда, лежит в Петропавловском соборе не погребенный еще прах благодушного русского царя, который среди белого дня растерзан русскими же людьми. Я не буду говорить о вине злодеев, совершивших это ужасающее, беспримерное в истории преступление. Но и все мы, от первого до последнего, должны каяться в том, что так легко смотрели на совершавшееся вокруг нас; все мы виноваты в том, что, несмотря на постоянно повторявшиеся покушения на жизнь общего нашего благодетеля, мы в бездеятельности и апатии нашей не сумели охранить праведника. На нас всех лежит клеймо несмываемого позора, павшего на русскую землю. Все мы должны каяться!..

В такое ужасное время, государь, надобно думать не об учреждении новой говорильни, в которой произносили бы новые растлевающие печи, а о деле. Нужно действовать!

**Речь и здравицы К. П. Победоносцева,
произнесенные им на обеде, данном городом Киевом
в день празднования 900-летней годовщины Крещения Руси**

1. Мы празднуем в благодарном трепете перед Богом 900-летие величайшего события в нашей истории. В эти 900 лет совершилось над нами чудо судеб Божиих: из грубого рассеянного языка славянского возникло великое государство, выросло народное сознание, собралась земля русская через Киев в Москву. Разрушались вокруг

царства славянских племен под игом иноверных. Русскому народу Бог дал удержаться, вырасти, вынести тяжелое иго степных варваров, сбросить его с себя, пережить и преодолеть бедственное безначалие, отразить римско-польскую напасть, вернуть свои отхваченные врагами окраины, добраться до моря, укрепиться в силе и славе русского оружия, утвердиться незыблемо в вере, заповеданной предками.

Не нашей силой все это совершилось, а силой Божией в судьбах нашего народа. И явилась сила Божия в Церкви Православной, в которую вошел язык наш 900 лет тому назад водительством святого благоверного Великого Князя Владимира. Благословен и блажен этот день, положивший твердое основание судьбам нашим. Чтобы с нами случилось без этой Церкви, страшно и подумать. Она одна помогла нам остаться русскими людьми, собрать свои рассеянные силы, одушевила и вожей и народ, дала ему терпение пережить страшные невзгоды от голода и мора и от своих лихих людей, и от чужих – и одолеть врагов своих; посылала сынов земли нашей умирать за свою землю, научила рассыпанное стадо собираться около пастыря.

С востока, откуда воссиял свет Христов всему миру, приняли мы веру свою, приняли церковные уставы, приняли несказанную, несравненную красоту Богослужения и в него вложили свою русскую душу – глубоким и могучим словом своего языка и чудным звуком родной своей песни. И еще – не русская ли душа – одна – изукрасила и возлюбила у себя тот чудный звук русского колокола, который так таинственно будит ее и зовет в церковь и от земли домой, на небо. От древнего древа, насажденного на Востоке апостолами и святителями вселенской Церкви, приняли мы могучее зерно, и вот из него выросло на земле нашей то же, единое с ним, сеннолиственное древо и укрыло всю землю под своей сенью и привлекает под сень свою единоплеменные языки, и своих нам инородцев, коим радостно даем мы и Евангелие, и службу церковную на родном их наречии.

Отцы и братья! Что милее и любезнее, что дороже Церкви – всем нам, и великим и малым – какая красота милее и сочувственнее церковной красоты для русского сердца! Церковь – мать родная и милая русскому человеку, все мы дети ей, и если кто блуждает от нее далече, те, Бог даст, вернутся еще в родительский дом, к матери. Храм наш – это дом русскому человеку, дом самый ближний, где все равны от мала до велика, все имеют и находят свое место, где почерпают одинаково радость и утешение. Тут наша сила, тут тайная сокровищница судеб наших, тут хранилище драгоценнейших наших преданий и родник сил наших, которым суждено еще явиться в будущем, если в будущем оправдаем мы делами правды и любви всю истину нашей веры. Да поможет нам Бог! Для того мы и собрались сюда, чтобы вспомнить Его великую милость к русскому народу и от полноты сердца, горящего любовью к родине, благодарить Его и молить, да оправдается в делах наших и в судьбах наших наша вера, да возрастает и процветает наша великая Церковь – Церковь, единая с народом, и народ, единый с Церковью!

2. Сегодня празднуем мы память благоверного равноапостольного Великого Князя Владимира, того, кто привел себя и весь народ свой к крещению в водах днепровских, которые послужили купелью нашего спасения. Едва ли где когда столь мирным и бескровным путем вожь народный приводил людей своих в веру Христову, и не лишено значения, что у нас сельские жители издавна носят название христиан, тогда как на Западе называются они доселе по преданию именем язычников.

Так верил, так был издревле послушен русский народ своему князю, потом своему государю. Единодержавие, возросшее у нас вместе с Церковью и в неразрывном единении с ней, оно вместе с Церковью укрепило, собрало и спасло государственную целостность русской земли и создало государство Российское. Благословим Бога, избавившего нас от бедствий и раздоров народоправления, которое

исстари губило и донныне продолжает губить те славянские государства, где оно, к несчастью их и нашему, успело утвердиться. Под знаменем единодержавия и самодержавия мы выросли, под ним мы стоим, под ним составляем единое тело и охраняем в нем единую волю, и в нем видим на грядущие времена залог правды, порядка и блага земли нашей.

И вот первая заздравная наша чаша: да здравствует благочестивейший Государь наш, всем нам Отец, Старший Сын и Верховный на земле Защитник Церкви Православной, Император Александр Александрович с Государыней Императрицей и Государем Наследником Цесаревичем, с нынешним именинником Великим Князем Владимиром Александровичем и со всем Августейшим Домом.

3. За здравие Святейшего Правительствующего Синода и всех ныне присутствующих архиереев Православной Церкви.

4. Слава и честь и благосостояние православной вселенской кафедре второго Рима, града Константинова, от него же приняла святая Русь наша свет евангельского учения! Слава и честь и преуспеяние святейшим патриархам: Константинопольскому, Иерусалимскому, Александрийскому и Антиохийскому и представителям всех автокефальных Церквей православных! И, вопреки всем врагам видимым и невидимым, да не ослабнет и да не разрушится вовеки единение наше в вере православной и в любви христианской.

5. В нынешний день почтим благодарной памятью великое служение русского духовенства. Из его среды вышел целый сонм не только иерархов и священнослужителей, но и людей науки и мужей государственных русского духа. Духовенство наше от иерарха до причетника из народа вышло, вместе с народом жило, страдало и радовалось и не стремилось отделяться от народа и возвышаться над ним. Оттого и сохранилась нераздельная связь его с народом. Так всегда и да будет. Кто знает тяжкие условия быта, в коих живет и действует наше духовенство, особливо сельское, у того слово суда,

готовое для недостойных, умолкнет перед величием подвига, совершаемого многими, безвестно труждающимися посреди пустынь, лесов и болот необъятной России, в великой нужде, в холоде, в голоде, в нищете и нередко в обиде. Легионы этих тружеников стоят уже перед Богом молитвенниками за нас, и на их костях стоит наша Церковь. Но и ныне сколько живущих, подобно им, безвестно трудятся над ее созданием! Слава и честь духовенству нашему, и да умножит ему благодать Божия и крепкую силу веры и чувство любви и жалости к народу для учительства словом и делом!

6. Русские люди все в годину испытания и брани дружно стояли грудью за родную землю и не щадили крови своей. Но кто столь терпеливо, столь просто и душевно являет любовь свою к родной земле, умирая за веру, Царя и Отечество, кто как не русский солдат, от самого высшего до нижнего чина! Кто его благочестивее и преданнее вере православной и своей Церкви! Кто столь покорен велению свыше, кто столь благодушен и кроток посреди ужасов войны с побежденным неприятелем! Бог да благословит вас миром и правдой посреди мира. Но и в мире, и в войне да здравствует христолюбивое российское воинство и да будет ему честь и слава вовеки!

7. На горах сих воссияла русской земле благодать Божия. На горах сих первые иерархи российской Церкви полагали начало всему строю церковной жизни русского народа и основали школу церковную – начало и душу русского просвещения. На горах сих основалась высшая его школа, где ковалось духовное оружие против римского духовного ига и против козней иезуитского любомудрия и властолюбия. Слава и честь кафедре Киевской митрополии, прославленной столь великими стоявшими на ней святителями! В терпении надеемся мы и веруем, что придет час, когда все, отторгнутые от нее насильем, воссоединены будут любовью. Здравие и долголетие досточтимому митрополиту Киевскому и Галицкому высокопреосвященнейшему Платону!

8. Да здравствует великая дочь великой матери – первопрестольная, златоглавая, благочестивая, благолепная Москва: украсил ее народ, как невесту, церковной красотой, и да красуется она, как жена добрая Соломонова, и внешним благолепием риз своих, и внутренней правдой и добродетелью, ибо она есть сердце России. Да здравствует Новгород Великий, с градом Петра, блистая и древней и новой своей святыней. Да здравствуют Новгород Низовские земли, в обилии благ духовных и телесных и в крепости русского сердца на все готового для защиты отечества! Да здравствуют и благоденствуют все великие и малые грады и веси Российского царства!

ПЕРЕПИСКА К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА

Переписка с С. Д. Шереметевым

1. К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ – С. Д. ШЕРЕМЕТЕВУ

Получено 13 июня 1877 в Плоешти

Любезнейший Сергей Дмитриевич.

Сердечно благодарю Вас за добрую память и за письмо Ваше из Киева. И я сожалел очень, что не успел с Вами видиться перед отъездом Вашим, но знал, как много Вам заботы и суеты было по этому поводу. Теперь Вы на месте и, конечно, не благоденствуете. Признаюсь Вам, что здесь все разумные патриоты глубоко огорчены были вестью о Царских сборах в армию. Все ожидали и ожидают от этого только путаницы и помехи в военных делах. Есть нечто глубоко оскорбительное для чувства в той мысли, что блестящее придворное собрание будет

присутствовать, как на спектакле при кровавых зрелищах. Нас радовало известие о простоте быта, господствующей в армии. Теперь поехало туда собрание роскошничавших, празднующих и пустословящих людей. Одно это какое впечатление должно произвести на нашу армию. Прости Боже тому, кто выдумал эту неуместную поездку. Я даже пропускаю и не читаю в газетах описания встреч и приемов: тяжело. Боже мой, когда мы перестанем праздновать!

С другой стороны, нельзя не сказать: зачем Государю подвергать себя опасности, очевидно, возможной в случае перехода через Дунай? Пользы никакой, а вред очевидный. А теперь носят слухи, что Цесаревичу дадут корпус в команду для военных действий. Если все это подражание Пруссии, – подражание несчастное. И война не такая, и совсем иные общественные и политические условия. К чему еще подвергать опасности и Наследника? Опять и пользы от его командования никакой. Я был на прошлой неделе у Цесаревны и застал ее очень грустной. Она только что получила телеграмму, что Цесаревич остается дольше и требует свое хозяйство. Все это меня смущает. Каждый день ждешь известий с сердечным трепетом. Вообще, со времени отъезда Государева самое расположение переменилось, и нет уже того радостного доверия к армии и судьбам ее, какое процвело в самом начале.

У нас здесь продолжают свою работу Комитеты мужские и дамские. И в тех и в других денег тратится много, но пока <не> видно разумных распоряжений. Разумеется, в эту войну много устроено учреждений санитарных, о коих и помину прежде не было, но жаль, что деньги тратятся без толку и слишком много разговоров и пререканий. Немало путают и высокопоставленные дамы с своими истерическими увлечениями. Во всяком случае, авось Господь Бог помилует и спасет. Время у нас тяжелое, и поднимается на все страшная дороговизна.

Вы теперь на самом месте и ближе все видите. При случае напишите мне с оказией о своих впечатлениях, понимаете, о Цесаревиче,

каков он и что делает. Скучает или одушевлен? Что делается в Вашей адъютантской компании? Какие виды на будущее? И о себе – все ли у Вас в семье здорово и благополучно?

И мое лето нынче пропало, отъехать вдаль нельзя, и я собираюсь перебраться в Ораниенбаум, где не предвижу себе покоя, тем более, что часто нужно будет ездить в город. (Адрес мой петербургский.) Разве, может быть, по обстоятельствам вырвусь на несколько дней в Москву. До сих пор, впрочем, у нас не похоже на лето. Совсем нет тепла и холодно так, что ходить надобно в теплом пальто.

Затем никаких новостей не умею передать Вам – в последнее время я никого здесь не вижу. Знаю, что Цесаревна едет в Гапсаль, что в Аничковом дворце суeta и сборы, особливо Васильковскому¹, едущему в Кишинев. Не видал и Алексея Александровича², которого Вы увидите.

Ваше положение, знаю, невесело, но делать нечего. Авось, Бог даст, минет эта туча, и мы вернемся опять в семейную атмосферу, лишь бы она не была душная, лишь бы после войны повеяло новой жизнью – тогда, во всяком случае, война была не даром.

Кланяйтесь от меня Олсуфьеву³ и Бярятинскому⁴. Обнимаю Вас от всей души, любезнейший Сергей Дмитриевич. Да будет над Вами покров Божий и молитва благочестивых Ваших предков. Храни Вас Боже в мире, в здравии, в благодушии.

Петербург, 6 июня 1877.

Ваш К. Победоносцев.

¹ Васильковский Антон Степанович (1824–1895), полковник, управляющий конторой Двора Наследника Цесаревича (с 1871). В 1877–1878 гг. исполнял обязанности начальника Главной квартиры Цесаревича

² Алексей Александрович (1850–1908), Вел. Кн., командир Гвардейского экипажа на Дунае, в 1881 г. назначен начальником всех морских команд на Дунае, с 1881 г. – генерал-адмирал, главный начальник флота и морского ведомства.

³ Олсуфьев Александр Васильевич (1843–1897), граф, адъютант Наследника Цесаревича.

⁴ Бярятинский Владимир Анатольевич (1843–1914), князь, адъютант Наследника Цесаревича.

2. С. Д. ШЕРЕМЕТЕВ – К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

Бивак у Зимницы на берегу Дуная

24 июня 1877 г.

Многоуважаемый Константин Петрович.

Письмо Ваше получил я в самый день выезда из Плоешти, где мы прожили с 23 мая по 13 июня, благодарю Вас от всей души. Вы вспомнили и оживили меня письмом Вашим, а то здесь как ни стараешься бороться с собой, но среди всей этой совершенно чуждой мне обстановки невольно впадаешь в уныние. Тяжелее всего, что не с кем почти слова сказать. Желаеть узнать что-нибудь, спросишь, и на тебя посмотрят с важностью и сожалением и не дадут никакого ответа, а еще многие напускают на себя какую-то таинственность, так к таким и не подходи. Хорошо, конечно, держать в секрете планы действий Главнокомандующего, но зачем, казалось бы, не дают возможности войскам знать, что делается на других театрах войны. Вот заговорили было о какой-то газете, «Военном листке», под редакцией поручика Крестовского, газета эта должна была появиться 16-го июня, но до сих пор о ней ни слуху ни духу, а разговору о ней было немало.

Что такое было пребывание в Плоешти, Вы себе представить не можете, потому что, наверное, никогда такой непроходимой скуки не испытывали. Город из рук вон плох, достать ничего нельзя, улицы грязные, кривые, вонючие, единственное увеселительное заведение «Молдавия» – кабак последнего разряда с несколькими тощими акациями и переполненный господами офицерами, военными корреспондентами, жидами, проходимцами, а более всего – девками. Сюда да еще в какой-то балаганный «Гипподром» стекалась вся наша светская *jéunesse doree*¹ и, по-видимому, с большим успехом убивала время, а нашлись и степенные генералы, которые очень удачно увивались вокруг какой-то необыкновенной ловкости циркачки,

¹ Золотая молодежь (фр.).

«la trapezeuse»¹, как все ее едко величали. Вечера оканчивались для нас обыкновенно у В<еликих> Князей, Наследника и Влад<имира> Алекс<андровича>, которые жили в одном доме с каким-то общим хозяйством, так что мы ужинали у обоих. Иные блюда заказывались Наследником, другие Владимиром Александровичем, но нельзя было похвалить кухню: давалось большей частью холодное и нередко тухлое. Кроме Наследника и адъютантов Вл<адимира> Ал<ександровича>, приглашались фл<игель>-адъютанты кн<язь> Долгорукий, кн<язь> М. М. Голицын, бывали и Лейхтенбергские и один раз пр<инц> Баттенбергский². Ужины по обыкновению длились долго, а разговоры редко бывали интересны, так что и тут мы новостей никаких не узнавали. И вот таким образом прозябали мы до 13 июня. Для меня это было почти днем избавления, кончалось, по крайней мере, бездействие, скорее напоминавшее красносельскую скучную жизнь, нежели приготовления к войне.

А пока вся эта блестящая свита бездействовала и веселилась, наши войска сделали свое дело как в Галаце и Браилове, так и под Зимницами. Блестящая была переправа, которая не могла не порадовать всю Россию; что за молодцы наши солдаты, это все те же суворовские чудо-богатыри! Я видел раненых и восхищался их удивительным спокойствием, с такими людьми можно многое сделать! Со дня переправы (15-го июня) живем мы здесь в Зимницах на самом берегу Дуная, напротив занятого нами болгарского города Систова. Нельзя похвалить бивуака: палатки стоят одна на другой, тесно и зелени никакой, пыль столбом стоит над нами целый день, жара невыносимая днем, сырость ночью, а во всякое время дня и ночи вонь от испорченной провизии, валяющейся вокруг кухни, и лошадиной падали, которой мы окружены. Дунай сильно спадает, каждый день появляются новые отмели, вода грязная, пить невозможно, даже ку-

¹ Танцовщицы «на трапеции» (фр.).

² Принц Александр Баттенбергский (1857–1893), генерал-майор свиты, князь Болгарии в 1879–1886 гг.

паться противно. Здесь стоим мы с 15-го числа. Единственное развлечение – переехать в лодке в Систов, но и там после увлечений и восторгов первых дней и радушного приема болгар мы сумели так себя поставить, что нас боятся, как турок, и ни одна женщина не показывается на улице. Ген<ерал> Драгомиров, въехавший в Систов каким-то римским триумфатором с венком из роз на голове и усыпанный цветами, теперь живет там в свое удовольствие и, кажется, мало заботится о дисциплине своих войск, кот<орые> на первых же порах порядком погуляли в завоеванном городе. Много свалили на болгар, что было делом наших солдат, и если подобные бесчинства будут повторяться в прочих городах Болгарии, то я не знаю, много ли мы выиграли во мнении этого народа. А между тем здесь решилось окончательно то, что замышлялось еще давным-давно: назначение Наследника командующим 2-мя корпусами, из коих один будет под нач<альством> Вл<адимира> Ал<ександровича>, а другой корпус – Шаховского, а ген<ерал> Ванновский, у которого поэтому отняли корпус, будет начальником штаба у Наследника. Пока Ник<олай> Ник<олаевич> с армией будет наступать к Балканам, наша задача, по-видимому, будет состоять в торчании перед Рушуком, придется его осаждать и стать между ним и Шумлой, откуда легко могут подойти турецкие подкрепления, а нам Ник<олай> Ник<олаевич> помочь будет не в состоянии. След<овательно>, задача не совсем ясная, и для чего взвалили это дело на плечи Наследника, которому и без того немало дела предстоит? Я объясняю только желанием каким бы то ни было образом подвести под статут для раздачи Георгиевских крестов! А случись серьезная европейская война впоследствии, то эти Георгиевские кавалеры и воеводы не будут Фридрихами-Карлами¹, а только заслонят собой действительно дельных и опытных генералов. Вот Николай Лейхтенбергский вдруг назначен бригадным генералом,

¹ Прусский принц Фридрих-Карл (1831–1888) командовал одной из прусских армий в 1866 г. и в 1870–1871 гг., был награжден Александром II русским Георгиевским крестом, что вызвало большое недоумение в русском обществе.

да еще передового отряда, человек, не командовавший ни эскадром, ни полком, отставленный от всего, кроме своей Акинфиевой, и он, пожалуй, вообразит себя Суворовым!

Мое здесь дело – слушаться и исполнять, что мне будет приказано, и да будет во всем воля Божия! Нелегко мне здесь живется, я уже давно на себя смотрю как на пушечное мясо, все близкие от меня далеко, и ни единой здесь души, которая бы сколько-нибудь меня понимала.

Прощайте, многоуважаемый Константин Петрович, благодарю Вас сердечно за все то доброе, что Вы для меня сделали и что забыть я никогда не могу. Ежели найдете минуту – напишите, это будет доброе дело.

Преданный Вам искренно
С. Шереметев

Приписка по левому полю сверху вниз: Пишу Вам все откровенно, пожалуйста, меня не выдавайте.

3. К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ – С. Д. ШЕРЕМЕТЕВУ

Получено 18 июля 1877 г. в Обретенике

Благодарю Вас от всей души, любезнейший граф Сергей Дмитриевич, за Ваше доброе письмо, только что полученное мной. Где-то Вы теперь и что с Вами делается! Зная Вашу горячую любовь к семье своей и к дому, живо представляю, как тяжело Вам в эту минуту быть на чужой стороне, посреди шума людского, в котором так живо ощущаете Вы свое одиночество вдали от милых и близких. И конечно, не раз в тоске Вы спрашивали себя: зачем я здесь и чем могу быть полезен, какую роль играю в совершающейся вокруг меня драме? Понимаю, как тяжки для Вас все эти вопросы и сомнения, но недаром, любезнейший

Сергей Дмитриевич, выросли Вы и воспитаны в страхе Божиим и в родительской родной нашей вере, которая говорит нам, что и волос с головы нашей не упадет без воли Божией. И так да не смущается сердце Ваше, не устрашается – все мы и здесь, и там, где Вы пребываете, все под Богом ходим, не ведая, что с нами приключится через час, и где что найдешь и где что потеряешь. А между Вашими ближними и любезными Вам, конечно, молитва непрестанная о Вас возносится к Господу Богу. Бог даст, минет это смутное время, и Вы вернетесь снова в дом свой, радуясь, и тогда увидите, что о Вас устроится. Покуда же вооружитесь терпением. Мы здесь ежечасно думаем о храбрых наших воинах и о деле всероссийском. Что-то устроит об нас Господь, помилуй нас Боже! Мне же больно и тяжело только думать о тех, кто празднует и бездельничает посреди воинского лагеря, и не хочется воображать себе придворную роскошь и светскую пышность в такой обстановке!

Невесело думать и о Цесаревиче. Зачем пускают его командовать – неопытного еще человека, и его следовало бы поберечь и устранить от фальшивого положения. Так отсюда кажется, а впрочем, может быть, и ошибаемся. Вот сегодня пришла весть о взятии Никополя и о переходе Гурки¹ через Балканы. Слава Богу. Только все думается, не рано ли переходить, покуда еще не укрепились мы на Дунае, и по сию сторону Балкан остаются еще Шумла и Рушук... Авось, либо воеводы наши обо всем подумали и все предвидели.

Мы с женой живем у Вел<икой> Кн<ягини> Екат<ерины> Мих<айловны> в Ораниенбауме. Место хорошее, но нет полной свободы, потому что не у себя живем и часто надо отвечать на придворные при-

¹ Гурко Иосиф Владимирович (1828–1901), генерал-лейтенант, один из наиболее отличившихся полководцев войны, командовал передовым отрядом, преодолевшим Балканский хребет 2 июля 1877 г. После боя у Ески-Загре (Стара-Загоры) 19 июля с превосходящими силами турок вынужден был отступить к Шипкинскому перевалу. В конце 1877 г. командовал переходом русских войск через Балканский хребет. Под его руководством 23 декабря 1877 г. (4 января 1878 по н. с.) была взята София, стремительно продвигаясь, Гурко разбил турок под Пловдивом, взял без боя Адрианополь и вышел в предместье Стамбула Сан-Стефано. За победы в войне и другие военные заслуги был произведен в фельдмаршалы.

глашения доброй нашей хозяйки. И она завела у себя на катальной горке склад с мастерской, где все утро усердная производится работа. Вчера обедал я по соседству у Грейга с В<еликим> К<нязем> Константином: слышно, что Цесаревна на днях приедет в Петергоф из Гапсалья, я думал, нет ли особой тому причины, но В<еликий> К<нязь> Константин говорит, что намерение Цесаревны было приезжать сюда из Гапсалья каждые 2 недели. Дай Бог нашему Цесаревичу, чтоб это военное время послужило ему в пользу, в науку, в познание людей, в укрепление мысли и воли. Война что палка о двух концах – с одной стороны ни в чем так не выказываются лучшие, благороднейшие свойства натуры человеческой, а с другой стороны выходит наружу явственнее и всякая мерзость и подлость людская. Дай Бог ему распознавать и то и другое вправду. Ах, великое бремя положил Господь ему на плечи, и чувствует ли он, что в сущности он – верховный владыко – будет всем слугой, и все, что он будет мыслить и действовать, в сущности будет не его личным делом и бременем, а всеобщим!..

Посылаю это письмо, пользуясь отъездом товарища моего – хорошего человека Рихтера, который назначен гл<авным> уполном<оченным> Красного Креста в Румынии на место Черкасского. Как-то себя Черк<асский> теперь покажет. Умный он человек, но веры нет у меня в него, потому что честолюбие его безмерно, и он себя в виду имеет во всем.

Обнимаю Вас от всей души, любезнейший друг Сергей Дмитриевич. Христос с Вами – и да сохранит Вас, да утешит, да совершит над Вами волю свою благую и совершенную. Опять скажу Вам: не давайте хода тоске и скуке, и да не смущается сердце Ваше. Если Вы сегодня именинник, то примите мое поздравление от души. Здравствуйте и радуйтесь.

5 июля 1877 г.

Ваш К. Победоносцев

При случае напишите еще о себе.

4. С. Д. ШЕРЕМЕТЕВ – К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

Обретеник, 21-го июля 1877 г.

Письмо Ваше, многоуважаемый Константин Петрович, пришло в то время, когда мне более всего нужна была помощь и поддержка, и слова Ваши придали мне бодрости и подняли дух. Мы переживаем тяжкое испытание. Уже на Кавказе дела наши плохи, не нынче-завтра турки вторгнутся в Эриванскую область. Теперь и здесь нехорошо. Вторая атака на Плевну четырьмя дивизиями, более 25 000 чел<овек>, отбита, и потери наши огромны, от 7 до 10 000 чел<овек>, артиллерия турецкая оказалась сильнее нашей, и полет снарядов дальше, меткость необыкновенная; за окопами в Плевне турки дрались храбро, и все наши атаки отбиты, а тут еще паника распространилась в нашем лазарете, кто-то крикнул: «Турки!» – и всех раненных кое-как побросали в повозки и нелепо удирали с ними в полнейшем беспорядке. Хаос был полный, солдаты разных полков отдельными группами отступали в всеобщем беспорядке, кавалерия Скобелева¹ едва успела прикрыть отступление. Командовали у нас бар<он> Криднер и кн<язь> Шаховской. Сам Абдул Керим, как оказывается из перехваченных на почте бумаг, в Плевне, и с ним более 70 000 чел<овек>, и эти войска выросли у нас под боком в одно прекрасное утро, а у нас сведений об них не было никаких, потому что кавалерии не было там, где нужно; безурядица полная, войска всех корпусов перемешаны, большую часть кавалерии отобрали для эффектного перехода через Балканы с отрядом Гурко. С этим эффектом вот до чего дошло: войска наши страшно растянуты, и в любом месте нападения турки могут быть сильнее. В деле Плевненском участвовали войска резервного корпуса Зотова, теперь ничего не остается в резерве, вот и решили уже моби-

¹ Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882), один из выдающихся русских полководцев, герой войны за освобождение Болгарии, прозванный «белым генералом» за неизменный белый мундир и лошадей белой масти, на которых он всегда был в гуще боя.

лизовать гвардию, да из Киева еще идут две дивизии. Здесь всеобщий единодушный ропот на пом<ощника> начальника штаба Казимира Левицкого. Положение Государя в Беле и всей армии и один штурм, отступление довольно серьезно. Князь Ник<олай> Ник<олаевич> собрал все что мог здесь, <чтобы>задержать турок до прибытия подкреплений. А теперь представьте себе наше положение и всю тяжесть ответственности дальнейших действий, кот<орая> лежит на Цесаревиче! Ему предписано идти на Рушук, а между тем войска разбросаны, а в тылу Дунай, если турки наступают с Шумлы. После Плевны в Рушук был фейерверк, ликовали, и теперь они будут, конечно, смелы. Ну а как будет неудача: ведь с именем Цесаревича навсегда будет связан успех, можно ли его ставить в такое положение, забот у него и без того немало. Больно и обидно. А помощниками у него кто: вместо опытного боевого генерала корпусной командир Влад<имир> Александрович, который азбуки военного дела не знает и знать не может, а при нем начальником штаба ген<ерал> Косич, известный шарлатан и паяц, охотник до эффектов, а другим корпусом командует хороший человек, но старый и совершенно глухой генерал Ган. Ведь на Кавказе Мих<аил> Ник<олаевич> уже доказал свою неспособность; во все входит с распоряжениями Ольга Феодоровна, а в авангарде оба Лейхтенбергских, из коих старший, Николай, никогда ничем не командовал и в строю даже не бывал. Несчастливая мысль была – раздать командование членам семьи, совершенно к тому не подготовленным. При всех достоинствах Ник<олая> Ник<олаевича> и он окружил себя как можно хуже, и Левицкого ненавидят все, и Непокойчицкий у него в руках. И что же, уж неужели не нашлось ни единого русского человека, что избраны два поляка. Грустно, тяжело и обидно, что все у нас повторяют прежние грехи, каковы бы ни были уроки, через кот<орые> мы проходим. Спрашиваем себя, и опять послужит ли это в пользу. Легко уж очень смотрят на дела серьезные, ничего тут не поделаешь.

Еще раз искренно спасибо Вам, будьте здоровы и не забывайте человека, который нуждается в помощи и с каждым днем чувствует здесь все более и более свое одиночество и свою бесполезность.

Искренно и сердечно Вам преданный
С. Шереметев

Завтра идем на Рушук; если что будет со мной, на Вас, Конст<антин> Петр<ович>, надеюсь: поддержите моих. Да будет воля Божия.

Приписка на полях: Пишу Вам с полной откровенностью, не выдавайте меня, а то мести мне не будет конца. Как бы нам здесь не зимовать?

5. К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ – С. Д. ШЕРЕМЕТЕВУ

Получено 7 августа 1877 г. в Широко

Благодарю от души, любезнейший друг Сергей Дмитр<иевич>, за Ваше письмо от 21 числа. Оно подливает масла в мой огонь, в тот огонь, которым горят в эту минуту русские души, любящие Россию и не равнодушные. Можете представить себе, что со мной делалось в эти дни, после известия о Плевненских делах. Наши офиц<иальные> известия кратки, отсутствие их приводит всех в негодование. Зато обильны известия иностранные, в английских газетах особенно подробны и живы описания битвы. Я не мог ни есть, ни спать, ни думать о чем бы то ни было, кроме этого. Положение представлялось отчаянным, одна мысль о возможной опасности для Государя, для Цесаревича туманила голову – боишься сойти с ума, иной раз и жизнь, которой живешь, представляется ни на что не годной. Все, что Вы пишете, – все это более или менее говорят и здесь – читают в иностр<анных> газетах... Я вижу ясно, где

ключ ко всей этой неурядице, – в лени, в непобедимой застарелой лени наших властителей, привыкших думать, что все само собой совершается по их приказам... Но как тяжело все это отражается на нас, на чести нашей, на наших храбрых, несравненных людях, так просто и мужественно идущих на все, на все... Боже, помилуй нашу великую, нашу много-страдальную Россию, даруй нам выйти без позора из этого несчастья!

У нашего брата душа точно вырывается из тела от горя и от страха, а там, наверху, как они спокойно тревожатся, как они сдержанно негодуют! Как-то даже будто и совестно показывать им смущенное, переверканное от волнения лицо свое.

Вчера видел Цесаревну, приехавшую к 27 числу из Гапсале. Завтра она опять уезжает. Я не мог без волнения говорить с ней, и голос мой дрожал от слез!

Сегодня как будто покойнее говорят и пишут, что мы устанавливаемся, укрепляемся, сдерживаем чужие силы и собираем свои, чтобы начать снова... Но увы! Первое, блестящее дело проиграно, и когда подумаешь – от чего! Боже, помоги нам. Думается, авось теперь будут умнее, авось поучатся, авось – русское авось...

И у нас там – девица молодая, сестра жены моей, за которую мы трепещем. Она с Георгиевской общиной, и последнее письмо ее было от 14 числа из Габрова, где она при <генерале Святополк>-Мирском. Не встретитесь ли где с нею. Думается, нет ужаса, который бы не мог постичь ее в такую ужасную пору!

Зная Вас, понимаю совершенно Ваше ощущение, любезнейший Сергей Дмитриевич. Ах, дай Бог Вам оставить невредимо поле брани и более не возвращаться на него. А до тех пор и всегда и всюду да хранит Вас Господь вседержитель. Бывают минуты, когда жизнь исчезает под ногами, точно висишь над бездной. Такие минуты переживал и я на этих днях – кажется, для чего жить, и стоит ли? Но кому велит Бог жить, тот живет, и мало ли что доведется вытерпеть. Дай Боже Вам жить, Сергей Дмитриевич, и вернуться к своим милым и ближним,

к жене, к детям. Вот когда верующему человеку из глубины и вправде приходится говорить: Да будет воля Твоя, Господи! Не дай Бог никому из нас видеть гибель своего отечества, и славы, и чести его, и когда бы на то была воля Божия – страшно вымолвить. Конечно, умершие будут счастливее живых. Себе не желаю я тогда в живых оставаться, ибо большего горя не могу себе представить.

От 21 числа Вы пишете, что Ваш путь под Рушук, но после я слышал, что Вас посылают в Разград – что лучше и что хуже – не знаю. Вынеси Вас Боже изо всей этой беды. Могу себе представить, каково положение Цесаревича. Станем ждать с трепетом и молиться Богу. Как уверяют здесь, что долго еще нельзя ожидать из армии никаких крупных известий.

Обнимаю Вас от всей души. Бог даст, свидимся еще в здешней жизни. О, когда бы свидеться в счастливый час успешного мира, с ясным взглядом, а не с поникшей головой! А Вы не унывайте, молитесь Богу и в Его руку крепкую положите судьбу Вашу и всех Ваших. Христос с Вами отныне и до века!

Ораниенбаум
28 июля 1877, вечер
Ваш К. Победоносцев

Посылаю Вам книжку свою – может, когда в досужий час и прочтете. Другую передайте от меня Цесаревичу.

6. С. Д. ШЕРЕМЕТЕВ – К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

Дольний Монастырь
1 сентября 1877 г., 10 часов вечера

Давно не писал Вам, многоуважаемый Константин Петрович, и долго не благодарил Вас за доброе письмо Ваше, которое мне очень

отрадно было получить. Ваши советы и пожелания особенно мне дороги теперь, когда нуждаешься в сильной нравственной поддержке. Не проходит дня без сильной борьбы с самим собой. Нервы натянуты в высшей степени. Странное чувство, точно не стоишь на твердой земле и желал бы упереться на что-нибудь, да не на что. С сердечным замиранием встречаем каждую депешу, каждую записку, которую присылают В<еликому> Князю, и только преклоняемся перед невозмутимым спокойствием и ясностью Цесаревича в самые трудные, серьезные минуты. А была такая минута, что будь турки предприимчивее, Цесаревича могли бы отрезать от войск XII корпуса! Только непоколебимая стойкость наших войск в Облаве сбила неприятеля с толку. На Облаву напирали все силы Мехмета Али; у нас, как всегда и везде, против них небольшой отряд, и этот отряд отбил все атаки, причем генерал Тимофеев сам бросился вперед и окончательно отбросил турок, уже бывших на левой стороне Ломы. Цесаревичу задана трудная и неблагодарная задача. Мы называемся Руцукским отрядом, но об Руцуке еще и думать нечего. Нужно удерживать натиск всей армии Мехмета Али, вдвое нас сильнейшей, и удерживать двумя ослабленными корпусами на огромном протяжении всей линии речки Лом. При этом все высоты командующие в руках турок и, конечно, сильно ими укреплены тотчас же по занятии. У нас же до сих пор резервов не было, и только теперь прибывают небольшими частями войска из Систова. После Облавы держаться далее на Ломе было безумно. Мы отступили на линию Янтра и на сильную позицию Белы, хотя и занимаем промежуточное селение Исакчу, <...> что турки подвигаются очень осмотрительно. Главнокомандующий ни разу у нас не был, никого не присылал, мы совершенно как бы отрезанный ломоть, вроде генерала Циммермана в Добрудже, а ближайшие помощники Цесаревича кто? Влад<имир> Алекс<андрович> с шарлатаном Косичем да семидесятилетний глухой генерал Ган с своим начальником штаба Ильяшевичем, который так торжественно доказал <в сражении

при> Синанкиой свою несостоятельность! От этих людей не помощи можно ожидать, от них только лишние заботы и усложнения. А здесь в штабе Цесаревича, кроме генерала Банковского, хоть шаром покати. Да и сам Ванновский боевой опытности не имеет, и положение его щекотливое и в высшей степени трудное, а опереться ему не на кого. Ведь не считать же помощником полусумасшедшего Дохтурова, которого иные считают почему-то авторитетом! И в такую обстановку поставлен Наследник Престола! Играют не только настоящим, но и будущим. Тратятся на мелочи те силы, которые нужны России, и тратятся совершенно даром!..

Вот пятый день, что под Плевной бой, начались и бомбардирования, потом мы атаковали, понесли потери огромные, но без штурма нельзя, времени нет для правильной осады, пришлось брать грудью. Взяли четыре форта, но сегодня узнали, что турки отчаянно сопротивляются и даже отняли у нас обратно один редут, а главные укрепления в их руках. Еще много польется русской крови. Но чего стоит это ожидание? Воображаю, что делается дома и через что Вы все проходите.

Представьте, мне пришлось пожить у турок четыре дня, меня посылали парламентаром, я был в Шумле, где имел свидание и любезнейший разговор с Реуф-пашой, потом через Разград пошел в главную квартиру Мехмета Али, которому передал ответное письмо от Главнокомандующего. Обедал у Мехмета. Как он, так и Реуф приняли меня как нельзя лучше, с утонченной вежливостью, подробный рассказ о моем пребывании я послал жене, причем записал все разговоры. Общее впечатление мое таково, что турки тяготятся войной и не прочь были бы придраться к удобному случаю, чтобы выбраться из нее. Особенно удивил меня Реуф-паша своими намеками. Государь под Плевной. День 30 августа прошел тихо и грустно, погода недурна, но ночи становятся холодные и темные. Что-то будет с продовольствием армии, ежели доживем до зимнего похода. Избави Бог... На него все упование возлагаю.

Будьте здоровы. Ежели найдете время, напишите и знайте, что это будет с Вашей стороны доброе дело.

Искренно и неизменно Вам преданный
С. Шереметев

Я был у Мехмета Али, когда он только что вернулся после дела при Облаве. Сестры милосердия работают без устали. Награди их Бог! Кланяется Вам Васильковский. Г<осподин> Энгельгардт доставлен. Когда получите это письмо, вероятно, уже будете знать, что с Плевной. Судьба всей кампании в Плевне.

7. К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ – С. Д. ШЕРЕМЕТЕВУ

Получено 10 октября 1877 г. в Бухаресте

От всей души благодарю Вас, любезнейший граф Сергей Дмитриевич, за милое Ваше письмо от 1 сентября. Можете поверить, сколько раз я об Вас думал в эти тяжкие дни, которые мы переживали и, увы, переживаем еще, Бог знает до какого времени. В самом начале мне страшно было за эту войну, страшно потому, что я слишком хорошо видел всю неурядицу внутреннего управления и не мог быть уверен, что в военном управлении окажется порядок. Однако в начале всем, к общему изумлению, казалось, что, видно, порядок есть, и все ободрились. Но кто мог себе представить, что мы дойдем до такого позора и унижения, что мы выставим перед целым светом так явно свою неспособность в начальстве и командовании. Ах, как горько русскому сердцу – читать и слышать, как беспощадно обличают нас всюду и как теряют к нашей силе доверие и уважение.

Но пускай бы и это, только была бы надежда, что мы возьмем-ся за ум и поправимся после таких уроков. Всего горше, что и эта

надежда ослабевает. Давно пора решиться, давно пора вымести сор из Главной квартиры и штаба, взять людей на что-нибудь похожих. Но кто знает натуру Государя, тому трудно рассчитывать на быструю Его решимость. И с кем говорит Он? И что говорят Ему? И видит ли Он? Знает ли Он? Понимает ли? Чувствует ли всю важность минуты и положения? Решится ли Он снять своих Вел<иких> Князей, которых поместил всюду в несчастную, в роковую минуту! Одно то, что Он выписал к себе теперь сына Павла, показывает, что Он не видит...

А у нас уже стоном стоит ропот по всему народу, и все, не стесняясь, говорят, осуждают, негодуют, ожесточаются... Думает ли Он, что может ожесточиться и наш чудный солдат от убеждения, что его шлют на убой, даром, без толку, из упорства, из глупости и невежества, а потом раненного оставляют мучиться и погибать без помощи? Уже про Вел<иких> Князей рассказывают невероятные и, конечно, наполовину выдуманные истории. О, Великим Князьям готовится тяжкое время... Слава Богу, про одного нашего Цесаревича никто не говорит худо, и до сих пор относительно счастье ему благоприятствует. Сохрани его Боже! Вынеси его Боже из этого омута. Страшно и подумать, что доведется ему принять в руки, когда провидение введет его во власть! Я получил от него на днях милое письмо, и сам принялся писать ему.

О, какие тяжкие дни и ночи провожу я и ничего светлого не вижу. Притом, как бессовестно держат в неведении о том, что делается в армии. Вот, 10 числа пропустили турок в Плевну и до сих пор не говорят ничего о том, как это случилось, точно не наше это дело! Все у нас ходят, повеса голову, разумеется, те, у кого сердце в груди, кроме равнодушных, которых такая масса, которые живут, пьют, едят и веселятся и мечтают о наградах и деньгах по-прежнему.

Но что говорить Вам про это, любезнейший Сергей Дмитриевич, я знаю, что и у Вас так довольно тоски накопело на сердце.

Ничего другого не умею и сказать Вам теперь. С июля месяца я не в силах ничем заниматься серьезно – душа ничего не принимает, кроме этой великой непрестающей заботы, которая гложет ее. Может быть, Вы там у себя не чувствуете такой лихорадки. У нас же ожидание газет, раздумье над смутными известиями, иностранные корреспонденции, письма, ужасные рассказы приезжих из армии – все это давит душу каким-то кошмаром. Я хотел было съездить в Москву, собирался с лета, но не в силах отъехать в таком положении. Вы можете себе представить, что в Москве делается! Уныние, озлобление, ропот. Говорят уже с месяц, что из Москвы собираются послать адрес Государю о смене Главнокомандующего, о возвращении самого Государя в Россию. Надеюсь, что это неправда. На днях распространился слух, будто адрес уже послан; вероятно, это вздор. Стали даже говорить, будто Аксакова арестовали, но едва ли это могло случиться, тем более, что жена его в эту минуту гостит в Ц^{арском} Селе у Марии Александровны и Императрицы.

Я мало кого и вижу. Стараюсь даже избегать людей, чтоб не вступать в разговоры о том, что у меня камнем лежит на сердце, а иной еще станет говорить, не в тон попадет и еще растравит душу. Ведь тут в Питере что ни человек – то чиновник, а как противны стали теперь здешние чиновники, большие и малые!

Неохотно езжу в Ц^{арское} Село – с каким лицом туда покажешься, веселой улыбки быть не может. Сегодня, однако, скрепя сердце ездил к Цесаревне. Она не весела тоже и задумчива. Грустно было сидеть с ними за завтрак и думать – когда-то все соберутся около стола и в какую минуту!

Сегодня в газетах слух, что Левицкий уходит, и на место его будто предназначается Дохтуров, верно, тот, о ком Вы мне писали. Судя по Вашему отзыву, это не приобретение.

Еще есть телеграмма, что Мехмет Али отозван, а на его место назначен Сулейман-паша. В таком случае Вам, верно, будет больше хлопот. Помогите вам Господи!

О Владимире Шереметеве сказывала Цесаревна, что ему лучше, и есть надежда, что он восстановится. Дай-то Господи!

Сердечно обнимаю Вас, любезнейший друг Сергей Дмитриевич, и призываю на Вас Божие благословение в тяжкую годину. Правда, на Бога одна наша надежда – люди с своими силами изменяют нам. Господь да хранит Вас. Когда будет досуг, напишите еще хоть несколько строчек. Скажите от меня сердечные поклоны сотоварищам Вашим. Мысль моя с Вами и душа молит Бога за Вас.

23 сентября 1877 г.

Ваш К. Победоносцев

24 <сентября>. Что за судьба преследует нас, и успехи нам ни к чему не служат. Сегодня всех поразила странная телеграмма с Кавказа. Было блестящее дело, положили множество людей, взяли какие-то высоты, а через день оставили их, смешно сказать, за недостатком воды!

Сегодня обедал в Ц<арском> Селе у Императрицы, видел и Анну Федоровну<Аксакову, дочь поэта Ф. И. Тютчева>, которая завтра уже уезжает обратно. Посмотришь на Царственных особ, или они уже так привыкли делать насилие своим чувствам, по-видимому, они спокойны, веселы почти, а мы не знаем, куда деваться от смятения. Мария Ал<ександровна> 6 октября уезжает в Мальту к своему супругу. Приятное положение!

Про В<еликого> К<нязя> Владимира здесь ходят самые невероятные рассказы, больно слушать их: будто он на несколько дней отлучался от своего корпуса и кутил в Бухаресте; долго не знали, куда пропал он, будто в одном деле он участвовал совсем пьяный. Цесаревна, с которой я говорил, отзывается с негодованием, что все это выдумка, что Владимир держит себя превосходно, пишет оттуда к жене прекрасные письма. Это Вам показывает, как охотно принима-

ются скандальные истории про Вел<иких> Князей. Только про Цесаревича, слава Богу, не говорят худого.

Письма Александру III

1881 год

1

Бог велел нам переживать нынешний страшный день. Точно кара Божия обрушилась на несчастную Россию. Хотелось бы скрыть свое лицо, уйти под землю, чтобы не видеть, не чувствовать, не испытывать. Боже, помилуй нас.

Но для Вас этот день еще страшнее, и, думая о Вас в эти минуты, что кровав порог, через который Богу угодно провести Вас в новую судьбу Вашу, вся душа моя трепещет за Вас страхом неизвестного грядущего по Вас и по России, страхом великого несказанного бремени, которое на Вас положено. Любя Вас как человека хотелось бы как человека спасти Вас от тяготы в привольную жизнь; но нет на то силы человеческой, ибо так благоволил Бог.

Его была святая воля, чтобы Вы для этой цели родились на свет и чтобы брат Ваш возлюбленный, отходя к Нему, указал Вам на земле свое место.

Народ верит в эту волю Божию и по Его велению возносит надежду свою на Вас и на крепкую власть, Богом врученную Вам. Да благословит Вас Бог. Да ободрит Вас молитва народная, а вера народная да даст Вам силу и разум править крепкой рукой и твердой волей.

Вам достается Россия смятенная, расштанная, сбита с толку, жаждающая, чтобы ее повели твердой рукой, чтобы правящая власть видела ясно и знала твердо, чего она хочет, и чего не хочет, и не допустит

никак. Все будут ждать в волнении, в чем ваша воля обозначится. Многие захотят завладеть ею и направлять ее.

Ваше Величество, позвольте мне сказать Вам в нынешний день. Первые дни Вашего царствования будут особенно знаменательны и требуют особой обдуманности и осмотрительности.

Я не могу успокоиться от страшного потрясения. Не могу отогнать от себя гнетущей меня заботы о Вас и о Вашей безопасности. Простите, что в эти скорбные часы прихожу к Вам со своим словом: ради Бога в эти первые дни царствования, которые будут иметь для Вас решительное значение, не упускайте ни одного случая заявлять свою личную решительную волю, прямо от Вас исходящую, чтобы все слышали и знали: «Я так хочу», или «Я не хочу этого».

Никакая предосторожность не лишняя в эти минуты. Не я один тревожусь: эту тревогу разделяют все простые русские люди. Сегодня было уже у меня несколько простых людей, которые все говорят со страхом и ужасом о Мраморном Дворце. Мысль эта вкоренилась в народ.

Заседание 21 марта у В. В. имело результатом покуда лишь сближение между лицами, на первый раз и это хорошо; я радуюсь, что со мной говорят без принуждения те, которые до сих пор избегали меня. С того дня я еще не видел никого из министров. Жду с нетерпением, когда мы соберемся для общего совещания. В. кн. Владимир Александрович заметил, что все бывшее доньше разногласие происходит лишь от недоразумений, но я боюсь, что эти недоразумения глубже, чем кажется, и должны обнаружиться всякий раз, когда придется не говорить только речи, а приступать к действиям и к распоряжениям. Нетрудно рассуждать, причем для избежания разногласий сглаживаются фразы, резкие оттенки взглядов и мнений; но когда надобно приступать к действию решительному, тут обнаруживается рознь, и сила действия парализуется.

В публике ходили на прошлой неделе и продолжают до сих пор самые странные слухи и ожидания по случаю этого совещания. Многие были уверены, что 15, потом 17, 18 числа произойдет и объявится нечто необычное. Поднялись опять толки о представительстве – авось-либо теперь они затихнут. Но смущение не успокоится, я убежден в том, куда правительство не заявит себя такими действиями, которые ни в ком не оставляли бы сомнения или раздвоенной мысли.

Смею думать, Ваше Императорское Величество, что для успокоения умов в настоящую минуту необходимо было бы от имени Вашего обратиться к народу с заявлением твердым, не допускающим никакого двоемыслия. Это ободрило бы всех благонамеренных прямых людей. Первый манифест был слишком краток и неопределен. Я попробую, если угодно будет, придумать соответственную редакцию и представить на Ваше усмотрение.

Вместе с тем продолжаю думать, что Вашему Величеству необходимо появиться в Петербурге. Постоянное, безвыездное пребывание Ваше в Гатчине возбуждает в народе множество слухов самых невероятных, но тем не менее принимаемых на веру. Нынче из народа уже спрашивали, правда ли, что Государя нет уже на свете и что это скрывают. Распространение, усиление таких слухов может быть очень опасно в России, и люди злонамеренные, их ныне так много, пользуются ими, чтобы смущать народ. Много таких в России – все они ждут в волнении и страхе, в чем выскажется, куда направится настоящее правительство.

(Без даты)

2

Ваше Императорское Величество. Простите ради Бога, что так часто тревожу Вас и беспокою.

Сегодня пущена в ход мысль, которая приводит меня в ужас. Люди так развратились в мыслях, что иные считают возможным избавление осужденных преступников от смертной казни. Уже распространяется между русскими людьми страх, что могут представить Вашему Величеству извращенные мысли и убедить Вас к помилованию преступников. Слух этот дошел до старика гр. Строгонова, который приехал ко мне сегодня в волнении.

Может ли это случиться? Нет, нет, и тысячу раз нет – этого быть не может, чтобы Вы перед лицом всего народа русского в такую минуту простили убийц отца Вашего, русского Государя, за кровь которого вся земля (кроме немногих ослабевших умом и сердцем) требует мщения и громко ропщет, что оно замедляется.

Если бы это могло случиться, верьте мне, Государь, это будет принято за грех великий, и поколеблет сердца всех Ваших подданных. Я русский человек, живу посреди русских и знаю, что чувствует народ и чего требует. В эту минуту все жаждут возмездия. Тот из этих злодеев, кто избежит смерти, будет тотчас же строить новые ковы. Ради Бога, Ваше Величество, – да не проникнет в сердце Вам голос лести и мечтательности.

Вашего Императорского Величества
верноподданный
Константин Победоносцев
30 марта 1881 г. Петербург

3

По случаю нынешних ужасных событий Святейший Синод положил издать ко всему народу пастырское послание. Это будет соответствовать действительной потребности, отовсюду заявленной. Подобные примеры бывали в случаях гораздо менее важных, например, после истории Петрашевского в 1848 году.

Определение Синода пропущено мной сегодня и на днях подлежит исполнению.

Копию с предполагаемого послания имею честь представить при сем Вашему Императорскому Величеству.

Перед Пасхой представляют обыкновенно на Высочайшее воззрение предположения о наградах по духовному ведомству. Если Вашему Императорскому Величеству благоугодно сохранить тот же порядок, то буду ожидать приказания, когда явиться с сим докладом в Гатчину.

Константин Победоносцев

2 апреля 1881 г.

Петербург

4

Теперь простые люди преисполнены заботы о безопасности Вашего Императорского Величества: у многих эта забота непрестанная, не дающая покоя. Благодетельные прибегают к молитвам или ищут оградить Вас почитаемой иконой или другой домашней святыней. Невозможно отвергать эти порывы горячего усердия.

Вчера пришел ко мне совсем простой человек, почтенный старик, старожил города Томска купец Хранов, приехавший сюда на время. У них сначала в лесу близ Томска, потом в самом Томске в саду у Хранова проживал в молитве пустынник неизвестного происхождения лет 25, и скончался в 1864 году, уже 90 лет от роду. Местные жители, особливо же сам Хранов, чтит его при жизни как святого и еще более чтят по смерти. Уверяют, что он предсказывал будущее и что многие получают исцеление на его могиле. Старик Хранов по поводу покушений на жизнь Государя Императора посылал Его Величеству портрет этого старца и разные известия о его предупреждениях и предсказаниях.

Теперь он привез с собой из Томска шапочку этого старца, которую хранил благоговейно в своем семействе и которой приписывает чудодейственную силу, рассказывая, что два раза, когда он брал ее с собой в путь, он чудесно спасался от разбойников.

Я не желал смутить веру этого доброго человека и не решился отказать ему: взял от него эту шапочку с обещанием представить ее Вашему Императорскому Величеству вместе с портретом старца.

Константин Победоносцев

11 июля 1881 г.

Ораниенбаум

5

Ваше Императорское Величество.

Опять должен просить у Вас прощения в своей назойливости, ибо возвращаюсь к тому же предмету, о котором писал уже и беспокоил Вас.

Я уже смел писать Вашему Величеству о предмете, который почитаю важным, – о приеме Скобелева. Теперь в городе говорят, что Скобелев был огорчен и сконфужен тем, что Вы не выказали желания знать подробности о действиях его отряда и об экспедиции, на которую обращено было всеобщее внимание и которая была последним, главным военным делом, совершенным в минувшее царствование. Об этом теперь говорят, и на эту тему поют все недовольные последними переменами. Я слышал об этом от людей серьезных, от старика Строгонова, который очень озабочен этим. Сегодня гр. Игнатьев сказывал мне, что Д. А. Милютин говорил об этом впечатлении Скобелева с некоторым злорадством.

Я считаю этот предмет настолько важным, что рискую навлечь на себя неудовольствие Вашего Величества, возвращаясь к нему.

Смею повторить снова, что Вашему Величеству необходимо привлечь к себе Скобелева сердечно. Время таково, что требует крайней осторожности в приемах. Бог знает, каких событий мы можем еще быть свидетелями, и когда мы дождемся спокойствия и уверенности. Не надобно обманывать себя: судьба назначила Вашему Величеству проходить бурное, очень бурное время, и самые большие опасности и затруднения еще впереди. Теперь время критическое для Вас лично: теперь или никогда, – привлечете Вы к себе и на свою сторону лучшие силы в России, людей, способных не только говорить, но самое главное – способных действовать в решительные минуты. Люди до того измельчали, характеры до того выветрились, фраза до того овладела всем, что уверяю честью, глядишь около себя и не знаешь на ком остановиться. Тем драгоценнее теперь человек, который показал, что имеет волю и разум и умеет действовать; ах, этих людей так немного! Обстоятельства слагаются к несчастью нашему так, как не бывало еще в России – предвижу скорбную возможность такого состояния, в котором одни будут за Вас, другие против Вас. Тогда, если на стороне Вашего Величества будут люди, хотя и преданные, но неспособные и нерешительные, а на той стороне будут деятели, тогда может быть горе великое и для Вас, и для России. Необходимо действовать так, чтобы подобная случайность оказалась невозможной. Вот теперь будто бы некоторые, нерасположенные к Вашему Величеству и считающие себя обиженными, шепчут Скобелеву: «Посмотри, ведь мы говорили, что он не ценит прежних заслуг и достоинств». Надобно сделать так, чтобы это лукавое слово оказалось ложью, и не только к Скобелеву, но и ко всем, кто заявил себя действительным умением вести дело и подвигами в минувшую войну. Если к некоторым из этих людей Ваше Величество имеете нерасположение, ради Бога, погасите его в себе. Вы с 1-го марта принадлежите со всеми своими впечатлениями и вкусами не себе, но России и своему великому служению. Нерасположение может происходить от впечатлений, впечатления могли быть навеяны

толками, рассказами, анекдотом, иногда легкомысленным и преувеличенным. Пускай Скобелев, как говорят, человек безнравственный. Вспомните, Ваше Величество, много ли в истории великих деятелей, полководцев, которых можно было бы назвать нравственными людьми, — а ими двигались и решались события. Можно быть лично и безнравственным человеком, но в то же время быть носителем великой нравственной силы и иметь громадное нравственное влияние на массу. Скобелев, опять скажу, стал великой силой и приобрел на массу громадное нравственное влияние; то есть люди ему верят и за ним следуют. Это ужасно важно, и теперь важнее, чем когда-нибудь.

У всякого человека свое самолюбие, и оно тем законнее в человеке, чем очевиднее для всех дело, им совершенное. Если бы дело шло лишь о мелком тщеславии, не стоило бы и говорить. Но Скобелев вправе ожидать, что все интересуются делом, которое он сделал, и что им прежде и более всех интересуется русский Государь. Итак, если правда, что Ваше Величество не выказали в кратком разговоре с ним интереса этому делу, желание знать подробности его, положение отряда, последствия экспедиции и т. п. Скобелев мог вынести из этого приема горькое чувство.

Позвольте, Ваше Величество, на минуту заглянуть в душевное Ваше расположение. Могу себе представить, что Вам было неловко, несвободно, беспокойно со Скобелевым и что Вы старались сократить свидание. Мне понятно это чувство неловкости, соединенное с нерасположением видеть человека, и происходящая от него неуверенность. Опасаюсь, что подобное чувство может и во многих случаях стеснять Ваше Величество в приеме некоторых людей. Когда к Вам являются простые люди, они всегда выходят утешенные и осыпанные вниманием Вашим и расспросами. Это происходит оттого, что с простыми людьми Вы по натуре своей чувствуете себя непринужденно, а когда чувствуете в душе принужденность, тяготитесь положением и отношением к человеку.

Но смею думать, Ваше Величество, что теперь, когда Вы Государь русский – нет и не может быть человека, с которым Вы не чувствовали бы себя свободно, ибо в лице Вашем – перед всеми и перед каждым стоит сама Россия, вся земля с верховной властью. Есть ли хоть один, которым Вы не могли бы с первого раза, с первого слова овладеть нравственно? Ваше Величество, Вы не знаете всей своей силы. Ради Бога узнайте ее, поймите ее, уверуйте в нее – тогда все для Вас будет ясно, тогда всякое личное впечатление прежнего времени перестанет нагонять тень на Ваши отношения к людям. Когда подходит к Вам человек, подумайте, что тут не он и Вы, а он и Россия, тогда будет Вам ясно, как отнестись к человеку и что сказать ему, а Ваше всякое слово будет со властью и силой.

(Без даты)

1883 год

9

Редакция манифеста, присланная от Вашего Императорского Величества, не показалась мне удовлетворительной. Она списана (как изволите усмотреть из прилагаемой книги) с подобного же манифеста 17 апреля 1856 года, и это довольно неудобно. Мне кажется, для приличия следует разнообразить редакцию. Притом нынешняя редакция с некоторыми изменениями представляется мне слабее прежней. Я предпочел составить новую, которую и представляю на благоусмотрение Вашего Величества.

В ту пору можно было указать на Парижский мир как на явный признак того, что «возвращено России прежнее спокойствие», то есть вернулось мирное состояние после бедственной войны. Теперь нельзя указать на такой признак, и потому мне весьма не нравится фраза: «Ныне,

когда всеблагий промысл возвращает России прежнее спокойствие» (как будто оно было во внутреннем состоянии в последние годы минувшего царствования).

Я думаю, что гораздо приличнее вовсе не упоминать об этом, а прямо перейти к мысли о том, что настало уже время, и пр. А перед этим сказано вообще – об успокоении возмущенного народного чувства. Точно так же и формулу молитвы я признал нужным изменить. Вначале поставлена у меня фраза: «во время смуты». Если б это слово «смута» показалось слишком резким, его можно выпустить, оставив только слова «в минуту страшного потрясения».

Константин Победоносцев

14 января 1883 г.

Еще одно примечание. В конце у меня поставлено: попечение о благе народа, а не народов, как сказано было в прежней и в печатной редакции. И в 1856 году это слово: народов – казалось странным. Замечали, что австрийский император может говорить о своих народах, а у нас народ один и власть единая.

10

С сердечной благодарностью возвращаю Вашему Величеству письма В. А. Жуковского. Поистине это была простая, чистая и ясная душа, – и вся она сказывается в письме от 30 августа 1843 года.

Когда читаешь это письмо, невольно обращаешься мыслью к той эпохе, когда оно было писано, – 40 лет тому назад. Это было самое ясное и блестящее время царствования Императора Николая. Многое вокруг поэта было просто и ясно; просты и ясны казались и те задачи жизни, которые с тех пор усложнились и запутались невообразимо. Есть времена, когда дорога впереди стелется широкой стезей, и видно

куда идти. Есть другие времена, когда впереди туман, вокруг болота. То время и нынешнее – какая разница, – точно мир вокруг нас переменялся. Невольно приходит мысль: эта простая душа, эта ясная мысль – как выразилась бы у Жуковского, если б он писал не в 1843 году, а хоть двадцать лет спустя?

И Богу не угодно было, чтоб он дожил до того времени, когда его державный воспитанник стал Императором и вступил в дело. Кажется, для покойного Государя и для всей России было бы неоценимым благом присутствие – только присутствие – человека с такой душой, с прямым и ясным взглядом русского человека на дела и на людей. С Жуковским – и может быть, с ним только одним – покойный Государь в состоянии был бы говорить прямо, без малейшей тени, и принял бы слово от него с полным доверием. Жуковский ясным чутьем своим понял бы все, что было фальшивого во многих мерах, которые представлялись Государю в эпоху реформ, и указал бы прямо на опасность, грозившую тем основным началам правления, которые он так просто и ясно излагал в письме своем. И когда вспомнишь, какие люди в ту пору – в середине 60-х годов – решали судьбу этих реформ, пожалеешь человеческим рассуждением, что Жуковского не было. Но, видно, так Богу было угодно, чтоб не было ни его, ни ему подобных.

Константин Победоносцев

1 февраля 1883 г.

11

Снова осмеливаюсь явиться просителем к Вашему Императорскому Величеству – выпрашивать пособие доброму делу.

Вы изволите припомнить, как несколько лет тому назад я докладывал Вам о Сергее Рачинском, почтенном человеке, который, оставив профессорство в Московском университете, уехал на жительство

в свое имение, в самой отдаленной лесной глуши Бельского уезда Смоленской губернии, и живет там безвыездно вот уже более 14 лет, работая с утра до ночи для пользы народной. Он вдохнул совсем новую жизнь в целое поколение крестьян, сидевших во тьме кромешной, стал поистине благодетелем целой местности, основал и ведет, с помощью 4 священников, 5 народных школ, которые представляют теперь образец для всей земли. Это человек замечательный. Все, что у него есть, и все средства своего имения он отдает до копейки на это дело, ограничив свои потребности до последней степени. Между тем дело разрастается у него под руками, и он уже вынужден сокращать его за недостатком средств.

Кроме школ он устроил у себя специальную больницу для сифилиса, который, как известно, составляет у нас в иных местностях язву населения по деревням, передаваясь наследственно от одного поколения другому. Эта больница чрезвычайно полезна; но, к сожалению, и она должна закрыться.

«Увы! – писал мне Рачинский в декабре прошлого года, – эта затея слишком дорогая, чтоб я мог надеяться получить откуда-либо средства: на ее дальнейшую поддержку. Ее годовой бюджет – 600 рублей (фельдшер – 300, содержание больных – 200, прислуга, медикаменты, освещение – около 100 руб. Отопление дает брат). Но мало того, – временное помещение никуда негодно; нужна постройка, которая обойдется рублей в 1.500. В больнице 4 кровати, занятые постоянно, лечилось в течение 9 месяцев у меня 21 человек; дома – около 90. Дело, несомненно, полезное, – сифилис, кроме случаев исключительных, излечим наверное (фельдшер отличный, шесть раз в год приезжает врач). Но это дело я не могу продолжать иначе, как в долг. Это безумие, на которое я решился, – и теперь сам не знаю, как быть».

А на днях он пишет: «Тяжкое, но необходимое дело – привести в порядок мой бюджет... Закрытие больницы последует в мае (зимою рука не поднимается – так много больных)».

Простите, Ваше Величество, что утруждаю Вас чтением всего вышеписанного. Мысль моя такова: покуда жив еще человек, умеющий вести такое доброе для народа дело и полагающий в него свою душу, – стоит поддержать его. Вы мне позволили просить, и я решаюсь на сей раз. Не благоволите ли, для поддержания этой больницы, пожаловать 2.000 рублей, из коих 1.500 пойдет на строение, а 500 на содержание в течение года? Этот дар Вашего Величества ободрит и оживит радостью всех трудящихся в этом деле.

Долгом почитаю прибавить, что сам Рачинский и в мысли не имеет чего-либо просить, ожидать или надеяться от щедрот Вашего Величества.

Константин Победоносцев
9 февраля 1883 г.

13

На днях видел я старика Добрянского, который приезжал сюда на несколько дней из Германии тайком, чтобы не проведали о поездке его в Россию агенты австрийского правительства. Он рассказывает немало ужасного и поучительного.

Чудовищный процесс по обвинению в государственной измене, возбужденный против Добрянского, Наумовича и других, лучших и доблестнейших людей русской народности, привел в изумление здравомыслящих людей в целой Европе. От лица правительства поднято было, без малейших оснований, обвинение в преступлении, влекущем за собой смертную казнь, на русских людей только за то, что они хотели оставаться русскими и удержать при себе свою Церковь! Этих людей заперли в тюрьму на 7 месяцев, томили и подвергали позору и оскорблениям на суде. Суд не признал за ними уголовной вины. Все с удивлением спрашивали: как должно быть безумно правительство,

которое допускает такие незаконные преследования, напрасно раздражая ими целую народность?

Но вот что весьма поучительно, и особливо для нас, русских. Австрийское правительство само было опечалено этим процессом и понимало все его беззаконие, но было бессильно предотвратить его и видело себя в необходимости подчиниться партии, возбудившей этот процесс. Роль, недостойная правительства; но австрийское правительство принудило себя на эту ложь, потому что оно утверждается на конституции.

В разноплеменном составе государства австрийское правительство вынуждено считаться с представителями той партии, которая в данную минуту имеет силу в парламенте. Министры, состоя в зависимости не от единой воли монарха, а от игры партий в парламенте, для того, чтоб сохранить свое положение и удержаться на местах своих, входят в сделку с господствующими партиями и принуждены исполнять их волю, вопреки истинным интересам государства. И так выходит, что государством правят эти партии; в их духе и по их указаниям назначаются местные администраторы, при содействии коих производится фальшивая игра в выборы, которые суть не что иное, как ложь, и так фальшивыми представителями народа поддерживается фальшивое парламентское большинство и фальшивое направление целого правительства.

Нельзя себе представить, сколько проистекает отсюда лжи и беззакония и какое распространяется хищение и взяточничество. Члены парламента, имея министров в своем распоряжении, торгуют и местами, и казенными сделками, и подрядами. Это явление — обычное более или менее всюду, где водворилось парламентское правительство. Недавно в *Revue de deux Mondes* (I Fevr.) была прекрасно написанная статья: *La Republique en 1883*, где изображено, до чего дошла эта парламентская продажность и эта ложь выборов во Франции. Об Австрии говорил мне Добрянский, близко знающий там и людей, и партии:

«У Вас в России ныне то и дело слышно о растратах и хищениях. Но все эти ваши явления, как они ни развратны, бледнеют перед тем, что происходит у нас в Австрии и обратилось уже в систему благодаря парламентскому правлению».

Теперь вся парламентская сила – в руках у мадьяр и у поляков. Мадьяры – полные хозяева у себя и дают без пощады и без совести всякую иную народность, а система выборов так хитро ими же и поляками устроена, что никакая другая славянская народность не может иметь в палате сильного голоса. Поляки устроились так, что в польских провинциях, даже там, где, как в Галиции, народ весь чисто русский, вся администрация и всякая власть в руках у поляков.

Когда суд отделен от государства (на наше горе успели сделать это и у нас в России), – и суд становится орудием господствующей партии или известных политических тенденций. Поляки в неразрывном союзе с католической Церковью, с ксендзами и иезуитами предприняли задавить и ополячить, и окатоличить русское племя. Располагая силою в парламенте, они задумали целый ряд законов к подавлению русской народности: изменение календаря, замену русского алфавита латинским, изгнание русского языка из русской школы, замену русского духовенства латинским, передачу иезуитам русских монастырей и духовных школ; дошло до того, что полиция снимает русские шестиконечные кресты с церквей и заменяет их латинскими. В последние годы завязалась ожесточенная борьба русского народа и духовенства с латино-польской властью и пропагандой. Народ без вождей теряется, и вот поляки задумали задавить процессом главных вождей – Добрянского и Наумовича. У поляков в руках и прокуратура – страшное орудие политической тенденции, – и суд. Они возбуждали обвинение, засадили обвиненных в тюрьму – правительство из Вены принуждено было смотреть сложа руки на все это беззаконие. Следствие не раскрыло ничего, кроме самых обыкновенных и ничтожных фактов, которые обвинительный акт построил в доказательство государственной

измены. Довольно сказать, что одним из доказательств измены приведено было мое мнимое (никогда его не было) ходатайство о принятии будто бы дочери Добрянского на воспитание в петербургский институт и выписка мной самой невинной галицкой газеты через посредство одного из обвиняемых. Казалась смешной всякая мысль о возможности обвинительного приговора, но поляки решили, и когда дело дошло до суда, прокурор – поляк – отвел всех русских присяжных, остались одни поляки с примесью жидов. Обвинение было – несомненное.

И вот что значит суд в конституционном государстве! За несколько дней до приговора жена Добрянского пришла сказать ему, что нет иного средства к оправданию, как подкуп присяжных. А у Добрянского никаких средств уже не было. Значительное его имение в Венгрии совсем разорено и бесплодно, потому что венгерские власти запретили кому бы то ни было входить в сделки и в хозяйственные операции по его имени. С трудом жена его успела занять 20.000 гульденов, и на эти деньги были подкуплены 6 присяжных. Вот благодаря чему единственно состоялся оправдательный приговор!

Вот – плоды конституционного правления! Ныне оно уже дискредитировано всюду, но всюду ложь эта въелась, и народы не в силах от нее освободиться и идут навстречу роковой судьбе своей. Особоливо для юных славянских государств – это первая и самая ужасная язва, разъедающая ложью и раздором весь состав общества, поселяющая разлад и взаимное непонимание и отчуждение между народом и правительством. Доказательства налицо – в Румынии, в Сербии, в несчастной Болгарии, которой, к стыду нашему, мы своими руками привили эту язву, – и конституцию, и суд, отделенный от государственной власти!

Как же безумны, как же ослеплены были те quasi государственные русские люди, которые задумали обновить будто бы Россию и вывести правительство из смуты и крамолы посредством обсуждения неведомо чего расписанные им представители народов и инородцев

империи, объемлющей вселенную, наполненной пустынями, империи, в коей иной приход Якутской области (1100 верст длиной) или уезд сибирский может вместить пространство целой Франции. Кому была бы от этого радость и победа, так это полякам, которые, несомненно, стоят скрытые в центре всякого так называемого конституционного движения в России. Тут было бы для них вольное поле деятельности, вольная игра – и гибель России.

Простите, Ваше Величество, что утруждаю Вас чтением этого длинного писания. Это – самая страшная опасность, которую я предвижу, для моего отечества и для Вашего Величества лично. Доколе жив, не оставлю этой веры, не перестану твердить то же самое и предупреждать об опасности. Болит моя душа, когда вижу и слышу, что люди, власть имущие, но, видно, не имущие русского разума и русского сердца, шепчутся еще о конституции. Пусть они иногда подозрительно на меня озираются, как на заведомого противника этой роковой фантазии. Я жив еще и не затворяю уст своих; но когда придется мне умирать, я умру с утешением, если умру с уверенностью, что Ваше Величество стоите твердо на страже истины и не опустите того знамени единой власти, в котором единственный залог правды для России. Вот где правда, а там – ложь, чужая, роковая ложь для судеб России.

Константин Победоносцев
Петербург
11 марта 1883 г.

Гродненской губернии в Волковысском уезде есть местечко Свислочь, издавна известное как один из центров польской культуры, бывшее некогда для всего Полесья тем, чем Вильна для Литвы.

Прежде русское, место это совсем ополячено в XVIII столетии графом Тышкевичем, его владельцем. Оттого и теперь там жители, хотя большей частью православные, значительно ополячены, и грамотность между ними польская.

В 1881 году назначен туда дельный священник Янушкевич, усердно принявшийся за дело возвращения местного населения к русской церковности и грамотности. Главным к тому средством он избрал учреждение школы для девочек, так как через женщину распространяется преимущественно культура, а теперь там почти ни одна женщина не читает по-русски.

После долгих хлопот ему удалось согласить приход к открытию школы и получить от учебного ведомства денежное пособие. В январе 1882 года училище открыто, и туда ходит до 40 девочек. Священник весьма разумно принялся за дело, и нужно поддержать его, что мы и стараемся по возможности делать.

Могущественным средством для поднятия этой школы и для привлечения к ней народа было бы проявление Высочайшего к ней внимания.

Посему я осмеливаюсь просить Ваше Императорское Величество, не благоугодно ли будет в знак внимания Вашего и одобрения пожаловать Свислочской школе лично от Вас икону Божией Матери. Этот дар произвел бы на месте самое благодетельное действие, и других усердных людей возбудил бы к подражанию.

А если бы притом Ваше Величество изволили пожаловать рублей 200 денег на приобретение хороших русских книг для школьной и приходской библиотеки, это послужило бы вдвойне к оживлению доброго начинания.

Константин Победоносцев
Петербург
28 марта 1883 г.

Не устаю просить у Вашего Императорского Величества.

В настоящую минуту при Св. Синоде разрабатывается вопрос об устройстве церковноприходских школ – вопрос первостепенной важности для государства. Народ у нас пропадает, раскол и секты держатся от невежества: люди вырастают, не получая первых, самых основных, понятий о Боге, о Церкви, о заповедях. Этому невежеству не поможет учение, криво устроенное, не приспособленное к жизни, – оно может еще более развратить простого человека, отрывая его от жизни и действительности.

Для блага народного необходимо, чтобы повсюду поблизости от него и именно около приходской церкви была первоначальная школа грамотности в неразрывной связи с учением Закона Божия и церковного пения, облагораживающего всякую простую душу. Православный русский человек мечтает о том времени, когда вся Россия по приходам покроется сетью таких школ, когда каждый приход будет считать такую школу своей и заботиться о ней посредством приходского попечительства, и повсюду образуются при церквях хоры церковного пения.

Ныне все разумные люди сознают, что именно такая школа, а не иная, должна быть в России главным и всеобщим средством для начального народного обучения. В этом смысле наша комиссия получает заявления отовсюду, от самых дельных представителей земства и от духовенства, которое заметно оживилось, прослышав, что его не оставляют в забвении, но полагаются на его деятельность. Без сельского священника обойтись невозможно и, кроме него, не за кого взяться в этом великом деле посреди пустынных пространств, в коих раскинуты наши приходы. Мы надеемся, что вскоре повсюду проявится епархиальное движение в этом смысле. Между тем первый опыт сделан в могилевской епархии новым прибывшим туда архиереем Виталием, который имел возможность перед отъездом туда ознакомиться здесь, в Петербурге, с нашими предположениями.

Обратившись к духовенству своей епархии, он устроил в Могилеве (или, правильнее сказать, восстановил древнее, существовавшее с 1602 г.) Богоявленское братство именно с целью заводить по возможности при всех приходах народные школы и заботиться о поддержании их.

Это первое начинание необходимо ободрить; думаю, что достойно и праведно ободрить его высочайшим вниманием, которое, несомненно, вызовет подражание и в других местах.

Не благоугодно ли будет Вашему Императорскому Величеству дозволить выразить внимание Ваше к этому учреждению каким-либо денежным даром, например, в 1.000 рублей.

Когда это станет известно, многие будут этим утешены, и найдутся, без сомнения, и другие благотворители.

Константин Победоносцев
Петербург
28 марта 1883 г.

17

Возвращая при сем всеподданнейшее прошение г-жи Жадовской, смею доложить, что, по мнению моему, просьба ее к Вашему Величеству никак не может быть удовлетворена.

Она пишет, что была замужем, но разведена, причем вина (вероятно, прелюбодеяние) принята ею на себя; она обвинена и осуждена церковным судом на безбрачие. Стало быть, теперь, если б она захотела выйти замуж, новый брак ее не может быть повенчан.

Теперь, по словам ее, она вступила в связь, прижила ребенка и просит снять с нее запрет, наложенный решением Синода, и дозволить ей вступить в брак.

Таких просьб поступает немало на имя Вашего Величества, и по всем этим просьбам объявляется, согласно данному еще при покойном Государе Высочайшему повелению, что они не могут быть удовлетворены.

И действительно, если бы верховная власть взяла на себя снимать запреты, налагаемые церковным судом по закону церковному, от этого произошли бы крайние затруднения и немалый соблазн. Брак у нас — таинство и совершается не иначе, как в церковной форме. Священник по долгу звания подчиняется в делах церковной дисциплины и обряда исключительно церковной власти. Итак, если церковная власть запрещает ему совершение брака как незаконное, а власть гражданская предписывает совершить этот брак, то есть совершить таинство там, где оно не допускается церковной властью, совесть священника ставится в положение невозможное. Вот почему и у нас верховная власть никогда не вмешивалась в дела сего рода. При покойном Государе бывали злоупотребления его именем; однажды в Ялте исправник Зефиропуло, пользуясь своим положением, приказал именем Государя священнику совершить незаконный брак, но покойный Государь, когда я докладывал ему об этом деле, изволил сказать мне, что он никогда не давал подобных приказаний. Особливо при нынешней легкости вступления в брак и разлучения супругов такие Высочайшие повеления могли бы послужить к усилению распущенности. Ныне люди, легкомысленно женившись, вскоре при малейшем несогласии думают о разводе и устраивают его так, что которая-нибудь из сторон берет на себя вину прелюбодеяния в надежде, что потом можно будет попросить о снятии запрета на вступление в новый брак. Бывают случаи, что после нового брака супруги вскоре же задумывают новый развод. Итак, если б можно было иметь людям надежду на снятие церковного запрета посредством монаршей милости, от этого еще более пострадала бы строгость и прочность брачного союза.

Вот почему верховная власть всегда избегала прямых разрешений на совершение брака. Но в некоторых случаях покойный Государь принимал просьбы о прекращении дел о незаконности брака, уже совершенного. Здесь нет прямого вмешательства в церковную юрисдикцию. Брак совершен священником, хотя и вопреки церковному запрещению; супруги живут вместе и прижили детей. Начинается дело о незаконности брака, большей частью по доносу. В таких случаях объявляется иногда Высочайшее повеление: приостановить в консистории производство о незаконности брака. Таким образом, брак остается фактически, как он был первоначально записан, то есть в виде законного.

Такие Высочайшие повеления объявлялись неоднократно и от имени Вашего Величества по моему докладу. Вот единственное возможное средство в подобных случаях. Пусть г-жа Жадовская ищет, как ей угодно, помимо участия верховной власти, способа обвенчаться; затем может и не возникнуть вовсе вопрос о незаконности этого брака, а если возникнет, тогда уже может она обратиться к монаршему милосердию.

Долгом почитаю присовокупить, что дела этого рода, т. е. брачные, равно как и дела об узаконении незаконных детей, всегда требуют особой осторожности, ибо здесь не все зависит от сознания невинности супругов или детей и от сострадания к несчастным и невинным. С вопросами этого рода часто связаны права законные третьих лиц – родственников, других детей того же лица, наконец, честь другого, законного семейства, и нередко – неприкосновенность прав наследственных.

Если б Вашему Величеству угодно было согласиться с вышеизложенными соображениями и по этому делу, то не благоволите ли приказать объявить просительнице, как объявляется многим другим, что ее ходатайство о разрешении ей вступить в брак вопреки запрещению, наложенному Св. Синодом, не подлежит удовлетворению.

Константин Победоносцев

23 мая 1883 г.

Смею обратить внимание Вашего Императорского Величества на прилагаемое письмо Рачинского. Это один из бесчисленных воплей, раздающихся теперь повсюду, из всех концов России. Во время коронации особенно слышался этот всенародный зов к правительству об исцелении этой ужасной язвы, разъедающей народ, — об освобождении от кабака, перед всесильной властью коего бессилен народ, бесплодны и отдельные усилия лиц, вступающих в борьбу с кабаком и кабатчиками.

Рачинскому, живущему безвыездно в деревне, посреди народа, виднее, чем кому-либо все это зло. Он успел сделать у себя многое, привлекая и детей, и отцов крестьян, и местное духовенство к союзу трезвости: но все эти усилия разбиваются о кабачную силу.

Кабак есть главный у нас источник преступлений и всякого разврата умственного и нравственного, — и действие его невообразимо ужасно в темной крестьянской и рабочей среде, где ничего нельзя противопоставить его влиянию, где жизнь пуста и господствуют одни материальные интересы насущного хлеба. Кабак высасывает из народа все здоровые соки и распространяет повсюду голое нищенство и болезнь. Необъятная Россия состоит из пустынь, но нет такой пустыни, нет глухого уголка, где бы не завелись во множестве кабаки и не играли бы первенствующей роли в народной жизни. И чем дальше, тем хуже.

Уничтожение кабака есть решительно первая потребность, есть необходимая мера для спасения России. Борьба внешними мерами против нигилизма не будет иметь успеха, покуда стоит в нынешней силе кабак, и Рачинский говорит совершенно справедливо, что кабаки — главный проводник нигилистических теорий в народ, то есть постепенное развращение той единственной здоровой среды, в коей хранятся зиждущие инстинкты и зиждительные начала народной и государственной жизни.

Это первая потребность. Наряду с ней другая. Чтобы спасти и поднять народ, необходимо дать ему школу, которая просвещала бы и воспитывала бы его в истинном духе, в простоте мысли, не отрывая его от той среды, где совершается жизнь его и деятельность. Об этом великом деле я не перестаю думать в согласии с И. Д. Деляновым. В эту минуту окончено уже составление положения о церковноприходских школах. Но когда оно станет приводиться в действие, необходимо будет обратиться за помощью к госуд. казначейству. Бог знает, будет ли успех в этом ходатайстве, но деньги, сюда положенные, конечно, будут много плодотворнее тех миллионов, которые назначаются на многие ученые учреждения.

Нельзя достаточно оценить всю громадную важность этого предмета, и он достоин усиленного внимания Вашего Величества. Здесь, можно сказать, самые ключи будущего благосостояния России. Вот почему обращаюсь к Вашему Величеству с усерднейшей просьбой. Знаю, как дорого время Ваше, но, если осуществится мысль о поездке Вашей в Данию, благоволите взять с собой прилагаемую книжку (которая, если не ошибаюсь, была уже раз мной представлена) и прочтите ее. Я уверен, что, начав читать, Вы не оторветесь от нее до конца – так она живо написана, так дышит действительной истиной и касается такого важного для России предмета. Я велел напечатать ее в большом количестве и распространяю повсюду для возбуждения людей к доброй деятельности.

Вот первые, главные народные потребности настоящей минуты. А наряду с ними другие, столь же существенные и которые тоже не ждут. В связи с кабаком – местное крестьянское управление или самоуправление до того расстроено, что повсюду иссякает правда. Власти, разумно действующей, нет, слабые не находят защиты от сильных, а силу захватили в свои руки местные капиталисты, то есть деревенские кулаки-крестьяне и купцы, кабатчики и сельские чиновники, то есть невежественные и развратные волостные писари. Необходимо

водворить здесь порядок, но боюсь, что едва ли водворят его проекты, сочиняемые в Кахановской комиссии.

Наконец, суд – такое великое и страшное дело – суд, первое орудие государственной власти, ложно поставленный учреждениями, ложно направленными, – суд в расстройстве и бессилии. Вместо упрощения он усложнился и скоро уже станет недоступен никому, кроме богатых и искусных в казуистической формалистике.

Но уже пора мне и кончить. Прошу извинения за то, что утруждаю Ваше Величество, но дело так важно, что я не утерпел написать несколько слов по поводу письма Рачинского, которое вновь возбудило мысль мою и заботу.

Константин Победоносцев
Ораниенбаум
30 июля 1883 г.

1884 год

24

Несколько лиц, под видом учредителей, обратились к правительству с просьбой о разрешении учредить в Америке общество для устройства в России элеваторов с правом устраивать склады и принимать хлеб в залог под закладные листы, или варранты.

К сожалению, в числе сих просителей на первом месте русские имена: ген.-лейт. Дурново и кн. Демидов. За ними стоят настоящие заводчики дела: разорившийся герцог де Морни и двое, называющие себя американцами, никому не известные факторы Мартин и Фишер. Очевидно, что у всех этих лиц, и всего менее у Дурново и Демидов

ва (не умеющих управлять своим хозяйством), нет серьезной цели предпринять и вести дело элеваторов.

Цель у них явная: получив от правительства концессию, продать ее, конечно, за дорогую цену в Америке, где, без сомнения, найдутся на нее покупатели. Да и теперь, по всей вероятности, уже обещана им значительная цена.

Между тем осуществление этого плана, искусно придуманного и обещающего выгоду некоторым его изобретателям, грозит серьезной опасностью главной народной промышленности и может впоследствии возбудить серьезные затруднения для русского правительства, поставив его в обязательные отношения к Северо-Американскому государству.

Одно уже удивительно и очень странно.

До сих пор права и привилегии всякого рода предоставлялись только известному лицу или известному образовавшемуся обществу. В настоящем случае никакого общества еще нет, и нет в виду никакого устава этого общества. Оно только еще предполагается к учреждению и должно быть учреждено в Америке и состоять будет, по тамошнему закону, исключительно из американских граждан и управляться законами и интересами американскими. Стало быть, ныне идет речь о предоставлении прав чему-то неизвестному, еще не существующему. Теперь русское правительство, не видя устава, должно заранее наложить на себя обязательства относительно иностранного учреждения, имеющего действовать в России. И, стало быть, когда это учреждение образуется и издаст свой устав, русское правительство обязано будет подчиниться ему, что бы в нем ни было написано.

И все это для того, чтобы как можно скорее, теперь же утвердить план и предположения учредителей, которые сами, по всей вероятности, никогда не будут членами общества, а если и будут, то не получат в нем голоса, так как они не американские граждане.

Кроме того, по мысли учредителей, предполагается предоставить будущему обществу право выдавать варранты, или закладные листы на хлеб, тогда как в нашем законе нет еще никакого постановления о варрантах. Основанием к такому решению учредители выставляют удовлетворение существующей будто бы у нас настоятельной потребности в учреждении элеваторов и доказывают, что наша хлебная торговля от того оживится и что ничто не помешает будто бы русским капиталистам устраивать свои элеваторы и входить в конкуренцию с американским обществом.

Что элеваторы для нас нужны, в этом никто не сомневается. Но что наш хлебный вывоз остановился, это зависит совсем не от отсутствия элеваторов, а от того, что хлебным рынком иностранным завладела Америка, удешевив при помощи своих капиталов и промышленности до последней степени и производство хлеба, и подвоз его, и фрахт. Очевидно, для нас обстоятельства несколько не изменятся от того, что у нас устроены будут элеваторы, да притом еще теми же американцами. Что касается до конкуренции, то как она возможна будет русскому капиталисту против американской компании, когда она раз уже утвердится на месте.

Впрочем, об одних элеваторах учредители не стали бы и хлопотать. Важно то, что они себе испрашивают вместе с элеваторами и под предлогом устройства элеваторов.

Они испрашивают себе право устраивать вместе с тем хлебные склады и принимать в них хлеб на хранение с выдачей так назыв. варрантов, или закладных листов. Здесь-то, в этом пункте и кроется главная опасность.

Как скоро элеваторы и склады устроятся, в руках у компании будет страшная монополия, к которой волей-неволей должна будет пойти в кабалу вся русская хлебная торговля.

Очевидно, что американцы, ныне владеющие хлебным рынком в Европе и состоящие в прямых отношениях со всеми крупными аген-

тами всех хлебных рынков, захватят в свои руки все, – и мимо этого пути сбыта хлеба через компанию все другие пути или заглохнут, или будут крайне затруднены. Средства для погрузки хлеба, а может быть, и для фрахтования грузов все попадут в руки компании. Хлебные цены тоже будут исключительно в ее руках. Стало быть, кто привезет хлеб, тому некуда будет сбывать его, кроме компании. Мало того: если цена станет невыгодная, складывать хлеб останется возможным лишь в складах той же компании. Учредители позаботились заранее определить такие условия сроков и тарифа за хранение, что складчики попадутся в эту сеть, как в ловушку, и многие принуждены будут на срок или отдать сложенный хлеб компании за что придется, или оставить его вовсе. Легко представить себе, в какие тиски попадет тогда наша хлебная торговля.

Мало того. Иностранная компания получает право приобретать земли и арендовать их в портах. Мы, кажется, достаточно уже испытывали, какие последствия происходят от того, что иностранцы допущены у нас к свободному приобретению недвижимых имуществ. Масса иностранных имуществ в России – это великое зло, грозящее бедой и в международных отношениях. Отдельный иностранец всегда состоит у нас в привилегированном положении, ибо он состоит под двойной охраной – и под охраной русского закона, и, что главное, под охраной своего консула и посланника. Во сколько же раз эта привилегия будет сильнее относительно большей, многокапитальной и притом американской компании. Сколько предстоять будет затруднений и нашему правительству, особливо по отношению к правительству Соединенных Штатов, где, как всем известно, все ныне основано на денежном интересе и подкупе, где народные представители в конгрессе служат прежде всего представителями частных и торговых интересов и где промышленные компании составляют едва ли не господствующую силу в государстве? Притом еще замечу, что ничем не ограничено право предполагаемой американской компании для всех ее предприятий в России

ввозить сюда и рабочих, всех своих агентов и деятелей из Америки: отсюда еще новое зло, коего последствия предвидеть невозможно.

Не буду входить в нравственную оценку тех из учредителей, кои носят русские имена и сами богатые люди. Бог им судья. Но как не подивиться, что в эту ловушку, расставленную учредителями под предлогом пользы для России, попались 38 голосов в составе Государственного Совета!

Меньшинство состоит из 8 голосов. В числе их 9-м был бы военный министр, но он случайно должен был выйти из собрания в то время, когда слушалось дело.

Но и большинство не согласно между собой. Оно тоже разбилось на 2 мнения по вопросу о привилегиях, коих испрашивают учредители.

Меньшинство полагает вовсе отклонить предложение учредителей как несоответственное с важнейшими интересами русской промышленности. Во всяком случае, если б и допустить обсуждение сего дела, то никак не теперь, когда приходится судить, не имея всех данных и не видя ничего ясно. Речь о предоставлении каких-либо прав американской компании в деле, так тесно связанном с важнейшими интересами России, может быть во всяком случае не прежде, как тогда, когда образуется в Америке эта компания и представлен будет законно утвержденный устав ее.

(Без даты)

25

Я уже имел честь докладывать Вашему Императорскому Величеству о возникшем с прошлого года движении эстов к Православной Церкви. Движение это до сих пор продолжается при усиливающемся противодействии местных пасторов и помещиков, составляющих администрацию. Ввиду этого противодействия и всякого рода на-

реканий на духовенство, я не переставал и не перестаю приглашать местного рижского епископа ко всевозможной осмотрительности и благоразумию в этом деле. Не имею до сих пор причины пожаловаться на недостаток того и другого.

Между тем были у меня с объяснениями по этому делу ревельский суперинтендант Шульц и предводитель дворянства бар. Врангель. Я удостоверил того и другого, что отдельные присоединения происходят не внезапно, а с должной осмотрительностью, и что из этого дела всячески устраняются всякие сторонние побуждения; напротив того, внушается крестьянам, что они не должны рассчитывать ни на какие материальные льготы и преимущества.

Однако они продолжают волноваться и хлопотать здесь, чтобы всякое дальнейшее движение было остановлено мерами правительства, хотя я старался уверить их (в чем уверен сам), что чем спокойнее будут они относиться к этому движению, тем скорее оно успокоится.

Суперинтендант Шульц возбудил уже в министерстве внутренних дел формальное ходатайство о восстановлении состоявшегося в 1845 году и потом отмененного Высочайшего повеления о том, чтобы между записью желающих присоединиться и действительным присоединением соблюдался был шестимесячный срок.

По этому ходатайству Министерство внутренних дел спрашивало моего отзыва.

Дабы разъяснить вполне это дело и вывести его начистоту, а вместе с тем показать все вредные последствия, бывшие у этого срока, я поручил состоящему при мне дельному чиновнику д. ст. с Крыжакскому изучить по рассеянным в архивах документам всю историю этого дела.

Окончив эту работу, он составил записку, весьма интересную и основанную на самых точных данных. Записка эта отпечатана в небольшом количестве исключительно для правительственных лиц.

Долгом почитаю представить ее на усмотрение Вашего Величества на случай, когда Вам благоугодно будет и потребуется разъяснить себе это дело.

В конце записки, на с. 65, изложены сведения о том, как совершалось присоединение в прошлом году. Отсюда видно, что ни одно не происходило внезапно, но по испытании присоединявшихся и не ранее во всяком случае двух недель со времени заявления.

Константин Победоносцев
Петербург
3 марта 1884 г.

27

Вот уже третью неделю слушается в Комитете Министров дело о несовместимости с некоторыми должностями государственной службы участия в управлении делами акционерных обществ и службы в этих обществах.

Дело это представляется мне очень важным по своему нравственному значению и требующим большой осмотрительности в решении.

Не подлежит сомнению, что есть некоторые государственные звания и должности, с коими совсем несовместимо участие в акционерных предприятиях. В последнее время случаи этого рода составляли обыкновенное явление. Члены Госуд. Совета, сенаторы, генерал-адъютанты и пр., состоя членами правления в банках, в железнодорожных, страховых и т. п. обществах, в то же время принимали участие в суждении по делам государственной важности, касавшимся до этих самых предприятий, являлись по оным ходатаями в разных учреждениях и т. п. Смешение в этом деле личных интересов с государственными доходило до бесстыдства.

Двигательной силой в этом было желание обогатиться, нажать большие капиталы без большого труда. Нередко случалось, что люди, неспособные ни к какой практической деятельности, пользуясь только своим положением на службе или при дворе, давали свое имя для участия в самых непрактических и искусственно сформированных предприятиях для того только, чтобы осуществить своим влиянием и ходатайством, затем создать фиктивную ценность акций и приобрести себе большой капитал.

Этот соблазн подлежало прекратить непременно относительно больших людей и важных должностей государственных.

Но, независимо от этих крайних случаев, в коих имелось в виду обогащение, есть множество случаев совсем иного рода, относящихся до средних и мелких должностей в составе чиновничества. Здесь уже дело идет не об обогащении, а лишь о приобретении средств для домашнего быта посредством внеслужебных занятий. При всеобщей дороговизне жизнь стала трудна повсюду для семейных чиновников. Многие из них при государственной службе искали себе посторонних занятий, и случаи к тому представлялись в разнообразной деятельности по промышленным предприятиям, по работе в конторах, агентствах, правлениях и т. п. Отрезать всем этим людям пути к пополнению домашнего их бюджета дополнительным частным трудом без ущерба для службы было бы и несправедливо, и, вместе с тем, не только не полезно, но и очень вредно для государственной службы. Невозможно забывать, что у нас всякий человек, получивший где-нибудь образование, стремится к государственной службе, число чиновников умножилось до крайности при образовании новых учреждений, и повсюду ощущается крайний недостаток в способных чиновниках. Наиболее способные и деятельные из них находятся именно в средних и нижних чинах управлений и канцелярий. Безусловное запрещение для них посторонних занятий заставило бы именно способнейших вовсе оставить службу, и интересы службы от того пострадали бы.

Кроме того, несомненно, что для оставшихся на службе это запрещение непременно послужит поводом просить для себя дополнительных вознаграждений, пособий, аренд и т. п., что в общей массе падет значительным придатком расхода на госуд. казначейство (и теперь уже некоторые директора департаментов заявляют, вследствие ожидаемого запрещения, необходимость просить об аренде).

Эти мысли я выражал в Комитете Министров при обсуждении дела. Цель нынешнего закона, конечно, не прекращение злоупотреблений. Напрасно было бы ожидать, что этот закон прекратит их. Главная причина злоупотреблений состоит в том, что не смотрят за делом те, кому смотреть следует. Очевидно, что когда начальник сам не понимает дела или невнимателен и равнодушен, то примет и подпишет все, что ему представляют докладчики и исполнительные лица. И члену высшего государственного учреждения, и чиновнику, в какой бы должности ни был, никакой закон не помешает действовать пристрастно. Хотя бы он официально и не носил на себе звания директора компании, он может все-таки из личного интереса, и еще тем удобнее под прикрытием, действовать в ее пользу.

Цель закона, по мнению моему, совсем иная: охранить достоинство государственной службы и чувство нравственного приличия, о коем все забыли с того времени, когда в 50-х годах возникло у нас движение акционерных компаний, поднялась биржевая горячка и пошли в ход акции. Перестали уже стыдиться; и лицо, состоящее в должности, большой или малой, считало уже как бы правом своим, никому не сказываясь, ни у кого не спрашиваясь, вступать в службу по компаниям, хлопотать по делам их приватно и открыто, так что у иных на первом плане деятельности стала уже эта служба частному интересу, а служба государственная явилась как бы придатком и орудием для достижения личных целей. Вот это фальшивое понятие и следует уничтожить, напомнив всем забытую основную мысль о долге службы.

Итак, некоторые высшие должности и звания должны быть объявлены безусловно несовместимыми с учредительством и со службой в акционерных правлениях. Что касается до остальных, подчиненных должностей, то должно быть объявлено, что чиновник, состоящий в должности на службе и обязанный ей посвятить свою деятельность, не вправе принимать на себя другие должности и занятия в частных предприятиях, не заявив об этом своему начальству. Начальству представляется рассудить, возможно ли допустить это без ущерба для службы и без нарушения основных правил служебной честности, и кроме начальства никто рассудить об этом не может. На то и поставлен начальник, а если он плох или сам не честен, то уже дальше и искать нечего.

В Комитете Министров согласились с основной мыслью этого рассуждения, но подробности редакции затянулись на три недели, за отсутствием некоторых министров (военного и морского) и за некоторыми недоразумениями. Сегодня, наконец, приняли окончательную редакцию.

Но в ней есть одна статья, из-за которой преимущественно я и решился обременять внимание Вашего Величества своим многописанием.

Предложено подвергнуть безусловному запрещению всех, состоящих на действительной службе в военных и военно-медицинских чинах сухопутного и морского ведомства. Сюда входит, следовательно, вся армия, в больших и малых чинах, безразлично.

Признаюсь, что для меня очень сомнительна польза такого безусловного запрещения, а напротив того, я весьма опасаясь неблагоприятных от него последствий. Вредно и безнравственно, что здесь в столице есть генерал-адъютанты, флигель-адъютанты и пр., пользующиеся своим положением для устройства своей фортуны в разных акционерных и других предприятиях; но если подумать обо всей России и о целой армии, — какая беда для службы от того, что тот или

другой поручик или майор состоит деятельным членом того или другого предприятия? Некоторые из них нуждаются и в техниках членах, кои встречаются в среде офицерской. Наконец, сколько есть бедных офицеров, которые, не имея возможности прожить жалованьем, питаются от этих занятий. Не справедливее ли было бы, выделив высшие чины и должности, вообще поставить эту деятельность в зависимость от усмотрения и согласия начальства.

Но тут дело идет еще и не об одной справедливости. Важно, по мнению моему, очень важно то впечатление, которое произведено будет на всю армию внезапным принятием такой крутой меры.

Вашему Величеству, конечно, неизвестно, что теперь в военной среде слышится и без того глухой ропот на многие меры и распоряжения высшего военного управления по сокращению штатов и содержаний, по нововведениям относительно службы и производства и т. п. Говорят уже, что не стоит служить в военной службе, что офицерство стеснено и обрезано, что на полковую службу и в армии, и в гвардии уже не обращается внимания такого, как было прежде, и т. под. Не умею судить, насколько основательны эти жалобы, но то несомненно, что они слышатся отовсюду.

Несомненно, что этот ропот усилится с изданием нового закона, а мне кажется, что не следует пренебрегать этим особенно в нынешнее смутное время брожения умов.

Притом вот что важно. Говорят повсюду, что мысль обо всех этих ограничениях исходит от Вашего Величества. Не сомневаюсь, что от Вас исходит верная и вполне справедливая мысль общая о необходимости поднять достоинство службы и служебных званий; но едва ли все подробности применения возможно признавать исходящими от Вас лично. Между тем мне известно, что, например, многие из членов Комитета Министров готовы были заявить свои сомнения относительно благовременности предполагаемого ограничения военных чинов; но их останавливала задняя мысль о том, что на это уже есть

непременная воля Вашего Величества, – и, кажется, таково мнение самого военного министра.

Смею думать, Ваше Величество, что весьма нежелательно было бы, с изданием нового закона, давать ход тому мнению или слуху (а он на-верное пойдет), будто это безусловное ограничение армии исходит непосредственно от Вашего Величества.

Думается мне поэтому: не благоразумнее ли было бы в настоящее время выделить из общего указа статью о военных и военномедицинских чинах, и по этой статье предоставить военному министру составить особо свои предположения. По специальности предмета соображения эти могли бы быть внесены на рассмотрение военного совета (имеющего свою законодательную постановку). Тогда, по крайней мере, было бы прямое об этом деле суждение военного совета, в связи с правилами и условиями военной службы, – и дело было бы ясно. А теперь Комитет Министров, видимо, как бы устранил себя от рассуждений по этому предмету, как бы специально военному.

Константин Победоносцев
Петербург
27 ноября 1884 г.

28

Долгом почитаю представить вниманию Вашего Величества две любопытные записки, составленные профессором здешней духовной академии Троицким, к которому я иногда обращаюсь для исследования возникающих спорных церковных вопросов. Сообщаю потом эти записки и Министерству иностранных дел, которое ими пользуется.

Одна из этих записок касается любопытного, все более и более выступающего вопроса об упадке Церкви в тех славянских землях, где

введена, по западному образцу, конституция. В ней выражены очень верные, по мнению моему, мысли.

С невольным вздохом обращаешься к прошедшему и спрашиваешь: как могла русская государственная власть прийти к роковой, к ложной до ослепления мысли ввести сочиненную по западной мерке конституцию в освобожденной Болгарии? Правда, что это произошло в то время, когда самые фантастические идеи господствовали во внутренней политике нашей; но, казалось бы, во внешней политике одно чувство самосохранения должно было предупредить нас, что мы налагаем сами на себя убийственную руку и разрушаем вековые предания русской национальной политики... Недавно еще я имел по этому предмету разговор с кн. Дондуковым, которого иные считают виновником этого дела. Он с негодованием отвергает это обвинение, уверяя, что его проект был совсем переделан в Петербурге под влиянием гр. Шувалова и при посредстве комиссии, в которой председательствовал добрый, русский по душе, но – увы! – бесхарактерный, гибкий и уступчивый до полного самоуничтожения кн. Урусов... Это была великая, роковая ошибка – и, Бог знает, возможно ли когда-нибудь исправить ее!

Статьи греческих газет показывают, какой благодарности может ожидать Россия от тех, за кого проливали кровь свою, когда разрушаются прежде соединявшие нас с ними узы единой веры и когда ветер потянул их от Востока к Западу.

Другая записка относится к возникшему недавно вопросу о признании вселенским патриархом новой сербской иерархии. Патриарх (лицо во всяком случае еще сомнительное) ссылается теперь на угрожавшую опасность от соединения сербской церкви с карловицкой митрополией. Автор записки доказывает, что это опасность мнимая, и в конце указывает, куда должна стремиться наша политика, – указывает, по мнению моему, верно.

По этому последнему предмету почитаю не лишним доложить Вашему Величеству, что сведения наши о церковных делах Востока и славянства и сношения с тамошними людьми постоянно умножаются, хотя были прежде очень скудны. Года три тому назад мы отправили одного очень даровитого и хорошего по душе кандидата духовной академии Пальмова в поездку на Восток и по всем славянским землям для изучения тамошних церковных дел и церковной истории. Он вернулся недавно, объехав и главные центры, и темные углы, и привез массу любопытнейших сведений. Теперь учреждается для него в здешней духовной академии кафедра истории славянских церквей, именно с целью распространения точных сведений об истории и нынешнем положении там церковного дела.

Константин Победоносцев
Петербург
22 декабря 1884 г.

1885 год

29

Простите, Ваше Величество, что я слишком, может быть, часто утруждаю Ваше внимание своими писаниями. Но что же делать, когда сердце не терпит в таких делах, в коих только у Вашего Величества можно искать крепкой опоры и живого движения к правде.

Печальное яacobштадтское событие вынуждает обратить зоркое внимание на этот именно угол, который как будто ускользнул совсем от внимания правительства. А между тем здесь едва ли не самое опасное польское гнездо, какое только есть в России, — и с какой ловкостью оно устроено и укрыто от надзора!

Мне хочется объяснить в кратких словах, почему это произошло. Причины исторические и объясняются нагляднее с помощью карты.

Угол этот составляется из так называемого издревле Зельбургского благочиния, к которому принадлежат вся придвинская часть Фридрихштадтского уезда и весь уезд Иллуксткий – узкая полоса, на $\frac{9}{10}$ своей фигуры примыкающая к Витебской и Ковенской губерниям.

По истории видно, что по обе стороны Двины было тут старинное владение полоцких князей с русским населением, вдававшимся в латышское. Тут велась долго упорная борьба между русскими, немцами, литвой и поляками. К XVI веку произошло разделение. Правый берег остался за Польшей (Лифляндские уезды – Динабургский, Режицкий, Люцинский); левый берег, под именем Зельбургского округа, вошел в Курляндию, состоявшую тоже под протекторатом Польши. Итак, вот с того времени поляки перемешались здесь с немцами в общем интересе (тогда Плятеры, Зиберы и пр., родом немцы, приняв католичество, превратились в поляков).

Население, однако, было чисто русское и православное. Самый Якобштадт основан в 1670 г. русскими и назван по имени герцога Иакова. Иезуит Палевин в 1582 г., проезжая в Россию, останавливался в Иллуксте и не нашел во всем околотке ни одного дома католического. Но владыки полоцкие, к епархии коих принадлежал край, первые изменили, перешли в унию и стали распространять ее. Появились иезуиты, василианские монахи, и в XVIII столетии обращение в унию совершалось массами, – к концу его все население (кроме Якобштадта со старым его монастырем) было оторвано от Православия. Совращения продолжались и по присоединении Курляндии к России (1795 г.), пока не совершилось воссоединение 1839 года.

Любопытно, что здесь, в этом Зельбургском округе, произошло явление, я думаю, беспрецедентное в Европе – дружное единение немцев с поляками, доныне резко бросающееся в глаза. Немец сошелся с поляком в стремлении изолироваться от всякого русского влия-

ния, и немцы, со своими особливými учреждениями, совсем закрыли от правительства поляка с самой усиленной его пропагандой: все исключительные русские законы, ограничивавшие польскую и латинскую пропаганду, не имели действия в этом крае. Зельбургский округ был впереди всех во время восстания 1863 года и отличался самыми дерзкими предприятиями (нападение на транспорты, сборы для нападения на Динабург, укрывательство важнейших предводителей) и за всем тем благодаря своему положению он избежал администрации Муравьева, законов о покупке имений поляками и пр., за черту его не переходило лютеранство, и здесь, во дворах польских помещиков, свободно проживают и действуют «гости из Литвы и Польши».

Кн. Суворов, послуживший, к сожалению, орудием многих вредных для России предприятий, помог и в этом отношении польской пропаганде.

По присоединении Курляндии все унианские приходы остались в ведении полоцкой униатской епархии. Они оставались за ней и после воссоединения униатов. Эта принадлежность к Полоцку держала зельбургские приходы вместе с прочими воссоединенными на глазах правительства и под общим руководством новоправославной церковной власти.

Понадобилось разрушить и эту гарантию руками кн. Суворова. По представлению его, приходы эти присоединены к рижской епархии в 1849 году, следовательно, укрыты от надзора власти, специально призванной к наблюдению за польско-латинской пропагандой.

И вот с тех пор пропаганда эта действует в этом краю безвозбранно и без всякого контроля. Дошло до того, что в Иллуксте собралось на жительство до 40 ксендзов, возвращенных из Сибири.

Далее не стану обременять внимание Вашего Величества указанием на собранные у меня факты этой пропаганды. Я желал только указать на особое значение и исключительно привилегированное

положение этой местности. Осмелюсь только указать еще на одно из неблагоприятных проявлений нашей неосмотрительности и польского влияния в этом крае (на особом листочке).

Константин Победоносцев
30 января 1885 г.

32

В последний раз, когда я был в Гатчине, Ваше Величество изволили говорить о проектах памятника в бозе почившему Государю в Кремле, и в особенности о проекте Антокольского, который, если не ошибаюсь, остановил на себе Ваше внимание, хотя и не вполне удовлетворял Вас.

Я тогда же высказывал всегдашнюю свою мысль, что памятнику в Кремле какое-то несвойственное место и что лучшим здесь памятником служила бы небольшая церковь или часовня.

Но, кажется, решено уже быть памятнику.

В таком случае очень важно, какой будет памятник. Проект Антокольского, сколько мне известно, едва ли пригоден для предмета и для места. И что за памятник, – множество фигур, сидящих в полукруге?

Это было бы, особливо в Кремле, странное и несвойственное зрелище. Притом для памятника требуется цельная, центральная идея, наглядно и поэтично объединяющая представление, а тут совсем нет наглядного центра. Да едва ли и способен уловить эту идею еврей, космополит по натуре и по свойству своего таланта.

Спустя некоторое время после этого разговора случилось мне встретиться с Крамским. Крамской из всех художников, кого я знаю, более мне симпатичен, потому, что у него душа живая, русская и религиозная. Он глубоко чувствует и глубоко понимает.

Тут я узнал, что Крамской носится с идеей об этом памятнике, и эта идея совсем им овладела. Коронация в Москве, коей был он сви-

детелем, потрясла его до глубины, и великий образ ее с тех пор не дает ему покоя, в связи с мыслью о памятнике. Мысль эта, как ему кажется, созрела в нем, и он додумался до проекта.

Я обещал Крамскому, когда он разработает свой проект, представить его на усмотрение Вашему Величеству непосредственно.

Теперь он разработал его и принес. Действительно, мысль его глубокая, и проект грандиозен и достоин предмета. Здесь есть идея, очень меткая и поэтичная.

Из прилагаемого описания (в двух вариантах) Ваше Величество изволите усмотреть, в чем состоит эта идея памятника. Мне кажется, что и Вам этот проект по идее покажется удовлетворительнее прочих.

Но против деталей я имею возражения, которые и высказывал вчера Крамскому.

В проекте слишком много фигур, которые подавляют его и отвлекают от центральной мысли. Группа выходит величественная, но громоздкая. Притом эти фигуры (министры, генералы и пр.), составляя аксессуар, соответствуют, однако же, известным деятелям эпохи и потому не могут быть совершенно безличными.

Казалось бы, что идея памятника много выиграет, если выразить ее лишь в четырех-пяти фигурах, из коих две только, – Императора и митрополита, – сосредоточат на себе внимание, а прочие (напр., знаменосец, мальчик с посохом и т. п.) будут действительно аксессуарными.

Крамской не мог не согласиться с этим замечанием, и переделка проекта в этом смысле не представила бы затруднений, если б только основная мысль была одобрена.

Мозаичная картина сзади памятника будет иметь существенное значение и представит великий момент в общей идее.

Итак, имею честь представить при сем рисунки Крамского вместе с записками его и последним письмом ко мне на благоусмотрение Вашего Величества.

На случай, если б угодно было Вашему Величеству иметь какие-либо дополнительные объяснения, предполагаю явиться в Гатчину в субботу, 20 числа, к 12 часам, если не получу от Вашего Величества других указаний.

Сегодняшние известия о здоровье гр. Толстого очень тревожные. Он не спал 18 ночей, ослабел очень, и на этой неделе в пятницу предполагают везти его в Москву. Сомневаются, благоприятен ли для него крымский воздух.

Константин Победоносцев
Петербург.
15 апреля 1885 г.

38

Позволяю себе обратиться к Вашему Императорскому Величеству с тремя усердными ходатайствами о покровительстве и пособии трем добрым делам:

1. В Троице-Сергиевой лавре есть молодой достойный иеромонах Никон, из ученых, хилого здоровья, умный, усердный и отличной жизни. Он задумал посвятить себя доброму делу – выбирать из знакомой ему старой и новой духовной литературы статьи, просто и тепло написанные понятным для народа языком и издавать их отдельными листками для раздачи народу, приходящему в лавру. Он обнаружил вкус и искусство в выборе, и издание, начавшееся с 1880 года, имело и имеет успех замечательный и приобрело, под названием троицких листков, популярность во всей России. Их разошлось уже свыше 10 миллионов, и многие из самых отдаленных мест выписывают их сотнями для раздачи. При этом, конечно, нет никакого расчета на прибыль, – единственный расчет – на поддержание издания, что возможно лишь с помощью благотворителей.

В прошлом году тот же Никон предпринял, в пользу тех же троицких листков, написать общедоступное житие препод. Сергия и издать его в роскошном виде, со всем старанием. Книга эта только что появилась в свет, прекрасно напечатанная, с картинками и виньетками, изображающими церкви и древности Троицкой лавры.

Иеромонах Никон просит меня поднести эту книгу и троицкие листки Вашему Императорскому Величеству. Почитаю то и другое достойным Вашего внимания.

Если бы притом Ваше Величество соблаговолили пожаловать некоторую сумму (например, 500 р.) в пособие на это дело, то есть на издание троицких листков для народа, это ободрило бы труженика и привлекло бы к его делу внимание и покровительство духовных властей.

2. По примеру владимирского Александро-Невского братства, здесь, в Петербурге, возникло с прошлого года братство пресв. Богородицы с целью попечения о сельских школах и вообще о духовном просвещении народа в здешней епархии (к которой принадлежит и Финляндия). Нужда в этом большая – много бедного населения, много и нищеты, и невежества, и пьянства (особливо в Шлиссельбургском и в Новолadoжском уезде, по водяным путям сообщения). Люди принялись за дело усердно. Завязали живые сношения с приходами, оказались священники молодые, ретивые, но без всяких средств и без нравственной поддержки в усилиях действовать на народ посредством школы. Дело это обещает много пользы и уже приносит ее – уже успели отыскать и поддержать несколько хороших деятелей. Братство заботится также о распространении церковного пения в народе, издает книги и ноты. От времени до времени собираются общим собранием у меня в зале, читаются отчеты о школах, и очень хороший братский хор поет новые переложения старых церковных напевов. Учреждение это достойно внимания Вашего Величества, но нужд и требований отовсюду имеется много, а средства скудные. В прошлом заседании несколько членов разобрали несколько бедных школ под свое попе-

чительство. А случаев, требующих помощи, много. Так, например, недавно отыскал около Новой Ладogi молодого священника, очень усердного, но совсем изнемогающего. Приход у него 200 душ – бедняки, и много кабаков. Доходов никаких; жалованья 160 руб. в год – и все тут. Дома нет, живет в развалившейся избушке и тут же собирает детей для ученья. Теперь с помощью одного здешнего купца, поддерживающего тамошнюю церковь, собираемся строить дом для священника и для школы вместе, на что отделил я из пожертвованной Кенигом суммы 1000 руб.

Не благоволите ли, Ваше Величество, в ободрение и в пособие братству пожаловать некоторую сумму, напр., 1000 руб.?

3. Прошу прощения, что уже много написал. Но вот и третья просьба:

Заботился немало о церковноприходских школах во всей России. Это дело важное и, Бог даст, мало-помалу разрастется и даст плод; только спешить не надобно.

В систему этого дела входит учреждение при каждой духовной семинарии образцовой церковноприходской 2-классной школы так, чтобы она служила и примером для всех прочих, и вместе живым образцом для учеников семинарии, готовящихся к той же деятельности. В некоторых епархиях (напр., владимирской, рязанской, казанской, таврической и пр.) школы эти открылись уже и действуют. Первая школа этого рода открылась в Рязани при тамошней семинарии, одной из самых многолюдных (с лишком 600 воспитанников), из лучших у нас. Благодаря усердию и умению ректора и учителя школа эта стала так хороша, что может быть названа действительно образцовой, и охотников учиться так много, что всех принять невозможно. Все это содержится, конечно, на самые скромные средства.

Просят меня отсюда усердно прислать для школы портреты Вашего Величества и Государыни Императрицы. Мог бы я от себя послать, но приходит на мысль, что присылка портретов от имени Вашего Вели-

чества была бы знаком внимания к первому в этом роде учреждению, притом имеющему несомненный успех.

Если благоугодно будет, для этого достаточно было бы 50 рублей.

Константин Победоносцев

Петербург

6 ноября 1885 г.

40

Ваше Императорское Величество изволили обратить внимание на помещенную в газете «Новое время» корреспонденцию из Кронштадта о необходимости назначить туда священника для проживающих в Кронштадте эстов и латышей и изволите спрашивать: что предполагается сделать по этому поводу.

Дело это известно мне с начала нынешнего года. Оно поднялось с того, что в Кронштадт приехал из Эстляндии один из лучших тамошних священников, благочинный Тизик, отправлял требы для православных эстонцев и служил для них обедню по-эстонски. Это произвело возбуждение в эстонском населении Кронштадта, и возникло ходатайство об образовании там постоянного прихода и о назначении священника. Невозможно было вскоре же устроить это дело – самый существенный вопрос представлялся о содержании священнику, а потом предстояло сыскать его. Место для богослужения во всяком случае отыскилось бы в одной из церквей.

В Синоде заведена по этому предмету переписка с митрополитом, от которого получен в ноябре отзыв о размере содержания причту. Теперь предстоит изыскать источник, откуда взять деньги, и приискать священника, знающего язык. Вместе с тем я командирую одного из чиновников в Кронштадт собрать на месте необходимые сведения.

Но подобная же нужда обнаружилась и здесь, в Петербурге, для здешних эстов и латышей. Об удовлетворении ее тоже заботимся; но здесь труднее приискать церковь для богослужения. Церквей в Петербурге вообще слишком мало для православного населения – народ едва помещается, и в каждой из них служатся ежедневно и ранние, и поздние обедни, между коими нелегко найти время еще для третьей литургии. Однако надеемся, что и это мало-помалу устроится.

Константин Победоносцев

Гатчина

12 декабря 1885 г.

1886 год

47

Устроившись в Кисловодске, почитаю нелишним представить Вашему Императорскому Величеству некоторые известия о здешних делах.

В Ростове-на-Дону я пробыл день и познакомился с некоторыми представителями здешнего купечества. Я нашел в них людей разумных, опытных и вполне русских по настроению. Все они любят свой город и придают ему важное значение на юге России, все гордятся тем, что вся сила в нем русская и что ни один из инородческих элементов – ни еврейский, ни армянский, ни немецкий – не может в нем пробиться в силу и занять господственное в делах положение. Город, широко раскинувшийся по нагорному берегу Дона, разросся изумительно. С 1869 года, когда я видел его в последний раз, его не узнаешь. По наружному виду он один из самых благоустроенных. Широкие улицы, обсаженные акациями, всюду проведена вода, устроен прелестный, тенистый городской сад, заведено регулируемое благоустроенное

кладбище, образцовое по порядку и чистоте, общественные учреждения очень интересные. Город заселялся и строился в прежнее время очень правильно – люди приходили неведомо откуда, селились и строились тайком, никого не спрашивая (целая слобода носит поэтому прозвание Нахаловки), и теперь систематически производится регулирование всех строений, улиц и закоулков. Собор прекрасный с благолепным служением и прекрасным хором певчих.

Меня интересовал особенно вопрос о том, как относится население к мысли о присоединении города к войсковому управлению. Сознаюсь, что я относился к этой мысли с некоторым предубеждением, опасаясь путаницы в административных отношениях. Теперь я убедился, что этого давно желают местные жители; все заняты этою мыслью в настоящую минуту, и весть о близком разрешении вопроса встречена радостно как в Ростове, так и в Таганроге. Городское управление тяготеет крайними затруднениями в разрешении важных для города хозяйственных и административных дел, связанное теперь двумя сложными канцелярскими узлами. По всем делам надобно относиться в дальний Екатеринослав и в Одессу к генерал-губернатору, у коего иногда останавливаются на месяцы и годы, погрязая в канцелярии, дела живого интереса для города. Всех этих затруднений надеются они избежать присоединением к одному Донскому административному центру.

Здесь, в Кисловодске, вижусь ежедневно с П. С. Ванновским и с кн. Дондуковым. С последним немало разговоров о здешних делах, которые не представляют утешительного вида. Повторяется и здесь горький опыт, который приходится России выносить со всеми спасенными и благодетельствованными инородческими национальностями. Выходит, что грузины едва не молились на нас, когда грозила еще опасность от персов. Когда гроза стала проходить еще при Ермолове, уже появились признаки отчуждения. Потом, когда явился Шамиль, все опять притихло. Прошла и эта опасность – грузины снова стали безумствовать по мере того, как мы с ними благодумствовали,

баловали их и приучили к щедрым милостям на счет казны и казенных имуществ. Эта система ухода за инородцами и довела до нынешнего состояния. Всякая попытка привести их к порядку возбуждает нелепые страсти и претензии. Ужасное событие с ректором семинарии отозвалось в кругу инородцев не негодованием на зверя-убийцу, а злорадством. По всему видно, что на этом не остановятся. На похоронах ректора экзарх произнес горячее слово, в котором выразил всю скорбь и все негодование на совершенное злодеяние. Эта речь показалась обидной безумным сторонникам убийцы – и вот кутаисский предводитель дворянства пишет экзарху глупое и дерзкое письмо с прикрытой угрозой, советуя ему оставить Кавказ. Копию с этого письма и с ответа прилагаю при сем. Кн. Дондуков, справедливо возмущенный этим поступком представительного лица, пишет министру внутренних дел и просит о высылке Кипиани из края, чтобы дерзость эта не прошла безнаказанно и не ободрила других.

Едва успел я прочесть эти документы, как получил телеграмму с известием из Озургет о новой выходке 18-летнего негодного ученика тамошнего духовного училища, исключенного за дурное поведение. Он напал на смотрителя училища и избил его до крови палкой по голове... Все это – явления, доказывающие, что необходима в здешнем крае общая строгая система мер для водворения порядка и уважения к власти. К несчастью, у здешних инородцев укоренилось понятие о том, что нынешнее управление стесняет их, а напротив того, надеются они на опору и защиту прежнего управления.

Погода прекрасная. Воздух здесь чудный, и вокруг зеленые живописные горы. Дай Бог, чтобы Ваше Величество успели воспользоваться теперь теплым летом и облегчением от забот!

Вашего Императорского Величества
вернопреданный
Конст. Победоносцев
Кисловодск, 20 июня 1886 г.

Часто я утруждаю Ваше Величество письмами, но трудно удержаться, когда дело имеет важность, а мне кажется, что никто другой не доложит о нем.

На днях, по всей вероятности, будет представляться Вашему Величеству М. Х. Рейтерн.

Я имею основание предполагать, что на мысли у него просить об увольнении его от звания председательствующего в Комитете Министров. Поводы к тому, конечно, будут представлены уважительные: болезнь, ослабление сил, наконец слепота, которая, как слышно, может вызвать четвертую уже по счету операцию.

Очень жаль будет потерять его и очень трудно заместить. Я истине скажу, что во всю мою жизнь, присутствовав в бесчисленных заседаниях, я ни разу еще не встречал такого председателя, что для дел комитета очень важно. Голова у него замечательно свежая, дела он всегда знает отлично (несмотря на то, что сам читать не может), следит за прениями во всех подробностях, сохраняя полнейшее спокойствие и достоинство, резюмирует сказанное коротко и ясно и в трудных случаях с большим искусством приводит дело к решению. Когда он отсутствует, это очень явственно отражается на делах комитета (что особенно заметно было при гр. Палене). Притом Рейтерн держит себя вполне беспристрастно, даже по таким делам (как, напр., Остзейским), где можно было бы предполагать сторонние на него влияния.

Но мне кажется, что при некотором сопротивлении и при лестном для него внимании Вашего Величества он остался бы. Правда, что здоровье его пошатнулось, но не так сильно, как он думает (он мнителен). Глаза у него плохо видят, но голова совсем свежа. Жизнь он ведет самую регулярную, и я думаю, что, удалившись от дел, к коим привык, он скучать будет. Если бы потребовалось ему удалиться на некоторое время для лечения, возможно было бы назначить ему

временного заместителя на случай болезни. Подобные назначения бывали: при покойном Государе по случаю болезни гр. Блудова назначен был в качестве заместителя или вице-председателя в комитете кн. Гагарин.

Притом еще доходили до меня стороной слухи, что Рейтерн был бы очень чувствителен к внешним знакам внимания Вашего Величества. Честолюбие не дремлет и иногда в старости еще сильнее разгорается. Я слышал, что он ждал себе к коронации титула или портрет. И теперь, вероятно, награда ободрила бы его.

Константин Победоносцев
Петербург, 16 декабря 1886 г.

1887 год

55

В особенных случаях я позволяю себе утруждать Ваше Величество просьбами о поощрении школьных учреждений присылкой иконы от имени Вашего.

Этот знак Высочайшего внимания к усердию местных деятелей в таком важном деле имеет великое значение и благотворительную силу, особливо в таких местах, где русскому и церковному элементу приходится бороться с иноверными и инородческими влияниями.

А где находятся усердные и энергические деятели, там учреждение приходских школ производит поразительное действие. В самое короткое время преобразуется быт и настроение крестьян, и в самые дикие углы проникает свет и осмысленность.

Я считаю великим делом — отыскивать такие явления (большей частью в глухих местах) и тотчас же обращать на них внимание. Видя

это, местные деятели получают нравственную опору, и пример их вызывает других на подражание.

С этой целью посылаю я от времени до времени для объездов по селам состоящего при мне толкового человека обозревать начинающееся школьное дело. Так, объехал он летом Северо-Западный край, а осенью – Киевскую, Волынскую и Подольскую губернии. Этим путем добываются драгоценные сведения и завязываются живые связи. Так, например, недавно в глуши Таращанского уезда Киевской губ. посреди тьмы невежества, пьянства, в среде, зараженной штундой, отыскались 3 молодых священника, неведомые своему начальству, в нужде и унижении работающие с утра до ночи над просвещением темной массы; один из них, например, успел в 2 года искоренить штунду в своем приходе; и эти люди, имея по 5–6 человек детей да еще бедных родных на руках, должны существовать с семьей на какие-нибудь 200 рублей в год и истощаются в голоде и холоде. Если человек такой некорыстен, то положение его ужасно. Так, священник, о коем идет речь, за требы не берет. Доходов церковных бывает от 3 до 13 копеек в большие праздники. Было 3 свадьбы – за две ничего не дали, за третью дали 55 коп. (Это там, где есть сектанты, в обыкновенных же условиях дают за свадьбу от 10 до 15 рублей.)

Можно себе представить, как важно для такого труженика получить пособие вовремя, а никто не дает ему. Узнавая такие случаи, я посылаю им что можно, – к счастью, имеются для того кое-какие средства из денег, пожертвованных Кенигом и другими благотворителями. Так, например, этим трем священникам послано к празднику по 250 руб., и они ожили духом.

Прошу прощения за это предисловие к моей просьбе. Она состоит в следующем.

В Могилевской губернии, в Климовецком уезде есть молодой помещик Мещерский. Живя в деревне безвыездно, он со всем жаром принялся за школьное дело и в короткое время достиг замечатель-

ных успехов (прилагается краткая о сем записка). Узнав о нем случайно, я посылал к нему людей, старался доставлять ему пособия. Теперь дело его растет. Детей узнать нельзя – из них составились целые хоры певцов, и вслед за детьми преобразуются родители. Действие школы распространяется дальше и дальше по уезду. Дело это вполне заслуживает милостивого внимания Вашего Величества. Не благоволите ли и на этот раз пожаловать икону от имени Вашего в центральную школу села Милославичей. Это придаст новую силу всему движению.

Константин Победоносцев
21 января 1887 г.

56

Простите, Ваше Величество, что нарушаю покой Ваш своими письмами; но что делать, когда душа не терпит.

Я только что прочел новую драму Л. Толстого и не могу прийти в себя от ужаса. А меня уверяют, будто бы готовятся давать ее на Императорских театрах и уже разучивают роли.

Не знаю, известна ли эта книжка Вашему Величеству. Я не знаю ничего подобного ни в какой литературе. Едва ли сам Золя дошел до такой степени грубого реализма, на какую здесь становится Толстой.

Искусство писателя замечательное, – но какое унижение искусства! Какое отсутствие – больше того – отрицание идеала, какое унижение нравственного чувства, какое оскорбление вкуса! Больно думать, что женщины с восторгом слушают чтение этой вещи и потом говорят о ней с восторгом. Скажу даже: прямое чувство русского человека должно глубоко оскорбиться при чтении этой вещи. Неужели наш народ таков, каким изображает его Толстой? Но это изображение согласуется со всей новейшей тенденцией Толстого – народ-де у нас весь во тьме

со всей своей верой, и первый он, Толстой, приносит ему новое свое евангелие. Посмотрите-ка, вот в чем ваша вера, – баба, убивая несчастного ребенка, не забывает окрестить его и затем давит...

Всякая драма, достойная этого имени, предполагает борьбу, в основании которой лежит идеальное чувство.

Разве есть борьба в драме Толстого? Действующие лица – скотские животные, совершающие ужаснейшие преступления просто, из побуждений животного инстинкта, так же, как они едят, пьют и пьянствуют: ни о какой борьбе с высшим началом нет и помину. В виду зрителя, можно сказать, проходят на сцене одно за другим: отравление мужа, несколько скотских кровосмешений, подговор матерью сына и жены к преступлению, наконец, страшное детоубийство с хрустением костей и писком младенца, – и все это без борьбы, без протеста, в самой грубой форме, в невозможных выражениях мужицкой речи, с цинизмом разврата, с пьянством. И не видать тут живого лица человеческого, – разве что бледная Марина да старик Аким, – и тот какое-то расслабленное создание без воли, только натура добрая и покорная. Говорят, что конец нравственный. Не нахожу и этого – покаяние Никиты на конце, посреди гостей, размертво пьяных, представляется тоже каким-то случайным явлением, которое ничего нравственно не закрепляет в этой развратной среде, ничего не решает, так что этот момент пропадает, можно сказать, в страшном впечатлении безотрадного ужаса в течение всех 5 актов драмы.

В том же роде есть музыкальная драма Серова «Вражья сила»; но какая разница! Там зритель глубоко потрясен, но совсем иначе, там форма чистая, там есть борьба, борьба со страстью, и покаяние преступника, увлеченного страстью, действительно венчает драму. А у Толстого в драме даже страсти нет, нет увлечения, как нет и борьбы, а есть только тупое, бессмысленное действие животного инстинкта, – и вот почему она так противна. В «Преступлении и наказании» у Достоевского, при всем реализме художества, через все действие про-

ходит анализ борьбы – и какой еще! – и идеал ни на минуту не пропадает из действия.

А это что такое? Боже мой, до чего мы дожили в области искусства!

День, в который драма Толстого будет представлена на Императорских театрах, будет днем решительного падения нашей сцены, которая и без того уже упала очень низко. А нравственное падение сцены – немалое бедствие, потому что театр имеет громадное влияние на нравы в ту или в другую сторону.

Воображаю первое представление. Ложи наполнены кавалерами и дамами высшего общества, любителями и любительницами сильных дневных и ночных ощущений. Дамы в роскошных туалетах жадно смотрят на представление из чуждого им «мужичьего» мира, в котором живут и двигаются тоже люди, но похожие на животных. В каждом акте ощущают приятный «ужас». В 5-м акте – по случаю детоубийства, с хрустением косточек и писком, матери станут плакать – о! какие фальшивые слезы... Разве не похоже будет на то, как в прошлом столетии собирались нарядные дамы самого образованного в Европе общества смотреть на публичную казнь и мучения преступников и тоже плакали между конфетами и мороженым?

Но это не все. Пьеса станет модной. Вся петербургская публика от мала до велика потянется в театр. Нравственный уровень нашей публики очень низок, равно как и вкус ее. Ложи наполнятся молодыми девицами и малолетними детьми (это наверное, ведь их берут же в театр на опереттки). Какова будет в нравственном отношении привычка смотреть в течение нескольких часов живую картину разврата, преступлений и дикого быта? Дети, вернувшись домой, станут повторять со смехом и шутками слышанные ими в театре фразы и слова, вроде: «однова дыхнуть, скуреха, осторожная шкура, в рот тебе пирог с горохом» и т. п.

Но и это далеко не все. Петербургские увеселения дают тон увеселениям во всей России. Ныне в каждом сколько-нибудь значительном

городе есть театры, на которые переходит, развращая нравы праздной публики, всякая нечисть петербургских и московских сцен. Завелись уже по местам театры и в селах. В Москве заведен в милостивом ведении местной администрации под именем народного театр под фирмою «Скоморох», где толпится, по ценам от 5 до 60 копеек, публика в рубашках и тулупах, слушая пьесы общего театрального репертуара, и в антрактах развлекается буфетом с водкой.

Драма Толстого облетит все эти уездные и сельские сцены. Представляю себе крестьянскую и рабочую, фабричную публику такого представления: что она из него вынесет? Картина преступлений возмутительных выступает перед публикой как обыденное явление дикого быта, без малейшего возвышения духа: тут люди, живущие инстинктом, без идеи, возле всюду сущего кабака увидят воочию, как просто и с какой легкостью совершаются в этой среде преступления. Рассказывают, что, когда Толстой, собрав крестьян и дворовых, читал им свою драму, чтоб видеть производимое ею впечатление, один из лакеев на вопрос о Никите отвечал: «Все хорошо шло, да под конец сплоховал». Немудрено, что подобное впечатление вынесет масса зрителей, погруженных, подобно действующим лицам, в ту же тину одних материальных инстинктов и интересов.

А что почувствуют лучшие, здоровые, честные представители народа?

Они, несомненно, будут оскорблены в лучших своих ощущениях. Подумают так: «Вот чем вздумали забавляться баре! Вот, видно, как они понимают народ. Неужели же все мы, простые русские люди, в нашем домашнем быту такие скоты и мерзавцы? Стыдно. А если бы кто вздумал так выставить графов да князей, да больших бояр, – небось, не позволили бы, запретили бы давать пьесу. Это не то, что наш брат». Нехорошо, если так заговорят честные и нравственные русские люди.

Стоит подумать еще и о том, как отзовется такое публичное представление русского сельского быта у иностранцев и за границей, где

вся печать, дышащая злобой против России, хватается жадно за всякое у нас явление и раздувает иногда ничтожные или вымышленные факты в целую картину русского безобразия. Вот, скажут, как сами русские изображают быт своего народа.

И то уже нехорошо, что в эту минуту драма Толстого, напечатанная в виде *народного* издания в громадном количестве экземпляров, продается теперь по 10 копеек разносчиками на всех перекрестках; скоро она обойдет всю Россию и будет в руках у каждого, от мала до велика. На заглавном листе поставлено: «Для взрослых», но ведь это объявление само привлечет к книжке всех несовершеннолетних и малолетних, и, конечно, во всех учебных заведениях она уже и теперь читается с жадностью.

Что же будет, когда ее поставят на театрах!

Простите, Государь. Я высказал все и облегчил свою душу.

Константин Победоносцев

18 февраля 1887 г.

60

Дозвольте, Ваше Величество, беспокоить Вас по делу, коему придаю политическую важность.

Сейчас дошло до меня, что Вы изволили приказать объявить на общем основании Каткову предостережение за статью в № 66 «Московских ведомостей» и вообще за направление статей его по внешней политике.

Прежде всего, оговариваюсь, что я нисколько не оправдываю Каткова и не извиняю его и не имею в виду его личного положения; но имею в виду то значение, которое приобрели вместе с лицом его «Московские ведомости».

Правда, как Вы изволили однажды и мне выразиться, что Катков забывается и принимает тон, несоответственный с его положением.

Но один ли он виноват в том? Виноваты во многом правительственные лица, которые поставили его в положение ненормальное и вскружили ему голову. Всякий забудется, если его выведут из пропорции и придадут ему несоразмерное значение.

Катков – высокоталантливый журналист, умный, чуткий к истинным русским интересам и к твердым охранительным началам. В качестве журналиста он оказал драгоценные услуги России и правительству в трудные времена. Он стал предметом фанатической ненависти у всех врагов порядка и предметом поклонения, авторитетом у многих русских людей, стремящихся к водворению порядка. То и другое – крайность, но то и другое – факт немаловажного политического значения. Факт, с которым приходится считаться.

Вся сила Каткова в нерве журнальной его деятельности как русского публициста и притом единственного, потому что все остальное – мелочь или дрянь, или торговая лавочка.

Но зачем было делать из Каткова государственного человека? Были министерства, в коих ничто важное не предпринималось без участия Каткова. Этим его испортили и вывели его из пропорции. Он писал превосходные статьи, но можно было им радоваться, а не делать из них государственного события. Особенно ввиду иностранной прессы и иностранной дипломатии, придававшей статьям Каткова значение статей, внушаемых свыше, следовало бы правительству избегать всего того, что могло быть истолковано в смысле солидарности правительства со статьями Каткова. Вот почему я не порадовался, когда прочел в газетах рескрипт, в прошлом году предложенный к подписанию Вашего Величества И. Д. Деляновым; не радовался, когда Катков приезжал сюда из Москвы на продолжительное время, и в здешнем обществе, живущем сплетнями, и в заграничной прессе под-

нимались вздорные толки, что с ним ежедневно совещаются о делах внешней политики. Мудрено ли, что по вопросам этого рода Катков, получая на статьи свои и записки одобрение из высших сфер, более и более выходил из пропорции?

Однако же то ложное освещение, которое получил Катков и у нас, и за границей, есть несомненный факт. Все, что происходит с «Московскими ведомостями», становится событием не только всероссийским, но и европейским. Падение «Московских ведомостей» есть великое торжество одной партии (к сожалению, именно партии врагов России и порядка) и великое уныние для другой партии, противоположной. Прибавлю еще, что Катков, при всех своих недостатках и увлечениях, очень дорог своей газетой именно теперь, в эпоху смуты, что когда его не будет, решительно нечем будет заменить его в нашей распущенной и бедной серьезными талантами печати; и, наконец, что эта минута, которой нельзя не опасаться, вероятно, уже недалека, потому что Катков едва ли долго продержится.

Теперь позволяю себе обратить внимание, Ваше Величество, на последствия, вероятные в том случае, если будет на общем основании опубликовано предостережение Каткову за направление статей его по внешней политике.

Телеграф разнесет это известие по всем концам мира. Это будет замечательное политическое событие. Оно будет истолковано в смысле поворота нашей политики. Оно отразится на бирже. Оно вызовет торжественные демонстрации во всех больших городах и, между прочим, со стороны враждебных России партий. Внутри России произойдет крайнее недоумение и смущение. Притом, зная настроение и натуру Каткова, я уверен, что он вслед за предостережением прекратит издание «Московских ведомостей». Это будет крайним смущением для массы читателей русских и, смею думать, во всяком случае будет утратой для правительства силы весьма значительной, силы нравственной.

Стоит ли всего этого статья, правда, неприличным и безумным тоном написанная?

Вполне понимаю, однако, что невозможно относиться равнодушно к этому тону и к этой манере статей Каткова. Однако примечаю, что до сих пор никто властным тоном и властной речью не говорил еще Каткову, что ему необходимо воздержаться себя, что этот тон и эта манера не только не одобряются, но и строго осуждаются Вашим Величеством. Министр внутренних дел – власть непосредственная над ним – ни разу не имел с ним положительного объяснения по этому предмету. Напротив того, сам Катков мог иногда воображать, что статьи его угодны правительству.

Ваше Величество, Вы, конечно, поверите, что одно лишь старание о благе и о мире побуждает меня писать это письмо. Министр внутренних дел в отсутствии; я предвижу, что предположенная мера в настоящих обстоятельствах не будет иметь благих последствий.

Позвольте представить на благоусмотрение Ваше следующее. Можно достигнуть того же результата, но с избежанием нежелательных последствий, в другой форме. То же предостережение, но еще суровее и действительнее, могло бы быть объявлено Каткову от имени Вашего Величества, только не в официальной форме и без опубликования. Для этого Феокистов мог бы съездить в Москву или гр. Толстой лично мог бы передать Каткову все то, что Вашему Величеству угодно было выразить. Тут Катков в первый раз положительно усмотрел бы неудовольствие и гнев Вашего Величества. Я не сомневаюсь, что он принял бы это внушение со всей покорностью и не замедлил бы или изменить тон, или вовсе уклониться от полемических статей по важнейшей политике.

Константин Победоносцев
Петербург, 11 марта 1887 г.

Еще вчера я утомлял Ваше Величество длинным писанием и уже сегодня позволяю себе то же самое. Не могу утерпеть, когда нужно довести истину до сведения Вашего Величества посреди того океана лжи и сплетен, в коем мы движемся.

Дело идет снова об известной истории с Катковым. Катков уже умер, и нечего было бы уже теперь нарушать мир над его могилой, когда бы дело касалось только личной его памяти. Но мне представляется необходимым разъяснение настоящего случая, дабы показать, какими средствами пользуется злоба и клевета, дабы очернить в глазах Ваших иного верного слугу Вашего Величества и России.

Каткова эта клевета измучила, тем более, что он не мог добраться до ее источника. Уже вернувшись в Москву, за несколько дней до паралича он писал мне:

«Что все это значит? Моренгейм ли был проводником возведенной на меня клеветы и в разговоре с человеком, который ничего не знал об его участии в этом деле, притворился тоже ничего не знающим (Моренгейм дал такой ответ русскому, спрашивавшему его по поручению Каткова), или телеграмма, доложенная Государю, шла не от Моренгейма, а прямо от Катакази, и только подкреплена была именем посла? К моему великому счастью, Государь изволил поручить гр. Толстому сообщить мне ее содержание, так что я мог немедленно объявить этот якобы «верный факт» безусловной ложью. Но могло случиться – и на это, по-видимому, рассчитывалось, – что об этой клевете мне не стало бы известно, и я почувствовал бы только ее последствия, не ведая причины и не зная, в чем оправдываться».

Катков писал в Париж, желая добраться до истины.

И вот лишь по смерти его обнаружилась истина исследованием, которое с полной достоверностью раскрывает, кто виновник клеветы и интриги.

Благоволите, Ваше Величество, прочесть записку, переданную мне сегодня Ционом. В ней обнаруживается рука давно известного своей способностью к интриге Катакази. К сожалению, этот ловкий грек в последнее время успел втереться в доверие к великим князьям во время пребывания их в Париже, и это обстоятельство дало ему кредит, которого стали опасаться не только посол, но и само министерство иностранных дел. Неблагоприятные слухи о Ционе, дошедшие до Вашего Величества, идут, вероятно, от него же.

Константин Победоносцев

31 июля 1887 г.

1888 год

74

Думаю, что Вашему Императорскому Величеству будут не без интереса некоторые подробности о нынешнем киевском торжестве.

Я приехал сюда поутру 11 июля в тот самый час, когда происходило открытие памятника Б. Хмельницкому. В городе шли торопливые приготовления к празднику, но дело об устройстве его было в каком-то неопределенном состоянии – каждый час распоряжения менялись, и пришлось довольно беседовать и с митрополитом, и с головою, и с А. Р. Дрентельном, чтобы примирить разногласия. Покойный А. Р. относился к этому торжеству с каким-то недоверием и подозрительностью: он опасался до болезненности, чтоб не вышло каких-нибудь манифестаций по поводу славян и славянского вопроса, и потому старался даже до щепетильности устранить всякое участие в торжестве гражданских и военных властей. Ему хотелось сжать все дело в рамки ежегодного празднования 15 июля, исключительно церковного.

А между тем дело принимало широкие размеры, далеко за пределы этих тесных рамок: дело оказывалось торжеством поистине всенародным, и являлось одушевление замечательное. Ежечасно прибывали делегации из разных городов и учреждений. Из Нижнего голова с гражданами привезли великолепную хоругвь в дар Киеву; московские хоругвеносцы привезли 4 драгоценные хоругви; делегации из разных городов, особливо имеющих историческую связь с Киевом, привезли патриотические адреса; наезжали представителями разных епархий епископы из Нижнего, из Чернигова, из Петербурга и Москвы, из Кишинева и пр.; приехал митрополит черногорский со своим дьяконом. Приехали, несмотря на препятствия, из Сербии Протич и Груич (бывшие министры и посланники в России); из Румынии – преданные России – кн. Богоридзе, Разновано и несколько других лиц (епископу Мельхиседеку румынское правительство, к стыду своему, не дало отпуска в Киев!). В Австрии правительство формально запретило давать паспорта в Киев, однако прибыли из Галиции и из Венгрии с риском преследования те же галичане и словаки, которые были в Петербурге на день Кирилла и Мефодия и за то подвергались уже гонению. 13 числа явилось 11 крестьян из Галиции; они тайно пробрались через границу – их устроили гостеприимно в лавре. Все эти люди благоговейно, со слезами на глазах ходили по храмам и улицам киевским. Памятник Хмельницкому производил на них сильное впечатление; на нем надпись: «Водим под царя восточного православного», и эту надпись они пожирали глазами. Даже сербы, проходя мимо, говорили: «Вот наша программа, зачем нам искать другую».

Русских людей всякого числа прибывало множество, и все было в радостном ожидании торжества. Необходимо было дать удовлетворение этому чувству; оно не удовлетворилось бы обычным церковным празднованием 15 июля. Я говорил по этому поводу с Дрентельном. От города готовился обед на 450 человек. Этого-то обеда особенно опасался Ал. Романович – боялся речей со славянской политикой –

и потому объявил заранее, что речей не будет, и всякая речь покрыта будет музыкой. Мне удалось, однако, убедить его, что необходимо дать высказаться патриотическому чувству. Я принял это на свою ответственность: говорить-де я буду один, и то, что я скажу, не будет опасно. На этом Дрентельн успокоился.

Погода установилась прекрасная. Город почистился, украсился и стал действительно чудно хорош благодаря живописности своей. Церкви все почистились к празднику: в Софийском соборе сняли грязь и копоть, сняли верхний ярус иконостаса, так что нерушимая стена открылась вся. В Михайловском монастыре идут работы: там открыты недавно под слоем новой живописи интереснейшие фрески, как думают, той же эпохи, как и софийские.

13 числа служили торжественно заупокойную литургию в маленькой церкви св. Николая на Аскольдовой могиле, и потом на площадке перед церковью, в виду множества народа, унизывавшего соседние вершины, служили соборную панихиду по всем воинам, убиенным на брани в течение 9 столетий! Это была трогательная церемония.

14 числа происходил акт в духовной академии в старинной зале, увешанной старыми портретами. Это был, так сказать, первый акт торжества, оставивший во всех глубокое впечатление. Проф. Малышевский сказал с одушевлением прекрасную речь, в которой обозрел историю России в связи с Киевом, с Церковью, с Польшей и латинством. Все были настроены торжественно. Затем началось чтение адресов от Москвы, от Нижнего, от других городов, одушевленных патриотическим чувством. Выступили с приветствиями митроп. Михаил сербский, черногорец Митрофан, греческий архимандрит Неофит. Напоследок я прочел любопытнейший документ, только что полученный из Лондона, — послание архиепископа кентерберийского Эдуарда киевскому митрополиту Платону. Прилагаю его при сем в русском переводе.

В тот же день вечером, в 6 часов, ударили ко всеобщей. Мы пошли сначала в Софию. Всюду служило по несколько архиереев с пре-

восходными хорами певчих, всюду – великое множество народа, всюду – благолепие. Простояв начало здесь, мы перешли в Андреевский храм, где совершалась главная всенощная. Лития совершалась вне храма, на высокой площадке, его огибающей, и так, в вышине, над городом, в виду чудной картины Заднепровья все стояли со свечами, и шла процессия вокруг с осенением крестом на все 4 стороны. Сюда же вышли потом на величание «хвалите», и тут же было пение канона с акафистом. Подле меня стоял все время Александр Романович с женой... можно ли было подумать, что наутро его уже не станет.

Отсюда – в лавру. Там чудесная картина. В храме стать уже некуда от молящихся, а весь двор, облитый лунным светом, наполнен паломниками-богомольцами, которые группами сидят и лежат тут и тут же проводят ночь в ожидании утреннего колокола.

Все это хождение совершал Саблер со множеством иноязычных, которых водил за собою, показывая и объясняя им, – 5 румын, 3 сербов, 3 молодых японцев (только что кончивших русскую семинарию в Токио и присланных в академию) и двух молодых англичан, которые накануне явились из Лондона и теперь с изумлением и, по-видимому, с восторгом смотрели на Киев, на народ и на нашу красоту церковную.

Сегодня, в 8 часов утра, ударили у св. Софии. Как хорошо было в церкви, и сказать невозможно – все блестело и сияло, все торжествовало и пело! Я смотрел на Протича и Груича – крупные слезы катились у них по лицу. Явились и два абиссинца, коих привез вчера Анненков; оба стояли в белой одежде и сверху в черных плащах (все это сшили им в Москве и в Петербурге), – оба стояли с достоинством и усердно молились, держа в руках свои книжки, с серьезными лицами – видно было, что они в изумленном восторге от всего, что видят. На них смотрела с крылоса умиленным взором землячка их – черная девица (умница, проживающая в петербургском женском монастыре) в розовом платье и ярко-желтой шляпке.

Пели прекрасно. После обедни Платон сказал, несмотря на свое утомление, прекрасное слово о вере, и затем начался ход. День был совсем блестящий и знойный. Процессия двинулась от св. Софии, мимо Михайловского монастыря, вверх на гору, к памятнику Владимира, где служили молебствие, потом вниз, на реку, где устроена иордань, отсюда – к Рождественской церкви, где митрополит с возвышения благословлял крестом на все стороны: тут стоял хор из 500 мальчиков и девочек и пел тропарь св. Владимиру. Войска на проходе играли «Коль славен». Два хора пели все время на ходу. Новые блестящие хоругви несли московские хоругвеносцы, потому что здешние не сладили бы с ними.

Я не в силах описать всю красоту и величие этого хода! Киев – единственная местность, на которой может развернуться цельная картина шествия со всей массой народа, потому что здесь горы, с которых все видно. Куда ни взглянешь, все покрыто массой людей, с самой живописной постановкой: все вокруг, все вершины унизаны, а внизу на Днепре, против иордани, масса пароходов, униженных народом. Картина – единственная. Иностранцы, бывшие с нами, совсем подавлены впечатлением от всего, что сегодня видели, – тут сама собой сказывается вся мощная сила русского народа, одушевляемого верой, и в чертах симпатичных. Наши англичане верить не хотели, что все это собралось здесь само собой, без всяких созывов и приглашений.

Ход едва кончился в начале 3 часа, а в 3 часа надо было уже ехать к обеду. Этот обед останется у всех надолго в памяти. Хотелось, чтоб он не походил на обычные в этих случаях обеды, а носил на себе печать торжества религиозного и национального. Поэтому прямо после супа, когда еще вина не пили, начал я первую свою речь, которая должна была заключиться не тостом, а молитвой... Певчие на хорах начали, а собрание подхватило «Тебе Бога хвалим». С этой минуты обеспечено было особое настроение, которое затем и поддерживалось последующими речами. Нижегородский предводитель Демидов прекрасно

сказал приветственный адрес нижегородцев Киеву. Вслед за последним тостом главные гости разъехались, остальные, вероятно, досиживают до ночи уже с самыми затейными речами и тостами.

Праздник наш омрачился, однако, внезапной кончиной Дрентельна. Весть об этом принесена в церковь еще в половине литургии и поразила нас как громом. Он был весел и бодр сегодня утром и весело сел в седло, чтобы сопровождать по обычаю процессию, но едва сел, как удар поразил его, и он скончался тут же, прежде чем его сняли. Кончина эта, надо думать, была для него легкая, но ужасно подумать о несчастной жене его, с которой они дружно жили все время, — я знал его еще неженатого и потом видел его жизнь. Сегодня вечером я был на панихиде и видел ее: она сидит, окаменев, как убитая...

Теперь и для русских людей здесь вопрос великий — кто его заменит? Он был очень тверд в своей политике относительно поляков и немцев, и если преемник его будет держаться иной политики, беда будет этому краю. К сожалению, Волынская губерния переполнена немцами, которые успели прочно здесь утвердиться.

Вечером, в 9 часов, я поехал к в. к. Александре Петровне, зная, что она нетерпеливо ждет меня; она уже поужинала и собиралась спать, но обрадовалась мне и с восторгом слушала, что я ей рассказывал, — лежала и плакала. Я был в первый раз у Ее Высочества по приезде, 12 числа, был во 2-м часу, — у нее накрывали стол, и она оставила меня обедать. Вывели и Илюшу, и Наташу; и тот, и другая с виду несколько абиссинского типа, и оба приготавливаются к духовному званию. За столом сидело человек 18 — какие-то домашние девицы в белых платьях, одна игуменья, старичок Лабзин, купец из Павловского посада со спутником-мужичком и с дочерью. Вел. княгиня благодушно всех угощала. Со мной долго говорила она, плакала, говоря о Вашем Величестве, об Императрице, о королеве греческой, которую обожает. Речи ее мне понравились — она говорила многое разумно, а вид у нее самый здоровый и веселый. Очень добра великая княгиня.

Но вот как я уже утомил Ваше Величество своим длинным писанием. Сам я не имел еще отдыха с выезда из Петербурга, а здесь только ежеминутное нервное возбуждение заставляет меня забывать крайнюю усталость. Но я совсем удовлетворен всем, что сегодня видел и чувствовал. И сейчас обрадовала меня телеграмма, что Ваше Величество с Императрицей изволили участвовать в крестном ходе и на воде, и на площади. Послезавтра хочу двинуться обратно в Мариенбад и жду отдыха в вагоне.

Дай Боже Вашему Величеству здоровья и благоденствия и возможного отдыха, пока придет время для новых трудов.

Вашего Величества преданнейший
Констант. Победоносцев
Киев. 15 июля 1888 г.

76

Во Владикавказе – епископ Иосиф, человек старый и ума небольшого, но давно в этом краю и с самого начала управлял делами осетинской миссии. Он знает хорошо осетинский язык; издал словарь осетинского языка, единственный существующий, и значительное число переводов богослужебных и назидательных книг с русского языка на осетинский.

Осетинские приходы и школы нуждаются в священниках и учителях. Этой потребности не могли удовлетворять воспитанники наших семинарий; они не могли подходить к простому, полудикому и бедному быту осетинских селений.

Итак, для этой потребности устроено года 2 тому назад особое училище в Ардонском селении близ Владикавказа. С простым курсом, приноровленным к местной потребности, оно имеет целью готовить к служению детей осетин, не отрывая их от сельско-

го быта. На первый раз дело это начато удачно; зрителем училища Св. Синод назначил прекрасного молодого монаха, скромного и усердного. До сих пор все известия, получаемые с места и от духовного, и от гражданского начальства, весьма утешительны. Живущий в Ардоне начальник местных войск, быв в Петербурге, говорил мне об училище этом с большой похвалой.

В Новом Афоне будет, конечно, ожидать приезда Их Величеств епископ сухумский Геннадий – первый епископ вновь учрежденной епархии, едва ли не беднейшей из всех епархий. О плачевном состоянии тамошних церквей я уже имел случай представить особую записку. Бедное абхазское население не может устроить себе церкви; есть там и русские поселения без церквей. Потребность великая, а средств нет.

В такую епархию надо было искать епископа не из ученых, а простого, но усердного и хозяйственного. После долгих исканий выбрали опытного иеромонаха Троице-Сергиевской лавры, управлявшего там 28 лет хозяйством. Положение его трудное. Он не имеет еще покуда и постоянной резиденции, и устроенного дома; не имеет и своей церкви, потому что в Сухуме одна маленькая церковь, где и священнику тесно служить. На первый раз главным ему пристанищем служит Ново-Афонский монастырь, откуда он объезжает свою епархию.

Ново-Афонский монастырь – замечательное учреждение, благодательнейшее для целого края и в религиозном, и в культурном отношении. Это – точно улей пчел, неутомимо работающих. Он составляет колонию Пантелеймоновского монастыря на Афоне и состоит в зависимости от него. Игумен Иерон, симпатичнейший старец, конечно, обратит на себя внимание Его Величества. Все, что возведено и воздвигнуто трудами монахов, в высшей степени замечательно. Помещение для Их Величеств будет устроено, конечно, в старой генуэзской башне, у монастырских ворот. Местность необыкновенно живописна, и воздух приятен очень. Если будет погода и время позволит,

как хорошо было бы, если б довелось Их Величествам подняться по устроенной монахами удобной дороге на высокую гору над монастырем, где наверху интересные развалины старого собора и следы целого города из первых веков христианства. Подняться туда верхом стоит небольшого труда, но кому это удавалось, тот не забудет своих впечатлений по редкой грандиозности видов, отсюда открывающихся.

Примечателен в монастыре казначей Иннокентий, из казаков, когда-то бывший удалым наездником. Примечателен старичок Захария, страстный любитель растений, собравший в маленьком садике своей кельи редкие экземпляры местной растительности.

В монастыре устроена школа для абхазских мальчиков, единственная в своем роде. Они и поют в церкви некоторые молитвы на своем языке, похожем на птичье щебетанье. При мне пели они «Отче наш».

По другую сторону Сухума есть другой монастырь, Драндский, составившийся отчасти тоже из афонцев; но он только что начинает устраиваться в порядке.

В прелестном Батуме, кроме многого другого, заслуживает внимания городское начальное училище, состоящее под ведением смотрителя Богданова и сестры его. Я видел там с величайшим интересом множество мальчиков и девочек 11 национальностей, собранных вместе и обучающихся по-русски письму и чтению. В связи с ним ремесленные мастерские. Двор стережет старый турок, очень симпатичный, большой любитель детей. Года два тому назад дом училища сгорел по несчастью; теперь, вероятно, оно в новом помещении.

В Тифлисе много учебных заведений, и все стоят внимания, особенно 1-я гимназия (возле дворца), женская гимназия, учительская семинария. По внешности судя, они в большом порядке.

Но есть там малое и скромное женское епархиальное училище, на которое желательно было бы обратить внимание Государыни Императрицы. Как бы они были счастливы, если б Ее Величеству благоугодно было посетить их. Училище ведется прекрасно, скромно и

стоит внимания. Девочки почти все бедные, большей частью голые сироты, но многие из них за воспитание и красоту оказываются бесприданницами: женихи являются сами. В прошлом году начальница сказывала, что из 17-ти выпущенных – все сироты – 8 оказались невестами при самом выпуске.

В Тифлисе новый экзарх – преосв. Палладий (бывший прежде вологодским, рязанским, тамбовским, казанским). Он имеет большую опытность и обладает тактом в обращении с людьми. Мягок в манерах, но настойчив. Щедр и гостеприимен. До сих пор из Грузии от местного населения слышны только похвалы ему.

У него два викария – Александр и Виссарион. Оба жалкие, но из грузин некого, кроме их, было выбрать.

В Кутаисе архиерей, тоже из грузин, преосв. Григорий, единственный представитель учености в грузинском духовенстве. Он довольно умен, академического образования, проповедник и издал на грузинском языке 2 тома проповедей, – едва ли не единственное в этом роде издание.

В Кутаисе, возле замечательных развалин старого громадного собора, помещается кутаисское духовное училище. Там у нас более 700 мальчиков – все беднота и голь. Если б Его Высочеству, в. к. цесаревичу угодно было посетить училище, стоило бы дать кое-какие деньги на угощение мальчикам – это для них великий праздник. А покормить детей – великое дело.

В Батуме, конечно, будет епископ мингрельский, красивый мужчина, родом из князей Дадианов. Он не замечательных способностей, но характера безупречного, держит себя с достоинством, строг с духовенством и имеет авторитет в местном населении, привыкшем почитать Дадианов.

Владикавказ примечателен еще тем, что там обилие сектантов разного рода (вообще их немало в Терской области). В последнее время туда сильно проникла и пашковская пропаганда. В последние годы

явился сильным против них орудием местный священник Мамацев (родом из грузин), искусный, образованный и усердный. Толпы народа, иногда в несколько тысяч, собирались слушать его. Собрания, за недостатком закрытого помещения, происходили на площади. Но он возбудил такое сочувствие в местном населении, что в короткое время по подписке собрано было несколько тысяч рублей, и для него построен большой балаган, где, вероятно, и происходят ныне беседы.

31 августа 1888 г.

1889 год

82

Вашему Величеству известно, какую страшную язву в нашем народе составляет пьянство, с каждым годом возрастающее. Оно составляет главную причину и обеднения крестьян, и расстройств крестьянской семьи, и всякого рода беспорядков. Можно прямо сказать, что большая часть преступлений, в народе совершающихся, имеет причиной пьянство.

К сожалению, донныне питейный дом служит главным источником государственных доходов. В последнем законоположении думали облегчить зло, заменив кабаки трактиром; но вышло еще хуже, ибо трактиры, коих заведение облегчено, фактически стали питейными домами, и притом тайная продажа вина, за которой уследить трудно, до того усилилась, что в иных селениях торгуют вином едва ли не в каждом доме. Таким образом, питейное дело, которое казна привыкла считать главным источником дохода, на самом деле становится источником народного обеднения, то есть истощения той самой платежной силы, на которой весь государственный доход основан.

Нельзя примириться с этим злом; на этом состоянии нельзя успокоиться.

В ту пору, когда освобождались крестьяне, нельзя было не опасаться, как бы свобода, внезапно данная, с ослаблением сельской дисциплины (хотя и суровой и нередко своекорыстной и произвольной) не повела к чрезмерному усилению пьянства в народе.

Тогда люди, принимавшие к сердцу эту великую заботу, предприняли привлекать народ к воздержанию от вина возбуждением нравственно-религиозного чувства посредством учреждения союзов или обществ трезвости. Тогда это движение исходило от духовенства, преимущественно на юге России, где стали по призыву священников возникать одно за другим общества трезвости.

Но это движение встречено было враждебно питейно-акцизным управлением из опасения, что пострадают от него питейные доходы. Министерство финансов очень решительно потребовало от духовной власти остановить и запретить общества трезвости. Синод не мог согласиться на столь решительную и постыдную меру, но вынужден был обставить это дело такими затруднениями, что все общества трезвости закрылись, а священники, заводившие дело, были парализованы, и затем в духовенстве укоренилась апатия к этому учреждению, соединенная со страхом ответственности.

С тех пор прошло много времени, и об обществах трезвости не было слуха. Между тем пьянство усилилось до того и губительные его последствия стали так очевидны в крестьянском быту и хозяйстве, что из среды самих крестьян послышались голоса: «спасите нас от пьянства!» Люди усердно стали думать опять об обществах трезвости.

При рассмотрении в Государственном Совете нового питейного устава предполагалось включить в него несколько статей, облегчающих противодействие пьянству в среде самого общества. К сожалению, существенные из них не были приняты, однако удалось провести одну статью, в коей косвенно упомянуты общества трезвости. Это нужно

было для того, чтобы показать, что общество трезвости не есть какое-либо противозаконное учреждение.

С прошлого года оживилось вновь движение к трезвости. Мне уже доводилось докладывать Вашему Величеству о деятельности человека, поистине замечательного, – Сергея Рачинского, в одной из самых глухих местностей, в Бельском уезде Смоленской губернии. Вот уже более 20 лет, как этот человек, ученый, один из блестящих профессоров Московского университета, оставив службу, поселился в своем родовом имении и все свои силы посвящает нравственно-религиозному культурному просвещению народа, устроив целую сеть сельских школ. Трудно и перечислить, сколько он людей поставил на ноги и сколько способствовал к оздоровлению темной среды крестьянской около себя. Многих он уже отвлек от пьянства, многие из его питомцев стоят теперь лучшими священниками, дьяконами, псаломщиками, сельскими учителями.

Видя около себя страшную картину пьянства со всеми его последствиями, он давно ищет средства помочь беде посредством общества трезвости, которое мало-помалу сгруппировалось около него.

Прошлым летом он решился выступить в публику с своим заявлением, которое появилось в «Русском вестнике», потом перепечатано в «Церковных ведомостях» и, разойдясь по всей России, привлекло к нему горячие отзывы отовсюду. В ответ на эти отзывы он написал открытое письмо к приходским священникам, которое разослано на прошлой неделе во все приходы при «Церковных ведомостях».

Прилагаю и то, и другое. Благоволите, Ваше Величество, прочесть эти листочки: я считаю долгом обратить Ваше внимание на это дело, важное в особенности в настоящую минуту.

Народ шевелится всюду и всюду ищет инстинктивно выхода из своей темноты и из бед своих. Россия велика и обширна; далеко не везде есть законные пастыри, которые могли и умели бы овладеть этим движением, руководить его, научить и просветить. Тут являют-

ся сектанты – деятели опасные. Они привлекают народ, между прочим, во имя трезвости, но в то же время отводят его от Церкви и вместе с тем от национальности и, составляя секту, развивают в ней дух гордости, но настоящего просвещения не дают народу. Между тем нередко сектанты эти, обращаясь к православным, укоряют их и смущают такими словами: мы трезвы и богатеем, а вы в своей Церкви пьянствуете и разоряетесь!

Вот еще причина, почему необходимо навстречу этому движению пустить из среды церковной здоровое движение к отрезвлению народа. Нет сомнения, что на этот призыв многие откликнутся.

Константин Победоносцев
Петербург. 12 декабря 1889 г.

1890 год

83

Я имел случай докладывать Вашему Величеству, что у братьев Юрия Ф. Самарина хранится интересная переписка его с баронессой Раден. Многие из этих писем – превосходные, написанные мастерски, как умел он писать и она умела.

Думаю, что некоторые письма, именно те, которые касаются до балтийских дел, будут иметь особый интерес для Вашего Величества. Писаны они неразборчиво, и я распорядился (с разрешения брата) переписать их и при сем имею честь представить.

Письма 60-х годов были в самый разгар полемики между Самариным и Эдитой Раден по поводу балтийских дел и особенно по поводу издания «Окраин». Произошел почти что разрыв между ними, но ненадолго. Оба они смягчились, и между ними укрепились дружба, связан-

ная нежным чувством. Тон писем 70-х годов совсем изменяется, и они становятся еще интереснее. Последнее из представляемых писем не касается балтийских дел – оно писано Самариным из деревни, и так хорошо, что я не колеблюсь обратиться на него внимание Вашего Величества.

Константин Победоносцев
3 февраля 1890 г.

1891 год

85

В иностранных государствах, когда та или другая партия желает провести какую-либо меру или осуществить учреждение, вопреки мнению или решению правительства, употребляются для сего такие средства: созываются митинги, приводится в движение газетная печать, и таким образом производится агитация, которую выставляют как выражение общественного мнения и, наконец, достигают своей цели подбором голосов в парламентах.

У нас с 60-х годов тоже употребляются для сего подобные средства в иной форме.

Известная партия начинает агитацию во влиятельных кружках общества, иногда преимущественно через женщин, а затем агитация эта отражается в кружках правительственных и нередко достигает своей цели, так что этим путем проводятся иногда в законодательство такие меры, которые вовсе не согласны с выраженным направлением правительства.

Вот один из таких примеров. Наряду со многими идеями, проникшими в наше общество с 60-х годов из Западной Европы, проникла и идея женской эмансипации и стала волновать умы, распространяясь.

Явились фанатики уравниения женщин с мужчиной во всех правах общественных, учреждения женских курсов и допущения женщин в университет.

Под влиянием этих идей учреждены были в 70-х годах курсы при медико-хирургической академии, выпускавшие женщин-врачей с правами. Известно, какое вредное нравственное действие имели эти курсы. Правда, что иные из кончивших курсы женщин заявили и еще заявляют в разных местах полезную свою деятельность, но в массе слушательниц происходило самое безобразное развращение понятий, и трудно исчислить, сколько их развратилось и погибло.

Курсы эти были закрыты по Высоч. повелению в 1882 г. к великому негодованию всех поборников женской эмансипации.

И они тотчас же открыли агитацию о восстановлении их в ином виде, если можно, еще более решительном. Поднялись толки и в обществе, и в печати, причем на первый план выставлялась всегда польза, которую могут приносить женщины на врачебном поприще.

В этой агитации руководящую роль взяли на себя дамы из общества. Некоторые из них, дабы достигнуть цели, заявили значительные денежные пожертвования на учреждение высших врачебных курсов. Эти пожертвования и стали предлогом к возбуждению вновь вопроса, казавшегося решенным. Но главные жертвовательницы известны как фанатические поборницы самой идеи женской эмансипации.

Это средство подействовало, и последствия показывают, как искусно было оно придумано.

Со стороны частных лиц, некоторых земских деятелей, бывших преподавателей и слушательниц возникли ходатайства на Высочайшее имя об упрочении будущности курсов. И вот в том же 1882 году по Высочайшему повелению открыто совещание нескольких министров по этому предмету. Объявлено, что Государь Император не препятствует такому учреждению, лишь бы оно было не казенное, а частное, и содержалось на частные средства, из пожертвований.

Тогда совещание признало, что можно допустить на будущее время к медицинскому образованию лиц женского пола для приготовления ученых акушерок к специальному лечению женских и детских болезней. Это специальное учебное заведение должно быть учреждено в размере средств, имеющих образоваться от пожертвований в ведомстве М<инистерства> нар<одного> просвещения.

Для разработки положения о сем составлен комитет под председ. товарища мин<истра> нар<ародного> просвещения.

Комитет действовал с 1883 по 1891 год, собирая сведения и выслушивая специалистов.

Ныне из комитета вышло уже нечто новое, далеко за пределы размеров прежде предположенных, именно:

Вместо учебного заведения образован целый женский университет под названием Женского медицинского института, который предположено устроить в Петербурге, о чем уже состоялся в 1891 году всеподданнейший доклад министра народного просвещения. В этом институте предполагается уже полный университетский курс, и он будет выпускать уже не ученых акушерок, как предполагалось прежде, а женщин-врачей с полным правом лечения всех болезней. Итак, дело сводится в 1891 году, даже с излишком, на то самое, что в 1882 году было уничтожено.

Составлен устав с обширным штатом, в коем исчислено на одно лишь жалованье директору, профессорам и пр. до 52.000 руб., не считая еще многих других расходов – на устройство дома, снабжение, библиотеку, на учреждение пансиона, и т. п. Эти расходы даже не исчислены, а они будут громадные.

Неизвестно, на какие средства все это будет устроено, а уже министр н<ародного> пр<освещения> внес устав женского института на утверждение Госуд<арственного> Совета, и 18 мая он принят соединенными департаментами.

На какие же средства можно рассчитывать? Оказывается, что ныне имеется в распоряжении не более 30.000 руб. в год – процентов с по-

жертвованного капитала. Ничего, – отвечают, – мы можем открыть институт, когда половина исчисленного (и то не вполне бюджета в 52 т. р.) будет обеспечена, а там – что Бог даст.

Решение это встречено будет с восторгом всеми сторонниками высшего уравниения женщин с мужчинами. Неудовлетворительно ли оно для правительства? В этом позволительно усомниться.

Является учреждение странного вида. Оно называется как бы частным, но организовано в виде университета и дает права на звание врача. Оно открывается, не имея достаточных средств для своего обеспечения даже самыми необходимыми принадлежностями. При нем состоит какой-то попечительный комитет из жертвователей и других лиц, кои должны будут заботиться о доставлении ему материальных средств. Устав его утверждается прежде точного исчисления всей суммы, какая потребна будет при его открытии, и предполагается открыть его лишь на кое-какие средства.

Ясно до очевидности, что за сим последует и что, без сомнения, тайно имеют в виду зачинщики и поборники всего этого дела.

Откроют этот институт с разрешения правительства, пригласят профессоров, наберут девиц, продержатся кое-как некоторое время и затем обратятся к правительству, которому затем предстоять будет или закрыть учреждение, или поддерживать на средства государственного казначейства (на большую сумму) целый университет женский, не им, не правительством задуманный, но, так сказать, навязанный ему – и кем же навязанный? Кружком поборников женской эмансипации, то есть такого направления, которое составляет оппозицию мерам правительства.

Можно сказать с уверенностью, что правительство изберет последний путь, ибо будут доказывать, что нельзя же распустить девиц и уничтожить такой храм науки, уже пущенный в действие.

И таким образом план оппозиции удастся вполне, а правительство окажется в несвойственной ему роли быть исполнителем не собственной воли и не своего решения.

Покойный граф Д. А. Толстой предвидел все это и в своем отзыве министру нар<одного> просвещ<ения> от 19 апр. 1889 года (помещенном в печатной записке Госуд<арственного> Совета) восставал решительно против предполагаемого учреждения (еще не предвидя, что из него выродится не только заведение для акушеров, но целый женский университет). Он справедливо опасался, что это учреждение будет усиленным повторением прежних женских курсов и станет, при нынешнем настроении молодежи, наплывающей в столицу, центром вредной агитации и источником беспорядков.

Вот каково положение дела, затруднительное для правительства.

Чтоб выйти из него, надлежало бы, кажется, отклонить рассмотрение и утверждение в Государственном Совете внесенного туда устава, до тех пор по крайней мере, пока образуется такой капитал, процентами с коего могло бы быть снабжено, устроено, пущено в ход и поддерживаемо по самому точному расчету учреждение, в размере не университетского, но такого заведения, которое имелось в виду в 1883 году.

Май 1891 г.

87

Решаюсь писать к Вашему Величеству о предметах неутешительных.

Если б я знал заранее, что жена Льва Толстого просит аудиенции у Вашего Величества, я стал бы умолять Вас не принимать ее. Произошло то, чего можно было опасаться. Графиня Толстая вернулась от Вас с мыслью, что муж ее в Вас имеет защиту и оправдание во всем, за что негодуют на него здравомыслящие и благочестивые люди в России. Вы разрешили ей поместить «Крейцерову сонату» в полном собрании сочинений Толстого. Можно было предвидеть, как они этим разрешением воспользуются. Полное это собрание состоит из 13 томов, кои мо-

гут быть пущены в продажу отдельно, 13-й том – небольшая книжка, в которой помещены вместе с «Крейцеровой сонатой» мелкие статьи такого же духа. Эту книжку они пустили в продажу отдельно, и вот уже вышло третье отдельное ее издание. Теперь эта книжка в руках и у гимназистов, и у молодых девиц. По дороге от Севастополя я видел ее в продаже на станциях и в чтении в вагонах. Книжный рынок наполнен 13-м томом Толстого. Мало того, – он объявил в газетах, что предоставляет всем и каждому перепечатывать и издавать все статьи из последних томов своих сочинений, то есть все произведения новейшего, вредного, пагубного направления. Недавно, когда ему возражали против этого заявления, он отвечал, что ему дела нет до того, какое действие произведут его статьи, так как убеждение его твердо. Толстой – фанатик своего безумия и, к несчастью, увлекает и приводит в безумие тысячи легкомысленных людей. Сколько вреда и пагубы от него произошло, – трудно и исчислить. К несчастью, безумцы, уверовавшие в Толстого, одержимы так же, как и он, духом неукротимой пропаганды и стремятся проводить его учение в действие и проводить в народ. Таких примеров уже немало, но самый разительный пример – кн. Хилкова, гвардейского офицера, который поселился в Сумском уезде, Харьковской губ., роздал всю землю крестьянам и, основавшись на хуторе, проповедует крестьянам толстовское евангелие, с отрицанием Церкви и брака, на началах социализма. Можно себе представить, какое действие производит он на невежественную массу! Зло это растет и распространяется уже до границ Курской губ., в местности, где уже давно в народе замечен дух беспокойный. Вот уже скоро 5 лет, как я пишу об этом и губернатору, и в министерство, но не могу достигнуть решительных мер, а между тем Хилков успел уже развратить около себя целое население села Павловки и соседних деревень. Он рассылает и вблизи, и вдаль вредные листы и брошюры, которым крестьяне верят. Народ совсем отстал от церкви: в двух приходах церкви стоят пустые, и причты голодают и подвергаются насмешкам и оскорблениям. В при-

ходе 6.000 душ, и в большие праздники, напр., в Покров, было в церкви всего 5 старух. Под влиянием Хилкова крестьяне для общественных должностей отказываются принимать присягу. Такое положение грозит большой опасностью, и, по последним известиям, я убедительнейше прошу министра о высылке Хилкова, который уже хвалится перед народом: «...ничего мне не делают, стало быть, я учу правильно». Теперь надеюсь, что в министерстве сделают должное распоряжение.

Нельзя скрывать от себя, что в последние годы крайне усилилось умственное возбуждение под влиянием сочинений графа Толстого и угрожает распространением странных, извращенных понятий о вере, о церкви, о правительстве и обществе; направление вполне отрицательное, отчужденное не только от Церкви, но и от национальности. Точно какое-то эпидемическое сумасшествие охватило умы. К Толстому примкнул совершенно обезумевший Соловьев, выставляя себя каким-то пророком, и, несмотря на явную нелепость и несостоятельность всего, что он проповедует, его слушают, его читают, ему рукоплещут, как было недавно в Москве. Кружки этого рода сгруппировались особенно в Москве и, к сожалению, около университета, где три общества: юридическое, любителей словесности и новое, психологическое, – собирают публику, большей частью из неопытной молодежи, для распространения самых извращенных идей; все они имеют свои издания такого же направления. В Москве же развелись ныне либеральные богачи-купцы и купчихи, поддерживающие капиталом и учреждения духа эмансипации (вроде женских курсов), и журналы вредного направления. Так, на счет одной купчихи издается журнал «Русская мысль», к сожалению, самый распространенный из всех русских журналов; он в руках у всей молодежи, и множество голов сбито им с толку. Так, купец Абрикосов (конфетное заведение) поддерживает журнал «Вопросы философии и психологии», служащий ареной для Соловьева и отчасти для Толстого. В этих-то кругах ходит легенда о том, что вся эта вредная литература может рассчитывать на защиту у Вашего Величества против всякого

стеснения речей и писаний, и эта легенда усилилась особенно после того, как принята была Вашим Величеством графиня Толстая.

Теперь у этих людей проявились новые фантазии и возникли новые надежды на деятельность в народе по случаю голода. За границей ненавистники России, коим имя легион, социалисты и анархисты всякого рода основывают на голоде самые дикие планы и предположения — иные задумывают высылать эmissаров для того, чтобы мутить народ и восстанавливать против правительства; немудрено, что, не зная России вовсе, они воображают, что это легкое дело. Но и у нас немало людей, хотя и не прямо злонамеренных, но безумных, которые предпринимают по случаю голода проводить в народ свою веру и свои социальные фантазии под видом помощи. Толстой написал на эту тему безумную статью, которую, конечно, не пропустят в журнале, где она печатается, но которую, конечно, постараются распространить в списках. Недавно одна богатая московская купчиха являлась к И. Н. Дурново, предлагая 300.000 руб. на пособия с тем, что для раздачи их она будет посылать своих агентов. Когда ей было в том отказано, она объявила, что все-таки пошлет их без всякого разрешения. Ей было отвечено, что в таком случае агентов ее будут арестовывать. Она ушла с негодованием, а через несколько дней в лондонском «Daily News» явилась телеграмма из Петербурга, что министр внутр. дел приказал арестовывать агентов общества для раздачи пособий...

Все это показывает, сколько нужно осторожности. Год очень тяжелый, и предстоит зима в особенности тяжкая, но с Божией помощью, авось, переживем и оправимся.

Простите, Ваше Величество, что нарушаю покой Ваш в Ливадии такими вестями и такими мыслями, но мне казалось нелишним доложить Вам о некоторых обстоятельствах, которые могли бы и не дойти до Вашего сведения.

Константин Победоносцев
Петербург. 1 ноября 1891 г.

1892 год

88

Смею утруждать Ваше Императорское Величество настоящей своей заботой, так как она относится и до церковных дел.

Сегодня услышал я о предположении взять из Ревеля князя Шаховского и перевести его в Курск. Это известие смутило меня и смутит, несомненно, всех русских деятелей в Прибалтийском крае. Я уверен, что это перемещение отразится неблагоприятно на русском деле в этих окраинах.

Направление кн. Шаховского давно уже обозначилось и было весьма важно, что для тамошнего немецкого населения он был олицетворением неуклонных начал новой русской политики. К нему начали уже привыкать и, при самом раздражении, отдавать ему справедливость. Тем не менее известно, что представители эстляндского дворянства всячески желали именно от него избавиться и не раз хлопотали об этом распускаемыми о нем слухами в разных слоях общества. Теперь перевод его, несомненно, будет истолкован в Остзейском крае как победа над русской партией и как поворот в политике правительства, а всех русских деятелей обескуражит. Переводом Синягина в Москву было уже несколько расстроено дружное действие администрации в трех губерниях, а перевод кн. Шаховского еще более расстроит его, ибо он считался до сих пор главным, в русском смысле, деятелем. Думаю, что осторожнее было бы дать ему еще докончить начатое. На окраинах России еще нужнее, нежели внутри, прочные администраторы. Не могу не опасаться, что с устранением его и дело, которое он вел 7 лет, будет расстраиваться: несомненно, что люди, которых он с самого начала привлек к делу и собрал около себя (и в этом немалая его заслуга), после него разойдутся. Придут новые люди, которых, не знаю, сумеет ли прибрать и направить его прием-

ник. А опыты, к сожалению, показывают нам, что преемник, по большей части, старается не продолжать дела своего предшественника, а напротив, приступает к нему с критикой и старается поставить новое свое на место прежнего. И этого в особенности надо опасаться в деле, едва лишь устанавливаемом, остзейской администрации.

Но в таком деле, какого требует Остзейский край, мало еще сделает администрация, если ограничится одними приказаниями, распоряжениями и решениями. Необходимо насаждать в крае такие учреждения, которые могли бы в местном населении явить образцы русской православной и национальной культуры и возбудить к себе сочувствие. В этом отношении кн. Шаховской, совместно со своей женой, положил доброе начало учреждению, которое обещает принести обильные плоды, но, начав развиваться, может без них заглохнуть. Я имею в виду женскую общину, основанную кн. Шаховском в Чевве и теперь переносимую в Пюхтицу, где из нее должен возникнуть монастырь. Эта община успела уже привлечь общее сочувствие и богослужением, и больницей, и школой с приютом для детей; княг. Шаховская, при содействии покойной матери Марии и других лиц, успела привлечь к этому учреждению женщин усердных и деятельных и сама составляет душу его. Дело удалось вполне и до такой степени, что владелец Пюхтицы Дикгоф, прежде сильно враждовавший против общины, теперь настолько полюбил ее, что пожертвовал ей даром лютеранскую недостроенную церковь, которую прежде едва соглашался уступить за 10 тыс. руб. Итак, если супруги Шаховские выедут из края, — и это важное для русского дела учреждение должно будет пошатнуться, так как и собранные княгиней Шаховской монахини, и учительницы едва ли останутся без нее...

Прошу прощения у Вашего Величества, что все эти соображения осмеливаюсь представить на Ваше благосклонное усмотрение.

Константин Победоносцев
Петербург. 5 мая 1892 г.

Завтра, по всей вероятности, министр внутренних дел будет докладывать Вашему Императорскому Величеству об исходе прискорбной истории, которая разыгралась в Варшаве по духовному ведомству.

Для разбора дел по просьбам о принадлежности лиц, происшедших от прежних униатов, к Православной Церкви или к католической, существуют смешанные комиссии, коих постановления восходят на утверждение духовной консистории.

В недавнее время открылось, что в среде чиновников консистории образовалась шайка мошенников, которая в связи с некоторыми польскими адвокатами и ксендзами брала с просителей деньги за успешное по желанию их окончание дела. Брались деньги по обыкновению и с правых, и с неправых. Главным орудием этого беззакония был дьякон замковой церкви Родкевич, заведовавший производством этих дел в консистории, а члены, по доверию к нему, подписывали иногда без рассуждения, что он представлял им. Генерал-губернатор признает неудобным направлять это дело к судебному производству, т. е. к огласке, и предполагает покончить его административным порядком, именно выслать виновных из тамошнего края в распоряжение административных властей.

Св. Синод сделал уже в пределах своей власти возможное распоряжение. Именно, все члены варшавской консистории за небрежение к своему долгу уволены от должностей и заменены новыми. Что касается до главного виновного, дьякона Родкевича, уже низведенного варшавским духовным начальством в причетники, то он по распоряжению Синода будет выслан в крепость Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря и там лишен сана.

Константин Победоносцев

12 августа 1892 г.

1893 год

91

Зная, как занято время у Вашего Императорского Величества, воздерживаюсь просить разрешения явиться лично.

Долгом почитаю доложить, что нынешнее состояние митрополита Московского не подает надежды на скорое выздоровление. Он не в силах сознательно распоряжаться, и в делах уже оказывается застой. Посему сегодня от Синода послан указ старшему викарию епископу дмитровскому Александру вступить временно в управление епархией.

Из Америки получают довольно часто любопытные известия. Слава Богу, в первый раз там явился епископ разумный и заботливый, и потому дело оживилось. Но его положение тяжелое, ибо людей надежных почти совсем нет, и трудно найти здесь охотно желающих туда ехать. Много приходится распутывать и улаживать ошибок и упущений прежнего времени. Очень сожалею, что новый наш посланник не повидался со мной. Зато нахожу я большое подспорье в умном, образованном и любезном американском посланнике Уайте, с которым нередко вижусь.

Между тамошними русскими галичанами возникло сильное движение к Православию и все усиливается. Затруднение наше в том, что приходится назначать жалованье священникам новых приходов. В последнее время образовался новый приход в Стритторе, близ Чикаго, где присоединилось 600 человек. Любопытно, что они, никем не побуждаемые, придумали 6 декабря послать наследнику цесаревичу поздравление с днем ангела и очень были обрадованы ответной телеграммой Его Высочества: «Most happy to hear such good news. Thank new converted orthodoxes».

Константин Победоносцев

14 января 1893 г.

1894 год

96–97

Вашему Величеству известно уже, что в Уральском войске поднялось в последние годы сильное движение к соединению с Православной Церковью на началах единоверия. Движение это не останавливается благодаря разумным мерам атамана и деятельности миссионера Ксенофонта Крючкова. Дар Вашего Величества – походная церковь – сильно возбудил к тому же население Уральской области. Описание бывшего по сему случаю торжества в Уральске распространено в казачьих войсках, особливо в Терском, и повсюду возбуждает сочувственные толки.

Приятно мне доложить Вашему Величеству, что ныне подобное же движение возникает и в Терском войске, которое через конвойных ближе поставлено ко дворцу. А Терское войско отличалось всегда упорным фанатизмом, даже в лице станичных атаманов и самых генералов.

У нас уже давно, очень давно, с 1816 года, ведется дело о построении православной единоверческой церкви в станице Червленой, где горсть новоправославных была подавлена массой фанатических раскольников, имевших там свои 2 церкви с колоколами. Место для церкви давно уже отведено, но оно заросло травой и бурьяном; кресты, поставленные на нем с 1817 года, давно сгнили и три раза были заменяемы. Все усилия разбивались о грубое противодействие не столько со стороны казаков, сколько со стороны станичного начальства; а терские атаманы в силу какого-то суеверного страха перед массой раскола отказывали в своем содействии. Но сооружение там православной церкви было крайне важно именно в этом месте, а денег не было. Православные казаки бедны, а все мои усилия выпросить деньги у военного министра из войскового капитала оказались тщетными. Но, слава Богу, в прошлом году добрый человек, князь Николай Петр.

Мещерский, прислал в мое распоряжение 10.000 руб. на построение церкви там, где в ней крайняя нужда. С весны дело закипело, слава Богу, без инженеров, которые довели бы цифру расхода до невероятных размеров. План был готов, и я поручил дело тому же Крючкову, который закупил лес и все материалы в Астрахани и за 500 верст с великими трудностями доставил все это в Червленую. Теперь церковь почти совсем готова и обойдется тысяч в 8. Только что началась стройка, как все население оживилось и приняло в ней сердечное участие, не исключая даже раскольников.

Примечательно, что передает мне Крючков, только на днях приехавший оттуда и из станицы Прочно-Окопской, служащей главной твердыней и центром раскола в Терском войске. Именно там поднимается сильное движение к соединению – необходимо и там строить церковь. До сих пор у них действовал лжеепископ Силуан, простой безграмотный мужик, но чрезвычайно наглый. Переезжая из здешних станиц на Дон и оттуда сюда, встречаемый с почетом станичными властями, он открыто служил с собором 12 попов и даже имел наглость украшать себя лентой Анны I степени. К счастью, ему перестают верить, и раздаются уже голоса, особенно из среды конвойных, что лучше быть в одной церкви с Царем и под правильным епископом.

Константин Победоносцев
(Без даты)

КОММЕНТАРИИ

После смерти К. П. Победоносцева в условиях продолжавшегося революционного хаоса последовали немногочисленные некрологи, в основном повторяющие биографические сведения:

Памяти Победоносцева // Московские ведомости. 1907. 12 марта.

П. Б. <Бартенев П. И.> К. П. Победоносцев: <Некролог> // Русский архив. 1907. Кн. 1. Вып. 4. С. 635, 652.

Пл. <Ляхостский П. Н., прот.> К. П. Победоносцев: (Некролог) // Церковный голос. 1907. № 11. С. 316–319.

Победоносцев // Старообрядец. 1907. № 3. С. 379–380.

Поселянин И. <Погожев Е. Н.> К. П. Победоносцев. Деятель. Литератор. Человек // Церковный голос. 1907. № 12. С. 341–344.

Филонов А. На память о К. П. Победоносцеве: (письмо в редакцию) // Народное образование. 1907. Т. 1. Кн. 3. С. 417–419.

Соборянин. Трагическая личность: По поводу смерти К. П. Победоносцева // Церковно-общественная жизнь. 1907. № 12. Стб. 356–358.

Принципиальными противниками дела К. П. Победоносцева были изданы весьма тенденциозные книги и статьи:

Амфитеатров А. В., Аничков Е. В. Победоносцев. СПб.: Шиповник, 1907.

Бердяев Н. А. Великий Инквизитор // Вопросы философии и психологии. 1907. Кн. I (86). С. 1–36.

Богучарский В. Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX в.: Партия «Народной Воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912. IV.

Лазарев Е. Е. Гавайский сенатор и вожди русского Православия епископ Владимир и К. П. Победоносцев. Carouge-Jeneve, 1902.

Л. <Слонимский Л. З.> О «Великой лжи» нашего времени // Вестник Европы. 1896. Кн. 10. С. 768–790.

В настоящий сборник вошли статьи о К. П. Победоносцеве и воспоминания о нем, опубликованные людьми, лично знавшими Константина Петровича.

Орфография и пунктуация в основном приведены в соответствие с современными нормами.

I. БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

**Константин Петрович Победоносцев,
действительный тайный советник,
член Государственного Совета и Комитета Министров,
сенатор, статс-секретарь, обер-прокурор Святейшего Синода**

Текст печатается по изданию: Альманах современных русских государственных деятелей. СПб.: Тип. Исихора Гольдберга, 1897. С. 64–67.

Автобиография, изложенная в письме Николаю II

Текст печатается по изданию: *Победоносцев К. П.* Великая ложь нашего времени. М.: Русская книга, 1993. С. 624–632.

II. ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА ПО ВОСПОМИНАНИЯМ СОВРЕМЕННОКОВ

И. В. Преображенский

**К. П. Победоносцев, его личность и деятельность
в представлении современников его кончины**

Текст печатается по изданию: Константин Петрович Победоносцев, его личность в представлении современников его кончины. СПб.: Колокол, 1912.

Преображенский Иван Васильевич (1854–1919) – церковный писатель, магистр богословия, действительный статский советник, служил в Канцеля-

рии обер-прокурора Святейшего Синода в Петербурге, многолетний сотрудник К. П. Победоносцева.

Б. Б. Глинский
Константин Петрович Победоносцев
(Материалы для биографии)

Текст печатается по изданию: *Глинский Б. Б.* Константин Петрович Победоносцев. (Материалы для биографии) // «Исторический вестник». 1907. № 4 (т. CVIII). С. 247–274.

Глинский Борис Борисович (12.10.1860 – 30.11.1917) – публицист, писатель, издатель. Автор многих исторических работ и биографий русских политических и общественных деятелей. Был редактором «Исторического вестника» и ряда газет и журналов патриотической направленности.

Друг моего детства
(По материалам сайта «Мать Мария»)

Текст печатается по изданию: <http://mere-marie.com/creation/drug-moego-detstva/>

Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева, урожденная Пиленко, в монашестве – мать Мария (1891–1945) – поэтесса и монахиня. 6 января 2004 г. Священный Синод Вселенского Патриархата в Константинополе принял решение о канонизации.

Родилась в Риге 8 декабря 1891 г. Детство и отрочество будущей матери Марии прошло около Анапы. Там у ее отца, любителя-агронома, позднее директора Никитского ботанического сада в Крыму, было небольшое имение с виноградником. После смерти отца в 1906 г. семья переселяется в Петербург. Здесь в ней проявился литературный талант, она бывала на литературных вечерах, была хорошо знакома с Блоком и другими литераторами. Постепенно в ней все больше утверждается дух христианства. Ее первые книги: «Скифские черепки», «Юрали», «Руфь». После революции 1917 года эмигрирует. В 1932 году приняла постриг в церкви парижского Свято-Сергиевского богослов-

ского института с именем Мария – в честь преподобной Марии Египетской. Еще до начала войны м. Мария основывает движение «Православное дело». С началом оккупации Парижа во время Второй мировой войны дом, который она основала на ул. Лурмель, 77, становится одним из штабов Сопротивления. В нем жили бежавшие из плена советские солдаты, посылались посылки, деньги, устраивались побеги.

В феврале 1943 года мать Мария была арестована и отправлена в лагерь Равенсбрюк. Накануне Пасхи, 31 марта 1945 г., мать Мария пошла в газовую камеру вместо одной из отобранных фашистами женщин.

Ее воспоминания о К. П. Победоносцеве замечательны тем, что передают именно детские впечатления, свободные от политических симпатий и антипатий. Благодаря этим бесхитростным воспоминаниям личность Константина Победоносцева становится более понятной и человеческой.

**С. Д. Шереметев
Победоносцев**

Текст печатается по изданию: http://www.rusarchives.ru/publication/publ_2013_N04_shohin.shtml.

Впервые опубликовано в научно-практическом журнале «Отечественные архивы» (№ 4 2013 г.). Вступительная статья, подготовка текста к публикации и комментарии Л. И. Шохина. Электронная версия: http://www.rusarchives.ru/publication/publ_2013_N04_shohin.shtml.

Рукопись хранится в фонде Шереметевых в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5147. Л. 100–103.).

Граф Сергей Дмитриевич Шереметев (1844–1918) – представитель знаменитого аристократического рода, крупный общественный деятель, коллекционер, видный ученый-историк. Получил образование в Пажеском корпусе, служил в гвардии, участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. за освобождение Болгарии; за проявленную храбрость награжден орденом. Был адъютантом цесаревича Александра Александровича, затем – флигель-адъютантом Александра III. Активно занимался благотворительностью. Был попечителем ряда учебных заведений и детских приютов. Возглавлял Придворную Певческую капеллу. Председатель Комиссии по разбору и описанию архива Святейшего Синода, председатель Комитета попечительства о рус-

ской иконописи, действительный член Русского археологического общества и Императорского исторического общества. Председатель Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. Автор многих исторических трудов по истории Москвы, истории подмосковных усадеб. На свои средства Шереметев подготовил и издал русские летописи, грамоты, писцовые книги, исторические акты, в том числе рукописи из семейного архива, 12 томов сочинений П. А. Вяземского, «Остафьевский архив князей Вяземских» (т. 1–5), «Переписку и бумаги графа П. Б. Шереметева 1704–1722 гг.», «Архив села Кукуново» и др.

Был хорошим знакомым и личным другом Константина Петровича Победоносцева. Сближение С. Д. Шереметева и К. П. Победоносцева относится к царствованию Александра II. С. Д. Шереметев с 1868 г. служил адъютантом цесаревича, будущего императора Александра III, не скрывавшего своего мировоззрения, которое расходилось со взглядами отца и его министров. К. П. Победоносцев являлся одним из наставников цесаревича в юности и затем по традиции оставался приближенным, не занимая должности в свите. Шереметев воспринимал Победоносцева как старшего товарища. При смене царствования в 1881 г. С. Д. Шереметев и К. П. Победоносцев продолжали придерживаться сходных взглядов о необходимости перемены политического курса.

Воспоминания о Победоносцеве интересны тем, что на правах старого друга С. Д. Шереметев весьма объективно описал Победоносцева как человека, не впадая ни в апологию, ни в уничтожительную критику.

А. Ф. Кони Триумвиры

Текст печатается по изданию: *Кони А. Ф. Собрание сочинений* в 8 т. Том 2. М.: Юридическая литература. 1966. С. 253. <http://coollib.com/b/243698/read>

Кони Анатолий Федорович (1844–1927) – выдающийся русский юрист. Прославился как судебный оратор, расследовал многие уголовные дела, председательствовал на многих судебных процессах. Сенатор, член Государственного Совета Российской империи. В отличие от многих других юристов, поддержал советскую власть. Сыграл большую роль в становлении права в СССР. Следует заметить, что особенно велики заслуги Кони в том, что право в Советской

России сохранилось вообще и не было заменено «революционной целесобразностью».

В данном очерке А. Ф. Кони рассказывает о Победоносцеве, которого лично хорошо знал, а также в целом об истории времен «триумвирата».

III. ВРАЖЕСКИЕ ГОЛОСА

Гений реакции

Текст печатается по изданию: газета «Слово». № 64. 11 февраля 1905 года. Отдельный оттиск.

Немо. (настоящее имя – Ренненкампф К. Н.).

В. В. Розанов

К. П. Победоносцев

Текст печатается по изданию: «Русское слово». 1907. 13, 18 и 27 марта. № 58, 63, 70 (первая публикация).

Василий Васильевич Розанов (1856–1919) – русский религиозный философ, литературный критик и публицист, один из самых противоречивых русских философов XX века.

Н. А. Бердяев

Нигилизм на религиозной почве

Текст печатается по изданию: «Век». 1907. 6 мая.

Бердяев Николай Александрович (1874–1948) – видный русский философ, отличавшийся крайней неустойчивостью взглядов, за что получил прозвище «Белибердяев».

В. Г. Короленко

К. П. Победоносцев и В. И. Аскоченский

(Историческая справка к эволюции официальной церковности)

Текст печатается по изданию: «Русское богатство». 1907. № 3. С. 133–139.

Короленко Владимир Галактионович (1853–1921) – русский писатель, публицист, прославился своей защитой прав язычников и евреев. В результате его весьма скромные с литературной точки зрения произведения были объявлены гениальными. Участник революционного народнического движения. В 1879–1885 годах был политическим ссыльным. В 1900 г. стал академиком. Биографические данные и политические симпатии Короленко отразились на его памфлете про Победоносцева, которого он старался сравнить с Аскоченским.

Аскоченский Виктор Ипатьевич (1813–1879) – писатель и публицист. Издавал с 1858 г. христианский журнал «Домашняя беседа», в котором метко и язвительно критиковал нигилизм и космополитизм, царившие в русском «просвещенном обществе». Опубликовал один из первых антинигилистических романов «Асмодей нашего времени». С середины 1870-х гг. страдал психической болезнью и умер в больнице для умалишенных. Это обстоятельство сделало его имя «популярным» среди либеральной интеллигенции, которая использовала факт сумасшествия Аскоченского как чуть ли не главный довод против своих оппонентов.

IV. ПОБЕДОНОСЦЕВ КАК ЛИТЕРАТОР

Б. В. Никольский

Литературная деятельность К. П. Победоносцева

Текст печатается по изданию: *Никольский Б. В.* Литературная деятельность К. П. Победоносцева (По поводу литературного юбилея). СПб.: типография А. С. Суворина, 1896.

Никольский Борис Владимирович (1870–1919) – представитель научной интеллигенции конца XIX – начала XX века, крупный специалист по римскому праву и русской литературе, поэт и литературный критик, один из организаторов Русского Собрания (монархической национальной организации, занимающейся популяризацией русской культуры). В период революции 1905 г. Никольский стал

одним из виднейших деятелей Союза Русского народа. В 1919 г. Борис Владимирович был расстрелян чекистами. В 1896 г. в своей брошюре по случаю 50-летия начала государственной и научной деятельности К. П. Победоносцева Б. В. Никольский затронул почти никем не рассматриваемую деятельность Победоносцева как литератора. Хотя сам Победоносцев никогда не считал себя писателем, но как человек, обладающий литературным вкусом и прекрасным стилем, он незаметно для себя добился того, что его произведения, посвященные юридическим или религиозным вопросам, действительно могли считаться образцами изящной словесности.

V. ПОБЕДОНОСЦЕВ КАК ЮРИСТ

А. Э. Нольде

Победоносцев и судебная реформа

Текст печатается по изданию: Победоносцев и судебная реформа // «Вестник гражданского права». 1915. № 8. С. 1–44.

Нольде Александр Эмильевич (1873–1919) – выдающийся русский юрист, профессор, сенатор. Происходил из семьи прибалтийских немцев, давших России сразу нескольких замечательных юристов. Будучи по своим взглядам умеренным либералом, А. Э. Нольде все же объективно показал роль К. П. Победоносцева в развитии русского права.

VI. ПОБЕДОНОСЦЕВ КАК ПЕДАГОГ

И. Аралов

К. П. Победоносцев как педагог

Текст печатается по изданию: *Аралов Игнатий*. К. П. Победоносцев как педагог // «Журнал Министерства народного просвещения». 1907. № 10. Отд. 3. С. 152–197.

М. Григоревский
Педагогические воззрения
К. П. Победоносцева

Текст печатается по изданию: *Григоревский М.* Педагогические воззрения К. П. Победоносцева. Киев, 1909.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ ПОБЕДОНОСЦЕВА

Текст печатается по изданию: «Московский сборник». Издание К. П. Победоносцева, пятое, дополненное. М.: Синодальная типография, 1901. http://dugward.ru/library/pobedonoscev/pobedonoscev_moskovskiy_sbornik.html#003

РЕЧИ К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА

Речь К. П. Победоносцева
8 марта 1881 года
на совещании Комитета Министров

Текст печатается по изданию: *Перетц Е. А.* Дневник. М.-Л., 1927. С. 38–40.

В качестве примера ораторского искусства К. П. Победоносцева можно привести его речь против конституционного правления от 8 марта 1881 г., переданную в записи участника совещания Е. А. Перетца.

Перетц Егор Абрамович (1833–1899), российский государственный деятель, по происхождению – крещенный еврей, внук крупного откупщика, в 1878–1882 гг. занимал должность Государственного секретаря. Присутствовал на совещании 8 марта 1881 г. и старательно «законспектировал» речи выступавших, в том числе и речь Победоносцева. Его свидетельство особенно ценно, поскольку речь была произнесена Победоносцевым экспромтом, без всяких предварительных записей.

**Речь и здравицы К. П. Победоносцева, произнесенные им
на обеде, данном городом Киевом в день празднования
900-летней годовщины Крещения Руси**

Текст печатается по изданию: «Церковные ведомости». 1888. № 31–32. С. 851–854.

ПЕРЕПИСКА К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА

Переписка К. П. Победоносцева с С. Д. Шереметевым

Текст печатается по изданию: Переписка С. Д. Шереметьева с К. П. Победоносцевым. Петербург // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. архив, 1999. С. 289–305. <Т.> IX. Публикация Л. И. Шохина.

Письма К. П. Победоносцева могут считаться не только памятником истории, но и показателем качества его личности. При этом необходимо отметить, что среди его корреспондентов были и простые сельские священники, и влиятельные государственные деятели, и офицеры, и писатели. В оценке Победоносцева как человека очень показательными могут считаться его письма к С. Д. Шереметеву, родовитому аристократу, но также и обычному офицеру в невысоких чинах во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В этой переписке Победоносцев, в тот период обычный сенатор, то есть человек, от которого не так много зависело, показывает себя вполне компетентным государственным деятелем, высказывает здравые взгляды на текущую политику. Особое отношение вызывают его суждения о деятельности на войне его воспитанника, цесаревича Александра Александровича.

Письма Александру III

Текст печатается по изданию: <http://krotov.info/acts/19/1880/pobed.html>

Послания Победоносцева своему царственному ученику императору Александру III излагают всю политическую программу Константина Петровича.

В отличие от писем к Шереметеву, это – письма подданного к своему монарху. При этом верный себе Победоносцев не устал воздействовать на императора даже таким способом, как просьба оказать финансовую помощь в 50 рублей! Понятно, что хотел, чтобы его царственный ученик не забывал о соли земли русской – простых православных русских людях, которые, не мудрствуя лукаво, трудятся на благо державы, ее Церкви и державного вождя. Вся мудрость учителя, правоведа и государственного деятеля содержится в этих частных, не предназначенных для опубликования, посланиях.

Печатается со значительными сокращениями.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
--------------------------	---

I. БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Константин Петрович Победоносцев, действительный тайный советник, член Государственного Совета и Комитета Министров, сенатор, статс-секретарь, обер-прокурор Святейшего Синода.....	16
Автобиография, изложенная в письме Николаю II	20

II. ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА ПО ВОСПОМИНАНИЯМ СОВРЕМЕННИКОВ

<i>Преображенский И. В.</i> Константин Петрович Победоносцев, его личность и деятельность в представлении современников его кончины.....	26
<i>Глинский Б. Б.</i> Константин Петрович Победоносцев (Материалы для биографии)	172
<i>Друг моего детства (Рассказ матери Марии о дружбе с К. П. Победоносцевым)</i>	208
<i>Шереметев С. Д.</i> Победоносцев	219
<i>Кони А. Ф.</i> Триумвиры.....	224

III. ВРАЖЕСКИЕ ГОЛОСА

Гений реакции	291
<i>Розанов В. В.</i> К. П. Победоносцев	299

<i>Бердяев Н. А. Нигилизм на религиозной почве</i>	322
<i>Короленко В. Г. К. П. Победоносцев и В. И. Асоченский (Историческая справка к эволюции официальной церковности)</i>	330

IV. ПОБЕДОНОСЦЕВ КАК ЛИТЕРАТОР

<i>Никольский Б. В. Литературная деятельность К. П. Победоносцева</i>	339
---	-----

V. ПОБЕДОНОСЦЕВ КАК ЮРИСТ

<i>Нольде А. Э. Победоносцев и судебная реформа</i>	365
---	-----

VI. ПОБЕДОНОСЦЕВ КАК ПЕДАГОГ

<i>Аралов Игнатий. Победоносцев как педагог</i>	407
<i>Григорьевский М. Педагогические воззрения К. П. Победоносцева</i>	460

ПРИЛОЖЕНИЕ

Стихотворения К. П. Победоносцева	485
Речи К. П. Победоносцева	488
Речь К. П. Победоносцева 8 марта 1881 года на совещании Комитета Министров	488
Речь и здравицы К. П. Победоносцева, произнесенные им на обеде, данном городом Киевом в день празднования 900-летней годовщины Крещения Руси	490
Переписка К. П. Победоносцева	495
Переписка с С. Д. Шереметевым	495
Письма Александру III	515

КОММЕНТАРИИ	604
-------------------	-----

Институт русской цивилизации создан для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 14 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей и ученых, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 160 томов).

Редактор Л. К. Молотилова
Корректор Ю. Н. Дородницына
Компьютерная верстка Е. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 07.12.2015 г. Формат 70 x 90 ¹/₁₆.
Гарнитура «Times». Объем 30,2 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЫПУСКАЕТ БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ РУССКОГО НАРОДА

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация (<i>вышел</i>)	Русская икона и религиозная живопись в двух томах (<i>вышли</i>)
Русское Православие в трех томах (<i>вышли</i>)	Русская архитектура и скульптура
Русское государство (<i>вышел</i>)	Русская живопись
Русский патриотизм (<i>вышел</i>)	Русский театр
Русское мировоззрение (<i>вышел</i>)	Русская музыка
Русский образ жизни (<i>вышел</i>)	Русская наука
Русская география	Русская школа
Русское хозяйство (<i>вышел</i>)	Русское воинство
Международные отношения	Памятники Отечества
Национальные отношения	Русские за рубежом
Русская литература (<i>вышел</i>)	Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.

Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.
Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
Феофан Затворник. Добротолюбие, 752 с.
Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
Миллер О. Ф. Славянство и Европа, 880 с.
Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России, 640 с.
Пушкин А. С. Россия! встань и возвышайся!, 976 с.
Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление, 960 с.
Святитель Игнатий (Брянчанинов). Особенная судьба народа русского, 752 с.
Нилус С. А. Близ есть, при дверях, 576 с.
Кавелин К. Д. Государство и община, 1296 с.
Белов В. И. Лад. Очерки народной эстетики, 512 с.
Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости, 736 с.
Аскочнский В. И. За Русь Святую! 784 с.
Будилович А. С. Славянское единство, 784 с.
Повесть Временных Лет, 544 с.
Преп. Серафим Саровский. Стяжание Духа Святого, 480 с.
Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце, 704 с.
Магницкий М. Л. Православное просвещение, 528 с.
Домострой, 448 с.
Уваров С. С. Государственные основы, 608 с.
Муравьев А. Н. Путешествие по святым местам русским, 768 с.
Панарин А. С. Православная цивилизация, 1248 с.
Говоруха-Отрок Ю. Н. Не бойся быть православным, или Русско-православная идея, 768 с.
Ушинский К. Д. Русская школа, 688 с.
Распутин В. Г. У нас остается Россия, 1200 с.
Митрополит Платон (Левшин) и его учено-монашеская школа. К чести духовного чина, 896 с.
Вельтман А. Ф. Древности и сокровища российские, 1152 с.

Вера. Держава. Народ: Русская мысль конца XX – начала XXI века, 1200 с.
Русская доктрина, 1056 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. А. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.
Шиманов Г. М. Записки из красного дома, 1024 с.
Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа, 704 с.
Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом, 1136 с.
Сенин А. А. Служить правде, 416 с.
Личутин В. В. Размышления о русском народе, 576 с.
Куняев С. Ю. Русский дом, 912 с.
Замысловский Г. Г. В борьбе с ненавистниками России, 720 с.
Проханов А. А. Слово к народу, 896 с.
Хатюшин В. В. Вехи окаянных лет, 608 с.
Ганичев В. Н. О русском, 832 с.
Миронов Б. С. Русский национализм, 560 с.
Шевцов И. М. Тля. Антисионистский роман. Соколы. Воспоминания о деятелях русской культуры., 816 с.
Тимофей Буткевич, протоиерей. Верю разумеваем, 704 с.
Любомудров М. Н. Каноны русского мира. Идеология. Культура. Искусство, 816 с.
Ерчак В. М. Слово и Дело Ивана Грозного, 1008 с.
Душенов К. Ю. Православие или смерть, 960 с.
Крушеван П. А. Знамя России, 720 с.

Ивашов Л. Г. Геополитика Русской цивилизации, 800 с.
Аверьянов В. В. Наш дух не сломен, 688 с.
Бегунов Ю. К. Тайные силы в истории России, 944 с.

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

Максимов С. В. По Русской земле, 960 с.
Зеленин Д. К. Русская этнография, 672 с.
Коринфский А. А. Народная Русь, 944 с.
Сахаров И. П. Сказания русского народа в 2-х томах, т. 1 – 800 с.; т. 2 – 928 с.
Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах, 880 с.
Калинский И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси, 384 с.
Риттих А. Ф. Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование, 576 с.
Пассек В. В. Очерки России, 448 с.
Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, 1056 с.
Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях, 704 с.
Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия, 688 с.
Фаминцын А. С. Божества древних славян, 736 с.
Терещенко А. В. Быт русского народа в 2-х томах, т. 1 – 944 с.; т. 2 – 864 с.
Азадовский М. К. История русской фольклористики, 1056 с.
Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи, 528 с.
Шергин Б. В. Отцово знание. Поморские были и сказания, 704 с.
Сумцов Н. Ф. Народный быт и обряды, 688 с.
Буслаев Ф. И. Русский быт и духовная культура, 1008 с.
Русские люди XVIII века, 784 с.
Токарев С. А. История русской этнографии, 656 с.
Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности, 672 с.
Орлов А. С., Пропп В. Я. Героическая тема в русском фольклоре, 864 с.
Бурцев А. Е. Народный быт великого севера, 624 с.
Богданович А. Е. Пережитки древнего миросозерцания у белорусов, 160 с.
Нидерле Л. Славянские древности, 784 с.
Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке, 752 с.

РУССКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. В 3-х томах,
т. 1. – 1120 с.; т. 2. – 1120 с.; т. 3. – 1280 с.
Воспоминания о Михаиле Каткове, 624 с.
Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском, 464 с.
Иван Аксаков в воспоминаниях современников, 544 с.
Ягодинский В. Н. Александр Чижевский, 496 с.
Алексей Хомяков в воспоминаниях, дневниках, переписке современников, 608 с.
Николай Краинский. Психофильм русской революции, 624 с.
Михаил Чижов. Константин Леонтьев, 640 с.
Личутин В. В. По морю жизни – на русском челне, 976 с.
Краинский Д. В. Записки тюремного инспектора, 896 с.
Константин Петрович Победоносцев в воспоминаниях современников, речах и письмах, 624 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

- Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
- Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
- Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
- Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
- Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
- Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
- Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
- Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
- Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
- Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
- Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
- Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
- Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
- Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
- Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
- Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
- Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
- Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
- Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
- Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
- Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
- Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
- Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
- Очерки истории русской иконы, 592 с.
- Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.
- Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
- Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
- Синодикъ, или Куликовская битва в лицах, 736 с.
- Русский государственный календарь, 728 с.
- Пецко А. А. Великие русские достижения. Мировые приоритеты русского народа, 560 с.
- Русская артель, 672 с.
- Русская община, 1376 с.
- Платонов О. А. Русский народ. История. Душа. Победы, 816 с.
- Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации», 1072 с.
- Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века, 528 с.
- Кикешев Н. И. Славянская идеология, 704 с.
- Катасонов В. Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия, 656 с.
- Прохоров Г. М. Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое, 416 с.
- Катасонов В. Ю. Экономика Сталина, 416 с.
- Аверьянов В. В., Венедиктов В. Ю., Козлов А. В. Артель и артельный человек, 688 с.
- В. Ю. Катасонов, В. Н. Тростников, Г. М. Шиманов. История как Промысл Божий, 640 с.
- Колесов В. В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове, 1120 с.
- Катасонов В. Ю. Православное понимание общества, 432 с.

Катасонов В. Ю. Россия и Запад в XX веке: История экономического противостояния и сосуществования, 736 с.

Куняев С. Ю. Русское слово и мировое зло, 880 с.

Кикешев Н. И. Истоки славянской цивилизации: Мифы. Гипотезы. Открытия, 912 с.

В. Аладьин, В. Ковалев, С. Малков, Г. Малинецкий. Помни войну. Аналитический доклад российскому интеллектуальному клубу, 480 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.

Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.

Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.

Платонов О. Пролог царевубийства, 496 с.

Платонов О. История царевубийства, 768 с.

Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.

Башилов Б. История русского масонства, 640 с.

Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.

Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.

Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.

Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.

Платонов О. Заговор царевубийц, 528 с.

Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.

Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.

Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.

Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.

Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в издательстве МОФ «Родная страна» (тел. 8(495)-788-55-74, mofrs@yandex.ru, www.mofrs.ru), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)